

Александр Амплонг

РАЗОРИТЕЛЬ ПЛАНЕТ

Человеческая Федерация, планета Итарис — одна из планет периферии человеческой расы, расположившаяся между молотом и наковальней Человеческой Федерации и Рогарийской Империи. Будучи лакомым куском для одной из центрических корпораций, Итарис стал зоной боевых действий между местными и пришлыми бизнесменами, которые не гнушались даже самых темных способов ведения своей конкуренции...

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район № 2, Дом 103, этаж 9, квартира 135,
22.12.2579, 18:32

Человек возвращался домой. Взгляд его был мрачен, под ногами то и дело хрустел сероватый снег.

«Разорился. Завод банкрот. Банк раздавлен... Все раздавлено. Еще какая-то корпорация теперь здесь. Отвратительно. Все пути ведут в Ад! Хах... Не думал, что что-то из старых мракобесий дойдет и до меня... Что же делать? Накоплений немного. Так еще жена, дочка... А папка разорился. Муженек блин... Сука. Кризис, в рот его дери». Такие мысли посещали человека. Пеплом старого мира порошил серый снег. Все пальто бизнесмена покрывалось остатками бывшего мира, памятью о былых промышленных мощностях и отражалось болью на сердце одного из бывших владельцев мира.

Он подошел к прозрачной двери огромного человеиника, далее прижал руку к соответствующей сенсорной панели. Дверь дружелюбно пиликнула и открылась, после чего мужчина вошел в подъезд, далее по небольшому когда-то ухоженному, а теперь грязному, полному следов, коридорчику он прошел к лифту. Снова прикосновение руки к сенсорной панели, снова добродушное пиликанье и лифт поехал вниз. Глаза тупо смотрели в двери лифта. Вокруг были белые стены, а под ногами грязный пол. Пара секунд и лифт открывается. Мрачную тучей человек всплывает внутрь, а на его душе кошки скребут. Сейчас придет и снова... «Да ты все просрал!», «Да зачем я за тебя замуж пошла?!», и прочее, прочее, прочее подобное. Это длится уже месяц и, кажется, закончится лишь петлей на шее.

Двери лифта открываются. Он идет. Вперед, затем направо. Рука снова прикладывается к сенсору, который расположился справа от металлической двери. Пиликанья не происходит, человек пожал плечами, положил руку на дверную ручку, открыл и пошел внутрь. Он не осматривал ничего, но также закрыл дверь за собой, после чего нажал на кнопку включения магнитного замка. Тяжелый вздох. Тишина. Наверное, уехали. Дверь шкафа, снятие с себя пальто, вдевание в рукава, затем вешалка возвращается назад, а человек поворачивается в сторону комнаты, когда шкаф вдруг открывается и далее в затылок упирается что-то холодное. «Вперед, мсье». Голос с какой-то хрипотцой. Только в этот момент он начал слышать какое-то тихое хныканье. Сердце начало биться в висках...

— Кто Вы?

— Ваши новые кредиторы, мсье. Пройдите, пожалуйста, в комнату. Я не хочу размазывать ваши мозги по всей квартире.

Ватные ноги делают два шага и останавливаются. Все тело будто бы пробирает дрожь. Капли пота стекают по вискам и лбу, а холодное дуло пистолета продолжает находиться на затылке. «Ну же, мсье», — слышится все тот же голос, а ствол надавливает на затылок. Еще шаг. Затем еще. И еще. Страшно. Вдруг... Вдруг они уже... Нет-нет-нет... Не нагнетать. Шаг. Еще один. Губы сохнут в один момент. Глотать становится сложно, но нужно сделать еще шаг. Голова не хочет поворачиваться направо.

— На колени его, — слышится очередной хриловатый голос, а некто сзади одним ударом по обратной стороне колен садит на пол мужчину.

Тело прямо-таки валится на колени и чуть ли не падает, но крепкая рука не очень высокого человека удерживает его от падения. Голова поворачивается в направлении комнаты. Первое, что бросается в глаза, — два высоких человека. У одного в руках какое-то ПП, другой держит на плече что-то похожее на плазмомет. И третий... Он сидит на диване посередине. Между молодой светловолосой девушкой — дочерью и другой покрашенной в темный цвет женщиной. В глазах все расплывается... Кажется, что их больше. Кто-то шелестит на кухне. Да. Вот еще один урод. Пониже тех двоих, что стоят перед диваном. Черный... Да. Негр. Белые зубы и черная кожа. Отвратительно... Жрал что-то. Нет. Это что то нехорошее.

— Здравствуйте! Господин Генрих Шпак, кажется? — заговорил тот, что посередине. Он был одет в серое пальто, на голове была старенькая, знакомая по фильмам про мафию шляпа из такой же серой материи. — Что же Вы не здороваетесь? Мы мило зашли к Вам в гости. Относимся к Вам, как к достойному хозяину, а Вы даже... Поприветствовать не можете?

— Здравствуйте... Я Вас приветствую, — говорит голос довольно тихий, а серые глаза его бегают по полу. Рядом начищенные туфли, вдруг один из них резко ударяет в бок. Шипение... Боль.

— Что же Вы так тихо, господин Шпак? Скажите громче: «Здрав-ствуй-те, гос-по-да хоро-шие». Это скажите. А то, как-то неправильно Вы к гостям относитесь.

— Здравствуйте, господа хорошие, — говорит уже более громко человек.

— Отлично. Прошу любить и жаловать, — человек указывает на того, кто стоит рядом. — Этого прекрасного молодого человека зовут Чаки. Он у нас новенький, так что Вы его простите за этот жест недоброй воли в виде туфли в бок, но все же гостеприимству, порой, требуется учить. Примерно, как Вашу жену, — человек улыбнулся и положил руку на плечо женщины, а затем на плечо дочери. — А вот дочка у Вас прекрасная. Редко вижу таких хорошо воспитанных юных дев. Признаться... Я даже удивлен, что у такого отца, как Вы, и у такой матери, как Ваша жена, мог родиться такой бриллиант доброжелательности. В целом, странно это... Мелкий хозяйчик порождает столь прекрасное дитя, но... Я полагаю, что это всего лишь статистическая погрешность. Обычно дети таких, как Вы, являются ублюдками. Но ладно. Вернемся к делу.

Человек в этот момент поднялся с дивана и подошел к Шпаку. Сейчас был виден его нос с горбинкой, смугловатая кожа, какие-то чисто итальянские черты, серые глаза и над правым, подобно моноклю, расположился визор, который позволил бы этому человеку сканировать почти любого.

— Кто Вы? — спросил человек, подняв голову. — Коллектор?

— Нет. Что Вы? Я так плохо выгляжу? — улыбнулся человек в шляпе. — Нет. Я взимаю с Вас долги в пользу ЗАО «КаренияИндастриз».

— Чего? Какое еще ЗАО? Я должен был Итарис-Банку.

— Данный банк куплен нашей компанией, и теперь Вы находитесь... Под нашим крылом. Я знаю о том, как туго Вам пришлось. Ваш маленький заводик по производству планшетов накрылся галактическим женским половым органом в матерной форме, и теперь Вы — наш должник. Своему банку Вы не платили в течение... Трех месяцев полностью, а также полгода платили не полную сумму. Так вот... Из-за Вас и таких, как Вы, банк обанкротился и начал распродавать долги своих клиентов. Мы не могли не воспользоваться таким удобным случаем и не купить чужие задолженности. Теперь... Вы в моем

подчинении. Для того чтобы выйти из положения раба, — Вам нужно выплатить нам что-то около миллиона кредитов.

— Но... Я банкрот.

— Верно. Поэтому мы дадим Вам возможность заработать эти деньги работой на меня. Кроме этого, чтобы Вы не попытались свинтить, — я заберу в бордель одну из Ваших девочек, — человек улыбнулся, а Шпак перевел практически безумные глаза на своих родных.

Он сидел так несколько минут, а человек в шляпе все улыбался, но, видимо, ему наскучило, и он решил продолжить разговор.

— Знаете... В древние времена у дворян был такой обычай... Первая ночь и девственность чьей-либо дочери принадлежала хозяину ее отца. Так как я теперь Ваш хозяин, думается, я могу воспользоваться таким правом. Если Вы будете так долго думать, естественно.

Вдруг у Генриха задергался глаз, он хотел встать, но снова получил пинок. На этот раз уже более сильный. Настолько сильный, что мужчина прямо-таки повалился на бок и взвыл.

— О-о-о-о-о... Похоже, Вы хотели на меня напасть, — человек обернулся спиной и направился в направлении дивана. — В таком случае... Думаю, я воспользуюсь своим правом в любом случае вашего выбора.

Девушка смотрела на человека глазами, полными слез. Рот ее был заклеен, а руки связаны за спиной. Человек с улыбкой сел рядом, положил руку на плечи, после чего немного прижал ее к себе. Она попыталась вырваться, но рука только сильнее сжала узкие плечи. Человек поцеловал ее в щеку. «Грязная тварь... Сволочь!», а сволочь тем временем положила руку на одну из тонких ножек девочки.

— Я! Я выберу! Не трогай ее! — раздался громкий голос человека, а на глазах его выступили слезы.

Человек в шляпе повернул голову в направлении своего «раба», а сам аккуратно спустил руку с плеч на талию девочки. Ее прямо-таки трясло от одного прикосновения этой твари, что сидела рядом. Нет. Он не был человеком. Это было нечто, с чем даже какой-нибудь рогариец никогда бы не сравнился. Он был человеком, который нес зло другим людям и, будто бы, имел удовольствие от этого. Маньяк.

— Делайте Ваш выбор. Кстати... При борделе есть еще и стриптиз-клуб. А Ваша дочка... Мне кажется, довольно гибка. А ножки... Какие ножки. Так и представляю, как ими она обхватывает шест. М-м-м-м-м... Прекрасная для тебя работка будет, девчоночка, — человек отпустил девушку, а после поднялся. — Делайте ваш выбор.

— Жена. Дочь оставьте. Она — невинный ребенок. Она ничего плохого людям еще не сделала... Не смей трогать её, — проговорил человек, после чего получил очередной удар с ноги по почкам.

— Ссать будешь кровью за «ты», — послышался голос сверху.

— Хорошо-хорошо. Успокойся, Чаки. Пускай тыкает. В его случае только так и остается выплескивать ненависть. Знаешь, мил человек... Иногда стоит запугать того, с кем работаешь. Привести в пример варварство древности и вдруг на пару мгновений стать этим самым варваром. Актерское мастерство, так сказать. А теперь... Прошу простить. Мы уходим, а Вы оставайтесь, юная леди. Надеюсь, что мы несильно натоптали, — человек с улыбкой пошел в направлении выхода, а один из бугаев взял под руки женщину, что сидела на диване, и быстро поднял ее.

Она пыталась что-то кричать, но кляп во рту не давал. Пыталась вырваться, но тут подошел и второй бугай. После этого Чаки еще раз ударил Шпака, но на этот раз в живот. Сверху смотрели молодые, но холодные голубые глаза. В них не было никакой детскости, хоть на лице и едва пробивался пушок, но был какой-то страшный цинизм, который так и исходил из этого молодого человека, что проследовал за своим начальником.

— Я свяжусь с Вами завтра. Нам нужно будет провести собеседование. Сами понимаете... Все же Вы теперь мой сотрудник. Добро пожаловать в корпорацию, так сказать, — послышался голос выходящего ублюдка.

Они ушли... Ламинат дубового цвета был изрядно запачкан грязными сапогами. Мужчина сел на пол, потом поднялся на четвереньки. Живот болел, болела и спина, по которой пришлось несколько ударов Чаки. В глазах все расплывалось из-за обилия влаги, но соленая вода постепенно стекала вниз, освобождая зрение от дымовой завесы. Напротив сидела девочка, она пыталась подняться с дивана, сначала немного пододвинулась к краю. Было слышно хлюпание носом и какое-то подвывание. Человек тем временем медленно поднялся на ноги с болезненной улыбкой, после чего пошел навстречу дочери. Он прижал ее к себе... В этот момент было не до того, чтобы освобождать руки или отрывать клейкую ленту с губ. В голове летали обрывки мыслей и полное непонимание того, что произошло. Как он — человек, что учился и стрельбе, и самообороне, — не смог дать отпора шайке бандитов? Хотя? Какие это бандиты? Нет... Это что-то страшнее. Почти бандиты, но их, вероятно, не будет преследовать закон. Хотя... Надо было бы связаться со знакомыми в полиции... Да. Только позже.

Человек поднял голову дочери немного выше. В глазах ее кипела слеза, а губы будто бы дрожали. Аккуратный носик, серо-голубые глаза, лицо, постепенно сужающееся к подбородку, девочка смотрела на отца с непониманием того, за что сегодня с ними случилось это. Человек аккуратно начал отклеивать скотч. Было видно, что ей больно, она сморщилась, но стояла ровно. Красные губы медленно освобождались от прозрачной завесы, а хныканье слышалось все отчетливее. Еще один миг, и рот был освобожден.

— Они ничего не сделали с тобой, Кира? — спросил Генрих, а девочка лишь помотала головой, а после прижалась к телу отца, а он снова обнял дочь. — Я... Я обещаю. Я отомщу, дочка. Завтра свяжусь с дядей Колей... Может, он сможет помочь. А пока... Надо твои руки освободить.

Мужчина положил руку на плечи Киры, а после повел дочь к одному из шкафчиков. Пара минут и в руках мужчины уже оказываются старые добрые ножницы, которыми он и освобождает руки девушки. Сама она была где-то метр семьдесят, а отец был выше, что-то около метра восьмидесяти. Он был крепким мужчиной, но все же оказался довольно слабым для того, чтобы противостоять злу, которое навалилось на них со всех сторон.

Они в молчании вместе проходят в кухню... На полу виднеется пара кусочков мяса, которые, видимо, случайно уронил чернокожий, когда ел прямо из сковороды. Слева от плиты была опущена компактная столовая панель, которая была сделана в том же дубовом цвете, что и пол квартиры. Стены же в большей части были белыми, кроме места для готовки — здесь, над плитой и раковиной, расположилась голубая плитка. Генрих взял две тарелки, после этого начал накладывать макароны из кастрюли... Несколько макаронин лежало на поверхности плиты. Негр, судя по всему, сунул свои грязные руки и сюда. Хотя... Почему руки? Также на столе валялась и грязная ложка, которая пусть и была довольно эффективно вылизана, но все же не освободилась от части подливки. Человек с омерзением

посмотрел на остатки деятельности одного из своих порабощителей. В этот момент в голове возникала картинка того, как он бы засунул эту ложку в пасть этого ублюдка. Да. Крик... Попытки вырваться. И медленно проникающий в глотку металлический предмет. Разрезанные миндалины и кровь из глотки. Но... Генрих вряд ли бы смог это сделать. Он не был тем, кто способен на убийство. Кажется, что не был. По крайней мере, на этой мысли он себя и поймал, когда представил этот образ. Мяса в сковородке оставалось не так много, поэтому человек положил побольше в тарелку дочери, себе же бросил три или четыре кусочка.

Он поставил тарелку с большим количеством мяса перед дочерью, но... Услышал в ответ:

— Отец, тебе нужно больше мяса... — сказала она, достаточно громко шмыгнув.

— Нет, Кира. Ты растешь еще. Тебе оно нужно больше.

— Но ты завтра пойдешь на встречу с этими... — в момент этих слов девочку буквально передернуло.

— Да. Пойду, но я выдержу и без этого. Вот скажи мне... Со сколько они здесь?

— Я... Не помню. Ну... Где-то в двенадцать уже тут были.

Человек обернулся на голочасы, на которых светились цифры «19:34».

— То есть... Семь часов.

— Да.

— Угу... Они вас не трогали?

— Ну... Один из этих... Ну... Здоровых ударил ей в челюсть, когда она начала кричать.

Потом связали.

— А этот... в шляпе. Он назывался?

— Я не помню...

— Он тебя не лапал?

— Нет. Мне кажется, что он не совсем тот, кем кажется. Он был... Ну... Очень учтив

На бугая наорал за этот удар...

— Но... Он все же приказал вас связать. Нет. Тебе кажется, Кира. Этот корпорат — само зло.

— Может быть... Но... Мне кажется, что если бы он был уж совсем тварью... Он бы воспользовался этим правом... — в этот момент на лице девушки снова возникли слезы, но она стихла, после чего медленно начала жевать мясо.

...

Где-то через час девушка уже лежала на диване. Миниатюрная фигурка в розовых шортах и желтой майке практически растворялась в бежевом цвете дивана, а отец сидел рядом. На коленях его лежали ее ноги, а он, как-то тупо смотря в одну точку, массировал их. В голове крутились картинки. Одна за другой. То, как он расправился бы с этим ублюдочным пареньком, как бы выбивал дух из самодовольного «мафиози», снова всплыла картинка с негром, в глотке которого оказалась ложка, и от этого мужчина поморщился.

— Пап... — тонкий голосок вывел отца из мыслей, и он повернул свой болезненный взгляд на такое же бледное и болезненное лицо девочки. — Я хочу кое-что сказать...

— Что же?

— Пожалуйста... Пап, не рискуй. Не нужно пытаться мстить. Просто делай то, что говорят. Ты... Ты геройством ничего не сделаешь, — в этот момент на глазах девушки снова появились слезы, а человек отвел взгляд, она же практически прошептала. — Но сделаешь

меня сиротой.

— Хорошо... Я постараюсь держать себя в руках.

— Не старайся, а держи... — она довольно громко шмыгнула. — Ты мне нужен. Маме нужен. Без тебя... Я умру. Ты знаешь, что детский дом уже лет десять исчез как институт, а значит, я должна буду уйти на улицу и... Всякое может быть.

— Я не постараюсь, а буду держать себя в руках. Я не позволю тебе умереть, Кира. Если мы и умрем, то вместе.

— Спасибо, пап...

Снова воцарилась тишина.

Время тянулось медленно, но постепенно свет за окнами сменялся с солнечного на фонарный и витринный. Люди на улице до сих пор ходили, но теперь они изменились. Можно было видеть, как кто-то прямо на улице вгонял себе иглу в вену, а кто-то пил алкоголь прямо из горла, несмотря на холод. Прелести кризиса. Люди постепенно превращались в животных. Где-то там далеко уже слышались первые перестрелки бандитов с полицией или между собой. На улицах медленно, но верно начинали возникать отряды шок-пехоты, которые служили верным знаком того, как накалялась атмосфера в городе. Эти крепкие парни в броне, поглощающей разряды тока, носили при себе пока что лишь щиты и дубинки, но они никогда не были друзьями для народа, ибо они становились вестниками будущих разгонов демонстраций и всех прелестей демократизма Человеческой Федерации. Время тянулось долго... А человек стоял у окна, наблюдая за тем, как меняется город. Он осознавал то, что из-за его разорения — его рабочие могли начать становиться наркоманами, алкоголиками или преступниками. Впрочем... Алкоголиками многие стали еще при функционировании завода. А вот шок-пехота следовала всем своим заповедям...

Двое этих мужчин в черной броне подошли к какому-то пареньку, который, кажется, что-то до этого выкрикивал. Они о чем-то говорили с ним, но... Разговор кончился типично. Паренек слег на землю, получил пару пинков, а затем залом рук за спину и наручники. Люди не помогали, так как знали, какие санкции могут последовать, если попытаться сопротивляться этим крупным мужчинам. Паренька подняли, повели по улице, а один из шок-пехов нажал на специальную кнопку на голографической панели его наручного персонального компьютера. НПК — это полезная штука, он встроен в любой костюм шок-пехоты. НПК — это универсальная вещь для связи, как с другими подразделениями, так и с администрацией города или, к примеру, с полицией, чей автомобиль на воздушной подушке вскоре был уже здесь. Граждане полицейские взяли парня под руки и посадили в машину, не забыв сменить одни наручники на другие, а наручники шок-пехоты вернули «гвардейцам».

— Гвардия блин... Они ведь гвардейское подразделение, а не лучше любого из копов или ментов, смотря на чей манер говорить... Боже мой, боже мой... Что ж ты с нами делаешь? С детьми твоими, коли ты есть? Старая школа мракобесия, а обратиться к ней порой хочется... За что ж нам такая жизнь? Для чего она? Реальна ли она? Не может же такого быть, чтобы защитники народа просто так паковали какого-то паренька. Хотя... Помню, как они участвовали в разгоне какой-то стачки. Как это вообще? Люди же свои права, выходит, отстаивали, а эти в черной броне просто брали и разбивали их. С убитыми даже. Боже мой... Что-то у нас правда не так.

— Пап?

— Да, милая? — спросил человек, не отходя от окна.

— Можно я останусь в твоей комнате на ночь?

— Оставайся. Мне все равно не до сна будет. Я посижу с тобой.

— Спасибо.

— Ты спишь уже?

— Вроде бы.

— Спокойной ночи, Кира.

— Спасибо, — снова тихо шмыгнув, проговорила девушка. — И... Можно я завтра в колледж не пойду?

— Да. Оставайся дома. Сейчас не стоит особо светиться, наверное. Не стоит наверное... — прошептал последние слова человек, опершись на стекло окна.

Люди в черной броне куда-то пропали, да и прохожие постепенно начинали исчезать. Все будто исчезало в небытие. Вся жизнь растворялась в свете неоновых вывесок и в звуке редкого транспорта на воздушных подушках, а страх комком подкатывал к горлу мужчины. В голове метались уже иные образы... То, как его родная и, как минимум, когда-то любимая женщина оказывалась в руках самых разных извращенцев в борделе. В голове также возникали и страшные образы будущей работы. Вероятно, его превратят в киллера, а потом шлепнут в ближайшей подворотне, не заплатив ни копейки. Нет... Все это ему не нравилось, а ночь тем временем шла. Слышалось тихое посапывание дочери и, пожалуй, только это тихое посапывание позволяло ему найти покой в этой страшной одинокой ночи.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район № 2, Дом 103, этаж 9, квартира 135,
23.12.2579, 07:00

Человек, кажется, не спал всю ночь. Он пересматривал старые цифровые фотографии, надев беспроводные наушники, смотрел небольшие «кинофильмы» его собственной семьи. Он вспоминал и первые шаги своего ребенка, и свадьбу, и много чего еще, а теперь на планшетник пришло сообщение:

«Приветствуем Вас, господин Шпак. Вам назначена встреча с гендиректором Романо в 9:00 в кабинете 1003 по адресу Район-Центр-1, строение 22.

С уважением, администратор».

Мужчина в этот момент сморщился, а после дотронулся до мест вчерашних ударов.

— Романо, значит... Знать бы еще, откуда эта фамилия. Романо... Рим, наверное. Италия, значит. Как же давно мы не видели дома... И никогда не увидим, похоже. Земля осталась за воротами дальних перелетов, а значит недосягаема. Хех... Печально.

— Папа?

Человек не сразу смог понять, откуда доносится тоненький голосок, а после, немного покачав головой, повернулся назад. Видимо, недосып и вчерашняя ситуация довольно сильно повлияли даже на то, насколько человек мог ориентироваться в пространстве.

— Обещай мне, что не станешь с ними спорить. Я уже говорила, что меня ждет, если ты умрешь. И это совсем не то, чего бы я хотела, — девочка оставалась все такой же бледной, как и вчера, глаза поблескивали, но не от радости, а от слез, которые скапливались близ век.

Человек в ответ лишь покачал головой, а после поднялся и подошел к шкафчику, затем открыл его. Внутри стоял сейф старенькой, но надежной системы, ибо шифр порой было сложнее вскрыть, чем обмануть тот же сенсор, считывающий отпечатки рук. Старый добрый код и механический замок до сих пор оставались чем-то, что спасало и от подделки скана руки, и от перегрузки электромагнитного замка. Код был Днем Рождения дочери: 13.11.2563. Мгновение и замок щелкает. Сейф открывается и человек достает оттуда пистолет. Довольно старый SK-2503, крупнокалиберный пистолет, который по слухам был способен убить даже марлеонского металика одним или двумя выстрелами.

— Зачем ты взял пистолет? — у девочки в этот момент расширились глаза, она встала с дивана, а после взялась за ствол оружия. — Нет, папа. Оставь его.

— Он для самообороны, Кира! — довольно громко сказал человек, вырвав ствол оружия из рук дочери, в глазах его в этот момент виднелась какая-то злоба. Девушка громко сглотнула, снова на ее глазах стали появляться слезы, а отец мрачно проговорил: — Можешь сколько угодно лить слезы, но я не уйду из дома невооруженным. Мне хватило вчерашнего унижения, и если они попытаются снова поставить меня на колени — их ждет это оружие. И ты у меня его не заберешь. Ложись и спи.

Голос человека был холоден и пробирал почти до дрожи, девушка довольно жалостно шмыгнула, а после вернулась в постель. Отец же взял из ящика магазин, после чего вставил его в патронник. Патроны магнум оставались одними из самых эффективных, считая, что им добавили убойности. Пистолет лег в кобуру, кобура была надета через плечо, а затем другой ремешок застегнулся, пройдя через грудь и спину под левой подмышкой. Сверху был надет

пиджак, из-под которого все-таки был виден этот здоровый ствол, но человека это не смутило. Он, признаться, не мог особо думать. На него до сих пор действовал аффект от вчерашнего действия, и он не мог успокоить свое уязвленное самолюбие, которое подпиливали и разорение завода, и истеричная жена, и много чего другого, но финалом уязвления стала эта позиция на коленях, это избиение чести и достоинства параллельно с избиением физическим. Нет. Он, наверное, не вернется домой. Он останется лежать там, в луже крови и никакие обещания его не сдержат. Да! Не сдержат. Или... Или сдержат? Человек угрюмо посмотрел на себя в зеркале и увидел, как ствол вздул пиджак в месте своего нахождения. Послышалось рычание, а после он снял пиджак, снял кобуру и положил оружие назад в сейф, после чего закрыл его.

— Ладно. Я обещаю, что ничего не сделаю против Романо и его банды.

На этот раз молчала уже девочка. Она не хотела разговаривать с отцом, ибо тот, кажется, ставил свою обиду превыше ее выживания, превыше ее достойной жизни.

— Прости, — глухо проговорил человек как-то виновато, глядя на девушку, которая отвернулась к стене. — Я ушел. Пока.

Человек снова надел пиджак, направился в гостиную и затем в прихожую. Из шкафчика достал пальто... Признаться, сейчас он выглядел побитым. Его джинсы были частично замараны, но, не заметив этого, он вышел из квартиры, не забыв обувь и непросушенные берцы. Ногам было неприятно, но что поделать. Сил поставить сапоги на сушку — не было, да и желания проходить еще раз тот путь, по которому тебя вели со стволом, приставленным к затылку, не очень хотелось.

Еще мгновение, и относительно свежий воздух бьет по лицу. Человек не носил шапки, на висках его за прошлый день и эту ночь выпали снежные осадки. Действительно темные волосы теперь стали слегка седыми на висках. Такого страха, как вчера, он не испытывал давно, если вообще испытывал. Так близко к грани фола он не был никогда, а его личная ходьба по острию ножа еще ни разу не была так близка к тому, чтобы ноги банально оказались по разные стороны от лезвия. Это вызывало даже какую-то радость, ибо он бы мог быть разрезанным на две части, по крайней мере, в контексте самой метафоры. Естественно, его бы никто не резал с помощью циркулярной пилы на две части. Хотя... Кто знает? Может быть, у корпоратов закончились деньги на содержание крематория, и они пришли к более дешевым способам? Разрезать циркулярной пилой или лазером, а лучше отдать на мясокомбинат, где тебя превратят в часть какой-нибудь колбасы. Впрочем... «Фу! Надо же такому влезть в голову? Нет... С нервами шутить нельзя, а то и уехать в психушку недолго».

Медленно, но верно человек оказался у остановки монорельса, который из-за относительно слабого экономического развития периферийной планеты все еще являлся одним из основных видов общественного транспорта. Почему человек не сел в свой автомобиль на воздушной подушке? Потому что он его продал для содержания своей семьи. Теперь пришлось войти в толпу людей самого разного уровня напитости, избитости, накуренности, наколотости, вонючести, заспанности и так далее, что для нашего героя постепенно становилось привычным. Сам он постепенно становился частью толпы, как минимум по потухшему взгляду и начинающему становиться замызганным виду, а теперь еще и по побитости. Кажется, Чаки все-таки когда-то успел ударить человеку по лицу, ибо сейчас под правым глазом начал образовываться какой-то отек. Вот приехал монорельс, который направлялся в центр, и толпа начала идти внутрь. Люди, словно зомби из застарелых фильмов, шли внутрь. Да... Эта толпа скорее напоминала орду сказочной

нечисти, которая в фильмах охотилась на людей. Они тоже в каком-то плане охотятся на людей, ибо теперь в состоянии кризиса нет иного выхода, кроме как идти по головам, чтобы устроиться на еще функционирующие фабрики, в магазины, в парикмахерские и прочие места. Кто-то начинал заниматься полузаконной деятельностью от самогоноварения до наркобизнеса, от закладок до изготовления веществ.

Глаза в большинстве были потухшими. Также потухши смотрелся и небольшой металлик, который проезжал мимо людей и требовал платы. Большая часть, без каких-либо попыток обмануть машинку, переводили ей по два кредита за проезд. Таким был и наш герой.

...

Во время езды через город можно было сильно утомиться. Почти полтора часа человек ехал в душном вагоне, чтобы теперь вдохнуть свежий холодный воздух среди высоток, что, словно колья, пробивали небо.

Строение «22» представляло собой такой же высокий «кол», который стремился ввысь, но теперь на этом здании появилось нечто новое, а если точнее, вывеска с золотистыми буквами «KareniaIndustries».

— Корпорация таки здесь... Настоящая и страшная, — прошептал человек, глядя на здание.

Здесь было видно значительно большее число шок-пехотинцев, которые стояли постами на площади между высотками, дабы охранять их как можно лучше. «Анархисты и бандиты не остановят шок-пехоту, победоносной поступью, идущую по гражданам всей планеты». Примерно так должен был бы звучать девиз шок-пехоты, некоторые уличные художники захудалых районов даже вырисовывали это на зданиях.

Человек прошел к небоскребу, а далее вошел в открывшиеся стеклянные двери. Он двигался по коридору. Здесь виднелись разные люди в деловых костюмах, некоторое число было вооружено, а рядом с администратором стояли два амбала, один из которых был рогарийцем... Это создание, чье тело было огромно, а вид устрашающ, смотрело на человека, подходящего к администратору. Эти глаза. Они впивались в человека пустым холодным взглядом вертикальных зрачков, обрамленных оранжевой радужкой. Около кубическая вытянутая морда со страшными челюстями, которые, кажется, могли откусить человеку кисть или с легкостью сломать локтевой сустав одним сжатием этих страшных камнеподобных жвал. Высокий и крепкий, на две головы выше Шпака, он походил на какой-то кошмар из детства, доспехи с золотистыми узорами покрывали его тело. Во всем своем снаряжении он выбивался из картины офиса.

— Здравствуйте, Генрих Шпак. Пришел на собеседование с господином Романо.

— Здравствуйте, — ответил парень с короткой темной стрижкой на манер Юлия Цезаря, сидящий за компьютером. — Да. Точно. Генрих Шпак. Вам нужно подняться на десятый этаж и далее прямо по коридору.

— А давно у Вас инорасцы работают?

— Недавно, но он не наемник, а нечто странное. Вроде как, у его хозяина какое-то дело с корпорацией и вот на время его поставили сюда. В общем-то, ничего необычного.

— А это не корпоративная тайна?

— Нет, конечно. Тайной является договор, а не то, что тут такой «красавец» стоит. Проходите, Генрих, не задерживайтесь. Господин Романо довольно придиричив к тем, кто опаздывает.

— Хорошо. Удачного дня Вам, молодой человек.

— И Вам того же.

Генрих прошел к лифту. Нажал на кнопку. Двери открылись, и человек вошел внутрь, после чего нажал на кнопку десятого этажа. Лифт двинулся вверх под какую-то успокаивающую музыку. Вероятно, это было единственное, что успокаивало человека перед тяжелым разговором с тем, кто чуть его не убил.

Продолжалось спокойствие недолго. Вскоре двери лифта открылись, а человек вышел в коридор, снова погружаясь в пучину вязкого беспокойства. Он шел недолго, вскоре он встретил знакомого негра, который намусорил на кухне, и тут же снова воспаленное воображение Шпака вернуло в мозг картинку того, как глотка чернокожего проглотила бы ложку. Он стоял возле входа в 1003 кабинет.

— Здравствуйте, господин Шпак. Господин Романо уже Вас ждет, — проговорил низкий голос, затем негр нажал на панель, которая открывала дверь, а Шпак прошел, молча, из-за чего чернокожий с коротким черным волосатым газоном на голове лишь пожал плечами.

Человек сидел за большим столом, перед ним красовался голоэкранный телевизор, на котором, кажется, шло какое-то видео. Он кивнул вошедшему и указал рукой на стул перед своим столом. Здесь же сидел и Чаки, который подошел к Генриху со словами: «Я Вас досмотрю», на что Шпак ответил: «Да, пожалуйста». Он похлопал по всему телу человека, а затем кивнул и вышел из кабинета, после чего Генрих все-таки сел на пластиковый стул.

— Итак, Генрих, мне бы хотелось услышать определенное досье на тему того кем и чем Вы были, что умеете, и так далее, и тому подобное. Только давайте побыстрее. У нас забот полон рот. Сами, наверное, рогарийца видели на входе.

— Хорошо. Мое имя Генрих Шпак, учился в местном лицее, затем колледже и после поступил на высшее образование «менеджмент и предпринимательство». Далее на определенные деньги перекупил старенькое заводское помещение, в котором организовал сборку планшетов.

— Угу. А детали, откуда брали? — спросил человек, оторвав взгляд от голоэкрана.

— Ввозил из близлежащих производств.

— Близлежащих? Мне вот данные говорят, что процессоры Ваших планшетов производились лишь на Аврелии, то есть одной из центральных систем. Ладно. Неважно. Почему Вы пошли в бизнес?

— Я думал, что способен потянуть полноценный бизнес, — у человека в этот момент немного тряслись руки.

— Нервы? — Романо сначала опустил глаза на руки, а затем резко поднял взгляд на глаза своего собеседника. — Вы тут, периферийцы, все такие нервные?

— Куда Вы отвезли мою жену?

— Вас это волновать не должно. Сейчас у нас с Вами происходит деловая сделка. В будущем мы, быть может, об этом поговорим. А пока... Как Вы относились к своим рабочим?

— Как? Нормально.

— Нет. Вы не поняли. Я спрашиваю: насколько Вы их эксплуатировали?

— В плане?

— Хорошо. Возьмем схему для совсем тупых. Каков общий денежный оборот завода в месяц? Был.

— Ну, допустим два миллиона кредитов.

— Не допустим, а два миллиона двести две тысячи. Какова была зарплата сотрудников?

Общая, — человек в этот момент отключил голомонитор и уставился абсолютно спокойным и холодным взглядом на своего «сотрудника».

— Ну, где-то сто тысяч.

— Работало на Вас сто человек. Делим на каждого и выходит тысяча в месяц. Каковы были доходы?

— Двести тысяч.

— Ну да. Примерно. Таким образом, рабочие работали в условиях двухсот процентной эксплуатации, то есть сто тысяч они выработывали на себя, а двести тысяч выработывали на Вас. Вопрос в таком случае... Чем Вы отличаетесь от нас?

— В плане? — человек нахмурил брови.

— В таком плане. Объясните мне, чем Вы лучше меня.

— Ну... Я не бандит.

— Так и я не бандит.

— Как это? А работоторговля, заложники?

— Так это такой же бизнес.

— Нет. Это не такой же бизнес.

— Хах... Какие же Вы, периферийцы, глупые. Ну, давай смотреть? Бизнес — это всегда дело грязное. Ты с этим согласен?

— Нет. Я никого не убивал.

— Да что ты? А рабочие, которые вкалывали у тебя двенадцать часов в сутки, при этом на себя работали лишь четыре часа? Это эксплуатация, которую не каждая крупная корпорация себе позволит. Грубо говоря, ты просто брал и отжимал две третьих их труда. Это тебе не кажется убийством? Нет? А это убийство. Убийство их, как настоящих трудовых единиц. Рабочих. Так вот. Если я работаю по локоть в крови, то ты работаешь по плечо в чужом поту, — человек поочередно указал рукой сначала на свой локоть, а после — на плечо. — Как думаешь? Им нормально, вообще, жилось?

— Никто не жаловался.

— Ха! Еще бы кто-то начал жаловаться. Но неважно. Сейчас не до этого немного. Говорят, что ты стрельбе научен. Дома в сейфе у тебя лежит старенький пистолет — SK-2503. Стреляешь хорошо? — спросил человек уже с улыбкой, глядя на Генриха.

— Ну, допустим. А что?

— Просто. Присматриваюсь к тебе, как к возможному бойцу. Ладно. Кроме того, есть информация о курсах самообороны. Умение твое я не видел, но окончил ты их с отличием. Дальше... Как, по-твоему, что такое бизнес?

— По-моему бизнес — это возможность создать рабочие места для людей.

— И все?

— И все.

— Ох, как тебя промыли... Ну ладно. Давай рассмотрим то, кто я есть для тебя? Я — грязная тварь, которая угнала твою жену в сексуальное рабство. Так? Так. Я — бизнесмен, вернее засланный казачок в ваш мир, — только сейчас Генрих заметил то, как непринужденно этот итальяшка перешел на «ты» и от этого у него сжались кулаки. — Бизнесмен. Так вот. Чем отличается наш бизнес от вашего бизнеса? Объемами и иными целями. Любой бизнес — это дело грязное, повторюсь. Особенно тогда, когда у тебя под

боком начинают организовываться аналоги стареньких, добреньких профсоюзов. В этот момент возникает потребность в том, чтобы организовать отряды штрейкбрехеров, то есть дешевых рабочих, которым требуются рабочие места, чтобы хоть как-то выжить. Если твоя задача — как можно сильнее ободраить своих рабочих, то моя задача — сменить обдирателя в виде тебя на обдирателя в виде ЗАО. Так вот... Вернемся к тому, насколько бизнес — грязное дело. Это ты у нас белоручка, которая никого никогда не трогала. А я вот по локоть в крови. В крови таких, как ты. Что я делал? Порой мне приходилось выдавливать глазоньки у людей, а после выводить их трясущейся ручкой подпись на том или ином документе. Это не бизнес? Бизнес. Только его особенная форма. Рейдерский захват. Если ты дерешь своих работяг, я деру таких, как ты. Как липку. Но да... У тебя брать уже нечего. Ты сам почти работяга, однако у тебя есть долги. Значит, я могу тебя поэксплуатировать. Ты подчиняешься тем же деньгам, что подчиняюсь и я. Хочешь, чтобы ты и твоя дочка жили? Работай на меня. Жена твоя в хорошем борделе, об этом не беспокойся. Тем более, судя по данным, она та еще шалава, так что не думаю, что ты по ней будешь сильно скучать, зато для нее урок, — в конце своей речи человек улыбнулся. — Да воздастся каждому по грехам его, так сказать. Так-с, так-с, так-с. Вот договор, подписывай, не глядя, как вам привычно, собственно. Теперь ты будешь частью моей личной охраны, которая работает на меня. Твой главный — это я, за мной идет Чаки. Умный парнишка, кстати. Далеко пойдет. А ты теперь можешь идти. Я позвоню, когда ты будешь нужен. Удачного дня, Генри.

На этом разговор закончился. Генрих вышел в смятении. Как этот ублюдок вообще посмел его сравнивать с собой? «Нет-нет-нет... Подчиняться нельзя. Нельзя! Точно. Убить его на одном из заданий, а после сбежать. Да. Только вот... Смогу ли? Я же никогда в человека не стрелял, а этим убить кого-то, как два пальца об асфальт. Сука... Куда я попал?»

В раздумьях он не заметил того, как оказался близ станции монорельса, а затем и дома. Рассеянный, он только в гостинной вспомнил, что не снял верхнюю одежду, вернулся, снял пальто, снова прошел внутрь и вспомнил про берцы, вернулся снова и снял их. В доме пахло чем-то вкусным, но нос будто бы не чуял запахов. Генри сел за компьютер, включил голоэкран и начал читать все, что было доступно об этой корпорации, но ничего особенного не находил. Не была понятна и фигура этого Романо. Кто он? Что он? Откуда он все это знает, вплоть до сметы? Нет... Это какой-то непростой человек. Дочь несколько раз подходила к нему, но человек был настолько занят, что даже не слышал ее голоса. Не слышал он и того, как его самый родной человек начал плакать в соседней комнате. Так и начался конец Генриха... Он начал впадать в воронку собственного личностного кризиса, настолько тяжелого, что, кажется, от вечного незнания бывший бизнесмен был готов вздрнуть.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район № 2, Дом 103, этаж 9, квартира 135,
26.12.2579, 09:03

Снег снова падал за окном. Теперь он был белым, хотя с два десятка лет назад он был серым. Да. Снег был серым, но в те времена город был весел, а не висел в петле на фонарном столбе. Как, например, тело вон того мужичка, который ночью специально залез наверх, привязал свою петлю, надел ее на шею, а потом сиганул вниз. Страшная картина, когда висельники оказываются посреди города под твоим окном.

Человек держал в зубах сигарету. Квартира за эти три дня пропахла табачно-смоляным дымом... Небритое лицо, покрасневшие глазами, за три дня спал от силы часа четыре и вид был подобающим. В доме была тишина, дочь почти не разговаривала с этой пародией на человека, которая теперь то и дело подбегала к двери, когда лифт останавливался на их этаже. Подбегал к лифту он с пистолетом в руках и всегда приводил курок в боевое состояние, после чего приставлял ствол к двери примерно на уровне живота жертвы за дверью. Глаза его в эти моменты становились безумными, в дом он уже никого впускать не планировал, тем более тех, кто ставил его на колени. Волосы были жирными, растрепанными, человек за эти дни будто бы превратился в какого-то жителя трущоб, от тела пахло потом и каким-то дешевым алкоголем.

Когда вдруг зазвонил телефон, Генрих чуть не упал со стула, так резко он среагировал на это «радостное» происшествие. На телефоне вырисовался незнакомый номер, но он все же поднял трубку.

— Да?

— Здравствуй, Генри, — снова послышался голос Романо, не было и нотки какой-либо дружелюбности или агрессивности, скорее... Какой-то холодный прагматизм. — Первое дело тебя ждет в пятом промрайоне, ствол не бери. Не нужно. Строения тридцать два и тридцать четыре — небольшое предприятие в два цеха. Встретимся на станции монорельса. И да. Возьмешь ствол — жить не будешь. Я тебе пока не доверяю, — человек ненадолго замолчал. — Хотя, постой. Мы лучше заедем за тобой. Можешь никуда не торопиться. Я позвоню повторно.

— Хорошо.

Генриха явно бесило, как вел себя этот корпорат. Он обращался к подчиненному на «ты»... Хотя... А как он сам обращался к подчиненным? На «Вы», что ли? Нет. Также тыкал. Видимо, пришло время и самому вжиться в шкуру работяги, ибо такое отношение явно будет длительным.

Он посмотрел на стол. Пепельница была вся забита окурками. Кажется, за эти дни он выкурил больше, чем выкурил за предыдущий месяц, но ничего не мог с собой поделаться. Он встал, взял с собой пепельницу, после чего прошел на кухню. Высыпал все содержимое в мусорку. Дочь в этот момент сидела за кухонным столом и как-то устало смотрела на него. В ее когда-то детских глазах сейчас зияла полная взрослая пустота. Кажется, за эти несколько дней она увидела все, что только могла увидеть, ибо отец оказался всем тем, что она могла увидеть в живом человеке, а висельник за окном — все, что могла увидеть в мертвом.

— Сколько ты можешь курить?

— Сколько хочу.

— Отлично, пап. Ты легкие просадишь, и что дальше?

— Сдохну.

— Прекрасно. Ну и ладно.

— Что? — человек злобно развернулся к дочери.

— Ну и ладно, — девочка, несмотря на свою хрупкость, все же выдержала взгляд своего, казалось, озверевшего папаши. — Что ты мне сделаешь? Ударить родную дочь? Давай. Вперед. Сегодня же соберу вещи и выйду на трассу, буду торговать собой. Маму же ты отдал, значит, и меня отдашь.

— Да что ты такое говоришь? — в этот момент во взгляде человека возникло просветление, он обошел плиту столешницы и, упав на колени, взял одну из рук дочери. — Нет. Не отдам. Что ты? Да ты у меня единственное, что осталось. Нет-нет-нет! Не отдам! — комок начинал сковывать горло непроницаемым сгустком.

— Да что ты? — дочь вырвала руку из отцовских объятий. — Ты же ничтожество, которое меня ни во что не ставит. Ты выше всего ставишь себя. Самолюбие свое. Поставили тебя на колени, видишь ли. Унизили. Избили. Что? Выйдешь на улицу с пистолетом? Расстреляешь их? Хорошо. А дальше что? Придут другие, убьют тебя. А еще лучше тебя просто завалят прямо там, а меня потом пустят по кругу. Ты этого хочешь, верно?

Голова Генриха опустилась на колени девочки, а сам он в этот момент сжимал зубы, чтобы не раздалось его собственное скуление. Эти слова, как нож проникли под ребра, а после ранили самое сердце. Теперь он ощущал то, какую боль принес своему самому родному и близкому человеку, который сейчас прямо осуждал все прошлые действия и, быть может, те, которые он хотел сделать. Нет. Он не должен был совершать того, о чем сказала девочка. Он просто не имел на это права.

— Я обещаю, что ничего плохого для тебя не сделаю. Обещаю, — он поднялся с колен и как-то вяло, немного ссутулившись, пошагал вон из кухни.

Еще недавно они были семьей, а сейчас... Сейчас он ощущал себя одиноким. Одиноким настолько, что хотелось повторить действия того мужичка, который висел на столбе. И также как он повесить себе на шею табличку с надписью: «Кризис лишил меня семьи, и теперь я лишаю общество себя» или что-то подобное...

...

Звонок. Уже никакого вздрагивания. Телефон достается из кармана.

— Да?

— Мы подъехали. Выходи, Генри. Мы прямо у твоего входа, аэромобиль серого цвета. Кстати... Давно у вас тут гирлянда висит?

— Какая гирлянда?

— Ну... Висельник. Висит такой красивый, весь покрытый инеем. Хоть бы службу вызвали.

— С утра висит, но мне он не сильно мешает.

— Не заботишься ты о психологическом здоровье дочурки. Поторопись. Время не ждет.

— Тороплюсь-тороплюсь.

Генрих отключил свой телефон, после чего положил его в карман. Пара мгновений, и

тело скрывается под броней пальто, снова обуваются невымытые берцы, а затем на руки натягиваются кожаные перчатки. Он выходит, затем закрывает дверь и слышит дружелюбное пиликание. Как это странно, когда в недружелюбном состоянии слышишь такие звуки.

Человек мрачно подходит к лифту, далее нажимает на сенсорную панель и спускается вниз, на быстро пришедшем лифте. В голове возникают очередные паршивые мысли, но он быстро их гасит, ибо... Какой смысл думать о том, что итак знаешь? Если они прибыли сюда отнять рабочих, значит, следующее действие — захват завода. «Сколько их будет? Так же, как и в прошлый раз? Пятеро? Нет. Это невозможно. Нас поубивают работяги».

Он вышел из дверей дома, когда на улице уже стоял негр, который открыл дверь в салон аэромобиля. Машина чем-то напоминала змея, а именно его голову с частью шеи. Дверь поднялась вверх, затем Генрих сел внутрь. Внутри был Романо, за рулем один из бугаев, на заднем сидении Чаки и второй бугай, а впереди, рядом с первым здоровяком, сел негр.

— Здравствуйте, — проговорил Генрих, опустив взгляд.

— Здравствуй-здравствуй. Судя по тому, что датчик не среагировал, оружия у тебя нет. Молодец. Знаешь... Я тут про тебя еще кое-что нашел. Ты вот мне скажи. Тебя совесть не мучает? — спросил Романо, с улыбкой глядя на человека.

— По поводу чего?

— Ну, смотри. Процессоры твоих планшетиков производились заводом «Military&PC». Это процессоры, которые применяются сугубо в КПК и НПК военных. Далее смотрим на материнку, аккумулятор и прочее железо, все произведено военщиной. Кроме того, мне в руки попал один занятный НПК... На нем твоя марка. Кому принадлежал этот НПК?

— Не знаю.

— А я знаю. Шок-пехотинцу. Вся местная пехтура снабжена НПК, твоего и тебе подобных заводов. Не стыдно? Ты, кровососущее? Еще меня ты будешь считать нелюдем.

— Это государственный заказ, — человек отвернулся к окну.

— Ха-ха! А ты знаешь, что государственные заказы можно не принимать? Для тебя это открытие, мил человек? — человек подождал ответа, но, не дождавшись, начал говорить. — И вновь обиженное молчание... Сердце кровью обливается от того, как ты сам себе противен. Хотя, думается, что об этом ты только сейчас и задумался, когда тебе в жопу могут запихать электродубинку и включить на полную мощность. Откуда знаю такие извращения? Читал сводки определенные, они так недавно мальчишку запытали. Анархиста в нем признали. А копы его приняли в твоем районе. Может, ты его видел?

В этот момент в голове человека возник тот паренек, который что-то кричал шок-пехотинцам, то, как его скрутили, а потом через НПК связались с полицией. На душе стало как-то невыносимо больно, а дальнейший путь проходил в молчании и лишь время от времени, он с ненавистью всматривался в фигуры людей в черной броне.

...

При подъезде к промышленной зоне было видно несколько машин шок-пехоты. Кроме того, какие-то грузовики без марок. Что-то здесь было не так. Все это какие-то странные совпадения. А особенно было странным то, что все они пришли в движение при полете машины Романо.

— Что это значит?

— На нас облава, наверное. Все! Конец. Приплыли... Как жаль, как жаль... А мы только начали с вами всеми работать. Прощайте, друзья, сейчас нас с вами убьют, — с какой-то

издевкой проговорил Романо, а после добавил. — Ты серьезно думаешь, что мы бы в шесть рыл пошли брать завод? Хренового ты о нас мнения.

— И шок-пехота пойдет?

— Нет. Они оцепят территорию завода.

— Шайка... — прошипел Генрих.

— Не шайка, а эффективное предприятие. А эффективное предприятие всегда должно иметь помощь от государства. Шок-пехота — инструмент, а я его владелец в этот момент, — ответил Романо на шипение. — Давай. Выходи. И откроешь мне дверь. Это — жест покорности, и ты его произведешь.

Генриха немного затрясло, но все же он вышел из аэромобиля, после чего обошел машину и открыл дверь своего нового «хозяина», который довольно спокойно вышел из машины. К аэромобилю уже двигался человек в черной броне, с двумя красными полосками рядом с правым окуляром шлема, что чем-то напоминал череп.

— Здравия желаю, лейтенант Романо, — послышался искаженный хрипением и довольно страшный голос этого шок-пехотинца. На броне виднелись «громоотводы», которые ловили ток и направляли его в аккумулятор. Кроме того, виднелись и типичные для шок-пехоты «излучатели» на кулаках в виде этакого кастета, небольших выступов на локтях, на коленях и на сапогах, иногда излучатели ставились и на наплечник.

— Здравия желаю, старший сержант, — Романо в этот момент ударил себя правой рукой по левой ключице, то же произвел и сержант.

— Я правильно понимаю, что нам нужно оцепить завод? — спросило коло металлический голос сержанта.

— Так точно, сержант. Ваша задача заключается именно в этом.

— Нам полагается определенная плата, как понимаете, лейтенант запаса.

— Так точно. Четверть денег, что мы выручим с продажи оборудования, будут переведены от корпорации Вашей части.

— А Вам не паскудно работать с рогарийцами? — спросил сержант.

— Мне паскудно, ибо я с ними воевал. Звание лейтенанта запаса ношу не просто так, но корпорация имеет иные цели. Сами понимаете, сержант. Я здесь лишь представитель интересов корпорации.

— Жаль, что хороший боец стал торгашом.

— Да... Мне тоже жаль.

— Ага. Хватит соплежуйства. Пора действовать, лейтенант, потом, может быть, как-нибудь бухнем за былые времена, — проговорил сержант, после чего нажал на НПК. — Начать оцепление цехов завода. Всех кто выходит — вязать, но без вызова полиции. Подключить также глушители связи.

Генрих опустил глаза вниз, чтобы не смотреть на эти переговоры двух отродий. Его уже прямо-таки трясло от того, что Романо сначала унижал его за сотрудничество с шок-пехотой, а теперь прямо с ними сотрудничал.

— Что такое, детка? — спросил негр, глядя на Шпака. — Тебе что-то не нравится? Меня вот Джек зовут, ну или просто можешь звать «Черный», — Черный протянул руку белому, а тот не пожал. — Что ж... Как хочешь. Только вот мы все похожи. Не от хорошей жизни здесь находимся. Да, у тебя в семье заложник, а у меня на родине этих заложников десять рыл, и жрать все хотят. Не жми. Пошел ты. Ишь какой... Белый господин!

Далее начал говорить Романо, когда люди из грузовиков подошли к площадке, а шок-

пехота установила глушители вокруг высоких стен завода. Всего их было человек пятьдесят, большая часть в балаклавах, с каким-никаким, но обмундированием, вплоть до полноценного экзоскелета у одного из наемников.

— Итак, граждане. Наша задача сегодня захватить эти цеха. Судя по времени, начальство сейчас находится внутри, а это значит то, что мы можем спокойно войти внутрь и взять тех, кого нужно. По рабочим огня не открывать, разве что в тех случаях, когда кто-либо открыл огонь первым, но... Это маловероятно, поэтому тот, кто хоть кого-нибудь убьет, будет застрелен лично мной. Всем все ясно?

Бойцы лишь покивали головами, а Романо двинулся первым, рукой указав Джеку и Чаки с одним из бугаев двигаться во второй цех, а вот Генрих и второй бугай с плазменной пушкой двинулись на первый цех. Вместе с ними двинулся и мужик в бронекостюме с пулеметом в руках. Сами цеха выглядели как большие коробки, которые принадлежали машиностроителям, пусть и мелким. Аэромобили эти единоличники делали на заказ, а значит, обеспечивали в основе лишь богатых людей. Захват такого завода был, судя по всему, сигналом для всех остальных о том, что теперь здесь властью стало некое ЗАО, и именно оно будет диктовать свои условия.

Генрих следовал прямо за Романо, вскоре они оказались у высоких дверей завода. Бугай из охраны Роберто остановился. Плазмомет, покоящийся у него в руках, имел цилиндрическую форму с голубой светящейся емкостью сверху, которая во благо дизайну была перекрыта двумя стальными мостками. На задней части цилиндра красовалась крышечка от емкости с плазмой. Он направил плазмомет на дверь цеха, после чего нажал на спусковой крючок. Плазма ярким голубым сгустком вырвалась из дула оружия, после чего встретила с поверхностью двери и прожгла сталь, оставляя яркий голубоватый свет на расширяющемся отверстии. Как только жар плазмы слегка утих и расплавленное железо прекратило капать, рука здоровяка проникла в отверстие и вслепую нащупала кнопку открытия дверей.

Внутри цеха тут же началось какое-то движение, а снаружи послышались выстрелы, отчего это движение практически прекратили. Шеренгой наемники вошли внутрь и также бесстыже стали палить в потолок. Люди старались разойтись или как-то спрятаться. Кто-то пытался набрать полицию, но глушители шок-пехоты действовали отменно.

— Здравствуйте, граждане! Мое имя Роберто Романо. Я представитель ЗАО «КаренияИндастриз». С этого момента, попрошу Вас всех покинуть помещение. Мне нужны лишь представители организации этого завода для разговора тет-а-тет. Пожалуйста, выдайте мне этих граждан и все уйдете подобра-поздорову, и никто не пострадает.

Рабочие закопошились, в цехе в этот момент на магнитном кране висел каркас машины. За станками находились разные люди и мужчины и женщины, все они были одеты в комбинезоны синего цвета, а вот работодателей было видно сразу: люди в красивых костюмчиках. Сейчас, вероятно, занимались проверкой того, как работают их батраки. Здоровый и толстый мужчина с красным лицом, которое постепенно теряло цвет, смотрел на тех, кто были по другую сторону. Другой — невысокий, с крысиными чертами лица, будто бы хотел влезть в чей-то комбинезон и свалить куда подальше. Рабочие уходили с рабочих мест для того, чтобы попасть в руки шок-пеха. Все было продумано. Романо оказался отличным тактиком, который обезопасил самого себя от ненужных свидетелей в виде полиции.

Вскоре были приведены еще двое мужчин: высокий седовласый старичок, который

отличался военной выправкой, а также, кажется, его внук, такой же высокий и с такой же осанкой. Их всех усадили на стулья, которые принесли сверху. Романо ходил с улыбкой, излучал самую настоящую «доброту».

— Приветствую Вас, господа Николсоны, господин Борман и господин Фирс. Сегодня настал тот день, когда Вы уже не являетесь господами мира и всего вокруг. Надеюсь, Вы были готовы к подобному? — спросил человек, глядя сначала на старика с молодым человеком, затем на толстяка, а после на крысopodobного Фирса.

— Нет. Не были и не будем, — ответил старик.

— Боюсь, что Вы, господин Николсон, такими словами можете знатно сократить себе жизнь или жизнь своего внука. Выбирайте... Чью? Вашу или его? — в этот момент Николсон замялся. — Ага. Жить хотите, поэтому подпишете то, что я Вам дам. Теперь Вы. Борман и Фирс?

— А чтобы это я стал бояться такой собаки, как ты? — спросил Борман, глядя на корпората. — У меня много связей в полиции.

— И все эти связи куплены мной. Там, за стенами завода, Ваших работников вязали шок-пехотинцы. Как думаете, если я команду шок-пехотой, то не стану ли я главным над Вашими «связями»? Армейская структура будет повыше копов.

— Сука... — Борман в этот момент уставился на Фирса, и тот нехотя, но все же начал говорить.

— А что скажете насчет бандитов? Их не боитесь? — в зеленых глазах этого человека сверкнула какая-то искорка злобы.

— Вы хотите напугать меня «несчастливым» случаем или лесопарком где-нибудь в городе? Ну, пусть попробуют. Правда, не удивляйтесь, если все Ваши преступные «связи» окажутся в крематориях. Понимаете, в каком положении Вы, господа, находитесь?

На этот раз снова начал говорить старший Николсон:

— Допустим, понимаем. Однако, вопрос: а вы потянете против всего бизнеса планеты?

— Не преувеличивайте значение Вашей богадельни для всей планеты. Стерев Вас с лица Итариса, как представителей определенного класса, я лишь умножу те силы, которые за мной скрываются. Ну а, если убьют? Тем лучше. Сюда прибудет сразу несколько таких, как я, и уж они задавят каждую крысу, которая пыталась нарушить волю корпорации. Давайте разойдемся мирно? Я плачу Вам определенную сумму, и Вы можете улететь в другую систему, стать прекрасными менеджерами или... Допустим, работать на меня. Вы, господин Борман, и Вы, господин Фирс, являетесь интересными кадрами, которые вполне имеют шансы стать полезными для корпорации людьми, — человек помотрел сначала на Бормана, затем на Фирса, а после взглянул на Николсонов. — Гражданам же потомственным военным я не стану предлагать ничего, кроме компенсации, ведь для Вас это паскудство — работать на бесчестную мразь, да и возраст уже не позволяет.

— Какова компенсация? — спросил Борман.

— Что-то около миллиона кредитов. Говорю же, на эти деньги можно улететь в любой сектор Федерации, а далее прикупить там хорошую квартиру и жить еще некоторое время. А если Вы продадите свои местные апартаменты, которые у Вас, Борман, есть... Думаю, Вам хватит даже на постройку нового завода, — с улыбкой проговорил Романо.

— Ага. Только вот тут насиженное место. Связи там, прочее. Ты никак хочешь выбросить меня на улицу с голой жопой. Верно, понимаю, ЧОПа? — довольно агрессивнo проговорил Борман, а корпорат лишь улыбнулся на отождествление себя с охранником.

— Знаете, Борман, если бы я хотел бросить Вас с голой жопой, я бы раздел Вас прямо здесь, а после выбросил бы на улицу, чтобы Ваша попка немного покраснела, примерно до состояния Вашей морды, — в этот момент из ряда бойцов даже послышался какой-то смешок, а Борман еще сильнее покраснел, но замолчал.

— Допустим, я согласен работать с Вами. Какова ставка? — спросил уже Фирс.

— Ну, смотрите... Ваш завод будет распродан, так что не надейтесь, что станете его единоличным собственником, однако я обещаю, что Вы не останетесь бедным.

— Угу. А можно ли верить Вашему слову, господин Романо? — спросил Фирс, глядя на Романо хитрым и слегка паскудным взглядом.

— Боюсь, что Вам придется довериться, господин Фирс, впрочем, я могу гарантировать то, что Вы не будете убиты. В принципе, ЗАО требуются подходящие кадры для работы в офисе, а с Вашими связями... Мы сможем купировать часть преступного промысла.

— Вы хотите пустить мои связи против моих же связей?

— Именно так. Корпорация довольно сильно заинтересована в ликвидации преступности, после исполнения мы найдем для Вас какое-то другое дело.

— Лично я согласен сотрудничать, — сказал Фирс, улыбнувшись.

— Вот же крыса... — пробормотал Борман.

— Ну да. Крыса, а вот ты — свинья, — ответил Фирс на слова Бормана, отчего тот продолжил краснеть и, вероятно, если бы был один на один с Фирсом, разбил бы его лицо.

— Вы согласны, господа Николсоны? Вам будет выдана компенсация в размере двух миллионов, так как Ваша семья имеет здесь сразу двух собственников. Также говорю прямо. Вы ничем не рискуете, улетаая с планеты. Мы проследим за тем, чтобы Вы улетели без каких-либо проблем.

— Согласны, — ответил старик. — Только скажи мне. Каковы Ваши интересы на этой планете?

— Ее разорение, впрочем, со многим Вы и Вам подобные и без меня справились. Я прилетел на уже угасающую планету и теперь произвожу удар милосердия.

— Благородно, однако, все эти люди окажутся на улице.

— И будут вынуждены лететь в центральные миры, становясь штрейкбрехерами.

— То есть Вас преследует желание уменьшить плату своим рабочим? Урезать их права? — продолжал интересоваться старик.

— Именно так, но не меня, а корпорацию.

— Вы и есть корпорация, только на нашей планете. Вы с ней — единое целое.

— Тоже верно. Вы согласны?

— А у меня есть выбор? — спросил седовласый мужчина с какими-то дворянскими чертами, аккуратным лицом и носом, он напоминал какой-то старый портрет, который теперь должен был влачить жалкое существование в этом мире.

— У Вас нет выбора, но тоже особенно себя не обеляйте. Все же Вы эксплуатировали своих рабочих неслабо.

— Назовешь процент эксплуатации, собака? — спросил старик.

— Назову. Сто двадцать процентов, но все же это немало.

— Хах... Немало? Да эти парни, мужчины, девушки и женщины работали здесь, как у Христа за пазухой.

— Вы крещены?

— Так точно. Христос прошел через века, а вот такие, как Вы, будете забыты и

растоптаны будущими поколениями. Вас вдавят в асфальт истории и забудут...

— Равно как и Вас, — перебил человека Романо. — Стоит понимать одну вещь. Сколько бы высокопарных слов Вы бы не сказали, хуже Вы этим мне не сделаете, однако я делаю больше для того, чтобы нас всех забыли.

Слова Романо раздались эхом в голове Генриха. Что-то было в них странное, а старичок замолчал, судя по всему, все из находящихся здесь бизнесменов задумались о том, что же имел в виду этот этнический итальянец.

— Так что же Вы скажете, господин Борман? — спросил Романо.

— Я согласен.

— На что?

— На службу. Мне лететь отсюда, резона особого нет. Здесь у меня связи — там пустота. Поэтому я работаю с тобой.

— Хорошо, — Романо достал из портфеля, который поднес ему Чаки документы, после чего раздал людям: два документа на куплю-продажу Николсонам, еще два на дарственные Борману и Фирсу. Он будто знал кто, из них решит сотрудничать, похоже, он просмотрел все личные дела, проследил линии связей и прочего. Это был ход настоящего стратега, который просчитал все наперед, он уже знал, у когona что надо давить и от этого у Генриха пробежал холодок по спине. Страх к этому человеку с каждой секундой становился все сильнее.

Люди же в этот момент ставили росписи в двух экземплярах документов. На лицах была какая-то обида у всех, пожалуй, кроме Фирса, который сейчас будто бы избавился от лишнего бремени и наконецпозволил бы своей бандитской натуре пойти в разнос.

...

Они вышли на улицу. Люди лежали мордой в снег, рядом красовалась шок-пехота. Романо дал отмашку, а до Генриха донесся разговор искаженных голосов шок-пехотинцев:

— Какая у нее жопка в этих джинсах...

— Ага. Так порвал бы, да вкусил женского тепла.

— Ага. Тебе и жена даст, а вот у меня бабы уже долго не было с этой работой, так что...

Уж прости.

«Ублюдки...» — пронеслось в голове Генриха. Пожалуй, сейчас его еще сильнее покорежило. Он никогда еще не слышал того, как эти самые шок-пехотинцы относятся к людям, но теперь услышал это вживую.

— Что такое, Генри? — спросил Чаки. — Обосрался? Связей у босса многовато для тебя, верно?

— Отвали.

— Чего? Мы с тобой вообще-то коллеги. Или ты меня ненавидишь только за то, что я тебя немного попинал?

— Ты участвовал в том, что захватывал мою жену и дочь. Я не стану относиться к тебе иначе.

— А ведь Джек тебе важную вещь сказал... Мы все кушать хотим и зарабатываем, как можем. Я хочу, Джек хочет, ты хочешь. Мы все зарабатываем, как можем.

— Ты подраться хочешь?

— Как ты угадал? Такого олуха, как ты, стоит бить ежедневно, чтобы с тебя побои не сходили.

— Не сегодня.

— Хорошо. Договорились, детка, — улыбнулся человек.

— Отвали от него, Чаки, — проговорил негр. — Его можно понять.

— Чего? Джек, да ты никак начал периферийца защищать.

— Да, начал. Мы не лучшие люди...

— Но и он не лучше, Джек.

— Не лучше, но мы хуже. Мы зашли в его квартиру, затем Мартин ударил его жену, а потом увезли ее. Мы похитители родного человека!

— Еще расплачься, нигер, — улыбнулся Чаки, глядя на чернокожего, что шел рядом, а на сердце у Генриха становилось все хуже и хуже.

Кулаки сжимались. Он остановился. Вдох. Выдох.

— Че встал? — удар.

Чаки валится с ног. Он явно не ожидал этого удара, но тут же Генриха под руку хватает Джек.

— Успокойся! — кричит он перед тем, как получить под дых, после чего Чаки получает с ноги в живот.

Звук выстрела. Сердце вдруг раздается в висках, а в глазах проносятся все картинки из прошлого. Вздох. Дырки в теле не появилось, а к месту потасовки подошел Романо. Взгляд его был недобрый, в руке находился револьвер.

— Что происходит, Генри?

— Недопонимание, — ответил мужчина, глядя на Чаки, который кое-как поднялся, а Джек начал говорить, выдохнув.

— Чаки спровоцировал Генри. Ух... Он не виноват.

Романо перевел зрачки на чернокожего, затем на Чаки, после этого на Генриха и улыбнулся.

— Хорошо, что между вами двоими нет женщины, а то есть у меня ощущение, что здесь лежал бы чей-то труп, — человек вдохнул холодный воздух, а затем выдохнул пар. — Ладно. Нужно разъезжаться. Ты, Генри, наверное, поедешь на монорельсе. Хватит с тебя на сегодня. Вел ты себя достойно, поэтому в добрый путь. Завтра, возможно, будет наша с тобой встреча, если что, тебе снова напишет администратор. Вернее всего, с утра. Удачи.

Романо помог подняться Чаки, а тот бросил на Генриха злобный взгляд. Генрих посмотрел на Джека своими серыми глазами, а чернокожий просто улыбнулся. На этот раз руку протянул Генрих, а Джек пожал ее, после чего люди разошлись. Наемники и шок-пехотинцы расходились по своим машинам. Это был страшный день, но теперь он был позади.

...

Генриху пришли деньги. Первая плата. Тысяча кредитов. Он с улыбкой пошел в магазин, что был рядом с домом, чтобы купить что-нибудь для Киры. Все-таки она, правда, многое пережила за эти дни и... ей нужна была какая-то отрада. Поэтому Генри прошел в отдел со старыми добрыми книжками. Она, несмотря на то, что жила в другое время, до сих пор любила книги. И Генрих это знал. Хотелось взять какую-то добрую историю, и на глаза попалась книжка с какой-то любящей парой на обложке.

— Хе-хе... Романтика-романтика... — мужчина улыбнулся, потом открыл описание. — «История о молодой девушке, которая пережила страшные события, но в жизни ее возник лучик света. Такой же переживший многомолодой человек, который вступил на страшный путь бандитизма, и только любовь может поставить точку в этой страшной истории». Как наивно. Любовь может стать ложкой меда в бочке дегтя, но никак не спасением. Но ладно...

Все же наша ситуевинка не самая лучшая. Пусть почитает... Порадуется. Хоть чьему-то счастьем.

Мужчина с какой-то грустной улыбкой положил упаковку с микрокартой в свою корзину, далее двинулся в продуктовый отдел и набрал чего-то. Впервые за несколько дней он ощутил голод. Теперь хотелось сожрать чего-нибудь или кого-нибудь.

— Завтра проведу день с дочкой. Все-таки выходной должен быть.

С немного блаженной улыбкой он прошел на кассу, где постоял в очереди, а затем оплатил все то, что купил. На кассе он улыбнулся девушке, что сидела там, и даже сказал спасибо и какой-то комплимент, после чего вышел из магазина и пошел в свой дом.

Он поднимался наверх на лифте, усталый и очень сильно желающий спать. Да, он в каком-то плане был подавлен, но... Тот удар. Он был таким смачным, и так хотелось его повторить снова, что не терпелось снова встретиться с Чаки, но все же теперь усталость брала свое, да и Романо оказался не таким уж и ублюдком, как думалось ранее. Кажется. Он, по крайней мере, никого сегодня не убил. Хотя нет. Он ублюдок, но ублюдок, исполняющий свою работу на все сто. Да. Да. Да.

Он вошел в квартиру. Разулся, разделся, поставил пакеты на кухню, а после, достав из внутреннего кармана пиджака книжку, прошел в комнату его маленькой и такой ценной Киры. Она в этот момент лежала на боку, смотря какой-то фильм, а он как-то виновато прошел к дивану и аккуратно сел на край.

— Кира, привет.

— Ну, привет, — довольно холодно ответила девочка.

— Кир. Я тебе кое-что принес. Прости меня, пожалуйста, — в глазах человека сейчас сверкала какая-то влага, а он протянул книжку на флеш-накопителе.

Девочка тоже улыбнулась, а после села рядом с отцом и прижалась к нему... Так и сидели до первого урчания в животе.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район № 2, Дом 103, этаж 9, квартира 135,
26.12.2579, 10:00

Прозвенел будильник и Генри положил на него руку. Уснул он, кажется, где-то в 22:00, а проснулся в десять. Хотя, было ощущение, что стоит еще поспать, но... Надо было вставать. Да, ему еще не звонил администратор, а может, и не позвонит, да и... Уж лучше так. А если позвонит, надо бы соврать, что, якобы, приболела дочь и он не может оставить ее одну дома, и только если Романо решит, что он точно сегодня нужен, только после этого направиться в офис.

Шпак поднялся с дивана, сходил в туалет, умылся, наконец, побрился, а после в своем спальном костюме пошел в кухню. В своей голубой пижаме с изображением якорей, а также в дурацком колпаке, он смотрелся довольно смешно. Взрослый мужик, а носил еще и голубые тапочки с какими-то собачьими или кошачьими ушами, благо, рисунок на них хоть немного, но выцвел. Теперь Генрих был у плиты, достал сковороду и поставил ее на плиту, включив энергокомфорку, затем открыл холодильник, вытащил упаковку яиц, перец, помидоры, а также копченый бекон. Особенного таланта в плане готовки у Генриха не было, но все же приготовить яичницу он был способен. Плита была включена, а ее электропанель уже начала постепенно нагревать сковороду, далее на нее было налито немного масла. Затем он порезал перец, и положил его на сковороду, чтобы он немного поджарился до золотой корочки. Параллельно, он нарезал помидоры, а после перевернул перцы, немного подождал, вытащил, следующим на плиту лег бекон и поверх него ложились помидоры, после этого добавился перец и только в конце начали разбиваться яйца. Немного соли. Запах медленно расходится по квартире. А человек вдыхает его будто бы немного опьяненный, ведь полноценно он ест только второй раз за долгое время.

Там, позади, ступают босые ножки, а на бледном личике начинает появляться улыбка. Давно она не видела отца за этим действительно добрым делом, которое должно накормить его собственное дитя. Кира обняла отца со спины, а он улыбнулся. Девочка была ниже своего отца, в плечах уже почти в полтора раза, тонкие ручки обвили могучую грудь. Могучую, конечно, в сравнении с самой девочкой, рабочие мужики часто бывали крупнее него, но менее атлетичны, да и... Как им быть атлетами с тем питанием, которое они получали? Вот у него всегда было в достатке животного белка, сложных углеводов, только сейчас стало хуже, и то, он живет не впроголодь, как живут те, кто не за стенами элитных домов, а в простых, страшных, невымытых халупах. Впрочем, сейчас не об этом, хоть и мысль Генриха теперь, порою, и приходила на такие рельсы. Пожалуй, впервые он начал думать о других, кроме своей семьи. Когда-то эти другие были совершенно чужды человеку, однако теперь он стал сильно ближе к ним.

И вот плитка отключается. Девушка уже сидит за столом, с улыбкой глядя на отца, а он с такой же улыбкой начинает разрезать яичницу на две половинки. Затем еще на две, чтобы хорошо уложить их на тарелки. Пара секунд, и еще горячая скворчащая яичница оказывается на столовой доске, а он садится на один из высоких стульев.

— Пап? Ты не убивал? — спрашивает девочка с внезапным беспокойством.

— Нет. Вчера все прошло спокойно, — человек опустил взгляд.

— А что вы делали?

— Завод захватывали.

— Угу... — девочка замолчала, после чего начала резать яичницу.

Они ели в тишине, но постепенно улыбки снова начинали возникать на лицах. Кажется, Кира хотела что-то спросить, но как бы стеснялась. Что-то не давало ей покоя, но и Генрих боялся спросить, лишь улыбался на ее ищущий взгляд.

— Пап? А вот... Романо. Он кто? — спросила девочка, вдруг серьезно взглянув на отца.

— Это... — человек замялся, признаться, он до сих пор не понял ничего о Романо, кроме того, что он очень влиятелен и может слить любого, кто выступит против него. — Я не знаю. Он вроде бы и бандит, а вроде бы и нет. У него страшные связи. Вчера в захвате завода участвовали шок-пехотинцы, а с сержантом, который ими командовал, он, кажется, имел какие-то связи, знакомства. Еще... Он воевал с рогарийцами. Если я правильно понял, был героем войны, но сейчас нет. Он не герой войны. Он... Он — нечто страшное. Страшное настолько, насколько страшен шок-гвардеец для человека. Это, пожалуй, все. А почему ты интересуешься?

— Ну... Он показался мне странным. Каким-то необычным и будто... — девочка посмотрела в тарелку задумчиво, а после сказала: — играющим. Играющим какую-то роль. Он, правда, не тот, кем кажется.

— Да. Я сам заметил. Не знаю, что с ним не так. Может он и не настолько урод, как кажется. У него... Вопросы странные. Какой-то уровень эксплуатации, вопросы про прибыль. Для него это будто что-то ненормальное. Вот. Вчера. Он спрашивает одного из бизнесменов: «Каков уровень эксплуатации на Вашем предприятии?»... Тот, кажется, ответил что-то около ста двадцати, так этот итальяшка даже эту цифру назвал немалой. Ладно. Неважно. Как у тебя в колледже дела?

— Да так. Как обычно. Задали прочитать книжку по основам журналистики. Взять интервью у кого-то... Ну... Пап. Я и подумала... Может... — не успела она договорить, как человек уставился на нее абсолютно безумным взглядом.

— Нет! Ты с этим человеком не встретишься. Я не позволю ему прикоснуться к тебе. Даже словесно. Даже чтоб его поганый глаз лег на тебя. Понятно? И никаких: «Ну, па-а-ап» «Мне же это нужно для учебы» и прочего. Это не тот человек, который достоин разговора с тобой, — голос Генриха был громким и переполненным злобы, а девушка опустила глаза вниз.

— Хорошо, пап... — немного грустно проговорила она, после чего поднялась из-за стола и как-то уныло вышла из кухни, Генрих же остался сидеть за столом, обдумывая то, что же случилось с его дочкой.

Глаз его нервно дергался, он боялся даже подумать о том, что могло возникнуть в этой маленькой и глупой голове.

Он сидел на месте до того самого момента, пока не начал играть телефон. Мобильник достается из штанов, затем на сенсоре нажимается кнопка принятия вызова.

— Да?

— Здравствуйте, господин Шпак. Вас беспокоит администратор офиса «КаренияИндастриз». Господин Романо желает видеть Вас у себя в двенадцать, ноль-ноль.

— Извините. Вы не можете сказать господину Романо, что я не могу сегодня прийти, ибо у меня дочурка приболела?

— Эм... Сэр. Господин Романо обычно не терпит отлагательств, но... Я попробую

узнать у него, и если что, я перезвоню.

— Спасибо большое. Буду ждать, — глухо ответил человек, положив на стол телефон, который выглядел как довольно узкая и хрупкая панелька, размер процессора, аккумулятора и прочего внутри этой машинки был практически микроскопическим, однако он довольно хорошо работал, что не могло не удивлять.

...

— Алло? — спросил Романо, когда на его телефон поступил звонок администратора.

— Здравствуйте еще раз, господин Романо. У господина Шпака имеется проблема. Он не сможет сегодня прийти. Его дочь заболела.

Романо в этот момент улыбнулся.

— Ну, дочка у него, конечно, взрослая и могла бы и одна справиться со своими «проблемами» относительно здоровья. Но... Пусть будет так. Но позвони, пожалуйста, Генри и передай ему, чтобы завтра был здесь ровно в девять ноль-ноль, а иначе получит неплохой такой штраф от корпорации.

— Хорошо, господин Романо, — ответил администратор, после чего отключился.

Романо же смотрел на фотографию, что находилась на заставке его прозрачного монитора. Он прибавил яркость... На фото находились две девушки, лежащие на песке лицом к камере. Одна смугловатая, с темными длинными волосами, что стелились по песку. Жизнерадостные карие глаза всматривались в Романо с экрана монитора, такой же, как и у него, нос, только меньше и аккуратнее, черные брови и добрые губки-бантики, сложенные в улыбке. Вторая же имела светлую кожу не под стать человеку перед экраном, темные волосы и карие глаза. Она так же, как и первая улыбалась и держала одну из рук на спине дочери. Волосы покороче, но все еще длинные, улыбка. Все было похоже на девочку рядом, кроме, пожалуй, носа и белой кожи.

На губах Романо была улыбка, а сам он как-то грустно посмотрел на стол.

— Надеюсь, что вы, дорогие мои, никогда не узнаете, чем занимался ваш муж и отец... А если и узнаете, то чтоб я уже не был живым. Я ужасный человек, который не достоин ни одной из вас, мои милые, — человек в этот момент даже слегка шмыгнул, но слез от него было не дожидаться. Он снова убавил яркость экрана, затем включил какой-то документ и начал что-то набирать.

...

— Да?

— Господин Романо решил, что Вы можете остаться со своей дочерью. Только завтра в девять ноль-ноль — Вы должны быть здесь. Приятных выходных, господин Шпак, — довольно весело проговорил администратор, после чего положил трубку, а Генрих смог, наконец, выдохнуть.

Он еще раз посмотрел на стол, затем поднялся. Следовало поговорить с дочкой о том, что случилось сейчас. Что это все значит? Как можно желать говорить с врагом? Как?! Просто... Как? С таким вопросом в голове он и пошел в комнату девушки.

— Слушай, Кира. Что с тобой? — спросил человек, глядя на дочь, которая лежала на диване и читала ту книжку, которую Генрих вчера купил, а после вопроса опустила планшет.

— Что-что? Мне надо сделать эту работу до конца следующего семестра. Романо, может быть, самый интересный кадр из тех, которые сейчас на планете есть. Он меняет ее историю, ну и... Честно? Он выглядит умным. Причем очень. Я бы хотела просто пообщаться с ним. Но... Не так, как в начале недели.

— А тебя не смущает то, что твоя мать находится в его плену?

— Ну... Скажем так. Меня это волнует, но я вряд ли могу как-то на это повлиять. Плюс... Ты не знаешь, что она кое с кем встречалась? И не помнишь, насколько плохо относилась и ко мне и к тебе в последние месяцы? Пусть побудет. Я, кстати, не сильно верю, что ее сдали в бордель. Ты попробуй проехаться по ближайшим, если онивообще есть.

— Ты слишком сильно веришь в то, что он человек... — Генри боком навалился на дверной проход.

— Надо верить в лучшее, пап. Так ты поговоришь? — спросила девушка, смотря на отца.

— Я попробую, но ничего не обещаю. Я не думаю, что он достоин освещения своей личности.

— И почему ты так думаешь?

— Ну, наверное, из-за обиды. Но... Как ни странно, он не стал вставать на сторону своего бойца, когда я его ударил. Да и... Разрешил сегодня остаться с тобой. Может ты и права, что он не так плох, как кажется. Но... Я не могу смириться с тем, что он держит мою женщину в своем плену. Да, мама может и не лучший человек. Может и изменила, но все же... Она твоя мать. А родителей не выбирают.

— Да. Не выбирают, но порой хочется, чтобы на родителей можно было влиять, хоть как-то с ними взаимодействовать. Как с тобой сейчас, пап. А с ней я давно не разговаривала, — девочка как-то грустно улыбнулась.

— Ну... Что поделать? У нее свои дела. У нас свои. Спасибо, кстати, за идею. Надс будет попробовать проехаться по городу. Может быть, и отыщу.

— Только венеру не подхвати, пап, — улыбнулась девушка.

— Не подхватчу, — человек тоже улыбнулся, а после присел рядом с дочерью и взял книгу с ее живота. — Помнишь, как мы в детстве по ролям читали?

— Помню.

— Хочешь?

— Конечно, пап, — девочка прильнула к отцу, после чего они стали читать вместе.

Время летело быстро, также, как и страницы. Голоса менялись, порой затихали, затем приносилась вода, снова пили, переговаривались и опять читали. Снова и снова. Раз за разом. Строчка за строчкой и абзац за абзацем.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район № 2, Дом 103, этаж 9, квартира 135,
27.12.2579, 07:30

Утро вновь встречало людей холодом. Генрих уже стоял на платформе монорельса, снова в толпе людей. Тут к нему подошел какой-то мужик и взял его за грудки.

— Что? Что Вам нужно? — спросил Генрих, ощущая то, как земля начала ускользать из-под ног.

— Что нужно, тварь? Да ты меня, гнида, работы лишил, — довольно тихо, но хрипло говорил человек, от которого несло перегаром, на лице его была щетина, одежда будто бы за день превратилась в лохмотья. — Нормально с шок-пехом работать, тварь? А?

— Не я с ним работал. Отвали, — прохрипел Генрих, а после был отпущен вниз.

Мужик словно испарился в толпе одинаково уставших и во многом однотипных мертвоглазых людей. Почти каждая пара глаз — мужские или женские, молодые или взрослые, — была будто бы воспалена. Царила какая-то массовая сонливость, и лишь отряд шок-пеха заставлял людей реагировать на раздражитель. Как какие-то одноклеточные, они довольно лениво реагировали на все происходящее, на толчки транспорта, на требования предъявить электронный паспорт или идентифицирующий чип, но все же выполняли требования людей в черной броне. Эти вестники побоев действовали в своей типичной манере: их искаженные голоса звучали громче обычного, для ускорения действия слышались угрозы, а порой рука человека с чипом просто поднималась к считывателю физической силой пехотинца. Когда очередь дошла до Генри, он подставил руку под сканер гвардейца.

— Ага. Генрих Эдмундович Шпак, сотрудник ЗАО «КаренияИндастриз», — прозвучал металлический голос из-за подобной черепу маски с черными визорами, а после человек протянул руку Генриху. — Мое почтение, сэр. Быть коренным жителем Итариса и грабить свой народ — это достойное уважения действие.

— А бить своих людей это достойно? — спросил Генрих, с какой-то неприязнью пожимая руку гвардейца.

— А я работаю на государство. Я человек подневольный, так что... Вся кровь, пролитая мной, — на совести государства, гражданин. Запомните эту важную вещь. Если ты выполняешь преступный приказ — это не означает, что ты с ним согласен. Да. Я бы мог уйти с этой службы, но дайте ответ на один вопрос: «Чем мне кормить детей, если я умею только бить людей?». Задумайтесь над этим вопросом, гражданин. Удачного дня, — гвардеец оттолкнул Генриха, после чего прошел дальше.

Подошедший монорельс был остановлен и не двигался до момента, пока гвардия не проверила всех находящихся на станции. Кажется, что они кого-то искали. По крайней мере, такие проверки были редкостью. Нужно будет посмотреть новости... Может, кого-то из гвардии убили? Если так, то все становилось ясным.

Вскоре Генрих был уже внутри монорельса, который двинулся довольно быстро. Скорость монорельса в выходные обычно снижалась, но сегодня ее почему-то забыли снизить, что было радостью для Генриха, ведь теперь он точно успевал в офис на встречу к Романо. Снова мимо людей проезжал маленький робот, который снимал деньги со счетов проезжающих. Он ехал спокойно вплоть до того, как поравнялся с каким-то пьяным

человеком, который взял и пнул машинку. Неясно для чего, неясно зачем, но полицейский, сидевший в крайнем месте, довольно быстро среагировал на писк машинки.

— Что Вы делаете? — громко и властно спросил человек в темно-синей форме с красными линиями на плечах, с бронежилетом надетом поверх куртки, с электродубинкой, сжимаемой в руках.

— А хрен ли эта шняга пищит?! — громко спросил мужичок, после чего получил малый разряд тока с ударом дубинки в живот и медленно сел на место. От боли его глаза начали сверкать, а полицейский начал забивать что-то в свой НПК.

— Итак, гражданин. За покушение на государственную собственность на Вас налагается штраф в две сотни кредитов.

— А-а-а-а-а... — у алкоголика буквально пропал голос, а люди в салоне начали либо хмуриться, либо улыбаться, ибо милый робот с маленьким сканером на манипуляторе обычно всех даже радовал, а здесь какой-то моральный урод взял и пнул единственное светлое, что можно было увидеть в монорельсе.

— Что? Платить нечем? Ничего страшного. Найдете подработку, а если что, отправитесь на зону за неуплату штрафа, — человек повесил дубинку на пояс, после чего развернулся и пошел назад на свое место, а машинка продолжила свое движение.

...

В этот раз на площади было сильно меньше шок-пехотинцев, видимо, они все же были здесь для того, чтобы на случай чего противостоять рогарийцам, а теперь охраняли лишь покой различных богатеев. Тем более атмосфера в городе начала довольно сильно накаляться. Кроме Романо на ликвидацию промышленности работали и его люди, да и... по слухам они работали и в других промышленных городах. Романо же шел на наиболее «важные» заводы, либо к наиболее важным личностям, которыми были Борман и Фирс, судя по всему, позавчера он завербовал важные для себя кадры.

На часах было «8:54», и это радовало. На месте администратора снова был тот жизнерадостный паренек, который уже с улыбкой встречал Шпака.

— Здравствуйте, господин Шпак. Господин Романо уже ждет Вас в своем кабинете. Он в довольно хорошем настроении, — Шпак поприветствовал секретаря в ответ, а после двинулся к лифту.

Мгновение. Снова вход в лифт, снова приятная музыка и ожидание какой-то прочески за вчерашнюю ложь. Вряд ли Романо посчитал, что Генрих сказал правду по поводу заболевшей дочери. Вряд ли и вчера ждало что-то хорошее... А уж сегодня подавно.

Возле входа снова стоял Джек. Чернокожий улыбнулся, когда подошел Шпак и первый протянул руку чернокожему. Они обменялись рукопожатиями без слов, а после мужчина вошел в кабинет.

Здесь снова сидел Чаки, он посмотрел на Романо, затем на Шпака, а затем вышел из кабинета, толкнув плечом вошедшего.

— Здравствуйте, господин Романо, — произнес Шпак, глядя на корпората, чья шляпа лежала на столе. Монитор перед Романо стал отключаться и, закрепленный на небольшом механизме, стал опускаться под стол и закрылся компактным трапециевидным «люком».

— Здравствуй, Генри. Присаживайся, — Романо с улыбкой указал на стул перед своим столом.

— Даже досматривать не будете?

— А смысл?

— Ну, как? А если у меня ствол.

— Ты думаешь, что напугаешь человека, который бился с рогарийцами? — спросил, ухмыльнувшись, корпорат. — Запомни одну вещь, Генри. От моего трупа не станет лучше. Ну, убьешь ты меня, допустим. В чем я, кстати, сильно сомневаюсь. И что дальше?

— Меня убьет Чаки.

— Ну вот. И какой смысл? Дочь захотел оставить одну? Садись, я говорю, — повторно указал на стул человек, а Шпак нехотя сел перед ним. — Как там, кстати, дочка? Сильно болеет?

— Да. Сильно. Температура поднялась.

— М-м-м-м-м... А я-то думал, ты меня обманываешь, а оно вон как получается. Болеет, значит, дочка. Ну, ничего. Выздоровеет. Ты на этот счет не беспокойся. Организм молодой, все дела. Не пройдет и полгода, и встанет на ноги. Но... — человек в этот момент стал более серьезен. — Перейдем к делу. Как помнишь, в пятницу нами были завербованы Фирс и Борман. Почему первым я называю именно Фирса? Нет, не потому что он первый перешел под мое крыло, но из-за дела, которое будет с ним связано, — человек в этот момент посмотрел на Шпака, а после положил на стол небольшую голокарту, мгновение, и возник один из районов города, после чего Романо указал на здание старого бара «Шкипер». — Так вот. В этом баре будет встреча большей части главарей тех, кто стоял за Фирсом. Народа там будет много и, возможно, тебе придется пострелять. Поэтому не забудь взять с собой свой пистолет. Что еще? В операции будут участвовать еще и шок-пехи, они, вероятно, зайдут с тыльной стороны здания. По поводу твоей задачи. Ты будешь прикрывать меня вместе с другими. С этого момента, ты — мой телохранитель. Драться в принципе умеешь, поэтому, думаю, будешь полезен. Зарплата будет еженедельная, две тысячи кредитами, если хорошо себя покажешь — будут премии. По поводу самого Фирса. Я не знаю, что с ним делать. Можно было бы его слить, однако он еще может принести пользу. Как ты смотришь на этот вопрос? Просто проверить твою соображалку, а то ты, кажется, за последние дни отупел самую малость, поэтому пораскинь мозгами.

Генрих впал в ступор от этого вопроса. Сначала он впал в ступор от того, что ему придется убивать, потом от того, что теперь Романо назначает его в свои телохранители, а теперь с того, что человек, по сути, просит совета, но только для того, чтобы сам Генрих просто пораскинул мозгами. Минут через пять Генрих все же начал что-то говорить.

— Ну... Вообще. Это. Да. Вот. Эм... Ну... Я не знаю, что сказать.

Романо в этот момент засмеялся, но быстро подавил свой смех.

— Ладно-ладно. Но ты все же попробуй. Развивай мысль.

— Я не знаю.

— Ну, давай начнем с того, что он, по сути, предатель.

— Да. А предавший однажды — предаст и дважды. Вот. Так что... Может быть, имеет смысл его слить, — как-то неуверенно проговорил Шпак.

— Хорошо. Но... С другой стороны?

— С другой стороны, если в живых останутся другие главы банды — то Фирс может провести нас к ним. Верно?

— Верно. Поэтому Фирса и не стоит убирать сразу, каким гнилым бы он не был, — Романо отключил голокарту, а затем откинулся на стул. — У тебя есть какие-то вопросы? Кроме твоей жены.

— Ну... У моей дочери сейчас возникло задание, которое надо выполнить до конца

учебного года. Ей нужно взять интервью... — Шпак в этот момент замолчал.

— И? — спросил Романо, заинтересованно взглянув на Генри. — Чего ты хочешь от меня? Чтобы я привел ей Фирса? И она бы допросила его с пристрастием?

— Нет. Она посчитал Вас человеком, который вершит историю.

— Ага... То есть папка меня считает последней тварью, а дочурка считает творящим историю. Интересно-интересно, — снова улыбнулся Романо.

— Так Вы дадите интервью моей дочери?

— Пожалуй. Почему бы и нет? Только надо будет найти время, а я весь в работе, как понимаешь. Через пятнадцать-двадцать минут здесь должен оказаться сержант Грейх из того подразделения шок-пехоты, что работало с нами в прошлый раз. Если хочешь, кстати, можешь остаться здесь.

— Нет, спасибо. Я не готов находиться с шок-пехом в одной комнате.

— Хех... Забавно. А ведь ты для них снаряжение производил, но ладно. Это все-таки прошлое, а не настоящее, поэтому ступай. А дочке передай, чтобы на меня обиды не держала все-таки — то была лишь определенная сценическая роль.

— Да-а-а-а... Вы все-таки разносторонняя личность. Только вот я никак не могу понять того, кто вы.

— Рано пока понимать тебе это, Генри. Рано. Ты до сих пор ставишь себя выше меня или того же сержанта, хотя работал с нами в одном предприятии. Позавчера мы были в одной связке, а уж с шок-пехом ты давно в одной связке. Поэтому ты равен нам. Скоро станешь равен и в плане того, что прольешь чужую кровь. И сколько тогда между нами разницы? — спросил Романо у уже поднявшегося со стула человека. — Что ж. До свидания.

— До свидания, господин Романо, — Шпак вышел за дверь, вместо него тут же вошел Чаки, а Джек стоял с той же улыбкой.

— Ну? Как там? — спросил чернокожий.

— Все нормально, Черный. Я теперь телохранитель Романо.

— Ага. Ну, добро пожаловать, коллега. Ты себе позывной придумай, а то назовут как меня «Черный», или как-нибудь в духе «Бледный», или еще что-то. Парни любят прикалываться. Знаешь же уже про... Ну... То, что мы пойдем на бар штурмом?

— Да. Романо все рассказал.

— И как тебе этот план? Дохрена головорезов, которые там ошиваются, и довольно узкий бар. Мне как-то не ахти эта идея.

— Угу... — Шпак в этот момент прикусил губу. От мысли о том, что он может не вернуться домой завтра, стало как-то жутко.

— Дочку боишься одну оставить?

— Да. Я ей обещал, что выживу, что буду с ней.

— Ага. Я тоже много чего обещал, ну и... Могу это все не исполнить. Сынкам своим выслал деньги большие за позавчера. Они радостные были. Я для них на стройке какой-то космической станции работаю, а на деле... На деле жутчайшее дело. Надеюсь, что не узнают, чем папка занимается, а то как-то стыдно будет. Они думали, что я борозжу космос, а я выбиваю людей из жизни как прямо, так и косвенно.

— Скольких ты убил?

— Ну... Я считал где-то до десяти, а потом перестал. Не знаю. Что-то, наверное, около пятидесяти сейчас.

— Сложно это?

— Ну... Поначалу — да, а потом для тебя человек почти мишенью становится. Ты просто на рефлексх начинаешь действовать, ибо знаешь, что... Если ты сдохнешь — семья останется без денег и присоединится к тебе в крематории.

— Ты ж говоришь, что у тебя пацаны. Они поди заработают.

— Так жить-то все равно хочется, Генри. Увидеть деток своих деток, ну... Внуков, то есть. Поэтому жизнь свою ты оцениваешь сильно выше, чем жизни других. Это как бы эгоизм, но эгоизм разумный, ибо ты сделаешь хуже своему роду, если пойдешь там... По принципу стоицизма, как говорит Романо. Нет, — в этот момент Джек как-то погрустнел. — Стоицисты были, может, хорошими людьми, но они отрицали одну вещь. Человек не готов жертвовать всем, чем угодно. Никто не готов. Вот ты не можешь предать своей дочери и помереть, — сначала он указал на Генри, а потом на себя. — Я не могу предать своей семьи и помереть. Да. Наплодил. Я виноват в этом. Живут они в гетто, хоть и в Центре живут. Сказать честно... Центральные миры — это сплошное гетто. И белые, и черные, и желтые — все как один живут, заточенные в своих маленьких гетто. Преступность есть, хоть и загнана в норы теми же шок-пехами, но это не гарантия. Да. И зарплаты там получше, но не для всех. Жена вот моя работает за пятьсот кредитов в неделю, сыновья старшие, двое, грузчиками работают там по двести кредитов в неделю. Я за неделю зарабатываю больше, чем они все вместе. Но да... — в этот момент чернокожий пальцем показал на локоть. — В крови по локоть. Мы ведь не все, как Чаки. Даже шок-пехи не все такие, как позавчерашние. Помнишь, наверное, как двое, что были поближе к нам, про девушку говорили. Ну, вот... Не все такие. И не все так однозначно. Вот ты сам в той крови, которую они делают, замешан. Все переплетено, и все мы виноваты, просто в разной степени, — голос Джека становился все более и более тихим, казалось, что он будто бы каялся за то, что делал, и от этого Генриху становилось только хуже. Он мерил их всех одинаковыми ублюдками и головорезами, но чем дальше углублялся в общество — тем сильнее понимал, насколько он сам ублюдок.

— Ладно, Джек. Давай. До завтра. Может как-нибудь встретимся и выпьем. Надеюсь, что шальная пуля не разлучит нас, — Генрих улыбнулся и пожал руку Джека, который и вовсе усмехнулся над последними словами.

— Ты меня в гомосеки не записывай, Генри. Я б если таким был — детей бы не настругал шесть штук, — улыбаясь, сказал чернокожий.

— Не записываю, не записываю, — улыбаясь, проговорил Генрих, а после пошел к лифту.

Почему-то на этом этаже никогда не было никакой активности. Только единичные люди проходили туда-сюда, но не более. Вот в конце коридора стоял Борман и с кем-то разговаривал. Лицо его было, как обычно, красным, а сам он напоминал свинью на бойне, в которой поселился страх, но она не совсем понимала того, куда попала.

— Дая тебе говорю, кретин. Убьют тебя там, — говорил грубый голос толстяка куда-то в никуда.

— С кем Вы разговариваете, господин Борман? — спросил только вышедший из лифта крепкий мужчина в темно-синем закрытом мундире с железным щитом с молнией на правом плече, а также с погонами, на которых красовались четыре серебряных полосы, пересеченных красной линией, в правой руке он держал армейскую бейсболку с тем же щитком, что и на плече.

— А? Ни с кем. Сам с собой.

— А кого там убьют? Не Фирса ли случаем?

— Нет, сержант. Меня убьют.

— Ха-ха... Честно? Я бы Вас прямо сейчас завалил за какие-то секреты, но Вы больше дороги Роберто Романо на данный момент, — толстяк во время слов этого человека даже побелел. Судя по всему, это и был тот самый сержант, который работал вместе с Романо в цехах.

Крепкого телосложения, рослый и опасный, вот что можно было сказать об этом мужчине в мундире. На лице его под правым глазом красовался довольно глубокий ожог. Возможно, его пометил какой-то рогариец, ибо, если присмотреться, внутри рубца виднелись непонятные символы, которые чаще всего гравировались на гранях энергокопий рогар. Его лицо было довольно грубо обтесанным и во многом изуродованным множественными шрамами, которые, впрочем, были характерны для шок-пеха. Он остановился перед Генрихом и улыбнулся во все зубы.

— Здравствуйте, Генри. Мне тут интересная информация поступила. Я хочу поблагодарить Вас за тот шикарный НПК, который встроен в мой костюм. Правда отличная вещь, и дизайн соответствует нашему делу. А вот шоковая вставка была лишней, пришлось демонтировать, но... Это сугубо моя придирка. Некоторые парни с удовольствием ей пользуются, — в этот момент бугай с бритой головой согнул левую руку в локте, подняв ладонь вверх, а после дважды ударил предплечьем правой руки по своей ладони. — Так-то интересное решение, однако, приходится проводить новые кабели внутри шок-костюма, чтобы в идеале этим получалось пользоваться. Хотя, предплечьем бить не всегда оправдано. В потасовке лучше уж кастетом бахнуть, а лучше прижать его к зоне паха и жакнуть зарядом, так чтоб яички обуглились, — после этих слов бугай начал смеяться своим хриплым басом. — В общем, удачи, Генри. Скоро увидимся вновь. Думаю, нам есть о чем с тобой поговорить.

Генрих отреагировал на этот монолог лишь покачиванием головы, а далее пошел к лифту. Впрочем, шокпех не сильно отреагировал на это. Ему было плевать, ибо сейчас должна была произойти встреча с давним знакомым, а значит, можно было бы даже дрябнуть немного коньяка, причем бесплатно.

Генри спускался по лифту в довольно подавленном настроении. Сначала Романо, затем Джек, а теперь в конце еще и этот верзила с шутками про обугленные яйца. Отвратительно...

...

Генри не запомнил, как оказался дома. Единственное, что он знал сейчас — это, пожалуй, то, что Романо достаточно щедр и позволяет выживать семье Джека. Это как-то давило на разум, но все же... Это ничуть не обеляет этого человека. Он был готов на все ради тех, на кого он работал, а вот это нельзя было вымарать. Никакими добрыми деяниями Романо не мог бы стать достойным человеком, впрочем... Как и сам Генри. Сейчас он вспомнил еще и о шок-пластине внутри защиты для предплечья, которая шла в дополнение к НПК.

Он разулся, разделся, а после завалился на диван. Каждый разговор с Романо оканчивался таким состоянием. Состоянием, кажется, слома. Он будто специально ломал человека, который работал на него.

— Пап? Ну, как там? — спросила девушка, вышедшая из душа. Она была обернута в полотенце, прошла через зал, где и развалился ее отец, и прошла в свою комнату.

Генрих молчал. Его сейчас обуревала ярость из-за той несправедливости, которая

творилась в мире. Пожалуй, впервые он задумался о том, что все, что он делал — это, наверное, зло, хотя своим рабочим он и платил лучше, чем центристы, хотя зависело от того, кем являлся работник.

Он закрыл глаза, и тут в голову поползли страшные картинки того, что он представлял себе в перестрелке. Одно тело будет лежать на столе. Обязательно. Будет прострелено в нескольких местах, кровь, подобно какому-то жидкому соусу, расплзется по всей столешнице. Или... Он сам завалится на пол с простреленной головой. А вдруг будет убит Романо? А он не сможет его спасти? Что тогда? Наймут какого-то нового управленца? А он возьмет его на работу? А куда без Романо? Вопрос за вопросом бил в голову, а мозги превращались в какую-то кашу. Страшно, страшно, слишком страшно.

— Пап? — в этот момент его дернула Кира. — Что с тобой? Отказал?

— Нет. Кое-что другое. Он согласился на интервью.

— Что случилось?

— Ну... Короче, Кир. Ты... — в этот момент Генрих сел и обнял дочь, глаза его снова наливались слезами. — Ты... Ты прости меня, дурака, за все.

— За что, пап? — спрашивал тоненький голос.

— Просто прости... Я... Я... Я много плохого сделал для тебя, для людей. И боюсь, что сделаю еще много плохого... Или не сделаю. Не знаю, — с каждым словом говорить становилось все сложнее, но Генрих продолжал. — В общем... Завтра я могу быть убит.

— Кем?! — девушка отпрянула от отца.

— Завтра мы будем штурмовать бар, в котором будут встречаться авторитеты. Так вот... Там будет много всяких бандитов, и я не знаю, смогу ли я убить.

— А ты не можешь отказаться, пап? — голос ее задрожал, а она прижалась к отцу.

— Не могу. В этом и проблема.

— Тогда не иди! Ты мне нужен! — голос ее срывался на крик, а отец гладил голову дочери. Сам он качал головой, но не мог сказать того, что не пойдет на дело.

Так и сидели. До самого вечера. Как уснули? Просто провалились в беспамятство.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Центр-1, строение 22, этаж 10, кабинет 1003,
28.12.2579, 07:40

Романо даже не выходил из кабинета в эту ночь. Сейчас он сидел за компьютером и что-то довольно быстро читал. Глаза его бегали по строчкам, а сам он выглядел слегка помятым, но не сонным. Щетина довольно неопрятно красовалась на лице директора, а сам он этого не замечал. Правая ноздря и правая часть верхней губы то и дело дергались, кажется, сейчас нервы брали верх над уменьшенной копией титана, но силы его были все такими же титаническими. Кажется, что он и не спал никогда, всегда работал.

Документ открывался за документом. Имена, фамилии, отчества, даты рождения, послужные списки, количество тюремных заключений, все шло подряд, а база данных полиции все глубже и глубже исследовалась. Вот мелькали морды кворонов, местных бандитов, морда какого-то рогарийца. Лица кворонов, как и у любых обитателей глубин, казались шершавыми, наподобие голов осьминогов. Однако черепа их не были столь вытянуты, были более округлыми и чем-то напоминали обритуемую человеческую голову. Вместо рта у них виднелись щупала, что закрывали маленькие четырехстворчатые жвала. Вот появилась наиболее интересная личность, фотокарточка вожака группировки, человек сосредоточил взгляд, далее начал читать вслух.

— Альберт Брюс Леман. Уроженец Альмерус-Пять... Выходец со станции, выходит. Привлекался еще там за сбыт наркотиков, затем за организацию организованной преступной группировки с целью ограбления местного жителя, кто он был — не уточняется. Далее уходит со станции, привлекался еще на паре станций... Не важно. Итарис-Итарис, — шептал человек, начиная прокручивать документ. — Ага. Итарис, город Кирен-1. Привлекался за организацию преступной группировки, распространение наркотиков, организацию производства и сбыта наркотиков, вместе с братьями Кирхар и Гхиран Йори... Угу... С теми кворонами, значит. В розыске не числится, а вину доказать не смогли. Значит, денег занесли. Хорошо. Что по тебе есть в сети, друг мой? — Романо улыбнулся, после чего открыл поисковую систему и вбил туда имя и фамилию, указал возраст в тридцать восемь лет, планету и город, а далее показалось множество результатов запроса. В визоре отобразилось изображение из дела, а далее он начал анализировать лица людей. Несколько прокруток, и находится подходящее, Романо открывает ссылку. — Угу... Семьи у нас тут нет... В друзьях? Ага. Те самые квороны, рогариец. Интересно. Кириртар Гро'Балег, ты у нас проходил как разыскиваемый разом и у рогарийцев, и у нас. Интересные кадры.

Человек откинулся на спинку кресла и уставился в потолок, пока в кабинет не вошел сержант Грейх. Рослый мужчина снова был в своей форме, а лицо его было все столь же устрашающим.

— Доброе утро, Романо, — улыбнулся человек, садясь за стол и протягивая руку директору корпорации.

— Доброе утро, сержант Грейх, — покачал головой мужчина, пожав руку.

— Чет кислый ты сегодня, Роби. Чего случилось? И чего ты так рано на рабочем месте? — спрашивал грубый голос человека.

— Ну... Я отсюда и не уходил. Штука такая... Перед подобным делом надо собрать как

можно больше инфы на противника. И ты сам это знаешь, Грех.

— Ага. А обязательно меня по позывному называть? — спросил сержант Грейх, взглянув своим левым карим глазом на своего собеседника, а правый был затянут бельмом.

— Ну, по позывному привычнее. Плюс... Ты все-таки до сих пор солдат, а я уже гражданский.

— И как это связано?

— Как? Твоя жизнь — это позывной, моя жизнь — это уже имя. Вот в чем штука. Хотя... Чаще меня называют по фамилии и словом «господин», так что... Мы в каком-то плане до сих пор сродни, сержант Грейх.

— Какую-то хрень ты несешь, Романо, — улыбнулся Грейх. — Не выспался просто. У тебя стимулятор-то есть, чтоб перед делом на ногах быть, а не валяться лежкой?

— Есть, конечно, — ответил Романо, доставая из стола шприц и пару ампул. — Первитин нового времени. Ага. Только с меньшим влиянием на мозги и меньшим привыканием.

— Как он называется?

— Гвореин. Взят у кворонов почти в чистом виде. В общем... Очередные веселые лекарства.

— И стоит оно того? — с каким-то сомнением спросил сержант.

— Стоит, Грейх... Стоит. Я на нем сижу уже года два. Полезная штука, когда нужно не спать, а быть активным. Кроме того, важно то, что ты после этого частично более подвижным становишься, но да... Возбужденность — это не всегда хорошо, — говорил Романо, вскрыв первую ампулу и залив ее в специальную пробирку, затем вторую и залив ее туда же, а после этого открыл шприц.

— Квороны ведь наркоту делают по большей части, — сержант наблюдал за тем, как директор набирал жидкость в шприц.

— Да. В каком-то плане, — теперь он медленно закатал рукав рубашки до локтя, после чего спиртом протер кожу, а затем медленно ввел шприц в вену и медленно с небольшим шипением стал вводить раствор.

— Болезненный укол, да? — в ответ Романо лишь кивнул. — Короче. По поводу нашего друга Фирса. За ним хороший такой шлейф идет. Он, мало того, что с местной сетью наркобарыг связан, так еще сверху, кажется, участвовал в продаже девчонок из города на стационарные бордели кворонов, — Романо в момент слов Грейха стискивал зубы, а после тяжело выдохнул, когда жидкость в шприце наконец закончилась. — Так вот... Через него можем выйти и на других барыг. Местный бордельный бизнес прикрыть, и еще на Айскриме. Что думаешь на этот счет?

Романо тяжело дышал, на глазах его была какая-то болезненная влага, которую он стер, а после посмотрел на Грейха.

— Что-то ты себя решил Робин Гудом заделать. С чего это в тебе такие благодетельные дела возникли? — спросил Романо, время от времени прерываясь на то, чтобы выдохнуть.

— Да знаешь... Хочется себя не только дубинкой в руках властей ощутить, но и защитником. Тебе самому, наверное, не очень нравится делать свою работу. А мне каково на тебя сейчас работать?

— Не знаю. Ты сейчас, Грех, во многом работаешь ради довольно мелких вещей. Ты уже не тот, кому вручали крест героя, — проговорил Романо, запрокинув голову назад.

— Может, и не тот. Может, и тварь последняя, но мне бы не хотелось только тварью

помниться. Меня ж везде и все гнидой считают, да и... Приходится с этим именем и смыслом срастаться. Ну... Чтоб тебя все боялись, чтоб тот же Генри шуганулся. А на деле? Кто я? А я и не знаю. Слуга на побегушках у вашей корпорации. Вот кто я.

— Ага... И я такой же.

— Ну-ну... Ты хоть задачи давить людей простых не имеешь, а я должен ваши интересы обслуживать.

— Ну, так взбунтуйся, Грех. Кто тебе мешает?

— Присяга.

— Ага. Самому президенту и парламенту? Да на кой такая присяга, Грех? Ты ж против народа идешь по твоим же принципам.

— Да. Иду. Только вот... Все равно это присяга. Пусть и новому «фюреру», но все-таки присяга. Плюс... Деньги все-таки хорошие платят.

— И за эти деньги можно убивать себе подобных? — спросил Романо, улыбнувшись.

— В каком-то плане, да. Вся жизнь же рынок нынче. И ты это не хуже меня знаешь. Хоть что может быть оценено в деньгах. Хоть моя жизнь, хоть твоя, хоть девственность твоей дочери.

— Ну... По поводу девственностей там оценивать уже нечего, — Романо еще больше улыбнулся. — Жизнь в обществе имеет свойства развращать. Кругом красивые мальчики. Ага. Здорово же жить в каком-нибудь богатом районе среди богатых людей, не зная, каким образом вам такая жизнь досталась. Что папке приходится делать ради того, чтобы вы так жили и жили вообще.

— Они ж у тебя в заложниках?

— Ну да. В заложниках красивой жизни, а также охранки нашей корпорации.

— Тебя не прослушивают? — довольно настороженно спросил Грейх.

— Ой... Прослушивают, браток, только проверь телефон. Он сейчас не работает. Как только какие-то личные разговоры — я включаю глушилку. Пошли в жопу. Имею право поболтать по душам, — усмехнулся Романо.

— Ну... Да. Хитер, сука. Как и раньше, — Грейх склонил голову набок и посмотрел прямо в глаза Романо. — Знаешь, Лис. А ты ведь ни хрена не изменился. Смотришь на тебя, и ни хрена не поймешь. То ли ты мудила полный, то ли нет — лучший из людей, быть может. Вот скажи мне. Если бы была возможность это все сломать... Ты бы сделал это?

— Быть может, Ганс, быть может. Только вот сложно это все чересчур. Нужно слишком много элементов контролировать, партию иметь. Сам знаешь, какие дела у нас с «иными» партиями.

— Ага... Сам в погроме библиотек участвовал, — Грейх в этот момент втянул свои сухие губы и облизал их.

— Только представь... Какое огромное наследие мы ко всем чертям спалили? Несколько веков, и все в пламя. История выхода в космос переписана. Ну... Колонизации планет в других системах. Якобы такими же были, когда в космос вышли. Как сейчас. А нет. Там немного иначе было. Фирмы под сапогом были, все работали на благо всего общества. А теперь?

— А теперь соки сосем из общества. Да... В жопе мы, Романо. Еще пара поколений, и юные зомби не будут помнить вообще ничего.

— Да. Остается только надежда на Конфедерацию.

— А что Конфедерация? Вон Триумвират, как опростался. Всего пара бунтов на

граничащих с ними системах, так там адмирала Хелтона выслали. Грейк — превращен в сплошную пустыню. Ядерную. Милония — стала огромной свалкой. Атерия — стала сплошной оккупационной зоной «Голем-Один», а там, рядом, еще капиталистические миры, Голем-Два, Голем-Три, Голем-Четыре и тэ дэ. Не. На Конфедерацию рассчитывать бесполезно.

— Да я не про военное вмешательство, а скорее про историю. Они-то сохраняют.

— А... — Грех опустил голову. — Ну да. Они сохраняют. Наверное.

— Ай, ладно. По поводу того, когда встречаемся. Где-то в двадцать ноль-ноль ты должен с отрядом наиболее подкованных быть на заднем дворе Шкипера. Только без машин и прочего. Это, если хочешь, «стелс»-операция. Глушители надо будет подрубить в начале штурма. Такой расклад. Если стрелять начнут — сам понимаешь, что далее делать.

— Да. Понимаю. Значит, шок-дробовики брать?

— Именно. Кстати, как эта хрень работает? Она летальна?

— Ну... Относительно. Тут, в общем, штука в чем. Внутри дробовика стоит заряжающее устройство. В итоге шарики электризуются и образуют своего рода сетку в момент вылета. Более того, каждый шарик — это маленький аккумулятор с устройством вывода тока. Сами шарики довольно хрупкие, поэтому разбиваются о тело, и выдают целую феерию ощущений, боли и чувств.

— Феерия, блин... — Романо усмехнулся в этот момент. — Это твое чувство юмора или в тебе творец проснулся?

— Ну как это, Романо? — сержант шок-пека откинулся на спинку стула. — Ты не знал, что я ставил спектакли, когда только начинал службу? Я всегда был творцом! Творец симфоний боли, феерий страха, драматургий слез и прочего добра.

— Скверный у тебя юморок, Грех.

— Тебе всегда нравился, Лис. Что-то поменялось? — шутливо спросил сержант.

— Не. Ничего не поменялось, — улыбнулся Романо.

...

Утро же Шпака начиналось с мрачного настроения. Генрих был словно убитым. На его лице застыло какое-то мрачное выражение, нижняя губа была немного выдвинута вперед, создавая чуть ли не детское выражение обиды, в глазах застыла непонятная пелена, которую, кажется, было невозможно чем-то развеять. Мрачно он прошел в ванну, умылся, затем вышел. Лицо было бледным, его воротило лишь от одной мысли, что придется убить... Паскудство. Но и пойти против Романо было никак. Значит...

— Как там сказал Джек? Стоицизм? Что это вообще значит? — он прикусил губу, дочери дома уже не было, она ушла на занятия. Генрих уже достал пистолет из своего сейфа. — Как же убить-то кого-то? Как с этим жить потом? Как? Как они все живут? Хотя... Тот парень. На мне же, выходит, его кровь тоже? Шоки вызвали полицию, а те увезли парня куда-то далеко. А потом убили.

В этот момент Генрих упал на диван. Рядом лежал заряженный пистолет, Шпак медленно передернул затвор, после чего нажал на курок большим пальцем. Правый глаз задергался, губы затряслись, рука тоже. Он положил пистолет назад на подлокотник дивана. В глазах возникла влажность, но он, скрипя зубами, сдержал слезы. Вдруг раздался звонок, и плоский телефон вновь лег в руку.

— Алло? — спросил Генрих.

— Здравствуй, Генри, — на той стороне слышался тот самый голос, который время от

времени пробирал до дрожи. Романо. — Ты готов к делу?

— Честно?

— Честно-честно. Я жду.

— Не очень.

— Что же тебе не дает покоя, Генри?

— То, что придется убивать.

— Ну, знаешь... Может, тебе и не придется. Там моих бойцов будет достаточно и, думается, что они будут заходить первыми. Плюс шок-пех. Ты даже испугаться не успеешь. Плюс... Есть один важный фактор. У нас тут наметилась одна проблема, которая может тебя немного успокоить, — Романо выдержал небольшую паузу, а затем продолжил. — Дело в том, что наши бандиты действуют в довольно близких отношениях с кворонами, а там, сам понимаешь... Бордели, притоны, а мы это все порушим. Только прикинь, какие прибыли наши земноводные потеряют. Так вот... После этого придется смотаться на ближайшую станцию, там ликвидировать нескольких работорговцев или же взять под стражу, а затем казнить по закону. Только представь. Твоя дочь — становится рабыней одной из этих тварей. Тебе бы было приятно?

— Нет. Но ты же это не за просто так делаешь.

— Конечно. Бандиты имеют привычку мстить, тем более квороны. Помню, как-то раз корпорация залезла в их «гнездо» и один бордель прикрыла, так эти твари взяли и подорвали один из офисов, поэтому их накрыть надо сразу.

— А зачем тебе их накрывать? Вы же стараетесь, чтобы жизнь тут невыносимой стала.

— Ага. Отчасти это так, но дело в том, что бандиты организуют определенную занятость, сверху возникает и еще одна проблема — бандиты слабо подконтрольны нам, поэтому имеют свойство организовывать свои собственные картели, захватывать определенные предприятия, а далее доить с них деньги — нам этого не нужно. Монополия должна разрастаться беспрепятственно.

— Прекрасно...

— В шестнадцать ноль-ноль будь готов к тому, чтобы выходить из дома. Мы тебя возьмем на «борт», а далее двинем к Шкиперу. Заодно слегка приоденешься, а то выглядишь, мягко говоря, не как мой боец. Побрейся перед этим делом, кроме того, приведи ствол в должное состояние, почисти хорошенько, а еще хоть немного приведи себя в форму, чтоб в случае чего не был похож на мешок с дерьмом, который свалится от первой же полетевшей пули. Главное в этом деле, Генри, — не бояться, а иначе можно очень быстро окочуриться, если будешь кого-то из них жалеть и прочее. Пожалей свою дочь, если ты, как последняя тварь, сейчас думаешь о том, чтобы застрелиться. Я тебя читаю, Генри, и даже не думай о тех, кто сегодня будет убит. О них тебе думать вообще не нужно — это отбросы общества, которые сколотили шайки для ограбления людей. Да, ты можешь считать меня одним из них, однако благодаря мне улицы станут немного чище, кроме того корпорацией выделяются довольно большие деньги на развитие добывающей промышленности. Мы не настолько говно, Генри, чтобы ты нас скотами лютыми считал. Уже сегодня разрабатывается двенадцать новых шахт, начато бурение десяти новых нефтяных скважин, начата добыча газа в двадцати новых точках, а еще новые заводы для переработки нефти в бензин и иные виды топлива. Мы не только уничтожаем, но и создаем, Генри. А сегодня ты убьешь во благо, и не сломаешься от этого. Понятно?

— Понятно, — мрачно ответил человек.

— До свидания, Генри, — довольно спокойно проговорил директор.

— До свидания, господин Романо, — в этот момент Генри взялся за грудь, что-то внутри колело, а дышать становилось как-то тяжело. Он положил телефон рядом с пистолетом, а затем откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

Медленно, но верноболю уходила, а в голове крутились мысли о собственной ничтожности, о том, насколько он слаб и ничтожен для Романо. Как он может раздавить человечка по имени «Генри» и не только, но почему-то дает ему возможность кормить свою дочь, а еще и заставляет жить... Станный этот Роберто Романо. Станный.

...

Звонок раздался в четыре часа дня, Генрих быстро поднялся, он уже был одет в свой пиджак, под которым находилась кобура с пистолетом. Он был тяжелым, кажется, килограмма два, но эта увесистость придавала определенной уверенности. Человек довольно быстро взял телефон.

— Выходи, Генри. Мы подъехали, — проговорил голос директора, а подчиненный молча пошел к выходу.

Далее быстро было надето пальто, а за ним сапоги. Человек посмотрел на себя в зеркало, а отражение смотрело бледным лицом, которое своей белизной напоминало чуть ли не живой труп. После этого бывший бизнесмен двинулся вперед к лифту, не забыв закрыть дверь за собой. Затем вниз, после этого — на выход из здания. Прямо перед входом в воздухе завис автомобиль на воздушной подушке. Генрих обернулся, чтобы, быть может, в последний раз посмотреть на свой дом, а потом пошел на встречу с судьбой.

Задняя дверь автоматически открылась, и он забрался в это когда-то фантастическое изделие со сверкающей серебром поверхностью. Форма машины чем-то напоминала микроавтобус, единственным отличием от него было отсутствие колес, которые заменила воздушная подушка.

Внутри уже были знакомые лица: Романо, Чаки, Джек, Мартин и второй бугай. Мартин и второй бугай сидели на передних сидениях. На самых задних сидениях расположился еще один крупный мужчина, которого, кажется, уже приходилось видеть, второй же на голове имел довольно странный шлем с восемью глазами. Второй был то ли выходцем из других рас, то ли каким-то сверхимплантированным бойцом, хотя оружия при нем видно не было. Все эти семь человек выглядели готовыми к схватке, а на вошедшего, кажется, обратили внимание лишь Джек, да тот бугай рядом с восьмиглазым. Место было свободно рядом с Джеком, который тут же протянул руку Генриху, тот пожал ее и сел рядом с товарищем. Машина тут же рванула вперед.

— А там кто такие? — спросил Генрих, обернувшись на заднее сидение.

— Эти? Ну, вон тот здоровый парень — это наемник, который наиболее круто снаряжен был. Из тех, которые с нами завод брали. Звать его Билли. Нормальный мужик. А вот второй... Он мастер по технологиям. Наемник со стажем — любитель подрывов, слежки и прочего. В общем... Мастер делать дело не своими руками. Как зовут — не знаю, но, мне кажется, что они оба уже телохранители. Этот, у которого восемь глаз, там массу камер установил, чтоб из любого угла все видно было. Плюс, у него там, в шлеме, проектор имеется, такой, что он может план здания передать со всеми целями внутри, даже в движении. В общем, крутой мужик, — Джек посмотрел на трясущиеся руки Генриха. — Волнуешься?

— Боюсь домой не попасть сегодня.

— Не ссы. У нас тут все цивильненько выйдет. Основной удар, наверное, на себя шокпех примет. Так что бояться нечего, хотя шанс словить шальную всегда есть. Но что поделать? Пуля — дура. Не сильно разбирает, в кого лететь. Но не ссы. Верь в удачу, а дальше как-нибудь повезет, наверное, — негр в этот момент улыбнулся, а после стал смотреть в окно.

Повисло молчание, лишь какое-то странное бормотание шло от восьмиглазого, и это напрягало. Генрих попытался прислушаться и услышал нечто вроде: «Один-один-ноль-ноль-ноль. Один. Ноль. Предполагаемый противник перемещается в точку три». Услышав эти слова, человек решил погрузиться в свои мысли. В машине начало раздаваться какое-то насвистывание, судя по всему, Билли насвистывал какую-то мелодию, ибо находиться рядом с этой консервной банкой было невыносимо.

...

Время шло, поворот за поворотом, встречная машина за встречной, а бормотание все также продолжалось. Кажется, от этого можно было сойти с ума. Лишь изредка слышались переговоры водителя и второго бойца. Романо же был тих, кажется, он что-то читал. Генриху хотелось спросить, что именно, но он переборол свой интерес. Вскоре аэромобиль остановился, а после постепенно прекратила свое действие и воздушная подушка, машина же начала медленно опускаться вниз.

— Что там, Крайт? — спросил Романо, развернувшись назад, а восьмиглазый тут же будто бы включился.

— Ничего особенного. Посетителей прибавляется, но важных лиц, в тех помещениях, которые находятся под наблюдением, всего двое. Фирса на данный момент в здании нет. Хотите узнать информацию о находящихся лицах?

— Ну, давай, — Романо с интересом посмотрел на «Паука», как про себя окрестил его Генрих, а человек начал говорить.

— Первый — Джонатан Ривз — владелец Шкипера и один из высокопоставленных членов преступной иерархии. Не раз привлекался по уголовным делам за куплю-продажу рабов, в основном женского пола, а также за оборот запрещенных веществ и оружия, выходил из тюрьмы за выкуп. Основная деятельность в среде бандитов — торговля с синдикатом кворонов, — на мгновение киборг замолчал, после чего послышался звук сканирования, а безэмоциональный голос продолжил. — Второй — Омониан Септ — человек довольно скользкий, но информация о нем имеется. Довольно страшный кадр, ибо, кажется, имеет за собой определенные политические связи — ликвидация нежелательна, но и в живых оставлять не стоит, ибо данный кадр известен тем, что конфликтовавшие с ним жили недолго.

— Хм... — протянул Романо, а после с улыбкой спросил. — И что можешь предложить по действиям с Септом?

— Предлагаю взять его в заложники. Одновременно не навлечем на себя гнев власть имущих, а также получим определенную выгоду с возможностью давления на них. Только что пробил данные. Омониан является зятем мэра Кирена-Один.

— Ага... То есть сам господин Августин является другом местной мафии.

— Вероятно, но скорее через Омониана происходит легитимизация рейдерских захватов тех или иных фирм. По крайней мере, происходила до того, как Вы появились здесь.

— То есть... Я, возможно, перешел дорогу Омониану? — спросил Романо, все сильнее расплываясь в улыбке.

— Верно. Руководство завода «Кракен» долгое время находилось в определенных экономических сношениях с Омонианом, а также внутри «Кракен» имелось большое число акций, оформленных на уже умерших родственников Омониана.

— Забавно... Можешь назвать их фамилии? Кроме Аврелия, Найджелла Септа и Ники Септ.

— Зигмунд Вёльф — прадед Септа, его жена Лукерция Вёльф, их дети с теми же фамилиями. Отца и мать Омониана, а также его деда вы уже назвали.

— Ты полезен, Паук, — Генрих слегка удивился тому, как точно угадал позывной этого наемника.

— Рад стараться, господин Романо, — в этот момент его губы как-то неестественно сложились в улыбку, отчего у Генриха мурашки пробежали по коже.

Оставалось два часа ожидания...

...

Постепенно к Шкиперу начали съезжаться машины разного «покроя», здесь был и колесный транспорт, и машины на воздушной подушке, и полноценный аэромобиль, который прибыл к Шкиперу одним из последних. В этот момент Паук что-то тщательно анализировал, а Генриху подали гражданский бронезилет.

— Надень его под свое пальто, чтобы бронезилет не было видно, — проговорил достаточно спокойно Джек.

— Паук? Что там? — спросил Романо, глядя на киборга.

— На данный момент внутри помещения расположились двадцать пять существ, включая одного рогарийца, двух кворонов и двадцать два человека. Из важных следует отметить кворонов Кирхар и Гхиран Йори, Омониана и Ривза я уже называл, Альберт Лема и некоторые другие более мелкие лидеры. Полагаю, что информация о Лемане Вам во многом уже известна, то же касается и кворонов. Важно отметить нахождение...

— Постой, — прервал Паука Романо.

— Да?

— Можешь создать для нас голографическую модель всего происходящего?

— Конечно, — киборг начал конструировать образ бара изнутри, вот выделась прихожая зона с лестницей наверх, отделенная от зала перилами, а также постом из человека внизу и рогарийца с еще одним наверху. Затем начинался бар со сдвинутыми столиками в один единый стол, за которым уже сидели многие из тех, кто собрался по вопросу Фирса. Возле прохода в кухню также дежурил человек, а там, в недоступной зоне, вероятно, находились еще бойцы. Было видно много оружия, люди и два кворона общались, довольно активно жестикулируя. Эти двое слабо отличались от людей в плане роста, но их структура тела казалась более хрупкой, что слабо соответствовало славе самой преступной расы космоса.

— Отлично. Камеры в других местах поставить не вышло?

— Нет, но имеются внутренние камеры бара. Подключаюсь, — роботический голос был абсолютно спокойным, после его слов на карте возникли помещения кухни и камера на черный ход. Действительно рядом с черным ходом находилась пара бойцов, один из которых был довольно крупным квороном. — Карех Кор'Арог — плод различных манипуляций с генами. Было бы занятно взять его живым, а далее исследовать во всех возможных плоскостях. Если бы Вы, господин Романо, разрешили мне прикоснуться хотя бы к его мертвому телу — я был бы очень благодарен.

— Он еще и хирург? — как-то недоверчиво спросил уже Чаки у Романо.

— Нет. Но довольно заинтересованный биологией человек. Судя по моим данным, на счету у нашего друга, около трех научных работ. Я верно припоминаю?

— Именно так. Я изучал строение экзоскелета рогарийцев. Можно говорить о том, что рогарийцы — это прекрасные воины именно благодаря своей живучести. Я бы мог прочитать лекцию на тему их строения, но боюсь, что скоро с нами свяжутся бойцы Грейха.

И действительно, как только Паук замолчал, тут же раздался звонок телефона Романо, а тот с улыбкой достал его и нажал на кнопку ответа.

— Да, сержант?

— Глушители установлены, парни готовы к штурму. Сейчас, конечно, девятнадцать тридцать, но мне кажется, что там уже все собрались.

— Не торопись, Грех. Может, кто-то еще подойдет, а чем больше прихлопнем сейчас, тем лучше будет потом. Не находишь?

— Нахожу, но это не ты жопу морозишь, а я и мои бойцы.

— Вас учили терпеть многое, Грех, так что и это перетерпишь, — с насмешкой проговорил директор.

— Ха-ха-ха... Тебя тоже много к чему готовили, но почему-то твой зад в машине, Лис. Ладно. Жду сигнала, чтобы включить глушители.

— Да. И еще кое-что. Там у вас на черном ходе интересный кадр имеется. Здоровый кворон, который является плодом генетических экспериментов, так что будь аккуратнее.

— У кворонов довольно нежная кожа, поэтому залп из одного-двух шок-дробовиков, и будет выбит из игры.

— Вы, кстати, где скрываетесь?

— Где-где... В другом квартале, благо, эти ребята туповаты, поэтому охраны не выставили особо. Вернее, когда Один устанавливал глушители — один там имелся во дворе, так мы его снимем. В общем, ничего секретности не повредит. Вы сами где установились?

— За два квартала до Шкипера.

— Видел аэромобиль?

— Видел. Эта «Ласточка» за Леманом числится.

— Ага. Мне б такую, — человек хохотнул в трубку, после чего отключился.

— Мы выйдем? — спросил на этот раз Билли, которому ужеявнонадоело сидеть на месте.

— Выйдете. Только стволы здесь оставьте, чтобы не светились перед людьми, — проговорил довольно спокойно Романо, после чего из машины вышли Билли, Джек, Чаки и в самом конце вышел Шпак.

Выйдя на улицу, Билли потянулся, а затем потянулся в поясище, после чего раздался громкий хруст. Генрих сам протянул руку Билли, а после назвался, гигант ответил довольно радушно и обратил внимание на «белесую морду» человека.

— Да че? — Чаки сделал небольшую паузу. — Ссыт убивать. Он же неженка периферийная, недавно совсем думал, что бизнес — это только добро, а сам херачил планшеты для шок-гвардии. Вон у сержанта Грейха — НПК производства их фирмы.

— Заткнись, а? Я, может, тебя слушать не хочу, но вот вмазал он тебе шикарно. Такой удар смачный был, я прям не могу... Ты вот мне сразу не понравился, так с удовольствием бы сам тебе зарядил, сморчок, только вот боюсь силы не рассчитать, чтоб тебя клопа, не раздавить, — с ухмылкой проговорил этот толстогубый великан.

— Сука... — пробормотал Чаки, едва начавший доставать сигарету, но остановивший

это действие, как только его прервал этот гигант. После этого молодой человек вставил сигарету назад и, сплюнув, сказал. — Как-то и курить с вами перехотелось.

Лицо у Чаки всегда было злым, но теперь прямо-таки наполнилось каким-то нечеловеческим, чуть ли не животным бешенством, но он смог это в себе погасить, после чего забрался назад в машину.

— Нехило ты его, — проговорил Джек, улыбнувшись во все зубы.

— Ну, так, а че? Ведет себя как какой-то пидорок, до власти дорвавшийся, и вот корчит из себя. Круче всех типа, а как в силе уступает, так заткнулся и почти молчком назад залез. Хрен с ним, пускай обижается. Мне-то какая разница? А парня отстоять надо, хотя Генри и сам за себя постоит, мне кажется. Или ошибаюсь? Куришь, нет? — спросил человек, вытаскивая сигарету из коробочки.

— Нет. Не курю. Постоять за себя могу, но не мордобой же устраивать.

— Ну, так ты подлови его где-нибудь на подходе в гостиницу, да отпинай хорошенько. Я даже знаю, где он живет, — бугай довольно паршиво улыбнулся, а Джек как-то странно посмотрел на него. — Что? Я че-то не так сказал, что ли?

— Ну, мне кажется, что ты палку перегибаешь. Потом у Генри проблемы с боссом будут. Не. Не надо.

— Ну, так пуцай балаклаву на морду натянет, так и нормально будет. Узнает что ли по глазам?

— Билли... — протянул Джек, а тот отмахнулся.

— Ладно. А чего убивать боишься? Первый раз, что ли?

— Первый. Да я больше не убивать боюсь, а дочь сиротой оставить.

— Да не ссы. Смерти бояться — себя не уважать. Уж мы, «подавители», прекрасно это знаем. Грохот пулемета, в ушах барабаном долбится сердце, а пулемет строчит под его ритм. Еще, помню, давали попробовать плазмомет особенный, который струевым методом распыляет плазму. М-м-м-м-м... Врага в один момент сжигает. Но на практике я это дело не применял, ибо это... Рангом маловат был. Так что не ссы. Тут дело минутное. Те лбы, что внутри, не сильно любят жизнью рисковать, поэтому завалим охрану, и дальше — по домам. Вернее... Хе-хе... Большую часть из этих надо будет забрать с собой, а потом однажды утилизировать.

— Ты так это все просто говоришь, — Генрих нахмурился из-за слов человека, а после добавил. — Как будто человека убить — это нечто совсем ничтожное.

— Ну, так, а че? Нажал на спусковой крючок — и нет человека. Че тут особенно в сопли скатываться? Да, на первый раз больно, но потом привыкнешь. Такая штука жизнь нынча, если не ты — то тебя. Простая арифметика, только на уровне человеческих жизней. Минус один, минус два, минус три и тэ дэ, и тэ пэ. Если сильно херово будет, так бухнем опосля, и нормально будет. Че поделать, если жизнь таким макарон на коленки ставит?

Говорил этот великан спокойно, еще бы... Вероятно, участвовал уже в военных конфликтах, а то и не раз. И не страшно ему ничего, и война для него — игра со смертью в догонялки. Догонит — значит, она победила, а нет — значит, он. По крайней мере, такое ощущение складывалось, и как-то Генриха от этого даже передернуло. Боялся он стать таким же непробиваемым, как этот страшный гигант.

...

Не заметил он, как они уже находились рядом с баром. В руках у гиганта, который был гигантом даже на фоне бойцов Романо, достаточно смешно смотрелся какой-то ПП, но

использовать его назначалось в узких пространствах, поэтому титан и взял это не совсем привычное оружие в свои руки. Шпак шел прямо за этим бугаем, за ним следовал Джек, после него Романо, а за Романо оставшиеся. Шли спокойно. Звонок. Романо произвел сигнал для сержанта Грейха. Шаг за шагом. В глазах чуть ли не темнеет, но Шпак идет. Странно, что его поставили вторым. Ему правильнее было в конце быть — на шухере, но нет, его поставили вперед. Снова будто провал в памяти, и звук выстрелов, затем разбивающегося стекла и небольшого вскрика, падающего человека. Билли, облаченный в свою броню, входит внутрь и тут же выпускает длинную очередь наверх по лестнице. Кто-то вскрикнул, а гигант помчался вверх по ступенькам. Шпак быстро залетел за ним, выстрел куда-то в потолок, а с черного входа вылетает один из охранников, которого трясло от впитываемой телом энергии.

Один из кворонов хватается за пистолет, и тут же на автомате Шпак выстреливает... Секунда. Меньше. Время будто замедлилось, когда тяжелая пуля SK-2503 вошла в тело существа с красноватой кожей. Пуля пробило грудь существа, даже не просто пробила, а разорвала ее, остановившись лишь в полу. В разные стороны полетели ошметки плоти и кровь. Всю правую часть словно разворотило, а в руках начала ощущаться какая-то боль. Тем временем пятеро шок-пехотинцев поочередно влетели внутрь, наставляя свое оружие на сидящих за столом. Билли добивал рогарийца, расколов внешнюю костяную пластину, а затем бросив того на землю. Все происходило так быстро, а в голове Генриха крутилась лишь картина разорванной груди кворона. Того, как он разбрызгал содержимое своих сосудов и грудной клетки. Кто-то что-то говорил, а он не мог понять, что же случилось. Он присел на случайный стул и попытался сделать хоть немного угрожающий вид, хотя никто на него уже не смотрел. Все внимание забрал Романо.

— Здравствуйте, господа хорошие, — произнес человек, смотря на всех сидящих за столом. — Мы навели небольшой беспорядок, и я хочу за это извиниться. Вы же просто собрались для дружеской встречи, — человек в этот момент добродушно улыбнулся и осмотрел всех, кто находился за столом. — Вы не собирались меня «слить». Вы не собирались ничего сделать против корпорации, интересы которой я представляю. Вы не собирались убить ни единого моего сотрудника. Чего уж там? Вы даже не собирались сегодня употреблять наркотики, хотя три кворона в здании было. Так что же, граждане, вы тут делаете? Такие красивые и милые, молодые, и не очень молодые, но такие же милые люди. Что же вы тут все забыли, граждане?

— День Рождения празднуем, — мрачно констатировал Омониан. Был это человек среднего роста, лет под сорок на вид, темными волосами с небольшой сединой на висках и довольно холодным взглядом.

— О? Правда? Как мило... А чей, не подскажите?

— Мой День Рождения, — проговорил бас бритоголового Лемана.

— Да? А я думал, что вы обсуждаете дело одного моего друга или хотя бы его День Рождения празднуете.

— Какого друга? — проговорил Омониан, глядя на Роберто Романо своими холодными глазами с желтыми радужками.

— Не знаю даже... Наверное, вот этого, — человек указал на Фирса.

— Как интересно... Господин Фирс? Вы приглашали этих людей? — спросил Омониан, глядя на крысopodobного человека, который отрицательно помотал головой. — Видите? Нет. Он Вас даже не знает.

— М-м-м-м-м... — промычал Романо. — Интересно-интересно. А чей завод я приватизировал на имя своей корпорации?

— Наверное, завод полного тезки. Вы ошиблись заведением, господин Романо. Мне кажется, что Ваши враги заседают в баре через пять кварталов отсюда.

— О... А откуда Вы, Омониан, знаете, где сидят мои враги?

— Просто предположил, — Омониан, несмотря на присутствие здесь шок-пеха и ряда вооруженных людей, вел себя максимально выдержанно. — И я хочу Вам, Романо, предложить одну вещь.

— Какую же вещь, добрый господин, зять мэра нашего города, хочет мне предложить? — спросил, как бы измываясь, Романо.

— Валили бы Вы со своей корпорацией с моей земли. Ну, убьешь ты здесь всех и что далее? Тебя это спасет? Вот эти шок-пехи — уйдут под суд за то, что ко мне и к моим людям прикоснулись.

— Ой... Не пугай кворона наркотрафиком. У нас тут уже все схвачено, а ты станешь дополнительным рычагом давления на власти города.

— Что? — Омониан явно удивился, а вот уверенности в нем поубавилось.

— Как думаешь, если мне за «твой» завод не прилетело, то за вот эту мразь, которая здесь сидит — прилетит? — спросил Романо, глядя на истинного главаря этой шайки.

— Прилетит, — вмешался вдруг голос выжившего кворона, морда твари была вытянута, мозговой отдел был сильно крупнее нижней части черепа, но эту диспропорцию скрывали щупальца, что опустились вниз, закрывая жвала создания, что заменяли ему рот и челюсти. — Прилетит. За убийство моего брата — ваша корпорация заплатит.

— Нет. Я перебью весь ваш клан до того, как «прилетит».

— Я подам сигнал клану, — проговорил кворон, пытаясь нажать какие-то кнопки на своем мертвом НПК. — Храксир...

— Что это значит? — спросил Романо у Паука.

— Это нечто в духе «твари». На деле не очень переводимое ругательство, которое обозначает также сексуальную рабыню. Полагаю, грубая форма обозначения нимфоманки идеально бы подошла для обозначения значения данного выражение, — ответил на вопрос директора киборг.

— Спасибо, друг. Так вот, граждане, у вас отсюда два выхода: первый — вперед ногами, второй — пешочком и в наши автобусы. Далее вы попадете в особенную тюрьму, где и решатся ваши жизни.

— А если нет? — спросил Леман, поднимаясь из-за стола.

— Ну, лично в твоём случае — я найду твою любовницу и упрячу ее туда, где ей самое место. В бордель.

Леман в этот момент скривился, а после присел назад.

— Отлично. Значит все за то, чтобы попасть в спецтюрьму, не так ли?

— Вы ответите за это, Романо, — сказал довольно громко Омониан.

— Конечно, отвечу, но не перед вами, а перед... — Романо поднял взгляд вверх, а после указал туда же пальцем. — Перед господом нашим.

— Вы суеверны?! — спросил еще громче Омониан, в глазах его читалась злоба, ненависть, а также недоумение.

— Перед капиталом, друг мой. Все мы за него боремся, и ты мертвых родственников в акционеры завода «Кракен» записывал. Ой, какой интересный обход антимонопольных

законов, верно?

— Это не твое дело. Тем более, ты этим же занят.

— Верно. Этим же, только я не прячусь за фигуру мэра и мертвых родственников, в отличие от различных выходцев из семейства грызунов.

Вскоре в бар вошли новые бойцы, которые стали медленно, но верно выводить тех, кто был «задержан» в этом здании, а вот Генри ощущал себя довольно плохо, а в глазах застыла картинка этого грудного фарша, который образовался в теле кворона. Даже то, что он не был человеком и достойным гражданином, ни на каплю не облегчало груза на душе человека.

...

Шпак не замечал, как и что происходит. Он уже даже не помнил, как оказался вместе с Билли и Джеком в каком-то баре... Как начал пить? Как начал разговор с мужиками? В глазах все время всплывала картинка того, как кворон превратился в кусок мертвого мяса. Пистолет был при нем... Но в какой-то момент в нем не оказалось обоймы, да и последний патрон из дула выбросили передергиванием затвора. Серые глаза бегали туда-сюда, смотрели то на Джека, то на Билли, в этих глазах была какая-то пелена, и люди были этим озабочены.

— Генри? Генри? — говорил Билли, глядя на человека и даже пощелкав пальцами перед его носом. — Как думаешь, Джек? Он оправится от этого?

— Да. Пойдет. Я помню свой первый раз... У меня, правда, не такой ствол был, а простая ППШка, так там не так красочно было, а тут... Ну, справится, думаю. Плюс дочурка дома, так что, думаю, папку восстановит. Наверное.

— Романо собирался его на станцию брать. Думаешь, восстановится?

— А вот тут не скажу, но думаю, да.

Тут вдруг в голове Генри начали оживать мысли, и тут же он запрокинул в себя рюмку коньяка, затем налил вторую, и запрокинул ее тоже, а потом закрыл лицо руками и сгорбился.

— Но да... Кажется, не оправится. Сейчас захнычет еще, ну ниче. Благо, это был кворон. Наверное, хоть чуть-чуть полегче, — довольно медленно проговорил Джек, нахмурившись.

— Взрослый мужик, а ощущение, как будто девочка этого кворона убила, — констатировал Билли, а после налил и себе.

— Ага... Квороны — это вообще твари, которые жалости не заслуживают, а он разнылся... Кошмар. А что будет, если он из этой хрени человека шлепнет? Да в самую голову? Там же мозги во все стороны, кровь, кожа, ошметки черепа. Фу...

— Закройся, а?! — вдруг вскипел Шпак и ударил по столу, лицо его было красным, правый глаз дергался.

— Ладно-ладно, успокойся, — Джек выставил руки перед собой ладонями к Генриху. — Ты восстановишься?

— Хер-р-р его знат! — проговорил человек заплетающимся языком.

— У-у-у-у-у... — протянул Билли. — Его ж до дома нести придется.

— Сам, с-с-с-сука, дойду. Не трожь меня!

— Ну-ну... Ты для начала выход найди из бара, а дальше угадай, в каком из тысячи кварталов мы находимся? — улыбнулся Билл, а после налил себе еще одну рюмку коньяка и опустошил ее.

— И найду! И угадаю! — проговорил человек, пытаясь подняться из-за стола, но снова пал на скамейку задом. — Потом... Да! Потом угадаю!

— Ну-ну... Удачи, братишка. Если через годок-другой дом найдешь — тогда хорошо.

— Да, отвали ты от него, — прервал Джек Билли. — Ты себя особо не вини в смерти того красномордого, не думаю, что кворон достоин того, чтобы из-за него убиваться.

— А кто достоин? — Генри смотрел на Джека с приоткрытым ртом, а сам немного покачивался, даже сидя.

— Не знаю.

— Да, для тебя никто жизни не достоин. Что кворон, что человек... У всех шкурки коли деньгами окупаются, так ты убьешь. И этот убьет.

— Убьем, если жизнь наша от этого зависеть будет. Вот кворон выхватил ствол, так ты же его завалил, — ответил на тираду Билли.

— Завалил, а жаль, что завалил... Не сидел б ты щас предо мной, да и я не сидел бы.

— Ну, ты не переоценивай ППшку или автоматический пистолет, я не разглядывал особо, но броню мою бы не пробило, но да. Твоя грязная морда осталась бы валяться там, а дочка твоя, гнида, осталась бы одна.

— И пусть! Она взрослая!

В этот раз в разговор вступил Джек:

— Взрослая? Ага. Прекрасно. То есть ты бы с удовольствием отправил бы ее на трассу своей гибелью? — Генри снова закрыл лицо, локти на этот раз были поставлены на стол. — Ну, давай-давай. Поори, может, твою истерику закончу выбитой тебе челюстью. У меня удар поставленный, и я не посмотрю на то, что мы друзья. Ты дочку свою готов предать в пользу своих мальчишеских мыслишек и идей. Имеешь такое право, мразь?

Человек напротив помотал головой, не убирая рук от лица.

— Вот, шваль. А ты знаешь, к кому твоя девочка могла попасть, если бы оказалась на трассе? — Джек немного помолчал, а после произнес. — К кворонам. Она у тебя красивая, хрупкая. Сечешь? Если ты одного из этих убил, так можешь считать, что предотвратил чье-то похищение. Ты же охереть какой добрый. Милостыню, наверное, каждому попрошайке даешь, а тут хочешь оставить дочь без отца. Ты вот подумай, урод, как мужик ты себя вообще сейчас ведешь? Или как истеричка? Берешь и поливаешь дерьмом тех, кто тебе помочь хочет. Более того, тех, кто тебя от пули, твоей же пули, в башке спас. Ты ж, пока шли по дворам, так пытался застрелиться. Но нет. Пистолет мы у тебя отобрали, разрядили, а теперь ты, дерьмо, хотел, чтобы Билли был убит. Убит пулями того, кто был убит тобой. А ведь Билли буквально пару часов назад хорошенько опрокинул Чаки, который тебе постоянно под шкуру лезет. Защитил тебя тогда, когда ты свой язычок поганый в жопу засунул.

— Простите... — как-то сипло проговорил голос, приглушенный руками.

— Да, че тебя прощать? Шок, все дела. Но ты пойми, какой бы шок не был — мужик должен мужиком оставаться. Истерики свои сунь поглубже. Телефон, кстати, проверь.

— Нет, — протянул человек.

— Я тебе сказал, проверь. Дочь, наверное, уже иззвонилась.

— Хорошо... — Генри отвернулся к стенке, достал телефон из кармана, после чего начал включать свою волшебную коробчонку, а дальше стал смотреть пропущенные звонки. «6 пропущенных вызовов», — гласила надпись на экране, он отключил экран, а после проямлил. — Не. Не звонила.

— Дай телефон сюда, — угрожающе проговорил Джек, после чего Генри протянул телефон чернокожему, а тот посмотрел на своего белокожего друга злобными глазами, но ничего не сказал, после чего нажал на кнопку звонка.

Вызов шел недолго. Скоро раздался тонкий, заплаканный голосок:

— Папа?!

— Да. Привет, Кира. Это звонит Джек — друг твоего отца. Не кричи, пожалуйста. Твой отец сегодня в не очень хорошем состоянии, но мы его привезем домой. Да. С ним все в порядке. Не плачь, милая, — голос Джека вдруг стал максимально мягким, хотя только что был грубым. — Да. С папой все хорошо. Нет. Его не били. Он никого не убил. Не беспокойся. Все хорошо. Мы в баре с ним сидим, он выпил немного. Ну... Что поделаешь. Тяжело просто сегодня было. Перестрелка была — все верно, — в телефоне вдруг раздался громкий вздох и вопрос: «Он жив?!». — Жив-жив... Только пьян, и не хотел тебе звонить. Успокойся, солнышко. Все хорошо. Ложись спать, мы твоего папку приведем и уложим. Все хорошо. Его даже не зацепило. Никого там не зацепило, ну, кроме нехороших людей и одного кворона. Все хорошо. Давай. Успокаивайся. Тебе завтра в колледж, насколько знаю, ложись спать. Спокойной ночи, Кира, — Джек подал трубку Генриху, а сам убийца, пригорюнившись, смотрел на негра во время всего разговора, а потом спрятал телефон в карман и лег головой на стол.

— Какой же я урод... — послышался его голос.

— Ну вот... Теперь другая стадия, — пробормотал Билли и налил еще одну стопку.

— Какая стадия? Хрен с ним, с убийством... Я дочь хотел бросить, — голос его будто бы протрезвел, а разум прояснился. — Я ж... Я ж всегда добра ей хотел, а теперь вот... На подходе сюда пытался застрелиться. Дома чуть не застрелился. Я ужасный отец, ужасный человек... Хрен с ним, с убийством. Я себе сейчас работы на шок-пех простить не могу. Как вспомню того пацана, которого шоки избили, а потом в полицейскую машину засунули, так сердце замирает. Его ж убили жестоко. А потом... Когда брали этот завод... Когда выходил, там два выродка каких-то обсуждали задницу какой-то девчонки, которую до этого скрутили. Причем, ладно бы так обсуждали, так один про женское тепло там говорил... А я не знаю, что за женское тепло, что ли? Знаю, конечно. Так, сука, я ж им эти НПК поставлял. Такие огромные деньги вложены в эти НПК, что, по сути, я сделал так хреново людям, что меня распнуть на ближайшем здании должны за это. А я ведь тогда не думал вообще, что такое может быть вообще. Тогда, когда работал с этими, так шок-пех чисто как спецназ выступал. Я в жизни бы не подумал, что эти же люди потом свое оружие против народа направят. И хер с ним, мужики, ладно... Так они и женщин бьют и истязают. Кошмар. Я, по сути, занимался обеспечением тех, кто будет нас людей обычных с дерьмом смешивать. С грязью. Мне и дочери в глаза теперь смотреть больно, оттого и пулю чуть в висок не пустил. Как с этим жить-то вообще? Я этого не пойму.

— Осознание — штука паскудная, таки... Вроде живешь-живешь, а потом хренак, и осознание наступит, — ухмыльнулся выходец из подразделения подавителей, а затем налил следующую стопку.

— Да. Осознание — худшее просто, что есть в нашем умишке... Ты просто жить не хочешь после того, как осознаешь такое.

— Ой. Не ной. Что было — то прошло. Все-таки ты их дубинками, дробовиками и ничем подобным не снабжал, — перебил Генриха Джек. — Ты лучше подумай о том, как сделать что-то хорошее для людей, а не ной постоянно.

— Да как я сделаю? Я на Романо работаю... Че хорошего могу сделать? — спросил Генрих, подняв голову и умоляюще смотря на Джека.

— Как-как... А я откуда знаю? Для начала для дочери что-то хорошее сделай, потом

приди в себя и готовься к полету на станцию. Там будет благое для человечества дело.

— Опять убийства? — мученически спросил бывший бизнесмен.

— Хуже, — улыбнулся Билли. — Убийство в промышленных масштабах.

— Дазаткнись ты, Билли, — негр угрожающе посмотрел на гиганта, а тот лишь еще шире улыбнулся.

— Не, ну а че? Я ж правду говорю. Мы там нижние уровни, судя по всему, чистить будем. Невольниц освобождать будем. Тебе, кстати, какое-то другое оружие дадут, ибо с этой херней много не настреляешь, всю руку отобьет, а целей дохрена будет, так что...

Генрих от этих слов снова лег головой на сложенные на столе руки.

— Билли, етить твою мать!

— Что? Будет хуже, если он только там поймет всю жопсен ситуации. Поймет и ублюется. Там, кстати, мой пулемет будет, а не эта ППшка вшивая... М-м-м-м-м...

— Закрой хлебало, — Джек оборвал слова Билли, но на этот раз гораздо более угрожающим тоном.

— Ладно-ладно. Молчу, но мяса все-таки много будет, даже фарша.

— Короче, Генри. Если ты не восстановишься за три дня — мы будем вынуждены лететь без тебя.

— Да... Я восстановлюсь, — еле-еле проговорил человек, снова поднимая взгляд. — Постараюсь.

— Главное, не убейся. Пистолет твой я заберу, со всеми патронами, до лучших времен. Иначе больно простой путь у тебя к смерти будет. Бах, и все мозги на потолок. Но ты представь, как твоей дочери будет приятно заходить в квартиру, в которой сидит тело папки с разорванной башкой и мозгами на потолке.

— Да я понял. Не буду я. Что дочка-то без меня делать будет? Жить буду. Обещаю.

— Только смотри, чтобы твои обещания в итоге по ценности не стали, как туалетная бумага.

— Типа, чтоб ими подтереться нельзя было?

— Именно. Ладно. Пора идти уже, — Джек встал из-за стола, после чего осмотрелся в зале.

Внутри было несколько десятков человек, большинство разговаривали между собой и никакого интереса к троице не проявляли, кроме, пожалуй, одного столика, за которым сидели какие-то бравые парни, но и те резко начали говорить между собой, когда Билли поднялся. Билли был настоящим медведем, даже без своего снаряжения. В одной майке и джинсах, он напоминал настоящую машину для убийств, а его неестественно сверкающие мышцы напоминали синтетические, отчего большая часть, находящихся здесь, даже из особо буйных особо не поворачивалась в сторону амбала в двести десять сантиметров в высоту, с огромными мышцами, волевой челюстью и по-военному бритой головой.

— Да, Билли. Есть все-таки плюс в том, чтобы ходить с тобой.

— Эт какой? — спросил гигант, глядя на негра, который был тому по плечо.

— Конечно же, твой пресс. Все девки заглядываются! — негр шутя ударил в практически железный живот мужчины.

— Ну-ну. Я тут ни единой красивой девчонки не вижу, только пьяные морды. Эх... Вдарить бы сейчас кому-нибудь, пока в башке бурлит, да некому, — покачал головой человек.

— Вот это и есть плюс. Ты выглядишь, как горилла, которую все боятся. В этом и

главный плюс.

— Ну, спасибо... Меня то с медведем, то с гориллой сравнят. Это лучший комплимент! — усмехнулся человек, после чего надел свою кожаную куртку.

— А тебе, кстати, в кожанке зимой не холодно? — спросил уже Генрих, смотря на своего нового огромного друга.

— Не. Мышцы-то синтетические, по крайней мере, внешняя часть, так в них и тепло. Тело это же тоже своего рода одежда, так что все нормально. Не бойса — не заболею. Плюс операции, в которых я участвовал, часто проходили на дальних от звезд планетах, так что закалка у меня, как у древнего «моржа». Такая хрень в минус десять — не пробивает, если там... Ну... К примеру, не час на улице торчать. Так что нормально.

— Классно, наверное, таким бугаем быть.

— Не. Минусы есть. Вот там некоторые на рост метр девяноста жалуются, что там много чего башкой задеваешь, так я задеваю еще больше, чем они. Но да... Ты всегда устрашающ при таких габаритах, — как обычно улыбнулся Билли. Было в этом громиле что-то одновременно и страшное, и в какой-то степени милое, по крайней мере, с друзьями он был по-настоящему добрым и прекрасным человеком. И хоть Генрих и был знаком с ним от силы день, но этот здоровый парень уже завоевал его сердце своей добрейшей улыбкой при устрашающем виде.

...

Шли они недолго, как оказалось, бар был совсем рядом с домом, и Генри даже в нем бывал несколько раз, только в силу шока не смог понять, где находится. Он смотрел себе под ноги, а рядом с ним шли два настоящих друга, наверное, настоящих. Да, пожалуй, дружба с ними была значительно крепче, чем с теми, с кем он проводил время ранее. Бизнесмены и чиновники, почему-то, почти все забыли о нем сразу, как только он разорился. Ни помощи тебе, ни чего-то подобного, а один из «друзей» и вовсе выкупил цеха с молотка, после чего самодовольно продолжил производство старых заказов.

— А где ты воевал, Билли? — спросил Генрих, посмотрев на гиганта снизу вверх.

— Где-где... Да вот... Может, помнишь, в новостях было. Про «Триумвир Левый». Я там был. Голем-Четыре нынешний захватывал. Капиталисты конфедерации не сильно рады были тому, чтобы у них «экспроприировали» их старую добрую планету. Ну, вот и решили попробовать потягаться в бою. Не вышло. Я сильно говорить про это не люблю, так что извиняй. Может, в будущем как-нибудь, и побалакаем в дружеской компашке, коли живы будем.

— Понятно. Страшно было?

— Ну... Я тогда молодой был совсем, двадцать с лишком годков, ну и первые серьезные битвы. Мясорубка. Приятного там мало. Нынешние пострелушки — это мелочь, вот когда плазмой стреляют в больших объемах с обеих сторон... Тогда страшно. А так... Вон моя броня ППшки, а это одно из основных орудий пиратов и прочего сброда, держит на ура. Штурмовую винтовку, — ну, если не под прямым углом, — тоже держит, а там почти все пули в откос идут. Вот шокоевое оружие — это дерьмо. Мягко говоря, неприятно им получать, хотя тоже зачастую выдерживаю, но после Голем-Четыре — это какая-то игра. Нестрашно абсолютно, адреналин, конечно, играет, но даже близко не стоит. Хотя... Вот с рогарийцем сегодня — немного страшно было. Впервые сталкиваюсь, но, как вижу, они не сильно броню любят, если правильно определил их духовную субстанцию, после раздробленного лобового щитка.

— Понятно, — Генри из-за этих слов ощутил себя еще более паршиво, вот одного какого-то убил и разнылся, а еще застрелиться пробовал. А он? Этот титан? Прошел настоящую войну, а потом сохранил какую-то дружелюбность и чувство юмора.

Вскоре они оказались на пороге дома, Генрих нажал рукой на панель, затем они вошли, потом к лифту и поехали наверх, затем по коридору к дверям квартиры.

— Мы заходить, наверное, не будем? — спросил Джек. — Дочурка, наверное, не спит, а тут еще мы завалимся. Ей же, хозяйюшке, надо будет что-то сварганить по-быстрому. Так что иди, наверное, один.

Как вдруг дверь открылась, а на них смотрели заплаканные глаза девушки, которая, кажется, еще сильнее похудела за это время.

— Заходите, — сказала она, смотря на мужчин, и как-то тяжело улыбнулась в ответ на улыбку Билли и на понимающий взгляд Джека.

— Ну, если приглашаешь. Не смеем противиться, — улыбнулся Джек, а после подтолкнул Генриха вперед.

...

В доме они побыли недолго. Вскоре Джек засобирался, а за собой повел и Билли. Тихо и мирно Генрих проводил их, а дальше вернулся в зал и сел на тот диван, на котором неделю назад, или больше, или меньше, сидел тот самый тип в шляпе, который сейчас являлся его начальником. В голове снова начал возникать образ того самого кворона, и в глазах помутнело. Дыхание замедлилось, а сердце, наоборот, начало стучать очень быстро, человек пытался восстановить обычный пульс, убрать этот образ с разорванной грудью, «выплюнутыми» окровавленными жвалами с разбросанными по полу щупальцами. Он смотрел перед собой стеклянными глазами, пока рядом не села Кира, она смотрела на отца каким-то испуганным взглядом.

— Пап? Что случилось?

— Неважно. Неважно, — промямлил человек. В голове у него не укладывалось то, как он машинально нажал на спусковой крючок, а ведь даже не понимал того, что делает. Это все получилось машинально, как будто сыграл какой-то глубоко сидевший в голове инстинкт.

— Ты убил? — этот вопрос тоненького голоса звучал как приговор. В нем не было ни осуждения, ни жалости. Он практически звучал как констатация, как какая-то речь неумолимого судьи, который одновременно являлся и палачом, от этого в сердце как будто что-то стрельнуло, а рука сама легла на грудь. На лице отобразилась какая-то слабая улыбка, скорее болезненный и бессильный оскал, дыхание стало менее глубоким, а человек будто начал погружаться в сон.

...

Очнулся он лишь тогда, когда приехали медики. Сейчас он лежал на диване. Обморок. Рядом сидел какой-то крепкий мужчина, который набивал чек в своем планшете.

— Доброй ночи, господин Шпак, — проговорил искаженный медицинским респиратором голос. — Ваш счет пять сотен кредитов.

— За что? — как-то тихо проговорил человек, с недоумением глядя на этого амбала в медицинской одежде.

— За что? За экстренный вызов по ненадобности. Вы, видимо, сегодня переволновались и свалились в обморок. Я ввел Вам пару стимуляторов для пробуждения, а также антистресс. Лекарства бесплатные, а вот штраф за такое дело имеется. Если часто падаете в обмороки,

обратитесь к неврологу, а также посетите психиатра. Оплатить свой штраф можете прямо сейчас или через планетарное, городское или районное казначейство. Всего Вам доброго, и не болейте, — человек проговорил будто бы заученные слова, а после поднялся.

— Спасибо, — проговорил Шпак в спину человека.

— Спасибо в карман не положишь, поберегите его для дочери, которая так сильно за Вас переживает, что готова из-за каждого обморока вызывать врачей, — голос его был уставшим, но он будто бы издевался над теми, кто его вызвал. Участь врачей была не самой лучшей нынче. Участились случаи попыток суицида через интоксикацию, участились и различные припадки, а также участились случаи обострения каких-либо болезней. Самое интересное — это то, что все это случалось у людей, которые недавно потеряли работу, и Шпак знал, из-за кого эти парни со скорой так загружены работой, а также знал, почему этот человек все-таки решил написать жалобу на ложный вызов. Век технологий! Любую фамилию можно пробить и узнать все, вплоть до того, где ты работаешь, при должном программном обеспечении, которым эти люди обладали.

Кира закрыла дверь за доктором, а после подошла к дивану. Вид у нее был потрепанный, а глаза заплаканные.

— Извини меня, дочка, — Шпак сам шмыгнул и кое-как подавил соленую воду, которая начала возникать в глазах, девушка села рядом с ним.

— Убивал, значит... Пап, а как это? Убить?

— Ну... Сама видишь, как... Я не человека убил. Кворона. Не знаю. Сложно как-то. Вроде квороны и жить особого права не имеют, но... Они ж тоже живые. Значит, имеют право. На жизнь.

— А... Как это случилось?

— Ну... Билл заходил в бар первым, сначала прошил охранника, который на входе был, потом вошел внутрь и пустил очередь вверх по лестнице, еще одного убил и довольно серьезно ранил рогарийца, затем залетел на этаж и стал того добивать. Я же шел за Джеком... Вроде. Но как-то выбился вперед. Вскочил наверх. Там кворон хотел достать оружие и... Я выстрелил. У него вся грудь всмятку была... В общем... Страшно, — Шпак говорил это, время от времени останавливаясь, чтобы проглотить рвотный комок, который вставал в горле, но при этом явно наврал по поводу своей очереди при подъеме в бар. — Ладно. Иди, спи. Спасибо, дочка, за заботу.

— Спокойной ночи, пап, — покачала головой девушка, а затем прошла в свою комнату, а Шпак так и остался лежать на диване.

Голову его обносили десятки мыслей, покоя не было, пока, наконец, почему-то мысли не исчезли, а Генрих не погрузился в пучину темноты.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Криг-3, строение 10, этаж 0, камера 25,
29.12.2579, 09:00

— Доброе утро, сука, — послышался голос одного из тюремщиков, а затем человек в рубахе и брюках, лежавший на нарах, был облит ледяной водой.

— А! Я! Я буду жаловаться! — послышался уже знакомый голос Омониана Септа.

Он сидел в одиночке, а гнев тут же сменился определенным страхом, когда внутри вместе с тюремщиком он увидел человека в шляпе. Он довольно громко сглотнул, его зеленые глаза начали бегать по людям, что вошли внутрь. Среди них были два бугая, которые вчера заходили последними, а также тот неприятный молодой человек, которого, кажется, звали Чаки.

— Ну, здравствуйте, господин Септ, — проговорил Романо довольно спокойно, и, сделав небольшую паузу, продолжил. — Я думаю, что Вы понимаете, что Вы сейчас пойдете вместе с нами в допросную комнату?

— Я требую адвоката.

— А Вам разве предъявлялось какое-то обвинение? — спросил уже Чаки, подходя к Септу.

— Нет. То есть... Вы хотите сказать, что держите меня здесь незаконно? То, что я не ел весь вечер — это нормально, значит? Так Вы относитесь к пле... — он был прерван ударом в верхнюю челюсть, после чего заскулил. — Сволочь... Гад... Подлец! Тварь!

— Вставай, курвеныш, — проговорил Чаки, взяв того за ворот рубахи и потянув на себя.

— Вы не имеете права! Мой тесть мэр города! Он найдет вас и посадит!

— Да-да... А потом выйдут наружу все махинации его зятя по переделу собственности и прочему. Вот интересно, как обрадуются различные прокуроры, когда смогут взять за задницу твоего тестя, — с паршивой улыбкой говорил Романо, когда Омониан поднимался, а после этого Септ одернул руку Чаки от себя.

— Сам пойду. У меня ж выходит, и возможностей никаких нет на правовом уровне. Вы ж меня как заложника держать будете.

— Верно, и тебя никто в городе не найдет. Сам помнишь, сколько раз тебя перегружали из машины в машину и сколько улиц исколесили, дабы сбить любое следствие с пути, — подтвердил слова Септа Романо.

— Хорошо. Что Вы хотите? Денег? Власти?!

— Рычаг давления. Чтобы твой тесть к нам просто не лез, я буду держать тебя здесь так долго, как мне понадобится.

— А у Вас в каждом городе такие рычаги есть? — как-то кисло спросил Септ.

— Да. У каждого под ковриком имеется определенная грязь, поэтому мы вас, периферийцев, и любим, ибо даже глубоко копать не надо. Всюду какие-то полумафиозные структуры.

— Ага. Прямо как Ваша.

— Прямо как наша, только за нами более крупные денежные средства, чем за вами, а значит, и купить мы можем больше.

— Вы меня вывели из камеры, чтобы покрасоваться своей силой? Показать, что я

полный ноль?

— Ой... Дружок, сейчас в твоих интересах не злить меня, а иначе Чаки довольно эффективно тебя побьет. Я тебе хотел предложить интересное дело, но, видимо, ты хочешь помариноваться здесь подольше. Я не против, Омониан, помаринуешься, и не один день, а может, и не один месяц. Еду, кстати, вкусную здесь подают. Сам пробовал. Она довольно диетическая, если это нужно мне, — человек говорил это довольно сухо и спокойно, отчего у незадавшегося главара мафии пробежали мурашки по спине.

— Скажитехоть... Кто был крысой? — спросил Омониан, пересилив себя.

— А вот кого не увидишь в допросной, тот и был, — спокойно сказал директор, а они вошли в допросную.

Довольно просторное помещение, стены которого были обделаны белой пластсталью — новым видом крепчайшей пластмассы. Дверь каждый раз открывалась со скрипом, будто специально давя на слух и нервы находящихся внутри. Другие же двери были прекрасно ухожены и смазаны для того, чтобы не издавать скрип во время входа внутрь тюремщика с ведром холодной воды или со шлангом. Здесь присутствовал бритоголовый Леман, крысopodobный Фирс, квороны Гхиран Йори и Карех Кор'Арог, еще несколько лидеров банд, а вот Ривза и рогарийца Гро'Балега не было. Второй понятно, похоже, бугай свернул ему шею, но вот Ривз... Его взяли живым.

Не дав домыслить Омониану свои мысли, Чаки резко усадил его на один из стульев и скрепил руки за его спинкой энергетическими наручниками.

— Здравствуйте, граждане хорошие, — улыбаясь, проговорил Романо. — Сегодня такой хороший день, согласитесь?

— Ага. Хороший. Вообще классный, господин Романо, — проговорил Леман, глядя на Роберто злобными глазами. Сейчас было видно то, что бойцы Романо хорошенько избili этого крепкого мужчину для того, чтобы он сильно не сопротивлялся. Губа была разбита, нос чуток сдвинут влево, а также из него до сих пор подтекала кровь. Щека будто чуть-чуть порвана, правый глаз заплыл синяком, а на лысой голове виднелось множество шишек. Это уже не говоря о плечах — почти все плечи были синими, и это несмотря на татуировки на теле этого бугая. Да и говорил он, будто лишившись своих зубных имплантов, впрочем, скоро это было замечено, ибо во рту действительно отсутствовало минимум три зуба. От всего этого вида Омониан поморщился, а после посмотрел на всех здесь присутствующих. У Йори было отрезано одно из щупалец, закрывавших рот, а вся кожа потрескалась, будто его специально сушили, отчего много где просматривались следы крови. Карех был еще там изрешечен дробью, поэтому выглядел, как и вчера, израненным, единственное, его, в отличие от Йори, перевязали почти по всей площади груди и живота. Фирс тоже был избит, но не так сильно, как многие другие, что наводило на нехорошие мысли, хотя Фирс был довольно мелким по размерам, поэтому ему могло и этого хватить.

— Вы все такие красивые сегодня: выпавшиеся, подмарафеченные... Эх... Таких бы мальчиков, да сразу на трассу или в бордель для богатых женщин.

— Бордели ты прикрываешь, Романо. Не садись нам на уши. Говори, чего хочешь, — отозвался бандит с выбитым глазом.

— Мистер Оризон хочет поговорить? Хм... А что вы можете предложить, мистер Оризон?

— Могу рассказать обо всех нелегальных борделях с заложницами, далее могу...

— Заткнись, собака! — отозвался Леман, а Романо отдал приказ Чаки, чтобы тот

засунул человеку кляп в рот, что последний с удовольствием и сделал, еще сильнее надорвав щеку бандита.

— Так вот. Далее могу рассказать о том, где находится химическая лаборатория этих тварей, — человек кивнул в сторону кворонов. — Только ты мне после этого денег отрежешь таких, чтобы я мог улететь куда подальше с этой сраной планетки.

— А это деловой разговор... — начал было говорить Романо, как Оризон снова начал громко кричать.

— А еще! Ты дашь мне деньги на дорогой имплант глаза!

— Хорошо. Я все исполню, если Вы, Оризон, укажете мне все то, что сказали сейчас, а пока... Отведите господина в его камеру, а также выдайте лучшей пищи и не сметь его более бить.

— Спасибо! — громко проговорил Оризон, когда Чаки отключал электрические наручники, после этого человек поднялся и посмотрел на паренька сверху вниз. — А вот с тобой я когда-нибудь поквитаюсь, козел.

Оризона увели тюремщики, а Омониан посмотрел на Лемана, затем по очереди на каждого из здесь присутствующих. Большая часть бандитов была спокойна, квороны, кажется, даже, несмотря на свои ранения, не дрогнули, а вот потерянный глаз выбил когда-то верного идеям банды Оризона из игры. Что ж... Они в любом случае были бы обречены, но так он хотя бы смог спасти себя. Наверное.

— Итак, друзья? Кто-нибудь хочет что-нибудь еще сказать? — спросил Романо, доставая револьвер, а затем открыл барабан. — В барабане три патрона. Сегодня точно умрут трое, если никто из них не скажет ничего путного, но... — человек выстрелил в голову кворона-наемника, после чего добавил. — Вот этот гражданин в любом случае не сказал бы ничего полезного, но вы, граждане, вполне можете спасти свою жизнь, — человек после этих слов стал обходить людей по кругу.

Звук выстрела эхом разнесся по помещению, а у кого-то даже зазвенело в ушах. Кворон-мутант же свис вниз, повиснув на своих наручниках, а после свалился вместе со стулом. Выбор Романо был понятен — этот кворон даже не умел говорить на человеческом языке, но, с другой стороны, говорил о том, что ценность остальных была выше. Но кого он оценит максимально низко, после него? Он проходил мимо каждого и поглаживал стволом по макушке, затем к следующему, и лишь рядом с Омонианом он просто развернулся и остановился возле ближайшего к Омониану бандиту. Тот трясся, видимо, поэтому директор и выбрал эту цель.

— Итак, господин Кнехт, у вас имеется какая-то интересная информация для меня?

— Д-да.

— Какая же? — спросил полушепотом Романо, а Леман в этот момент пытался подняться со стула, но его то и дело било током, пока он под хрип не опустился назад на сидишку.

— Я могу рассказать о том, чем мы занимались с кворонами, помимо торговли девушками, но и на тему продажи оружия. Они продавали его нам, а мы предоставляли места под плантации их растений. Аквариумы там большие, — по его шее ручейком тек пот, а Романо молчал. — У-у... У меня сы-с-семья и... И... И дети. Пощадите, я простой бизнесмен. Кроме как закупками, ничем не занимался.

— А рассказать что-нибудь еще можешь?

— Какого рода?

— Ну... Скажем, на тему обустройства владений кворонов на станции?

— Не... Я просто принимал их товар. Я даже про оружие-то слышал только. Я ж не бандит, зря меня так били. Пы-п-прошу. Отпустите, — проговорил человек, а Романо убрал дуло от его затылка.

— Отпустите этого бедного человека в камеру, потом мы с ним еще поговорим. И накормите, пожалуйста, — попросил он у тюремщиков, а те быстро отстегнули человека от наручников, а затем повели его в одну из камер.

Дверь в очередной раз со скрипом открылась, а затем с таким же скрипом закрылась, а Романо снова шел таким же образом вокруг людей. Оставалось здесь пять человек и кворон: Фирс, Леман, Омониан, еще двое бандитов, но уже более подкованных, а также Йори, который сидел спокойно, даже несмотря на холодный металл, что прикладывался дулом к его затылку. Романо остановился рядом с Йори.

— Стреляй, — проговорил через переводчик кворон, поцокав своими жвалами.

— Даже не попытайтесь отсрочить свою смерть, Йори?

— Нет.

— Что ж... Тогда ее отсрочу я. Уведите его в камеру с подогревом. Пусть помучается, — охранники взяли кворона подмышки, даже не снимая наручников, а после снова послышался скрип.

Романо остановился рядом с Фирсом.

— Господин Романо? — спросил Фирс.

— Да, господин Фирс? Я Вас слушаю.

— Хех... Эм... А я... — Фирс явно не ожидал того, что Романо приставит дуло пистолета к его затылку. — Я занимался продажей женщин на станцию. В том числе их перевозкой.

— Можешь что-то рассказать интересного по поводу грузовиков, которые летали между станцией и планетой?

— Кворонских?

— Конечно.

— Летали больше те, которые привозили что-то сюда. А я летал лично.

— Куда садились, чтобы сдать наложниц?

— Не садились. В нижней части станции имеется небольшой, как бы выразиться...

Ну... Этот... Как его? — Фирс явно занервничал, он забыл слово.

— Шлюз?

— Верно. Шлюз нелегальный, но установлен кворонами для того, чтобы грузить наиболее «дорогостоящие» товары. То есть наркоту, оружие и девочек.

— Отлично, — Романо убрал оружие от головы Фирса, а тот с облегчением выдохнул, после чего его освободили и вывели через скрипящую дверь.

Омониану становилось плохо от скрипа и всего того напряжения, которое было здесь и почему-то отдельно запомнилось то, что Фирс будто бы не ожидал того, что Роберто приставит ему пистолет к затылку, а еще то, что Романо почему-то не сказал вести его в камеру и покормить. Тут же в голову начали приходиться довольно странные мысли, он посмотрел на Лемана и понял то, что Леман тоже осознал предательство Фирса. Он лишь кивнул Септу о своем понимании, но этого было достаточно.

Романо же подошел через центр зала к одному из бандитов и наставил ствол прямо тому в глаз.

— А Вы что скажете, Князь? — спросил Романо голубоглазого мужчину, который пытался уйти от дула пистолета.

— Скажу! Только пушку от глаза убери, нервирует она меня!

Человек улыбнулся, а после опустил ствол на грудь мужчины.

— Короче. Я заведовал охраной всех заведений, которые были у нас под крышей. Про то, что я лидер ЧОП «Князь» ты, похоже, знаешь. Что ты узнать через меня хочешь?

— Ну, допустим, число охранников в определенных борделях, сколько бойцов охраны имеется в лаборатории? Сколько в стриптиз-клубе «Клубника»?

— А че эт ты «Клубнику» отдельно выделил? Тебе какая шлюха оттуда, что ли, понравилась? — спросил, ухмыляясь, мужик.

— Да нет. Думаю вот, твою жену туда отправить.

— Ха-ха... плохо копаешь. Жены у меня не было никогда, и нет. Так зачем тебе «Клубника»?

— Происходит интересная вещь. Девочки из этого клуба очень часто исчезали. Вот и хочу удостовериться, что это не оплошность охраны.

— Ну да. Мы их и вывозили. Охранников в одной смене десять рыл. Ты брать этот клуб решил? Я могу спокойно тебе помочь, ввести в клуб подсадную девочку, далее через Фирса ты сможешь вместе с девочкой отправить своего бугая, которого зовут Билли и несколько еще человек, чтоб полную войну устроить. Как тебе? — спросил довольно нагло глава ЧОП. — Я могу тебе пригодиться, Романо. Заодно усилишь собственную охрану и присутствие в городе.

Романо в этот момент перевел пистолет на яйца ЧОПовца, а тот, недоумевая, сначала посмотрел вниз, а после в глаза человека.

— Ты можешь называть меня только на «Вы». Понятно?

— Так точно, господин Романо, — проговорил Князь, после чего его отстегнули. — Мы с Вами, господин Романо, сдружимся. На этот счет не беспокойтесь. Я ошибся, что с этими связался, а потом уж и не выпутаться было, а Вы взяли и спасли, считай.

— Прибереги лесть для кого-нибудь другого, ЧОПа, — проговорил Чаки, подтолкнув амбала к выходу.

Романо подошел к последнему.

— Хех... А от меня-то Вы что, господин Романо, узнаете? Я всего лишь личный телохранитель Ривза, а начальника тут нет. Он что, нас всех предал? — спросил человек, глядя на Романо, а последний улыбнулся.

— Скажи мне, Бейл, сколько тебе платили?

— Ну... Где-то двести кредитов в неделю.

— Хочешь тысячу? — спросил Романо, глядя на человека с довольно пышными черными усами и бритой головой.

— Ну... Хочу.

— Будешь работать на меня?

— Нет, господин Романо, Вы уж простите. Вы меня больно сильно побили, чтоб я на Вас работал. Я ж не тля вот эта, которая сдаться за так, да сапоги вылизать готова. Ваш этот главный палач мне пальцы на правой руке пощелкал, полюбуйте, господин Романо, — человек кивнул на правую руку, пальцы там действительно были поломаны. — Я ж раньше на гитаре играл, а из-за этого скота теперь не смогу. Он еще и над левой постарался, указательный, гнида, сломал. А это ни одно баррэ не возьмешь. Так что... Стреляйте,

господин Романо, — человек склонил голову, а Роберто лишь улыбнулся.

— Отпустите его. Накормите получше, и с моего счета переведите тысячи две, как компенсацию.

Человек как-то недоверчиво поднял взгляд, а его руки действительно освободили.

— Знаете, Роберто. А я подумаю. Только визиточку свою дайте, пожалуйста, — мужчина улыбнулся в ответ на улыбку директора, а после взял пальцами левой руки (кроме указательного, который был оттопырен в сторону) визитку и положил ее в нагрудный карман пиджака. — Уж простите. Руку пожать не смогу. Ладно, хоть обезболивающего вкололи, а так бы и вовсе загнулся от боли, наверное. Спасибо.

И третий человек вышел из допросной комнаты под скрип. Романо посмотрел сначала на Омониана, а затем на Лемана, после чего подошел к последнему и вынул из его рта окровавленный кляп.

— Собака, — прошипел Леман, сплевывая кровь на пол. — Мне ты жить не позволишь. Самые верные из моих — убиты. Я это знаю уже. Ты самую падаль оставил.

— Верно. Хочешь напоследок с любовницей поговорить, Леман?

— А что? Позволишь? — спросил человек, глядя на Романо без всякого доверия.

— Последнее желание принято исполнять, — после этих слов Роберто достал свой телефон и набрал уже известный номер.

— Эт откуда ты ее номер знаешь?

— Ну, так твой телефон в моих же руках был, верно?

— Ну да... Сука ты, Романо. Тварь последняя, — говорил человек, когда трубка была взята.

— Алло? Кто это?

— Это твой волк, милая.

— Леман? Ты жив? — прокуренный женский голос вдруг изменился, он был возбужден и хотел задать множество вопросов. — Мне звонил Романо! Он говорил, что ты убит, а завтра он придет за мной! Ты? Ты убил Романо?

— Дорогая Челси, Романо на связи, а Леман сейчас превратится в мясо. С Вами мы завтра встречаемся, милая моя. И я надеюсь на то, что Вы не попытаетесь меня убить. Да, сегодня будет убита Ваша любовь, но... Вы же знаете, чем занималась эта тварь? Ваш Волчонок? — последнее слово человек выговорил с определенным издевательством.

— Чем он занимался, тварь?!

— Чем? Торговлей женщинами с кворонами, торговлей наркотиками, торговлей оружием. Ну, про последнее Вы знаете, милая моя. А вот про наркотики и про девочек из «Клубники» не знаете, похоже. Я вот смотрел Ваши фотографии и... Могу сказать, что из Вас бы получилась прекрасная шлюха в борделе кворонов, если бы Вы не были дочерью одного старого пердуна с довольно большой сетью фабрик одежды и обуви. Понимаете, девочка, с кем Вы связывались? До завтра, милая моя. Завтра мы с Вами поговорим отдельно. Я даже без своих людей в кабинет зайду, — довольно спокойно проговорил Романо, после чего отключился.

— Все выговорил, сука?

— Все, друг мой. Все. Сейчас организуем третий глаз, — Романо с улыбкой поставил дуло своего револьвера на лоб человека над самым носом. — Последнее слово?

— Пидор ты, Романо, пи... — не успел договорить Леман, как прозвучал второй за сегодня выстрел, а мозги полетели на стену за спиной человека.

Он повалился на землю, издавая какой-то хрип, рот его был открыт, а голубые глаза уставились в потолок.

— И для чего все это представление, Романо? Чтобы меня напугать? — спросил Омониан, глядя в спину директора.

— Нет. Чтобы показать то, что всегда находится сила сильнее, чем та, которой ты обладаешь. Леман думал то, что всегда сможет заниматься тем, чем занимался. Он жил паскудной грязной жизнью, и должен был закончить именно так.

— А что насчет остальных? Почему ты их не убил? Они же тоже грязные. А вот Фирс — крыса. Угадал?

— Верно. До чего ж ты догадливый.

— А сейчас ты набираешь себе новых людей, верно?

— Не «ты», а «Вы». Ты не в том положении, Омониан, чтобы называть меня на «ты». Ты мне даже не друг. Хуже. Ты мой заложник, — проговорил Романо, смотря на зятя мэра.

— Хорошо. А сейчас Вы набираете новых людей, верно?

— Верно.

— И Вы хотели именно это предложить мне?

— Хотел, но более не хочу. Помаринуешься в тюрьме на особых харчах, а дальше подумаем. Может сдобрюсь, после общения с милой девочкой Челси, — Романо улыбнулся как-то по-скотски, и почему-то Омониану стало даже как-то жалко эту прокуренную и побитую жизнью женщину.

— Вас на старушек потянуло?

— Каких старушек? Ей тридцать два года.

— Ну... Обычно люди с Вашими связями и властью берут себе девочек помоложе.

— Омониан, я не насильник и не пользуюсь эскорт-услугами. Общение будет вполне обычное. Я просто отниму ее сеть фабрик.

— Пытать будете? Угрожать пуском по кругу?

— Нет. Зачем? Девчонка убита горем, готова на всех парах отсюда сбежать, так что... Полагаю, придется лишь слегка надавить и оставить ей определенные деньги, чтобы сбежала отсюда.

— О-о-о-о-о... Как благородно, сеньор! — с издевкой проговорил Омониан.

— А как тебе ее ножки? — довольно нагло спросил Романо с какой-то паршивой улыбкой.

— Э... — Омониан аж потерял дар речи от такого поворота, несмотря на то, что сам был чуть младше Романо. — Эм... А... Умеете же Вы поставить в неловкое положение...

— Ну, так как?

— Ну... Длинные, все в этом духе. Жира нет. Тоненькая вся.

— Угу... Вот кто трахнул бы ее первый.

— Да нет!

Романо, после этих слов вышел из комнаты допросов, оставив Омониана там наедине с собой, а также отключив перед этим свет.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Свет-5, строение 32
30.12.2579, 09:00

Романо двигался с минимальным числом охраны. Здесь были лишь Билли, да Джек. Видимо, Романо подбирал даже бойцов для того, чтобы посещать определенные заведения.

— Неудобно мне в этих костюмах, господин Романо. Ощущаю себя рыцарем на белом коне! — усмехнулся Билли, следуя за командиром.

— Да... А на мне нынче слишком много черного, ну хоть рубашка белая, — пробурчал Джек.

— Господа, вы должны привыкать носить подобную форму для того, чтобы выглядеть респектабельно, — ответил Роберто на бормотания Джека и шутку Билли, после чего улыбнулся. — Кстати, Билли, тебе идет. Бугаям обычно костюмы подходят.

— Ага. Потянешься чуток и вся спина в лохмотья. Можно было хотя бы побольше сшить, господин Романо, я не люблю приталенное. Ну, жопа же полная.

— Я не виноват, Билли, в том, что ты жопу разожрал.

— А кто виноват?

— Не знаю.

— Ну а кто мне такие большие деньги платит?

— М? — Романо в этот момент удивленно посмотрел на парня, а после, подумав, спросил. — А... Так ты у нас служишь из идейных соображений?

— Именно так! — довольно браво ответил Билли.

— Ну, значит, послужишь на урезанном пайке, а то жопу отъел из-за моей доброты... Ну... Значит, нынче диета будет из-за моей же доброты, — довольно серьезно сказал Романо, а Джек от этой серьезности начал тихонько хихикать.

— Не... Э... Пойдите! Я же шутил! Нет. Я Вам, господин Романо, сугубо благодарен что жопу смог отъесть. Хожу теперь по своему дворику и все девчонки такие: «О-о-о-о-о... Вот мне бы такую задницу!», а я такой: «Даже не завидуйте. У Вас никогда не будет, такого начальника, как у меня!». Вот. Я, значит, толстой задницей похвастать могу. Перед девчонками. А Вы... Вы меня просто не так поняли. А по поводу идеи... Да. Работаю! За идею денег! — во время этой убедительной речи Джек, местами, уже не мог смеяться потише и даже срывался на хохот.

— Ну... Билли, ты, конечно, умеешь убедить, — с добродушной улыбкой ответил Романо. — А теперь, братцы, одну вещь поймите. Чтоб никаких шуток-прибауток в офисе нашей новой «подруги» не было. Мы итак с недобрим визитом, а вы там будете шутки шутить и балаган устраивать, поэтому попрошу ваши приколы засунуть себе куда подальше. Ясно выражаюсь? — умение Романо сменить гнев на милость, и обратно, иногда поражало людей, и вот Билли это поразило, он не смог даже слова произнести из-за столь властной речи, он просто кивнул в ответ, а Джек пообещал вести себя спокойно. — Вот и отлично, а иначе плату на месяц урежу в половину. На следующий месяц. Новый Год начнете с урезанной зарплаты. Хорошо ведь, верно? Поэтому, еще раз прошу не вынуждать меня к подобным действиям.

После этого они вошли в холл высокого здания, после чего подошли к администратору.

— Господин Романо? — спросила девушка, стоявшая за небольшой стойкой с компьютером на ней.

— Да. Здравствуйте, милая девушка, — человек довольно дружелюбно улыбнулся и снял шляпу. — Вот эти господа побудут здесь. Меня же никто не ждет в кабинете Челси, правильно понимаю? Она все-таки девушка неглупая, чтобы меня просто так завалить, но все же хочу узнать. Нет там никого?

— Нет. Только Челси.

— А Вы с ней подруги, чтобы называть по имени? — поинтересовался Романо, чем и ввел девушку в краску. — Значит, не подруги, но ничего. Скоро будешь на меня, вероятно, работать, — после этих слов он снова обернулся к Билли и Джеку. — Чтобы никаких заигрываний и прочего свинства. Вы сейчас представляете нашу кампанию, а значит, играете с ее определенным авторитетом. Больше никаких приколов, Билли, а иначе я прекращу брать тебя на такого рода работы.

— Хорошо, господин Романо, — довольно угрюмо проговорил Билли, после чего плюхнулся на диван, на который рядом сел и Джек.

Роберто, не надевая шляпы, прошел к лифту. «Третий этаж, тридцать второй кабинет», это проговорил себе Роберто довольно тихо. Пара мгновений, и вот он уже на третьем этаже шагает по обезлюдившему коридору в направлении кабинета Челси. Он был довольно спокоен, хоть и голубоглазая блондинка обладала определенной внешностью. Была чуть ли не моделью, а то ей и являлась, но человек об этом практически не думал. Вскоре он подошел к кабинету, а далее произвел два стука в дверь. Еще секунда, и он нажал на дверную ручку, которая опустилась вниз и пустила его внутрь.

В кресле за рабочим столом сидела женщина, хотя, скорее девушка, которая в свои тридцать выглядела на двадцать, а то и младше, все же богатая жизнь сохраняет от всякого старения. Лицо ее обладало тонкими чертами, а взгляд прямо-таки бурил в Романо дыру, прямой аккуратный носик, расплетенные волосы, которые были заправлены за уши назад. Романо поймал себя на мысли о том, что в жизни она даже лучше, чем на фото. Действительно, конфета выглядит лучше, когда находится в обертке, а вот фотографии «Волчонка» больше светили пошлостью и наготой.

— Здравствуйте, Челси. Разрешите называть себя по имени? — спросил Романо, глядя на девушку, не проверяя углов. Здесь действительно никого не было, а иначе стволы были бы уже направлены на него.

— Здравствуйте, Роберто. Разрешаю, если Вы разрешите, — в ее тихом голосе слышались как нотки злобы с нотками холода, так и нотки готовности расплакаться из-за потери важного человека, но она, кажется, была сильной женщиной, чтобы не выдать врагу своих слез.

— Как Вы холодно со мной, Челси... Но да. Вы имеете на это определенное право, — в этот момент Романо услышал то, как ее туфли несколько раз цокнули по полу, кажется, она просто сменила ногу, которая находится на коленке.

— А как я должна относиться к убийце? — в этот момент Роберто увидел то, как она потянулась к глазам, а до этого видел то, как глаза в один момент сверкнули.

— Не знаю. Разрешите, быть может, пройти?

— Проходите. Вы же пришли за мной, верно?

— Зачем же? Лишь заняться Вашим предприятием, милая Челси. Прошу простить меня

за вчерашнее. Просто Ваш друг отчасти вывел меня из себя. Был слишком... Как бы выразиться? — человек заметил, как его мысли слегка начали путаться. — Вероятно, подверженным к своему прошлому и настоящему поведением. Даже, по сути, находясь на коленях, он остался слишком мужчиной и бандитским авторитетом, чтобы прогнуться под кого-то. Вы же знаете о его делах?

— Теперь знаю... — девушка отвела взгляд.

— Разрешите называть Вас на «ты»? — произнес Романо с улыбкой.

— Ну, называй, — слышался какой-то всхлип, а человек вздохнул.

— Я понимаю, как тебе тяжело сейчас, Челси. Прекрасно понимаю, но и ты меня пойми. Твой друг...

— Он мне больше не друг, — слышались слова девушки, которые перебили директора.

— Хорошо. Леман вместе с рядом иных лидеров банд, а также вместе с кворонами, готовил против меня определенный акт мести. Вероятно, это должны были быть теракты, зная то, что дела с кворонами у них были очень уж близкие, именно поэтому мне и пришлось организовать рейд против них. Далее мы взяли большую часть. И Лемана я не мог отпустить живьем. Ты, наверное, понимаешь, что человек, который является лидером преступного синдиката, обязательно обладает большим спектром возможностей для связи с самыми разными силами, которые могут ударить по врагу в случае чего. Поэтому Леман должен был быть убит. Прости меня за это, но так должно было произойти. Что же касается моего сегодняшнего приезда...

— Ты пришел, чтобы я подписала «дарственные», а затем улетела с планеты куда подальше. Я знаю. Ты этот трюк со многими проделывал. Давай дарственные. Зачем мне с тобой разговаривать? — спросила девушка, а вот Романо стало как-то неприятно.

— Как скажешь, конечно, но я бы не хотел так быстро оканчивать наш с тобой разговор.

— Что? Трахнуть меня захотел? Ну, так давай. Бери меня прям здесь. Я вся твоя, нелюдь. Рядом никого нет. Я одна. Можешь сходить подергать дверные ручки. Я одна. Не бойся. Вам же, наемникам, вечно женского тепла не хватает. Вы ж зверье. Убийцы. Давай. Трахни меня.

Романо в этот момент заскрипел зубами, а после стал вынимать документы из портфеля.

— Ты, Челси, довольно плохого мнения о нас.

— Так испорть его еще сильнее. Не бойся. Я в полицию не заявлю.

— Я не стану делать подобного.

— Почему? — удивилась девушка. — Я думала, что звериное в вас такое же, как и в бандитах. Я, кстати, поняла, что мне нравилось в Лемане. Его некая звериная натура. А ты не такой оказывается... Человечный, да? — она спросила это с какой-то неприятной улыбочкой.

— Челси, я прошу тебя относиться ко мне нормально.

— А не то что? — спросила она, как бы провоцируя человека на какие-то действия, но Романо был спокоен.

— А не то ничего. Я просто прошу тебя относиться ко мне нормально. Я уже рассказал, почему действовал таким образом. Концерн я у тебя тоже не по своей воле отбираю.

— А по чьей? Удиви, Романо.

— По воле КарэнияИндастриз. Слышала? Я лишь директор, которому сверху поступают

определенные задачи, эти задачи я распределяю между офисами, а те, которые приходится на Кирен-Один, исполняю самостоятельно. Понимаешь, солнышко? Я человек подневольный, и у меня свои причины не послать это все к чертовой матери.

— И какие же? — с каким-то интересом спросила Челси, глядя на Романо.

— Моя дочь и моя жена находятся в заложниках у корпорации, они правда об этом особо не знают, однако на постоянной основе за ними идет слежка, а я не хочу, чтобы они погибли. Поэтому я и исполняю свою работу.

— А чего ж ты не застрелишься, если тебе так работа на самом деле противна? — девушка опустила вниз, достала из ящика стола бутылку с каким-то вином, а также два бокала. — Будешь, мой душитель?

— Душитель? — спросил Романо с какой-то улыбкой.

— Ну, а кто ты? Пришел. Душу мне раздираешь. Такое ощущение, что и разорвать готов, а потом по-зверски прям на полу.

— Ой, милая моя, я слишком воспитан для такого.

— А если бы нет?

— Тогда... — Романо усмехнулся. — Умеешь подловить, чертовка. Даже не знаю, что ответить. Но вряд ли. Это не по-человечески, неправильно.

— А убивать и оставлять людей на улице — это по-человечески? — спросила она, смотря на то, как директор откупоривал бутылку, а затем разливал вино по бокалам.

— Убивать — это тоже не по-человечески, но после смерти человек уже ничего не ощущает, а вот насилие — есть акт максимальной жестокости, вне зависимости от его характера. Я читал что-то по поводу того, как женщина переносит сексуальное насилие. Это, в первую очередь, определенная психологическая поломка. А что касается того, почему не застрелюсь? Я бы застрелился, если бы в этом случае моей семье обеспечили достойное существование, но, к сожалению, достойное существование им гарантировано лишь в случае моей гибели от пули или от взрыва, или от любого другого поражающего фактора.

— Ага... — девушка взяла бокал в свою ручку с тонкими пальцами, а после посмотрела на Роберто. — И поэтому ты решил убить того, кого я любила? Потому что мог погибнуть от пули или от взрыва? Готов был застрелиться от своей работы? Но при этом, зная, что твоей семье обеспечат достойную жизнь, не позволил себя убить какому-нибудь кворонскому террористу? Как замечательно.

Романо прошелся языком по зубам, а после взял бокал.

— За твоё здоровье и красоту, Челси, — он поднялся с кресла, на которое ранее сел, а девушка поднялась со своего, после чего они чокнулись.

— За твою удачную гибель, Роберто, — в ответ сказала она, а после оба выпили. — Знаешь, за что я подпишу твои документы?

— Что же я должен сделать?

Девушка шмыгнула носом, а после посмотрела на Роберто как-то странно, он еще не видел подобного взгляда, он был одновременно полон ненависти, а также какой-то странной ласки...

— Обними меня, Роберто. И, пожалуйста, когда я буду улетать... — она прикусила губу, а потом взяла документы и быстро подписала все листы. — Нет. Уходи.

Романо же поднялся, а после обошел стол, под молчаливое отрицание того, что он хотел сделать. Он легко поднял ее из-за стола, а после просто крепко обнял... Какое-то время Челси пыталась вырваться, а после опутала его шею руками.

— Челси. Я прошу прощения за то, что случилось. Я виновен в этом и ты, пожалуй, права в том, что я бы мог произвести самоубийство так, как ты сказала, но... Была одна проблема. Леман должен был быть убит по плану зачистки планеты от преступности. Поэтому я поставил среди его людей предателя. Знаешь, наверное, Фирса, так он и собрал их в том баре, из которого они были довезены до тюрьмы. Ты можешь не улетать с планеты. Это твой родной мир, а плохого ты ничего для нас не сделаешь, поэтому твоя депортация — не сильно нужна. Я постараюсь найти тебе место для работы в КарэнияИндастриз, быть может, в другом городе, чтобы ты не видела столь ненавистного тебе человека, — он отпустил руки, девушка сделала это в ответ.

— Роберто... — она помолчала, прикусила губу, затем снова посмотрела в глаза того, кто был с ней одного роста. — Я подумаю. Ты хороший человек, наверное, но работаешь ты не на тех.

— Есть у меня и другая линия, Челси. Есть и другая. Если мы с тобой станем ближе если ты хотя бы немного сможешь меня простить. Я с радостью поделюсь с тобой своей личной линией. Я расскажу то, для чего я это все делаю, кроме типичного и безынтересного мотива сохранения и спасения семьи. Эта семья уж почти и забыла про отца. У жены, небось, не один любовник, по крайней мере, поступают такие сигналы, но я не обращаю внимания. Все-таки у нас дочь, а она не старуха и не монашка, поэтому... Что поделатъ. Но дочери я все-таки обязан позволить жить достойно. Пока, Челси, — говорил человек, собирая документы в папку, а затем положив их в портфель.

— Пока, Роберто, а лучше... До свидания, — улыбнулась она, смотря в глаза чуть ли не лидера такой же мафии, к которой принадлежал и ее прошлый друг.

— Я оставлю тебе контакты. Если нужно — звони. Все-таки я лишил тебя определенной защиты, а ты, насколько знаю, осталась одна. Теперь уже совсем одна. Поэтому не имею права, чтобы ты осталась без защиты, — Роберто положил визитку на стол. — И возможно, что второго числа — меня уже среди живых не будет, но я дам указ о том, чтобы тебя взяли под определенную защиту. А теперь, до свидания.

Человек развернулся и пошел на выход.

— До свидания, Роберто Романо, — проговорила девушка в уже закрывающуюся дверь, после чего снова села на свое место и стала наливать новый бокал вина.

...

Роберто вскоре уже был в офисе... Его ждал новый сбор данных. На этот раз, на клан кворонов, носивший имя «Йори». Быть может, теперь человека ждали несколько ночей без сна, ибо, пусть удар по ним и должен был быть полностью тупым и прорывным, но все же... Следовало подготовиться во всех планах. Кроме того, Роберто был вынужден искать какой-то отряд наемников, который имел довольно большой опыт борьбы с земноводными, а также смог бы довольно эффективно держать позицию или атаковать.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Центр-1, строение 22, этаж 10, кабинет 1003,
01.01.2580, 09:00

Романо практически безвылазно находился в своем кабинете, но от этого для грядущего дела имелась определенная польза, за день он смог связаться со всеми нужными действующими лицами для произведения операции: Грейх и отряд из девятнадцати шок-пехотинцев должны были зайти из порта станции; далее была налажена связь с Фирсом, который должен был раздобыть корабль больше, чем использовал обычно для перевозки заложниц; а последним, кого нашел Романо для дела, являлся Милет Жабодав, который сейчас и сидел перед директором.

Довольно крепкий мужчина, с врезающимся в память страшным шрамом, идущим от левого виска и заканчивающимся под одеждой где-то на плече, а то и дальше. Судя по всему, шрам был оставлен кворонами на память. Тогда этот крепкий зеленоглазый мужчина и начал карьеру «Жабодава», хоть квороны и не были ничем похожи на известных животных с планеты Земля, но все же сам Милет называл их жабами. На счету его отряда было что-то около пятисот убитых кворонов, и по удачному стечению обстоятельств он был всего лишь в соседней системе.

— Здравствуйте, господин Романо. Милет Жабодав к Вашим услугам, — проговорил человек с военной выправкой, глядя на Романо.

— И Вас приветствую, Милет. Вы со своим отрядом сделали очень многое для ликвидации угрозы кворонов, но сегодня у меня для Вас особенное задание.

Милет наклонил голову, прищурился, а после сел за стол переговоров. Он помолчал какое-то время, судя по всему, ожидая того, что Романо что-то скажет. Его нос был бойцовски переломан и превратился в шинобель, хотя когда-то, быть может, и носил гордый аристократический вид. Глаза обладали каким-то хитрым прищуром, а кожа была слегка смугловатой.

— Вы, Романо, никак хотите, меня отправить целую станцию от жаб чистить? — спросил, так и не дождавшись ответа, Жабодав.

— Вы будете не один, Милет. Я лично и мои телохранители в полном числе летят вместе с Вами.

— Это как? Вы своей шкурой рисковать, никак, решили?

— Именно так. Я военный в прошлом, так что можете не сомневаться в моих способностях, — Милет в этот момент как-то хитро улыбнулся, а после посмотрел на руки человека, затем снова в его глаза.

— Хм... Интересно. А в каком звании Вы окончили свою службу? В какой войне участвовали?

— Милет, Вы сомневаетесь во мне? Хорошо. Кажется, это была уже Восьмая рогарийская. Происходила ровно двадцать пять с половиной лет назад, закончилась третьего июля две тысячи пятьсот пятьдесят шестого года. Я участвовал в штурме планеты Азаг'Оро Эн'Каис, в звании гвардии лейтенанта, находился под началом гвардии капитана Заснежина, далее за несколько...

— Того самого Заснежина или под командованием его сына? — спросил снова с хитрой улыбкой Жабодав.

— Сына. Последний погиб в ходе одной из операций, из-за этого я был вынужден взять командование на себя. Был тогда в звании гвардии старшего лейтенанта.

— Вы тот самый Романо, который убил генерала Гор'Ту-ула? — с интересом спросил Жабодав.

— Верно.

— А не расскажешь, соратник... Как это происходило? Ну, типа... Зенитчики подбили его корабль, кажется. Далее?

— Гор'Ту-ул был довольно интересным рогарийцем, как противник. Две роты было направлено для взятия его в плен. Одна под руководством Заснежина с юга, а вторая под руководством фон Лефтхенда с севера. Нас быстро посадили на БТ на воздушной подушке, а далее мы были доставлены до места сбора. Тогда Заснежин был еще нашим командиром. Плазменное оружие у многих, как у гвардейцев было. А плазма, как, наверное, знаешь — единственное против рогар эффективное оружие. Пули не всегда берут, ну, если не из крупного калибра бить, а так, мелочью прошивать, даже штурмовой винтовкой. Но, да... Очередь из штурмовки убивает, если повезет, и он в слабой броне был, а вот плазма вполне прожигает и броню, и панцирь и грубую кожу заденет хорошенько. Так вот... — Романо сделал небольшую паузу. — Движение наше было проблематичным, ибо рогарийцы на своих аэроциклах довольно эффективно вывели из строя два транспортера, что повлекло за собой потерю почти половины роты, но мы должны были взять его в плен. Странное совпадение в том, что из строя были выведены две БТ, которые не несли на себе относительно старших офицеров среди младших. В итоге, остались я, Заснежин и еще пара офицеров, после чего уже перед подходом к сбитому кораблю мы не встретили ни единого рогарийца. БТ на всякий случай открыли огонь по турелям корабля, но внутри не было никого.

— А планета была пустынной, и рогарийцы зарылись в песок, — перебил Жабодав Романо. — Затем они дождались того, пока вы спешите и пойдете на штурм корабля. Часть из гвардейцев была перебита еще на улице. Почти без потерь со стороны рогар. Это была гениальная тактика. Рогарийцев знали как воинов с честью, а тут они напали в спину. Но Гор'Ту-ул слегка просчитался из-за этого?

— Плазма. Он получил заряд прямо в лицо.

— А как ты его определил?

— Он был единственным среди рогарийских генералов, да и не только, возможно, в целом среди рогарийцев, кто использовал летальное оружие.

— А где был убит Заснежин? — спросил Жабодав.

— Заснежина рогарийцы довольно сильно задели еще на улице, как полагается командиру, он заходил ни в конце, ни в начале. В середине. Одним ударом энергокопья ему довольно сильно повредили спину. Оружие рогар нелетально лишь тогда, когда его используют без цели нанести настоящий урон. Тот рогариец был быстро убит, но этого промедления хватило для того, чтобы Гор'Ту-ул напал в полной мере. Парни там, на улице, падали один за одним. Их просто сметали с помощью энергощитов и прочего. Помню первый энергодробовик, который я видел. Страшная вещь. Рогариец сначала разбил одному из парней шлем ударом локтя, а затем выпустил в лежащего на земле дробь. Все лицо в кровь, он не выжил. А потом этот же заходил первым. Как оказалось, это был какой-то из офицеров Гор'Ту-ула, но он был довольно честолюбив и хотел лично взять в плен

Заснежина. Не вышло, хоть он и убил еще одного из моих парней, но сам был убит. Мы заняли оборону внутри. Затем пошли щитовики. Они хорошо закрывали за собой копьеносцев, а мы были вынуждены отступить вглубь, благо, как оказалось, в будущем плазма довольно эффективно ликвидировала энергощит и короткая очередь уже ранила, если не убивала, рогарийца. Но, видимо, Гор'Ту-ул решил стать самоубийцей. Он вдруг вырвался из строя, окруженный нательным энергощитом, бойцы открыли огонь, но он не остановился. Он знал уже, где находится Заснежин, и прорвался на мостик, убив двоих, а после и Заснежина, и ряд других раненых. Я вышел с ним на бой. Получил тяжелое ранение но выжил, а также забрал с собой Гор'Ту-ула. Не знаю, как парни смогли защититься. Помню, что меня отрубило после заряда плазмы. Проело грудь, но, благо, броня была достаточно толстая и задело лишь слегка, но этого хватило, чтобы отключиться.

— Ага. Он еще хотел включить турели, но ты ему помешал. Жаль, конечно, Заснежина, но он сам допустил ошибку, что решил входить на корабль. Тем более через аварийное «оконце». Там же от силы два бойца одновременно зайти могут. На это рогарийцы и делали упор, похоже. Причем открыли его в коридоре, специально, чтобы вы там не решили закрепиться, а были вынуждены пройти дальше к мостику. А значит, сами ящерицы могли спокойно заходить, ибо вы оставили там от силы двоих, а энергетический щит медленно теряет запас энергии. Что-то около... Трех секунд, кажись, а ящерица за это время успевает многое сделать. Да... Вам повезло, что смогли отбиться, хотя мне кажется, что в этом случае на поражении рогарийцев сыграла именно смерть Гор'Ту-ула, ну, и подход Лефтхенда, конечно, поздний, но все же. Это ж, считай, смерть легендарного командира, который бил людишек так, что его прям-таки боялись командиры от мала до велика. Хотя... Мне кажется, что он поддался. Он довольно старый уже был, а у ящериц не сильно принято помирать в постельке. Может, он и сбить себя позволил.

— Возможно. Но... Я не спас своего командира. Вот это погано, — проговорил Романо, посмотрев на стол. — Его отец и вручал мне крест героя, но не знаю. Я как-то этой награды и стыжусь, ибо... За что она? За то, что сбитого генерала убил, когда цель была — захватить в плен.

— Ну-ну. Успокойся. Даже убитый Гор'Ту-ул имел большую ценность, чем живой и находящийся в армии. Впрочем, думается мне, что если бы вы эту ящерицу и захватили бы, никаких разведанных он бы вам не выдал. Может, кому-то еще и жизнь прекратил. Так что... Даже его труп — это дело, достойное креста славы... Или креста героя?

— Да. Крест героя, золотой.

— Один у тебя этот крест? — спросил Жабодав, улыбнувшись.

— Один, еще несколько медалей имеется, но это уже мелочь. Там за отвагу две штуки, за мужество одна, за еще две операции медальки, плюс за взятие планеты. Вот, кстати, за штурм Азаг'Оро Эн'Каис, тоже можно гордиться, пусть потом и были вынуждены в ходе переговоров ее вернуть за системы, захваченные у нас.

— Это, ведь, кстати, была одна из первых войн, когда люди перешли в полноценное наступление. Ранее как-то все боялись, что ли.

— Да... Тут роль Заснежина была большая. Он, кстати, тут в гарнизоне служит, насколько мне известно. Его как-то не сильно уважают люди сверху. Он как был генерал-майором, так и остался, если еще не понизили, — с легкой грустью проговорил Роберто, вспоминая этого высокого и сильного мужчину, голова которого уже тогда была практически молочного цвета.

— А за что его так?

— За определенные «сепаратистские настроения», он типа часто ссылался к классикам ныне запрещенных идеологий, вот его и начали прессовать. Что-то было про то, что наши власти злоупотребляют народом и его рабочей силой. Я тогда-то особого значения его словам не придавал, а вот нынче сам являюсь тем, кто злоупотребляет терпением народа. Я, по сути, часть этой власти.

— Ага. А жаб давить хочешь, — снова улыбнулся Жабодав.

— Ну, так не из добрых же побуждений. Вышло так, что, грубо, на мне сейчас три трупа из их клана, а если их не вырезать всех, или хотя бы большую часть — это будет значить теракты против КарэнияИндастриз. Так что вот...

— Ага. Из героя в корпораты. Ну, ниче, все мы нынче на руку не чисты. Я вот со всякими работал, в том числе и с жабами, ради уничтожения других жаб. К примеру, корабль наркодиллера одного ликвидировать, так и своего рода капером становился, если деньги хорошие платили.

— А отчего ты так «жаб» не любишь? — спросил уже Романо.

— Да, знаешь... Была у меня сестра. Я как раз в армии был, на контракт остался, отправили нас на Триумвират. И вот тогда жабы ее взяли. Я когда вернулся, узнаю такую информацию, быстренько собрал парней побольше и двинул на станцию, куда предположительно сестренку увезли. Добрался до жаб, а они оказались сильно более развиты, ну, в боевом плане, как минимум числом. Ну и взяли меня. Вот это уродство нанесли, — Жабодав провел по своему шраму. — А потом сестру привели, она вся избитая была... Ты б видел. Видать «мужа» ей нашли, перед которым не ахти как танцевать любила и прочее. Вот он ее и избивал ежедневно. Худая вся... Потом этот урод появился, ну и прирезал ее при мне, ибо таков обычай, что с женой своей, коли она сама не жаба — имеет право расправиться муж, а вот если сама жаба, так никто и ничего сделать в ее отношении не имеет права. Так вот и начата моя вечная борьба с этими тварями. Они все одинаковые, правда, есть кланы, которые сугубо наркотой и оружием барыжат, так они получше. Их уничтожать я в последнюю очередь буду, ну, коли меня не шлепнут, а вот работорговцев... Всех подчистую. И коли у вас такие же твари на станции — без разговоров пойду. И еще одно... Как на станцию попадаем? — он хитро прищурился в очередной раз, как бы пытаясь читать Романо.

— Проникать будем через «секретный» шлюз, вернее сказать шлюз, через который наложниц и принимали.

— То есть... У тебя завербованный поставщик?

— Верно.

— Тогда после дела — ты мне его отдашь. Иначе, я никуда не пойду. Он такая же жаба, как и те торгаши, — довольно спокойно проговорил Милет, положив руки на стол и как-то отчасти даже угрожающе посмотрел на Романо.

— Хорошо. Фирс будет твоим. Договорились?

— А цена?

— Сколько просишь?

— Парней у меня двадцать. Снаряжены хорошо, а значит по... Поскольку задание очень тяжелое, то по пять тысяч на рыло. Я думаю, что это сумма довольно скромная для такого дела, — проговорил человек, уже отпрянув от стола, откинувшись на спинку стула и сложив руки на груди.

— Хорошо.

— Даже торговаться не будешь? — как-то удивленно спросил Жабодав. — А если бы десять попросил?

— И десять заплатил бы. А вот, если бы пятьдесят — вышел бы из кабинета ко всем чертям. Кроме тебя участвовать будут еще семь человек от меня, а также два отделения шок-пека. Всего двадцать восемь человек.

— Кто их возглавит?

— Старший сержант Грех. Может, слышал?

— Угу... Страшный человек, насколько мне известно. Он вроде какому-то рогарийскому командиру челюсть выставил. Или это очередная сказка?

— Ну... Выставить — не выставил, а вот в рукопашной одолел, после чего привел в штаб.

— Сильный мужик. Ничего не скажешь, но это ж в броне шок-пека, так что... Наверное, немного проще сделать.

— Проще-то оно проще, а вот рогарийца одолеть в целом — дело тяжелое. Тем более офицера.

— Это да. С этим соглашусь. Как понимаю, мы выходим на дело завтра?

— Да. Именно так. Встречаемся на космодроме.

— Ну что ж... Подписывать никаких бумажек я сейчас не буду, а вот после дела — пойдет. Кстати, если кто-то из моих бойцов погибнет. Думаю, ты какую-то компенсацию сделаешь?

— Сделаю. Пятикратно умноженная сумма от платы.

— Отлично. Спасибо большое, Роберто. А я пошел в таком случае, — человек в очередной раз улыбнулся, а далее двинулся на выход.

— Удачи, Жабодав.

— И тебе удачи, старлей, — кивнул наемник, после чего вышел.

— Хорошо... Заодно от Фирса избавимся, — проговорил Романо, когда дверь закрылась, а после продолжил сбор данных о «жабах», которые теперь стали чуть ли не главной проблемой для корпорации.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район № 2, Дом 103, этаж 9, квартира 135,
02.01.2580, 06:00

Шпак проснулся от звука будильника. Глаза уставились в потолок, а в мыслях снова возник образ того кворона, но страха теперь не было. Он пропал, как и всякое сожаление, по крайней мере, по поводу этого ксеноса. Эти земноводные теперь стали ненавистны, более того... Хотелось убивать и убивать. Никакого сожаления ни по одному из будущих трупов. Пришлось ознакомиться с тем, что представляла собой эта раса, и любая мысль о сожалении после ознакомления отпала. Варварские традиции, множество жен, но настоящей из них является лишь одна, остальные — наложницы. Право на убийство той самой наложницы порой просто так. Нет... К этим тварям не может быть никакого сочувствия. На этих мыслях человек и поднялся с дивана.

Он надел более свободную одежду, так как операция обещала быть сложной. Завтракать не стал. Киру он еще вчера отправил праздновать Новый Год к подружке. Она не хотела, но отец был настолько настойчив, что девушке пришлось собрать вещей не на день, но на неделю. Ушла она расстроенной и обиженной, но, кажется, поняла, что Генриху придется несладко и что та дорога, на которую он вступил, рано или поздно может закончиться кровью. Его кровью.

Бриться не стал, ибо незачем, да и... Не narosло еще. А вот пистолета сейчас не хватало. Он несколько раз помянул Джека недобрым словом, хоть и понимал, что сделано это было лишь для его безопасности, но все же человека обурежала какая-то злоба, то ли на себя, то ли на Романо, то ли на все сразу. Но ладно... Сегодня злоба должна была выветриться, быть может, вместе с его жизнью, но Романо обещал, что позаботится о девушке, если отец погибнет. Их всех ждало что-то недоброе, благо, директор сказал о том, что нанял спецов по охоте на... Жаб? «Почему он их так назвал? Что за? Хотя... Да. Наверное, жабы чем-то похожи на кворонов. Наверное, своей противностью. Точно. Именно этим».

Вскоре он вышел из квартиры, затем опять к лифту, после этого на улицу, а после на остановку монорельса. Нужно было отправляться в район «Космос»... «Забавное название. Хотя, довольно символичное. В каком-то плане, наверное, даже полезное. Надо бы спросить у Романо, почему все районы называются какими-то кодовыми словами и цифрами. Это было бы удобно для ведения войны в условиях города, но... Стоит все-таки уточнить».

Снова здесь стояла толпа людей. Вскоре прибыл и монорельс. Шпак в небольшой толкучке вошел внутрь, сел на свободное место и расплатился с роботом-кондуктором. Дальше его ждало прекрасное времяпрепровождение с серыми лицами серых людей, впрочем, за последнее время и сам бывший бизнесмен стал довольно серым. На нем теперь почти не было явного подкожного жира, и весь он довольно сильно осунулся из-за чего многие его знакомые, вполне возможно, уже его бы и не узнали. Брови на постоянной основе приобрели либо нахмуренную форму, либо форму просто мрачную. Его лицо прямо-таки соответствовало стереотипу, и теперь если искать его среди теперешних рабочих — его бы не удалось найти: щеки ввалились, глаза потускнели и стали отдавать некоторой тупизной,

движения стали какими-то нервными, а лицо теперь отдавало повседневной будничной злобой того, кто вынужден жить одним днем, но не в силу своей легкомысленности, а в силу того, что даже думать не хочется о том, что случится завтра.

Когда сидящая напротив женщина улыбнулась человеку, он оскалился, после чего взгляда ее на себе больше не ловил. Честно говоря, сейчас вообще не хотелось никого и ничего видеть. Даже смерть на станции представлялась чем-то лучшим, чем видеть эти серые рожи, впрочем, у тех, кто сидел здесь, были, вероятно, те же самые мысли, а если кто-то и вовсе через «маску рабочего» смог узнать бывшего бизнесмена — это нежелание видеть именно эту серую рожу возрастало в геометрической прогрессии.

Пришлось проехать почти весь город, и где-то в восемь-десять или — двадцать человек уже был на своей станции. Он шел относительно уверенно, но как-то нервно, в направлении космодрома. Если смотреть на эту походку со стороны, вероятно, можно было представить себе пружину, которая готова совершить обратное движение, после своего придавливания. То же самое было и в мыслях, ему хотелось стать той самой пружиной, которая выскочит из матраса кому-то в глаз, и выскочит так усердно, что пробьет его череп насквозь. Руки, сжатые в кулаки, находились в карманах, большой палец то и дело «пересчитывал» остальные пальцы, нажимая на каждый поочередно.

Вокруг все было также серо, как и в голове. Вот и действительно — материальность мысли. Снега нет, а асфальт покрыт грязным его перевоплощением. Он шел навстречу с Романо, прокручивая в голове нечто вроде: «Все будет хорошо... Все будет отлично... Я не сдохну сегодня... Нет. Я сдохну сегодня. Наверное. Мне конец, но не стоит терять какого-то оптимизма! Может, я убью десять кворонов! Ага... И опять раскисну». Мысли окончились чем-то не совсем похожим на какую-то оптимистичность, поэтому человек решил перестать мыслить. Был один плюс. Возле Космодрома не было застройки, поэтому можно было встретить лишь единичные группки людей, которые двигались из этой огромной, напоминающей Древнеримский Колизей, бандуры.

Вскоре он уже был внутри, здесь было множество полиции, а также двадцать шок-пехотинцев, кажется, что это бойцы Грейха... И верно. Романо стоял рядом с ними и что-то перетирал с самим Грейхом. Глаза бегают по космодрому, и тут замечают огромную фигуру в знакомом экзоскелете. Точно. Билли. Шпак сразу направился к человеку, а рядом с ним увидел и большое число других людей. Здесь были уже знакомые, а также те, кого нанял Романо. Телохранители были снаряжены однотипно: бронежилет, судя по всему, военного типа, вместе со вместительной разгрузкой и с подсумками. Сама одежда же была выполнена в черных тонах, а также довольно хорошо подогнана под бойцов.

— О... Бомжик идет! — усмехнувшись, помахал рукой Билли.

— Ага... И тебе не хворать. Я могу, как бы, развернуться и уйти.

— Давай. Вали отсюда, — послышался голос Чаки, вдруг с места поднялся один из наемников, у него был снят шлем и был виден страшный шрам.

— Ты. Заткнись. У нас каждый человек на счету. Сечешь, чучело? — спросил он, подняв за ворот Чаки, поднял он так эффективно, что у последнего ноги оторвались от земли, хотя сам наемник был не сильно выше Чаки.

— Я понял! Молчу! — вскрикнул парнишка, после чего грохнулся назад на сидение.

— Меня зовут Милет Жабодав. Это мои парни, — он указал на девятнадцать человек, которые были снаряжены также в черную одежду, и примерно то же снаряжение, что и бойцы Романо, после этих слов Милет кинул в руки Шпака сумку с одеждой и

снаряжением. — Зайди в туалет и переоденься. Ствол получишь обычный. ППК-2554 — совсем недавно снят с конвейера, но пушка удобная и простая в обращении. Такого громилу, конечно, не пробьешь (при этих словах он указал на Билли), но жабу со спокойной совестью прошивает на раз-два. Да и не только жабу. Шлем также лежит в сумке. Шлем лучше здесь не надевай, надышишься еще в этой консервной банке, но штука полезная. Обтекаемость поверхности хорошая — пули в откос идут только так, про осколки вовсе молчу, но гранат там особо не предвидится. Что касается инструкций... Не лезь на открытые места, если таковые, конечно, будут. Жабы очень любят крысятничать со своими снайперскими винтовками и прочим добром, поэтому на открытое пространство выходить лишь в крайнем случае и с полной уверенностью, что никого нет. Кроме того, важной проблемой является коридорный бой. Для этого у нас имеются стальные щиты, но жабы тоже не тупые, поэтому у них это дело тоже будет, две гранаты с малым зарядом все же иметь стоит — сразу в комплекте имеются. Кроме того, есть гранаты шокового типа, нажимаешь на кнопку на ней, а далее забрасываешь, прикол там в том, что граната как бы разбрасывает некое подобие большого числа проводов с присосками и если попадает в живое — выдает ему двести двадцать вольт. Приятного мало, однако если броня не железная, а она нынче у всех не железная — будет проблема в виде того, что не факт, что прожарит. Боевой инструктаж окончен — двигай в толчок, салага, — Милет при этих словах дружески хлопнул Генриха по плечу, а тот в этот момент усваивал информацию, которая выливалась на его голову единым потоком.

— Спасибо за инструктаж. Рад знакомству, — голова в этот момент стала тяжелой, и Генрих даже не представился, но пошел в туалет, чтобы переодеться.

Довольно быстро он снял свою одежду, надел поочередно всю униформу, которая находилась в сумке, а затем надел и берцы. После этого на тело был наброшен черный бронежилет, были застегнуты заклепки, поверх которых находились еще и ремни, которые человек также подзатянул до состояния, чтобы не возникало дискомфорта. Бронежилет, кстати, удивил тем, каким был мягким внутри, судя по всему, эта поверхность должна была гасить то, что прилетало бы в броню. Но он был довольно тяжелым, вероятно, внутри была комбинированная система защиты. Далее была надета разгрузка, в которую были вставлены четыре гранаты: две шоковые и две обычные. Шлем пока что был оставлен в сумке, а в сумку легла былая одежда, после чего человек и вышел наружу.

— О боже! Кто это выходит?! — воскликнул Билли в своей шутливой манере.

— Я знаю! — сказал громко Джек. — Это гроза кворонов!

— Жаб, — вставил свои пять копеек Милет.

— Да. Точно. Жаб, — согласился Джек, а у бойца возникло ощущение того, что его никто не воспринимает всерьез, но все же Шпак подошел к лавкам.

— Долго будете надо мной издеваться? — спросил он как-то мрачно.

— Всю жисть, братишка, крепись! — при этих словах Билли положил свою металлическую руку на плечо Генри.

— Ха-ха. Смешно.

— А че, нет?

— Нет, — заключил Шпак, глядя на пол.

— Опять ныть собрался? — спросил Билли, глядя на своего соратника.

— Да отстань ты от него. С самого порога начал... — проговорил Джек, нахмурившись.

...

Вскоре шок-пехотинцы отправились на свой корабль, а Романо подошел к своим бойцам, он осмотрел всех присутствующих своим на этот раз довольно тяжелым, но все же уверенным взглядом.

— Итак. Проведем небольшой брифинг. Сегодня нас ждет очень грязная и очень опасная работа. Нас не так много, но оснащение говорит о довольно высоком качестве. Жабодав и его парни имеют довольно большой опыт борьбы с кворонами, а это позволяет нам приобрести некоторую уверенность в положительном исходе нашей с вами работы. Кроме того, сержант Грейх взял под свое начало лучших бойцов со своей базы. Сам я буду рядом с вами во время всего действия, надеюсь на то, что все мы выберемся живьем и физически целыми. Всего кворонов двести двадцать три из тех, что числятся в базе, но, вероятно, имеется и определенное число незарегистрированных наемников, которые прибыли на станцию через гермозатвор. Что касается нашей задачи: бой будет жаркий, но нам желательно взять определенное число пленных высокопоставленных кворонов — этим, вероятно, займутся бойцы Грейха, что облегчит нам задачу, ибо мы с вами можем, особо не думая о взятии пленных, стрелять по врагам. Кроме положительных аспектов — есть аспекты и отрицательные, а именно то, что нам точно неизвестно о том, как снаряжены квороны и так далее. Благо, за нами остается одно преимущество — нас не ожидают, ибо информация об убитых братьях Йори вряд ли достигла станции, ибо мы снимали со звездолетов всех кворонов, которые собирались лететь на станцию. Да. Вероятно, они хотя бы частично уже начали беспокоиться, но в силу того, что Фирс везет «большой груз» — они должны успокоиться. Этим грузом вместо наложниц становимся мы. Первые квороны будут убиты легко, в силу того, что банально не готовы, но дальше все будет становиться сложнее, поэтому прошу вас не лезть на рожон и быть максимально осторожными, ибо каждый убитый или раненый — будет сокращать наши шансы на успех, а цель у нас — ликвидация этого клана. Если у вас возник вопрос: «Почему нас так мало?». Я отвечу. Так мало нас в силу того, что операция является специфической, а также может быть рассекречена из-за участия в ней слишком многих. Я итак рисковал, чтобы вызвать к себе отряд Жабодава, но надеюсь на то, что квороны не особо сильно начали волноваться в силу прилета в систему подобного гостя, ибо гость прибыл буквально день назад, а размещался с отрядом в одной из гостиниц. На этом брифинг окончен. Вопросы? — Романо снова осмотрел всех сидящих.

— Насколько велики шансы провала? — спросил один из бойцов Жабодава.

— Довольно большие, но мне кажется, что практически пятьдесят специалистов вполне смогут разделаться с шайкой бандитов, пусть и довольно большой шайкой.

— Специалистов? — спросил на этот раз до этого сидевший довольно тихо Паук. — Я вот вижу здесь господина Шпака, который до этого в боях особенно не участвовал.

— Да. Шпак не является специалистом, но каждый боец нам полезен и дорог, в силу того, что нас довольно мало и поэтому, даже Шпак может сыграть важную роль в нашем с вами сражении.

— Если он не держал оружия до этого — он может быть проблемой, — проговорил на этот раз уже другой боец Жабодава, крепкий мужчина с хриплым голосом, на голове которого была надета балаклава.

— Хорошо. Что Вы предложите взамен?

— Да хоть копа какого-то, а так — пушечное мясо, если Вы правильно меня понимаете, господин Романо, — этот мужик говорил довольно толковые вещи, как подметил и сам Генрих, но как-то это играло отнюдь не на его боевой настрой, а в этот момент вмешался

сам Жабодав.

— Слушай, Мох, копа никто не отпустит, да и пользы от него отчасти будет столько же, так что... Особой разницы нет. Будет медбратом этаким, в случае если кого ранят, так он его и утащит в сторону корабля.

— А если ранят его, командир? — снова спросил Мох.

— Если его — оттащит кто-то наименее опытный.

— А где ты, Жабодав, видишь не ахти опытного? Только из этих, разве что. А мы вот годами опыта набирались. Я лично под тобой хожу с самой войны с Конфедерацией, а ты так и продолжаешь меня не слушать.

— Слушай, Мох. У нас реально мало людей и сейчас нет смысла лясы точить. А если будешь заниматься подрывом боевого духа — сам знаешь. Нас и не на такие задания нанимали, и жабы были сильно более квалифицированные, конкретные головорезы, а здесь все подряд будут, от головореза до какого-то рядового бандита, а еще мы женскую часть не учитывали. Романо-то всех же перечел, верно?

— Верно. По поводу женщин. Из тех, двухсот двадцати трех — восемьдесят женщин. Из мужчин подростками являются еще двадцать три. Дальше перечислять не буду. Скажу лишь о том, что наиболее опытными являются лидеры клана, а также их телохранители и ряд наемников — всего двадцать пять жаб. Чувствуете, насколько меняется картинка с более подробной информацией, гражданин Мох? — спросил уже Романо, а Мох посмотрел на него довольно мрачно.

— Думаете, что эти цифры как-то улучшают наше положение, господин Романо? Численное превосходство жаб — это проблема, которую одним подсчетом по годкам не решишь. Да, там большая часть — школота, в плане опыта, но, думается мне, что это не сильно поможет, если эта школота вполне умеет стрелять из ПП. А это их излюбленное оружие. Плюсоружие довольно легкое. Если нам не повезет, кроме самих жаб там будут еще и ящерицы, а также швагры. Про швагров что-нибудь знаете, господин Романо? — спросил человек, глядя на директора.

— Хорошо. Я повышу плату вдвое за ваш риск. На этом Вы успокойтесь, Мох? — спросил Романо, глядя на человека.

— То есть по десять тысяч на рыло?

— Верно. Вы правильно считаете.

— Ну... За такие деньги можно рисковать без разговоров, тем более умножив на всех парней. Можно даже небольшой заводик купить, — усмехнулся Мох, посмотрев на бойцов.

— Жабодав? — спросил Романо, глядя на заулыбавшегося наемника. — Это что за театральное представление?

— Знаешь, Роберто... Я просто подумал и решил, что сумма, которую я озвучил первой, была неверна. Требовалась сумма больше, ибо наш риск больно уж велик, да и трата снаряжения будет колоссальной. Сам понимаешь, как проходят военные операции, когда противника сильно больше, чем тебя. Плюс я снарядил твоих бойцов, кроме Билли и Паука. Я думаю, что эта сумма является подходящей в отличие от той, которую согласился выплатить ты, — во время этих слов Романо, довольно зло смотрел на нанятого капитана наемников.

— Ты мог обговорить это со мной без этого представления, однако ты решил действовать так? Хорошо. Я уплачу, только ты с планеты полетишь сразу, после оплаты твоих услуг, — проговорил холодный голос гвардии старшего лейтенанта в запасе.

— Что ж Вы так категоричны, Романо? Это ведь все-таки шутка, — проговорил как-то виновато Жабодав.

— Дело в том, Жабодав, что так деловые люди — не поступают. В этом весь вопрос. Вы наняты на эту работу, а я, в принципе, готов был пойти на уступки, если бы вы попросили, но тут вы начали играть в нечто вроде театра. Господа наемники, вы часом ничего не попутали? Отношения в нашем сообществе должны быть закреплены доверием и контрактом, контракт мы заключать не стали, но все же в устной форме мы его заключили. Это, мягко говоря, непрофессиональное отношение к своей деятельности.

— Все-все-все... Хорошо. Мы получим плату, если будут раненные — мы их выходим, если тяжелораненные — мы вылечим их до достойного состояния, если будут убитые — сожжем в крематории, а после сразу же улетим. Я Вас, Романо, не обманывал. Мы просто с ребятами развеиваем какую-либо тревогу — не более. Мы выполним свою работу в полной мере, — после этих слов Жабодав сел на свое место.

— Хорошо. Фирс, как и ранее — отходит Вам, Жабодав. Все-таки это определенный уговор.

— Где этот самый Фирс?

— Он должен прибыть примерно к десяти часам, далее мы загрузимся. Корабль выкуплен старенький, тюремный, а это позволяет поместить на него весь отряд. На деле даже еще место останется, — после этого и сам Романо замолчал.

Снаряжен директор был в синюю униформу, поверх которой был надет бронежилет, который также имел наплечники, на голове его был надет шлем с опускаемой маской, сам шлем закрывал всю голову, был также синего цвета, с визором из черной пластмассы на «забрале» шлема. При этом имел при себе штурмовую винтовку AZ-205, которая частично напоминала старый добрый автомат Калашникова, но при этом теперь имела космическое происхождение. Впрочем, кое-какие изменения произошли — форма приклада сменилась со старой на телескопический приклад, напоминавший приклад одной из модификаций не менее легендарного пистолета-пулемета прошлого MP5. Кроме этого, в конструкции существовал встроенный глушитель, а также уже установленный коллиматорный прицел. Изменился состав пороха для патронов — они стали убийнее, вместе с этим изменился и сплав, из которого было сделано оружие.

...

Вскоре на площадке села тюремная баржа, которая выглядела довольно неприятно, походила скорее на некую трапецию, если смотреть сверху, сам параллелепипед опускал свою «крышу» вниз тем ниже, чем ближе становился он к окончанию. Из наклонной части выглядывала двухместная кабина пилота, турели были давно срезаны, а сам корабль ныне напоминал скорее некую ржавую посудину, которая теперь вряд ли имела бы какую-либо ценность. Машина опустилась на землю с громким гулом посадочных двигателей, которых было четыре из восьми, четыре штуки, которые были по центру каждого из бортов корабля, были утеряны или выкрадены. Посадочная платформа также имела убогий вид, а если быть точнее — ромбоидные «лапы» корабля также были покрыты ржавчиной, а также отсутствовали две ноги, одна под отсутствующим двигателем по правому борту, а вторая под передним двигателем левого борта.

— Да-а-а-а-а... Вот это посудина... Прямо диву даешься, откуда такие откапывают, — проговорил Джек, смотря на корабль.

— Да... Этот корабль повидал и отбросов общества, и пьяные драки конвоиров, и

мусорщиков, и тех, кто стырил его лазерные установки. Да-а-а-а... Знатный корабль, — добавил уже Билли.

— Корабль Рейвен-Три, модели «Страж Порядка», выведен из строя группой пиратских кораблей, которые желали освободить преступников, перевозимых данным судном, — проговорил металлический голос Паука. — В ходе боя было ликвидировано два пиратских судна, но один из кораблей смог примагнититься к транспортеру, а далее прожег дыру для стыковки, после чего начался затяжной бой на корабле. Тюремщики держались что-то около четырех часов, когда пираты пристыковывались судно к судну, а затем пробрались на корабль. Бой продолжался, в этой битве погиб весь экипаж корабля — ровно шестьдесят человек, пираты потеряли почти вдвое больше. Размеры судна: в высоту корабль достигает пятнадцати метров, в себе имеет две палубы. Вход производится сразу на первую палубу, ибо вторая палуба предназначена для содержания заключенных. На первой же палубе находится также генераторная комната, двигательный отсек, в котором расположился и топливный бак, там же находится рубка связи и ряд помещений оружейного управления.

— Спасибо за данные, жестянка, — усмехнулся Билли, глядя на Паука, а тот улыбнулся.

— За «жестянку» я обычно вставляю самую маленькую бомбу в виде шарика в мочеток обидчика, а далее подрываю его, но сегодня другой день, поэтому прощаю тебя, верзила, — в голосе не было и нотки страха, а вот Билли слегка побледнел, было что-то в этом самом Пауке, что заставляло людей бояться этого небольшого по габаритам и росту человека с мертвенной нижней частью лица.

— Ладно-ладно. Больше так называть не буду, — Билли немного поморщился, после этих слов, а после надел черный матовый шлем от своего «доспеха».

Экзоскелет Билли был матовым, но во многих местах уже был оцарапан пулями врагов, но толщина бронепластин, а также обтекаемость брони позволяли мужчине выживать даже в самых горячих условиях, кроме того эта броня была прекрасным боевым дополнением самого наемника, что и было продемонстрировано в бою в баре. На шлеме имелись отверстия под глаза в виде двух «трубок» с линзами красного цвета. Сам экзоскелет был довольно таки стильно оформлен, красного цвета полосы находились на груди, а также на плечах, сервоприводы же были уменьшены в размерах и, судя по всему, упрятаны под дополнительные бронелисты на спине. Рядом с ним был и его старый добрый пулемет, который на данный момент находился в специальной сумке. Кроме того, при нем имелся и крупнокалиберный пистолет, который, кажется, использовался редко, но все же находился в специальной металлической «кобуре» под левой подмышкой.

Наемники стали подниматься, вкладывать магазины в разгрузки, проверять оружие, оружие досталось и Генри. Тот самый ПП, который чем-то напоминал старенький МР-5, а также имел при себе глушитель, который тут же был надет на дуло. Генри примерно знал, каким образом устроено оружие, ибо все-таки часто бывал даже в военном тире, все-таки сотрудничество с государством позволяло использовать различные учреждения в свое удовольствие, в том числе были и относительно гражданские стрельбища, где Шпак одно время проводил достаточно долгие часы.

Вскоре в зал ожидания космодрома зашел и Фирс. Он улыбался Романо и шел довольно уверенно.

— Господин Романо! Рад Вас видеть! — громко проговорил Крыса. — Это у Вас столько народа? Как-то не густо. У меня машина, которая могла бы погрузить на себя сильно больше...

— Фирс, я не рассчитывал на такой корабль, да и дело у нас более-менее секретное. Плюс... Я не думал, что ты возьмешь такое дерьмо вместо достойного корабля.

— Это не дерьмо, директор, а прекрасный корабль с прекрасной историей! Я его добыл за... — Фирс задумался. — Где-то за двадцать тысяч кредитов. С мусорщиками добазарился, так они его мне по дешевке продали. Плюс... Я кой-кого нанял, ну типа для охраны «проституточек». Вы, надеюсь, их бить не будете? Это простые дуболомы. А то... Сомнительно, что я, и без охраны.

— Не будем, — проговорил Жабодав, на голове, которого уже был шлем, а Фирс посмотрел на него с каким-то подозрением.

— Это Жабодав, что ли?

— Он самый, — проговорил в ответ Милет.

— Ну... Тоды точно все нормально пройдет. Хорошо. Значит так. По поводу того, что рядом со шлюзом. Там обычно встречает десять рыл, пару собачек и две пулеметных турели. Что касается снаряги у них... Ну больше ППшки, иногда пистолеты, но в этот раз, есть ощущение, что будет пара рогарийцев, ибо один из «шишек» Йори решил затариться крутой охраной. Их там, судя по данным, ящериц эдак десять. Именно тех, которые зареганы. Откуда знаю? Предупреждаю вопрос. В первую очередь оттуда, что в момент моей связи с той самой «шишкой» — за его спиной стояли два рогарийца. Так что... Я решил проверить базы данных станции, и обнаружил отряд этих рогарийцев. Парни серьезные, вожака их зовут, кажется, Шакхар'Кунд Квон'Орд. Может соврал, конечно...

— Не соврал. Этот хрен довольно эффективно пулеметами орудует, я с ним уже встречался и, однажды, пришлось перетереть довольно в жесткой форме, — проговорил Милет как-то зло. — В общем. Там дело было на тему большого куша, так эта гнида, имея меньший отряд, затребовала в три раза больше, чем запрашивали мы. Так вот... Нас это, конечно, возмутило, ибо какая-то свинья, имея всего десять бойцов, — требует сумму, которую мы в жизни даже не просили. К слову, тогда он затребовал что-то около тридцати косарей на рыло, ну, конечно, работодатель прихерел, а дальше мне пришлось давить на этого черта, ну так он на одну третью цену сбросил, в итоге работодатель нас послал, — человек помолчал, а после добавил. — Вот вроде космос большой, а разойтись негде... Ну да ладно. Поди как-нибудь справимся с ним.

После этого бойцы последовали за Фирсом и стали входить на корабль по такому же ржавому мостику...

...

Их спустили на первую палубу, а далее разместили в камерах... Всего здесь было около двенадцати камер, на восемь человек каждая, поэтому решили посадить в каждую по два-три человека, дабы иметь больше огневых точек для стрельбы. Баржа была действительно огромной, но не в сравнении с различными крейсерами. Шпак вошел в камеру с Билли и Джеком, Романо проследовал в камеру вместе с Пауком и Чаки, бугаи Романо проследовали в одну камеру, остальные так же распределились по камерам, так Жабодав пошел вместе с Мохом и еще одним бойцом.

— Итак... Скоро мы окажемся на Айскрим-Шесть. Почему Айскрим — прошу отбросить вопросы, — проговорил голос Романо в каждой из раций.

— А почему Айскрим? — спросил Билли, растянувшись в улыбке, после чего в рации послышалась брань, а также угрозы уволить здоровяка из телохранителей. — Ладно-ладно... Я же всего лишь пошутил, а Вы...

— Замолчи и слушай, — проговорил довольно властно голос директора. — Так вот. Скоро мы окажемся на станции Айскрим-Шесть, так и быть удовлетворю интерес Билли и скажу так, сама станция напоминает мороженое в стаканчике, поэтому ее так и прозвали. На этом ответы на тупые вопросы прекращаю и перехожу к инструктажу, — рация ненадолго замолчала, а после снова начала говорить. — Айскрим-Шесть, как знаете, — является одним из довольно значных мест, как и любая другая станция. В силу того, что у нас на дворе капитализм, хозяин станции получает определенные барыши за то, что квороны проживают внутри его станции, но так как квороны являются настоящей заразой для космоса, он не будет препятствовать ликвидации данной неприятной расы. В силу этого, мы можем не бояться того, что станционная полиция или ЧОП начнут на нас быковать, ибо начальнику не сильно хочется замараться тем, что он с пиратами, работорговцами и наркобарыгами связан, поэтому он к их ликвидации, скорее с добром отнесется, конечно, минус прибыль, но... И минус геморрой. Кстати, в прямом смысле, полагаю, что он удалит этот отросточек в виде шлюза со станции. Что касается наших друзей из шок-пеха. Они свяжутся с нами, когда мы будем в зоне действия устройства связи. Кроме того, сразу, как только мы пристыкуемся к станции — следует первым двум камерам выйти на боевые позиции. Желательно взять в плен того, кто войдет за нашим другом внутрь. Все понятно?

— Так точно, директор, — ответил Жабодав, после чего разговор был завершен.

Шпак сейчас сидел на нарах и вставлял обойму за обоймой в разгрузку, Билли устанавливал барабаны от своего пулемета в отсеки под правой подмышкой, а также снимал чехол с пулемета. Джек же был довольно-таки расслаблен, он лег на дальние нары, а после стал насвистывать какую-то мелодию, пока не почувствовал то, как корабль начинает подниматься. Корпус прямо-таки начало трясти.

— Где он это говно откопал? Оно же щас развалится, — пробормотал Билли.

— Не знаю. Наверное, прям на мусорке, — усмехнулся Джек, глядя в потолок из пластстали. — Что самое интересное — здесь железки особо не пострадали. Посерели чуток, местами покрылись гарью, и все... Кое-где мусорщики отодрали пластинки, — во время этих слов Джек, указывая на те или иные плитки, водил рукой по потолку.

— Тебе заняться больше нечем? — спросил с улыбкой Билли.

— Ну, дык, а что делать? Я все по местам расфасовал еще на планете: все магазины, все гранаты. Даже кортик упаковал. Кстати... А они щиты где поставили? — спросил Джек, повернув голову к Билли.

— Там пара крепких парней затащили два таких больших-больших... Пакета? Мешка? Сумки? В общем, неважно. Две больших таких упаковки с чем-то, по форме похожим на щиты. Вот, — проговорил Билли.

— А что, если я сдохну? — вдруг раздался голос Шпака.

— Ну, сдохнешь и сдохнешь... Че такого-то? Все сдыхают, — снова слышался голос Билли, он был довольно сильно искажен шлемом и стал чем-то напоминать голоса шок-пехотинцев.

— Не смешно. Мой труп хотя бы домой доставят? — не унимался Шпак.

— Нет, блин, прям здесь сожгут, а прах развеют на ветру, — загоготал Билли.

— Да ты меня уже затрахал! — довольно громко сказал Генри, после чего в диалог вступил Джек.

— Ты так за свою жизнь не трясись. Тебе в бою надо думать о том, как выжить, а не о том, что будет, если тебя шлепнут. Вернее сказать... Надо думать параллельно, как выжить,

а также как убить врага. А так... Если как крыса будешь от всего бегать — сдохнешь. Это я тебе, как уже видевший «крыс», говорю. Струсишь — конец, думать много будешь — тоже конец, — Джек смотрел на потолок, заложив руки за голову. — Релаксируй, пока можешь. И да... Надеюсь, что лишний груз перед делом сбросил? Не ел, тоже надеюсь, а то это... Даже с переваренной пищей не особо хорошо в бою. Определенные элементы в кишке скапливаются, и ты движешься уже хуже, ибо веса в тебе много. По поводу питательных веществ... Есть разные стимуляторы, пошарь в космонете. Там тебе и белков, и углеводов, и много чего другого залить разом можно. И насыщение своего рода получится. Это как если на койке больничной лежишь, а тебе всякие витамины через вену пускают. Пища, правда, иным способом доставляется, и желудок ты особо не обманешь, но энергия появится. Короче... Не ной. Это главное. Ложись и подумай о чем-то хорошем, а не о будущей драке. Билли вон — шутки шутит, а ты полежи и подумай о том, как вернешься домой и обнимешь свою дочку, как ни в чем не бывало. Вот и получится счастливая сценка, ради которой ты будешь своей жизнью максимально не рисковать, дабы не сдохнуть глупо. И да... Пули тоже не бойся. Она хоть и дура, но имеет свойство не попадать. Огромное число пуль — в цель не попадает, а если уже попала — смысл бояться? А теперь я посплю немного.

Джек в этот момент закрыл глаза и, кажется, в считанные секунды погрузился в сон. Генрих же снова сидел и думал о том, что ему только что было сказано, пока мысли не перебил Билли.

— Ну, че ты ведешь себя, как баба? Генри, ты пойми одну штуку. Никому нахер ни твоя, ни моя жизнь не уперлись. Вернее... Твоя-то уперлась, но сейчас она равна весу пули, которая в тебя попадет. Джек правильно сказал... В бою думать особо не надо. Не твоя это задача. Вон пусть Романо или кто-нибудь еще думают, а вот ты главное приказам подчиняйся и, если они правильные, — жив будешь, а если неверные — смерть твоя на руках командира. В этом штука... В остальном мне сказать особо нечего. Привыкнуть надо, обвыкнуться к тем вещам, которые в нашем деле случаются, но ныть я даже новичкам в своем отряде не позволял, а там пацаны по двадцать лет частенько были, а порой моложе. А ты сидишь, детина, думаешь... «А что, если меня убьют?». Да похер всем будет, если тебя убьют в бою. Тут парни все прожженные, они на это даже внимания не обратят, а ты думаешь об этом, как будто от твоей смерти что-то изменится. Ниче не изменится, дочке только твоей больно будет. Вот и вся история. Я тебе это как наемник и солдат говорю. Я уж эту кухню изучил от начала и до конца, а ты ноешь... Ну ниче, если жив будешь — крепче станешь. Главное, не думай сильно о смерти. Говорят, что пуля чует того, кто сдохнуть хочет или, наоборот, очень сильно смерти боится — к тем и тянется.

— Угу, — промычал Генрих, после чего лег на свою койку и постарался закрыть глаза.

...

Когда корабль был уже близок к станции, началось вещание Грейха.

— Грех на связи. Шок-пех занял позиции на «краях» жизненного пространства земноводных, по трое находятся на концах «крайних» колец, по четверо на концах среднего. Стоило все-таки взять еще одно отделение, но тоже пойдет. Каков условный сигнал для начала операции, Лис?

— Условный сигнал «Шок». Глушители установлены, Грех?

— Установлены по всей протяженности вентиляций на отрезке.

— Нас не могут прослушивать?

— У этих недоразвитых сейчас праздник, так что... Нет. Ждем сигнала «Шок» и

начинаем дискотеку. До связи, Лис, — в голосе Греха слышалась какая-то веселость. Кажется, что ему нравилась такая работа даже больше, чем то, чем он занимался обычно.

— А я думал, что Грех — сука последняя, ан нет. Ему явно такая работа больше нравится, — проговорил Билли, явно улыбнувшись под шлемом. — Любой воин испытывает экстаз от настоящего боя. Это особенное удовольствие, когда твой противник равен тебе, а то и страшнее. Азарт!

— А какой в этом азарт? — спросил Генрих, поднимаясь и как-то грустно смотря на Билли.

— Какой? Скажем так... Бой — это всегда всплеск адреналина и ярости. Каждый из нас — это своего рода адреналиновый наркоман. Ты просто начинаешь ждать каждую секунду, когда можно снова ощутить этот прилив, этот шанс сдохнуть и спасти свою жизнь в равном или не совсем равном бою. Это романтика боя. Фарт! Нечто настолько странное и страшное, а также непонятное обычным людям, что действительно возникает ощущение, что ты рогариец среди людишек. Нам очень близка их идеология — идеология вечной войны. Они познали то, что значит идея настоящего воина. В общем... Каждый из нас — подлинных воинов — это рогариец. Сегодня я еще раз проверю... Кто сильнее? Я — трансформированный человек, или рогариец биологический?

— Ты так хочешь стать одной из этих тварей?

— Почему же тварей? У них интересные идеи и культура. Ты просто представь. Целая раса, которая своей идеологией сделала войну. Я интересовался исследованиями рогароведов и могу сказать то, что эта культура круче нашей. И они, вероятно, поглотят нас. Пока что мы держим удары, но что потом? Нас уничтожат, если мы не станем сильнее, а при нашем... Капитализме — мы не станем единым целым, ибо вот, бац... И мы ликвидируем экономику целой планеты. Превращаем ее в гребаную бензоколонку. Целую планету, понимаешь? Это явление, которого человечество еще не видело. Я помню историю, кажется... Конец двадцатого, начало двадцать первого века — огромные территории лишились промышленности... Не скажу какие страны, но факт в том, что страны бывшего Советского Союза — превратились в ничто. Тогда это были страны... Теперь этим «ничем» становятся целые планеты, понимаешь? — Билли на какое-то время остановился. — Так вот... Романо мне тоже много наплел, но, кажется, он не «плетет», а рассказывает правду. Он знает то, что в вышке не преподается уже эдак с полвека, но что капиталисты знают прекрасно, когда работяге ссут в уши так же, как и различным мелкашам. Ну типа... Мелким капиталистам, может, на манер тебя. Помнишь, во время разговора с одним из... Эм... Забыл фамилию, но, в общем... А... Вспомнил! Николсон, который старший. Вот он что-то там про эксплуатацию знал, как и Романо. А я потом поплавал в интернете, так там еще какая-то прибавочная стоимость есть. Карл Маркс это писал. Интересно, знаешь ли... Правда, лит-ра эта запрещена, поэтому скачивать было боязно. Я и не стал, но... Надо поискать где-то, — довольно задумчиво проговорил человек.

— Ага... И что думаешь на эту тему? Кому нужен этот Карл Маркс? Нам что ли?

— Да. Нам. Чтоб понимать то, как это все устроено. Старикан помер давным-давно, но есть ощущение, что не сильно все поменялось, какого бы дерьма нам в уши не лили на тему устаревания и прочего, как бы это не вымарывали из истории. Да... Они вечно говорят об устаревании, но книжку под названием «Капитал»... Или несколько книжек? Не знаю. Запрещают! Это, знаешь... Забавно-таки. Ну, коли оно устарело, коли не можно его применять в нашей жизни, так зачем его запрещать? Наоборот, покажите то, что оно

устарело и перестало быть реальностью, а иначе бубнеж про «устаревание» особо как-то не подтверждается реальными фактами.

— Ты какой-то больно умный для наемника... — проговорил Генрих, опустив взгляд. — А я все думаю о нашей будущей драке. Не дает мне это покоя.

— Главное, чтоб в драке — покой случился, а иначе минимум рана. Не ссы, скоро бояться нечего будет, ибо мы уже там почти. Надевай шлем, — в этот момент послышался звук сверху, который обозначал соединение шлюзов судна и станции. — Доставай валыну.

Джек в этот момент довольно быстро поднялся и двинулся к выходу из камеры, после чего сел возле входа немного сбоку. С другой стороны вышли Бор, Жабодав и третий боец. Генри сел за Джеком и снял оружие с предохранителя. Билли же остался в своей камере.

— Первого берем живьем, — послышался в рации голос Романо.

...

Тем временем «капитан» Фирс спускался вниз к шлюзу, рядом со шлюзом стояли два крепких парня, которые были вооружены пистолетами-пулеметами. Человек нажал на рычаг, отвечающий за открытие шлюза. Сердце стучало в груди, а в голове немного путались мысли, но все же Фирс взял себя под контроль. Он вошел в первый гермоотсек, когда с той стороны также начал открываться гермозатвор.

Напротив стоял кворон ростом где-то около метра девяноста, с красным имплантированным глазом, а также с каким-то револьвером в кобуре. Он был действительно высок для кворона, почти офицерская выправка выдавала в земноводном лидера. Как и у всех кворонов-переговорщиков, на его шее расположился некий металлический "ошейник", который спереди небольшой пластинкой поднимался вверх по горлу к жвалам и увенчивался небольшой кнопкой, которую кворон нажал, после входа Фирса на корабль. Щупала земноводного слегка дернулись при открытии гермозатвора, а мутные безэмоциональные глаза смотрели на вошедшего. Кроме переговорщика, здесь были еще девять бойцов, два из которых были рогарийцами, а также виднелись две шестиствольные турели и две какие-то большие «псины», которые не обладали шерстью, но было видно то, насколько крепка структура их мышц, вероятно, такая «собака» вполне могла откусить кому-то руку с одного жевка. Мощные челюсти, капающая вниз слюна, злобные красные глаза — все это неприятно сказывалось на ощущении Фирса, который старался не смотреть на все окружающее, кроме самого переговорщика.

— Приветствую тебя, человек, — проговорил металлический голос импланта-переводчика. — Где ты раздобыл такую посудину?

— Приветствую, кворон! У мусорщиков выкупил. Но у него довольно великая история, прошу заметить. Но нам следует пройти и посмотреть на товар. Сегодня его довольно много, поэтому я и вынужден был выкупить такой корабль, — Фирс в этот момент постучал по железу, а кворон кивнул рогарийцам, которые последовали за ним.

Кворон вошел на корабль через стыковочную капсулу, за ним проследовали и два ящера, один из которых был вооружен довольно тяжелой на вид штурмовой винтовкой. Фирс шел впереди, а кворон чуть позади, последний осматривал потолок с местами отодранными пластинами из пластстали, а также местами отсутствующими приборами освещения.

— Да... Мусорщики знатно поработали, — снова послышался голос кворона, когда группа начала спускаться вниз по лестнице на вторую палубу.

— Да. Поработали хорошо, господин Хратер.

...

— На связи Паук, — послышался тихий металлический голос в наушниках шлемов. — В охране кворона — два рогарийца. Их нужно слить первыми. Эти двое — наемники, судя по базе данных.

— Принял, Паук, — тихо сказал Жабодав.

Медленно внутрь вошел Фирс, затем появился кворон, а за ним два рогарийца...

Люди вжались в стены, прицелы наводились на головы рогар, а Мох подготовился к броску до кворона. Секунда... Сердце стучит в висках, все замедляется, но очереди слышатся... Один из рогарийцев валится на колени, а второго и вовсе бросает вперед, Мох же в этот же миг подскакивает к кворону и мощным ударом под шупальца кладет его на землю.

В этот же момент слышится команда: «Шок».

...

Старший сержант нажал на кнопку, которая в момент вывела из строя все компьютеры на жилой площади кворонов. В эту же секунду второй боец, сидевший в вентиляции, выбивает щиток ноги, после чего внутрь комнаты летит шок-граната, за ней вторая...

Одного кворона зашибает металлическим листом. Другой получает мощный разряд тока из «нитей» шок-гранаты, за ним на землю ложится третий, четвертый, пятый рогариец выдерживает шоковую атаку, но тут же к нему уже во тьме подскакивает нечто с подобием дробовика в руке, но ящера ждет не разряд, а удар с локтя. Кажется, что ящер даже не понял того, что случилось, но уже лежал на земле, после чего получил еще пару ударов, но с ноги по голове, пока сканер жизнедеятельности не указал на впадение врага в бессознательное состояние.

...

— Выбито из игры два рогарийца, — проговорил в еще работающую рацию Жабодав.

В этот же момент Мох добивал кворона до бессознательного состояния на земле. Глаза же Фирса бегали по этому месту. Морда кворона довольно сильно исказилась, сенсор имплант глаза был слегка поцарапан, пара щупал валялись на полу, ибо из-за удара по жвалам от мощного кулака Моха, они просто были срезаны довольно острыми краями костяного «рта» кворона. Сами жвала кровоточили, одна из четырех створок практически расколослась, а сам Хратер уже был в бессознательном состоянии.

— Оттащи жабу в одну из камер и блокируй ее, — приказал Мох, смотря на Фирса, после чего тот поспешно потащил «жабу» в камеру, из которой выходил Билли. У наемника же кровоточил правый кулак, видимо, удар по жвалам был довольно опрометчивым решением, но бывший солдат стоял спокойно, приводя в боевое состояние свое ПП.

— Это нужно обработать? — спросил Джек, глядя на Моха.

— Не... Царапина. У этой «жабы» явно никаких болячек нету, ну... Жвала сухие были, а у них в случае болячек слюноотделение повышенное, а сама слюна паршивая. Частенько ядовитой становится, если кворон болеет. Для нас. Там всякие антитела и прочее выделяется, так если эти антитела в кровь попадут — пиши пропало, ибо мы к такому не готовы. Биология слишком другая, — проговорил Мох, явно улыбаясь под шлемом и отряхнув руку. — Заживет как на собаке!

В этот же момент была организована выдача магнитных переносных укрытий, МПУ, послышался белый шум в рациях, а бойцы довольно быстро отключили передатчики.

— Начинаем. Билли, ты выходишь первым и кладешь противника подавляющим огнем, — проговорил Лис, смотря на громилу, после чего отряд начал двигаться вперед, а

Билли занял передовую позицию в движении навверх.

...

— Uch'ka tu? (Что такое?) — проговорил один из кворонов возле шлюза, глядя на НПК, экран которого засветился синим цветом, затем на турели, чьи орудия вдруг опустились, после чего посмотрел на одного из собратьев. — Ghir? (Сбой?)

— Ashkhakar! (Атака!) — прокричал другой, указывая на шлюз и передергивая затвор, после чего собаки рванули в сторону входа, где уже виднелся металлический гигант с пулеметом.

Билли с диким криком вырвался из корабля, и накрыл пулеметным огнем среагировавших на него псов. Одна собака легла на брюхо, проскользила вперед с каким-то подобием скулежа и рычания, другая сначала вскочила на задние лапы, а после повалилась назад. Двое кворонов-охранников возле шлюза также были быстро убиты, один был играючи убит ударом Билли, после которого отлетел в сторону со своей яйцеобразной головой всмятку, другой попытался бежать, но тут же получил очередь в спину. Квороны даже не успели понять, кто оказался перед ними, из-за чего в ответ начало стрелять лишь одно ПП, но и оно быстро замолчало. Они прятались за металлическими укрытиями, когда очереди начали слышаться уже не из одного пулемета, но и из ПП.

— Yoksar! Yoksar! (Тревога! Тревога!) — кричал один кворон в свой мертвый НПК, когда за его щиток влетела граната.

Но взрыва не произошло, а вот квороны выскочили из-за щита, после чего эти двое получили по очереди в тела. Кажется, Жабодав перескочил через один из щитов, после чего пинком выбил кворона из-за укрытия, а тот, перекатившись с боку на бок, замер, испуская кровь из раздробленных жвал и разбитой морды. Другой получил очередь. Седьмой же трясся за одним из укрытий. Впрочем, и его жизнь была довольно быстро прервана. Чаки перескочил через его укрытие, а после выпустил в того где-то пять патронов.

— Зачищено, — самодовольно проговорил он, а бойцы начали занимать позиции рядом с дверьми из стыковочного отсека.

...

Шок-пех в этот момент занимал позиции на концах «колец». Эти бойцы двигались, прижавшись к стенам. На внутреннем кольце, на которое приходилось четыре солдата — двое двигались возле «внешней» стены, а еще двое возле «внутренней».

Грейх вместе с еще тремя бойцами был на «центре» и, зная кворонов, двигался довольно спокойно. Вскоре послышались выстрелы. Единичные, либо пулеметные, ибо оружие Жабодава во многом было оснащено глушителями, а вот выстрелы кворонов или Билли были вполне слышны. Музыка прекратилась, ибо музыку поставлял в основе космонет, а теперь, после включения глушителей, она исчезла всюду.

Вот один кворон выскочил из своего «дома». Щелчок. Целый скоп «стеклянных» шариков врезается в его тело. Он сначала с криком, а под конец падения с хрипом, валится на землю, после того, как шарики передают всю свою энергию телу. От убитого начинает подниматься небольшое облако пара. Тут же один из шок-пехотинцев подсакивает к двери, после чего внутрь летит шок-граната. Крик, а затем звук, похожий на включающийся электрический стул. Боец всакивает внутрь. Щелчок, хлопок и еще один отлетает немного назад, затем шок-пех забегает дальше, пока на «улице» происходит своего рода перестрелка. Старший сержант вместо дробовика имел при себе шок-винтовку, которая стреляла своего рода иглами с аккумулятором на месте «ушка», которые впивались в тело, а после выдавали

около пяти джоулей. Вот уже двое кворонов повалились у соседней двери, еще один был дальше. Одна игла пролетела мимо, но вторая достигла цели. Кворон начал биться в конвульсиях, а после повалился. Примерно то же самое происходило на «той» стороне «центра».

...

Двери открылись... Первым, с одной стороны, в нее вошел боец со щитом, а с другой Билли. Очередь какой-то смелой жабы не сильно впечатлила гиганта в экзоскелете, после чего в ответ вырвалась очередь где-то из пяти патронов, после которой кворон повалился на землю, а Билли аккуратно вошел внутрь. За ним следовал Паук, который тут же прильнул к «внутренней» стене, а с другой стороны к стене прильнул Джек, за Джеком двигался Романо, а за Романо Шпак. Другие были не опознаваемы, некоторые держали щиты на спинах. Все двигались, пригнувшись, пожалуй, кроме Билли, который, кажется, вообще ничего не боялся в своей броне.

Вот валялся жаб, который раскинул руки, а шею загнул так, что щупальца были вскинута и открыли жвала, с которых капала кровь. Красная жидкость надувалась пузырями из-за слабого дыхания, вероятно, впавшего в подобие комы существа. Где-то впереди пытались поспешно строить новый укрепленный пункт. Первым их заметил Паук, который дважды разжал и сжал правую руку, что означало число в десять существ. Затем их увидел уже Билли, который тут же открыл огонь по щупалоротым. Несколько «жаб» слегло с пулями в спинах и в груди, а затем начался ответный огонь. Почти все пули скользили по броне, а далее отлетали в сторону, тогда же выскочил вперед один из бойцов со щитом, который установил «баррикаду» перед собой, слегка увеличивая его площадь за счет раздвижения складных частей. Романо был сразу за ним, непонятно, когда он успел установить на свою штурмовку подствольник, после чего ударил в сторону укрепления жаб. Секунда, и часть щитов падает, а два кворона превращаются в месиво. Еще один валяется с оторванной рукой, а остальные пытаются хоть что-то противопоставить наступающим людям. Держатся они еще пару мгновений, пока очереди Паука не выбивают их из игры...

...

Жабодав двигался одним из первых, с другой стороны первым был Мох. Все квартиры находились по внутренней стороне в силу того, что внешняя сторона представляла собой броню станции, но занять во время штурма станции всегда нужно было обе стороны. Одна сторона позволяла бить по тем, кто будет вырываться из жилых блоков, вторая — быть неожиданностью для противника, который решит слишком уверенно выскочить из своего укрытия, а также позволяла увидеть сильно большую зону для обстрела. Они шли спокойно, почти без каких-либо стычек, проверяя комнаты, те, кто двигался по внутренней стороне, лишь в двух комнатах встретились с кворонами, но тех довольно быстро вывели из игры. И вот... Наконец, они встретились с первым противником, после чего два бойца построили щиты. На противоположной стороне находился рогариец, который командовал своими подчиненными кворонами.

Тут же началась перестрелка. Жабодав старался стрелять одиночными, дабы не тратить патроны, да и кворонов в этот раз было довольно много. Кажется, что их было двадцать или почти тридцать. Кого-то ранили... Мох же довольно громко матерился, после чего отправил гранату к противнику. До них было что-то около ста метров, а их огонь был сконцентрирован на бойцах. Кажется, там был еще и пулемет, поэтому пришлось поставить больше щитов, чтобы все бойцы могли занять позицию, закрытую от прострела.

— Мох!

— Да, командир?! — крикнул человек, когда пуля просвистела почти над его головой.

— Ранен?!

— Нет! Ранен Майк, но так, по касательной! Драться сможет! — довольно громко проговорил человек, а Жабодав начал думать, каким образом прорваться через этот кордон...

...

Шок-пех закрепился на позициях после пятой комнаты, после чего была брошена шок-сеть, дабы заблокировать проход кворонам. Свет был отключен, поэтому квороны, кажется, побаивались двинуться в направлении Греха и его бойцов.

— Как думаешь, Кирк? Стоит ждать, что квороны начнут на нас лезть? — спросил Грех у другого бойца.

— Не думаю, мы видели, как они сначала побежали отсюда, поэтому засядут в своих домушках, а если нет... Ну, сетка их превратит в бессознательные тела, а те, кто успеют начать бежать, будут добиты нами, — спокойно проговорил напарник старшего сержанта, а второй боец сидел на другой стороне.

...

Романо продолжал двигаться по тоннелю до первого перехода между «кольцами». В этот момент они остановились.

— Так. Паук, берешь два бойца и двигаетесь по центру навстречу с Грехом. Билли, ты пойдешь по центру вместе с Джеком и Шпаком навстречу Жабодаву. Вперед идут двое из отряда Жабодава. Еще по трое — во внутреннее кольцо. Пойду навстречу с бойцами Жабодава вместе с двумя бойцами, еще трое идут на встречу с шок-пехом. Принято? — все кивнули.

...

Жабодав тем временем все же решился на использование подствольника, одно мгновение и к своей штурмовке он прикрепил подствольник и вставил гранату, после чего на секунду поднялся над щитом и отправил гранату в сторону позиции рогарийца, который, кажется, тут же и погиб. На время огонь прекратился, после чего три бойца метнули шок-гранаты. В ответ раздались вопли, после чего полетела вторая осколочная граната из подствольника. Взрыв. Еще кто-то захрипел, а десять из четырнадцати бойцов Жабодава рванули вперед, ведя подавляющий огонь в слегка задымленном помещении. Четверо других собирали щиты и крепили их на спины, после чего побежали за остальным отрядом. За баррикадами кворонов оставалось пять или шесть бойцов, которых довольно быстро добились, ибо те были практически парализованы страхом или частичным поражением от шок-гранаты.

Вскоре Жабодав с бойцами добрался до собственного перепутья.

— Так. Мох, ты пойдешь по центру с двумя бойцами навстречу с шок-пехом. Майк и Томми, двигаетесь навстречу с шоками и не рискуете. Я вместе с Циркулем и Глазом двигаюсь на встречу с Романо по Центру. Остальные делитесь, как хотите. Внутреннее кольцо помягче будет, именно там бордели должны находиться. А теперь вперед.

...

Паук двигался по центру, что было плюсом для его группы, так это его способность к идеальному слуху, всевидящему взгляду, включая даже телевизор, который позволял видеть кворонов загодя. Вот в одну из комнат залетела шок-граната, а затем обычная. Внутри

послышались крики, а Паук, словно сразу женаписав какой-то странный скрипт, добил тех, кто оставался внутри. Его движения и нажатия на курок были столь быстры, что ни один из находящихся внутри не успел даже разглядеть восьмиглазую тварь, что встала в дверном проеме. Живой осталась лишь девушка, которая числилась как рабыня, после чего Паук продолжил движение.

...

В этот момент между Жабодавом и командиром рогарийских наемников начинал завязываться бой.

— Эй, Жаба! Я тебя опознал через сенсор! Вас там всего трое, поэтому давай сдавайся, да и все. Кончим эту клоунаду! — слышался грубый голос ящера, когда Циркуль устанавливал щит.

— Командир, нас совсем мало...

— Бойцы Романо должны войти ему в спину, пока что без паники, — проговорил Жабодав, когда Глаз перемещался к нему за спину, а сам командир решил потянуть время. — Слушай, ящерица! Вас там пятьдесят?!

— Нет! Но со мной три таких же ящера, а также тридцать с лишним кворонов! Я тебе так скажу. Конец тебе!

— Да что с ним базарить! — прервал какой-то кворон. — Завалить, пока их трое, а то больше станет — проблем не оберемся.

— Отвали, я тебя защищаю, значит, я решаю атаковать или нет. Так вот, Жаба! Я тебе одно скажу, если не сдашься ко... — не успел ящер договорить, как в спину им начал стрекотать пулемет. Двух рогарийцев, еще пару кворонов выбило из игры, Глаз тут же закинул гранату в «жабье болото», а за ней последовала граната из подствольника. Затем Циркуль начал огонь из штурмовки.

Кажется, квороны довольно сильно поредели, когда пулемет не переставал стрекотать, а к нему добавился стук ПП с глушителями. Щитки кворонов падали один за одним, а те, кто находились за ними, превращались в фарш от взрыва или пулемета. На ходу Жабодав забросил гранату в подствольник, а после выловил в прицеле своего давнего врага и отправил гранату прямо под ноги рогарийца, что направлял огонь в Билли. Подрыв... Ноги, кажется, были оторваны, а туша отлетела куда-то в сторону.

Медленно, но верно кворонов гасили, несколько успели вбежать в комнату, после чего Циркуль двинулся за ними, за ним последовал Глаз, который имел подобие визора Паука. Он держался за плечо своего соратника, а в одной руке держал ПП.

— Готовься, Циркуль, — проговорил он, когда нажал на сенсорную панель, отвечающую за то, чтобы открыть дверь.

Как только дверь открылась, Циркуль сразу же заскочил в этот, кажется, бар. Спрятался за одним из сидений. Глаз заскочил за сидение напротив. Квороны были где-то здесь. В помещении чувствовался запах кальяна, а также слышалось какое-то хныканье. Глаз подключил тепловизор...

— У них заложницы, Циркуль, — проговорил он неутешительно, а тот в ответ кивнул и, кажется, чертыхнулся.

— Мы их положим, если вы отсюда не свалите! — крикнул один из кворонов с имплантом-переводчиком, который, кажется, находился за стойкой бара в конце помещения.

— Да. Они за барной стойкой. Все. Там кухня есть: двое там, вместе с четырьмя девушками, — говорил Глаз, смотря, по сути, сквозь стены.

Внутри вошел еще и Джек, Жабодав же и остальные остались снаружи. Негр быстро пробежался глазами по бару, чьи столы почему-то были покрыты красными полотнищами.

— Вон там — есть вход в кухню. Он, видать, для официантов сделан. Давайте я как-нибудь туда проникну, а вы их отвлекете? — спросил Джек, глядя на Глаза.

— Дверь открывается и внутрь, и изнутри, но опасно. Девчонок потеряем. Плюс прямой связи — нет. Можно попробовать поторговаться, — проговорил Глаз, слыша рычание Джека, а после кивнул ему, одобряя план. — Но все же подожди со стрельбой, мы попробуем договориться.

...

Тем временем Романо двигался по «внутреннему» кольцу. Время от времени встречалось сопротивление, но вместе с этим квороны были перепуганы, что и вело к довольно легкой их ликвидации старшим лейтенантом в отставке. Вскоре, правда, была встречена и проблема в виде блокпоста кворонов. Здесь было что-то около двадцати «жаб». Чаки смотрел на них как-то подозрительно, он облизал губы. Чувствовалось, что он боится.

Квороны находились за очередными щитами. Сейчас боец из отряда Жабодава развертывал свой щит, после чего установил его перед Романо. Вышло так, что за щитом могли укрыться сразу трое. Их, кажется, уже видели. И верно, главарь кворонов взял свою винтовку, а после выстрелил в щит. Секунда, и патрон прошел насквозь и пробил плечо Чаки. Он взвыл от боли и повалился, после чего Романо выскочил из-за щита и направил очередь в кворона. Затем еще в кого-то, спрятался, выхватил одну из гранат, метнул ее. Затем боец Жабодава выбросил шок-гранату. Раздались звуки ударов тока, но, кажется, не попал. В ответ начался массированный огонь, но Романо видел то, что стрелок был выбит из игры. С другой стороны раздались щелчки ПП, это уже явно были бойцы Жабодава.

Романо отдышался, а после выскочил еще один раз. Красная точка легла ровно на грудь кворона с респиратором на морде. Мгновение, и тот валится на железный пол. Лис перескочил через щит, а после вошел в одну из комнат, но лишь для того, чтобы укрыться от выстрелов. Высунулся из-за двери, выстрелил... Кто-то, кажется, упал. Еще вдох, выдох, затем выход... Быстрое перемещение вперед. Один из кворонов развернулся на врага за спиной, после чего получил очередь в спину. В этот момент один из них начал поворачиваться на директора, но был убит пулями с обратной стороны. Еще один в прицеле, а что-то теплое вдруг начало растекаться по ноге. Ранение, неважно. В одну из комнат. Боль раздалась только здесь. Уже внутри открытой комнаты, в которой был еще один кворон. Секунда и палец снова сжимает курок, после чего тело падает на пол, но успевает выпустить пару пуль в грудь. Благо бронезилет принимает в себя свинец, а сам Романо лишь ощущает небольшую боль. Он присел рядом с дверью. Комната была довольно просторная, какая-то мебель стояла здесь. Кажется, кровать, которая поднималась и опускалась. Детская... Кроватка. Романо проглотил слюну, рядом с ней был небольшой бассейн, а в кроватке сидел маленький кворон, который был готов заплакать. Кажется, их не успели эвакуировать. А сколько он оставил детей этой расы без отцов и матерей сегодня?

...

Джек передвигался от стола к столу по краю заведения.

— Слушай, кворон! Вот ты и твои бойцы остались в небольшом числе. Сейчас добиваются последние из твоего клана. Может, стоит сдаться? — спросил Глаз, довольно громко. Циркуль же сидел молча.

— А че мне с тобой говорить? Ты ж из отряда Жабодава, а он нас всех порешить хочет.

А у нас ведь детки. Их вы тоже кончаете? — как-то злобно прозвучал голос жаба.

— Хочешь гарантию, что тебя не кончат?! И твоих друзей!

— Ну, допустим, хочу! Что за гарантия?!

— Я стану вашим заложником.

— Хе... А ведь тема, парни, — кворон обернулся к остальным.

— Так что, кворон?! Оружие я оставляю здесь. Вы — отпускаете девочек.

— Договорились, только ты первый сюда подойдешь!

— Договорились, кворон, — Глаз в этот момент поднялся с места, а далее выложил на стол пистолет, затем гранаты, после этого магазины и ПП. — Я готов! Только не шмаляй.

— Договорились, человек. Давай, иди сюда.

— А девочек точно отпустишь?

— Точно. Двух отпустите! — крикнул кворон, а его друзья подняли двух девушек, а после толчками вытолкнули их из кухни, а Джек остановился под одним из столов, когда девушки довольно быстро спрятались где-то в зале. — Теперь уверен в моей честности?

— Уверен, — проговорил Глаз, после чего пошел быстрым шагом под прицелом кворонов к стойке. Руки его были подняты, а после он остановился перед самой стойкой. — Я в ваших руках.

— Отлично. Отпустите шалав, — проговорил кворон, выходя из-за стойки и наставив на голову человека свое ПП. — Теперь вперед. Ты! Брось ствол!

— Подчиняйся, Циркуль! — громко скомандовал Глаз.

А Циркуль поднялся и стал вынимать магазин за магазином, после чего положил и штурмовую винтовку на стол и поднял руки вверх.

— Отлично. Теперь пошли.

Глаз повернулся к кворону спиной, а после пошел вперед. Между столов, а Джек выполз из-под стола, он взял под прицел одного из последних кворонов, которые даже не смотрели в его направлении, но двигались все же не скученно.

— Знаешь, кворон. Я ведь тоже дома детей оставил. Дочка у меня и сын, а ты вот будущих матерей в заточении держал.

— Молчи! — проговорил кворон, следуя прямо за Глазом, а тот, кажется, раздумывал над тем, как бы этого кворона сейчас завалить. Джек теперь направил оружие на одного из передних кворонов.

— Знаешь... Не было б у тебя заложников, так ты бы сейчас за своей стойкой и валялся быдохлый. Но ничего... Однажды, поквитаемся.

— Ага. Если я тебя не завалю.

— Завалишь — лишишься заложника. Единственного, — в этот момент Глаз остановился и начал поворачиваться к кворону. — Ты же понимаешь, что если меня завалишь сейчас — ты труп.

— Ну, хрен с ним, как бы. Будешь вести себя, как урод — так сейчас... — в этот момент ствол был выбит из рук кворона, а после последовал удар ему под дых и взятие в своего рода живой щит. Параллельно начался огонь со стороны Джека, а один из кворонов прошел почти насквозь своего бывшего командира, и, кажется, ранил Глаза. Циркуль тут же подхватил свое оружие и далее пристрелил того, кто стрелял в Глаза. Еще одного. Все лежат.

Циркуль сразу же побежал к Глазу, перескакивая через столы. Человек, кажется, лежал без движения. Мужчина отбросил кворона, а дальше увидел то, что пули проббили бронежилет, но Глаз, кажется, был еще жив. Циркуль снял с соратника шлем, а к ним

подошел Джек. На людей смотрели глаза серого цвета и лицо, кажется, раз и навсегда сохранившее улыбку.

— Сука... Сашка... — промямлил Циркуль, глядя на друга.

— Он был твоим товарищем? — спросил Джек, смотря на своего собрата по несчастью, а вокруг них начали собираться исхудавшие девушки.

— Был. Мы с ним через многое прошли... Классный был парень, — Циркуль снял шлем, а после закусил палец. На глазах бывшего наемника с покрытым шрамами лицом выступили слезы...

...

Вокруг воняло гарью и кровью. От этого Генриху становилось как-то плохо, он уже не знал того, скольких сегодня убил. Он стоял рядом с Жабодавом и Билли, в голове гудело. Нет. Он больше ни о чем не думал. Только понять не мог, как все это делал сегодня. Наверно так же, как и тогда... Без единой мысли. Просто потому что хотел жить.

— Ну что, парень? Все нормально? — спросил Жабодав, похлопав Генриха по плечу.

— Да. Более-менее...

— Сколько обойм потратил? — спросил Жабодав, а Генри заглянул в сумку с отстрелянными магазинами.

— Три.

— Неплохо. А Билли, как вижу, два магазина за бой опустошил.

— Командир, — послышался сзади голос Циркуля. — Девушки спасены, а вот Глаз... Надо посмотреть то, чем шмаляла эта тварь. Через тушку другого кворона пробило. Они хоть и хлипкие, да и без брони он был, но... Непростой патрон.

Жабодав кивнул, а затем пошел за своим бойцом, а Шпак посмотрел ему вслед, но не сдвинулся с места...

Милет подошел к телу своего бойца, присел на одно колено, после этого закрыл глаза человека, а сам приподнял его, так, чтобы посмотреть бронежилет. Нет. Насквозь не пробило, наемник растянул бронежилет, кровь небольшим ручейком потекла на металлический пол. Жабодав снял бронежилет, после чего посмотрел на внутренний подклад, который был пробит и открывал вид на пули, застрявшие в кевларе. Циркуль же в этот момент доставал обойму из ствола кворона, положил ее на стол, затем поднял одну из гильз, посмотрел на то, что набито сзади.

— Суки... — человек изогнулся, руки его начали дрожать. — Твари! Итарис МилитариКорп! Да, эта падла с ними барыжила!

— Успокойся.

— Нет. Надо посмотреть по складам, что у них. Если у них стволы в коробках от МилитариКорпа, так эта тварь с ними и торговала, — говорил Циркуль, уже сев на стул.

— Нужно побазарить с Романо. Патрон бронебойный, кажись. Таким просто так не барыжат. Может даже армейский, а спешить не надо, — проговорил Жабодав, сев на пол и взяв винтовку кворона в руки. — Винсент-6. Угу... Одни из лучших винтовок в Федерации. Удобные, тяжеловатые, но неубиваемые и годные к почти любой модификации: от снайперской винтовки через удлинение ствола и хороший прицел до пулемета через смену магазина и удлинение ствола. Промежуточный патрон он такой... Сука...

...

Через два часа все были рядом с кораблем. Пленных было не ахти как много... С другой стороны, было большое число рабов, что-то около тридцати человек, в основном девушки. Из

пленных были: лишенный ног Квон'Орд и еще один рогариец; пара десятков кворонов, в основном тех, которые попали под руку шок-пеху, а также что-то около десяти младенцев и еще пять более старших детей.

— Что с ними всеми делать будешь, Романо? — спросил Жабодав, глядя на директора с простреленной ногой.

— Что я с детьми сделаю, Милет? Ничего, — Романо в этот момент прикусил губу. — Не смогу. Надо приют организовать, чтоб их там... Ну... Воспитали. Нормально, по-человечески, а не как их отцы и матери.

— Слушай... Я так подумал... А пусть живет, — Милет улыбнулся, а после посмотрел под ноги, Романо же не понял, о чем говорит Жабодав.

— Кто?

— Ну, владетель этой баржи. Будь он скотом, так сбежал бы, но нет... Остался на месте. И... У меня одно дело.

— Слушаю.

— На складах находятся довольно странные коробочки с патронами и оружием прямо от МилитариКорп. В том числе, винтовки Винсент-6, а это прям конфетка. Причем винтовки даже модифицированные под снайперские имеются. Дальше снайперка Кадис-2536, тоже интересная штука. У них странные поставки. Надо гасить этих «милитаристов», Романо, — проговорил спокойно Милет.

— Так у нашей компании с ними договор.

— Романо. Глаза убили из новенького ствола, новенькими патронами, которые, если верить Пауку, доставлены прям вчера были. Понимаешь, в чем штука? Эти твари параллельно работают и с вами, и с ними. У меня еще три раненных бойца. У тебя раненный, а если верить инфе — прострелили щит из пластстали, а винтовка должна быть охренеть какая, чтоб мой щит пробить. Тот самый Кадис. Так что, Романо... Надо что-то с ними решать, пока они не узнали о том, что мы их важных клиентов перебили.

— Надо согласовать это с корпорацией, — вздохнул Романо.

— Не. Тебе не разрешат. Да и, зная то, что ты говоришь, так лучше будет, если мы этих милитаристов забьем к херам.

— Угу... Я подумаю, Милет. Глаз, насколько знаю, собой пожертвовал ради девушек этих?

— Именно так.

— Хреново, — вздохнул директор, глядя на подходящего к ним Грейха, а тот нес в руках планшет, судя по всему, какого-то важного кворона.

— Директор, Вы только поглядите, — Грейх нажал на значок сообщений. — Их же предупреждали, что мы придем. Я пробил, значиться, эту почту... Ну и... Это. Прям из МилитариКорп сообщения пришли. С корпоративного аккаунта. Жаба, правда, тупая была, решила попраздновать, забить на это. Мало ли, может, дезинфа. Как интересно, верно? Стволы тут ихние, только с завода, а тут еще и информация о том, что: «К Вам движется корабль шок-пеха, будьте наготове». Охренеть. Это че за наглеж? Не-е-е, Лис. Тебя слить хотели, похоже. Определили бы, что мы в вентиляции сидим — и жопа бы тебе пришла, ибо в одно рыло бы не выстоял. Мы на себя взяли штук восемьдесят жаб.

— Угу... — Романо нахмурился, а после посмотрел на свою забинтованную ногу. — Как нога заживет, так и пойдём работать по МилитариКорп. Они за это ответят.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Криг-3, строение 10, этаж 0, камера 25,
03.01.2580, 09:00

Романо снова находился в своей тюрьме, как бы это не звучало. Сейчас здесь находилось множество существ. Строение будто бы ожило, но задачи выбить из кого-то какие-либо данные за счет пыток — сегодня не было. Он подошел к камере Омониана, рядом с которой стоял рослый мужчина. Сам Романо прихрамывал на раненную ногу, поэтому сегодня имел при себе трость.

— Что там? Живой еще? — спросил директор у охранника.

— Да. Мы ж его лучшей баландой кормим. Лучше только у бабы Шпака. Ну... Еще у жаб особая диета, — проговорил человек довольно спокойно.

— Угу. Сам бы на такой баланде, небось, посидел? — спросил Романо, улыбнувшись.

— Хе-хе... Ну да. Жрачка четыре раза в день. Я б с удовольствием так пожил. Он уже как кот на сметане стал. Будто даже в весе добавил, я бы его взвесил, но приказ же не выпускать его никуда, поэтому не могу замерить весу, — как-то грустно проговорил охранник.

— Ты бы его взвесил, поди, на крючке?

— А Вы сомневаетесь, господин Романо? Эта гнида нас постоянно говном поливает. Я бы ему врезал пару раз, да нельзя же... Барина какого нажили. Он нас пидорами называет, а мы слушать это должны. Дайте хоть один раз ему настучать, начальник?

— Нет, — отрезал Романо, а после посмотрел на человек снизу вверх. — Слушай меня внимательно, парень. Вот эта птичка тебя за яйца так может взять, что ты потом жизни не рад будешь. Тебя за это избиение посадят на «мама не горюй» какой срок. Тебе вот это надо?

— Нет. Я понял. Я просто думал, что Вы не собираетесь его отсюда выпускать, ну и... Можно было бы ускорить этот процесс. Его жизнь ускорить. Но... Раз так. Ладно. Не трону так и быть. Вы, наверное, коменданта ищите? — спросил охранник, глядя на своего второго начальника, после коменданта.

— Да. Именно Калинина я и ищу.

— Он, как обычно, прогуливается по третьему уровню. Наверное, снова над пацанами издевается. Ну... Теми, которых на гауптвахту отправили. Я бы, знаете... Романо... Хотел бы пожаловаться.

— Ну? Слушаю.

— Калинин себя как падла ведет. Вон тот рогариец, который безногий был доставлен, он специально его пинал по кульям. Я, конечно, понимаю, что он тоже ветеран, но это ненормальное отношение к заключенным. Вне зависимости от того, что из себя этот заключенный представляет. Тем более... Этот, по сути, военнопленный. Это, мне кажется, неправильное отношение, — проговорил человек с каким-то омерзением.

— Угу. Учту, только ты понимай тоже, что эти рогарийцы были не солдатами, а защитниками работорговцев, наркоторговцев, убийц и так далее, и тому подобное. Плюс... Ты сам хотел побить того же Омониана.

— Так, начальник... Омониан-то ведет себя, как тварь. А этот как молчал, так и молчит, а Калинин его бьет. Причем по обрубкам. Это ж ненормально. Садист, блин.

— Хорошо. Тогда поговорю. Хорошего стояния на poste, — в этот момент из-за двери послышался голос Омониана.

— Эй, педик! Скоро обед будет?

— Вот видите? Он своей неприкосновенностью пользуется, — снова пожаловался охранник, после чего сам Романо открыл дверь по нажатию на сенсор.

— Ну, здравствуй, Омониан, — проговорил человек, заходя внутрь и опираясь на свою трость, а Омониан тут же поднялся.

— Я... Это... Не Вас называл гомосексуалом в грубой форме!

— А я считаю, что ты назвал меня таким образом. Короче, служивый, если эта мразь еще хоть раз тебя назовет таким образом, то ты его бей и не стесняйся, а то морда-то чистенькая, да и совести как не было, так и нет, — Романо в этот момент подошел к самому Омониану, который действительно будто немного пополнил, а после тыкнул пальцем в его грудь, отчего тот присел на нары. — Корочеговоря, Омониан, если ты будешь себя вести, как свинья — я посажу тебя на диету. Будешь есть один раз в день в течение недели и вот весь этот жирок, который на тебе успел возникнуть — исчезнет. Кроме того, я ставлю сюда прослушку, ну, чтоб записывать, не злоупотребляет ли мой человек или ты своими новыми правами. То есть бить он тебя просто так права не имеет, но, если ты назовешь его каким-то плохим словом, он имеет права тебя побить или лишит пайки, которую ты сейчас имеешь. Баланду обычную ел? Ну, там, где одно тесто плавает? Даже бульончик дерьмовый, ибо, считай, что одно тесто варилось без мяса. И без соли, кстати. Понял меня? — спросил человек, серьезно смотря на узника, а тот закивал, после чего Романо вызвал на связь Паука и отдал ему указание поставить прослушку в камере и вне нее.

После этого Романо поднялся на третий этаж. Хромал на ногу он довольно сильно, а иногда морщился от того, что как-то неправильно вставал на ногу, и это вело к новой боли. Побаливала и грудь, которая имела на себе несколько гематом от вчерашнего, близкого к ранению, состояния. Сама тюрьма делилась на пять зон: подземную, где содержали «нелегальных» заключенных; первый уровень, представлявший собой в основном изолятор; второй уровень, где содержались граждане, которые были должны каким-то бизнесменам; третий уровень — место, где содержали некоторых бойцов корпорации, которые позволили себе определенные административные нарушения и не только; четвертый уровень — место, где находились различные приспособления для пыток, а также кабинет коменданта.

В лифте не было никакой музыки, но, в принципе, это позволяло погрузиться в мысли не хуже, чем присутствие какой-то спокойной мелодии. Тишина — одна из лучших мелодий, когда стоит поразмыслить над чем-либо. Впрочем, размышления были прерваны открывающейся дверью на третий этаж. Действительно, комендант, крепкий мужчина под метр восемьдесят, ходил рядом с камерами и время от времени постукивал по металлическим дверям.

— Вот в наше время, в военное, то есть, таким, как вы, граждане, выдавали по несколько грамм в «мозжечок». Почему в мозжечок? А потому что иначе ваш мозг назвать сложно, — говорил человек, но когда услышал сзади открывающуюся дверь лифта, повернулся и улыбнулся вошедшему на третий этаж директору. — О! Здравствуйте, господин Романо, а я тут лекции ребятишкам читаю, на тему того, что происходило с ним подобными, когда война шла. А то парнишки думают, что беспредел — это вещь нормальная и вот творят

всякое. Кто до девчонки какой домогался, кто еще что-нибудь. Ну, вот я и произвожу лекции на тему того, что случается, когда занимаешься подобным.

— Я пришел по другому вопросу, комендант, — Романо шел спокойно в направлении своего подчиненного.

Сам этаж представлял собой прямоугольник с большим количеством дверей на магнитных замках. Стены и пол были выложены плиткой серого цвета, поэтому внутренности этого этажа имели довольно мрачный вид, впрочем, как и почти вся тюрьма.

— Слушаю Вас, господин Романо, — проговорил Калинин, смотря директору прямо в глаза.

— Слушай, Калинин... Скоро прилетит купец рогарийский, если быть точнее — прилетит завтра. Мне бы сделать подарочек ему. Сам понимаешь, какая охрана нужна «подарку». Выдели двух людей завтра, а также машину для перевозки, и чтоб к космопорту подвезли нашего «друга».

— О... Хорошо. Это все? — спросил Калинин, добродушно смотря на директора.

— Еще две вещи. Я, конечно, знаю, что ты рогарийцев не любишь, но все же Квон'Орд — это наш пленник. Не стоит бить ему по обрубкам ног, полагаю, что он еще в себя не пришел, после снаряда Жабодава, а ты его бьешь.

— Да не бью я, командир, — серьезно проговорил мужчина, с довольно редкими седыми волосами и честными голубыми глазами. — Я просто проверяю, жив ли он. Кровито много потерял. Вот я его раны и трогаю, чтоб проверить, жив он или нет. Как известно, рана дает наилучший импульс в мозг, особенно если ты ее немного пощуродишь.

— Это негуманные методы.

— Ну, так он и не человек, чтобы с ним в гуманизмы играть. Они с нами гуманно обращались? Нет. Поэтому это лишь ответ на их «гуманность» по отношению к людям.

— Ладно, неважно. Тебя не переубедить. Другая вещь. Мне нужно организовать разговор с квороном по имени Хратер. У него еще имплант глаза с красным окуляром. Нужно кое-что из него выудить, но я подумываю о том, чтобы завести себе «ручных» кворонов. Как оценишь такую инициативу? — спросил директор, хитро улыбнувшись.

— Хм... — комендант задумался, постоял с минуту, глядя на одну из световых панелей, а после начал мысль. — Собственно, квороны — контингент не сильно надежный. Сам понимаешь. Преступники с рождения, но вот если их «перемолоть», а дальше слепить нового вида мясные продукты — может получиться интересный инструмент, — Калинин в этот момент держал ладони на груди так, что указательные пальцы смыкались, а вот остальные были согнуты, он облизал губы, а после продолжил. — Сами квороны — это интересные преступники. Я не помню ни единого, которого бы получилось сломать, даже через самые изощренные пытки, но... Есть одна интересная вещь, — в этот момент он поднял указательный палец руки вверх. — Я бы даже сказал, замечательная. Они очень привязаны к своей большой семье, то есть к клану. Есть у меня опыт работы с теми, которые полноценными кворонами не считались, ну то есть... Те, которые клана не имели. Так они ломались, а ты, считай, клан уничтожил. Есть у меня идея интересная. Вот смотри... Если клан для кворона столь важен, что ему стоит предложить? — человек в этот момент очень хитро улыбнулся и даже подмигнул.

— Ну, создать клан, полагаю? — спросил Романо, улыбнувшись в ответ.

— Верно. Но нужно сделать определенную... Скажем так... Возможность для его ликвидации, в случае, если клан начнет работать против тебя. Помню, были интересные

чипы для уголовников наивысшей категории... М-м-м-м-м, — комендант в этот момент закрыл глаза и направил взгляд вверх, после чего резко вернулся в жизнь, смотря на директора. — В общем... Чипы встраивались в затылочную часть. Имели внутри себя маленькое взрывное устройство, а также возможность отслеживания цели, которые под этим чипом ходили.

— Ну, Калинин, ты как-то перегибаешь. Не думаю, что стоит взрывчатку вставлять в голову, да и они на воле, по сути, будут. Плюс... Можно вычислить то, что у тебя в башке взрывчатка, — Романо в этот момент посмотрел на Калинина с каким-то недоверием, а тот начал цыкать, а затем, выставив правую руку вперед с разогнутым указательным пальцем, стал довольно энергично мотать им в другую сторону.

— Прошу меня простить, Романо, но все-таки взрывчатка — это предосторожность, — в этот момент махания пальцем прекратились, а на место им пришла спокойная жестикуляция. — А если квороны возжелают Вас шлепнуть? Где Ваша осторожность в этом случае? Вы такой прекрасный конспиратор, но при этом не желаете вживить в кворонов маленькие бомбочки, которые обезопасят Вас?

— Давай закончим на этом? Посмотрим. Может и стоит твои бомбочки вживить. Старый маньяк...

— А других в дознаватели «с пристрастием» и не берут, Романо. Не берут! — довольно весело воскликнул Калинин, а после нажал на рацию. — Пост «Ноль». Прошу подготовить для директора заключенного номер 0–1 из расы кворонов. Он, кстати, не буянил?

— Нет. Они, кажется, ощущают себя обреченными, — послышался голос какого-то охранника, а Калинин улыбнулся еще более блаженно.

— М-м-м-м-м... Как хорошо! Значит, кворонских бунтов не будет. Подготовьте, пожалуйста, камеру дознания, но сделайте из нее камеру... М-м-м-м-м... — Калинин задумался, а после добавил. — Камеру для переговоров. Вот. Поставьте хороший столик, максимально не заляпанный кровью, а если таковых нет — отмойте. Дальше? Стульчики такие же. Чистенькие. Вот. Ну, и помещение помойте. И как можно более блестяще отмойте. Жаль, конечно, дверь не выйдет сделать нормальной, но, думаю, скрежет — это даже слегка романтично. Как понял меня, Гарри?

— Хорошо понял, комендант Калинин. Но-о-о... У нас же тут нет заляпанных кровью столов. Есть, конечно, один стул. Но... Мы его выбросить хотели. Он под тем квороном-мутантом погнулся.

— Гарри, милый мой, надо бы уже запомнить то, что я очень люблю шутить. А если ты не запомнишь... М-м-м-м-м... Я закрою тебя на гауптвахте и отдельно прочту лекцию о юморе, мой дорогой. Конец связи, — после этого комендант отключил рацию. — Эх... Молодежь. Шутки не то что шутить, так и распознавать разучились. Бедное поколение, даже поколения. Мне так, слушай, жалко их становится, что прям сердечко из груди выскакивает, — веселость с лица человека спала, но на нем появилась какая-то грусть, которая обнажила все его морщины.

— Ой... Актер погорелого театра. Будто тебе не наплевать, — проговорил Романо, смотря на своего служащего, который снова вздохнул.

— Не понимаете Вы меня, Романо... Не понимаете. А юмор ведь — это очень важная штука. Он позволяет развеять атмосферу, разрядить напряженную обстановку, да просто позволяет посмеяться, хотя бы улыбнуться... А они-то этого лишены. И очень многие. Только шутки про жопы, члены и вагины остались, понимаете, Романо? Это очень грустно.

Культура падает. Ладно, я... Старенький уже. Мне как бы по возрасту положено серьезным и мудрым стать, а тут... Молодые, а даже посмеяться не умеют. Ну... Над чем-то действительно хитроумным и смешным. А ведь это показатель. Юмор — это вещь доступная только довольно эрудированным и интеллектуальным людям. Ведь есть огромное число шуток, которые вне контекста понять невозможно, а значит, кроме ума, важна еще и эрудиция, — человек во время этих размышлений все-таки улыбался, но это была не та улыбка, что была в начале.

— Я бы рад поболтать, Калинин, но все же мне уже пора.

— Да не торопись. Там мозги-то не сразу убрали, после того, как ты сначала кворона мутированного завалил, а затем авторитета. Сейчас отчищать будут. Может, даже с полчаса придется, поэтому не торопись. Ты мне лучше вот что скажи, Роберто... Ну, как другу. А тебе не паскудно то, чем мы занимаемся? — спросил Калинин, глядя на директора. — Ты ведь меня за собой таскаешь. Специально. Как давно знакомого тюремщика и дознавателя, а мне б, знаешь, уже на покой пора. Смотреть тупые фильмы по тупому ящику и тупеть самому. Ты хоть меня советчиком сделай, а не вот этим занимающимся.

— Калинин, ты мне нужен. А то, как я к этому отношусь — ты уже не раз слышал. Однако, пойти против системы — не могу. Сам понимаешь. Жена, дочка...

— Ага, холера, а с этой бабенкой закрутил. Она ж тебе иззвонилась, наверное. Жена, дочка, — человек продолжил улыбаться. — Ты вот что мне Романо, скажи. А я точно тебе друг, а не инструмент? Я ж тебя, для друга-то, старше почти на пятнадцать годков, хотя, если точнее, то на восемнадцать. Ты ж нас всех используешь, Романо. Да, не в своих интересах, но все-таки. В каком-то плане, в твоих интересах это все. Романо, милый мой, ты мне в сыны годишься, а я к тебе, собственно, как к сыну и отношусь, но почему-то вынужден «Выкать». Это ведь ненормально, Романо. Еще мне такие претензии предъявляешь, чтоб я этого рогарийца не трогал, так они мне несколько сломанных костей сделали, да так усердно их делали, что косточки мои нынче заменены на пластик. А ты эту ящерицу жалеешь... Поверил кому-то из охранников. Да я его пальцем не трогал, даже в камеру не заходил. Можешь по камерам проверить, если не веришь, но если проверять станешь... — человек ненадолго замолчал, вздохнул, посмотрел под ноги, а после поднял голову с довольно паршивой, пусть и с небольшим налетом доброжелательности, улыбкой. — Какие мы друзья, после такого? Я никогда без твоего приказания никого из твоих зэков не трогал, а ты вот так. Думать, Романо, надо, перед тем, как предъявлять что-то, а теперь дуй. Захочешь извиниться — знаешь, какой коньяк брать. Заходи, — усмехнулся мужчина, а Романо стало как-то противно на душе от этого монолога, после чего он, молча, развернулся к лифту и пошел навстречу коробке, что должна была доставить его вниз.

...

Через минут тридцать комната переговоров действительно была готова к переговорам, а Романо вошел внутрь. Ждать было недолго, ибо камера кворона была рядом, поэтому вскоре земноводное, со слегка потускневшим красным окуляром на правом глазу, сидело напротив Романо.

— Здравствуйте, Хратер, — Романо проговорил это довольно спокойно, а кворон не ответил, были видны водянистые шишки на его лице, после ударов Муха, но видно было то, что он способен к диалогу. — Хорошо. Вы не хотите разговаривать со мной, но Вы должны понять то, что мои действия были оправданы тем, что Вы бы начали террористическую войну против корпорации, если бы я не вырезал ваш клан (на этом слове послышалось

шипение со стороны земноводного, видимо Калинин был все же прав по поводу большого места). Угу. Знаете, Хратер... А ведь клан Йори действительно погиб, но вы же погибли не все. Верно?

— Верно, — нехотя проговорил кворон, обильно щелкая своими оголенными потрескавшимися жвалами. — И что ты хочешь предложить, человек? Помощь в возрождении клана? Так ваши женщины не рожают от кворонов, в силу нашей слишком большой разности в плане ДНК.

— Нет. Я могу сказать о том, что ты потерял клан — и можешь создать новый при выполнении определенных условий, — кворон во время этих слов директора усмехнулся, а после отвел взгляд от директора.

— И какие же условия должен выполнить бывший клан Йори?

— Для начала лично Вы, так как... Вы, судя по всему, единственный, кто из более-менее высокопоставленных членов клана выжили, должны будете помочь мне в одном деле.

— В каком же? Не тяни, человек. Выкладывай все, что хочешь от меня, — кворон вел себя довольно спокойно, но все же ощущалась определенная нервозность.

— Для начала... Скажи мне. Кто мог выслать вот это одному из ваших лидеров? — Романо в этот момент достал из подсумка тот самый планшет, который ему передал Грейх, а далее открыл сообщения.

Кворон сузил здоровый глаз, поводил взглядом по экрану планшета, а после посмотрел на Романо.

— То есть... Кхиран знал о том, что шок-пех будет находиться в вентиляции... Хе-хе... Отлично. Был бы он жив, так я бы его распотрошил, но да ладно. Похоже, он был предателем или глупцом, а возможно, совмещал в себе оба качества. Хорошо. Кхиран — был отцом клана, думаю, если он стал тем, кто не стал вооружаться к приходу ваших псов, — клана Йори не существует, ибо он был прямым потомком славного Йоркха, а теперь... Выходит, что он уничтожил свой клан, — кворон немного помолчал, кажется, размышляя над тем, где мог видеть подобный IP-адрес, а после продолжил. — Это контакт МилитариКорп. Буквально позавчера мы получили хорошую партию оружия с планеты, они нам его продавали напрямую. Без посредников. Возможно, милитаристы имеют контакт среди ваших бойцов или сотрудников, ну, либо внедрили в охрану космопорта или в его служащих пару осведомителей. Хотя, с космопортом — маловероятно, ибо шок-пех не отчитывается о том, куда и зачем он летит, так что, как вы, люди, говорите, «крыса», вернее всего, среди ваших. По поводу МилитариКорп... Ты же, человек, знаешь, что у них частная армия?

— Знаю. Наслышан.

— Ну вот. В ЧВК имеется что-то около тысяч пяти наемников. Все — выходцы из различных горячих точек, так что твоего личного резерва на них не хватит, считая, что они в основе здесь и размещены. На этот случай подходит тактика «снятия голов», ну, то есть перебить лидеров, а лучше в первую очередь взять директоров. Они, правда, почти по всей планете разбрелись, но обычно раз в месяц собираются в столице. Все. Туда ударить и стоит. У тебя как раз имеются достойные кадры для этого, но и я с рядом моих кворонов можем в этом поучаствовать. Сама встреча обычно в двадцатых числах. Как-то так. В общем... У тебя, человек, еще много времени. А учитывая то, что эти решили тебя слить нашими руками — это значит то, что какие-то договоренности между вашими корпорациями имеются. Я ведь верно угадал?

— Верно. А ты довольно сообразительный.

— Я не зря отвечал за встречу «гостей», правда... Я доверился Фирсу. Слишком сильно ему верил. Посчитал его даже достойным того, чтобы называть его квороном, но... Я проиграл, и поэтому я в вашем, человеческом плену. Мне не чужды слова о «чести». Я ведь был военным для своего клана, а также главным защитником. И им остался. Сейчас я главный среди клана, так что... Приходите, если решите все же даровать нам свободу, а пока... Бессмысленно. Куда вы, кстати, определили детей? — спросил кворон, изменившись в настроении, об этом свидетельствовала начавшая краснеть кожа.

— Дети в правильном месте. Я откупил приют для них, а также няnek взял с факультета изучения иных рас из местного универа. Для них — это практика, да и девчонки не глупые вроде. По поводу пищи — тоже подвозим вашу. Фермы со станции эвакуировали, ну, по крайней мере, пищевые растения, — кворон в этот момент начал успокаиваться, кожа снова начала приобретать буроватый оттенок.

— Хорошо, человек. Я тебе поверю, но если выяснится то, что на деле все не так, как ты говоришь... — кворон замолчал.

— Понимаю, что ты испытываешь. Но... Ничего поделывать не могу. Не в тюрьму же детей отправлять. Верно?

— Верно-верно, человек. Верно. Но и с отцами и матерями разлучать — тоже неверно. На сегодня наш разговор, наверное, окончен?

— Окончен. До свидания, Хратер. Может, вам что-то нужно для обеспечения более хорошей атмосферы в камере? — спросил Романо, уже поднимаясь из-за стола.

— Увлажнители воздуха. Иначе кожа начинает сохнуть, а затем трескаться. Две недели можно и без них прожить, но неприятно. Поэтому прошу об увлажнителях, — проговорил кворон, а Романо кивнул, после чего вышел из допросной.

...

В это же время Генрих, Джек, Билли, Милет Жабодав, Циркуль, Мох, Грех и многие другие наемники и шок-пехотинцы находились в одном из баров. Отчасти они были мрачны, но все же старались поддерживать разговор. Джек сидел между Билли и Циркулем и что-то обговаривал с последним, Билли же находился рядом с Генрихом, Милет и Грех сидели друг напротив друга.

Вдруг поднялся Жабодав, он держал в руке стопку какого-то розоватого напитка и посмотрел на людей вокруг. Как по команде поднялись шок-пехотинцы, первым из которых был Грех, затем были Циркуль и Мох, после поднялся какой-то кареглазый парень со сломанной рукой — дело какого-то рогарийца, и многие другие, включая Генриха, Джека и Билли.

— Вчера была достойная битва. Я хочу поблагодарить бойцов Романо за то, что они сделали. Джек, Генрих, Билли — вы действительно спасли меня, да и Витьку Циркуля, а теперь... — наемник как-то тяжело вздохнул, но все же продолжил. — Сашка был достойным человеком. Прозвище «Глаз» получил за свою меткость и выбор шлема, но в этот раз он не мог рисковать. Он знал, что там находятся головорезы, которым абсолютно нечего терять, поэтому, несмотря на смелое предложение Джека, он решил пойти другим путем. Глаз, Мох, Циркуль, Молчун, — в этот момент он кивнул на парня со сломанной рукой. — И некоторые другие, кого нынче с нами уже нет — были первым костяком отряда. И вчера мы все потеряли часть себя: настоящего друга, смелого бойца и веселого парня, который даже погиб с улыбкой. Он никогда не боялся пойти в бой, поэтому вместе с Циркулем они всегда шли вместе. Ты, брат, был настоящим продолжением Глаза, таким же штурмовиком, как и

он, но он был старше тебя, поэтому он и решал, что делать. Ты же был и его напарником, когда приходилось занимать позицию снайпера. Может быть, вчера он решил неверно, но все же... Он спас заложниц. Я не имею права осуждать его поступок, ибо этот поступок спас жизни, пусть и уже не невинным девочкам, но рабыням, которые были взяты в самое, быть может, поганое из всех возможных мест. Выпьем за смелость, парни, и чтобы ни один из нас не задумывался о том, как поступить в таком случае. Даже если ты погибнешь — ты станешь тем, кто сохранил чью-то жизнь. Конечно, мы могли вчера обойтись без потерь, но вышло так, как вышло, — во время слов Милета, было видно то, как Циркуль сжимал челюсти, это прямо таки было видно по вискам, но все же это не спасло от соленой влаги, которой налились глаза сильного и прошедшего через многое человека, но сегодня ему это было простительно.

— За Глаза! — крикнул Циркуль, а после все лишь приподняли свои стопки и опрокинули внутрь себя. Затем они стояли с минуту, почтив память знакомого или незнакомого человека, после этого сели.

Грейх был возбужден, его явно еще вчера взбесила находка, которую обнаружили его бойцы, он прямо-таки жаждал мести, но понимал, что, вернее всего, начальство не отпустит его в «командировку» в столицу, поэтому у него была идея выйти в отпуск, а далее перейти на полуплегальную основу. За ними следили везде, даже когда шок-пехотинцы находились в отпуске, куча микрочипов внутри черепа — вот главная проблема шок-пехотинца, поэтому он и думал о том, как бы обмануть систему, но вернее всего ветеран войны останется без шанса на месть и придется смириться и насладиться лишь местью других.

— А вот, Билли... — Генрих посмотрел на своего крупного друга. — А как теперь жить? Я убил где-то восьмерых. Меня блевать от самого себя тянет. Причем, знаешь... У кворонов не поймешь, где женщина, а где мужчина... И я не знаю, кого убил.

— Просто забей. Тут уж ничего не повернешь. Они все вооруженные были, и вопрос на поле боя один: «Ты или он?», если у тебя не хватает сил выбрать — ты точно сдох. И знаешь... Я б по кворонам так не убивался. Так же, как и по рогарийцам. Обе расы ссученные. Ну как... Кворон — это по жизни бандит, а рогарийцу — вся жизнь война и гибель в бою это уже для него благо. Поэтому забей. Какой смысл унывать по врагам? Я еще понимаю, если ты человека убиваешь другого. Там тяжело, — Билли как-то нахмурился, а потом продолжил. — Вот там, на приграничных системах Конфедерации, было очень тяжело. Они ничем не отличались от нас, абсолютно. Мне вот выпала честь воевать на кап. мире, то есть... Эти даже в плане идеологии не отличались, если на мирах социалистов ты еще как-то мог абстрагироваться от того, что происходит. Решить, что он не совсем человек, ибо придерживается каких-то непонятных позиций, а у этих было абсолютно то же самое в головах, что и у меня. Ну... То есть, иди по головам, если хочешь жить и прочее. Милет! — окликнул командира наемников Билли.

— Что такое? — спросил наемник, смотря на крепкого союзника, чей пулемет спас его в прошлом бою.

— Ты на соц. мирах или на кап. мирах воевал?

— На соц. Там проще было, ну, пока не увидишь то, как они жили мирно и дружно. Ну, как... Мирно и дружно, блин... — Жабодав помолчал, а все затихли. — На соц. мире есть одна проблема. Они хотят распространить свой способ жизни. Спасти нас от того, как мы живем. И... Если бы я знал это глубже еще тогда, я бы повернул оружие против своих. Да и,

парни, полагаю, тоже. Просто если сравнивать...

— Пойдите, — поднялся один из шок-пехотинцев. — Вы хотите сказать, что в Конфедерации люди не отличаются от нас?

— Да. Я хочу это сказать. Что ты мне выдашь, эсэсовец?

— Кто? — спросил белобрысый крепкий парень с едва начинающим пробиваться пушком, глядя на наемника.

— А у вас, сынков бизнесменов и чинуш, еще и образование хромает?

— Я могу тебя сейчас задержать за эти слова, — проговорил белобрысый, глядя на Жабодава, а шок-пехотинцы начали, кажется, к чему-то готовиться.

— Сядь! — рявкнул Грейх на своего бойца, а тот послушно сел на место. — Прошу прекратить крамольные разговоры про идеологическую войну. Это нам ни к чему. Отвечу на вопрос рядового Карпенко, — старший сержант довольно спокойно процедил это сквозь зубы. — Эсэсовец — это боец так называемых охранных отрядов Третьего Рейха. Третий Рейх — структура, существовавшая на территории страны Германия, на планете Земля в период с тысячи девятьсот тридцать третьего по тысяча девятьсот сорок пятый годы. Пример нацистов является хрестоматийным примером национал-социалистической модели государства и социально-экономического построения крайней степени капитализма, к которой мы и прикатились. Сравнение тебя или меня с эсэсовцем — является верным, ибо мы приобрели те же черты, что и ближайшие солдаты фюрера, то есть мы даем присягу напрямую президенту, участвуем в чистках среди собственного населения, как в армейской среде, так и в среде гражданской. СС должен стать для нас примером так же и по параметру взаимодействия с иными расами, которые должны быть уничтожены. Вчера мы занимались тем самым, чем занимались эсэсовцы на оккупированных территориях. Помнишь, как лично ты разбил голову об пол плачущему ребенку кворонов? Ты ничем не отличаешься от того, с кем тебя сравнили. Наши друзья — воевали с мужчинами и женщинами кворонов, но не с детьми, когда ты, будучи самым трусливым и нервным из моих подопечных, просто разбил голову ребенку. Так что заткнись и сиди молча. Выпьем еще по две стопки, и вернетесь в расположение части. Всем все ясно? — спросил Грейх, а шок-пехотинцы лишь кивнули в ответ на его слова. Милет же о чем-то задумался... Он вспомнил о том, как сам работал с детьми кворонов, и ему стало как-то не по себе от того, что он сам, по сути, являлся эсэсовцем.

Дальнейшее нахождение за столом было довольно тихим, чокнулись еще пару раз, и шок-пехотинцы действительно ушли, включая самого Грейха, который, кажется, вовсе и не был подвластен тем идеям, которые только что оглашал.

— Как думаешь, Мох? Этот Грейх... Он такой же, как его бойцы? — командир посмотрел на своего соратника, а после вслед удаляющемуся сержанту.

— Да черт их разберешь этих шок-пехотинцев, но он хотя бы мордобой предотвратил, а то помню, как, однажды, мы морды вот таким мудачкам развалили. Вот и им бы набили, наверное... Если, конечно, эти не такая уж элита, как рисовал Романо, тогда бы нам навалили.

— Угу... Надо будет как-нибудь с ним пересечься.

— А я думаю, что надо этого петушка выловить и башку ему открутить, — улыбнулся рыжебородый Мох с квадратным лицом и бритой макушкой, глядя на своего командира.

— Ага... Нашелся, блин, ловец шок-пеха, — ухмыльнулся Милет. — Ну, думаю, нам тоже пора заканчивать. Шпаку к дочери пора, Джеку с Билли пора бы отоспаться, да и нам...

Навестить Балку в госпитале, да и в гостиницу пойти, чтоб уже отлежаться. А то... Драка, наверное, будет с этими... Милитаристами, — человек поднялся из-за стола, пожал руки по очереди Джеку, Билли и Шпаку, то же самое сделал и каждый из его бойцов.

...

Джек, Билли и Генрих прогулялись вплоть до дома последнего, а далее попрощались. Бывший бизнесмен, а теперешний убийца и, быть может, бандит, поднимался по ступенькам к двери, затем рука привычно была положена на сенсор, после чего пошел к лифту. Здесь те же действия, снова рука легла на сенсор, а далее он поехал вверх по шахте лифта. Глаза цеплялись за грязь на полу, брошенный кем-то здесь презерватив, от этого Генрих лишь как-то странно улыбнулся.

«Надо же... Чья-то жизнь брошена прямо в лифте. Это сколько жизней таким образом бросается и пресекается еще до рождения», — думал Генрих, выходя из лифта, а после двигаясь к дверям своей квартиры. Джек так и не вернул ему его пистолет, но Генриху было как-то не до этого. Сейчас он ввалился в дом, но не от того, что пьян, а от того, что как-то нехорошо себя ощущал. В квартире не было сапожек Киры, значит, что до сих пор у подруги, наверное. «Нужно будет позвонить», — пролетела мысль, а после он кое-как снял свою обувь, после чего снял куртку и повесил ее в шкаф, затем пошел в комнату и, дойдя до дивана, просто завалился на него. Он какими-то пустыми глазами смотрел в потолок, из-за чего, наверное, казался полумертвым. Человек достал телефон, а затем набрал номер Киры.

Довольно продолжительные гудки, но девушка, наконец, взяла мобильник:

— Да?

— Алло, Кира? Ты где сейчас? — спросил человек как-то устало.

— У подруги. А что? Ты же меня из дома выгнал? Где я еще должна быть? — девушка отвечала как-то резко и зло, настолько зло, насколько могла.

— Ну-ну-ну... Возвращайся. У меня хорошие новости. Романо решил дать интервью на этих каникулах. Так что... Вот. Тебе, наверное, надо будет самой с ним поговорить по телефону, поэтому возвращайся.

— А чего ты такой понурый? Опять убил кого-то?

— Даже не кого-то, а скольких-то, — как-то практически безэмоционально проговорил человек эти несколько слов, настолько, что девушка, кажется, оцепенела.

— В каком смысле «скольких-то»?

— Ну... Восемь или больше. Вот «скольких-то», — от этого девушка, кажется, еще сильнее оцепенела, а Генрих добавил. — Ты, Кира, меня не бойся. Я же это ради тебя, ради семьи делаю, да и выбора у меня нет особенного... Вот и приходится. Я понимаю, что трудно осознать то, что твой отец — убийца, но все-таки пойми и прости. Я же это, правда, не специально делаю, а вот, если бы я пулю в висок пустил — ты бы меня не простила. Что? И за это, выходит, не простишь? Так и что мне делать тогда? Если ты меня ни за то, ни за другое не готова простить? Пойти вздернуться, что ли? Может, хоть за это простишь, дочка? — говорил он это также монотонно, а после с другой стороны услышал всхлип, который и был последним, что человек слышал, ибо Кира отключилась от звонка, а он лишь пожал плечами и, кажется, провалился в сон или в какое-то подобное этому состояние.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Криг-3, строение 10, этаж 0, камера 02,
04.01.2580, 08:00

— Вставай, ящерица, — прозвучал довольно грубый голос, а Киринтар поднялся.

— Настало мое время, человек? — спросил Гро'Балег, глядя на охранника. — Вы закуете меня в кандалы, а потом повезете куда-то, откуда я не вернусь. Правильно?

— Верно-верно, ящерица. Вставай спиной к стене. Дернешься — пристрелят, — в камеру зашло три крепких человека, у одного из которых в руках была винтовка, которая со спокойной совестью пробила бы любую часть панциря рогарийца.

Киринтар поднялся с койки, после чего встал спиной к стене, развел ноги, головой прислонился к стене, а руки завел за спину, после чего его стали упаковывать в специальные кандалы. Это была длинная цепь, от которой отходили небольшие ответвления. Так сначала был надет некий ошейник, затем цепь протянулась вниз до ног, сначала в кандалы были вдеты руки, а железо наручников начало примагничиваться друг к другу, будто бы норовя отделить кисти рук рогарийца от остальной руки, далее цепь была натянута так, чтобы максимально стеснить движения рогарийца. Сначала железки были надеты, а после ноги стали стягиваться к центру.

— Хе-хе... На казнь вы меня везете, да? — спросил рогариец, после чего медленно повернулся для того, чтобы на его пасть был надет намордник.

— Заткнись, Гроб, — Гробом Киринтара прозвал один из охранников, из-за довольно схожего по звучанию имени рода.

— Сыны Балегга, однажды отомстят за меня, — проговорил рогариец, после чего его подтолкнули вперед. Шел он медленно, ибо был не особо способен к быстрому движению из-за этих «кандалов». — Скажи, человек. Куда меня повезут? Смерть в плену для рогарийца — бесчестна.

— На космодром мы тебя везем. Выкинем с корабля, и будешь там какое-то время летать в космосе, пока кислород в скафандре не кончится, — проговорил достаточно зло один из охранников.

— М-м-м-м-м... Значит, меня передадут в руки рогарийцев. Что ж... Это закономерно. Могли бы, хотя бы, покормить перед смертью.

— Ага. И чтоб в тебе сил добавилось, ящерица? Чтоб ты нас по камере размотал?

— Почему же? Я бы вел себя мирно. Таков обычай. Тот, кто держит в своем пленении — должен организовать последний ужин тому, кто уходит из пленения.

— Ага-ага. Я помню информацию по тому, как ты даже рогарийцев избивал.

— У меня расколот экзоскелет, в нескольких местах, кажется, порваны мышцы. Как я бы смог вас одолеть? Тем более, троих. Мне сейчас даже передвигаться больно, — проговорил рогариец. — А этот ващ, в экзоскелете, сколол часть костяной пластины на лице, тем самым разорвав правую ноздрю. У меня до сих пор подтекает кровь время от времени.

— Ой, не прибедняйся. Может, нам тебе кандалы ослабить, чтобы не так больно было? Калинин рассказал о том, насколько вы легко регенерируете, хватит и двух дней, чтобы твои

раны и побои помножились на ноль.

— Вы ошибаетесь. Калинин врет. Мы ничем не отличаемся от людей, — хрипло говорил ящер, который был выше любого среди этих бойцов как минимум на голову, а самый высокий из них был почти под два метра.

— Конечно. Расскажи про свою биологию, мы просветимся, заодно тогда ослабим хватку.

— Да не в жизнь. Вы мне не поверите, — Гро'Балег посмеялся. — А вы хитры, людишки, и недоверчивы. С хорами было проще.

— Ты хочешь сказать, что перебил охрану из хоров? — удивился один из охранников.

— Нет. Убил только двоих, руками, остальных перестрелял из оружия. Их было-то штук... Хм... Штуки четыре. Вернее, как? Одному свернул шею, далее вырвал пистолет, какой-то самодел, но стрелял хорошими зарядами дробы, грудь второго превратилась в кашу от дробы. Они, благо, брони особо не имели. Ну, как... Кроме их командира. Тому я впился в глотку. Вы, кстати, наперстки на мои пальцы не надели, а это ошибка. Даже палец рогарийца — это оружие.

— Ха-ха... И что же ты нас там не перебил? — спросил охранник, который был помоложе.

— А смысл? Перебью вас троих, затем меня загасит остальная охрана. Я думал, что вы будете туповатыми, а тут полноценная цепь, намордник, кстати, надели не зря. Я тебе поллица могу откусить, — в этот момент рогариец щелкнул зубами. — Чувствуешь, как все плохо? Я бы не смог выбраться из тюрьмы, хотя можно было рискнуть, правда, костяные наросты срослись нехорошо, поэтому и не решился. Они боль доставляют местами. Так что, отчасти, ваш друг меня очень сильно покалечил. И да... Натяжение цепочки — это правильное решение, я так не могу ни наклониться, ни сесть, ни нормально двигать ногами, когда пытаюсь руками ее разорвать, цепь возвращает их назад. Не кормить меня неделю тоже верное решение, как и не поить. Силы меня покинули. Хе-хе... Эх... Если вас не поить хотя бы три дня — вы чаще всегодохнете, а мы, как жители пустынь, научились выживать без воды более долгое время, плюс в камере было немного влажно, но это, полагаю, было сделано для того, чтобы мне там было плохо. Да. Умно. Этот ваш комендант очень многое знает. Я бы отдал ему честь — его же смертью.

Наконец они вышли на улицу. Свет больно ударил в глаза, на улице было довольно холодно.

— Гр-р-р-р-р... За что не люблю мирки, на которых вы селитесь, так это зима. Холодная и паршивая, благо, обычно мне давали хорошую одежду, но вы ее не дадите. Знаю-знаю... Вы хотите доставить максимум неудовольствия, но я терпелив, поэтому этим меня не сломить. Как думаешь, здоровяк? Что будет с тобой, если я сбегу снова? — спросил рогариец у бугая, который лишь толкнул того с лестницы, отчего ящер полетел вниз, но не издал почти ни звука, кроме рычания. — Ха-ха... А теперь вы меня и поднимайте, ублюдки.

Но люди довольно быстро подняли ящера на ноги, даже без ослабления цепи, которого он ждал.

— Хитры-хитры... Да-а-а-а-а... Не бежать мне сегодня. Знаете? Однажды люди меня тоже брали, но не выжил никто из них. И вы сдохнете, если сбегу, — слова его, порой, пробирали до дрожи, но охранники дотолкали ящера, дышавшего огромными облаками пара, до грузовичка, в который его приподняли и «усадили», вернее сказать, поставили в специальную стойку и закрепили. Внутри сидел Калинин, который наблюдал за ящером.

— Комендант, этот ящер хотел Вас видеть, — проговорил охранник, севший напротив Калинина, а тот лишь улыбнулся, после чего посмотрел на рогарийца.

— И для чего же такой достойный представитель своей расы хотел меня увидеть?

— Чтобы откусить тебе полморды за то, что ты приказал меня не кормить и не поить, — проговорил Гро'Балег в довольно угрожающем тоне.

— Ой... Гроб, ты, мне кажется, понимаешь для чего я это сделал, чтобы истощить тебя, и чтобы потом можно было тебя спокойно передать в руки твоих же собратьев. Впрочем, я еще и свою ненависть через это удовлетворил. Тех, которые поступили недавно, мы кормим, ибо они наемники, а ты — бандит, который презираем даже своей расой.

— Хе-хе-хе... Откуда же ты это знаешь, тюремщик? — спросил Гро'Балег, глядя своими ненавидящими красными глазами на Калинина, на лице которого, напротив, была улыбка.

— Да так, решил тебя проверить через камеры. Личность твоя в сети «Головорез» крутится, а денег за тебя аж десять тысяч кредитов за мертвого. За живого, так и вовсе дают пятьдесят. Ты же преступник уровня целой империи.

— И за что же я им стал? — спросил ящер, с какой-то издевкой.

— Убийство одного из довольно высоких феодалов в вашей иерархии, а также за убийство одного купца, который вместе с охраной из хоров должен был привезти тебя в Рогарийскую Империю, тогда ты захватил корабль и прилетел сюда. Корабль специально разбил вне города, а из корабля выбрался с помощью аварийного выброса спасательной капсулы, в эту капсулу ты положил тело купца, которое знатно обгорело, а вот ты смог сбежать. В силу конфиденциальности информации о «грузе» этого купца, тебя не было среди списков, перевозимых на корабле живых существ или среди груза. Как оценишь мою теорию? — спросил Калинин, улыбнувшись.

— А ты умен для тюремщика... Хорошо. А как я прибил к банде?

— Да... Это просто. Ты сам рецидивист, поэтому прибил к тем, кто тебе близок по нраву, сначала ты подумывал на станцию к кворонам, но потом понял, что это через космодром надо проходить, а там тебя точно повяжут, а то и сами квороны продадут, как бы они вашу империю не ненавидели. Пятьдесят тысяч кредитов на дороге, знаешь ли, не валяются, — усмехнулся человек, а рогариец замолчал. — Что такое? Почему нет ответа, Гроб?

— Потому что ответить нечего...

— Даже огрызнуться не выйдет? Как жалко...

— Ты самый умный из тех, кто мне попадался, если ты меня будешь казнить — это будет честью.

— Ну-ну. Чести тебе уже не будет, вот смотри... Ты убил феодала. По заказу каких-то неизвестных сил, более того, феодала из «высших» рогар, то есть из высшей касты, которая является вообще святой для вашей расы, но ты поднял руку на святое. Дальше? Ты связался с людскими отбросами и отбросами кворонскими, причем был ничем иным, кроме как телохранителем одного из довольно мерзких людей, то есть господина Омониана, если правильно понимаю, или Лемана. Мне без разницы, они все для меня дерьмом были. Кроме того, ты, уже на них работая, производил такие преступления, которые у рогарийцев караются бесчестьем и проклятием. А это что? Ты нашими женщинами торговал, а женщина у рогарийцев — создание священное, которое является украшением своего мужчины, а ты этими «украшениями» с душой торгуешь. Есть точные данные на тему того, что именно ты вместе с Фирсом занимался «погрузкой» девушек в «теневой» зоне. Тогда ты оборудовался в

доспех, который позволял тебе скрыть твою поганую морду, но нет, друг мой, по габаритам ты очень сильно походишь на себя. Так что, нет. Чести тебе уже точно никогда не будет. А на этом хлопнись, я не хочу более дышать воздухом из твоей вонючей пасти, — заключил в финале человек, а рогариец заткнулся после этих слов и молчал до самого приезда в космопорт.

...

Его высадили из машины, а далее повели в сам космопорт через черный ход. Впрочем, охрана была предупреждена, ибо полицейские пропустили людей и узника без разговоров. Они прошли через небольшой коридор, а далее оказались на самой площадке, где уже был Романо, Билли и Паук, рядом с которыми стояли купец и два его охранника.

— Господин Р-р-романо решил побаловать старого купца живым грузом, да еще каким, — проговорил ящер с изогнутыми вокруг головы рогами, наподобие венка, а далее загибающимися вверх так, чтобы образовать своего рода полумесяцы.

— Да, великий купец Гро'Арентир. Киринтар Гро'Балег — позор своего рода, теперь в Ваших руках, — рогариец, что был одет в довольно нетипичную богатую одежду, вместо богатых доспехов, а также с довольно заметным животом, рассмеялся.

— О-о-о-о-о... Рогариец, который стал работорговцем в сфере интимных услуг — это позор для целой империи, — проговорил купец, когда к нему подвели Гро'Балега.

— Да... А то, что ты торгуешь с людишками — это не позор для империи? — спросил Киринтар.

— Да. Тоже позор, но я делаю своего отца и свой род сильнее, чем те, кто предпочитает воевать по традициям. Традиции уже не раз доказывали то, что, следуя им, — мы останемся лишь в былых территориях своей Империи. Но этот позор приведет к величайшему расцвету Империи, а вот ты торговал с кворонами, став худшим из бандитов.

— А ты потерял панцирь на животе, вместо него приобрел брюхо, — проговорил рогариец, явно оскалившись за своим намордником, а купец лишь рассмеялся.

— Да-а-а-а-а... Остричь — твое любимое дело, дружок, но ведь и ты пользуешься людским оружием, так чем же плохо человеческое оружие, если оно позволяет быть эффективнее врага? Ты — прямое доказательство того, что человеческое оружие эффективнее оружия шокового. Мы дали людям шок-дробовики и шок-винтовки, а люди дают нам плазму и кинетическое оружие, — рогариец положил руку на подбородок собрата, после чего оскалился. — Чувствуешь то, как близка смерть?

— Я сбегу.

— Поэтому я отрежу твою голову прямо здесь, — улыбнулся рогариец, когда Гро'Балег напротив будто затрясся.

— Как? Это же против заветов нашей расы. Ты имеешь право отрезать мне голову или другую часть тела только после того, как суд позволит это. Если ты убьешь меня здесь, на людском мире, то ты — не рогариец.

— Да? Я согласен с тем, что я уже не рогариец, я очень много взаимодействую с людьми и я уже, можно сказать... Горо'Куман. Сделанный людьми. Но и ты не рогариец, ибо ты перестал им быть, после убийства Высшего Рогарийца, а значит, теперь тебя убить имеет право любой из нас. Я преподнесу твою голову самому императору, — проговорил купец, когда его стражники начали бить Гро'Балега энергокопьями, дабы обезопасить купца от шанса на атаку самого Киринтара. Затем с него были сняты цепи, а охрана усадила того на колени, после чего Гро'Балега стали удерживать.

— Итак... Если ты издашь хоть один звук, кроме предсмертного хрипа, — ты лишишься чести раз и навсегда. Твой род мы чести лишать не станем, ибо Дети Балега сделали очень многое для Империи, но вот тебя я прикончу, — из ножен купец достал кинжал с пиловидным лезвием.

Он приставил свое оружие к панцирю, который расположился аккурат на месте, где располагалась человеческая щитовидная железа. Паук в этот момент довольно заинтересованно наблюдал за тем, как купец пилящими движениями начал пилить сначала панцирь, а потом медленно, но верно разрезать шею. Рука его была на макушке Гро'Балега, а движения были отмеренными и точными, будто бы головы он резал очень часто, даже своим собратям. Киринтар стойко, в духе рогарийцев, терпел, не издавая ни звука, и только тогда, когда лезвие дошло до горла, ящер начал хрипеть. Руки купца покрывались струящейся кровью. Романо смотрел на эту процедуру, а вот Билли наблюдал за кораблем, покрытым позолотой. Этот корабль чем-то напоминал птицу, расправившую крылья, сам он был относительно небольшим, ибо являлся лишь личным кораблем купца, а вот грузовые корабли были больше. И они тоже находились здесь, и уже загружались оборудованием с очередных заводов.

Вскоре голова Киринтара была в руках купца. Гро'Арентир улыбнулся и охране своего бывшего недруга, и Романо. Два закованных в броню гвардейца снова встали подле купца.

— Спасибо большое, господин Романо. Этот ящер был не самым слабым из нас, но Вы все же его взяли. И да... Я оставляю Вам его тело, насколько знаю, вот этот человек занимался изучением наших внутренних органов, полагаю, что это тело является прекрасным образцом нашей расы, тем более он обесчещен, поэтому его тело не может отправиться на Родину, а теперь... Прощайте. У нас еще много дел, — рогариец кивнул головой, а Романо кивнул в ответ.

— Замечательный образец. Жаль без головы, Впрочем, те наемники тоже подойдут, — проговорил Паук все также безэмоционально.

...

Генрих, кажется, весь прошлый день просидел на диване в той позе, в которую завалился. Дочь не пришла, но вот сейчас послышалось открытие двери и осторожные, кажется, боязливые шаги. Шпак при этом нагнулся, локти легли на колени, а ладони закрыли лицо, он протер глаза, а дальше уставился, чуть ли не полуслепым взглядом, на девушку, которая показалась в дверном проеме. Лицо ее было каким-то обиженным и, кажется, даже заплаканным. Взгляды встретились, но в одном читалось опустошение, а в другом какая-то боль и холод.

— Ну, привет, папа, — проговорила девушка первой, глядя на помятого отца.

— Ну, привет, Кира, — повторил ту же формулу приветствия человек, чье лицо довольно сильно покрылось щетиной.

— Гордишься тем, что убил восьмерых? — спросила она с каким-то укором.

— Я убил восемь работорговцев, наркоторговцев и убийц, — довольно сухо проговорил он.

— А чем ты от них отличаешься?

— Не знаю, наверное, ничем. Ну, тебе-то виднее. Расскажи, чем я так плох. Ты же сама мне говорила исполнять все, что говорит Романо, вот я и исполняю, чтоб ты не вышла на улицу ради своего пропитания торговать собой. Верно ведь? Ты мне сама это говорила, Кира. Или нет? — человек говорил это с каким-то ответным укором. — А теперь ты не

хочешь принимать отца-убийцу? Прекрасно, дочка. Ты мне сама говорила войти в положение, а теперь меня будешь сторониться из-за того, что я выполнял приказ? Как здорово. Просто прекрасно. Давай, откажись от отца. Че тебе это стоит? — человек откинулся на спинку дивана, а после запрокинул голову, смотря в потолок.

Девушка лишь молча прошла в свою комнату, никак не отвечая своему отцу.

— Ну, что молчишь?! — громко спросил Шпак, приподняв голову. — Папка — убийца, папка — ничтожество, верно?! Да я ж это все ради тебя делаю, дура! Чтоб ты нормально жила, не думая о том, чем питаться и прочее. Че, лучше было, когда я домой приходил и твоя мать меня постоянно тюкала?! «Вот, урод, в дом ни копейки не приносишь!» А как я принесу, если даже грузчиком некуда устроиться?! Лучше было, доча, когда в холодильнике пустота была?! — громко говорил Генрих, пока девушка не хлопнула дверь в свою комнату. — Лучше, значит... Ну, сейчас я тебе устрою... — человек стал подниматься с дивана.

Его дыхание было прерывистым, в висках барабанами билось сердце, в глазах играла какая-то злоба, а кисти сжались в кулаки, обеляя кожу на костяшках. Этого нелюдя прямо-таки трясло от злобы, он шел медленно, но уверенно, как бы обдумывая, каким образом будет избивать самого близкого человека, который только у него есть. Рука ложится на ручку межкомнатной двери, но дверь не поддается, после чего он начинает бить плечом в дверь. Удар. Еще один. Третий. Четвертый... Дверь с грохотом падает на пол, а он с оскаленными зубами, подобно зверю, входит внутрь, но не видит дочери.

— Где ты, Кирочка? Давай поговорим! — он входит внутрь, резко открывает дверь шкафа, после чего, разъяренный, переворачивает кровать. — Вот ты где?!

Человек хватает дочь за волосы, и поднимает к себе... Раздается крик.

— Что он творит?! — слышится голос Джека, когда Генрих смотрит на дочь своим ненавидящим взглядом.

...

Джек был рядом с домом уже через пять минут. Секунда, и дверь простреливается из пистолета Генриха, он входит внутрь здания, раздается сигнализация, но человек идет вперед, далее лифт, наверх. После этого — быстро внутрь, благо, Кира не закрыла дверь, будто бы знала, что что-то пойдет не так. Генрих в этот момент держал девушку за шею.

— Отпустил ее, урод! — громко проговорил Джек, направив ствол на своего «друга». — Ты что ж, тварь, делаешь?!

Генрих отпустил Киру на пол, а та, закашлявшись, начала отползать в свою комнату.

— Что я творю?! У нас просто здоровые семейные отношения, а ты че сюда приперся, нигер?! — громко говорил Генрих, идя на своего недавнего друга. — Давай! Стреляй, уголек! Потом сядешь, а мне такая жизнь нахрен не уперлась! Родные отворачиваются! Тебе охрененно жить, они у тебя в других системах! А у меня вот змеюка на груди!

Джек поставил пистолет на предохранитель, после чего положил его на столик рядом с зеркалом, а затем размял кулаки.

— Хорошо, Генри. Давай выясним отношения, пока сюда полиция не приперлась, — «уголек» сразу после этих слов пошел на своего белого «друга».

Они сцепились. То и дело сыпались удары. Вот Генрих получил в живот, затем в морду, после чего повалился на землю, где Джек оседлал его, а затем начал наносить удары в лицо.

— Что ж ты, урод, делаешь?! — после вопроса последовал удар, и так после каждого следующего слова. — Ребенка бить?! Ублюдок! Пойди и шок-пеху морду набей, урод

конченный! Или ссышь, ублюдок?! Ты ж их, урод, снаряжал! Тварь мелкобуржуазная, только и способен на слабых руку поднимать! Тебя, пидора, успокаивали, пока ты ныл о том, что убивать тяжело! Как жить после того, как убил?! А теперь на дочь руку поднял?!

Лицо Генриха постепенно покрывалось ссадинами, вот начал кровоточить нос, вот губа, вот над глазом была разбита бровь. Но Джек вскоре успокоился и поднялся с «насиженного» места, после чего сел на диван и закрыл лицо руками. Шпак же, кашляя, перевалился набок. Дышал он с хрипом, и в таком же виде предстал перед полицейскими, которые прибыли довольно быстро.

Два человека вошли в комнату, один довольно молодой и высокий, а второй среднего роста и полноватый. Оба наставили пистолет на Джека.

— Я сдаюсь, граждане-полицейские, но прошу понять. Я от него, — человек указал на Шпака. — Его дочку защищал. Она подтвердит. Вон там выбитая им дверь, — Джек кивнул на дверь в комнату Киры, а оттуда вышла заплаканная девушка.

— Все так, как говорит Ваш друг? — спросил высокий, глядя на девушку в куртке, а она кивнула, держась за горло.

— Так это ж Шпак. Психопат конченный. Помнится, он какого-то мужичка избил только за то, что он сказал ему что-то не так, — улыбнулся полный. — Потом штраф заплатил и мне, помнится, сказал, что закон тому, у кого есть деньги — не писан. Прикольно. Вот теперь денег нет. Хм... А может на тебя, Генра, дело завести? Что ты, в припадке своего психа, взял и расстрелял дверь входную, потом ворвался в дом, выбил дверь в комнату своей дочери, — человек присел рядом с побитым. — М? Что, без завода грустно стало, да еще и жена убежала, да? И приплод оставила на тебя? Так ведь?

Шпак как-то ненавидяще посмотрел на копа, а тот лишь улыбнулся.

— Ну, да... Так и запишем, потом судить будем.

— Нет, капитан. Это неправильно. Я же дверь расстрелял и стекло выбил. Давайте может, штрафом обойдемся? Мы с ним в одной конторе работаем, так и восстановим дверь, а сенсорную панель лифта я сам почию.

— Ну, административку-то все равно надо оформить, а то как-то нехорошо. Мы приехали значит, а тут у Шпака морда разбита, ты сидишь, пригорюнился, девчонка вышла вся заплаканная, говорить не может. Так что, граждане... Все вместе поедemте в участок. Шпака в эту... С решеточками посадим, ну чтоб посидел, подумал. Вы на пассажирских сидениях посидите.

— Хорошо, — проговорил Джек, когда на Шпака надевал наручники высокий.

...

В изолятор посадили обоих, и Генри, и Джека, Киру же увели к следователю, чтобы, возможно, даже завести уголовное дело.

— Ну, ты и ублюдок, Шпак, — проговорил Джек.

— Спасибо, — немного просвистел избитый. — Ты мне зуб сколол.

— Да я бы тебе все зубы выбил, если бы не остыл.

— Спасибо, друг, — проговорил человек, ложась на нары.

— И что делать будем?

— Что-что... Это порча имущества частника. Он на тебя в суд подаст. Там же гребаные камеры стоят, так что ни хрена меня не привлекут, а вот на тебя огромный штраф навесят, что ты будешь с год выплачивать, если по полной зарплате.

— Ага. А все из-за тебя, урода.

— Все из-за Киры. Я хотел говорить, а она игнорировала.

— А о чем поговорить-то, чучело?

— Неважно.

— Дай угадаю? Ты поплакаться хотел по поводу того, какой ты бедненький и что тебя убивать заставляют, а еще она не понимает такого великого человека, как ты. Угадал?

— Пошел ты.

— Ты не мужчина, Шпак, а буржуйчик, собственник мелкий, говно, которое мыслит, что все, к чему оно прикасается, принадлежит ему.

— Отвали.

— Нет, не отвалою. Ты же урод, не человек вовсе. Ты ничем не лучше кворона, которых ты целых восемь штук убил. Молодец. Достаточно поплакался? Вот Романо придет нас вытаскивать, так он тебе такую проческу устроит, что я мелочью покажусь, а он придет.

— Ну и пускай приходит. Пойду, завтра же вздернусь, после его разговоров. Все равно мне делать в этой жизни нечего. Жена пилила, дочь сначала говорила, чтоб я выполнял все, что говорит Романо, а теперь не хочет принимать «отца-убийцу».

— Какая у вас глубокая проблема в семье. Ну, ничего-ничего, зона все поправит, — встрял в разговор какой-то человек, что лежал на втором этаже и громко заржал. — Сразу все проблемы улетучатся! В другую семью попадешь! Тебя там драть будут, петушок.

— А верно говорит. За такие статьи там не уважают, — проговорил Джек, усмехнувшись.

Сама камера представляла собой помещение в виде прямоугольника, который был отгорожен от остального мира пуленепробиваемым стеклом. Снаружи находился один полицейский, который следил за тем, чтобы в камере все было спокойно.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Железный-1, строение 5, этаж 1, следственный изолятор,
05.01.2579, 9:32

Вдруг перед изолятором прошел человек в знакомой шляпе и в знакомом пальто. Романо. Кажется, что он уже что-то решил, а полицейские подошли к двери следственного изолятора, которая тут же была открыта.

— Шпак и Никсон — на выход, — проговорил, кажется, начальник отделения, ибо выглядел он довольно старым, так виски его были абсолютно белыми, да и взгляд был каким-то потухшим.

Генрих и Джек поднялись, после чего вышли из изолятора. Романо смотрел на обоих взглядом, который прямо-таки говорил о том, что ничего хорошего их обоих не ждет. Рядом с Романо была и миниатюрная девочка — Кира, сам Роберто посмотрел сначала на Джека, затем на Генри.

— Молодцы. Давайте будем позорить корпорацию. Но поговорим уже в офисе, — после этих слов Роберто развернулся и пошел на выход, опираясь на трость.

Оба шли за ним, как виноватые дети, которые напакостили, а теперь их ждало какое-то страшное наказание, из-за чего глаза и упирались в пол. Романо ждал Паук и Билли, первый находился на улице и открыл дверь в салон для Романо и Киры. Директор пропустил девушку первой, а затем вошел в салон сам.

— Прекрасные работники, — в какой-то язвительной, но при этом холодной манере подметил Паук. — Вы сами себе дверь открывайте, а то много чести, — после чего сам залез в машину рядом с Билли, а Джек и Шпак забрались на заднее сидение.

— Сегодня и интервью, наверное, дам, Кира. Ну, если уж так пути нас свели. Заодно дам интервью и твоему отцу, и твоему спасителю, — слегка усмехнувшись, проговорил Романо, а девушка лишь угукнула в ответ.

Ехали в тишине, лишь время от времени Билли ругался на то, что неудобно управлять аэромобилем после управления БМП.

...

Вскоре они были уже у офиса, тогда Паук снова вышел из машины и открыл дверь перед Романо, после чего директор вышел наружу, а за ним как-то осторожно спрыгнула из машины и Кира. Она похудела и побледнела за эти дни еще сильнее. Романо как-то болезненно посмотрел на девочку, после чего положил руку на ее плечи, чтобы хоть как-то создать некое подобие защиты ее от отца, за ними вышли и Шпак с Джеком. Между Романо и Шпаком шел Паук, который, как бы, должен был разделить отчитываемого с отчитывающим. А вот Билли отгонял машину на подземную стоянку.

...

Вскоре они находились уже внутри офиса, но поехали на второй этаж, где, по слухам, находилась некая «допросная», в которой Романо и проводил более пристрастные разговоры, если, конечно, не считать разговоров в тюрьме. Они остановились рядом со «стеклянной» комнатой. Рядом стоял Чаки, чье плечо было забинтовано.

— Да-а-а... Господин Шпак оказался большей мразью, чем я? — ухмыльнулся человек, глядя на Шпака. — Кого первого допрашивать будем, господин Романо?

— Тут не допросы будут, а простые переговоры. Ментальное насилие, если хочешь, — проговорил Романо достаточно спокойно. — Паук, последи, чтобы с Кирой все хорошо было, а ты — идем. У нас с тобой будет длинный разговор, Шпак, — Романо вошел первый, а за ним внутрь втокнули Генриха после этого вошел и Чаки. Затем стекла стали матовыми, Паук же встал прямо к двери спиной.

— Можете не беспокоиться за своего отца, Кира. Убивать, избивать и пытаться — это не методы Романо. Более того, — кажется, впервые на губах Паука появилась улыбка. — Даже Ваша матушка живет в довольно хороших условиях. Видел сам, поэтому за нее не беспокойтесь.

Девушка немного прижалась к Джеку, а тот погладил ее по голове.

— Все будет хорошо, Романо умеет убеждать и словом, и делом, — сказал чернокожий, погружаясь в состояние задумчивости.

...

Романо сел на стул перед столом, а затем пригласил Шпака на стул напротив.

— Присаживайтесь, мил человек, — проговорил он, а Генриха подтолкнул Чаки, после чего Генрих все-таки сел на стул с подлокотниками.

Комната была обделана пластиковыми пластинами белого цвета, а сам Романо сейчас ставил перед собой планшет, Чаки же стоял у двери. Под одеждой у него явно виднелась кобура пистолета, правда, была перенесена на правую сторону, вероятно, из-за того, что теперь лучше было пользоваться левой рукой для стрельбы, ибо правое плечо было ранено.

— Итак, Генрих, — наконец начал свою речь Романо, глядя на человека каким-то мрачным взглядом. — Совсем недавно... Ты считал меня убийцей, ублюдком и прочим.

Вчера ты убил десять кворонов, это точные данные со счетного устройства твоего пистолета-пулемета. Ты, видимо, решил немного уменьшить число убитых, либо просто не совсем понял, что еще двоих все-таки убил. Кроме того, ты занимался оснащением шок-пека. Чувствуешь уже, сколько на тебе трупов? — спросил Романо, глядя на Генриха, который опустил взгляд. — Чувствуешь. Ну, так и чем ты лучше меня или, скажем, Чаки?

— Ничем... — довольно тихо произнес Шпак, а после поднял свой ненавидящий взгляд на Романо. — Это вы меня таким сделали!

— Заткнись, — одним словом и взглядом офицер в отставке осадил того, кто сидел напротив. — Нет. Ты хуже. Я никогда не поднимал руки на своих родных или на женщин, а вот ты, мало того, что вчера пытался, похоже, убить женщину, так еще и свою дочь при этом. Сечешь, какая у тебя проблема сейчас возникает? Ты ни на каплю не лучше меня. Я бы тебя убил, Шпак, но пока что не буду, надеюсь на то, что ты хоть каплю подумаешь над тем, что ты сделал вчера. Киру я у тебя на время заберу, посмотрим, как ты жить будешь без дочери, но не беспокойся... Жить она будет в моих апартаментах, сам я там бываю редко, так что можешь не беспокоиться о том, что я прикоснусь к твоей дочери, хотя... Как ты ее назвал? Змеей? Что ж ты за тварь такая, Генри? — во время этих вопросов Шпак сжимал подлокотники, но вдруг из подлокотников появилось нечто, что прикрепило руки человека к креслу. — Ага. Ты еще и напасть думал. Замечательно, Шпак. А кто ты без своей фабрики? Ты — пустое место, которое не нашло себе достойной женщины. Пустое место, которое не смогло удержать доверие дочери. Пустое место, которое за счет своей «ярости», а на деле лишь злобы обиженного ребенка, не имеет за собой ровным счетом ни хрена. Генрих? Это не ты построил тот завод. Его построил еще твой дед, а ты просрал его, ибо больше бухал, чем занимался делами фирмы. Ты не смог выдержать кризиса, ибо сам кризис не заметил. Кто ты, Шпак? — Роберто в этот момент смотрел в глаза человека напротив, которые покраснели и были готовы выпустить из себя слезы. — Ты — ничтожество, Шпак, которое не способно к тому, чтобы по-настоящему любить. Ты ни к чему не способен, ибо ты мелкий буржуй, который любит только себя. Уже слышал, наверное, эту словесную формулу от Джека? Слышал, плакса, слышал. Так вот, ты — скот, который любит только себя, и чтобы его ублажали, как кот, который любит ласку. Но когда гладят чуть-чуть против шерсти — сразу вцепляется в руку того, кто гладил. Мелкая капризная тварь — вот кто ты. Я ознакомился этой ночью с твоей биографией. Ты не более чем мажор, который на деле ни черта ни в голове, ни в душе не имеет. Ты — симуляция человека, ибо ты не человек вовсе. Что в тебе человеческого-то? Вот разнылся тогда из-за того, что кворона одного убил, а тут убил десятерых, занизил их число до восьмерых и захотел избить свою дочь, если ничего хуже не задумал, — Романо был беспощаден, когда зубы Шпака начали стучать, а сам он практически скатился в рыдания и пытался вырваться из комнаты вместе со стулом, но тот был привинчен к полу. — Что такое? Очередная истерика? А ты ведь еще в психиатрической лечебнице лежал в молодом возрасте. Ты всю жизнь психопатом был? Или тебе кто-то на яйца надавил так, что у тебя травмы пошли по всей психике? Да нет. Ты просто собачонок, который жизни не видел на деле, но зато с легкостью впадал в депрессии, различные психозы и прочее, когда сталкивался с какими-то проблемами, как девочка во время пубертата попытался порезать себе вены от неразделенной любви. Думал, и этого не откопаю? Да ты никогда мужчиной не был, Шпак. А если и был, то всего лишь по первичному биологическому признаку, — Романо ненадолго замолчал, а Чаки, судя по его лицу, стало даже как-то жалко Шпака, но директор продолжил. — Знаешь, что такое

эксплуатация? Не знаешь. Ты даже не понимал того, что значит эта цифра в двести процентов, а ведь именно ты довел ее до такого числа. И куда ты вбухивал деньги? Купил классный аэромобиль, квартируя когда-то элитном доме, еще одну квартиру... Но ни процента прибыли ты не выделил на расширение производства. Судя по тому, что нарыл Паук, большую часть времени ты проводил в ресторанах, барах и стриптиз-клубах. Вот это эффективный менеджер. А потом ты ноешь на тему того, что кризис сожрал твой завод? А как ты в кредиты влез, желая хорошо жить, когда прибыли стали редеть? — в этот момент Шпак прямо-таки заорал, а Романо лишь на время прекратил свою речь, пока тот не охрип и не стих. — А ведь ты, Шпак, был единственным сыном в своей семье, единственным ребенком. Родители погибли в аварии, когда тебе было двадцать лет, благо, был жив твой дедушка, в честь которого тебя и называли Генрихом, только вот странно... Однажды ты пришел к нему в гости. На следующий день он впал в кому. Ты ему ничего не подсыпал, Генри? А может, и родители были тобой убиты? Ты же психопат. Как ты только ВУЗ закончил? А... Точно... За счет взяток. И эти данные у меня есть, сразу через нескольких профессоров, которые подтверждают то, что взятки ты давал везде, где только мог. Даже по предметам, которые на зачет сдавались. Еще есть данные, что ты с одной преподавательницей переспал ради зачета, впрочем, ты был не первым, благо, ее уж давненько уволили. Что ты теперь можешь мне сказать, Шпак?

— Ничего... — Генрих к этому моменту уже частично успокоился, а сказал это настолько измученным и охрипшим голосом, что даже для Романо он стал человеком, достойным жалости, но лишь на пару мгновений перед тем, как тот нанес новый удар.

— Итак. Кроме твоей дочери, я лишаю тебя и той зарплаты, которую ты получал, но, если ты откажешься работать на меня, — тебя пришьют, если сам вздернешься — туда тебе и дорога, собака, а твою дочь я удочерю. Ничего страшного, Шпак. Таких, как ты — куча, поэтому давай... Успокаивайся, и уматывай отсюда, — достаточно холодно сказал Романо, нажав на кнопку освобождения.

Шпак, трясаясь, поднялся с кресла, а после вышел из кабинета. Взгляд его был мутным, и он, не замечая никого, пошел в сторону лифта.

— Нехило его Романо затюкал, — усмехнулся Билли. — Ну, ничего. Поделом.

Джек же в этот момент сильнее прижал к себе Киру, которая хотела было побежать за отцом, но негр ее удержал, говоря: «Ему нужно подумать и без тебя».

Затем из комнаты вышел Чаки, который улыбнулся и сказал: «Проходите вместе. Я здесь буду». После чего сам сел на лавку, на которой сидели Джек и Кира, а негр аккуратно поднялся вместе с девушкой и вошел внутрь, а дверь с небольшим шипением закрылась за ними. Девочка тряслась от одного вида того, кто смог довести взрослого мужчину до слез, но, кажется, Романо был уже настроен по-иному. Чаки он попросил выйти, в силу того, что не боялся никого из тех, кто войдет сейчас.

— Присаживайся, Кира, — человек улыбнулся и указал на стул напротив себя.

Она аккуратными и какими-то боязливими шагами все же дошла до стула не без помощи Джека, который встал за ее спиной.

— Вы, смотрю, стали не разлей вода, — Романо как-то добродушно, хоть и с небольшой хитринкой, улыбнулся этой парочке. — Будешь брать интервью?

— Нет, простите, господин Романо... Я... Я не могу. Сегодня не могу, — проговорила девушка, стараясь не встречаться взглядом с директором.

— Ну... Не готова, так не готова. Тогда мне нужно просто с тобой поговорить. Джек,

наверное, может идти. Там, с парнями парой слов перекинуться, если, конечно, ты не против, — девушка молящим взглядом посмотрела на Джека, но тот все же вышел из комнаты. — Слушай, Кира... Я думаю, что тебе стоит пожить отдельно от отца и все же побыть на более калорийной диете. Ты же вся исхудала. Под «стоит пожить» я имею в виду то, что ты поживешь отдельно от отца продолжительный срок, ибо его нужно изолировать от людей, пускай пока что подумает над тем, что сделал. Ты уже вся бледная, худая, одежда мешком висит. Поэтому думаю, что тебе нужна хорошая порция белков и углеводов, ибо анорексия — это дело не самое приятное, и даже в наше время, не всегда излечимое. Не следует себя так запускать. Это тоже не обсуждается. Жить же ты будешь в моих апартаментах, я там все равно появляюсь редко, ибо мой основной дом — это мой кабинет, а значит, ты будешь лишь с горничной, она там прозябает нынче без работы, наверное, вся измучилась, как бы кого-то покормить, да за кем-то прибраться. Какие-то вопросы есть?

— Да. Один. А что Вы сделали с отцом? — спросила девушка как-то боязливо, но все же не спросить этого она не могла.

— Просто небольшой курс психологии. Ни единого волоса с него не упало. Лучше скажи, что он с тобой сделал? Как вижу, небольшая ссадина на лбу, на шее, кажется, гематома. Больше ударов не было? — спросил Романо достаточно серьезно.

— Нет, — ответила девушка как-то неуверенно.

— Ну... Раздевать тебя я не собираюсь, не хочешь — не говори. Мой номер себе в телефон забей, — в этот момент Романо отдал девушке свою визитку. — Если что-то будет нужно — звони, если интервью надумаешь взять — тоже звони, выберем время. У меня тут небольшие праздники в силу того, что нога нынче немного не в той форме, чтоб за бандитами гоняться по городу или еще какую тварь из жизни вышибать.

— А... Господин Романо, а что было на станции?

— Зачистка борделя и нарколаборатории, считай. Ты за коронов особо не переживай, целый ряд из них выжили и взяты в плен, детей мы не убивали, поэтому воспитаем их в человеческих традициях или же гуманизируем их отцов и матерей, а далее они построят уже не стационарный, а городской клан. Я же не маньяк, чтоб убить каждого, — девушка в этот момент слегка улыбнулась.

— А это правда, что Вы герой войны?

— В каком-то плане — да, но это, думаю, стоит оставить для интервью, верно? — спросил Роберто, улыбнувшись.

— Да. Пожалуй. Я пойду? — спросила девушка, глядя на директора.

— Да. Джек тебя доведет до апартаментов, ты уже в базу занесена, поэтому по прикосновению к сенсору — двери откроются. Пока?

— До свидания, — девушка улыбнулась и поднялась со стула, после чего довольно быстро вышла из кабинета.

— Детки-детки... Куда ж вы попадаете, когда в этот мир приходите? Нет. Бога точно нет, иначе он бы не создал такого Ада, который имеем мы в наших мирах... — Романо протер глаза, а после и сам вышел из кабинета, не забыв свою трость.

...

Шпак не помнил, как добрался до дома, как вошел в дом, как оказался на кухне, и как в его руках оказалась бутылка какого-то крепкого напитка. Он выглядел довольно побито, боль от драки с Джеком напоминала о себе, но еще больше обжигало его собственное воспаленное сознание. Его личность будто разбивалась на десятки осколков, затем снова

собиралась и опять разбивалась вдребезги. Мысли о различных предательствах роились в голове, он чувствовал, что никому, собственно, и не нужен. Только бутылка и холодный ствол пистолета сейчас были его друзьями. Он вел диалог сам с собой, размышлял о своих перспективах и вдруг словно распался на две личности.

— Хе-хе-хе-хе-хе... Все предали... Романо — козел. Джек — падаль. Дочка — сучка, — на его лице была какая-то практически безумная улыбка. — Довели. Я, что ли, хотел кого-то убивать? Нет! Не хотел! Зачем мне убивать? Я же не убийца. Правильно ведь, Генрих?

— Правильно, — отвечал он сам себе, пересаживаясь на другой стул.

— Вот! О чем я и говорю. Они все постарались, чтобы я просто сошел с ума! Да-да-да... Они все были в сговоре.

— Точно! — он снова пересел на противоположный стул, а затем назад.

— Что делать-то теперь? На Романо я работать больше не хочу, ибо он тварь, — он пересел на стул напротив.

— Застрелись, — ответил он сам себе, а рука, будто не своя, потянулась к пистолету, подчиняясь воле второй личности.

— Да! Только перед этим надо выпить, да... — он снова сел на старое место, после чего открыл бутылку трясущимися руками, а после начал пить прямо из горла. — За былую жизнь и за ее нынешнее отсутствие! — крикнул он, после чего схватил пистолет, приставил его к подбородку, нажал курок и... Ничего не произошло, ибо он забыл снять с предохранителя. — Твою мать...

— Да! Застрели меня! — крикнул он, пересев на новое место, после чего вернулся назад и снял оружие с предохранителя, после чего направил пистолет в сторону пустого стула и нажал на спусковой крючок. В стене появилась дырка. С другой стороны, послышался громкий женский крик.

— А теперь моя очередь, — человек засмеялся, а после приставил ствол под нижнюю челюсть и нажал на спусковой крючок. Потолок окрасился в красный. Голова практически лопнула, раздвоившись на две неравномерно разодранные части.

...

— Здравствуйте, господин Романо, — человек в полицейской форме стоял рядом с телом, у которого разворотило голову. — Ваш сотрудник застрелился из своего пистолета.

— Угу... Он что-то оставил после себя?

— Ну, только записку. Гласит: «Скажите Романо то, что он имеет право на мою дочь, и то, что он козел». И номер Ваш написан. Как-то так, — полицейский с пышными седоватыми усами, положил записку назад, а после спросил. — Вы расстроены?

— Нет. Это довольно закономерно. Спасибо за информацию, офицер. Надеюсь нато, что Вы понимаете, что этот псих застрелился из-за того, что в очередной раз распсиховался? До этого он был довольно сильно возбужден, а также чуть ли не убил свою дочь, благо, она успела дозвониться одному из моих людей и попросить помощи.

— Да. Знаю. Оформлю его как самоубийцу, а труп кремируем. В любом случае, своей жене он не сильно нужен, судя по тому, что все ее вещи отсутствуют. До свидания, господин Романо. Хорошего дня, — проговорил офицер, а затем, услышав «Хорошего дня» в ответ, отключился.

Он посмотрел на откинувшееся на спинку стула тело, затем пробежался глазами по кухне, и снова взгляд лег на Шпака.

— Генрих Шпак расцвел маком... — слегка улыбнулся полицейский, глядя на

судмедэксперта. — Как Вам такая картина, Поль?

— Ничего необычного... Некоторые и в более интересных позах помирают. Помню, однажды пришлось описывать мужичка с вибратором в заднице... Бракованный был, так его закоротило, а это... Это, наверное, искусство, — усмехнулся мужчина, похлопав труп по правой щеке, а офицер посмеялся. — Черный юмор может выбить смех даже из таких кремней, как Вы, капитан Нильсон!

— Да... Это целое искусство! — ухмыльнувшись, проговорил коп.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Криг-3, строение 10, лифт,
06.01.2580, 09:00

Романо поднимался в кабинет коменданта с небольшим презентом. В портфеле у него находилась бутылка коньяка, а сам он был слегка весел, кажется, что самоубийство Шпака совсем не отразилось на директоре в силу того, что сам Шпак оказался явно не тем человеком, который заслуживал скорби, поэтому Роберто Романо и был в таком настроении.

Вскоре он вышел из лифта и проследовал мимо комнаты, а вернее, зала для экзекуций, направо по коридору. Далее рука аккуратно легла на дверную ручку, когда он медленно начал открывать дверь, увидел пистолет, направленный на себя.

— Ага. Романо. Ну, нужно же звонить перед тем, как прийти, — проговорил комендант, ставя пистолет на предохранитель, а затем положив его под стол. — Что-то нужно?

— Да... — Роберто на самом деле даже слегка волновался, когда разговаривал с этим человеком, но все же старался не показывать вида, хотя Калинин, вероятно, все это видел, ибо был очень и очень опытным следователем и дознавателем. Но Романо все-таки выдавил из себя нечто, что говорить не привык. — Я прощения попросить пришел. Ну, и давно не выпивали с тобой, Иван.

— О-о-о-о-о... Заболел, видимо. Пришел алкоголем полечиться? — спросил Калинин как-то язвительно.

— Ну... Можно и так сказать. Я войду? — Романо так и стоял в дверном проеме, пока Калинин не кивнул, после чего директор подошел к столу и достал из портфеля довольно дорогой коньяк. — По французской технологии и рецепту изготовленный, как ты любишь.

— Ага-ага... Французская технология! — воскликнул человек, заулыбавшись. — Не позорились бы хоть. Франции уж нет давно, да и Земли давно уже не видели, и не увидим, наверное. Это примерно как назвать водку «Русской» или «Финской», витрины прям изобилуют таким барахлом. Называли бы своими именами, а то порой такой бадягой барыжат, что хоть удавись.

— Да-да. Может, хватит ворчать? — спросил Романо, а человек снова ухмыльнулся. — Ну, правда, ты, Иван, уже как старый дед стал.

— А сколько мне лет, друг мой?

— Ну... На вид лет сто, — улыбнулся Романо, глядя на человека, что в этот момент рассмеялся.

— Ладно. Выкладывай. По какому поводу перетереть хотел? — спросил тюремщик, глядя на Романо.

— Помнишь Шпака?

— Ну?

— Застрелился.

— Правда? — человек удивился. — Знаешь... А он крепкий. Я б, если б дураком не был, так в первый же день после такого визита, как твой, застрелился бы.

— Ха-ха! — Романо отвел взгляд ненадолго, а после снова посмотрел на Калинина. — Вот скажи мне... Что с его женой делать? Явно же не убивать.

— Знаешь... Я б ее все-таки сплавил бы в бордель, она моих парней по-всякому обсирает. Ну, блин, мы кормим ее по первому разряду, все в этом духе, а она высирается как Омониан до того, как ты аппаратуру прослушивающую установил. Не знаю, что с ней делать. Выкинуть на улицу, и пусть живет, как хочет.

— Жесток ты, Калинин... Ой как жесток.

— А ты не жесток? Сколько народу из-за тебя на улицах оказалось? — усмехнулся Калинин, посмотрев на Романо.

— Ну. Что правда, то правда. Я жесток. Но все-таки, я хотя бы не напрямую их оставляю без дома.

— Так и я не оставляю, у Шпака же хатка была. Вот пускай там и живет, ей, наверное, понравится отмывать мозги с потолка. С дочкой-то его что? Она ж мамаше не сильно нужна. Я сам слышал, как она называла Киру змеей и проституткой будущей.

— Ага... Два сапога пара... — как-то грустно констатировал Романо.

— Это чего значит? — поинтересовался Калинин.

— Это значит то, что Шпак примерно то же самое говорил.

— М-м-м-м-м... — протянул Калинин. — Так они ж примерно из одной среды. Этот — сын буржуина, та — дочка буржуина. У этого хотя бы промышленники были, а вот у... Как ее? — Калинин щелкнул пальцами. — Карины, что ли. Я так ее и запомнить не могу, блеклая бабешка, но корчит из себя много чего, а ни ума, ни совести. Одного из охранников пыталась совратить, рассказывала про то... Тьфу... Даже говорить противно. В общем, ничего хорошего. Ну, так ответь. Что с Кирой?

— Я думаю, что не буду сообщать о его смерти. Зачем ей? Зарегистрируем его на рейс на другую планету, а потом покажем, что сбежал.

— Не боишься, что узнает однажды?

— Это верно... Боюсь, но что поделаешь? Девчонка худая вся, ее и так жизнью побилло с такими родителями, а тут еще я сообщу о смерти отца. В общем... Вариант не очень, просто помолчу подольше, если спросит — скажу о том, что застрелился, — Романо говорил это как-то слишком холодно, а Калинин наливал первые стопки.

— Ты вот скажи мне, Романо... А на кой ляд он тебе нужен был? Экспериментировал, что ли?

— Своего рода. Думал, что его можно как-то перелопатить, перелепить, но не вышло. Ломался он только сильнее и сильнее. Первый раз — да. Более-менее было. Потом штурм бара, там он убил впервые, ну так разнылся после этого. Потом и вовсе станция, так вообще головой двинулся. Не знаю, что у него там, в башке, было, когда он на дочь руку поднимал, но думаю, что мир ничего не потерял от его смерти.

— Это верно, Романо... Но у меня вот вопросец назрел, — Калинин в этот момент прямо-таки стал вглядываться в глаза человека. — Только ты мне ровно в глаза смотри, когда отвечать будешь. Вот гляди. Ты много раз говорил о том, что революция нужна, и не только. Менять нам это все надо. Но ты уверен в том, что такими способами? Шок-пех усиливают, а армия народ вряд ли поддержит, их же сметут всех, Романо.

— Смотри, Калинин, — директор смотрел ровно в глаза человека, ни единого движения. — У нас только один путь, то есть только этот. Чтобы народ начал двигаться — приходится его ограбить по полной программе, показать, какие мы звери и почему нас нужно уничтожать.

— Ты же самоубийца, Романо, и нас всех за собой тянешь. Ладно, я, но там ведь куча

молодых парней, которые должны дать потомство.

— А смысл от потомства, если им придется работать на таких же бесчестных работах, на каких работали их отцы? Чтобы что-то в нашей истории начало работать, нужно, чтобы шестеренки нашего исторического механизма были смазаны кровью, чтобы соски дойных коров ссохлись, чтобы люди поняли, что кровь, а не деньги являются важным. Поняли, что именно их кровь, энергия их мышц и мозгов создают капитал. Поняли, что вот я — это подлинное чудовище, которое является паразитом, высасывающим из них все соки. Именно я должен быть убит. Это будет первый шаг к тому, чтобы они пошли вперед. Может быть, что их подавят, но рано или поздно это начнет вспыхивать повсеместно. Армия без заводов — не армия вовсе, ибо у них не будет ни патронов, ни техники, ни снарядов для артиллерии. Армия — такой же паразит, как и я, поскольку армия сейчас направляет свое оружие не во благо людям. Мы помним то, что происходило в мирах Конфедерации. Так вот. Мы должны уничтожить все в их жизни, чтобы люди потеряли свои розовые очки, и я иду на это абсолютно осознанно.

Калинин как-то грустно усмехнулся, посмотрел с какой-то грустью и на своего начальника.

— Дурак ты, Романо. Мог бы жить хорошо, припеваючи, а вот эту идею на голову себе нажил. Зачем?

— А ты зачем нажил свою, Калинин? — спросил Романо, а человек напротив как-то болезненно улыбнулся.

— Потому что увидел всю бесчеловечность нашего государства. Вот сорок пять лет назад, когда ты пешком под стол ходил еще, был какой-то левый поворот у нас. Как сейчас помню, опять начали бизнесменов к ногтю прижимать, тогда некий Ульянов на президентский пост встал. Забавное, кстати, совпадение, один из сильнейших революционеров прошлого носил ту же фамилию, что и тогдашний президент, а потом его убили. И пошла жара... Пришел Герхардт Бур, который начал впервые прессовать «левых». Я помню, как мне приходилось выпытывать показания из молодых парней и девушек, — человек в этот момент прикусил губу, а после молча взял стопку и выпил одним глотком, после чего, поморщившись пару секунд, продолжил. — Сфабрикованные дела. Прочее. Сам фабриковал, а потом помню, как на одном из судов... Парнишка один отказался от показаний, потом другой, третий. Их всех приговорили к электрическому стулу. И вот тогда что-то щелкнуло. Я, Роберто, от тебя уйду, когда что-то начнется. Я с ними буду, — человек отвернулся, приложил кулак к губам, а после, вздохнув, вернулся. — С ними буду. С этими парнями, девушками, мужчинами и женщинами, стариками и старухами с горящими глазами, горящими от ярости и ненависти. Потом... — человек снова помолчал. — Потом пришел Бейл этот, смягчился, даже некоторых уже убитых реабилитировал, а сам «втихую» начал убивать. Я тогда в армию перешел. В военную полицию. Тут поднялся один из первых армейских бунтов. Бунт Майоров, так называемый, Селинский, Белых, Райз, еще кто-то. И из тоже потом пришлось допрашивать. Ты просто представь. Генерала, — голос человека на этом слове вдруг стал более тихим. — Генерала допрашивать. Я сначала мягко пробовал. «Ради чего? Зачем Вы выступили, генерал?», а он, кажется, Белых, сказал: «А чтоб вам тварям, не так просто жилось. Мы не забудем того, что творил Бур и в армии, и на гражданке». Вот это я запомнил.

— А почему Бур? Это же кличка, — спросил Романо, перебив.

— Бур, потому что он какой-то метеоритно-шахтерской кампанией заведовал, ну и

методы остались. Он вглубь действовал, так что почти все движение зачистил, но на тех же профессоров еще не лез, да и на армию тоже. А вот Бейл — организовал шок-пех. Я же, по сути, шок-пехотинцем стал, я даже присягу лично президенту давал, но... Недолго я протянул, будучи шок-пехотинцем. Это было единственное дело, которое я вел. И то... Допрашивал только Белых, но меня отстранили, ибо больно мягко работал. Тогдашний шок-пех, кстати, сильно страшнее местами был. Туда натурально эков набирали местами, или наиболее отпетых ментов, ну, это на позиции уже более-менее важные. Экам, кстати, вшивали тогда чипы-ингибиторы, там и сейчас у шок-пеха в голове почти компьютер, но сменили прямое управление на идеологическую промывку и отбор этих уродов из «верхов». И вот поэтому... Шок-пех нынче более человечный, но лучше их не злить. Ну так вот... Мне хватило Бунта Майоров, я назад в ментуру вернулся. Осадок такой тогда, помню, остался, и еще вижу то, как бизнесмены снова начали голову поднимать, а как начали... Так сразу рост преступности пошел. Эти гады начали автоматом понижать заработную плату, — человек загнул первый палец. — После этого начинается большая закупка алкоголя людьми, жить плохо становится, — загнут второй палец. — Дальше. Тут же начинает повышаться число преступлений в состоянии алкогольного и наркотического опьянений, — загнут третий палец. — Растет число срывов психических. Порой возникают теракты на основе как раз того, что унижают теперь, деньги, последние по факту отжимают. И бандитизм параллельно начинает дышать полной грудью, ибо бизнесменам нашим кроме ЧОПа нужен еще и кастет бандита для того, чтобы конкурентов шугать и убивать порой, — загнуты четвертый и пятый пальцы. — Вся Федерация сразу стала криминогенной зоной, а параллельно шли сокращения учителей, врачей, преподавателей из ВУЗов, сокращения финансирования. Частные школы стали массово открываться, гетто стали образовываться. Помню, как начали снова строить челоуейники, причем понавтыкали так, что люди банально разъехаться во дворах на колесных машинах не могли. А ближайшая стоянка подземная на тысячу мест, квартир в районе около пяти тысяч и однушек, и двушек, и трешек. Как думаешь? Это нормально вообще? А сколько недостроенных осталось? Сколько народу обманули, а сами обогатились и свинтили в центральные миры. Да... А потом была рогарийская война. Предпоследняя, — человек замолчал, потом налил еще одну рюмку и тут же ее выпил. — Тут же еще более весело было.

— Подожди. А вот ты сказал, что в шок-пехе был?

— Скажу сразу. Мне чипов не вставили, ибо я тот, кто расследованиями занимался, им и сейчас не ставят. Так вот. Рогарийская война. Это, знаешь... Была одна из первых наступательных войн. Не они пошли на нас, а мы на них. Решил Майер отомстить, а также дать возможность оружейникам сплавить лишнее оружие. Мясо было такое, которого я никогда не видел. Мы тогда сначала успешно пошли, а потом флот императора из стелс-режима напал на наши крейсера, что над планетами парили. И все. Я вот на планете застрял тогда. Потом два года в плену. Благо, попал к нормальному феодалу, и он надо мной не измывался, зато много со мной говорил. Я всегда рогарийцев считал чем-то тупым, но сильным, а этот оказался, напротив, довольно умным. Он говорил о том, что мы нарушили мир, когда рогарийцы нарушали его только тогда, когда срок мирного договора истекал, и за это будет страшная месть. Они выбили нас со своей территории, затем отобрали что-то около трех систем и не вернули. Они их осушили и превратили в пустыни. Мы этого никогда не восстановим, ибо хоть Заснежин и провел грамотную атаку последнюю войну, но генералы и адмиралы на других линиях фронта были продавлены, а значит в итоге и планеты

назад вернуть не смогли. Вот это все и привело меня к тому, что я сейчас твой единомышленник, но... Мне кажется, что ты все равно перегибаешь.

— Есть один факт. Люди не реагируют на постепенное ухудшение их жизни. Нужен шок. Поэтому я и делаю так, как считаю верным. Ладно... Поговорим о чем-нибудь попроще, Иван? — спросил Романо, глядя на тюремщика, а тот лишь улыбнулся.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Центр-1, строение 22, этаж 10, кабинет 1003,
07.01.2580, 09:00

Романо снова находился в своем кабинете, трость стояла рядом со столом, а в кабинет вошел Фирс.

— Здравствуйте, господин Романо. Вы хотели меня видеть? — человек был немного взволнован, но эта взволнованность не смутила Романо, ибо Фирс всегда был сам не свой, по крайней мере, последнее время. Теперь он превратился из управляющего в управляемого, и даже его дыхание сменилось на какое-то учащенное, а сердечко начало биться по-мышинному часто.

— Проходи, присаживайся, — Романо довольно спокойно сказал это, а Фирс аккуратно прошел внутрь и сел, его глазки бегали по комнате, а сам он немного нервничал. — Какое у меня к тебе дело? Есть у меня определенные сомнения по поводу твоего друга. Бормана. Как уже знаешь... Кто-то слил информацию о шок-пехе, которая попала в руки вожаку кворонов. Есть у меня определенные сомнения в Бормане, ибо он, в отличие от тебя, не особо лоялен ко мне и корпорации. Можешь рассказать, были ли у него контакты с МилитариКорп?

— Ну... Это сложный вопрос, господин Романо. Вы, наверное, знаете о том, что мы с ним довольно сильно рассорились в связи с нашей новой работой... Ну... Я не следил за тем, что он делал и прочее. Я ничего не могу рассказать, Романо. Хоть убейте, но никакой информации выдать не могу, — бесхитростно проговорил Фирс.

— Хорошо. А раньше? — спросил Романо, довольно подозрительно посмотрев на человека.

— Я скажу так... Мы работали с местным директором. Собирали его личный аэромобиль, так что да. До этого момента связи уже были. Договаривался с ним, в основном, как раз таки Борман. Если эта информация как-то поможет, ну, знайте о том, что Борман и Бакус были довольно близкими друзьями, поэтому... Возможно, что мой друг — это агент МилитариКорп, — человек в этот момент опустил глаза. — Вы только его не пытайте. Можно выяснить все проще. Паук, мне кажется, может за день отсмотреть записи с камер всех ресторанов и прочего. Плюс жучок подбросить самому Борману.

— Угу... Хорошо, Фирс. Ты молодец, — улыбнулся Романо.

— А у меня вот вопрос, — с каким-то пересиливанием себя проговорил Фирс.

— Задавай.

— А Вы бы не могли дать мне те книжки, которыми владеете? Я просто, ну... Явно слышал в Ваших словах определенную марксистскую риторику. Мне бы самому хотелось это изучить, а Вы явно имеете доступ даже к тем ресурсам, которые ныне запрещены.

— Для начала я должен тебя проверить, Фирс. Точно ли ты готов к тому, чтобы изучать подобное и не сдать ли ты меня тем же идеологическим отделам нашей Федерации.

— Романо, Вы меня, конечно, извините, но, чтобы Вас сдать, хватило бы и записи на диктофон вот этой, сказанной Вами, фразы. Если бы я хотел, Вы бы уже гнили в тюрьме, Романо, вне зависимости от того, насколько страшные за Вами стоят люди. Тут, кстати, прослушки нет? — спросил Фирс, насторожившись.

— Нет. Паук с этим помог, всю прослушку, которая только была, вывел из строя одним зарядом ЭМИ. Потом, правда, пришлось компьютер заменить, но это лучше, чем постоянно включать глушилку. Ну и... Телефон тоже пришлось сменить. Он потом удивлялся тому, что тут почти через дециметр по жучку находил, поэтому можно не бояться, — Романо, после этого, улыбнулся. — Ну хорошо, Фирс, в таком случае я перекину тебе часть трудов, они замаскированы под тома «Камасутры» и также подписаны.

— Вы точно мне какую-нибудь талерианскую Камасутру или кворонскую не скинете? — спросил как-то настороженно Фирс.

— И ту, и другую скину. Через десять страниц начинается том Капитала. Сделано это так, поскольку зачастую проверяют лишь первые десять страниц, чаще, даже меньше. Вот так как-то, — ухмыльнулся Романо, а Фирс тихо захихикал.

— До чего народ дошел... — после чего снова засмеялся, а после, утерев правый глаз, сказал. — Хорошо. Я Вам поверю, но, если там не окажется экономической теории Карла Маркса, я буду на Вас очень обижен. Я свободен?

— Свободен, — ухмыльнулся Романо, после чего Фирс поднялся и вышел из кабинета.

...

Кира жила в апартаментах Романо уже третий день. Здесь время от времени бывали Джек и Билли, да и Паук пару раз бывал, проверял какие-то приборы, молчаливо и спокойно. Вот и сейчас Паук что-то настраивал, его шлем, кажется, всегда был на нем, этот шлем будто был создан лишь для устрашения. Кира все-таки пересилила себя и решила спросить, кто он вообще такой и, как ни странно, завязался разговор.

— Иоганн Август Крайт. Если говорить о земном происхождении, скорее всего, либо Юг Франции, либо Италия, либо Испания. На этот счет я ничего не уточнял, да и архивы во многом повреждены, поэтому не удастся восстановить базы данных с Земли. Что касается происхождения уже здесь... Я скажу лишь то, что моя планета — Аврелия. Один из миров центра. О семье говорить не приходится, ибо ее не было. Повезло с тем, что я попал в не очень хорошую ситуацию, а далее стал одним из подопытных кроликов для новых систем чипирования, а также схем киборгизации. Мои создатели поплатились за то, что изуродовали меня, ибо создали практически идеальную машину для убийства. Каждый из них был убит, с тех самых пор я и являюсь практически живым олицетворением машины. Во мне огромное множество самых различных железок, и не только в голове. Я присяду? — спросил киборг, глядя своими восемью окулярами на Киру, а та, сглотнув, кивнула, после чего человек сел чуть подальше от девушки. — Вы боитесь меня. Забавно. А я ведь невиновен в своем облике и, быть может, пугающей манере поведения, Кира. Меня сделали таким, но я Вас не виню. Все же человеческая психика воспринимает враждебно практически любую инородность, а Вы разговариваете с практически живым трупом. Мне интересны Вы. Можете рассказать что-то, кроме того, кто Ваш отец, мать и так далее, и тому подобное? — спросили бледные губы, как-то неумело улыбнувшись.

— Ну... — Кира посмотрела на создание, что сейчас сверлило ее своими «глазами» без зрачков и у нее по спине пробежал какой-то холодок. — Вы же сами можете все обо мне узнать.

— Могу, но это не имеет интереса. Я давно не общался с кем-то в формате живого диалога, а также не анализировал эмоций людей. Я, признаться, изголодался по такому опыту, поэтому должен попросить Вас рассказать о себе как можно больше, ибо мне все-таки не хочется отупеть в плане общения, — он снова как-то не очень умело улыбнулся.

— Ну... Я Кира Генриховна Шпак. По поводу происхождения с Земли — сказать ничего не могу, но... Наверное, мне есть что рассказать. Отца моего Вы, вероятно, знаете, поэтому ничего особенного про него не расскажу. Сама поступила на учебу по направлению «Журналистика» в колледж номер три.

— Колледж номер три в народе носит название «Дружбы слова и дела»... Если не ошибаюсь, чтобы пройти туда, нужно пройти хороший отбор. Расскажите об отборе. Как это протекало, именно с Вашей стороны, — Паук словно исследовал девушку, сидящую напротив, а у нее снова пробежал холодок по телу, он пробегал каждый раз, когда эти губы мертвенного цвета двигались.

— Хорошо. Отбор в основном был связан со вступительным испытанием, ну и тем, как ты закончил школу. Собеседование и сочинение были вступительными испытаниями... — Кира отвела взгляд от Паука, а тот в этот момент облизал свои холодные губы. — Сочинение было на тему «Человек, как субъект исторического развития». Написала, вроде бы, хорошо. Получила балл чуть ниже максимума, где-то девяносто с чем-то. Собеседование... Там был сам директор колледжа, крепкий такой мужчина, ну, и два старших преподавателя. Я помню... Было как-то страшновато, ну... Как с Вами сейчас. Волнительно как-то. Язык кое-как слушался, но... Когда был задан первый вопрос. Все. Как будто что-то щелкнуло. Сердце билось очень сильно, ну, и я довольно быстро говорила. Уже не помню что, но директору понравилось. Он тогда почти сто баллов и поставил. Там какую-то проблему отметил, ну... То, что тараторка типа. Как-то так.

— Несмотря на полную ничтожность родителей, у них получился замечательный ребенок, — проговорил все тот же практически безэмоциональный голос. — Кира? А вот, скажи... Каково это? Пережить нечто страшное со стороны своего родителя?

— Страшно. Просто страшно. Я не буду говорить на эту тему, Паук. Не хочу, — проговорила девушка, отведя взгляд, а Паук кивнул. — Вот лучше скажи мне... Как папа показал себя на станции?

— Ты до сих пор называешь Шпака «папой»? Мне кажется, что более тепло к тебе относится Джек, но ладно. Твой отец вел себя довольно... Смело? Для гражданского, но не более. Когда он пришел в космопорт, как говорит Билли, «разнылся». Потом вел себя также во время полета, а вот уже на станции... Сыграло его звериное. Помню, как он без единой мысли направил ствол в того кворона в баре. Бах. И нет кворона. Вот и здесь также. Могу сказать одно, убил он достаточно и никого особо не жалел. Он кажется размазней, а на деле был способен на нечто более страшное, чем убийство «жаб», как называет кворонов Милет Жабодав, — Паук наклонил голову сначала вправо, разглядывая лицо девушки, затем влево, будто бы анализируя тонкость и хрупкость шеи. — Могу отметить одно. Ты очень худая, а это ой как нехорошо для организма. Сбоев внутри цикла еще нет?

— Я не буду отвечать на такие вопросы, — Кира сразу нахмурилась и поджала губы, а на губах Паука снова возникла улыбка.

— Хе-хе... — как-то металлически усмехнулся он. — Женская натура, но это верно. Вопрос довольно интимный, поэтому какой-то «левый дядька» не имеет права даже задавать такой вопрос, но что ж поделать... Я стараюсь сразу познать все и поинтересоваться всем. Природная любознательность, так сказать. Хочу отметить, что твое лицо обладает довольно тонкими и милыми чертами, по крайней мере, так люди обычно это обозначают. Интересен профиль, словно на старых монетах, на которых время от времени выбивались образы императриц или королев.

— Ты рассматриваешь меня, как предмет... — девушку даже передернуло от этих множественных бесстыжих слов и, вероятно, такого же взгляда под шлемом.

— Ну да. Ты и есть предмет, но я бы обозначил тебя более научно — объект исследования. Но что же, судя по тому, что читается на твоём лице — мне пора идти. Я оставил пульт на столе, лучше носи его с собой. Если что-то недоброе будет происходить. Скажем, кто-то станет ломиться... Только нажми на кнопку, и поднимется тревога, затем подойдут бойцы, которые находятся поблизости. Те же, кто ломится, будут, как минимум избиты, а как максимум убиты. Дальнейшая их судьба — тебя волновать не должна. Удачного дня, — Паук улыбнулся в последний раз, а после вышел из комнаты.

Девушка же молча проследила за выходом этого не слишком высокого человека, но устрасал он значительно сильнее, чем многие громилы. Было в нём что-то такое, кроме его шлема, что внушало страх. Манера речи... Он будто бы исследовал вообще все, что видел. Ученый? Вряд ли. Скорее какой-то разведчик...

...

Паук вскоре был уже в кабинете Романо, он сел перед своим начальником, а сам, кажется, что-то анализировал.

— Ну, здравствуй, Иоганн. Вот работаешь ты на меня уже достаточно продолжительное время, а я так о тебе особенно ничего и не знаю. Расскажи о себе, пока у нас есть время, — Романо в этот момент улыбнулся, а на трупного цвета губах также появилась улыбка.

— Пожалуй, Вы правы, Романо. Как знаете, я был направлен к Вам корпорацией по Вашей же просьбе, но я предполагаю, что этой информации недостаточно. Нужна именно моя биография. Что же... Повторю примерно то же самое, что и Вашей новой «дочери», — металлик в этот момент оскалился, правая рука, которая легла на стол, сжалась в кулак и задрожала от напряжения, после чего он выдохнул и снова обернулся к Романо. — Только полагаю, что нужны более точные данные. Поэтому расскажу подробнее. Я старше Вас, Романо. Мое юношество пришлось на правление старшего Бура, а во время его четырехлетнего правления происходили самые страшные вещи, которые касались и экспериментов над людьми. Я — один из тех людей, которые подверглись подобным экспериментам. Если документы, которые я скачал с корпоративного компьютера, верны, я был тем, кто должен был стать суперсолдатом. Суперсолдатом, который должен был быть способным взломать любую систему защиты за счет того, что имел доступ ко всему — по сути, являлся частью этой системы. Но произошла определенная рассинхронизация, это связано со временем нынешним, из-за этого я потерял часть возможностей, которыми владел ранее. Так, я не способен более проникнуть в военные базы данных напрямую, без доступа к определенным серверам, несмотря на то, что Федерация довольно сильно деградировала со времен Бура. Военные технологии продолжают совершенствоваться, но суть остается та же, но вернемся к моей истории. Где-то в девятнадцать лет я попался на глаза какому-то странному человеку. Высокий мужчина, с огромным количеством имплантов. Я был воспитан в приюте, судя по всему, являлся сыном какой-то невезучей проститутки, даже не судя по всему, а являлся. Кроме того, не имел особенных достижений на тот момент, а значит, моей пропажи никто бы и не заметил. Таких парней было много по всей планете, и я не знаю почему «повезло» именно мне. В один день этот мужчина и еще пара амбалов вломились в мой дом. Ну, как мой? Съёмная студия, вроде была пять на восемь, с совмещенным жилым и кухонным помещением. Взяли быстро, ибо был я тогда не силен. Скрутили, а далее повезли куда-то. Как оказалось, я был не единственным мальчишкой,

которого взяли. Нас было человек десять... Здание законспирированное, нас держали на втором подземном этаже, ну, специально, чтобы никто не услышал ни криков, ничего, чтобы нас точно никто не спас и так далее. В первый же день провели какие-то странные замеры, проверили группы крови, убедились, что у всех четвертая, а далее начали нас откармливать. Питательные продукты, о которых тогда я мог лишь мечтать, тем более на свою зарплату водителя погрузчика. Знаете, Романо... Нет ничего страшнее нищеты. Когда ты питаешься одними углеводами, но тебе просто везет со строением твоего тела и метаболизмом, что и не позволяет углеводам тебя раздуть, но вернемся к нашему страшному заведению, — Паук сделал небольшую паузу, улыбнулся, после чего пробарабанил несколько раз пальцами по столу, кажется, выплескивая ярость, и продолжил. — Так вот. Примерно через три месяца начались первые операции. До этого нам ничего не говорили... И лучше бы я сдох там, на первой же операции. Но я выжил. Голова раскалывалась. Я чувствовал, что мне буквально вскрыли череп и был прав. Нас не зря побрили в день перед операцией. На окружности черепа, вот здесь, — Паук указал место примерно рядом с виском. — И дальше, все было в швах. Зашили не на скорую руку и, видимо, стальными нитями. Голова раскалывалась на протяжении, кажется, недели-двух. Это был Ад. Форменный. Я тогда в Бога на время поверил, молился ему, хотел, чтобы ко мне на помощь пришел ангел и избавил меня от мучений. И ангел пришел... Девушка с красивым лицом, вывезла меня из моей камеры, а затем повезла в операционную... До сих пор помню, как этого «ангела» убивал, это я особенно отчетливо запомнил в день моего побега. Но вернемся в «День Ангела». Мне снова вскрыли череп. Установили какие-то новые чипы. Голова болела еще сильнее... Я бредил. Не знаю, сколько. Вроде бы, даже в кому впадал. Тогда нас оставалось от силы трое, но, в итоге, я остался один. Они этого не ожидали. Они думали, что мы все сдохнем, но начали образовываться иные проблемы. Сердце в силу нагрузок остановилось, тогда они как-то установили специальные электроды в сердце, оно продолжило качать кровь, ну и, отчасти, доктора заменили сердце на синтетическое. Сами видите, насколько мертвенна нижняя часть моего лица. Это все от того, что электроды бьют относительно редко, но достаточно для функционирования моей жизни. С другой стороны, во время боя мое лицо становится более живым — это связано с тем, что электроды начинают бить чаще. Вся эта система имплантов была относительно совершенна. Действительно, технологии времен Бура были очень и очень сильными. Я бы даже сказал... В сравнении с нынешними, это величайший уровень. Далее... Мне устанавливали новые и новые импланты. В итоге они сами не поняли того, что создали. Как оказалось, во мне имеется часть марлеонских чипов «для людей», что и позволяет мне настолько эффективно сражаться и параллельно с этим использовать объекты окружения и прочего. Это все было очень и очень страшно. Они также подключили ко мне довольно странную систему, которая контролировала мой сбор данных. То есть уровень того, как мой мозг наполняется информацией. Программу я изменил, чипы помогли... Те, что принадлежали Марлеону. Они так просто рассказывают о коде той или иной программы, что остается только удивляться. Я изобразил свою деменцию. Тогда я уже был тем, кто способен перебить их всех. Чем больше я собирал информации — тем сильнее уровень знаний «падал» на этой программе, что вводило людишек даже не в заблуждение, а в какое-то странное положение полного непонимания того, что происходит. Ученые мужи крутились вокруг меня, а я все пожинал и пожинал новую и новую информацию. Однажды установил себе всю карту этого здания. Затем начал изменять турели в плане того, кто должен являться их врагом. Рассматривал снаряжение своего противника. Помню, выявил

два экзоскелета, примерно как у Билли. Медленно, но верно, я готовился к побегу. Еще несколько недель, и я собрал всю информацию, которая мне требовалась, получил все данные, связанные с теми, кто находится внутри здания, и так далее. В один день меня снова повезли в операционную, думали снимать чипы, как понимаю, хотя бы часть этих чипов. Ну и... Пришел конец. Сначала я перебил хирургов. Дверь заблокировал, чтобы никто не убежал и не вошел раньше времени, свет также отключил, а везде начали раздаваться выстрелы турелей. Происходил Ад, а я взялся за эту медсестричку, признаться... Если бы мой мозг не был столь поврежден, я бы, вероятно, ее изнасиловал, но я был не способен на это, поэтому я просто ее разделал. Она очень громко кричала, но... Мне было наплевать. Я, кстати, сохранил скальп ее лица при себе. До сих пор ношу с собой, как талисман, — Романо как-то передернуло от этих слов, но он не показал того, что это как-то его беспокоило, кажется, он понимал Паука в его действиях и принимал их. — Дальше я вышел наружу. Был у меня только скальпель, но и его было достаточно. Импланты, связанные с тепловизором, ПНВ и так далее, позволяли взять верх над медбратами, и лезвие прошлось по их глоткам. В этот момент, в зону близ операционной вошел боец в экзоскелете, до сих пор помню его визг, когда дверь вдруг прижала его. Это была одна из моих способностей, да и сейчас она осталась. Если сделать так, что дверь закроется в аварийном режиме — любой будет разрезан на части или очень сильно придавлен. Боец в экзоскелете — был из вторых. Было довольно интересно снимать с него шлем, а затем выкалывать оба глаза и, только после этого, разрезать глотку. Турели же прекратили огонь. Почти весь персонал нижних уровней был перебит. Я лишь нашел остатки, тогда, кстати, я этот шлем и нашел в оружейной. Таких всего три штуки там было, ну и, судя по всему, готовились они для трех таких бойцов. Я ушел наверх, перед этим взял пулемет и далее уничтожал всех оставшихся. И бежал. Благо, карта города не сильно изменилась за два года. Но это если рассказывать очень кратко. Там было очень много интересных ситуаций, но я, наверное, не стану заострять внимание на каждой. Затем я залег где-то на десять лет, а еще в офисе затер всю информацию о том, кто я и что я, да и чем занималась эта маленькая корпорация.

— И это все ты сделал в одиночку? — спросил Романо, пристально посмотрев на Паука.

— Я суперсолдат, Романо, а там были довольно хилые наемники. Судя по всему, корпораты были жадные, не решились организовать охрану из ветеранов. Это все было кровавой баней. Еще было убито множество полицейских. Но это уже во время моих скитаний. Все же «человека с восемью глазами» искали, а значит, я был вынужден убивать и головорезов, и полицию, благо, вскоре удалось забраться на грузовой корабль и улететь с Аврелии, далее на миры периферии, кстати, интересно... У меня стоял маячок, благо, инопланетные технологии многое могут рассказать о твоих собственных имплантах и я сломал этот «маячок». Правда... Пришлось самостоятельно вскрыть голову, но это было несложно. Потом, правда, пришлось навсегда надеть этот шлем, но это мелочи. Важно то, что я выжил. И я ненавижу эту систему так же, как и Вы, Романо. Только вот я ненавижу ее на уровне подсознательном. Я видел и страшную эксплуатацию, и эксперименты над людьми. Я видел то, чего Вам, Романо, во многом повезло не видеть. И можете мне верить. Вас я не предаю. Но это же не главное, зачем Вы меня позвали сюда? — улыбнулись мертвенные губы киборга.

— Верно. Ты, Паук, знаешь о том, что у нас скоро случится война с МилитариКорп. Так вот... Среди нас есть крыса, предположительно, это Борман. Тебе нужно выявить все его встречи с директором Бакусом и доложить об этом мне. Желательно... Поймать Бормана за

руку. Прямо в момент очередного разговора, и записать этот разговор.

— Значит... Требуется установка прослушивающих жучков на предметы Бормана, а также слежка по камерам ресторанов, и не только за ним. Верно понимаю?

— Верно.

— Я могу приступить к исполнению?

— Можешь, только будь аккуратнее.

— На этот счет не беспокойтесь, господин Романо. Аккуратность — одна из главных моих черт, после преображения, — усмехнулся Паук, поднимаясь с места и выходя из кабинета.

— Мрачный тип... — пробормотал Романо.

...

Паук двигался на восьмой этаж, где находился кабинет Бормана. Он шел довольно быстро, а затем остановился у кабинета «816», на двери которого висела табличка со знакомыми буквами, обозначающими фамилию. Паук остановился, затем подключился к камере, которая стояла внутри, никого не было на месте, затем переключился на камеру столовой на третьем этаже, в обзоре которой была видна туша господина Бормана возле кассы. Тут же Паук подключился к двери и открыл ее, после чего, осмотревшись, вошел внутрь. Довольно неряшливое помещение, вот возле компьютера стояла коробка с недоеденной пиццей, в одном из углов виднелась переполненная мусорка, все было заляпано жирными руками этого неприятного типа.

Крайт же практически не обратил на это внимания и подошел к компьютерному столику, где находился выдвинутый монитор, далее рука легла под люк, из которого и выводился монитор, там и разместился жучок. На один из окуляров он вывел картинку камеры столовой, где было видно, что Борман уселся за один из столиков и начал довольно развязно флиртовать с какой-то девушкой из младшего персонала. По крайней мере, так показалось Пауку, судя по мимике жирдяя и жестикуляции. Затем был открыт шкаф, а жучки разместились в каждом костюме, что находился там. В основном Паук размещал их в подклад, дабы точно не быть раскрытым. Быстрые движения, небольшой разрыв внутренней части одежды, а затем вставка туда жучка, после чего такое же быстрое «зашивание» подклада, с помощью какого-то маленького, но быстро прошивающего устройства. Затем вещи вернулись в былое положение, с этим помогла фотография внутренностей шкафа перед работой по встраиванию жучков.

После этих действий Крайт спокойно вышел из кабинета, затем заблокировал дверь и стер из базы данных открытие этой двери, а также дублировал видео с камер на тот промежуток времени, пока находился внутри.

...

— А Вы красивы, Анна, — улыбался Борман светловолосой девушке, что сидела напротив него.

— Спасибо, господин Борман, но я все же занята, — улыбнулась девушка, глядя на человека, который явно не имел каких-то благих намерений.

— Ой... Что Вы, что Вы? Я даже не думал, просто подметил, что Вы действительно красивы, — улыбнулся толстяк, чей второй подбородок в скором времени должен был перейти в третий. — А как насчет прогуляться после рабочего дня?

— Я, пожалуй, откажусь, господин Борман, — улыбнулась девушка, в столовую довольно быстро зашел Паук, он быстро подошел к столу, а далее положил руку на плечо

толстяка.

— Извините, господин Борман, но, кажется, что Вы что-то перепутали. Это девушка моего друга — Адольфа фон Кенигсберга. Это неправильно, вести разговор с чужими женщинами, тем более, мой друг довольно крепкий парень, да и я смогу помочь в том, чтобы нанести Вам определенные увечья, — в момент этих слов он воткнул жучок под ворот. Сам же Борман в этот момент покраснел и выскочил из-за стола, что-то буркнув, после чего Паук сел на его место. — Не говорите своему другу о том, что я отвел от Вас Бормана. С Адольфом мы незнакомы и не общались, поэтому лучше ему о сегодняшнем не знать. Вам понятно, милая леди?

Голос Паука в этот момент был столь же пугающим, как и его бледная кожа.

— Да, понятно, мистер... Эм... Я Вас не знаю, — проговорила девушка, смутившись.

— Я один из личных телохранителей Романо. Этого достаточно, — Паук поднялся из-за стола, после чего пошел к лифту, а далее спустился на первый этаж.

...

Борман пыхтел, находясь в лифте, его прямо-таки распирало от злобы, но он понимал, что тот, кто перебил огромное число кворонов, имеет большое число имплантов в голове и не только, для него, заплывшего жиром человека, непобедим, а значит даже вступать в полемику бы не следовало. Вот лифт открылся, и он вошел на восьмой этаж, после чего, так же злобно пыхтя, прошествовал по коридору вплоть до своего кабинета, затем открыл дверь нажатием на сенсорную панель и вошел внутрь. Хотя, вернее сказать, влетел, после чего дверь закрылась за его спиной, а сам Борман сел за свой компьютерный столик и тут же выбрал контакт некоего Макса в своем голографическом меню. Его глаза метались туда-сюда, а сам он до сих пор пыхтел от злобы и пройденного слишком быстро пути.

— Алло, Макс! — громко сказал человек. — Я уже не могу... Эти твари меня бесят.

— Успокойся, здоровяк, — послышался голос прямо в голове бугая.

— Да как успокоиться?! — громко спросил Борман. — Я сидел, флиртовал с милой девушкой и тут ко мне подлетает один из мордovorотов Романо и начинает угрожать тем, что начистит мне морду!

— Успокойся.

— Когда МилитариКорп собирается слить этих центрицев?

— Сейчас мы заняты тем, чтобы убрать Романо с планеты. Работа с кворонами, как знаешь, пошла прахом.

— Да я готов подключить копов к этом делу! В любой момент! — говорил толстяк, все сильнее и сильнее краснея.

— Да бесполезно подключать полицию. У Романо там свои связи... Как ты не понимаешь?

— И нахрена я сливал вам инфу, Макс? — Борман все тяжелее и тяжелее дышал, а голос его все чаще и чаще начинал срываться чуть ли не на визг.

— Ты откуда ведешь разговор?

— Из кабинета. А что? — Борман вдруг прозрел. — Хорошо. Нам надо встретиться в более приватном месте. Клуб «Амур», может быть?

— Там лучше. Возможно, в твоём кабинете прослушка, и ты сейчас слил все, поэтому... Лучше «намеченное» место, — проговорил человек на той стороне связи, после чего отключился.

У Бормана же в этот момент рука легла на грудь... Он довольно громко сглотнул, а

после посмотрел на экран компьютера, после чего поднялся. Пара моментов, и туша оказалась возле шкафа, он быстро надел на себя довольно просторную куртку, после чего быстро застегнулся и практически выбежал из кабинета. Дальше к лифту, и вниз.

...

— Интересный тип, — ухмыльнулся Паук, смотря на карту этажа с перемещениями самого Бормана. — Забавный кадр, да еще и такой громкий. И даже не боялся того, что его прослушивают. Интересно-интересно... — В одном из окуляров он просматривал записи с камер видеонаблюдения из кабинета Бормана. — Это что? К нему полиция приходила со специальными визорами, сканерами? Или какой-то гений прослушки и прочего из МилитариКорп? Так-то его можно и сейчас взять, но... Да. Я разговариваю сам с собой... Ну ничего. Всегда приятно поговорить с умным человеком, — ухмыльнулся сам себе Паук, смотря в зеркало одной из служебных машин на воздушной подушке.

Паук уже успел поставить маячок на машину Бормана. Тот же довольно шустро залез в свое транспортное средство обтекаемой формы, после чего довольно резко начал выезжать с парковки.

— М-м-м-м-м... Прозрел. Значит, будем, как и раньше, двигаться за целью через квартал от нее.

...

Борман был довольно опытным водителем, да и в целом, человеком, который обладал определенной чуйкой в плане того, что за ним могут следить. Отъезжая от офиса КаренияИндастриз, он всегда менял машину на другую, но в этот раз не смог предугадать того, что даже в его одежду встроены какие-то маяки. Вот он останавливается во дворе одного из кварталов и пересаживается на другое средство перемещения. Мотор снова издает довольно громкий рев, а сам Борман довольно быстро выезжает с очередной парковки, после чего двигается в направлении назначенного места в виде Парка Свободы.

...

— Угу... Двигается в интересном направлении. Немного из центра, — констатировал Паук, следя за движением Бормана, а сам двигался за ним, как и предполагал с расстоянием между машинами в квартал. — Парк Свободы, полагаю. Забавное название, учитывая, что в нем над парком возвышается фигура Герхардта Бура. Парк большой, а значит, удобный для того, чтобы самого Бормана там слить. Да... Со стороны МилитариКорп, это был бы довольно логичный ход.

...

Вскоре Борман был уже на месте. Он выходил из машины, далее зашел в парк, но направился не в его центр, а скорее двигался по его, под старину оформленному, ограждению. Действительно, это было одно из тех редких мест, где парк до сих пор ограждал металлический забор с наконечниками пик на прутьях забора. Человек шел уверенно, без какого-либо намека на нервы.

...

Паук прибыл к парку довольно быстро, припарковался рядом с автомобилем Бормана, затем вышел из машины, и быстрым шагом вошел в парк. Затем он пошел по пути Бормана. В динамиках шлема раздавалась какая-то ругань, Борман явно беседовал с кем-то из МилитариКорп, а может быть, даже не с одним, поэтому Паук и был готов к тому, чтобы начать огонь.

...

Они стояли в лесу. Четверо.

— МилитариКорп, Борман, не может направить тебя куда-либо в другое место, — говорил довольно крепкий человек в теплой бейсболке с опущенными вниз «ушами». На правом его глазу виднелся визор со стеклом красного цвета. За его спиной стояли еще двое, которые будто бы к чему-то готовились.

— Да я уже не могу находиться в этом офисе, сечешь, Гиря?! — выпучив глаза, говорил Борман.

— МилитариКорп наплевать на то, хочешь ты или не хочешь находиться в офисе. Нам наплевать на твои хотелки, толстяк, — проговорил человек, кивнув своим бойцам, а один из них достал какое-то подобие плазменного резака, второй удавку.

— Так-так-так, парни, — Борман активно замотал головой, а сам начал пятиться назад. — Я согласен работать так, как МилитариКорп прикажет. Вы эту хрень-то уберите.

— Ты больно много делаешь для того, что... — человек в бейсболке не успел завершить своих слов, как за его спиной повалился тот, что был с резаком, а Борман быстро побежал от них, настолько быстро, насколько мог.

Вторая пуля положила «давилу» с удавкой. Следующая пришлась на плечо человека в бейсболке, который повалился на землю с каким-то рычанием. Другая пуля прилетела в его же правую кисть, в которую был взят пистолет, но тут же отлетел в сторону вместе с парой пальцев. Из-за этого раздался еще более громкий вой. Паук также выстрелил и в ногу Бормана, после чего подал голос в микрофон шлема: «Юго-Западный квадрат Парка Свободы, два двухсотых и два трехсотых. Борман и некий «Гиря» обезврежены и обездвижены, вероятно, агентурная игра завершена, господин Романо. Завершена в кратчайший срок». После этих слов Паук двинулся в направлении Бормана, а затем потащил его на опушку, где валялась остальная часть «квартета». Для своих малых габаритов Паук был довольно силен, и относительно быстро волок ноющего толстяка по тропинке, которая была исхожена, вероятно, такими же «бизнесменами» с большой дороги.

— Су-у-у-у-ука... Борман! — послышались слова Гири, который держался за свою трясущуюся трехпалую правую кисть.

— Это не я! — взревел толстяк, а после был брошен на землю. Паук на всякий случай прострелил Борману и вторую ногу, из-за чего толстяк, кажется, даже заплакал.

— Меня зовут Иоганн Август Крайт. Я почти на сто процентов уверен в том, что Вы, Гиря, включили специальный жучок на своей одежде, который передает все мои слова, по крайней мере, должен их передавать. Но... Это не особо интересно, поэтому и существуют такие вещи, как переносные глушители сигнала, — Паук в этот момент присел рядом с Гирей, который перевалился на бок, положил голову на землю, продолжая держаться за кровоточащую кисть.

— На Романо работаешь, сука? — спросил человек слегка трясущимся голосом.

— Верно. А Ваш друг, несмотря на свои обширные связи в органах, не смог додуматься до того, что в его одежде могли присутствовать жучки. Вы бы легко его убили, если бы он додумался просканировать свою одежду, а не чрезмерно спешить, но умом его мать-природа явно обделила.

— Это ты тот самый Паук? — спросил человек, глядя на шлем с восемью камерами.

— Верно.

— И ты будешь меня пытаться? — на лице Гири вырисовывалась улыбка.

— Нет. У Романо есть более эффективные методы и гораздо более успешные

дознаватели. Может, Вам сливали информацию о таком человеке, как Калинин? — во время этого вопроса лицо Гири побледнело, а сам он облизнул губы. — Да. Судя по всему, сливали. А ты, выходит, выходец из ЧВК?

— Верно. Это ты просканировал или сам догадался? — спросил Гиря, оскалившись.

— Да... Видимо, если такая система сканеров находится на голове — люди начинают не доверять тому, что находящийся напротив обладает определенной чуйкой и догадливостью. Но пусть будет так. Полагаю, мои действия сегодня — это определенное объявление войны?

— А мы снаряжены в форму ЧВК? — спросил Гиря, закрыв глаза и улыбаясь. — Нет. Мы же, по сути, на нелегальном положении, мои бойцы завалены, как бандиты, а я сам пленен как глава ОПГ. Вы же, вернее всего, понимаете, что Бормана не стоит сливать просто так, поэтому нас запишете как бандитов, если запишете вообще. Да. С одной стороны, понятно, что это своего рода повод для корпоративной войны, но у наших корпораций довольно близкие отношения, чтобы начинать таковую. Поэтому и вы, и мы, не будем рыпаться, даже если вы убьете преступного «комбатанта» по кличке «Гиря».

— И то верно. Если я правильно понял... Ваша корпорация пытается убрать Романо через сношения с директором КаренияИндастриз?

— А вот насчет этого ничего не скажу, ибо не знаю. Может, Калинин, конечно, выпытает, но не ты, — ухмыльнулся Гиря, после чего палец Паука стал проникать в рану на плече, а человек стал подвывать.

— В общем-то, я не имею склонности к садизму, да и пытка — это не моя стезя, поэтому ждите, пока не приедет транспорт. Только вот скажите, Гиря. Почему вас всего трое?

— Потому что МилитариКорп любит жадничать. Нас тут в городе всего-то двести рыл, Вам, поди, какая-то инфа залетная про пару тысяч приходила. Ну, так это ложь. Нас выщелкать только так можно.

— Только зачем Вы об этом говорите, Гиря? Хотите отсрочить свою смерть?

— Скорее, потому что не считаю, что МилитариКорп — достойная фирма. Ну, сам подумай. Типа, давайте вести подпольную войну с одним из директоров союзной корпорации. Это ж б... М... Проституция в худшем проявлении.

— Это Вы так говорите из-за того, что микрофон отключен?

— Верно. Я могу выдать данные о личном составе нашего ЧВК здесь, а дальше ты можешь выявить каждого по камерам определенных баров. Они только в определенных заседают, поэтому все двести рыл можно найти, — ухмыльнулся Гиря.

— Угу... И Вы просто так выдадите весь список?

— За определенную плату и гарантии моей последующей жизнедеятельности.

— Хорошо. Но на эту тему Вы будете разговаривать с Романо.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Криг-3, строение 10, этаж 0, комната допросов,
08.01.2580, 09:12

Гиря сидел в старой доброй допросной, дверь которой скрежетала при открытии. Был это крепкий человек с бритой головой, а также со специальной металлической вставкой на правом виске, которая отвечала за крепление к ней визора, который сейчас был изъят. Напротив него сидел Романо с визором синеватого цвета над правым глазом. Директор пока что лишь сверлил Гирю взглядом, плечо последнего было перебинтовано, так же, как и правая кисть, лишившаяся ряда пальцев.

— Итак, Гиря, а вернее Йотун «Гиря» Смит. Что ты можешь рассказать полезного для нашей корпорации? — наконец проговорил Романо, а голубоглазый человек посмотрел на директора с улыбкой.

— Ага. А я уж думал, что ты меня взглядом просверлишь. Ну, ниче-ниче. Можно посотрудничать. Думаю, что Йоганн многое рассказал из того, что я могу предоставить?

— Верно. По поводу личного состава ЧВК в нашем городе. Ты знаешь их поименно? — спросил Романо довольно серьезно.

— Неа. Просто имеется база данных, с моим паролем можно в нее зайти. Только это... Это надо произвести в «призрачном» режиме, а желательно под чужим именем. Паук в этом плане мастер, так что сможет войти на сайт ЧВК с моими данными. Сверху могу предложить те места, где чаще всего находятся парни из нашего подразделения, далее... Точки, где размещается охрана внутри офиса и местного завода. Можно попробовать и маршруты Максимилиана Баукуса пробить, ну, если ты хочешь его выловить, я его личный охранник был, считай, глава отделения. Сейчас на мое место встанет Ирвин «Волк» или Вольф. Ну, сечешь, наверное, сколько всего полезного могу принести? — спросил Гиря как-то слишком уверенно, а Романо лишь кивнул в ответ на это, после чего Гиря продолжил. — Ну, так вот... Я думаю, что ты понимаешь то, что мне нужны определенные гарантии. Ну, типа, чтоб меня не шлепнули ни твои, ни чужие. Дальше. Мне нужны определенные средства, ну, чтоб поправить здоровье, после работы твоего кадра. Пальцы, знаешь ли, заново не вырастают — их протезировать надо. Еще... Ну... Наверное, все пока.

— На твоём месте я бы радовался тому, что ты вообще жив. Далее... По поводу той информации, которую ты можешь выдать, — в этот момент глаз Гири вдруг задергался. — Ну, так вот. Число народу в ЧВК местном — мне не особо интересно. Открытой корпоративной войны — не будет. Я ее банально не потяну. Дальше. Выбивать Баукуса — глупо, ибо это автоматически объявление войны. Можешь ли ты что-то выдать на тему центрального офиса МилитариКорп?

— Ну... Могу выдать информацию на тему того, кто является главным по охране генерального офиса. Ну и... Частично могу рассказать о том, как он устроен в плане охраны, когда встречаются директора. Мне повезло, и я сопровождал Баукуса на одну из встреч, поэтому частично помню расположение точек ЧВК. Ты хочешь ударить в самое сердце? — спросил человек, как-то подозрительно посмотрев на Романо. — А это-то потянешь?

— Это-то потяну, ибо имеется целый ряд инструментов, а также хороших бойцов.

— Ага... А с полицией стреляться готов? — спросил человек уже как-то боязливо.

— Да полиция не успеет, вернее, мы сделаем так, что полиция будет на нашей стороне. Тем более, у нас есть Борман, а самое главное — его связи. Лучше скажи мне о том, зачем вы думали слить самого Бормана? — спросил директор, глядя на Гирю, а тот улыбнулся.

— Зачем? Живой он бы принес довольно большое число проблем. Он и так несколько раз довольно обильно обосрался, благо, на тот момент, наша работа против КаренияИндастриз не была раскрыта. Ну... Ты ж сам видел то, что было в планшетнике главаря кворонов. Сам понимаешь... Надо было заметить следы, поэтому Баукус и выдал такое распоряжение, плюс этот идиот решил связаться с нами прямо из своего кабинета. Ну... Мы надеялись на то, что кроме прослушки ничего и нет, а как оказалось тут тебе и прослушка, и маячки для слежки. В общем, повезло тебе, Романо, с Пауком. Про него, конечно, инфы много слито, но личность довольно темная. Нихрена особо не найдешь и только доводы толстяка имеются.

— Что скажешь по поводу других агентов внутри нашего офиса? — спросил Романо довольно серьезно.

— Ну дык... Это... У тебя же «бойцы» в основе «завозные», поэтому нету нихрена. В других офисах имеются, но ты же перед другими офисами не отчитываешься. Так что вот... Ничего против тебя, кроме Бормана, у нас не было. По крайней мере, по тем данным, которые я имею, а имею я многое. Сам понимаешь... Я таки не последний человек в ЧВК. Что-то еще интересно? — спросил Гиря, глядя на Романо, сам ЧВКшник уже успел расслабиться и даже развалиться на своем кресле.

— Хорошо. Расскажи мне о том, что представляет собой сама ЧВК? Какое количество бойцов чаще всего охраняет центральный офис? Какое снаряжение? Ну и... Каковы шансы их слить в прямом сражении? — Гиря в момент этого вопроса покачал головой.

— Не. В прямом боестолкновении, Романо, — ты откинешься. Это я тебе могу гарантировать. Там зачастую собираются наиболее классные бойцы — ветераны войны с Рогар, с Триумвиратом, в общем... Закаленные и опытные парни. Жабодав там не выстоит. Это тебе не «лягушек» врасплох во время праздника брать, — человек задумался. — Но могу сказать одно. Диверсии — это выход. Ты ж, я думаю, не всех кворонов положил? Ну или Паука заслать как-то, скажем, стоянку заминировать. Или... Можно прям на аэромобиле в сам офис закатить, ну... В заминированном, чтоб свертхтяжей слить. У тебя ж денег дохрена, можно работа водителя купить, Паук настроит программу, а дальше он устроит большой бабах прямо на нижних этажах офиса.

— Слишком много потерь среди гражданских, — проговорил Романо.

— Тебе ли не насрать на тех, кого ты на улице оставляешь? — улыбнулся Гиря, после чего поймал довольно злой взгляд, отчего снова слегка занервничал.

— Мне не насрать, ибо одно дело оставить на улице, а другое — убить. Я военный в первую очередь, а военных преступлений за мной не было, поэтому я не собираюсь начинать карьеру военного преступника, который будет убивать гражданских направо и налево. Уяснил?

— Да-да. Уяснил. Я тебя понял, Романо. Но вот стоянку советую бахнуть, это позволит отрезать «нижних» бойцов от верхних, а там всегда имеется бронетранспортер, который наполнен охрентельным оружием. Чтобы выйти, им потребуется подняться по лифту в офис — это значительно замедлит развертывание сил ЧВК, поэтому минимум стоянку следует завалить. Дальше... Сами ЧВКшники занимают позиции на площади перед офисом

там имеются довольно хорошие укрепункты. Плюс снайперы на крышах. Поэтому, могут потребоваться реактивные ранцы. Снайперов надо снять в первую очередь. Обычно они располагаются на крыше самого офиса, а также на «кресте», то есть на высотках, которые своими углами образуют некое «перекрестье», если проводить между ними линию. Ну, либо можно завести туда бойцов. Ну, сам понимаешь, если замочить снайперов — ты разместишь на позициях своих снайперов, а это значит, что ты сможешь расстреливать площадь... — тут Романо перебил Гирю.

— Завал же стоянки позволит ликвидировать любой шанс на то, что директора сбегут. Верно?

— Неверно. В офисе имеется с сорокового этажа на крышу лестница, которая позволит им подняться наверх и дожидаться вертушки, поэтому надо загасить лифты, а также заблокировать крышу. Что касается количества... В этот день их дохрена. Не знаю, сколько рыл на этот раз будет. Положение, понимаешь ли, довольно скверное на планете, поэтому может быть, что будет не сто рыл, а, скажем, четыре сотни. Я уже имею данные, что они там чуть ли не гребаный укрепрайон строят. Но дзотов там за эти дни появиться точно не успеет, плюс дзоты в центре столицы надо очень долго пробивать, аж у планетарного губера, а он сильно печется об том, чтобы планета не превратилась в гребаную крепость. Поэтому, дзотов штурмовать не придется, а вот какие-нибудь экзоскелеты, прочая хрень — будут, и в большом числе, возможны подобиа бункеров из щитов из пластстали, но тут проблема — их снести можно на раз-два, поэтому не думаю, что эта хрень появится. А вот укреплений из, скажем, различных пластиковых листов повышенной прочности хоть отбавляй будет. Это, с одной стороны, минус, а с другой, плюс, ибо вам будет проще занимать потом оборонительные позиции. Ну, то есть, было укрытие их — станет ваше, после того, как снайперы сольют тех, кто за ним укрывался, ну или вы сами их поубиваете. Хотя, не знаю, что выкинет Шиллинг, он, кажись, генерал инженерных войск, поэтому могут быть интересные выкидоны с укреплениями.

— Звучит, конечно, довольно красиво и просто, но реализовать все это...

— А тебе так и так надо на штурм идти, иначе тебя с этой планеты выпнут. А у тебя ж какие-то цели. Кстати, жди, если не пойдешь на штурм, что тебя могут вздернуть в прямом и переносном смысле слова. Ну, есть у меня инфа о том, что, если ты будешь улетать с планеты, тебя собираются подорвать. То есть, ты отсюда не уйдешь. МилитариКорп надо сливать, а иначе — все. Готовься к тому, что памятник надо заказывать, — ухмыльнулся Ирвин, глядя на Романо.

— Тоже верно. В таком случае, я распорядюсь, чтоб тебе голокарту выдали, и ты на ней укажешь все точки, которые точно занимаются ЧВК, также укажешь, где обычно располагаются бойцы в экзоскелетах и так далее. По поводу твоего нахождения, пока тебе придется побыть в тюрьме, но переведем тебя в лучшую камеру, рацион будет хороший и, в принципе, в камере «бизнес класса» можно полноценно жить. Причем, даже лучше, чем в средней квартире, — Романо улыбнулся, а после нажал на кнопку рации, находившейся перед ним на столе. — Романо Калинину. Пусть бойцы отведут Гирю в комнату, в которой ранее проживала жена Шпака, ну и условия соответствующие для него следует поддерживать. И на смену, прошу привести Бормана.

«Хорошо, Романо. Конец связи», — раздался голос Калинина в рации, а после под скрип двери внутрь вошли бойцы, которые довольно аккуратно расстегнули наручники Гири за спинкой стула, затем наручники снова были застегнуты за спиной, а человека повели

наружу.

Через пару минут внутрь был введен Борман, который кое-как ковылял на своих простреленных ногах, постоянно кряхтел и, кажется, тихо ругался. Бойцы усадили его на стул, а затем на толстых запястьях сомкнулись наручники. При этом толстяк замычал, но наручники все же застегнули, несмотря на то, что, кажется, довольно сильно прищемили его белую и нежную кожу.

— Итак, Борман, надеюсь, что ты понимаешь то, что это просто так тебе с рук не сойдет? — спросил Романо, глядя на толстяка, чье лицо начало пунцовать от злобы.

— Да! Знаю! Одни слить хотели, а теперь ты хочешь?! — заорал толстяк.

— Ну-ну-ну... Успокойся, а то в штаны насеришь. Расскажешь о том, чем тебя купили? — спросил Романо, с какой-то издевательской улыбкой глядя на все сильнее краснеющего Бормана.

— За что меня купили? Да тем, что твою смерть пророчили, курва центрийская! — громко говорил красный от злобы толстяк своим басом.

— И это все? — улыбнулся Романо, покачав головой.

— Нет. Они обещали вернуть мне мой завод в единоличную собственность, а в итоге... Попытались убить...

— А мне вот Гиря сказал о том, что ты и до этого лажал. Расскажешь, в чем?

— Ни в чем я не лажал. Все, что надо было, сливал им на почту. Обо всех твоих подсосах рассказал. Потом... Ну, вот о полете на Айскрим. В общем... Много чего. Еще с ряде сторонних операций по рейдерским захватам, но не тобой производимым. Помнишь, может... Когда Чаки чуть не прибили в одной из подворотен? Эт я слил маршрут его хождений. Пытался убить какой-то молодой ЧВКшник, который даже не числился в ЧВК.

— Угу... То есть даже покушение на Чаки — это твоих рук дело?

— Ну... — Борман как-то потускнел и опустил взгляд вниз. — Ну, моих. Я думал, что Чаки какую-то особую ценность играет, ну и... Вот. Надо было вычислить то, как Паук двигался... Хотя, его хрен проследишь. Я думал, чтобы его маршруты выяснить, но не выходило даже по камерам. Он будто испаряется каждый раз. Ну и... Не выходило его поймать. Поэтому... Жопа. Думал, еще маршруты Билли и Джека слить, но они парни нормальные. Я даже с ними общался, поэтому не стал. Вот так, в общем-то. Можешь меня убить. В любом случае, мне так и так не жить. Там эти добьют, тут ты.

— Да я тебя вслед за твоими коллегами по бизнесу с планеты вышлю, — сказал Романо, посмотрев на гиганта из сала, но почти без мышц.

— Правда? — спросил Борман, как-то недоверчиво посмотрев на Романо.

— Я же не убийца, верно? Или ты меня убийцей считаешь, толстяк?

— Ну... Насколько знаю... Ты многих убил. Но не знаю, скольких по беспределу. Вроде, по делам только. Ну, типа... Те, уроды из банды, с которой был связан Фирс. Потом... Квороны? Хотя... Они же в бою были перебиты. И то не все, как знаю. Я, кстати, эту инфу не слил, ибо... Ну, было у меня определенное предчувствие, но... Я как-то не придавал ему значения. Вот и нарвался на Гирю. У него, поди, задача была меня слить в любом случае? — спросил Борман, как-то мрачно глядя на Романо.

— Так и есть. Вероятно, если бы ты вел себя спокойно — тебе бы выстрелили в спину. В общем, Борман, будешь пока в тюрьме жить. Потом, как наша операция свершится, я тебя первым же рейсом отсюда в другие системы отправлю.

— Угу... — Борман снова опустил взгляд, а потом опять как-то виновато поднял его на

директора. — Ты уж прости меня, Роберто. Я был на тебя довольно сильно обижен. Сам понимаешь, наверное... Ты взял, и отжал мою собственность, а я с этим смириться не мог. Поэтому и решил дополнительными связями воспользоваться. Я и не думал, что так все случится. Я думал о том, что тебя просто сольют, а они начали в какие-то подковерные игры играть. Ну, правда, типа убийство через кворонов. Прочее... Странно это все. Трусливые такие что ли? А ведь милитаристы. И сил у них дохрена. Целая ЧВК и заводы, производящие почти все виды вооружения, не считая плазмы да лазеров с бластерами. Это... Я даже не знаю, с чем это сравнить... Может я как-то помочь могу?

— Да как ты поможешь нынче? Ты себя как агент дискредитировал. Все.

— Да не... Я могу пару контактов среди наемников интересных предложить. Про Койота слышал, может? — спросил Борман, глядя на Романо.

— Этот тот снайпер, который мочится себе в штаны?

— Да не. Он всегда с катетером ходит. Но так да. Он себе весь мочеиспускательный канал угробил. Не знаю, если он относительно близко, можно было бы офигенного снайпера нанять. Еще есть парни на примете.

— Ну, давай. Кого сможешь вспомнить — всех напиши. Это будет твоим искуплением, — улыбнулся Романо, после чего повторил то же самое, что и по поводу Гири, и попросил привести Хратера Йори.

Борману более не стали надевать наручники на запястья, а сам он пошел как-то угрюмо и немного сторбившись.

Через пару минут привели и кворона, который, кажется, был в более или менее добродушном настроении. Кожа его блестела от влаги, а сам он ощущал себя довольно-таки уверенно.

— Господин Романо, Хратер Йори приветствует Вас! — довольно громко проговорил гуманоид, которого вели без наручников, а сам он довольно спокойно сел за стол «переговоров».

— Здравствуйте, Хратер Йори. Как понимаю, кормят Вас хорошо?

— Конечно! — в голосе кворона чувствовалась явная живость. — Я бы сказал, что есть небольшие неурядицы с тем, что водоросли и моллюски готовятся немного не так, как надо, но я этого не скажу. Все же, Вы не допустите наших женщин до тюремной кухни.

— Думаю, нам стоит перейти на «ты», Хратер. Так не считаете? Все же, мы ныне равные. Вы лидер своего клана, а я лидер своей корпорации, по крайней мере, ее отделения.

— Верно. Пожалуй, стоит. Для чего ты меня вызвал, Романо? — спросил Хратер довольно добродушно.

— Как знаешь, Хратер, у нас грядет довольно паскудное дело, связанное с МК. Мне было бы полезно, если бы ты и несколько твоих собратьев помогли мне в подрыве въезда в подземные гаражи генерального офиса.

— М-м-м... — Хратер, кажется, от этого дела слегка помрачнел и задумался. — Нас мало, Романо... Я боюсь потерять свой клан, но я буду с тобой. Я не могу рисковать своими братьями и сестрами. Возможно... Я бы мог связаться с одним нашим давним пиратом и наемником, который тоже часть клана Йори, но он со своими братьями и сестрами предал клан. Они бы могли за хорошую плату сделать это все. Плюс... У них имеется довольно широкий багаж опыта по подрывной деятельности. А я... Я хороший снайпер, несмотря на то, что я был вооружен лишь пистолетом на входе.

— Угу... А какое число пиратов? — спросил Романо, смотря на кворона.

— Где-то двадцать кворонов. Может больше, не знаю.

— Хорошо... Как клан поживает? — перевел тему разговора директор.

— Хах... Клан хорошо. Увлажнители воздуха, хорошее питание помогли моим кворонам более быстро стать... Живыми. Подлинно живыми. Часть даже поправилась. Но... По детям тоскуют. Может, ты как-то сделаешь так, чтобы нам детей перевели сюда? — спросил как-то аккуратно вождь своего клана у вождя корпорации.

— К сожалению, до момента уничтожения МилитариКорп, не могу. Но как только сделаем эту работу, твои квороны будут свободны, только ты поклянешься мне в том, что никогда более не переступишь закона.

Хратер как-то тяжело вздохнул, а после, кажется, улыбнулся, непонятно как, но что-то в нем ощущалось такое, что можно было бы назвать улыбкой.

— Пожалуй, ты прав, Романо. Нас слишком мало теперь для того, чтобы заниматься разбоем, да и... Горький опыт учит тому, что тот, кто живет разбоем — заканчивает жизнь в крематории. Поэтому... Я постараюсь более не переступать закона. Может быть, станем кланом наемников. Только представь. Квороны, которые стали чем-то вроде Жабодава, только для преступности в целом.

— Представляю, — Роберто улыбнулся в ответ. — Хорошо. Можешь идти.

— Спасибо за это, Романо. Ты спас нас, в каком-то плане. Пусть и пришлось сначала разбить нас, — проговорил кворон, выходя из допросной комнаты, а за ним вышел и директор.

...

Вскоре Романо был в кабинете Калинина. Директор был задумчив, а комендант разливал в кружки чай. Да и сам Калинин задумался над тем, что их ждет в ближайшем будущем.

— И какие идеи, Роберто? — наконец прервал тишину Калинин, а Романо помолчал какое-то время, а после посмотрел на своего собеседника и опять опустил взгляд.

— Честно говоря, Иван, не знаю... Мы в редкостной жопе. Я поищу людей везде, где только смогу, но, если считать... Мой личный отряд, включая меня, — это семь человек, плюс бойцов ЧОП где-то двадцать возьму, из твоих кого-нибудь поопытнее человек десять, дальше что-то около двадцати пиратов, вероятно, восемнадцать бойцов Жабодава, некоторые другие наемники. Надо будет привлечь всех, кто известен мне или приближенным. Что думаешь насчет Челси? Могут ли у нее быть полезные связи? — спросил Романо, посмотрев на Калинина.

— Черт его знает, но пообщаться стоит. Я полагаю, надо минимум полторы сотни опытных бойцов.

— Угу... — Роберто в этот момент положил локти на стол, а подбородок на отведенные назад большие пальцы, рот же его был закрыт «замком» из двух ладоней. — Давно меня в такую жопу не загоняло...

— Ты, помнится, как-то говорил о том, что смерть можешь принять спокойно, так почему не примешь? — спросил Иван Калинин, садясь, наконец, за стол.

— Понимаешь, Иван... С одной стороны, да. Смерть для меня — это единственный выход. Эксплуатировать меня, как гребаный таран, они перестанут лишь в случае того, если я стану трупом, но вот одна проблема... Я не хочу сдохнуть тупо из-за заряда ракетницы в транспортник. Люди еще, кроме меня, погибнут. В бою то же самое произойдет, но там больше чести, что ли... В общем, не хочу, чтобы пострадали мирные граждане, поэтому есть

только один путь. Через пулю в бою, ну, или во время покушения. Но сам себя заказывать я точно не буду, — Романо говорил это как-то слишком спокойно, но все-таки с какой-то небольшой неуверенностью.

— Угу... — Калинин отпил из своей кружки, а после посмотрел в потолок, откинувшись на кресло. — Я вот что думаю, Романо. Дело дохлое. Нас мало, но ведь всегда можно задействовать военную хитрость.

— Да-да... Мы и так планируем заблокировать часть ЧВК в подземном гараже. Квороны, как я понимаю, могут это сделать. Кроме того, Хратер и другие снайперы выбьют снайперов ЧВК с крыш небоскребов, после этого всю площадь можно считать нашей. Но это ведь еще не все. Штурм офиса будет жарким. И это не стеклянное зданье, а полноценная цитадель, в том числе с определенными системами защиты. То есть... Пока мы доберемся до переговорной, граждане внутри успеют окопаться.

— Да. А надо не дать им этого сделать. Если я правильно понимаю, пираты имеют судно.

— Да-да... И можно произвести обстрел здания, но это приведет к лишнему шуму, да и имеем все шансы вызвать на себя гнев планетарного командующего, а также всей верхушки местной номенклатуры. Дохлый вариант. Плюс... — в этот момент Романо поднял взгляд. — Мы явно убьем кучу людей, возможно, зацепим гражданских, а это уже проблемы для имиджа корпорации. Сама эта идея — удар по интересам корпорации, но иного варианта у нас нет. Плюс... ПВО, вряд ли корабль подпустят к самому центру города. Собьют.

— Гражданских ты убьешь так и так. Ты же не собираешься совет директоров оставлять в живых? — спросил Калинин как-то странно улыбнувшись.

— Ликвидировать их в мои планы не входило. Лучше поместить их сюда до лучших времен.

— А их не будут пытаться спасти? Одно дело — закрыть здесь бандитов, а другое — уважаемых людей.

— Одно дело — убить бандитов, а другое — убить уважаемых людей, — Романо как-то зло передразнил Калинина, а после снова положил голову на руки. — Как же ты не поймешь, Иван? Если я их хлопну, это приведет к тому, что наша корпорация станет корпорацией, убивающей своих «соратников». Хотя... Это обычное дело, если верить новостным сводкам и прочему. В общем... Я посмотрю на то, насколько эти наши «товарищи» будут стоворчивы. Если что, пустим в расход.

— Ну, ладно... А что скажешь насчет Айскрима? — спросил Калинин слегка вздохнув.

— А что Айскрим? Туда придется лететь, чтобы найти дополнительных бойцов. Вот и весь Айскрим. Ты, может, имеешь какие-то сведения о самих наемниках?

— Единственные наемники, которых я здесь знаю, сидят у меня в тюрьме. Один полностью небоеспособен, ибо ему оторвало ноги, а второму местами раскололи лицевые пластины. Не думаю, что рогарийцы тебе как-то помогут.

— Угу... Хреново. Ладно. Придется идти наощупь. Главное, как-то не быть засеченными в бортовых списках. Наверное, стоит лететь на грузовом корабле, либо... Отправить на Айскрим кого-то из парней. Может быть, самого Жабодава. Или... — в этот момент Романо вспомнил кое о ком. — Что думаешь о Фирсе?

— Ну... Он, конечно, слегка гаденько выглядит, но, судя по действиям, хороший парень. Можно отправить его, но точно не одного. Сам понимаешь. Нижние уровни станций — это

не только пристанище наемников, но и место, где ошиваются пираты и прочий криминальный элемент. Я бы на любой нижний уровень с собой взял минимум Билли с шестиствольным крупнокалиберным пулеметом, а лучше турельную платформу, и отдал бы ей приказ стрелять во все, что движется, — Иван говорил это довольно серьезно, но в этих словах все же слышалась доля какой-то несерьезности.

— Не любишь ты нижние уровни, впрочем, это закономерно. Количество скотов там превышает обычный уровень планетарных трущоб. Поэтому... Понимаю, — усмехнулся Романо. — Все-таки Фирс должен отправиться туда. В помощь ему попрошу пойти Милета.

— А у них там не траур по погибшему? — спросил комендант, глядя на директора.

— Траур трауром, а подготовка к бою по расписанию. Плюс... Милет — это авторитетная личность в среде наемников, поэтому... Он должен туда отправиться, — Романо, наконец, взял в руки свою кружку и, приподняв ее для «тоста», сказал: «За твое здоровье».

...

Примерно через два часа директор снова был в своем кабинете. Здесь царил какой-то легкий беспорядок, впрочем... Таким кабинет и был всегда с момента появления в нем Романо. Человек повесил свое пальто в шкаф, после чего обошел свой стол... На нем стояло несколько кружек с остатками недопитого кофе, а под столом лежала пара шприцев от кворонских препаратов. Человек не обратил на это внимания, и сел за свой стол. Мгновение, и был включен прозрачный экран компьютера. Снова на нем были две девушки: одна старше, вторая младше, а на лице Романо появилась слабая улыбка. Он пододвинул к себе экран, а после начал поглаживать лица своих родных грубыми пальцами. В глазах его читалась какая-то глубокая грусть и столь же глубокая задумчивость. Пожалуй, сейчас был один из тех редких случаев, когда директор давал себе время на «подумать». Нет. Он не был человеком ленного ума, и вся прошлая история говорит об этом. Скорее... Скорее, он слишком редко думал о близких, которые были потеряны где-то среди звезд и, скорее всего, навсегда. Последний раз он видел их где-то год назад, если не больше. Жена на тот момент уже изменяла, но офицер в отставке и нынешний «Директор Разорения» (именно так его называли внутри корпорации) был лоялен к ее выбору. Было понятно, что молодой женщине было очень тяжело без сильного плеча и мужской поддержки, а муж находился далеко. Слишком далеко, чтобы быть тем самым плечом, на которое можно положиться, поэтому она и нашла некоего Джонни, который был светловолосым, высоким, голубоглазым мужчиной, фактически полная противоположность жесткосердечного Романо, который внутри отношений не был склонен к тому, чтобы дарить различные цветы или другие бесполезные вещи. Вояка. Что с него взять? Петь романсы он был не способен, но всегда был по-офицерски или по-солдатски исполнительен и склонен к тому, чтобы все было по расписанию. Всегда он был в работе, даже до того момента, пока не вступил в корпорацию, и теперь отчасти жалел об этом. Он любил своих девочек, но потерял обеих. Пожалуй, именно эта потеря и заставила его быть столь бережным и по отношению к Кире, и по отношению к Челси.

Его уставший тяжелый взгляд, кажется, был его вечным атрибутом. Вероятно, он возник тогда, когда почти на его руках погиб Заснежин младший, а может быть тогда, когда Заснежин старший вручал ему орден героя. Почему-то Романо считал себя недостойным этого ордена. Фактически, он провалил задание... Позволил ударить своих бойцов в спину, хотя... Заснежин тоже был виноват в этом. Все-таки Романо был подчиненным молодого

гвардии капитана и сразу же перехватил командование после ранения командира. Он организовал оборону внутри корабля рогарийского генерала, и единственный его промах оказался лишь в том, что он не сумел убить это полумеханическое чудовище.

Он тяжело сглотнул... Мысли роились в голове директора. Он помнил то, как застрелился Шпак. Его эксперимент. Неудачный эксперимент. Шпак, пожалуй, был одним из первых промахов «Директора Разорения» на Итарисе. Этот, на деле мелкий человек, оказался тем, что произвело неизгладимое впечатление на директора, пожалуй, это был последний эксперимент над человеком, хотя кто его знает... Может, и не последний. По крайней мере, Романо больше не хотелось видеть, как человек может превратиться в человеческое существо, которое уже даже близко не напоминало человека. Да. Шпак сломался. Отчасти в силу того, что он изначально был ничтожеством, а отчасти из-за того, что он поучаствовал в слишком большом количестве достаточно кровавых операций за месяц. Его жалкий разум не мог выдержать подобного... Сначала его пилила жена из-за потери бизнеса, затем пришлось продать любимый автомобиль, затем пришел Романо... А дальше и говорить не стоит. Сначала кровь кворона на руках, затем кровь еще десяти кворонов. Почему-то человек, который был способен поднять руку на дочь, не был способен смириться с убийством большого числа неких гуманоидов, чью поганую натуру сам Шпак уже знал.

Романо как-то болезненно улыбнулся. Действительно. Шпак оставил неизгладимое впечатление. Но еще большее впечатление оказывал Фирс. Романо никогда бы не подумал, что этот человек с крысиными повадками так резко поменяется... Он не сбежал со станции, хотя мог. Он проанализировал слова директора тогда на заводе и решил удариться в теорию. Странные метаморфозы. Слишком резкие. Впрочем, вероятно, в этом маленьком крысеныше было заложено больше человеческого, чем в том же Бормане. Все-таки крысеныш изначально был человеком из низов, связался с различными шайками бандитов, наркоторговцев и даже вышел на кворонов. Он видел все, что происходит вокруг и минимум не желал, чтобы данное происходило с его семьей. Когда Романо создал предложение, от которого нельзя было отказаться, этот маленький человек, вероятно, воспринял это как какой-то вариант для хотя бы частичного очищения своей совести. То же самое было и с кворонами. Там, на станции, Фирс был фактическим участником ликвидации одного из самых страшных рассадников преступности. Да. Он не убивал кворонов лично, даже не спасал рабов и рабынь, но все-таки именно он руководил кораблем, который вывез тех, кого ранее он сам туда и доставил. Да. Десятки девчонок и мальчишек уже никогда не вернуться из сексуального рабства, но хотя бы частично он смог спасти тех, кого обреч на гибель. От этого крысенышу явно становилось легче. Да и... Кажется, что он понял, что Романо не такое уж и зло, по крайней мере, он оправданное зло. Внутри самого Фирса крылась ненависть к тому порядку, которому он был вынужден подчиняться, и Романо это видел. Этот маленький человек впился в глотку тем, с кем рука об руку был вынужден идти по своей жизни до этого, но ни капли не жалел ни об одном трупе, который образовался в ходе его деятельности. Еще больше он был повержен тем, как Романо вел допрос. Как директор наставил револьвер на его голову... Фирс в этот момент испытал одновременно страх, трепет и какое-то странное ощущение. Кажется, это было некое уважение за решимость Романо, за его непредсказуемость и непримиримость в борьбе с врагами, а одним из врагов в тот момент Фирс еще являлся. Да. Он хотел в тот момент порвать со старыми «друзьями», но точно не считал новым «другом» Романо. На тот момент Фирс находился где-то посередине.

Он не был ни тем, ни другим. Он был полукриминальным элементом, который предал тот самый криминал. Переходная стадия. Момент слома. Тогда, пожалуй, окончательно и был сломан его жалкий хребет. Тогда он и стал новым Фирсом, который уже не был тем трусливым животным, на которое очень сильно походил.

Другая мысль касалась этой заблудившейся женщины. Челси не напоминала какую-то дорогую проститутку или подстилку очередного бандитского отродья. Да, с этой девушкой Романо разговаривал по сути один раз, но все-таки было в ней что-то такое, что привлекало. Может, милое личико, а может, и эта искренняя вера в то, что даже отродье, каким являлся Леман, может быть человеком. Романо усмехнулся... Было в ней до сих пор что-то девичье. Какая-то странная, глупая вера во что-то... Может быть, этой верой стоит воспользоваться? Нет. Это неправильно. Это все равно что уподобиться Леману. Да... Она уже не была чистым ребенком, однако это было бы поступком животного, а не человека. Тем более, это не было бы поступком «Героя Федерации», который должен быть примером для своих сограждан... Хотя? Какой из него пример? Директор Разорения. Ублюдок, который лишает работы и права на жизнь тысячи людей. Все-таки... Нет. Это недостойно человека.

А Кира? Он же оставил ее, по сути, круглой сиротой, хотя... Папаша полноценно вспомнил о дочке лишь тогда, когда перед ним лег страшный выбор: «Отдать в бордель дочь или жену?». Оба выбора были отвратительными, тем более, он точно не знал того, кем является Романо. Но... Потом Шпак снова отрекся от дочери. Снова. Сначала он кутил, затем стал убийцей, а после поднял руку на самого родного и близкого человека. Нет. Генрих не был отцом, равно как и не было матерью то отвратительное существо, которое боялось за свою «честь», но зато было бы радо, если бы Шпак отдал в рабство Киру. Нет. Кира уже была сиротой при живых родителях. А значит... Ей нужен отец. Джек вел себя с ней очень порядочно, пожалуй, именно с ним и стоило бы отправить Киру. Джек, его семья, Билли, как лучший друг, и Кира... Его дочка. Романо снова улыбнулся, а на глазах проступила какая-то сырость, которая, впрочем, довольно быстро исчезла, ибо мужчине не следовало давать волю эмоциям. Он бы сам хотел стать отцом для этой девочки, но... Какой же отец из того, кто когда-то обещал взять ее по праву первой ночи? Нет. Он не может быть для нее никем, кроме интервьюируемого. Ненавистного интервьюируемого.

— Странно это все... — прошептал Романо, опустив глаза и отодвинув монитор. — Столько боли вокруг, а люди терпят... Может, я и неправ? Может, и не надо... Хотя... Если не я, кто-то другой продолжит мое дело, только еще более варварски. Грим, которого я отправил в малые города? Нет... Этот ублюдок довел бы Кирен-1 до нынешнего состояния в считанные дни, более того... Он бы задействовал Грейха в настоящих казнях. Нет. Грим — это конченный ублюдок... Хотя, что взять с бывшего «головореза»? Грим — это боец против кого угодно, за кого платят, а тут платят за целый город. Вуркхарт? Этот довольно мягок в разговоре, но совершенно не склонен к жалости. Прямолинеен и довольно бесчувственен к окружающим. Использует все, что имеется в инвентаре от действий вместе с властью до прямого террора. Не зря же Стонкс-3 несколько раз подрывался неизвестными. По-любому, его дело. Такой метод запугивания частных — его способ, а сколько погибнет простых людей — неважно. Хотя... Мне ли за это судить? Впрочем, я не убил напрямую еще ни одного простого человека, напротив, познакомил большинство из них с ликом капитала, — Романо как-то болезненно улыбнулся. — Скоро на почту начнут поступать картинки... Скоро...

В этот момент в дверь послышался робкий стук, судя по всему, это был Фирс. Романо

нажал на кнопку открытия двери, а Фирс довольно спокойно зашел в дверь. Да. Изменилась даже походка, вместо легкой сгорбленности — расправленные плечи. Он действительно меняется на глазах.

— Здравствуйте, господин Романо! — довольно громко и с улыбкой проговорил Фирс, а после сел на сидение перед столом директора. — Вы меня вызывали, верно? Кстати... Гхм... Как там Борман? — во время последнего вопроса Фирс будто бы стал частью какого-то черно-белого кино, его кожа сразу стала белой, а улыбка пропала.

— Все с ним в порядке. Большой кровопотери не произошло, да и сам Борман раскаялся в своих сношениях с МилитариКорп, — проговорил спокойно Романо, после чего посмотрел на снова расцветшего Фирса. — Как чтение идет?

— Идет. Знаешь... Эм... Можно же на «ты»? — Романо кивнул, а Фирс улыбнулся и продолжил. — Сейчас читаю первый том... Дошел до момента про первоначальное накопление капитала. И вот... Мне стыдно это признать, но... Что за страна такая, Англия? Не пойми неправильно, но просто...

— Знаю. Ты с детства не в школе, а в полубандитских кругах. Англия — это одна из стран Земли. Ее уже давно нет, как и, вероятно, Земли, но все-таки эта страна важная для истории человечества. Как ты мог прочесть, именно Англия является одним из наиболее чистых вариантов внутренней колонизации страны для накопления капитала. Фактически, в результате действий местных феодалов и капиталистов, население довольно сильно сократилось. Потом Англия за счет ускоренного развития капитализма стала одной из ведущих стран. Огромной империей с десятками колоний. Чисто территориально Англия превзошла Россию, ибо все ее владения явно были больше даже Советского Союза XX-ого века. В общем... Великая держава. Это если вкратце, не затрагивая ее историю более глубоко и не рассматривая XX-ый век. Ну, и что ты понял из Капитала? — с улыбкой и с каким-то блеском интереса в глазах спросил Романо.

Фирс вздохнул...

— Ну-у-у-у-у... Я понял то, каким образом мы накопили тот самый капитал, за счет которого открыли завод. Фактически, да. Накопление первоначального капитала было преступным примерно как в этой самой Англии. Мы тоже произвели, как бы... экспро-о-о-о... При... — Фирс как-то присмирел, кажется, забыв слово.

— Экспроприацию, — улыбнувшись, сказал Романо.

— Да! — воскликнул человек, заулыбавшись. — Вот. Мы совершили экспроприацию, ну или... Как ты выразился, внутреннюю колонизацию.

— И каким образом? — с интересом спросил Романо.

— Ну, вот... Смотри... Я же, получается, грабитель. Ну... Если рассматривать мою биографию. Изначально мы завод открывали сугубо вместе с Борманом. Николсоны потом только подключились. Ну, так вот... Связи-то с кворонами я уже тогда имел. И вот... Они дали мне беспроцентный кредит за то, чтобы я поставлял им... Ну... Ты понимаешь. Это и было той самой экспроприацией. Кроме этого, я участвовал в распространении наркотиков. Реально, организовал довольно крупную сеть, за счет прикрытия родственников и друзей Бормана. Тут экспроприация прибавочной стоимости шла немного иначе, но, по сути, она имела место быть...

— Ты не совсем верно понял ту экспроприацию, которую излагал Маркс.

— Не! Я до нее тоже дойду. Тут я только про источники накопления. Мы и средства производства местами отжимали, так что не торопи! — подняв указательный палец правой

руки, серьезно сказал Фирс, а Романо тихо усмехнулся. — Так вот... Таким образом, мы производили ограбление рабочей массы. Параллельно с этим, я работал с Леманом. Там мы тоже производили определенный надой с мелкого бизнеса, местами реально экспроприировали... Блин... Как мне нравится это слово, — как-то по-детски радостно проговорил Фирс. — Вот. Экспроприировали собственность у мелких капиталистов. И вот! Выходит, мы занимались почти тем же самым, что и описывал Маркс, только вот... Это...

— Да. Масштаб немного другой, — улыбнулся Романо.

— Да. Английские капиталисты грабили буквально всю страну. Отнимали средства производства у всего народа, когда мы поджимали под себя только мелких частных. Это очень интересно, Романо. И... — Фирс как-то замялся. — Я хочу сказать спасибо. Ты вытянул меня из того, в чем я варился. Ты же знаешь, наверное, откуда я вылез. Выбился, так сказать, в люди... Хотя... Мы не люди. Мы нечто иное. Поистине страшное... Страшное даже для своих. Я знаешь... Читал некоторые сводки. Про Конфедерацию. Там вот капиталистические миры имеются, так они там такое творят... Что... Ну... Я не знаю, как это даже охарактеризовать, что ли...

— Да. Знаю. Эти люди превращают в рабов целые миры. Да и... Там очень странный винегрет из различных устройств общественного хозяйства. Рядом соседствуют и рабовладельцы, и что-то в духе феодалов, и капиталисты, естественно. Не знаю, как они там существуют во всем этом. Федерация, по сути, может их легко разбить, но вынуждена всегда держать максимальные силы на границе с Рогар, ибо иначе рискует лишиться большого числа систем, — Романо как-то тяжело вздохнул. — Помню поход Хелтона, когда фактически за пару месяцев в состав Федерации вошли четыре системы. Это, пожалуй, была самая простая военная операция, из всех возможных. Особенное сопротивление оказали лишь коммунисты и социалисты, а вот капиталистические миры были захвачены в считанные дни.

— Угу... — Фирс как-то грустно склонил голову. — У меня там брат погиб. Каким бы простым не был поход Хелтона, но это не отменит людских потерь, а погибло там что-то около пары миллионов человек, несмотря на всю разобщенность миров Конфедерации.

— Да. Это не отменит человеческих потерь, но это очень малые потери, Фирс. Ты не знаешь того, что происходило во времена войн с рогарийцами, по крайней мере, не знаешь в полной мере. Прорыв Заснежина — это одновременно геройство и самоубийство, достойное японских камикадзе, — Фирс вопросительно посмотрел на Романо, после чего тот начал объяснять, что представляли собой камикадзе. — Собственно, это японские военные летчики, которые имели запас топлива только на полет «туда», то есть они должны были сами стать бомбой, которая подорвет вражеский корабль, и не только. В общем-то... Прорыв Заснежина — это явление, которое нехарактерно для военных генералов нашего времени. Фактически, сейчас генералы больше сосредоточены на оборонительной войне, когда Заснежин устроил полноценный прорыв на территорию рогарийцев. Сначала он разбил флот принца О'Каруха, а после ворвался в системы рогарийцев. Тогда же мы начали высадки на пустынные планеты... Мы были во многом не подготовлены к этому. У многих были ожоги ног из-за того, что обувь не подходила под ведение войны в пустыне, но Заснежин довольно быстро наладил производство, по сути, обуви с охлаждением внутри здесь, на Итарисе, а дальше мы начали захватническую деятельность. Это было страшное дело... — в глазах Романо будто пылал тот огонь, который он видел. — Нет. Нету никаких «поломок». Но вот воспоминания страшные. Я помню, как однажды прямо под моими ногами начал

подниматься песок. В следующий момент я увидел копьё рогарийца. Отскочил в последний момент и, наверное, был бы убит этой тварью в считанные секунды, если бы промедлил с выстрелом. Они закапывались прямо в песок, если знали, что тут будут размещаться люди или пройдет какое-либо соединение. Фактически... Их миры становились для нас тем же, чем наши миры становились для них. Я не уверен в том, что мы или они, когда-либо сдвинемся с мертвой точки, хотя... Если тактику Заснежина не возьмут на вооружение, рогарийцы продавят весь фронт. Но... Его тактика очень сложна в исполнении. Фактически, приходится идти атакой внахлест. Нужно действовать первыми, чего наши стратеги не любят. Они научились сражаться в чисто защитной формации, а вот в атаку ходить не любят... Ну... Если не считать Хелтона. Он, пожалуй, единственный из относительно молодых адмиралов, который любит ходить в атаку. Хотя, он, вроде как, лет на двадцать младше Заснежина. Впрочем, Хелтон явно не наш союзник. Его было бы правильнее убить.

— Ты имеешь в виду то, что сначала он устроил резню в Конфедерации? — спросил Фирс, как-то помрачнев.

— Именно это. А теперь перейдем к тому, зачем я вызвал тебя к себе.

— Слушаю, господин Романо, — все также мрачно проговорил Фирс, кажется, что слова Романо произвели на него неизгладимое впечатление. — Но... Сколько погибло во время прорыва Заснежина?

— Что-то около двадцати миллионов. Если считать чистые потери, а вот те, кто попал в плен и не вернулся, еще десятью миллионами исчисляются. Просто не совсем ясно, куда они пропали. Хотя точно известно, что они попадали в плен. Выяснить это не смогли. Впрочем, рогарийцы вернули что-то около десяти миллионов пленных со всех фронтов. Возможно, что тут был фактор василисков. Они тоже имели место быть на полях сражений во время Прорыва Заснежина. Эти обычно, пленяя, не церемонились. Убивали, если ты не какой-то достаточно высокий офицер. Я, благо, с этими тварями лично не встречался, но с крайних миров Прорыва докладывали об участии совершенно страшных тварей в этих боях, — Романо, кажется, слегка передернуло, а после он продолжил. — Но мы отвлеклись. Твоя задача — слетать на Айскрим и нанять там хотя бы десять бойцов. С тобой вместе полетит Жабодав.

После слов о Жабодаве, Фирс еще сильнее помрачнел.

— Слушай... А может, Билли? — спросил Фирс.

— Я понимаю, что ты боишься, но Милет простил тебя за твои дела, ибо ты, будучи поставщиком живого товара, не побоялся выступить против своих нанимателей. Ты искупил свою вину, Фирс. Тебе нечего бояться.

— Как скажете, Романо, — кивнул Фирс. — Но... Какого именно рода наемники нужны?

— Без разницы, главное то, чтобы они имели за спиной какой-то опыт боевых действий. В остальном разницы нет.

— То есть... Раса — неважна, их идеологическая... Хотя... Какая идеология может быть у наемников? Хотя... У Милета есть... Ладно. Поглядим. А Милет тоже на инструктаж придет? — Фирс говорил как-то неуверенно.

— Конечно. В ближайшее время. Может, ближе к вечеру.

— А... Это... Как там Кира? Ты рассказал ей про отца? — спросил человек все также неуверенно.

— Еще нет, но планирую. Может быть, сегодня заеду домой. Не знаю. Посмотрим. В

любом случае, с девчонкой надо поговорить. Да и... Про отца сказать. Не знаю, как она на это отреагирует. Какие-то еще вопросы, Фирс? — спросил Романо с легкой улыбкой.

— Нет. Вопросов нет. Я могу идти? — спросил Фирс все также мрачно, он слегка сгорбился от той информации, которую получил, а Романо лишь улыбнулся.

— Ну, иди, — Фирс поднялся, а ему в спину директор произнес. — Ты растешь прямо на глазах, Фирс. Еще вчера ты был какой-то тварью, которая была готова на все лишь бы жить в роскоши...

— Нет, — Фирс сказал это четко, а его плечи и спина расправились. — Я никогда не хотел жить в роскоши, Романо. Я просто не хотел жить в том дерьме, в котором жил тогда. Спасибо, что отметили то, что я расту над собой. Это очень важно, но Вы ошиблись в моей цели, господин Романо. Я никогда не хотел жить в богатстве. До свидания.

— Извини, Фирс.

— Да ничего... Вы же, по большей части, работаете со всяким сбродом. А я чем отличаюсь? Ничем. Кто-то хочет простой перемены мест слагаемых, а я этого не хотел. Просто хотелось жить, — Фирс улыбнулся Романо напоследок, а после вышел из дверей.

— Хех... Надеюсь, что не обидел его. Все-таки он не девочка, а взрослый мужик. Ладно... Теперь ждать Жабодава... — у Романо как-то поднялось настроение после разговора с Фирсом, а мысли сменили вектор. Теперь он был немного иным...

Романо снова сидел, думая о будущем деле. Все это было слишком уж сложно... У МилитариКорп была целая ЧВК... А у него? Буквально несколько десятков бойцов. Да, был вопрос того, насколько эти бойцы подготовлены и прочее, но все-таки число решало. И было понятно, что это самое число может сыграть злую шутку с Романо. Была, конечно, идея по поводу того, чтобы завалить парковку и тем самым отрезать выход для техники и части солдат ЧВК, но это тоже не являлось стопроцентной гарантией успеха. Да. На крышах заменяли снайперов. Да. По сути, начинались определенные боестолкновения с противником при поддержке снайперов, что автоматически выводило из строя часть пулеметных гнезд и тяжелобронированных пехотинцев, однако это не отменяло боя внутри офиса. Внутри оставалось нечто, что было практически полностью неизведанным и, вероятно, самым опасным внутри операции. В самом офисе можно было разместить дополнительные пулеметные точки или турели, если последнее — Паук бы с легкостью отключил систему, но противник вполне мог предусмотреть подобное и поставить станковые пулеметы со смешанным управлением, то есть с возможностью переключения режима турели в режим прямого управления. Все это оттягало положение дел, связанных с подготовкой...

Размышления прекратил стук в дверь, после чего сразу же вошел Милет.

— Добрый день, Романо, — проговорил командир отряда наемников, подходя к столу. Лицо этого крепкого мужчины было спокойным, но на нем читалась какая-то легкая печаль.

— Ну... Добрый-то он не очень, но все-таки здравствуй. Как прошло? — спросил Романо, глядя на садящегося на сидение перед ним человека.

— Как-как? Обычно. Ничего нового. Это же не первый случай. Да, Глаз — был одним из тех, кто был в моем отряде первоначально, но все-таки мы не должны слишком долго переваривать его гибель. Он был солдатом, а умер героем, поэтому никаких стенаний быть не может, — Милет говорил это достаточно спокойно, после чего пристально посмотрел на Романо. — У меня для тебя кое-какие сведения по поводу пополнения твоих резервов.

— Это какие? — спросил директор, глядя на наемника.

— Циркуль, — Жабодав назвал этот позывной как-то сухо и холодно.

— Он не хочет более работать вместе с вами?

— Да. Более того... Он устроил мне чуть ли не выговор на тему того, что я всех их приведу к гибели. Парня можно понять, ибо Глаз был его ближайшим товарищем. Глаз обычно работал из снайперской винтовки, а Циркуль его прикрывал. Они в этой паре работали еще с кампании в Конфедерации, поэтому мне понятна его ярость, кроме этого они были хорошими штурмовиками. Ну и... Он еще до этого говорил, что хочет окончить карьеру наемника, осесть и спокойно жить. Его только Глаз у меня держал. На время он хочет перейти под твое командование, Герой Федерации, — на последних словах наемник улыбнулся.

— Угу... Ну, я с радостью приму в свои телохранители такого бойца. Ты будешь набирать новых бойцов в отряд? — спросил Романо с легким налетом интереса.

— Буду. У меня и так была определенная нехватка достойных солдат, теперь она усилилась еще двумя потерями. Как понимаю... Ты хочешь, чтобы я слетал на Айскрим и там поднабрал бойцов? В чем подвох? — спросил Милет, кажется, глядя куда-то в будущее.

— Мне нужно, чтобы ты летел вместе с Фирсом, — проговорил Романо, пронзительно смотря на наемника, а тот с каким-то недоверием посмотрел на директора. — В общем... Почему мне нужна именно такая связка? Дело в том, что Фирс имеет определенные связи на станции, кроме того умеет под правильным «соусом» оформить предложение. Ты же можешь надавить своим авторитетом и как бы заверить его слова своим присутствием. Именно Фирс, как мой прямой представитель, будет говорить. Твоя задача — охранять его, а также, если что, помочь в вербовке.

— Угу... — человек в этот момент переваривал информацию, он уставился в пол и лишь через какое-то время снова поднял взгляд на Романо. — Ты же понимаешь, что он — «жаба»? Я как бы простил его, но все-таки находиться с ним в одной упряжке особенного желания не имею.

— Жабодав, сейчас вопрос не в том, какое желание ты имеешь или какого желания не имеешь. Сейчас стоит вопрос выживания тебя и меня внутри боевых действий против МилитариКорп. Понимаешь?

— Допустим, — Жабодав снова опустил взгляд, а сам начал слегка краснеть. — А у тебя нет другого представителя? Ну, там... Джек? Билли? Паук? Никто из них не может проводить твою политику вместо «жабы»?

— Джек — это человек, который может поговорить с людьми, однако опыт вербовки у него довольно мал. Слышать об имени Билли вообще довольно забавно, ибо он не особо способен к какой-либо дипломатической деятельности. А Иоганн мне нужен здесь, — четко и спокойно проговорил Романо, смотря на Жабодава все тем же пристальным, сверлящим взглядом.

— Хорошо... — Милет выдохнул, а после поднял взгляд. — Ты хочешь, чтобы я преодолел себя, Романо... Это эксперимент такой?

— Конечно. Я же так люблю ставить эксперименты, — саркастичным тоном произнес Романо.

— Ну да... Вон, на Шпаке поставил, да так, что он самоубился, а теперь хочешь, чтобы я полюбил «жабу». Причем такую «жабу», которая похлеще остальных в силу того, что эта «жаба» изначально человек. Жабочеловек. Честно? Я лучше пожму руку Хратеру, чем этому «человечищу», — проговорил довольно спокойно Жабодав. — Я могу идти?

— Сначала послушай о том, кем является этот, как ты говоришь, «жабочеловек». Вот смотри... Ты у нас, насколько помню, с центральных миров, верно? — спросил Романо, глядя на Жабодава, а тот как-то непонимающе посмотрел на своего нанимателя.

— А что это меняет?

— Да то, что ты не совсем понимаешь его психологию. Не совсем понимаешь то, каким образом формируется человек на самом дне. Вот ты хоть раз за свою жизнь нуждался в каких-то простейших съестных припасах?

— Ну... Нет, — человек все также непонимающе смотрел на директора.

— А вот представь, что тебе придется убивать за гребаную «питательную» пасту.

— Ну... Не хотелось бы такое испытать. Но... К чему это, Романо? — спросил наемник.

— А к тому, что наш с тобой друг — это плод влияния системы. Он начал вливаться в бандитизм с самого детства. Те три кворона, которые были убиты первыми из Йори, являлись друзьями того бандитского отребья, с которым работал Фирс. Сам Фирс не хотел быть тем, кто убивает ради наживы, но не хотел жить в том состоянии, которое у него имелось на тот момент. Состояние нищего. Состояние того человека, который не может есть ежедневно. И да... Он опустил. Сначала стал работать с Леманом, а затем, когда стал шишкой крупнее, завел контакты и с кворонами. Понимаешь, что он являлся, в какой-то мере, жертвой обстоятельств? — Романо говорил это довольно спокойно, а в глазах его играл какой-то легкий азарт.

— Но это не оправдывает его связи с жабами. Он мог бандитствовать на планете, но к жабам не лезть. Не становиться жабочеловеком.

— Мог, однако, стал. История не терпит сослагательного наклонения и всех этих «мог» или «не мог», мы рассматриваем то, что уже случилось фактически. Фирс помог мне в ликвидации местной мафии, а затем не сбежал с Айскрима, хотя мог сбежать, что ты сам отмечал. Ты сам отказался от того, чтобы забрать Фирса, а затем его казнить. А это значит, что ты фактически аннулировал его действия в прошлом. Ты сам от них отказался, Милет. Или ты будешь это отрицать? — интерес в глазах директора все сильнее разгорался, а Милет отвел взгляд.

— Я не буду отрицать, что я освободил его от ответственности перед человечеством, однако это не отменяет того, что он — преступник, — спокойно проговорил Милет, а глаза его начали бегать по комнате.

— Да. Это не отрицает того, что он преступник, однако все мы — преступники. А я даже больший преступник перед человечеством, чем он. Я лишаяю промышленности почти целую планету. Как по-твоему? Что страшнее? Пара девочек, которые были проданы в секс-рабство, или же человек, который лишает возможности к жизни миллионы и даже миллиарды людей? — Жабодав в момент этих слов замялся, глаза его стали бегать еще быстрее, он закусил губу, затем посмотрел на Романо.

— Ты меня в тупик завел. Для меня обе вещи отвратительны.

— Однако... Ты работаешь на меня.

— Я работаю на тебя... — человек снова потерялся, кажется, что он даже не задумывался о том, что делал и в чьих делах замарал руки.

— Наверное, я страшнее одного маленького Фирса?

— Страшнее... — судя по лицу Жабодава, ему стало противно от себя самого, после этого разговора, кажется, он начал вспоминать обо всех тех действиях в пользу таких, как Романо и от этого начал бледнеть.

— Что такое, Милет? Тошно стало? Ты вот — герой, убийца взрослых и детей другой расы, но все же тот, кто уничтожал детей. Я же первый из тех, кто не позволил тебе зачистить детей. Верно? Ты подумай не над тем, на кого ты работаешь, а о том, что ты, зверь, делал. Чем ты сам от «жаб» отличаешься? — Милет в этот момент будто бы ослаб, руки его вдруг задрожали, а грудь заколыхалась от какого-то неровного дыхания. Он тут же вспомнил слова Грейха об эсэсовцах-убийцах детей и равенстве между шок-пехом и ними, сразу начали возникать ассоциации и с собой. — Правильно. Ты еще хуже. «Жабы» никого не уничтожали, Милет. Это ты уничтожал всех, даже младенцев. Нет вопросов по поводу убийства взрослых кворонов, но дети-то причем?

— Не причем... — Жабодав проговорил это как-то глухо, затем шмыгнул. — Романо... Кажется, что ты первый, кто сказал мне о безумности моих действий. Моя ярость не различала того, кто виноват... Я сделал виновными их всех. Но... Действительно... Почему дети должны отвечать за дела отцов? — Милет замолчал, его губы слегка тряслись, а сам он думал о том, что еще сказать.

— Ты должен признать свои ошибки, Милет. Я разговаривал с Хратером, и он не держит обиды. Гибель клана произвела страшнейший переворот в его уме, и сейчас он задумывается о том, чтобы стать чем-то совершенно иным. Он назвал тебя примером для себя. Понимаешь, Милет? Он правда думает о том, чтобы драться не только с кворонами, но и с остальной преступностью. Он ведь знает только о том, что ты — страх кворонов, а выходит, что ты и каперством промышлял, да и, в целом, выродок еще тот. И ты, Милет, хочешь упрекать в чем-то «жабочеловека»? — Романо улыбнулся, кажется, он добился своей цели — Милет был сломлен.

— Угу... Ну... Ты прав, наверное. Но... Не думал, что я стану примером для кворона... Это ж скольких я убил из тех, кто мог стать на схожий путь? Романо-Романо... Где ж ты был раньше? — человек сгорбился и будто бы сжался, лицо его изменилось и стало будто бы старше от этой глубокой грусти, которая на нем вдруг возникла.

— Я, вероятно, в этот момент делал то же самое, что делаю и сейчас, только вот людей тогда уму-разуму не учил. Делал лишь то, что говорила мне корпорация, но теперь время иное...

— Какое же? — спросил человек, глядя на Романо задумчиво и болезненно.

— Мои действия сейчас специально носят наиболее грубый и грабительский характер. Ранее мы на протяжении двух лет постепенно ликвидировали экономику, теперь я ее ликвидирую ударными темпами. Растет только добыча ресурсов, а вот промышленный сектор сокращается в секунды, а значит, растет масса нетрудоустроенных, что влечет за собой лопание экономических пузырей в виде кредитов, ипотек и прочего, — Романо сам во время этих слов побледнел. — Это влечет за собой усугубление кризиса. В момент, когда кризис усиливается, оголяются самые страшные противоречия нашей системы. Люди банально теряют все. После потери всего — их напряженные нервы начинают искать ответы: кто виноват? Что виновато? И на начальных этапах они находят тех, кто виноват. Линчуют их, но проблемы никуда не деваются, значит, требуется понять, что именно влечет за собой их проблемы. Ответом становится слово «система» или «капитализм». В этот момент зажигает свой фитиль процесс революции. Если ты, Жабодав, проживешь дольше, чем я, а ты проживешь, — ты увидишь этот процесс. Меня забудет история, однако этот акт является первым актом внутри нашей борьбы.

— То есть... — глаза Жабодава снова начали бегать, потом остановились и поднялись

на Романо. — Ты хочешь принести себя в жертву? Чтоб тебя линчевали?

— Да. Если я стану фитилем социального взрыва — я буду рад.

— Ты болен, Романо... — на лице Жабодава появился какой-то странный страх, какое-то абсолютное непонимание логики человека напротив.

— Помнишь войну в Триумvirате? Помнишь, как они дрались за свои миры?

— Помню... — снова как-то глухо сказал Жабодав, а глаза его опустились.

— Вот. Ни один из нас так не дрался, как они. Если бы не численный перевес... Не бывать бы нашей победе над Триумvirатом. В общем, Милет... Я хочу лишь того, чтобы наши люди — стали теми людьми. Сильными. Гордыми. Свободными, — последние слова Романо произнес отрывисто.

— Но... Они же и сейчас не слабые.

— Милет... Они отчуждены от своей жизни, от своей работы, от своих детей. Они всегда должны работать на тех производствах, которые не факт, что дают настоящий полезный выхлоп для людей. Вот знаешь... У Шпака был завод электроники. Планшеты собирал, а если быть точнее, НПК для шок-пеха. Ну и как? — Романо сделал паузу. — Это полезный труд? Трудиться на тех, кто в будущем будет тебя убивать. Много пользы от таких планшетов?

— Немного... Но... Как это связано? Что за отчуждение?

— Это понятие психологическое. Работа на то, что точно не принесет пользы ни тебе, ни обществу, а если принесет — неизвестно кому. В случае того, если работа бессмысленна — это приведет к тому, что человек выгорит. Он будет биороботом, не испытывающим никакого удовольствия от своего труда, а труд — это природная сущность человека. Без мыслительной деятельности, которая связана с трудом, — не было бы и человека. Ума бы у тебя не было. Равно, как и у любой другой расы. Без труда — мозги не так работают, а если твою природную сущность ликвидируют на бесполезной, а то и опасной в перспективе работе, ты просто самоуничтожаешься. Ликвидируешь себя, как сознательного творца, который производит полезный для людей продукт. Ты становишься функцией от станка. Понимаешь? Нам с тобой сложно это понять, ибо мы в производстве не участвовали, но в определенной степени могли столкнуться с тем же отчуждением, с каким сталкиваются и обычные люди.

— Ну... Может ты и прав. Наше существование — жалкое существование. Да... Наверное, ты прав... — Милет опустил глаза, а после спросил: «Я могу идти?».

— Можешь, Милет, можешь. Надеюсь, что наш с тобой разговор станет для тебя чем-то полезным, — Романо в этот момент как будто был опустошен. Ему трудно было говорить это все, по крайней мере, последнее, о чем он говорил.

— Спасибо, Романо. Это останется со мной, — проговорил Милет, после чего вышел из кабинета.

Романо снова остался здесь... Наедине с собой. Его кабинет, наверное, стал для него тюрьмой. Особенно это проявилось в последние дни. Тяжелый груз ответственности все сильнее наседавал на его плечи, а сам он, кажется, уже не сильно мог его выдерживать, но все-таки держался. Вероятно, ему бы следовало, как офицеру, пустить себе пулю в висок, но он не мог этого сделать... Пока что. Нужно сделать еще многое... Многое.

...

Уже вечером, Романо впервые за несколько недель возвращался в свои апартаменты. За рулем аэромобиля сидел Паук, который молча следил за дорогой. Роберто же смотрел в окно

каким-то отчасти отрешенным взглядом.

Мимо проносились фигурки людей и машин. Жизнь до сих пор кипела, но только... Какая? Это был главный вопрос. Тут и там виднелось то, как люди начинали люмпенизироваться. Фактически, они превращались в блеклое подобие себя. Кто-то уже выбирал более легкий путь... Вот летит аэроцикл... Человек за рулем будто специально залетает под мост и резко тянет руль на себя, а затем летит прямо в свод моста. Мгновение... Удар, а затем взрыв. Опметки железа и мяса разлетаются в разные стороны. И это был уже не первый полет аэроциклиста в бетон. Рядом же виднелись несколько черных «ожогов», обугливших бетон и свидетельствовавших о постепенной гибели города, о постепенном схождении с ума не самых бедных его жителей, и если средний класс разбивается о своды мостов, то... Что может происходить с беднотой?

— Занимательное зрелище, — прокомментировал Паук произошедшее. — Его аэроцикл стоил шестьдесят две тысячи пятьсот кредитов... Среднему рабочему пришлось бы работать на это чудо без еды, воды, налогов и одежды пять лет и три месяца. Этот идиот мог продать свой драндулет и жить припеваючи на протяжении пяти лет. О времена! О нравы!

— Не ёрничай, Иоганн... Он все-таки человек.

— Господин Романо, это не человек.

— А кто это? — с интересом спросил директор.

— Фарш и железо.

— Ха-ха! Смешно.

— Я знал, что Вы оцените мою шутку, директор. Я рад, что развеселил Вас, — улыбнулись бледные губы Иоганна.

— Ты отвратителен, Иоганн, — с улыбкой произнес Романо.

— Я знаю. Именно поэтому меня и наняла КаренияИндастриз. Отвратительной корпорации нужны отвратительные сотрудники. Вы, кстати, тоже отвратительны, господин Романо, — в словах Паука слышалась какая-то легкая издевка, а Романо даже слегка засмеялся в ответ на слова своего подчиненного.

— Умеешь ты, Иоганн, разбавить атмосферу. Даже странно, что ты на это способен. Пережил такое, и как-то шутишь...

— Я издеваюсь, господин Романо. Черный юмор — не юмор вовсе, хотя и вызывает определенные положительные эмоции. Если быть честным... Черный юмор — это, скорее всего, определенная защитная реакция на тот кошмар и идиотию, что происходит вокруг. По крайней мере, в моем случае это так, — голос Иоганна был все тем же, он был все таким же хрипловатым и слабо эмоциональным.

— Ну да... Ты издеваешься над всем, что видишь. Я понимаю, Иоганн. Было бы другое время... Мы бы могли шутить совершенно иные шутки, а пока... Черный юмор, как защитная реакция, — спокойно говорил Романо.

— Именно так.

...

Через час Романо был уже в апартаментах. Рука была положена на сенсорную поверхность справа от белой двери из пластстали, затем послышалось добродушное пиликание, и сама дверь автоматически открылась, после чего директор вошел в помещение.

Он медленно и как-то устало расстегивал свое пальто, а затем повесил его на вешалку. Навстречу человеку вышла невысокая женщина с темными, покрытыми легкой сединой, волосами и легкими морщинами на лице. Была она в каком-то бесформенном черном

костюме, который фактически съедал четкость очертаний тела.

— Здравствуйте, господин Романо, — проговорила она голосом с легкой хрипотцой, а человек кивнул. Он поставил свою трость в угол и улыбнулся.

— Кира дома? — спросил человек, глядя на вешалку, где висела розового цвета куртка.

— Да. Дома, господин Романо, но...

— Но? — вопросительно наклонил голову человек.

— Кажется, что она не очень хочет с кем-то говорить. Она не разговаривает со мной. Иоганн, кажется, тогда наговорил ей чего-то неприятного.

— А ранее она с тобой разговаривала? — спросил Романо, ухмыльнувшись. — Собственно, о чем этой молодой девушке с тобой разговаривать, старуха. У нее дел — огромное множество, а тут с бабками у подъезда лясы точить.

— Ха-ха-ха... — женщина, кажется, обиделась, после чего развернулась и ушла из коридора.

Романо же повесил свою шляпу на ту же вешалку. Его короткие черные волосы были как-то некрасиво разбросаны туда-сюда, слегка блестели из-за жира, да и сам человек выглядел как-то неопрятно, из-за чего ему было как-то даже неудобно смотреть в зеркало. Он погладил свое лицо и почувствовал грубую щетину, которая уже постепенно начинала переходить в бороду. Он покачал головой, после чего прошел в ванную комнату, где снял пиджак и рубашку, после чего достал из-под раковины какой-то тюбик.

На груди его виднелся огромный ожог, который оставил рогарийский генерал, да и в целом на теле виднелось много различных шрамов, что, вероятно, могло бы быть привлекательным, показывать некоего брутального и сильного мужчину, но избыток шрамов было таким, что большая часть мышц была буквально изуродована. На правой груди отсутствовал сосок, он буквально был сожжен. В целом, правая грудная мышца выглядела ужасно, равно как и правое плечо, мышца которого, судя по всему, была заменена на синтетическую. На прессе присутствовал разрез... Судя по всему, в одном из боев Романо был настолько тяжело ранен, что мог увидеть собственные кишки. Рядом с тяжелыми шрамами виднелись более мелкие от пулевых и ножевых ранений. Вероятно, он мог бы сделать огромное число пластических операций, заменить мышцы на синтетику и быть привлекательным мужчиной на каком-нибудь пляже, но, судя по всему, этот человек не желал расставаться с «прошлым» до тех пор, пока его биологические мышцы могли нормально функционировать.

Он опустил голову под кран, включая воду... Жесткие волосы медленно мокли, а крепкие руки вновь и вновь набирали воду в ладони, чтобы облить голову, затем он выдавил шампунь в правую руку и начал намыливать волосы. Быстрый смыв пены и на раковину лег новый тюбик. Гель для бритья, рядом легла и опасная бритва.

В этот момент в ванную комнату буквально на мгновение вошла Кира, после чего выскочила назад, увидев это крепкое и изуродованное тело. Романо улыбнулся.

— Здравствуй, Кира, — проговорил он, выдавливая гель для бритья на левую руку, а затем превращая его в пену.

— Здравствуйте, господин Романо, — сказала она как-то неуверенно, после чего оперлась на дверную раму и все-таки украдкой посматривала на человека.

— Как день в колледже? — спросил человек, нанося пену на лицо.

— Нормально, — ответила девушка.

Спина человека была такой же изуродованной, местами были видны явные удары

энергосокопьями, судя по всему, он успел побывать и в плену или в некоем его подобии, там же располагались и шрамы от пулевых отверстия, а по диагонали крепкую спину делил шрам от кнута. Он точно побывал в плену.

Холодная сталь ложилась на кожу, а после шла вниз, срезая щетину. Орудовал бритвой он довольно легко и быстро, где-то за минуту лицо уже было гладко выбрито, а он смыл остатки пены, после чего надел белую рубашку, а пиджак взял в руку.

— Насмотрелась? — ухмыльнулся он, глядя на девушку, которая практически смотрела ему глаза в глаза.

— Да, — Киру слегка передернуло. — Где Вас так?

— На войне, как вне Федерации, так и внутри нее. Наверное, наиболее интересен след от плети... Это мне нанес один бандит. Мне повезло не оказаться в плену рогарийцев, а иначе... Не знаю, простили ли бы меня за убийство генерала. Иди на кухню, наверное... Посмотрим, что можно по-быстрому приготовить, — улыбнувшись, Романо вышел из ванной комнаты, после чего пошел дальше по коридору, а девушка вошла в ванну.

— Что Вам приготовить, господин Романо? — спросила женщина в черном балахоне, стоявшая на кухне.

— А в твои обязанности входит и это? — удивленно приподняв бровь, спросил человек, вешая пиджак на спинку стула.

— Да. Входит. Могу приготовить жаркое, говяжий стейк с гречкой, можно и что-то более необычное.

— Ага... Ну, удиви меня, — усмехнулся Романо, после чего прошел в гостиную. — Если ты будешь кормить Киру разнообразно и вкусно — я подниму твою зарплату до трех тысяч кредитов каждые две недели. Я считаю, что мои сотрудники должны жить достойно, поэтому и зарплата превышает среднюю по региону, а порой и по планете. Не подведите меня, — улыбнулся директор, садясь на диван и снова прикрепив прямоугольный визор в соответствующее отверстие на правом виске.

Далее Роберто стал снова просматривать какую-то документацию, прикрыв левый глаз, а правым довольно быстро водя слева направо по статье о каком-то из директоров МилитариКорп. Но вскоре чтение было прервано фигуркой, видимой через стекло визора, после чего Романо сразу отключил документ и дал сигнал для отключения визора.

Человек похлопал по дивану, указывая на то, чтобы Кира села рядом, и девушка подчинилась. Она прошла в гостиную, после чего села на диван подальше от Романо.

— О чем Вы хотели поговорить? — спросила девушка, не глядя на человека.

— Ну... Вообще-то я просто хотел бы с тобой поболтать, узнать о тебе побольше и прочее. Не более. Никаких подводных камней, Кира. Простой интерес, — после слов человека настало какое-то неловкое молчание, а он отвел взгляд. — Насколько знаю... Ты увлекаешься литературой. Верно?

— Ну, допустим. Это что-то меняет? — спросила она, направив взгляд своих серых глаз на человека, который будто бы согнулся под давлением этого взгляда, но все-таки не подал особенного вида.

— Меняет, — отрывисто произнес он, после чего с хитрым прищуром посмотрел на Киру, теперь взгляд отвела уже она. — Я ведь сам увлекаюсь литературой.

— И какой? Боевиками и триллерами? — улыбнувшись, спросила девушка. — Да и... Когда Вам читать? Вы же всегда загружены делами по лишению кого-либо средств к существованию.

— Остро... — человек продвинулся дальше к спинке дивана, обдумывая то, что же сказать... — Остро подмечено. Да. Отчасти, ты определенно права. Читать мне... Ну, по крайней мере, художественную литературу — некогда, но вот... Что-то более ценное для предприятия или, в целом, для понимания мира — почитать всегда полезно.

— К примеру? — девушка закинула правую ногу на левую, слегка повернулась к директору, положила локоть на подлокотник, а голову положила на ладонь и с каким-то вызовом посмотрела на директора.

— Эти юные глаза, что вызовом секут плоть стариков, как плетью... — человек вздохнул.

— Метафоричненько, но тему «Отцов и Детей» раскрывает слабо. Вернее сказать... Односторонне, — она в этот момент улыбнулась, а Романо покачал головой.

— Ну да... Вынужден согласиться. Как перед учителем сижу... Ужас! — директор сам заулыбался в этот момент, ему, вероятно, впервые за долгое время приходилось разговаривать с молодежью на такие темы и сейчас у «старика» от счастья разрывалось сердце. — Ну, что я читаю? Карл Маркс? Знакомо такое сочетание имени и фамилии? Фридрих Энгельс? Владимир Ильич Ленин? Иосиф Виссарионович Сталин? Антони Грамши? Можно еще перечислять уже нынешних работников пера, к примеру, Иоганн Ромм, Григорий Свиридов... Много кто.

— Если правильно помню... Иоганна Ромма — повесили, — девушка опустила взгляд.

— Да. Шок-пех. Его книжки о переворотах и революциях как-то не сильно нравились нашим верхам. Он исследовал вопрос Великой Социалистической Революции на Земле, чем и сыскал петлю на шею. Еще написал книжку... Кажется... Сейчас бы не ошибиться... — Романо облизал губы, а глазами бегал по коврам.

— «Революция — это любовь», — как-то грустно улыбнулась Кира. — Это единственный его роман, но... Сильный, как мне кажется. Правда... Легальным путем его не достать.

— А ты достала? — спросил Романо, глядя на Киру.

— К сожалению... Нет. Могу довольствоваться лишь тем, что слышала от некоторых преподавателей. Говорят, что там была интересная любовная линия, только вот была она не о том, что называется плотской или даже просто высокой любовью между мужчиной и женщиной, но о нечто большем. Там же вышло так, что революция разделила влюбленных. Он оказался в руках карателей, а она осталась верной до конца, даже зная о том, что он уже убит. Кажется, что ее звали Милена, и она на протяжении всей книги пыталась найти какие-либо ниточки, ведущие к нему. Там было много сцен пыток, но он не выдавал своих соратников, несмотря ни на какие увечья, только твердил о том, что революция — это любовь, а любовь нельзя предавать. Как-то так... — девушка покачала головой. — Большая часть нынешних историй не способна рассказать и чего-то на толику близкого к этому... Мне больно за нашу культуру, за наше поколение, — в этот момент у нее встал комок в горле, кажется, что Кира была готова расплакаться из-за той истории, которую рассказала, а Романо покачал головой.

— А что, если я достану для тебя эту книжку? — человек улыбнулся, а девушка посмотрела на него с каким-то удивлением. — Да. Я могу. Вся та литература, которую я читаю, запрещена законом. Я без разговоров смогу достать для тебя эту книжку. Только это... Тебе какую «обложку» лучше?

— Обложку? — как-то непонимающе спросила девушка.

— Ну... Скажем так... — Романо заулыбался как-то немного стыдливо. — Нынче внутри различных космопортов есть специальные устройства для считки книг на твоих устройствах... И они проверяют, сугубо, десять страниц сначала и десять страниц с конца, по крайней мере, таков алгоритм, и если не будет выявлено ничего противозаконного, дальше программа отключается. В общем-то... В связи с этим, мы делаем так называемые «обложки». Зачастую, это самые отвратительные книги из тех, которые возможны. Ну... Камасутра с разным наполнением.

— Фу... — девушка посмотрела на Романо с какой-то странной улыбкой. — Ну нет... Мне такой «обложки» не надо. Можете использовать какую-нибудь, скажем... Ну... попаданческую литературу? Ну, там... Про мальчиков-задротов, которые случайным образом попадают в какой-то другой мир и... — девушка покраснела. — Спариваются там со всеми красивыми девушками. Фу...

— Хорошо, — Романо заулыбался. — Это такая нынче литература в моде?

— Ну... Да. Я, правда, это не читаю, ибо читать это невозможно физически, ибо авторы даже не понимают то, что описывают. К примеру... Они банально неспособны к тому, чтобы изучить что-то и только потом что-то писать про это «что-то». Вот представь... — она откинулась на спинку дивана и посмотрела в потолок. — Однажды, была книжка про то, как человеческий солдат стал рогарийским лордом, а после завел гарем из родовитых рогариек, одной из которых была дочка визиря или даже императора. Для начала следует понять то, что титулы у них другие, а автор не изучил даже этого... Ну а... Ну... Кому я это рассказываю? Вы же и сами это прекрасно знаете.

— Ну... Становление солдата лордом — это нечто необычайное... Хорошо, что я с такой литературой не сталкивался. А вот как он им стал?

— Ну... Он в одиночку прорвался на корабль рогарийского лорда и вызвал на дуэль лорда, после чего по праву сильного, которое имеет место в их культуре, стал лордом, только вот...

— Да. Это право распространяется только на рогарийцев, причем только на родовитых.

— Ну, вот... И такое у нас набирает читателей, и мне правда очень и очень стыдно за нашу литературу. Это, наверное, один из худших уровней за последнее время, хотя... Помнится, что почти в каждую эпоху люди думали, что хуже уже быть не может, но авторы всегда были способны пробить новое дно. Грустно это все...

— Угу... — протянул Романо. — А ты сама писать не пробовала?

— Ну... Пробовала, но как-то... Не знаю.

— Дашь почитать? — человек посмотрел на девушку добродушно.

— Могу, но... Это надо еще откопать. А у меня учеба кипит... В общем, когда-нибудь скину. А... — девушка, кажется, хотела что-то спросить, но почему-то остановилась.

— Что такое? — спросил директор, смотря на бледнеющую девушку, в этот момент у него, кажется, все внутри передернулось-перевернулось, он не любил, когда кто-то в его присутствии вот так терялся, ловил себя на какой-то мрачной мысли или вопросе, но ничего поделать с этим было нельзя.

— Как там... Папа? — Кира спросила это, будто бы что-то почувствовав с каким-то запозданием.

— Да... Я надеялся, что ты спросишь про Генриха уже после, но... Раз уж ты спросила сейчас... — Романо вздохнул и отвел глаза от начинающей дрожать девушки. — Он застрелился. Не выдержал этого всего, и застрелился. Боюсь, что ты, Кира, осталась сиротой.

Твоя мать уехала в неизвестном направлении со своим новым «мужем», отец уже сгорел в крематории. Но... Прошу на меня не злиться. Да. Я в какой-то мере виноват в том, что произошло, но, судя по всему, Генрих и так был близок к подобному исходу. Я, скажем так... Проследил стенограммы его походов к психологу, и он очень часто рассуждал о суициде, поэтому возможно, что он бы убили прямо у вас на глазах, а то и забрал вместе с собой.

Человек опустил глаза, как-то тяжело вздохнул... Он боялся посмотреть в направлении Киры, ибо не знал, что можно ожидать сейчас, но услышал только всхлипы. Он оперся локтями на колени и опустил голову.

— Я не хотел того, чтобы так случилось, Кира... Просто... Видимо, мой эксперимент не удался. Я буду честен перед тобой, ибо честь офицера во мне еще осталась и лгать нам не положено. Я ставил определенный эксперимент над твоим отцом. Фактически, я хотел перековать его, превратить в совершенно иного человека. Из среднестатистической мелкой потребляды превратить в человека, который способен жертвовать собой, который способен на сильные действия, но... Не вышло. С каждым новым «ударом» он лишь сильнее ломался. Ну и... Сломался. Вероятно, тот сеанс «психотерапии» его добил. Про тебя в прощальной записке он написал лишь определенную гадость... В моем понимании, он не отец, даже близко не отец. Там он отрекся от тебя, но цитировать я этого не буду. Так же, как и предоставлять это самое письмо тебе. Лучше, чтобы он ушел для тебя более или менее хорошим человеком, хотя... Он нанес тебе слишком много зла за эти пару месяцев, может, год, но... Отречься от своего прошлого — не стоит. Это разрушительно влияет на личность. Ты просто отрицаешь самого себя в этом случае... Случившееся остается в прошлом, но всегда является частью тебя, Кира, — Романо обернулся к девушке, которая плакала в этот момент, он аккуратно подсел к ней и слегка обнял. — Запомни, Кира... В этой жизни очень много несправедливости и зла, но только в наших руках кроется возможность это зло, если не уничтожить, то, хотя бы, ослабить. Поэтому, родная, не нужно этих слез. Все это уже произошло и следует отнестись к этому, как к данности. Никого уже не вернуть и ничего уже не вернуть, поэтому давай... Успокаивайся, и скоро будем кушать, а книжку я добуду. Можешь целый список написать, — Романо говорил это как-то слишком уж тепло и осторожно, это было совершенно на него не похоже... Он будто был актером, который способен перемениться в секунды. В один момент он — меч, разящий врага с железной уверенностью, а в другой — огонь, что хранит чужую жизнь и ее обогревает.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Космос, космопорт, зал ожидания,
09.01.2580, 10:00

Космопорт был полон людей, многие уже улетали с планеты... Судя по всему, Итарис в целом и Кирен-1 в частности становились невыносимыми для жизни, но здесь в основном виднелись сытые лица, слегка потрепанные, но все-таки сытые и относительно богато наряженные.

Фирс стоял возле входа в космопорт. Стоял он уже с час и как-то нервно озирался вокруг. Он не видел Жабодава и даже боялся увидеть этого крепкого человека, который явно должен был держать на самого Фирса какую-то злобу... Человек все время слегка пригибался, когда слышал громкое объявление о посадке или подъеме какого-либо судна. Корабли поднимались с громким гулом... Это были в основном транспортные суда межсистемных перелетов. На эти перелеты был спрос, но теперь лишь в один конец.

Наконец, Фирс увидел человека в плаще, под которым виднелся бронежилет, на лице был знакомый шрам, а значит, это и был Жабодав. От этого вида бывшего торговца рабами передернуло, тем более передернуло от того, что рядом с Милетом шел человек с короткой рыжей бородой, которого звали Мох, а вот Фирс был один... И это напрягало еще сильнее. Он стоял в своей плащовке и переваливался с ноги на ногу... В своих стареньких берцах он ощущал себя довольно уютно, однако они не совсем спасали от страха и холода. Да... Время было похоже на зимнее, но климат на Итарисе был гораздо мягче, чем на Земле, что обеспечивало людям возможность гулять в относительно легкой одежде даже в самые холодные зимы.

Жабодав и Мох подошли к Фирсу, после чего Жабодав первый протянул руку, а вот Фирс как-то испугался этого жеста. Еще сильнее он испугался взгляда Моха исподлобья, но все-таки протянул руку Милету.

— З-здравствуйте, — проговорил Фирс слегка дрожащим голосом.

— Здравствуй, — произнес спокойно Милет. — Романо поговорил со мной, и тебе бояться нечего. Ты все-таки исправился в каком-то плане. Придется произвести определенную переоценку своей деятельности. Еще подумать о том, какие механизмы можно использовать для сохранения вида кворонов. Пора идти.

Фирс пытался различить какую-то уловку в словах наемника, бегал глазами от Милета к Моху и от Моха к Милету, но никак не мог понять, врет ли Жабодав. Может быть, сейчас они зайдут на корабль, и там Фирса распнут... Нет-нет-нет! Не думать...

Фирс, после минутной задержки, проглотил вязкую от страха слюну, кивнул и жестом позвал наемников за собой. Вероятно, находясь в другой ситуации, этот человек в бейсболке с ушами дал бы деру, но вес поручения Романо, а также два амбала за спиной не позволяли ему это сделать. Животный страх играл в его маленьком сердечке, которое сейчас стучало прямо в висках, но вся ответственность ситуации почему-то заставляла Фирса пересилить себя и двигаться к регистрационному окну космопорта.

Вдруг ему на плечо легла тяжелая рука бородача, а сердце будто бы остановилось. Холодный пот, кажется, целым ручьем потек по спине, а яички человека будто бы сжались и

уши куда-то глубоко-глубоко в недра организма их носителя, что Фирс прямо-таки почувствовал.

— Ты так не трясись, а то вызовут ментов и каюк нам. Ты ж и нас, и Романо подставишь, — проговорил грубый голос почти двухметрового великана, на фоне которого Фирс представлял собой лишь какого-то мышонка рядом с сильным рыжим котом.

— Хорошо...

— Тебе, может, спирта отлить? Ато как-то больно уж сильно ссыкуешь, — спросил он же, глядя уже на Жабодава.

— Не... Не стоит, — проговорил Фирс. — Я себя... Сам... Да. Сам успокою. Только я подойду к окну один, а иначе, ну... Могу снова слегка занервничать. Я не кину.

— Ну, смотри, Фирс, а иначе Романо останется без достаточного числа бойцов, и мы там поляжем. Все, — бородач проговорил это спокойно, а Фирс из-за этого слегка успокоился, видимо, они действительно не собирались убивать бывшего бандита, но все-таки какая-то доля страха все еще оставалась.

Наемники остались позади Фирса и отошли к одной из колонн космопорта, когда тот начал говорить с девушкой в окне.

— Какое-то он ссыкло для того, кто работал с жабами, а? — ухмыльнулся рыжий, глядя на Милета.

— Давай-ка откажемся от этого термина... Все-таки они не животные, какими я их считал. Надо будет поподробнее изучить их историю. Все-таки... Моя ненависть носила характер, наверное, личной неприязни. Понятно, что квороны превратились в какую-то дрянь, но они же, наверное, не всегда такими были, — проговорил как-то мрачно Жабодав.

— И кличку сменишь? — ухмыльнулся Мох.

— Пусть она останется клеймом позора и для меня, и обозначением моего призвания по уничтожению худших из кворонов. Кстати... Что интересно... Оказывается, что они не все такие твари. Я почитал в космонете о нескольких кланах кворонов, которые занимались и занимаются охотой за головами, то есть... Нашей работой. Романо все-таки раздробил этот стереотип о том, что все квороны твари.

— Да не... Его и не было. Ты же этих самых... Оружейников и наркобарыг не сильно трогал, так что... Он просто усилил твою лояльность к расе, вернее... — Мох задумался. — Не лояльность, но как это говорят... Толерантность. В принципе, твой выбор, командир, я тут особо препятствовать не буду, ибо все-таки с убийством детей был перегиб. А как я помню... Ты же шок-пехотинцев сравнивал с СС, а те на оккупированных территориях детей убивали, а мы выходит... Чем тогда от нацистов с Земли отличаемся, если всех под одну гребенку?

— Ну... Противоречие на противоречии... А почему вы не говорили об этом? Боялись, что ли?

— Говорили. Просто ты не слушал. Я, признаться... Много раз твой приказ не исполнял. Помню, на станции Гром-10 была одна семья кворонов, которая нам вообще не оказывала сопротивления. Я тогда в тройке с Занозой и Серпом шел, ну и... Ликвидировали тех, кто с оружием был... А вот эта семья... — Мох опустил глаза. — Мы им дали сбежать. Ибо... Они даже оружие против нас не направили. Не знаю уж, как долго они прожили после нашего «благородного» крестового похода, но, по крайней мере, я дал им шанс. Ты бы, наверное, всех под нож пустил, а я вот как-то не мог, но перечить тебе особенно нельзя было, поэтому и молчали. Так уж ты свою сестренку любил, что простить им не мог

убийства. А мы что? Мы твою горесть разделяли до поры до времени, а дальше... Дальше уже видели, что у тебя башню сносит. Вот помнишь, когда мы работали с Гремом Железякой?

— Ну... Помню. Тогда каперами в одной из систем Конфедерации подрабатывали. Работали на Сириус против Джавелина, ибо Джавелин имел глубокие связи с кворонами-пиратами.

— Угу... Помню, как ты из-за того, что на простом транспортнике летел какой-то кворонский вожак, расхерачил этот самый транспортник. И ты ведь не смотрел на то, что там куча людей была. Ты просто взял и направил торпеды на транспортник, а мы подчинились, потому что знали, что тебя никак не переубедить. Для тебя все те люди «жабами» стали, ибо допустили «жабу» на свой транспортник. Ты тогда с Железякой долго ругался из-за того, что Грем как-то не сильно оценил такую атаку. Он тогда со своими парнями жал торговое судно, а ты рванул за транспортником. Торгаш тогда ушел, а нам платили именно за ликвидацию торговых судов. Понимаешь, насколько в глубокой жопе ты был? И мы не раз говорили тебе о том, что пора бы подумать о том, что ты делаешь, но ты не слушал.

— Угу... Как-то погано мне... — прохрипел Милет.

— Я могу слетать вместо тебя, Милет. Все равно меня тоже знают хорошо, так что...

— Я дал Романо слово о том, что сам полечу вместе с Фирсом.

— Ну... Как знаешь. Я с тобой лечу в любом случае, ибо как-то ты после этой аудиенции сдулся. Эх... Набить бы кому-нибудь морду...

— А вот это уже на тебя, Мох, похоже, — ухмыльнулся Милет.

— Ну... Набить морду — это святое. Я без битья морд — не я. Наверное, этот... Ну.. Тот, кворон, который старший из Йори остался, именно после моего мордобоя одумался. Просветительские пиздюли Мох! Приходите — получайте — просвещайтесь, — Мох говорил про это с какой-то поганенькой улыбочкой, но все-таки была в этом здоровяке некая доля доброты.

...

Через полчаса они уже находились на том самом ржавом ведре, на котором ранее прибывали на Айскрим. Мох довольно едко прокомментировал новую встречу с посудиною, из-за чего Фирс снова насторожился, благо летели они недолго. Космическое пространство было буквально наводнено кораблями самых различных размеров, тут и там снова и снова поднимались транспортные машины, рядом с ними находились и полицейские суда, которые генерал-губернатор, видимо, выделил для того, чтобы обезопасить граждан Федерации. Такие потоки рабочей силы и богачей обычно сопровождали пираты, которые жаждали наживы и рабов для своих поганеньких делишек.

— Романо достиг своего... — достаточно мрачно проговорил Милет, глядя на это движение, все они тянулись к огромным гипер-воротам, которые должны были выпустить их из системы.

— Ага... Как бы гипер-ворота не навернулись от таких потоков. Помнится, с миров Триумvirата также бежали, так гипер-ворота и издохли, в итоге люди оказались в ловушке... Хе-хе... — отозвался Мох.

— А... Что было с этими людьми? — спросил Фирс, оторвавшись от управления.

— Ну... — Мох замолчал, кажется, что ему было больно вспоминать этот момент.

— Часть из этих кораблей использовалась при бомбардировке Грейика, другая на

Милонии, — проговорил как-то сухо Жабодав.

— И они даже не умерщвляли людей на кораблях? — спросил с каким-то изумлением Фирс.

— Ну... Где как... Хелтон был неумолим, для него не существовало мирных жителей, ибо миры коммунистические и каждый мир как минимум содержал в себе большое число коммунистов, поэтому он и производил геноцид. Не знаю уж, как он относился к коммунистам, но его действия показывают то, насколько он исполнительен. Корабли брались в захваты, а затем с помощью рельсового оружия направлялись вниз. В общем... Там творился кошмар. На Грейик мы даже не спускались, но зато на него сбросили один из их флагманов... Огромный ядерный взрыв, и почти вся планета покрыта радиацией, дальше уже более мелкие корабли, как военные, так и гражданские. В общем... Бомбардировка носила характер устрашения. Как-то так, — проговорил человек, глядя на удаляющиеся к воротам корабли.

— Ужасающе... — в этот момент Фирса слегка передернуло.

...

Вскоре корабль был возле Айскрима, в этот раз посудина залетала в легальный космопорт.

— Корабль Рейвен-3 запрашивает разрешение на посадку, — проговорил Фирс в микрофон на пульте управления корабля.

— Станция Айскрим-6 приветствует Вас в своем космическом пространстве. Назовите цель Вашего прибытия, Рейвен-3, — послышался слегка искаженный мужской голос.

— Мы прибыли для того, чтобы набрать бойцов для нашего ЧОП, планируем пройти по местным барам и поискать достойных бойцов. Как слышите, Айскрим-6?

— Слышу хорошо, Рейвен-3. Приветствуем в нашем ангаре, приятного времяпрепровождения, — произнес мужской голос, после чего связь прекратилась.

Корабль вошел внутрь отсека, а затем пролетел в ангар, после чего опустился на одну из десяти посадочных платформ для крупных кораблей.

...

Вскоре они были уже на одном из жилых уровней «средней» станции, что обозначало их малую криминогенность, а также относительно большое число стационарной полиции. Вот стояли два постовых, один был вооружен помповым дробовиком, второй офицер, судя по всему, в кобуре имел довольно увесистый пистолет. Фуражки с покрытием голубоватого цвета сверху, а также с клетчатым ободом вокруг головы. Одежда их скорее напоминала какое-то около военное подразделение, а именно некие однотонные комбинезоны темно-синего цвета, на них были надеты бронежилеты с разгрузками. Один из полицейских вытянул руку вперед с поднятой ладонью.

— Здравствуйте, товарищи, — проговорил Жабодав, продолжая движение к полицейскому.

— Остановитесь, — скомандовал офицер.

— А вы чего такие перепуганные, граждане? — спросил Мох. — На нас, вроде как, оружия нет, да, бронежилеты, но не более ведь.

— Что вы делаете? — спросил Фирс. — Подчинитесь!

— Я требую от Вас подчиниться требованиям стационарной полиции! — говорил офицер, после чего Жабодав наконец остановился в паре метров от слегка побледневшего паренька.

— А по какому поводу нас останавливают? — спросил Милет, злобно ухмыльнувшись.

— Мы останавливаем Вас для проверки документов, — проговорил человек в фуражке.

— Да ладно. А чего не представитесь? Может Вы нас, начальник, развести хотите? М? — спросил Мох, глядя на полицейского, который довольно крепко взялся за дробовик.

— Старший лейтенант Захаров, — проговорил офицер с одним крестом на погонах, глядя на наемников.

— А почему количество крестиков у тебя, лейтенант, не соответствует званию? — ухмыльнулся Жабодав.

— Чего? — спросил человек, глядя на наемников и переглянувшись со своим протеже.

— Да того. У старшего лейтенанта на погонах три креста, а у тебя один. Нагнуть ты нас хочешь, начальник. Врешь. Да и поста у вас тут нет. Дуй отсюда, пока не навалили, «мент», — ухмыльнулся Мох.

— Так... Хорошо. Вы ничего не видели. Нас тоже не знаете. Мы типа, ну... Актеры, и вот кино снимаем, короче... Тренируемся, короче, — проговорил тот, что с дробовиком.

— Да-да. Именно так. Вон там камера, кстати, стоит, — кивнул куда-то «офицер».

— Дуй отсюда, ментенок, — продолжал как-то угрожающе улыбаться Мох и парочка начала довольно быстро улепетывать.

Фирс посмотрел на Милета и Моха с каким-то недоумением.

— Что такое? Или ты тут только с «черного хода» бывал? — спросил Жабодав.

— Ну... Вообще-то таких наглых рэкетилов встречаю впервые. Это ж до чего их жизнь довела, что они прямо на средних уровнях кошельки и документы «проверять» стали?

— Эти ребята, похоже, с планеты, так что понятно, что их до такой жизни довело, — проговорил Мох.

— А как ты это определил? — спросил Фирс, глядя на великана.

— Ну... Станционные менты себя жестче ведут. Оружие сразу наизготовку, если ты самую малость не подчинился, ну и это... По глазкам видно, что со стволами работают впервые, скорее всего, до этого чьи-нибудь карманы чистили, а теперь вот... До станционных актеров дошли. Вообще... Им повезло, что мы их встретили первее, чем те ребята, которые сюда топают. Им станционные менты перышки бы начистили. Плюс... У местных ментов имеются специальные посты с укрытиями и прочим, чай не в уважении у простого народа живешь, поэтому такое положение их в уголке — штука странная, да и всего двое, — говорил Мох, продолжая идти за Жабодавом.

— Я думал, что на станции с полицией строже...

— Строже. Просто в других местах. Сама полиция строже, ибо замкнутое пространство, а вот в плане отношения к ним... Неа. Нифига. Их особенно боятся только если их много и они с крутыми пушками. Надо ж понимать, что эти полицаи — это ЧОПы. Какое к ним уважение может быть? — спросил Мох у Фирса.

— Ну... Особенно никакого, ибо они могут в угоду своему начальнику кого-нибудь шлепнуть и прочее, но я думал, что это приведет к тому, что их требованиям подчиняются беспрекословно.

— Если ты народ долго шугать будешь, он однажды перестанет бояться. Вот и вся штука. Нынче народцы станций перестали бояться, помню, там, в сводках некрологоводной станции было аж десять ЧОПовцев за один день. И это в разных местах станции по одному-два человека. То есть... Их вылавливали по одному и кончали. Так что... Они нынче даже себе некие казарменные блоки оформляют и ходят всегда кучками.

— Да-а-а-а... Хорошо, что я на станциях редко бывал, — усмехнулся Фирс.

— Станция — это микромир со своими законами, — прокомментировал слова своего бойца Жабодав. — Здесь в полной мере не действуют законы Федерации, ибо частная территория, в итоге классовая борьба имеет свойство приобретать наиболее...

— Острую форму, так как частник в данном случае практически ничем не ограничен, а значит, способен эксплуатировать работяг так, как ему заблагорассудится, а также вести политику террора против своих рабочих. Как Бур! — слегка прикрикнул Фирс на последнем слове.

— Ну да... Примерно так. Это тебе Романо наплел? — спросил Жабодав.

— Нет. Сам вычитал, но да... Романо мне эти книжки выдал, — весело произнес Крыса.

— Понял-понял... Надо будет у него тоже книжки попросить, а то я в это дело погружен, мягко говоря, хреново. И тебе, Мох, почитать дам, — ухмыльнулся Милет, обернувшись на своего бойца.

— А у меня мозги от этих ваших книжек не вытекут? — спросил Мох усмехнувшись.

— Наверное, вытекут... Ты преисполнишься пониманием мира и проживешь сразу тысячи жизней в тысячах миров. Осознаешь то, что эта жизнь брэнна и неинтересна, что повлечет за собой твое возвышение над мирским, и ты больше никогда не схватишь сифилис в каком-нибудь борделе, — проговорил с наигранной серьезностью Жабодав.

— Не... Так неинтересно. Это ж как? Хрен в растворах больше не держать? Не-е-е-е... Я эти ваши книжки не читал и читать не буду! — повысил голос Мох в конце своей речи.

— А если я прикажу читать?

— Ну, папа! — начал придуриваться Мох.

— Чего? — с какой-то веселой улыбкой развернулся Жабодав.

— Я не хочу читать твои умные книжки! Лучше дай мне пожевать говна про каких-нибудь девочек, размахивающих двухметровыми мечами!

— Нет, сын! Ты будешь читать величайшую литературу!

— Ну, ладно... — грустным голосом ответил бородач.

— А часто у вас такие приколы? — спросил Фирс, глядя на этих двоих.

— Ну, знаешь... Иногда живешь, и грустно становится, вот и прикальываешься, как можешь, а иначе реально с тоски подохнуть можно, поэтому и стараемся хоть чуток в театр играть, — ухмыльнулся Мох.

— Понятно... Для наемников вы довольно веселые... Даже как-то странно.

— Ты просто мыслишь стереотипами, — глухо ответил Жабодав.

— Понял. Молчу, — как-то неуверенно проговорил Фирс.

...

Вскоре они уже были в одном из значных мест Айскрима... Сначала разговор «по душам» с охранником, плата за вход, далее вход в бар. Набор звуков, называемый музыкой, а также голограммы танцовщиц на таких же голографических шестах в углах заведения. Вполне живая девушка с короткими светлыми волосами танцевала по центру уже без одежды, но на достаточном числе каких-то «подарков». Ее площадку окружали различные существа, включая парочку ящеров и одно огромное четырехрукое создание, называемое швагром, чья кожа напоминала какой-то дубленый кожаный доспех из прошлого, а мощные челюсти говорили о том, что создание вполне могло бы откусить чью-то руку.

В других местах тоже виднелись представители различных рас, но основу составляли люди. Большая часть из созданий была вооружена, но сейчас интересовал бармен, который

мог сообщить о том, есть ли здесь кто-то, кто ищет работу. У самой дальней стены располагалась барная стойка, а за ней орудовал какой-то редкий вид существ... Это был змей с двумя металлическими манипуляторами в виде трехпалых рук и некой симуляцией грудной клетки чуть ниже головы. Сам змей был песочного цвета и чем-то напоминал удава, никаких особенных черт, кроме расцарапанной когда-то давно морды и покрытого белой пеленой правого глаза у него не было. В момент, когда подошли люди, создание как-то добродушно зашипело, если это можно было назвать добродушным.

— Приветс-с-ствую вас-с-с в моем баре. Бар наз-зывают «Вечерня Мудрого Ка». Мудрый Ка — это я, как вы понимаете, люди. Чего бы вы хотели? — спросил змей, глядя сначала на Жабодава, затем на Муха и после на Фирса.

— Ну, здравствуй... Для начала я бы хотел узнать: почему тебя зовут Мудрым? — ухмыльнулся Мох.

— Мой отец-с-с нос-сил имя Шкхар, что значило Мудрый, поэтому я ношу имя Шакхар-Ка, что при переводе будет обозначать Мудрый Ка.

— Ага... А че значит Ка? — не унимался Мох.

— Ка — это уменьш-шительное от Шакхар, отец-с наз-звал меня в чес-сть с-себя. Вы приш-шли только для того, чтобы поз-задавать глупые вопрос-сы? — спросил змей, слегка раздражаясь.

— Ладно-ладно... Молчу... — проговорил Мох, разворачиваясь спиной к стойке и направляя взгляд на стриптизершу. — Ля, какая... Размер третий, вроде как...

— Тише ты! — ткнул своего подчиненного Жабодав.

— Так ради чего вы приш-шли, гос-спода? — теряя терпение, проговорил Ка. — Время — деньги.

— Да-да, Мудрый Ка, — вклинился Фирс. — Простите, пожалуйста, моих друзей. Они просто наемники, поэтому и склонны к неделовому... М-м-м-м-м... Сленгу? — Фирс задумался, а змей прищурил свои зеленые глаза с вертикальными полосками зрачков. — Стилию, прошу прощения. Так вот... Мы пришли для того, чтобы набрать бойцов для выполнения одного задания. Имеются ли в баре какие-то интересные наемники?

— За вопрос-сы — надо платить, мой друг, а так как Вы проявили определенную небрежнос-ть в общ-щении с-со мной... Я возьму двойную плату. За каждое имя капитана наемников — я прош-шу двес-сти кредитов. Идет? — спросил змей, глядя с прищуром на Фирса, который переглянулся с Жабодавом.

— Идет. Только еще один вопрос... Знаете ли Вы, Мудрый Ка, о других наемников, которые находятся на станции? — спросил Фирс, стараясь проявлять максимальное уважение к змею, что был напротив него.

— М-м-м-м-м... Допус-с-стим. Переводите деньги, и уз-знаете больш-ше, — как как-то относительно добродушно оскалился, после чего сложил манипуляторы на груди.

— Как танцует! Вах! Умница! А можно ее снять, Мудрый Ка? — повернулся на секунду к змею Мох.

— Ещ-ще одно с-слово этого безмозглого, и я вс-сажу ему зубы в глотку, а вам с легкос-с-стью сверну шеи, — проговорил змей, смотря на троицу, а Жабодав со всего маху ударил Муха по плечу, так что даже здоровяк слегка взвыл, но после этого замолчал.

— Хорошо-хорошо, — пробормотал Фирс, переводя сразу четыре сотни кредитов. — Это за моего друга.

— Хорошо... Видите тех рогарийц-сев, возле центрального шес-ста? Имя их командира

Грегор Куз'Некхар. Грегором его называли в честь одного человека, который спас его от с-смерти. Он наемник в третьем поколении, поэтому мож-жете не с-сомневаться в его спос-собностях.

— А можете назвать какие-нибудь дела особенные, в которых этот Грегор участвовал? — спросил на этот раз Жабодав.

— Ох... Эта информация с-стоит... Двес-сти кредитов, — после этих слов Фирс снова перевел деньги. — Отлично... С вами приятно иметь дело. Грегор учас-ствовал в походе с-своего отца против рогарийцев. Каперы. Тогда у них была небольш-шая флотилия из... Кажетс-ся, дес-с-яти кораблей. Некх-хар ударил очень болез-зненно, раз-зграбил нес-сколько торговых с-судов, после чего прош-шелся по окрес-стным мирам.

— Хочешь сказать, что он — враг императора? — спросил Милет, глядя в глаза змея.

— Нет. Он лишь враг одного рогарийского рода, которого более нет. Ес-сли хотите узнать о том, кто это был... Информация — деньги.

— Нам это неинтересно.

— Хорошо... Хотите ли узнать о других наемниках? — оскалился змей.

— Хотим. Двести кредитов, — перевел очередную денежную порцию Фирс.

— Хе-хе... Полагаю, что Вас может заинтерес-совать отряд Гюнтера Кувалды. В его отряде находится вон тот швагр, — змей в этот момент указал на четырехрукое существо возле центрального шеста, после этих слов Жабодав кивнул, а Фирс перевел следующую порцию. — В отряде Гюнтера с-сейчас помимо швагра находитс-ся два кворона из клана Йори, те, которых вы не добились, еще тринадц-сать человек и талерианец. В итоге получается, считая самого Гюнтера, восемнадц-ать бойцов. Могут называть еще командиров.

— Угу... Кувалда мне знаком... Толковый боец, но не знал, что он стал главарем. Раньше он под Громом ходил.

— Гром погиб, — проговорил подошедший сюда человек крепкого сложения. Его бритая голова сверкала от света ламп, а сам он выглядел довольно веселым. Человек протянул руку сначала Моху, а затем Жабодаву. Сейчас на нем были штаны с подтяжками, а также слегка мокрая от пота футболка, от него прямо-таки веяло неким мужеством, хоть он и был пониже Жабодава и тем более ниже Моха.

— Ну, здравствуй, Кувалда, — улыбнулся Жабодав. — С работы у конфедератов ни хрена не изменился.

— Ну-ну... Шрамов добавилось и нога железная, — человек поднял левую штанину. — Мы, когда с Громом ходили, напоролись на Железяку, он как-то, видать, крышей поехал слегка, ну и в пиратство подался. А с Громом у них терки были... Ну и... Абордаж... Они наш корабль с двух сторон облепили. Кое-как отбились, благо, сволочей он молодых набрал, так что побили его.

— Ага... А Железяка убит?

— Неа... Отстыковался, курва, и сбежал. В общем... Надо будет как-нибудь его выловить и шлепнуть. Какое дело-то, Жабодав? — спросил Кувалда, улыбнувшись. Его квадратное лицо с мощной челюстью и мощными скулами могло показаться даже страшным в моменты ярости, но сейчас он был максимально добродушен.

— Нехорошее... Так скажу... Видел, сколько народа с планеты валит?

— Угу... Хочешь сказать, что в дела корпоратов ввязаться надо? — спросил Кувалда, кажется, уже зная ответ.

— Роберто Романо знаешь?

— Угу-у-у... — протянул Кувалда. — Это он тебя на Йори нанимал?

— Да.

— Ну... Парни на тебя особой злости не держат, так как ты в этот раз детей и жен их не убивал, вроде как... Они в тот момент в отлете были, ну и... Сам понимаешь. Плюс, они интересовались неким Хратером... Он жив?

— Да. Он был взят в плен первым из Йори. Он был Мохом оглушен, Романо с ним поработал, так он нынче решил заделать клан охотников за головами, — как-то слегка тяжело проговорил Жабодав.

— А это он тебя к совести призвал? — спросил Кувалда с легкой улыбкой.

— Ну... Как видишь. Я, честно говоря, и так порой сомневался в своих делах, а тут сначала Романо навешал, а потом Мох рассказал о том, что я парней особо не слушал, когда дело кворонов касалось. В общем... Гад я последний, похоже.

— Прошое в прошлом, Милет. Война только в настоящем. По-хорошему, тебе бы стоило остановиться еще на первом клане, когда ты отомстил, но... Крышу у тебя, похоже, снесло. Впрочем... С кем не бывает? Один хрен, мир чище становился. А этот кто? — Кувалда кивнул на Фирса.

— Это человек Романо. Его типа для того, чтобы вас ввести в дело прислали. Я бы так-то и сам тут побродил, но ладно. Коли уж Романо захотел. Пройдем к вашему столу? — спросил человек у своего давнего знакомого.

— Конечно. Вам скольких набрать-то надо? — спросил Кувалда у Фирса.

— Я полагаю, что стоит набрать бойцов сорок-пятьдесят. Романо оплатит каждому. На этот счет не беспокойтесь.

— Угу... Вы там войну намечаете, как понимаю, но ладно... Кувалда, — человек протянул руку Фирсу.

— Крыса, — Фирс протянул руку в ответ.

— Нифига у тебя погоняло. Это за что?

— За внешний вид, ну и... Ранее за поведение. Теперь уж... Вроде как, не крыса.

— Так смени позывной. Зачем со старьем ходить? — ухмыльнулся Кувалда, а после жестом позвал людей за собой.

Они подошли к большому столу, за которым сидели два кворона, талерианец и трое людей. Кувалда посмотрел на своих бойцов, а после поднял руку вверх и совершил круговое движение с указательным и средним пальцем поднятыми вверх. К столу стянулись другие люди и лениво подошел швагр, со скукой смотрящий на новеньких своими четырьмя красными глазами. Талерианец представлял собой существо в скафандре, его лица не было видно в силу матового стекла, но сам он выглядел относительно грозным для своей расы. Он был невелик в размерах, как и прочие талерианцы от силы составлял метр пятьдесят-пятьдесят пять ростом. Его скафандр был оснащен определенными нововведениями, которые отражались внутри бронепластин, установленных на груди, в своего рода наплечниках, а также, судя по всему, в ракетном ранце вместо обычного ТУИН (талерианского универсального инструментального набора). Кроме того на его скафандре виднелись различные отсеки для хранения боеприпасов и гранат. Неизвестно, что скрывалось внутри скафандра, но снаряженное в него существо довольно сильно напоминало человека, сам костюм был камуфлирован пятнами различных оттенков сероватого цвета.

— Итак... — начал Кувалда. — Сегодня у нас новое задание намечается. Этот человек

его изложит, — наемник указал на Фирса.

— Здравствуйте, граждане, — Фирс осмотрел крепких парней и особенно задержал взгляд на вечно агрессивной морде швагра, после чего обратился к столу, наемники молчали. — В общем... Дело такое. Думаю, что Йори знакомы с МилитариКорп, а вот остальным стоит объяснить, в чем штука. Собственно... Если говорить вкратце, у нас возникла одна проблема. МилитариКорп является корпорацией, которая хочет убить моего директора... Ранее они хотели воспользоваться услугами Йори, даже каким-то образом заполучили информацию о том, что десант на станцию планируется, а сейчас... Вероятно, будут планировать теракты. Так как мы не хотим того, чтобы произошли подобные события, у нас имеется один способ, — Фирс взял небольшую паузу. — Мы планируем совершить нападение на генеральный офис МилитариКорп, а далее принудить директоров расформировать саму корпорацию. Как-то так.

— Дело стремное, — отозвался один из бойцов с красным ирокезом и имплантом правого глаза. — Нихрена непонятно. Там же, мать ее за ногу, ЧВК. Вы, типа, нашими силами их завалить хотите? Не... Не выйдет.

— Не только вашими силами. Романо собирает всех своих бойцов, собирается выдернуть даже некоторых почти легендарных наемников. Знаком ли вам позывной «Койот»? — спросил с улыбкой человек, а наемники переглянулись между собой.

— Вот видишь, Индеец, каких людей хотят задействовать? — с ухмылкой спросил Кувалда.

— Ну... Этот хрен себе яйца отморозил вроде как, на своих стрельбах, но если такого рода наемников готовы набирать, ну... Могу сказать, что я охренел, — проговорил Индеец, смотря на Фирса.

— Кроме этого, Хратер желает привлечь банду изгнанников из клана Йори, которые должны будут оказать нам поддержку за счет подрыва подземной стоянки. Но да... Риск огромен, поэтому я постараюсь нанять максимум из тех, кого могу. Вы согласны, Кувалда? — спросил Фирс, глядя на добродушного крепыша.

— Мои парни с вами, только вот вопрос оплаты трупа... Сам понимаешь...

— Романо не скупится на плату. Жабодав подтвердит, — в этот момент Милет кивнул.

— Крен хочет узнать то, сколько заплатят ему? — прорычал швагр.

— Да. Крену стоит заплатить больше, ибо он научился орудовать сразу двумя пулеметами, ну, и имеет охрененную броню, — поддержал швагра Кувалда.

— Хорошо. Я поговорю с Романо об этом, полагаю, что он заплатит вдвое больше.

— Вопрос от кворонов, — проговорил один из Йори. — Сможем ли мы присоединиться к Хратеру, после битвы с МилитариКорп?

— Конечно, парни. Я особо не держу, если хотите. Вы же тут у нас не за плату в отряде, поэтому отпущу спокойно, — сказал Кувалда в ответ на слова кворонов.

— Кого еще порекомендуешь, Кувалда? А то мы этой змее отдали уже за тысячу кредитов, — спокойно проговорил Жабодав, посмотрев на бритоголового сверху вниз.

— Ну... Тут Гришка Жнец ошивался вместе со своими, ну, и Тибальт со своей «труппой». В общем пересчете, человек сорок. У Жнеца восемнадцать рыл было, но только люди. Ничего интересного не было, а вот у Тибальта, как всегда.

— Каждой твари по паре? — с улыбкой спросил Мох.

— Да. В этот раз вообще какую-то муху приголубил. Там такая страшила, что я не могу... Вроде как, снайпер из него хороший. Но... Сам знаешь, какие выкидоны порой у

Тибальта. Не знаю, стоит ли, но его парни всегда действуют отменно, — проговорил Кувалда.

— А какого рода выкидоны? — спросил Фирс, глядя на Кувалду.

— Ну-у-у-у-у... Тибальт имеет кое-какие отклонения в психическом плане. Он как бы, понимаешь... Всегда на сцене. От этого он почти весь имплантированный. Когда увидишь и услышишь — поймешь.

— Замечательно... Но вариантов, как понимаю, больше нет? — спросил Фирс.

— Ну не... Есть рогарийцы, но этот парень мне вообще не нравится. Деньги дерет бешеные. Я, конечно, понимаю, что отец у него был прям охрентельным наемником с большой эскадрой, наверное, даже, но этот отца не стоит. У него осталась одна развалюха, которую он починить не может, плюс... Ну... Тот рогариец, которого вы побили... Он был из его банды. Этот парень не может даже удержать своих бойцов при себе. По поводу других наемников ничего не скажу. Не знаю, банально. А вот Тибальт — это хрен, которого вся Федерация знает, он еще вроде спектакли ставил. Идиот! — Кувалда покачал головой и добавил. — Но эффективный.

...

Примерно через час Жабодав и Фирс вместе с Кувалдой были уже в другом баре. Жнец встретил двух командиров с распростертыми объятиями, что уже обозначало то, что разговор должен был сложиться добрым.

Жнец был высоким, слегка смуглым парнем, который выглядел довольно молодым для своей работы и смотрелся даже слегка несерьезно, однако штурмовая винтовка, покрытая засечками, говорила об обратном. Его веселые глаза, видимо, в один момент могли стать одним из страшнейших объектов для противника.

— Ну, здрасьте, братья! — громко сказал Гришка, встречая Жабодава и Кувалду. Его губы расплылись в улыбке, а глаза стали еще веселее, руки легли на спины, кажется, давно знакомых ему людей, да и Жабодав с Кувалдой приобняли своего товарища.

— Здравствуй-здравствуй, — вторил Жабодав более сдержанно, а вот Кувалда даже поднял вверх своего младшего товарища.

— Ну-ну, бык! Отпусти! — с наигранной грозностью проговорил Жнец, после чего Кувалда отпустил кудрявого человека, а тот посмотрел на своих бойцов, которые сидели за большим импровизированным столом. — Итак, товарищи. Этих двух прекрасных людей вы знаете. Милет Жабодав и Гюнтер Кувалда! Ну и... Их дружок, которого я не знаю, но сейчас и с ним познакомимся.

— Это Валентин Фирс, прозвище у него есть, но оно ему не соответствует нынче, поэтому просто Фирс, — проговорил спокойно Жабодав. — Собственно, Фирс и расскажет вам о нашем деле. Ну и... Надо будет помозговать на тему того, кого еще можно взять в отряд, Жнец. Дело будет тяжелое.

— А мы дела легче и не берем! — подмигнул, улыбаясь, Жнец.

— Здравствуйте, друзья, — Фирс проглотил слюну, осматривая лица двадцати пяти наемников, сидевших за столом, все они были крепкими людьми, которые явно бывали не в одной передряге, поэтому на них можно было положиться, а вместе с командиром их было даже двадцать шесть. — Итак... Я представитель корпорации КаренияИндастриз, которая ныне имеет довольно сложные отношения с МилитариКорп, к сожалению, наш директор вынужден воспользоваться своими былыми навыками ведения войны и обрушиться на генеральный офис корпорации для того, чтобы привести МилитариКорп к согласию. Мы

нуждаемся в каждом бойце, поэтому платим щедро. Имеются ли какие-то вопросы?

— Имеются, — поднял руку бритоголовый наемник с обожженным лицом. — МилитариКорп имеет под собой ЧВК. Вы нас на них бросать хотите, верно? А сколько нас?

— Среди наемников в данный момент двадцать бойцов Жабодава, семнадцать бойцов Кувалды и вы. Кроме этого, имеются еще и бойцы самого Романо, которых он подберет лично что-то около пятидесяти, кажется, еще есть двадцать пиратов-изгнанников из клана Йори. Поэтому... Число достаточное, — уверенно проговорил Фирс, а наемники переглянулись.

— Ну-у-у-у-у... С такими силами можно много че обломать, — проговорил Жнец, глядя на своего лысого товарища. — Мы в деле. Че по знакомым... У меня тут есть один паренек, ну... Относительно свежий, но воевать умеет неплохо. Мы с ним на одну ходку против работорговцев ходили в Конфедерацию, так ничего так... У него, правда, бойцов всего восемь, но неплохо может навалить. Меня еще кой-че интересует... Тактическая составляющая? — в этот момент в Жнеце и проявилось то, за что его можно было посчитать опытным командиром и наемником, он мыслил наперед и желал сразу понять то, каким образом собирается действовать Романо.

— Короче, Жнец, — тут в диалог вступил Жабодав. — Романо — мужик продуманный, поэтому в лужу не сядем, да... Скорее всего, у нас будут потери, но все-таки не такие большие, как могли бы быть. Он собирается захватить так называемый «Крест», такое обозначение ЧВК дало четырем небоскрегам, которые находятся вокруг офиса и далее устроить прострел площади и самого офиса.

— Угу... То есть, мне стоит взять старую добрую «Смерть» и нанести на глаз прицел на удачу? — ухмыльнулся Жнец.

— Да. Стоит.

— Заметано! С пареньком я сам побазарю, а вы, как понимаю, собираетесь вступить в мутки с Тибальтом... Ну... Это правильное решение. Эта железяка дает просрать даже рогарийцам, — ухмыльнулся Гришка.

— Как ты угадал? — спросил Кувалда, глядя на Жнеца.

— Прочитал по неуверенности в глазах, — при этих словах Жнец направил два пальца себе на глаза, а затем несколько раз перевел их на глаза Кувалды, а после хриплым голосом проговорил: «Я вас читаю! Читаю ваш страх!», после чего довольно громко заржал вместе со своими бойцами и Кувалдой. Милет же сохранил спокойствие, а Фирс лишь слегка улыбнулся.

— А ты чего такой кислый, убийца «жаб»? — обратился к Милету один из бойцов Жнеца.

— Мне не до веселья. Я же на это дело иду из мести, ибо патронами и оружием МилитариКорп был убит Глаз, — отчеканил наемник, а смех как-то притих, Жнец облизал губы, после чего положил руку на плечо Милета.

— Ну, ничего... Мы им устроим, на этот счет не боись... Только скажи: почему использование кем-то ствола какой-либо компании стало причиной для мести самой компании?

— МилитариКорп сотрудничала с кланом Йори, а также передала информацию о нашем вылете на станцию. Более того... Оружие было завезено буквально на днях перед нашим заходом через «черный ход», поэтому МилитариКорп является ответственной за гибель Глаза.

— Убедительно, Милет, вот только мы, кажется, слегка нарушаем наши правила, а именно то, что «Прошлое остается в прошлом». Месть — это не наше дело, тем более Глаз был убит в ходе вашей «спецоперации», поэтому вина за его смерть более лежит на тебе и Романо, чем на тех, чьим оружием был убит он, — Жнец в этом случае поменялся в лице, он был абсолютно спокойным и, кажется, стал старше лет на пять минимум.

— Да. Но ты же знаешь то, что в моем случае этот пункт не работает.

— Знаю. Кворонов ты утюжил из личной мести, но мы закрывали на это глаза, так как ты являлся хорошим другом и соратником. Надеюсь на то, что ты поменялся и не реагировал на шутки именно поэтому, — Жнец, кажется, читал каждое движение Жабодава и каждое его изменение, похоже, что они были знакомы очень давно, и Гришка знал повадки своего товарища, как никто другой.

— Да-да, Жнец... Ты, как и раньше, мудр не по годам, — улыбнулся Милет, глядя на этого высокого и худощавого человека слегка снизу вверх.

— Я читаю тебя, Милет, — ухмыльнулся Жнец, похлопав Жабодава по плечу, после чего он поднял рюмку с какой-то желтоватой жидкостью со стола. — За исправление нашего друга, братья!

...

Уже наступал глубокий вечер по стационарному, и не только, времени. На планете также, судя по реакции организма Фирса, наступала ночь. Человек зевал, но продолжал идти за своими соратниками с вечно сбитым режимом, из-за чего они особенно и не ощущали в данный момент сонливости. Кувалда и Жабодав о чем-то беседовали, а Фирс уже давно перестал вникать в их разговоры, поскольку большая часть из них касалась сугубо наемнических баек или таких же наемнических историй. Эти двое разговаривали и о том, кем ранее являлся Жнец. Выяснилось, что Жнец ранее являлся одним из бойцов Жабодава, а потом птенец вылетел из гнезда и оказался гораздо более успешным, чем его бывший начальник. Более того... Выяснилось то, что Жнец сделал гораздо больше для того объединения наемников, к которому принадлежали и Милет, и Гюнтер, ибо именно Гришка написал первый свод законов объединения, которые носили, конечно же, лишь рекомендательный характер и скорее напоминали некие тезисы о том, какой идеал должен быть у наемника, который сражается внутри этого объединения. Выяснилось и то, что объединений наемников существует огромное множество, а базируются они в основном на дружеских связях и совместной деятельности когда-либо. При этом сами объединения склонны к военным конфликтам друг с другом, или же к конфликтам экономическим, один из которых и разыгрался в конфликте с Квон'Ордом, когда рогариец стал тянуть денежное «одеяло» на себя, чем и сорвал совместное выполнение задания. Но... Были и наемники одиночки или отряды одиночки, а одним из таких отрядов являлся отряд Тибальта. Как выяснилось, Тибальт — это кличка этого киборга, склонного к творчеству, а не его имя. Эту кличку ему дал какой-то наемник, который потом поплатился за это жизнью, однако Тибальту понравилось его новое имя, и поэтому он носит это имя до сих пор.

Вскоре, они были возле одного из самых грязных баров, который находился на одном из нижних уровней, но Тибальт предпочитал именно такие грязные места, поскольку в них был наименьший шанс встретиться со стационарной полицией, которую киборг ой как не любил, а также с различными настырными журналистами, которые досаждали этому известному наемнику. Навстречу наемникам вдруг вылетела туша какого-то человека, судя по всему, пирата, с будто бы раздавленной башкой... Да. Такие бары еще позволяли размять руки... Не

всегда без потерь, но все-таки.

— С-сука... — пробормотал Жабодав, смотря на пирата с головой всмятку. — Это он. Тибальт собственной персоной.

— А может, нам его брать не надо? — спросил Фирс, глядя сначала на Жабодава, а затем на Кувалду.

— Неа. Надо. Этот хрен может такой амбец любому выродку устроить, что нам лучше его взять с собой, — проговорил Кувалда. — Но... Наверное, стоит подождать снаружи, пока он вычистит бар от этих пиратов.

Внутри слышались крики, а также громкие удары, порой чваканье чьей-то плоти, а порой нечеловеческий визг, который, судя по всему, издавали мужчины... Страшное зрелище, вероятно. При этом не было слышно ни единого выстрела, кажется, что местный бармен прогадал с тем, что решил отнимать оружие у местных завсегдатаев.

— А долго это будет? — спросил Фирс.

— Зависит от того, сколько там этого мусора, — Кувалда кивнул на пирата, под которым начала растекаться кровь и, кажется, его же мозги, которые реально превратились в нечто вроде растекшегося серого вещества.

Снова слышался какой-то хриплый крик, а затем громкий удар об стену. Фирс даже слегка вздрогнул...

— Это рогарийца метнули, сейчас добивают... Не повезло ящерице... — усмехнулся Жабодав.

Через пару минут любые звуки внутри прекратились, а Кувалда позвал своих друзей за собой...

Внутри их ждала натуральная кровавая баня... Кругом валялись деформированные тела различных существ, а за барной стойкой стоял дрожащий человек, который бешеными глазами смотрел на свой бар. Отдельно следовало отметить тех, кто до сих пор стоял на ногах... Это был один швагр, чья кожа с морды была слегка содрана, от чего он стал только «красивее», а также стал более ужасающ на поле боя. Другим стоящим являлся тот самый киборг, которого называли Тибальтом... В нем не было ни одной не замененной детали, если не считать лица. Он буквально являлся металликом, который сейчас достигал где-то двух метров двадцати сантиметров, весь он был в крови и ошметках от чужих тел, но при этом сохранял полное спокойствие, заливая в себя бутылку рома. По его манипуляторам стекала кровь, да и металлические ступни были покрыты кровью и ошметками. Корпус был черного цвета так же, как и вся броня, но, судя по всему, сам корпус не был в полной мере заменен, ибо сам Тибальт продолжал употреблять различные алкогольные напитки и, возможно, что даже пьянел при этом. Корпус был закрыт своего рода панцирем, который, судя по всему, был настолько толстым, что никто бы не смог его просто так пробить. Еще среди стоявших на ногах были еще два киборга, один рогариец, два каких-то неизвестных пришельца, а также та самая муха-переросток, о которой говорил до этого Кувалда. Четырехрукая муха в этот момент летала по бару, держа в четырехпалых крепких руках какого-то пирата, ноги которого были оторваны, а туловище истекало кровью. Инсектоид с фасеточными глазами обладал перепончатыми прозрачными крыльями, похожими на крылья земной мухи. Хоботок с небольшими жвалами, то сокращаясь, то расправляясь, издавал шипение и скрежетание зубов.

— Бар приветствует своих новых посетителей! — громко проговорил Тибальт, смотря на вошедших. — Извините, что у нас не прибрано... Это всего лишь начало уборки.

— Ничего страшного, Великий Актер! — сказал громко Кувалда.

— Ой... Прошу не называть меня актером, я лишь мелкий лицедей, мой друг, — ухмыльнулось, кажется, безжизненное лицо Тибальта. — Вы же прибыли за мной, Жабодав? — поинтересовался киборг.

— Да, Тибальт, мы нуждаемся в твоих услугах, — проговорил довольно спокойно Жабодав.

В этот момент пара неизвестных существ начала разгребать небольшую горку трупов, из-под которой виднелся стол. Сами существа выглядели как довольно худые и высокие, но жилистые создания с крепким кожным покровом бежевого цвета, которые обладали довольно мощными челюстями с длинными зубами, туловища их были довольно короткими, а ногисоставляли почти две трети роста. Еще парочка таких созданий лежала на земле, видимо, им не так повезло, как их собратьям, хотя особого горя стоящие на ногах не испытывали. Возможно, создания просто отдыхали после боя, и при ближайшем рассмотрении это подтвердилось движением грудных клеток от дыхания. Черные глазки смотрели в потолок, а зубы выдавали самую хищную сущность этих неизвестных кругломордых тварей. Существа поглаживали свои черные как нефть волосы, сплетенные в косу на затылке, что были пропитаны кровью врагов. Видимо, это был какой-то ритуал.

— Что за приобретение, Тибальт? — спросил с интересом Кувалда.

— Это выходцы с Артерии... Полудикие, получивилизованные — плохо понимают обыкновенный язык, но довольно эффективно подчиняются командам. Я считаю, что они являются отличным дополнением к моей трупке, — улыбнулся киборг, садясь на окровавленный стул. — Присаживайтесь.

— Извините, но я не хочу запачкать штаны кровью, — проговорил Фирс, глядя на киборга.

— Оу... Чистюля? — оскалился Тибальт. — Садись. Штанишки и новые купишь, а иначе никакого разговора не будет.

«Черт...» Про себя Фирс довольно красноречиво выругался, но все-таки сел за стол вместе со своими соратниками.

— Вот! Хорошие мальчики... Иногда надо уметь подчиняться, — Тибальт посмотрел на своих подопечных, а после подозвал к себе рогарийца. — Кнос, прошу принести нам выпивки.

— Хорошо, — этот ящер покорно проследовал к бармену, а затем долго приводил его в чувства, чтобы тот, наконец, смог налить своим посетителям хотя бы пива.

— Тебе нормально устраивать такое, Тибальт? — спросил Жабодав, смотря на киборга как-то осуждающе.

— Мне кажется, что да. Все-таки я не скован никакими правилами, да и могу себе позволить подобное. Сегодня стало насотню пиратов меньше. Я считаю, что это хорошее достижение. Плюс... Кредиты, да и это определенный плюс к моей карме. Какой бы нечистоплотной работой я бы не занимался, я всегда могу зайти в пиратский бар и вычистить его до последнего жалкого пирата, после чего моя совесть будет чиста.

— Справедливо, — глухо сказал Жабодав.

— Тебе ли меня судить, убийца детей? — ухмыльнулся Тибальт. — Как вам мой новый соратник из расы мутаниан? Он тоже диковат, но отлично справляется со снайперскими винтовками, если точно указывать ему, в кого стрелять. Да... Есть одна проблема с сетчатым зрением, но мы ее исправили за счет имплантов. Теперь вместо «сеточки» у него два глаза.

Полноценных. С этого момента он один из лучших снайперов во всем Секторе!

— И Койота перебьет? — спросил с ухмылочкой Кувалда.

— Дайте ему время, и перебьет. В отличие от Койота, ему не нужно неделями ссать через катетер для того, чтобы поймать в прицел какую-то важную шишку, — как-то зло улыбнулся Тибальт.

— Ну, ладно... Поглядим на него в деле, — после этих слов Кувалда указал на Фирса. — Это Фирс — он является представителем КаренияИндастриз, директор которой и нанимает нас на задание. Выслушаешь?

— Только после того, как мне принесут вино. Сегодня я вылил из других много красного, но в себя ничего красного не залил, поэтому подождем и поговорим о птичках. Как вам погода, друзья? — спросил киборг, смотря на людей с какой-то издевкой.

— Просто замечательная... Кровавые дожди, как будто в царство мокрощелок попал, — с такой же издевательской улыбкой проговорил Жабодав.

— Оу... Вы любите такие дожди, мой друг? — еще сильнее оскалился Тибальт.

— Конечно. Просто обожаю.

— Теперь мы знаем о всех извращениях Жабодава! Он мечтает побывать под великим наказанием господина нашего Бога, которого, к сожалению, не существует, но все-таки Милет Жабодав желает побывать под чудотворным дождиком! — восклицал Тибальт, а вскоре рогариец принес на стол несколько бутылок вина.

— Замечательно... Теперь поговорим по делу? — спросил, слегка раздражаясь, Фирс.

— Подождите, мой друг! Дайте насладиться замечательным напитком... — в этот момент металлическое чудовище сломало горлышко от бутылки с вином, после чего, громко хлюпая, начало вливать в себя красное вино.

— Теперь? — спросил Кувалда, кажется, тоже начиная терять терпение.

— Ах, какое забористое! Выпью еще одну... — Тибальт сломал горло следующей бутылки, после чего стал заливать вино снова.

— Не обоссись, — сказал уже Жабодав, после чего Тибальт чуть не подавился или же симулировал эти звуки.

— Кхе-кхе-кхе! Ох... Как вы меня не любите! Но что же... Коли дело ждет... Пора его начать, — существо улыбнулось, смотря на Фирса. — Я Вас слушаю, мой друг.

— Хорошо. Спасибо за скорость реакции. Я представляю интересы корпорации...

— Ой, нет-нет! Так неинтересно. Попробуйте подать как-то более изысканно... Незаученно! Импровизируйте, мой друг! — перебил Фирса киборг, а у первого от этого даже сжались кулаки. — Тише-тише... Кое-кто сегодня также сжал руки, а потом был размазан об пол.

— Хорошо... — Фирс выдохнул, потом снова вдохнул и продолжил. — Я представляю интересы Роберто Романо — директора разорения, как его называют в КаренияИндастриз.

— М... Уже интереснее, но давайте ближе к делу. Корпорации мне неинтересны, — Тибальт при этих словах положил голову на ладонь правого манипулятора. — Понимаете... У меня от этих названий голова лопається.

— Хорошо... Мы собираемся подчинить себе директоров кор...

— Говорю же... — снова перебил Тибальт. — Без слова «корпорация», что же Вы, господин Фирс, никак не уясните этого? Неужто Вы настолько тупы?

— Мы готовы заплатить огромные деньги.

— О! Наконец-то! Вы поняли, о чем я! — воскликнул киборг, подняв недопитую

бутылку. — За это стоит выпить!

— А может быть, Вы прекратите пить?

— Нет, — ответил Тибальт, заливая вино в свою глотку.

— Вам нужна была лишь информация о деньгах?

— Да! Именно так. Вы заплатите столько, сколько я скажу. Цена меня и моего отряда — двести тысяч кредитов. Сами понимаете... Время ныне сложное, и из одного этого бара я вынес что-то около пятидесяти тысяч кредитов. Как понимаете, мне нет резона рисковать собой в игре корпораций за меньшую сумму. Пусть со мной на связь выйдет сам господин Романо. Я не собираюсь болтать с мелкой сошкой, ибо мелкая сошка способна лишь к тому, чтобы склонить меня на сторону своего господина, но только господин способен оплатить мой труд и мое выступление. На этом все. Катитесь, — проговорил Тибальт, ухмыльнувшись, а люди поднялись из-за стола и двинулись из бара.

...

Вскоре все отряды были в «Вечерне Мудрого Ка» и обсуждали то, что произошло. Обсуждали, естественно, лидеры, которые и являлись главными действующими лицами. Здесь был и молодой друг Жнеца, некий Грэм Железный, который выглядел действительно железным, по крайней мере, своим поведением. Они сели за отдельный стол, за которым кроме лидеров находились еще Мох и талерианец из отряда Кувалды.

— Короче говоря... Нас получается относительно много, но не знаю, можно ли обойтись без Тибальта. С одной стороны, он ведет себя как тварь, а с другой, без него нам, возможно, крышка, — проговорил Жабодав, смотря поочередно на сидящих за столом.

— Ну, смотри... — слово взял Жнец. — Тибальт — это редкостная мразь, но его навыки... Они бесценны. Да, он конченная сволочь, однако нам нужно понимать то, что он необходим нам, как некая прорывная сила. Он и его киборги могут отлично прорваться через противника, чем прочистить нам путь.

— Ага... Но помни про то, что этот мудозвон привык играть гребаные спектакли, даже во время боя. Я лично помню, как в новостях мелькало то, как этот идиот начал читать какой-то стих прямо посреди битвы. Он тупо встал по центру поля и стал его орать, — достаточно громко проговорил Мох.

— Это правда... Жаль, что тогда он сражался не с какими-нибудь талерианцами... Тогда бы его уже с нами не было, — ответил Жнец. — Но он жив, и грех его не использовать.

— Это правда, — проговорил металлический голос талерианца. — Тибальт является идеальной машиной для убийств. Ему абсолютно плевать на то, кто перед ним: пехотинец, экзоскелет или бронемашина. Плюс... Это возможность слить Тибальта. Ничего личного, только желание, наконец, окончить муки этой поехавшей жестянки.

— Клио, нам не стоит умерщвлять одного из нас. Он такой же наемник, как и мы...

— Но он беспредельщик, — вставил свое слово Грэм. — Я лично знаю несколько отрядов наемников, которые Тибальт вырезал под корень без какой-либо на то причины. Война между наемниками — это обычное явление, но только в том случае, если эта война оправдана теми или иными объективными причинами.

— А я говорил, что он толковый парень, хоть и по отряду маловат! — заулыбался Гришка Жнец, глядя на своих соратников.

— Ну да... Можно его и шлепнуть, однако как мы это провернем? Нас, мягко говоря, не поймут наемники всей Федерации. Это очень медийное лицо, — в разговор вмешался

подошедший недавно бритоголовый, из отряда Жнеца.

— С этим да, Тигр, проблема, но он слишком большого о себе мнения, — проговорил Жнец.

— А может, грохнуть его в космосе? — спросил Кувалда, глядя на других. — Корабли у нас мощные, и если мы его вчетвером зажмем... Ему конец.

На несколько минут повисло молчание, люди переглядывались между собой, а после снова заговорил Жнец.

— Да. На поле боя мы его не убьем, а если и убьем — это будет очень уж опасно, ибо его ребята — это тоже большая проблема... В космосе же он — полный ноль против четырех кораблей. Считаю, что план Гюнтера лучший. Но вопрос лишь в том, какова причина? — спросил Жнец, глядя на остальных.

— Беспредел. Он даже на этой станции сумел устроить резню, хоть и среди пиратов... Но... Там был не один наемник, поэтому мы имеем определенное право на самосуд. Тем более, там был мой знакомый, Хорек Зеленый, — проговорил Грэм, смотря на Гришку.

— Угу... А Хорек чем-то среди наемников известен? — спросил Жнец.

— Особо нет, но есть именитые люди и рогарийцы, которые попали под удары этой механической твари. Считаю, что пора кончать эту клоунату, — довольно спокойно проговорил Грэм.

— Вы же понимаете, какую ответственность мы на себя берем? Это один из легендарных наемников, который имеет много друзей... — заговорил Жабодав.

— Но столь же много врагов. Не ссы, Милет, и не таких кончали. Надо еще Жестянку выловить... Он ведь тоже известный, не настолько, конечно, как Тибальт, но все-таки, — спокойно проговорил Жнец.

— Жестянка стал пиратом, а значит, обесценил свое имя. С Тибальтом другое... Несмотря на свой беспредел, он остался наемником, а так и меня есть смысл шлепнуть, — проговорил Жабодав.

— Твой беспредел касался пиратов, работоторговцев и торговцев смертью, а вот его беспредел касается наемников, так что это разный беспредел, Жабодав. Ты лучше ответь... Ты с нами? — спросил Жнец, глядя на своего бывшего капитана, а после добавил. — Или струсил?

— С вами я... С вами... — как-то тяжело проговорил Жабодав. — Просто... Корабль-то у него тоже не хреновый. Зигмунд-5, кажется, а это машина быстрая и начиненная оружием. Мы сами не потеряем кого-нибудь?

— У меня катер Броненосец-1, два тяжелых лазера голубого спектра... Я бы мог его и в одно рыло убрать, но так точнее будет. У Грэма ОиГ с хорошим таким рельсотроном, один выстрел — один корабельный труп. Если вы струсите, мы и вдвоем разберемся, — отчеканил Жнец.

— А не это ли противоречие с твоим кодексом, Жнец? — спросил Жабодав. — Прошлое остается в прошлом.

— Да. Прошлое остается в прошлом, но не все и не всегда. Он просто повел себя как свинья с вами, а вы хотите это простить? А «прошлого» за ним столько, что с десятков имен капитанов наемников можно назвать, погибших от его рук. И это только именитые. Пришло время сводить счеты, — спросил Жнец, глядя в глаза Жабодаву.

— Да... — вздохнув, сказал Жабодав. — Мой Ястреб с вами.

— И мой Грюнкель со своими торпедами, — улыбнулся Кувалда.

— То есть... Вы хотите убрать его после дела? — наконец подал голос Фирс.

— Именно так. В деле мы его используем на всю катушку, — спокойно проговорил Жнец, улыбнувшись. — А теперь нам можно выпить, а дальше поспать. А завтра уже отправитесь на Итарис.

Сектор Корво, Система Немезида, Станция Айскрим-6,
Уровень Центр-8, космопорт,
10.01.2580, 09:00

Из космопорта открывался вид на Итарис. Поток кораблей из самых различных точек планетарного шарика все увеличивался. Отчасти менялось лишь его направление, иногда корабли следовали к добывающим станциям, которых насчитывалось четыре внутри системы, судя по данным о летящих кораблях — это были шахтерские корабли.

— Новый вид «наемного» рабства, — прокомментировал эти корабли Жнец, Кувалда этому поддакнул, а Фирс вопросительно посмотрел на высокого человека, после чего продолжил. — Нынешние добытчики ресурсов производят довольно интересную схему с подменой понятия. Сейчас шахтер является типа... «Индивидуальным предпринимателем», который обладает своими средствами производства. Средствами производства считается этот кораблик. Однако это иллюзия, ибо кораблик является лишь составной частью механизма производства, то есть полноценными средствами производства является лишь при стыковке всей системы добычи и обработки ресурсов. Ну и... Естественно, с системой их применения. По факту, работяга, прилетающий на станцию добычи, является торгошом, который либо продает породу и получает меньше денег, либо продает готовые металлические слитки, но это, как понимаешь, лишние затраты на содержание корабля.

— Но... Какие особенно плюсы получает корпорация от этого? — спросил Фирс, глядя на человека снизу вверх.

— Какие? — наемник ухмыльнулся. — Роль частного лица, то есть ИПшника, делает тебя, как его подлинного нанимателя, свободным от оплаты, к примеру, больничного. А если этот шахтер — женщина, от оплаты известного всем срока. В общем, одни плюсы. В итоге, некоторые шахтерки рожали прямо на кораблях... Ребенок в невесомости погибал, я уже не говорю о том, что невесомость довольно худо сказывается на развитии плода, а точнее... Не невесомость, а процесс взлета. Перегрузка, видишь ли... Тут некоторые мужики на орбиту с ужасными головными болями выходят, а тут ребеночек в утробе, порой, несколько раз в неделю поднимается в космос. Как думаешь, каковы последствия?

— Если верить данным медицинских организаций — это приводит к массовым поражениям плода, — вклинился в разговор талерианец. — Более того, если на кораблях беременных имелись инструменты по переработке руды в металлические слитки — это могло приводить к отравлениям плода, в итоге рождались уродцы, если не вовсе мертворожденные. Этого можно было бы избежать, если бы женщины носили скафандры, как у нас, но такой скафандр очень дорог, да и от перегрузок не спасет. Именно поэтому талерианцы не позволяют своим женщинам во время беременности приземляться на планеты или взлетать с них. Другой вопрос в том, каким образом можно произвести роды на планете людей или другой расы, ибо вы слишком нечистоплотны и ваш воздух убийственен для талерианца. Но... Мы находим способы, — во время слов талерианца все довольно внимательно слушали этого человечка в скафандре.

— А почему наш воздух смертелен для вас? — спросил Фирс.

— О... Мой друг, да Вы ничего не знаете о других расах... Что же, следует ликвидировать этот пробел! Если разрешите, капитан Кувалда, я проследую за этим

молодым человеком на его корабль и расскажу подробнее о нашей расе, — Кувалда в этот момент улыбнулся.

— Ну, как я тебе откажу в просвещении нас, неграмотных? Конечно, давай, просвещай нашего нового друга, — Кувалда, как и раньше, был довольно жизнерадостным для наемника, побывавшего в большом количестве битв, впрочем, видимо, таким его сделала жизнь.

— Я, мои парни и Грэм полетят на вашем корабле, — проговорил довольно спокойно Жнец. — Мы свои корабли оставили на планете, поэтому нам придется проехаться на вашей барже... Моделька, кстати, хорошая, только почистить ее хорошенько и отремонтировать, — проговорил Гришка, с улыбкой глядя на корабль Фирса. — Если правильно понимаю, это «Защитник Порядка», кажется... Раньше на нем стояло много турелей, но, как вижу, он побывал в руках мусорщиков, хотя да... Модель отличная, хоть и снятая с производства.

— Спасибо, — Фирс улыбнулся. — Вы единственный, кто похвалил мой выбор. Обычно его называли ржавым ведром и по-всякому другому.

— Ну... Он ржавое ведро, — ухмыльнулся Гришка, обернувшись на Фирса. — Я скорее про то, что можно из этого красавца сделать, если затратить бабла и прочее. Раньше эти машинки заключенных в тюрьмы доставляли, а теперь, так как они сняты с производства, некоторые пираты используют их как некие малые крейсера, с закосом под доставку пехоты и прочее. Если там двигло обновить и прочее... Замечательная машина для различных военных и около военных операций. Раньше умели делать всякие корабли применимыми в любых условиях, достаточно быть не чайником в плане переоборудования и иметь бабки. Остальное — дело рук мастеров, а хороший мастер сделает из любого корабля любой корабль. Я лично видел, как одни мастера, кажется, в Конфедерации, собрали из совершенно различных отсеков совершенно новый корабль, они просто летали по полям сражений, отыскивали более или менее хорошие каркасы, ну типа... Не полностью разбитые, и дальше тащили их на свою станцию. Корабль получился просто бомба! В прямом смысле... Он взорвался при попадании в него единственной рельсы, видимо, они не допроверили генераторы, вот он и бахнул, но зато выглядел шикарно, — человек в самом конце заржал, видимо, вспомнив вид этого корыта. — Помнишь, может, незабвенную классику фильмов ужасов? Франкенштейн! Вот это и было, только от мира кораблей. Абсолютно неказистая структура, но, по крайней мере, она могла летать. Самое забавное в том, что там были детали самых различных рас, от каких-нибудь коронов до талерианцев, они взяли талерианские генераторы и двигло, в итоге все и бумкнуло.

— Это отвратительное издевательство над нашими технологиями, — прокомментировал довольно серьезно рассказ Жнеца талерианец, глядя через свое матовое стекло.

— Ой, да ладно! Зато прикольно было, — продолжал ухмыляться человек, уже двигаясь по трапу.

— Это осквернение наследия Талер! — поднял вверх руку с поднятым указательным пальцем Клио.

— Слушай, у тебя там под стеклом точно талерианец, а не какой-нибудь МКИ от Марлеон? — спросил с какой-то издевкой Жнец.

— Как ты угадал, жалкий органик? — талерианец специально проговорил эти слова как какой-нибудь металлик, после чего слегка хихикнул, а Гришка и вовсе заржал.

— Я почти поверил! — человек в этот момент хлопнул талерианца по плечу, после чего

тот, судя по всему, пристально посмотрел на человека.

— Прошу не прикасаться к скафандру таким образом, если ты сделаешь хоть одну дырку в моем скафандре — я буду умирать максимально мучительно, и тебе повезет, если я не успею привести в действие механизм самоуничтожения моего ранца, — проговорил довольно грозно талерианец, хотя сама грозность в большей степени заключалась в том, что он говорил, а не в том, как он говорил, ибо голос талерианца лишь изредка был склонен к тому, чтобы звучать хоть на каплю эмоционально.

— Хорошо-хорошо, не буду трогать тебя больше, — проговорил Гришка, отстранившись от существа в скафандре. — Бойцов разместишь на первой палубе, Фирс?

— Да, а еще на второй, ибо там имеются жилые отсеки охраны, ну и... Я не знаю... Как-то не хочется твоих парней в комнаты урок помещать. Все-таки вы не зэки, — проговорил Фирс, смотря на Гришку.

— Ну... Тогда... — Жнец нажал на кнопку НПК, отвечающую за связь с отрядом. — Бойцы на вторую палубу, в трюм не спускаться, по идее мест на охранной палубе должно хватить для обоих отрядов, тебе, Грэм, туда же.

— Так точно, Жнец, — проговорил Грэм, после чего пожал руку Кувалде и двинулся с отрядом на борт.

...

Вскоре Фирс, Жабодав, Мох, Жнец и Клио были на капитанском мостике и заняли уже половину мест от изначального количества в десять сидений.

— Хах... Мусорщики даже не стырили все сидения, хотя... Лучше бы стырили, — проговорил Жнец, пытаясь покрутиться на стуле, на что тот издал лишь жалобный скрип, который довольно сильно резанул слух всех, кроме талерианца.

— Вот тебе, Жнец, уже скоро тридцатчик стукнет, а ты до сих пор в каком-то ребячестве... — прокомментировал неудавшееся верчение на стуле Жабодав.

— Да... Я такой! Вечно пьяный, вечно молодой! — практически пропел Жнец, после чего, ухмыльнувшись, продолжил. — А ты такой... Брюзгливый старый пень. Будто бы уже тридцать пятое столетие отпраздновал, ей богу, даже талерианцы веселее, а они почти машины!

— Сам ты машина, — проговорил механический голос переводчика в скафандре талерианца. — Биоробот.

— Вот! Этот даже обижаться умеет лучше, чем ты! — снова оскалился Жнец. — Не строй из себя папашу, Милет. Твой «птенец» давно выпорхнул из «гнездышка» и стал довольно известным наемником, а также тем, кто поддерживает рабочее движение. Помнится, что в одной из систем Конфедератов, мы вместе, шахтерами, раздолбили пиратов, которые выступали от имени одной поганенькой корпорации... Как некий дополнительный способ ограбления рабочих. А ты-то где, папаша, был? «Жаб» гонял? — снова ухмыльнулся Гришка, после чего Жабодав замолчал и как-то мрачно уставился в монитор, стоявший перед его креслом.

— Давайте сменим тему? — спросил Фирс. — Вот мне Клио хотел рассказать про свою расу.

— Ну что ж... История будет относительно длинная, но все-таки нас не зря ей учили, — проговорил Клио. — Примерно в пятом веке, по вашему времени, была война между Талерией и расой, чье имя навсегда стерто из истории, но чей поганый дух до сих пор чувствуется в нашей вселенной. Тогда мы еще не представляли собой столь убогий вид,

который вынужден прятаться внутри своих скафандров, как различные морские и не очень животные в своих раковинах и панцирях. Мы столкнулись с чем-то гораздо более страшным, чем какие-то подводные хищники. Об этом скажем позже, вернемся к проклятой для истории расе. Марлеонцы называют их Праотцами, поскольку они стали отцами той великой машины, которую ныне называют Марлеон или Мать-Машина. Мать-Машина изначально была создана для того, чтобы доказать нам нашу ничтожность, но именно это и поставило Праотцов в будущем на колени. Война шла своим ходом, Праотцы даже побеждали, но всегда были отбрасываемы назад, поскольку, несмотря на свое численное и частичное техническое превосходство, они отличались какой-то странной тягой к тому, чтобы показать свое честолюбие в ближнем бою. Порой их генералы приказывали солдатам брать в руки устаревшее оружие в виде различных сабель. Солдаты рвались в бой с этим доисторическим оружием, а после были снесены огнем лазеров, бластеров и иных видов оружия, которые использовались нами. В один момент, если верить хроникам, Марлеон была чем-то очень опечалена, вероятно, это была гибель одного из первых ее сынов, который вступил в противостояние с одним из генералов Праотцов, в результате которого был убит. Советники Марлеон были обычным дополнением к честолюбивым генералам и, если бы генералы прислушивались к ним, мы бы были повержены в войне за считанные месяцы, но генералы продолжали действовать в рамках своей традиции. Они всегда прорывали нашу оборону обычными методами, вплоть до использования дроидов производства Марлеон, но затем всегда снова прибегали к своим традициям, а после, вина своих советников, — убивали последних. Марлеон была вынуждена начать защиту своих детей, она стала внедрять в ряды обыкновенных дроидов будущих эМ-Кей-Кей, то есть модели класса командующий, которые и стали предтечей гибели Праотцов. Параллельно с этим начали создаваться эМ-Кей-эФ, то есть модели класса флотоводец, которые становились предтечей поражения флота Праотцов. Постепенно металликов становилось больше и больше, а советники Праотцов продолжали гибнуть от рук генералов, склонных к гневу. Они думали о том, что машина позволит просто так издеваться над ее детьми, но ошибались... — талерианец сделал паузу. — В один момент началась новая атака Праотцов на наши земли, а флот машин открыл огонь по крейсерам, которые собирались отправиться в полет через гиперпространство, а металлики на земле начали убивать своих генералов и бывших товарищей по окопам. В этот же момент мы перешли в контрнаступление. Мы сразу поняли, что металлики нам не враги и поэтому сражались плечом к плечу с ними... Тогда и началась гибель и нас, и Праотцов. Праотцы собрали огромный флот, чтобы ударить по Марлеон, но флоты металликов и талерианцев начали теснить основные силы, и Праотцы были вынуждены атаковать в ином направлении. Флот императора проклятой расы прошел через наши ряды, как нож сквозь масло и отправился в тыл... Тогда они применили на наших предков всю мощь своей армии. Химическое, ядерное, а самое главное... Биологическое оружие. Мы в прямом смысле стали живыми бомбами, которые расплывались заразувокруг по истечении инкубационного периода в неделю после заражения «Чумой Праотцов», так мы назвали эту проклятую болезнь. Мы даже не понимали того, как оно работает, но тут же начали собирать огромные флоты-миры, которые должны были стать нашим новым домом. Это не спасло от болезни, хотя даже металлики пытались нам помочь. Уже погибающая раса продолжала наносить удары флоту императора Праотцов, но воины тогда не были поражены болезнью... Болезнью их поразила их собственная сердобольность, они спускались на миры и забирали выживших, а они были заражены. Тогда же мы начали принимать огромное

число различных антибиотиков, стали полностью зачищать от любой заразы корабли и в течение века мы победили болезнь. С тех пор и остается лишь двенадцать странствующих флотов талерианцев, которые являются нашими планетами и кораблями одновременно. Изначально их было около тридцати, остальные восемнадцать постигла не самая добрая судьба, ибо часть погибла в муках, а другая погибла в самоубийственных ударах по флоту императора. Живые машины бились бок о бок с нами и, наконец, через два века после начала эпидемии мы смогли настигнуть императора и его семью, после чего уничтожили раз и навсегда их проклятую расу. Нам помогла и, на тот момент молодая, раса рогарийцев, которые едва вышли в космос и только недавно начали колонизировать и рогаризировать планеты... Повашему, по-людскому, терраформировать. Праотцы напали на один из первых миров рогар и оказали на них небывалое впечатление, вероятно, именно тогда у рогарийцев в полной мере развилась традиция завоевателей, они сражались насмерть с Праотцами до самого прибытия флота Талер и флота марлеонцев. Но... Сражались они так долго только в силу того, что сами Праотцы к тому моменту растеряли лучшие военные части, а также добрую часть своих технологий, да и сами Праотцы просчитались, думая о том, что раса полуварваров встретит их, как Богов, но нет... Рогарийцы бились с Праотцами на равных, если даже слегка не обходили их. Такова история вечного союза талерианцев и Марлеон, с закатом одних и расцветом других. За считанные столетия мы превратились в то, чем являемся сейчас. Мы не способны к тому, чтобы противостоять любым, даже самым, казалось бы, смешным вирусам. Один вдох вашего воздуха приведет к сиюминутному заражению, а далее к медленной и мучительной смерти, если талерианец не получит огромной дозы лекарств. Но даже после этого не факт, что он сможет полноценно жить, ибо такая доза лекарств может привести к различным последствиям от потери подвижности до гибели организма. На этом лекция краткой истории расы выходцев с Талер окончена, просьба заплатить звонкой монетой за столь интересную историю, — в последних словах талерианца слышалась какая-то шутка, но все-таки все сидевшие на капитанском мостике перевели ему по сотне кредитов.

...

Часов через пять командиры отрядов были уже в офисе Романо, они шли спокойно, время от времени переговариваясь между собой. Эти люди сейчас для Романо, вероятно, должны были стать некими лучшими людьми, хотя, кто его знает...

Фирс аккуратно постучался в дверь Романо, а затем нажал на кнопку открытия двери. Директор, как всегда, был на своем месте, вид его был, как и ранее, слегка потрепанным, но все-таки продолжал навевать какое-то уважение. Офицерский строгий взгляд сразу же показал вошедшим, кто здесь главный. Да, сидевший перед ними не был ни устрашающим, ни каким-то особенно респектабельно упакованным, но все-таки этот человек с короткой щетиной и слегка уставшим видом заставлял проявить уважение.

— Здравствуйте, граждане, — проговорил спокойно Романо, а капитаны кивнули в ответ, первым заговорил Жабодав.

— Все эти люди — мои давние знакомые, пожалуй, кроме Грэма, но за него может поручиться Жнец, — наемник кивнул на высокого худощавого бойца. — В общем пересчете нас теперь семьдесят два, но... Есть еще один вариант, который хочет поговорить с Вами лично, Романо.

— Какой? — спросил директор, посмотрев на Фирса и наемников.

— Тибальт, — словно по команде произнес Грэм, отчего Романо как-то настороженно

посмотрел на самого Фирса.

— Ты думаешь, что этот механический клоун может быть полезным? Он же на голову отбитый, Фирс, — достаточно строго проговорил директор, а Фирс опустил взгляд вниз.

— Понимаете, Романо... Мы можем использовать силы этого самого «клоуна» на полную катушку, а далее его можно слить в космосе. Мы и собираемся сделать это, — проговорил Жнец довольно серьезно. — Вы бы сделали для нас добрую услугу, если бы согласились на работу с этой мразью. Мы бы ударили по нему в космосе, и далее на одну тварь в нашей вселенной стало бы меньше.

— Жабодав? — вопросительно назвал Романо позывной своего наиболее давнего знакомого.

— Он требует двести тысяч кредитов, но, Романо... Пойми, что у этого ублюдка имеются два киборга помимо него, четыре, так называемых, артерианца — это такие кузнечики, если можно их так назвать, в общем длинноногие и очень быстрые, швагр, рогариец и какая-то непонятная тварь на крыльях. Швагра и рогарийца я знаю лично, они с ним уже дольше, чем мы являемся наемниками, то есть конкретно в космосе они более пяти лет. Знаю я это, так как помню тогдашние передачи по новостям и прочему. В общем... Отряд у него, как обычно, цветной, но в этом и его плюс. Они перед нами буквально перебили целый бар пиратов, поэтому имеет смысл иметь дела с этим поехавшим киборгом. И... У меня есть ощущение, что если Вы с ним не свяжетесь сегодня... Эта тварь свяжется с МилитариКорп и предложит им свои услуги, а также выдаст всю инфу о нас.

— Почему ты в этом так уверен, Жабодав? — спросил Романо, слегка прищурившись.

— Если я скажу, что чуйка — Вы меня засмеете, поэтому скажу прямо. Эта гнида готова пойти на любое мразотство ради больших денег, кроме этого, он любит разыгрывать спектакли, поэтому может провернуть и такое, но если ему платят — он с огрехами, но выполняет свою работу. Таков кодекс наемника, и он ему следует везде, где крутятся довольно большие деньги. Предложите ему четыреста тысяч, и тогда он за Вас свернет шею любому. А деньги... Паук может их вернуть через манипуляции с этими электронными кошельками, тем более по поводу мошенничества заявлять будет некому, — спокойно говорил Жабодав.

— Хорошо. Я свяжусь с ним в ближайшие два часа.

— Если он сам не придет, — спокойно произнес Кувалда. — Этот мужик непредсказуем, но кинуть реально не должен. Вы удовлетворены количеством бойцов?

— Да. Вас даже больше, чем я предполагал, — наконец улыбнулся Романо. — В общем... Мы имеем хорошее обеспечение, поэтому через черные рынки можем добыть для вас определенные комплекты снаряжения и так далее. Что касается работы... Я вызову пятнадцатого и проведу небольшой инструктаж. Жабодав его уже знает, поэтому двенадцатого вылетает в Столицу. Грэм, как понимаю, имеет довольно маленький отряд, поэтому может отправиться вместе с кем-то в тот же день в Столицу.

— Извините, что перебиваю... — начал говорить голубоглазый парень по имени Грэм. — Но у нас со Жнецом корабли в Столице стоят, поэтому наш переезд туда не вызовет никаких подозрений. С Кувалдой еще проще... У Гюнтера довольно тяжелый корабль, и он может взять... Скажем... Какой-нибудь груз КаренияИндастриз и доставить его в Ваш центральный штаб, где разгрузиться, а дальше немного позабавиться с местной шпаной, если таковая имеется. Тем самым, его прибытие будет прикрыто доставкой груза. А груз... — Грэм улыбнулся и посмотрел на Кувалду. — Может быть самый различный. Оружие и

прочее. Главное, потом разместить его в удобных местах для начала операции, — в этот момент Жнец приобнял своего товарища и улыбнулся со словами: «А вы в нем сомневались, старые пердуны!».

— Действительно толково, Грэм. Я надеюсь, что Вы сможете также эффективно разделаться с проблемами после ликвидации Тибальта, как сейчас разделались с переброской бойцов на новые позиции. Похвально, — улыбнулся Романо. — Что касается оплаты... Предполагаю, что пять тысяч на рыло является довольно хорошей суммой за риск, в случае гибели кого-либо плачу десятикратно. Учитывая корпоративную структуру отрядов наемников, Вы вполне сможете купить что-то хорошее для себя и своего отряда. На этом все. Надеюсь на то, что вопросов у вас нет.

— Вопросы нет, — проговорил Кувалда, после чего командиры вместе с Фирсом вышли из кабинета.

...

Тибальт так и оставался в том же баре, наслаждаясь бесплатными винами. За вчерашний день он, вероятно, выпил большую часть самых дорогих напитков, но, кажется, даже не напивался, лишь время от времени он выходил в местный туалет, но в остальное время продолжал находиться среди трупов. Кроме этого он заказал себе стриптизершу, которая была вынуждена танцевать среди трупов.

— Тибальт? — вопросительно назвал имя своего командира рогариец.

— Что?! — довольно громко и злобно спросил капитан своего бойца. — Не видишь, что я наслаждаюсь танцем?

— Да наслаждайся, сколько влезет, только вот она на ногах еле стоит. Вся бледная. Пожалей ее и подумай о том, на что мы собираемся подписаться, — рогариец сел за тот же стол.

— Если хозяин платит — девушка должна танцевать, — твердо сказал киборг, не отводя взгляда от темноволосой девушки.

— До самой смерти?

— До нее самой, — Тибальт в момент этих слов улыбнулся, а девушка вдруг оступилась и чуть не свалилась со стола, но смогла приземлиться на обе ноги, после чего послышался грозный приказ киборга. — Назад на шест и танцуй!

— Уходи, — проговорил один из киборгов Тибальта, встав между капитаном и девушкой. — Нам нужно поговорить, начальник, а потом мы закажем тебе другую девочку.

— Спасибо, — прошептала она, после чего неуверенной походкой пошла к выходу, а Тибальт в этот момент откинулся на спинку стула.

— Что ты сказал, Крик? — спросил Тибальт, глядя своего подчиненного своими пустыми стеклянными глазами.

— То, что ты слышал, Тибальт, — сказал почти такой же в плане оснащения киборг, единственным его отличием было некое забрало из матового бронестекла. — Романо до сих пор не позвонил, а мы имеем возможность сдать его план за хорошие деньги, да и сами можем встать на сторону этой МилитариКорп. Подумай... У них целая ЧВК, а у Романо горстка хуторных наемников, недобитых вояк из Триумвирата и с рогарийской войны.

— Я всегда даю три дня на то, чтобы заказчик обдумал мой найм и никогда не продаю себя сам! — громко проговорил капитан, глядя на Крика своими стекляшками, мимика на его лице практически полностью отсутствовала, да и рот двигался скорее для того, чтобы создать некую иллюзию «живости» этого металлика.

— Да пойми ты, дурак, здесь мы продаем не себя, а продаем информацию о действиях этих корпоративных собак. Пусть они пожрут друг друга, — проговорил уже рогариец, глядя на металлического безумца.

— Честь дороже, чем любые деньги! — проговорил Тибальт, обернувшись на рогарийца. — И я ее не продаю!

— Ты продаешь ее каждый раз, когда можешь, более того, в трезвом виде ты мыслишь значительно умнее. В трезвом виде у тебя отсутствует понятие чести и совести, существуют лишь понятия денег и выгоды, — проговорил уже второй киборг.

— Вам сказать честно, что я думаю про ваши мнения? — спросил Тибальт, глядя на своих бойцов.

— Знаем-знаем... Срать ты хотел на наши мнения, только что ты без нас, Тибальт? — снова спросил Крик.

— Я охуенный киборг с охуенным энергетическим щитом, а еще с охуенным пулеметом и ракетометом. Я один как армия! — проговорил металлик, осматривая своих «людей», после чего раздался звонок на его НПК, а он снова как-то криво улыбнулся, сказав «Романо», после чего нажал на отключение звонка. — Вы говорите, что стоит пойти к МилитариКорп, а этот уже готов встать передо мной на коленки. И он позвонит еще несколько раз, так как знает о том, что зависит от меня.

— Тогда просим двойную сумму от твоего старого предложения, если он откажется платить четыреста тысяч — мы связываемся с МилитариКорп, — проговорил Крик, вероятно, направив свой взгляд на Тибальта.

...

Романо сидел за своим столом, когда Тибальт вдруг прервал звонок.

— Дела у него, что ли? — после этого вопроса в никуда, он набрал Жабодава, после чего тот почти в ту же секунду принял звонок. — Милет, здравствуй еще раз. У меня такой вопрос: Тибальт имел какие-то дела на сегодня?

— Не знаю, но у него довольно паскудная привычка сбрасывать первые звонки, позвони ему еще раз, — проговорил наемник, не выходя на видеосвязь, а Романо как-то нахмурился. Ему явно не хотелось звонить этой жестянке повторно, но все-таки, отключившись от звонка Жабодаву, набрал снова.

...

— О! Видите? Снова звонит. Он в нас заинтересован! — громко проговорил Тибальт, а рогариец нажал на принятие звонка, отчего морда киборга исказилась от злобы, но он все-таки начал разговор. — Здравствуйте, господин Романо. Не могли бы Вы перезвонить через час? Просто у меня тут небольшие дела... Вино, понимаете ли, не допито... В общем... Ариведерчи! — после чего киборг отключился от сигнала.

— Ты дурак? — спросил рогариец.

— Что ты себе позволяешь, ящерица?! — вдруг всполыхнул Тибальт. — У меня, понимаешь... Важная операция по набиванию цены, а он берет и включает звонок!

— Ты ведешь себя, как противная баба, — проговорил Крик, садясь за стол.

— Бабы умеют набивать цену, поэтому иногда надо действовать, как они самые! Кстати... Где моя шляха? Я должен похвастаться перед Романо своим эскортом!

— Сначала переговоры, потом бабы, — строго проговорил Крик.

— Сначала баба — потом переговоры, — уверенно проговорил Тибальт. — Две!

— Что две?

— Проститутки.

— Хорошо, — Крик вышел из бара, после чего направился в ближайший бордель.

...

Романо после этого ответа откинулся на спинку своего кресла и сложил руки за головой. Он смотрел в потолок, дыхание его было глубоким и медленным, директор пытался отойти от поведения этой консервной банки с натянутым на железо лицом, но выходило довольно плохо. В этот момент он проклял и Фирса, и Жабодава, и всех остальных наемников вместе взятых, ибо понимал, что если не сможет заставить этого ублюдка исполнять его приказы, тогда он встанет на сторону МилитариКорп, что еще сильнее осложнит ситуацию с этой самой корпоративной войной.

...

Через час звонок снова раздался на НПК Тибальта, после чего он, похлопав по коленям, пригласил рыженькую и беленькую проституток на свои металлические колени. Те подчинились, хоть и с явной неохотой. Вокруг продолжали валяться трупы, а девушки от этого были белесыми, и вот теперь киборгизированный клоун вышел на связь.

— Здравствуйте, господин Романо! Я допил всю оставшуюся в баре дорогую выпивку и готов к деловому разговору. Кстати, поглядите на мое приобретение! Эти фурии способны разбить любое сердце! Даже мое! — говорил довольно громко металлический голос железного шоумена, а Романо достаточно спокойно смотрел на самого Тибальта сквозь экран.

— Это все замечательно, Тибальт, но Вы отняли у меня достаточно много времени. Мне пришлось отложить несколько встреч, но ладно. Я сразу оглашу сумму. Четыре сотни тысяч кредитов вместо двухсот тысяч. Вас устроит такая сумма? — спросил Романо, а рогариец даже как-то торжественно зарычал.

— Да. Я согласен, но эти деньги Вы должны перевести мне в течение... Пятнадцати минут, — Тибальт улыбнулся, а Романо сразу отключился от звонка, из-за чего Тибальт слегка расстроился, но ненадолго.

...

Романо довольно быстро произвел перевод средств на счет Тибальта, после чего сразу же набрал Койота. На связь вышел человек за сорок, а то и за пятьдесят, с относительно доброй улыбкой на лице. Этот человек с легкими морщинами сразу же располагал к себе, в отличие от киборга из прошлого звонка.

— Здравствуйте, Койот, — Романо улыбнулся этому известному снайперу, а тот кивнул.

— Со мной уже связался Борман и говорит о том, что Вы, господин Романо, собрали довольно большую группу наемников и не только, но у Вас, если я правильно понял, недостаток опытных снайперов. Я ведь не ошибаюсь? — спросил этот человек с проседью, глядя на директора.

— Вы все верно поняли, Койот. Вы бы не могли набрать известных Вам снайперов для нашего дела? У нас из более-менее известных снайперов только Жнец. Может, знаете? — спросил Романо у человека по ту сторону экрана монитора.

— Гришку, что ли? Если его — да. У него в отряде три снайпера, но если хотите, поищу своих знакомых в ближайших системах. Как знаете, мы берем довольно дорого, но работу исполняем на «Ура!», в общем... Двадцать тысяч за снайпера. Предполагаю, что смогу нанять человека два-три из опытных, и еще пару-тройку новичков. Новичкам, конечно, плата

меньше — тысяча десять. Но... Вы должны понимать то, что это «вольные снайперы», то есть наемники, действующие в одиночку, поэтому и требуется больше денег, ибо парни, зачастую, на общественном транспорте летают. В общем... Как-то так. По поводу задачи также уже все знаю — захват «Креста» и далее отстрел наиболее опасных противников.

— Все верно, Койот. Удачно долететь, — попрощался Романо.

— И тебе не хворать, — ответил наемник, кивнув и отключаясь от разговора.

Романо снова откинулся на свой стул и начал перебирать в голове то, кому еще следовало бы позвонить. Романо набрал номер Князя, ЧОП был должен выделить бойцов для дела, а Роберто лично должен был проверить их боеготовность.

— Да, господин Романо? — довольно быстро заговорил глава ЧОП под позывным «Князь».

— Слушай меня внимательно, Князь. Ты, наверное, уже знаешь то, что у нас планируется, поэтому мне нужно, чтобы ты подготовил для меня всех своих ЧОПовцев с каким-либо опытом ведения боевых действий. Лично я их проверять не буду, ибо дел по горло, поэтому вышлю к тебе Жабодава, Жнеца и Кувалду, — спокойно говорил директор.

— Это что за позывные? — спросил человек на обратной стороне.

— Это мои приближенные — опытные наемники с довольно большим опытом ведения боевых действий. Они смогут проверить твоих имбецилов на хоть какую-то боеспособность, только инвалидов не подкидывай, лады?

— Эм... А если инвалиды имплантированные? — спросил Князь как-то неуверенно.

— Зависит от качества имплантов. Если подставишь — жить будешь не долго. Тебе доверия особого нет, поэтому на всем твоём оборудовании стоит прослушка, в твоём доме, в твоём автомобиле, и если ты попытаешься хоть куда-то слить информацию об операции — тебя очень быстро хлопнут, Князь. Уяснил?

— Да-да, господин Романо. Я не допущу оплошности. Будьте во мне уверены. До свидания, — проговорил как-то неуверенно Князь, после чего положил трубку.

После этого Романо снова набрал Жабодава.

— Здравствуй еще раз. Короче, завтра тебе, Кувалде и Жнецу надо будет съездить в район Центр-5 в строение сорок один, где вам нужно поработать с местными ЧОПовцами и отобрать двадцать наиболее боеспособных для нашего с вами дела. Как понял, Милет? — спросил Романо.

— Понял отлично. Можем ли задействовать еще и других бойцов, а также Грэма? — спокойно спросил Жабодав.

— Можете, если такое требуется. Оружие можете взять с собой, вплоть до гранатометов, хотя надеюсь, что их использовать не придется, но все-таки... Вероятно, повезете их на полигон шок-пека, я договорюсь с Грейхом на этот счет и, наверное, сможете использовать все. У них там прекрасная тренировочная база, включающая постройки для штурма и так далее, и тому подобное. Вооружение можете взять в районе Арм-1, строение сорок пять, там наш склад расположился. Какие-то вопросы еще есть?

— То есть, надо будет проверить их по их направленности или прямо натренировать? — спросил человек.

— Ну... Если сможете потренировать их слегка — буду исключительно «за», если парни и так хорошо понимают, как обращаться с оружием и желания брать что-то из дополнительного не имеют — смысла гонять их нет. Князь отберет ветеранов для этого дела, так что будет из кого выбрать. Полагаю, что человек тридцать-сорок будет.

— Понял-понял. До связи, Романо, — попрощался Жабодав, а Романо сразу отключился.

— Итак... Сейчас у меня есть более, чем сотня бойцов, плюс снайперы, которых приведет Койот, и бойцы Тибальта. Все не так уж и плохо, как я думал... Мы сможем воевать и с превосходящим противником, хотя с бойцами Грейха было бы значительно проще, ибо с ними уже налажены связи, да и сам Грейх толковый командир, а вот тут туговато придется. Ладно, наемники. А что с ЧОПовцами? Что с тюремщиками Калинина? Что с изгнанниками из Йори? Черти что...

...

В конце дня Романо решил поискать среди своей библиотеки книжки, которые попросила добыть Кира. Он спокойно пролистывал различные наименования, когда наткнулся на некое сокращение «РЭЛ», после чего открыл ее и пролистал первые десять страниц, после чего наткнулся на вторую обложку и улыбнулся.

— Иоганн Ромм: «Революция — это любовь», — Романо перелистал до предисловия, после чего начал читать вслух. — Предисловие.

«Жизнь всегда текла в каком-то особенном причудливом переплетении судеб и самых различных историй. Жизнь города шла своим чередом, десятки людей бежали то с работы, то на работу, пытаюсь ухватиться за какую-то дурацкую невидимую руку рынка труда, который бесчеловечно, как изощренный палач, отрубал их жизнь по кусочкам, затем давал передохнуть, восстановить силы, избавиться от болевого шока, чтобы снова войти на этот странный трудовой эшафот, но все они не понимали сущности своего существования, от того и бежали снова и снова отчуждаться от собственной жизни на заводе или в офисе, а затем возвращались домой, чтобы зализать душевные и физические раны, запить кровь сладким чаем и успокоительными. Мужчины возвращались домой, чтобы поднять свою бессильную перед начальником руку на своих детей и женщин, а жены возвращались сюда, чтобы снова раскрыть свой рот в крике на тему мизерной зарплаты и ничтожности своего суженного. Все это наблюдали дети, как губка впитывавшие проблемы взрослых, снова и снова покрываясь ментальными шрамами, чтобы в будущем стать теми же, кто их воспитывал, только для новой генерации пролетариата.

Да! Именно пролетариат их имя. Вечно бездомные, при существовании квартир и домов. Вечно голодные, даже при набивании брюха всласть. Вечно одинокие, хотя в семьях. Этот самый пролетариат был самым страшным порождением человеческого общества, ибо был классом обездоленным настолько, что ни один другой класс до него не влачил столь жалкого существования на лоне труда, хотя порой его существование являлось абсолютно беззаботным и относительно веселым, но я расскажу не о времени без забот. Я расскажу о совершенно другом времени, когда люди превращаются в зверей, а десятки пропагандистов трубят о различии пролетариев между собой по цвету кожи или по месту происхождения, по той или иной расе, по той или иной культуре и идеологии. Но на деле не столь велико различие между культурами и тем более географическим положением человека на том или ином планетарном шарике, тем более в наше время.

Сейчас! В космосе! Мы достигли такого уровня ассимиляции друг друга, что только деление по расположению планет (на периферии или в центре) является истинным для наших истинных врагов. Капиталисты делят людей на периферийцев, недостойных достойной жизни и на жителей центра, которые якобы производят продукт для существования «бедной и жалкой» периферии, однако именно из периферии наши господа

сосут кровь, именно ее они заставляют рвать жилы на самых тяжелых работах, грабя тем самым местных людей. Различия теперь между людьми на уровне культуры — минимально, вопрос лишь в месте обитания тех или иных людей. Только в нем заключается вопрос твоего положения внутри системы координат и права на жизнь.

Но даже положение центральных миров не вечно. Я покажу тебе, мой читатель, то, как постепенно гибнет даже центр. Мы уже не впервые видим, как целые планеты погружаются во мрак криминала, сколько бы не давил его шок-пех. Вопрос здесь в ином. Криминал возникает не из-за недостаточного полицейского аппарата, которого сейчас в достатке, а из-за чего-то более глубокого и страшного. Я расскажу тебе, мой читатель, одну историю, свидетелем которой мне пришлось стать. Историю двух маленьких людей. Моих студентов. Это будет тяжелое чтение, поэтому приготовься к тому, что не раз на твоих глазах сверкнут слезы».

Романо опустил глаза от экрана монитора, на лице его появилась тяжелая улыбка, а сам перелистал до начала книги, после чего удалил первые десять с обложкой, а потом удалил последние десять страниц с конечной частью обложки. Затем он отыскал в космонете какую-то книжку про попаданцев, после чего вырезал по десять страниц с каждой стороны и вставил их в начале и конце книги, после чего переименовал файл в «Геральт Солнцеликий — маг и волшебник». Затем он вставил флешку в компьютер и загрузил на нее эту книжку, а после положил ее в карман пиджака.

...

Вскоре Романо снова был в своих апартаментах, на этот раз он доехал самостоятельно, после чего отдал флешку Кире, вышедшей его встречать.

— Как и обещал. Книжка упакована в обложку какого-то попаданца и переименована в него, «Революция — это любовь», — Романо улыбнулся, а Кира как-то неуверенно обняла директора, он также положил руки на ее спину. — Если захочешь — можем почитать вместе, но позже. Я, к сожалению, сегодня не могу остаться здесь. Мне нужно назад в офис, сейчас очень сложное время, Кира... И... Если я не вернусь, после, примерно, двадцать пятого числа... Читай одна. Я дам распоряжение, чтобы с тобой работали, как с моей дочерью, а теперь... Пока.

Девушка, кажется, не хотела отпускать Роберто, ибо ее руки лишь сильнее сжались на его спине, но вскоре она все-таки отпустила этого опытного воина, который почему-то встал на путь разбоя.

— Романо... А если тебя убьют... У кого мне брать интервью? — девушка проговорила это как-то тяжело, а директор вздохнул, на лице его появилась какая-то странная улыбка.

— Если меня убьют, девочка... Я распоряжусь о том, чтобы тебе дали возможность поработать с моей биографией. Ты сможешь рассказать о Герое Федерации, который себя таковым не считает. Запомни эти слова и запиши их, если что... Мало ли. Везение не всегда следует за мной, поэтому я не знаю, вернусь ли оттуда. Дело, правда, очень сложное и сильно страшнее кворонов Айскрима, поэтому прощай и до свидания сразу же. Надеюсь, что это не последняя наша с тобой встреча, ибо ты замечательная девушка и думаю, что из тебя выйдет нечто путное. Я постараюсь за ближайшие дни выбить для тебя и местечко в одном из ВУЗов Центра, ну, как выбить... Выбить место для прохождения экзаменов. В общем, я лишил тебя семьи, поэтому должен как-то это восполнить. Пока, — Романо после этих слов хмурой тучей вышел из дверей, а вслед услышал слова, которые согрели его холодную уже многие годы душу: «Я буду ждать тебя, Роберто Романо, Герой Федерации, который себя

ТАКОВЫМ НЕ СЧИТАЕТ».

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1

Район Центр-5, строение 41, этаж 1

11.01.2580, 08:00

Внутри строения входило восемь наемников: Жабодав и Мох заходили первыми, за ними следовали Кувалда и Индеец, после шли Грэм и Гришка Жнец, за которыми следовали талерианец Клио и швагр Крен. Их встречал лично Князь, этот высокий и крепкий мужик почему-то ощущал себя как-то совсем уж не в своей тарелке во время присутствия такого числа отпетых наемников, по крайней мере, именно так ему представлялись эти парни.

— Ну... Здравствуйте, граждане, — как-то неуверенно произнес голубоглазый человек. — Жабодав, так понимаю?

— Он самый, — произнес емко и спокойно Милет, глядя на мужчину немного снизу.

— Хорошо... — человек повернул голову в сторону двери слева от входа, после чего вытянул руку туда. — Парни собраны там. Я смог набрать пятьдесят человек, в принципе, почти все прошли какие-либо военные компании, контртеррористические операции или что-то в этом духе. Где вы их проверять будете?

— В Арм-1, — четко произнес Грэм, глядя на человека. — Или Вы боитесь отпускать своих ЧОПовцев куда-то в другое место?

— Не-не-не... Просто... Это... Я не знаю полигонов поблизости, ну а в спортзале на то что вам надо, не проверишь, — проговорил Князь, еще сильнее смутившись, кажется, что у него задергался глаз.

— Да не ссы, убивать тебя в случае чего не будем, — улыбнувшись, проговорил человек с ирокезом. — Всего лишь немного снимем скальп с башки. У тебя, знаешь ли, волосы красивые, даже седина после Романо не тронула, а вот его людям некоторым уже парики нужны. Мы назовем этот механизм... М-м-м-м-м...

— Перераспределение волос в природе, — злобно улыбнувшись, проговорил Мох, после чего они на пару с Индейцем дружно заржали, а вот Князь довольно сильно побледнел.

— Это всего лишь шутка, — добродушно улыбнувшись, проговорил Жнец. — У них просто плохое чувство юмора, но у меня оно еще хуже... Я бы про шутку вспомнил лишь тогда, когда стал бы срезать с Вас скальп...

— Ага. И он бы не остановился, вспомнив про шутку, ибо это Гришка Жнец — самый серьезный шутник среди наемников, — весело пробасил Кувалда, после чего засмеялись уже все, кроме Милета, Грэма и Клио. Клио, вероятно, просто не понял юмора людей, но все равно как-то слегка хихикнул из-за того, насколько низкокачественный юмор у людей.

— Наверное, хватит шутки шутить, — спокойно проговорил Жабодав, после чего направился к двери, на которую указывал директор ЧОП, Князь также последовал за ним, а люди и нелюди потянулись к выходу.

Князь приложил руку к сенсору, а затем дверь открылась, он вошел первым, после чего за ним по одному проходили наемники. Швагру данный проход и вовсе не понравился, так как ему пришлось проходить боком и довольно сильно пригнувшись.

В довольно большом спортивном зале размещались десятки людей, переодетых в какую-то камуфлированную одежду и в бронежилетах. Почти все сидели на скамьях, кто-то играл в карты, а когда вошли наемники, они в большинстве лишь направили взгляды на мужчин.

— Подъем, солдаты, — проговорил Грэм, вышедший вперед, его не послушали, после чего он повторил приказ, более громко. Человек этот обладал командным голосом и, несмотря на молодость, довольно угрожающим видом. ЧОПовцы поднялись на ноги, после чего Грэм продолжил командовать. — Выстроиться в пять шеренг, по десять человек каждая.

Он говорил это уже спокойно, а ЧОПовцы подчинились, они слегка переглядывались между собой, кто-то улыбался, а кто-то ожидал чего-то нехорошего. Все это были крепкие мужчины, лишь парочка обладала некой шуплостью, но все-таки тоже была не из мелких.

— Смирно! — громко произнес Грэм, после чего ЧОПовцы приняли стойку смирно. — Приветствую вас, бойцы ЧОП «Князь»! Сегодня вы имеете честь пройти отбор для довольно сложного дела, которое для вас может стать и последним, однако ваши семьи в случае подобного исхода получают огромные компенсации. Мы знаем о том, что вам уже не раз приходилось рисковать жизнью ради государства, теперь вам придется рисковать жизнью ради корпорации, как и нам, однако данное щедро оплачивается господином Романо, поэтому мы с вами и идем на риск. Сегодня здесь присутствуют бойцы самой различной направленности внутри боя. Я могу перечислить наши кадры? — поинтересовался Грэм у Жабодава, а тот с улыбкой кивнул этому серьезному молодому человеку лет двадцати пяти, после чего Железный продолжил свою речь с разрешения принять положение «вольно». — Итак. Начнем с меня. Я являюсь капитаном отряда «Железный», которое и ношу, как позывной. Моя специальность — это штурмовик, но в наемническом деле пришлось освоить и иные варианты ведения боевых действий, включая использование плазменного оружия. Милет Жабодав — это мастер боя в помещениях, вероятно, можно также назвать штурмовиком, особенную славу получил за сражения против коронов на станциях. Как понимаю, пользуется штурмовыми винтовками и гранатами различного спектра, будет принимать у вас умение метания гранат, а также вместе со мной будет проверять ваше умение штурмовать объекты, действуя в команде. Григорий Жнец — мастер снайперского дела, если среди вас имеются снайпера — он будет проверять вашу меткость. Гюнтер Кувалда — мастер дробовика и, как понимаете по позывному «Кувалда», то есть специального комплекса для выбивания дверей самого различного плана, будет также участвовать в оценке ваших умений при штурме. Индеец или Ирокез — боец с гранатометом, а также мастер использования оружия ближнего боя, а конкретно различных ножей, — будет проверять вашу боеспособность в ближнем бою, а также умение стрельбы из гранатометов, как подствольных, так и конкретно ручных гранатометов. Мох — мастер использования ПП и автоматических винтовок, а также, в целом, оружейник, как понимаю, — будет принимать у вас сборку и разборку вашего личного оружия. Клио — штурмовик с ракетным ранцем, хотя для талерианцев это довольно редкая специализация, однако Клио способен к тому, чтобы использовать ракетный ранец как свое основное средство перемещения по полю боя, также будет участвовать в оценке ваших штурмовых навыков. Ну и... Последний, но не по значению — Крен, мастер стрельбы из двух ручных пулеметов разом, обладатель двух имплантов с возможностью наведения сразу двух пулеметов в разные стороны, и в целом прекрасный боец обороны и штурма, он будет принимать у вас умение стрельбы из пулеметов с различной целью. Вопросы?

— Есть один вопрос, начальник, — проговорил какой-то крепкий мужик лет сорока, с ожогом на лице, кажется, обрубленным носом и механической правой кистью. — Где мы будем такую красоту проходить?

— Полигон шок-пе́ха, — лаконично ответил Грэм, глядя на остальных. — Еще вопросы?

— Вопросов нет, — проговорил высокий чернокожий мужчина с имплантом глаза.

— Отлично. Готовьтесь к поездке и к тому, что будет сложно, ибо, в том числе, мы проверим, скажем так, командиров «отделений» на их творческий потенциал при штурме и при обороне. Вы будете разбиты на эти самые отделения по десять человек с различным оснащением, кто-то будет стоять в обороне, кто-то будет штурмовать. Использовать для этого мы будем тренировочное оружие шок-пе́ха, которое выводит человека из боеспособного состояния, поэтому приготовьтесь к тому, что вас будет бить током. На этом все, — спокойно закончил Грэм, а после обернулся к своим соратникам.

— Охрененно для касатика, — с улыбкой проговорил Кувалда, а Жнец положил руку на плечо Грэма.

— Вот что такое настоящий командир и офицер! Старший лейтенант в своем возрасте, мог бы продолжить службу, но случились не лучшие времена с семьей, да и сам в немилость к страшим впал, поэтому и погна́ли, — ухмыльнулся Жнец, смотря на своих товарищей и стоя рядом Грэмом. — Этот алмаз дохрена всего сделает для нашего с вами союза и, считаю, что ты, Грэм, уже принят в наше объединение.

— Спасибо, — улыбнулся вечно серьезный паренек, пожав руку, протянутую Жнецом, а затем пожав руки Жабодаву и Кувалде.

...

В скором времени к офису ЧОП подкатили несколько транспортеров шок-пе́ха, после чего началась погрузка бойцов на машины. На встречу к Жабодаву подошел какой-то офицер шок-пе́ха в обыкновенной форме, чем-то напоминающей ту самую, с фотографий древних хроник, единственным отличием от формы офицеров СС был темно-синий цвет вместо черного, а также нахождение на правой стороне груди щитка с изображением двух молний вместо типичной красной повязки на руке. Кроме этого, вместо фуражки этот носил армейскую кепку, видимо, это было обозначением младшего офицера, ибо старшие и высшие носили фуражки, на плечах же офицера были погоны с четырьмя крестами.

— Приветствует, капитан Уиклиф, — спокойно произнес этот человек, глядя прямо в глаза Жабодава. — А Вы, как понимаю, тот самый Милет Жабодав?

— Так точно, офицер, — ответил наемник, смотря в голубые глаза человека, который как-то паскудненько улыбнулся.

— Вы собрали этот сброд для тренировки? — спросил человек, сохраняя все ту же паскудную улыбочку.

— Не для тренировки, но для проверки их боеспособности. Вам что-то не нравится, капитан Уиклиф? — спросил Жабодав, глядя на человека, который продолжал улыбаться.

— Ну... К примеру, мне не нравится то, что Ваши людишки будут находиться на нашей базе, но будьте благодарны деньгам старшего гвардии лейтенанта Романо, ибо иначе тебя, сержанта, я туда бы не допустил, — проговорил приглушенно Уиклиф, смотря на человека.

— А Вы, капитан, хоть раз участвовали хоть в чем-то большем, чем разгон митинга? — спросил, подходя по правую руку от Милета, Грэм. — Как-то сомневаюсь, что человек Вашего возраста участвовал хоть в чем-то запоминающемся.

— Охо-хо... Это кто тут такой смелый? — спросил капитан шок-пе́ха, смотря на старшего лейтенанта чуть снизу.

— Старший лейтенант в отставке Гарри Грэм, Герой Федерации. Данное почетное звание получил за освобождение от пиратов транспортного корабля в системе Омегон, на

котором было что-то около пятисот человек, и тебе ли мне, шавка, что-то говорить? — проговорил человек, смотря на шок-пеха сверху вниз.

— Ох... А за что ж тебя, такого хорошего, в отставку отправили в столь юном возрасте, Герой Федерации? — оскалился капитан. — Да и, я тебя в звании постарше буду, так что принял упор «лежа» и отжался сто раз широким хватом, если хочешь, чтобы твои собаки топтали наш полигон.

— Угу... Разбежался. Тебе заплачены деньги, капитан, и если ты не исполнишь услугу, которую у тебя купили — тебя так натянут, что ты пожалеешь о своем поступке.

Капитан шок-пеха оскалился, но все-таки пошел к своему транспортнику.

— Неплохо-неплохо, только вот нам враги среди шок-пеха не нужны, старший лейтенант Гарри Грэм, — проговорил Милет, глядя на парня. — Но, в принципе, ты правильно сделал, не осуждаю. Двадцать шесть же тебе? Как это было?

— Я не хочу разговаривать о том штурме, по крайней мере, сейчас, а собака должна знать свое место. Этот капитан не участвовал ни в чем, кроме ликвидации местных митингов, его лицо фигурировало в новостях, да и что-то он там «докладывал» о том, как они «геройски» выбили демонстрантов из здания правительства, в общем... Офицерской «чести» ему не занимать, — проговорил спокойно Герой Федерации.

— Что ж мне так на вас, Героев Федерации, везет? — спросил, улыбнувшись, Милет.

— Я бы не назвал это везением, ибо Герои Федерации, зачастую, люди потрепанные жизнью, так как они не соответствуют устоявшимся нормам самой Федерации. Я, конечно, про истинных героев, а не про этих. У какого-нибудь генерала шок-пеха имеется тот же самый орден, что и у меня, однако вопрос в том, за что этот орден получен? Вот Роберто Романо... Про него почти вся Федерация слышала, ибо он прикончил одного из самых известных генералов Рогар, рисковал своей жизнью, чуть не погиб из-за болевого шока, кое-как смогли плазменный ожог ликвидировать, а эти... За что медальки и ордена? За сохранение внутреннего «спокойствия»? — улыбнулся Грэм как-то болезненно. — Да, некоторые шок-пехотинцы участвуют в освобождении заложников, в сохранении нормального человеческого уровня жизни среди населения через ликвидацию преступности и терроризма, но это делают рядовые бойцы, а не генералы. Я вот помню... Приходилось общаться с некоторыми старшими офицерами шок-пеха, так это и не люди вовсе. Какие-то биороботы, мыслящие тем, каким образом проще усмирить протест. Образ, зачастую, силовой. Вот знаешь, к примеру, шоковый аркан? — спросил Грэм, смотря на транспортеры шок-пеха.

— Ну... Слышал, но не видел в действии, — ответил Милет.

— А я вот видел и знаю, что это такое. Зрелище, после действия аэроциклистов шок-пеха, отвратное. Разорванные куски плоти, ибо аркан смыкается на шее, а далее тащит человека за аэроциклом. При этом аэроциклист старается задеть этим как можно больше людей, то есть задеть их уже живым трупом, который на аркане болтается. Потом его об асфальт долбит, благо, шея уже сломана, и он не чувствует боли, но труп обычно разодран на части. Сам аркан в народе носит имя «аркан Фейма», Фейм — имя генерала, который наиболее любит применять аэроциклы во время наиболее массовых демонстраций, но да... Его методика работает. Я помню еще... Видел казнь с помощью этих арканов... Один аркан зацепили за ноги, второй за шею. Вернее, тот, что за ноги был обычной крепкой веревкой, но сути не меняет. Человеку оторвало голову, а обезглавленное тело протащили по площади, поэтому шок-пех — это не люди. Они хуже рогарийцев, и даже василисков, — как-то мрачно

проговорил старший лейтенант, а Жабодав лишь покивал в ответ.

...

В скором времени бронетранспортеры на воздушной подушке прибыли на базу шок-пеха. Уиклиф как-то мрачно осмотрел вышедших, а Грэм скомандовал построиться в пять шеренг, после чего капитан шок-пеха, в своей манере, как-то паскудененько улыбнулся.

— Итак, граждане ЧОПовцы, сейчас вы вошли в святая святых этой планетки — на одну из баз шок-пеха. Здесь имеется множество достопримечательностей по типу комнаты пыток, — человек козырьком своей кепки указал на здание, будто бы уходящее под землю. — Вот там я кого-нибудь из вас сгною, если вы испортите хоть что-то на нашей базе. Оглашу определенные правила. Вы не имеете права заходить в помещения без сопровождения кого-либо из личного состава базы. Если вы захотите по малой нужде, только попробуйте справить нужду на полигоне, у меня в арсенале есть прекрасная машинка для стерилизации путем давки яиц, так вот... Если я обнаружу хоть одну лужу — я найду того, кто это сделал и использую свой инструмент. Далее... Желательно соблюдать тишину во всех местах, кроме полигона. Вы должны вести себя, как мышки, ибо иначе у старших могут возникнуть вопросы. Чисто де-юре, вы здесь нелегалы, и если кто-нибудь из вас решит громко выругаться, чем напряжет нежные ушки нашего майора, — он будет болтаться в петле, как любой человек, проникший на базу шок-пеха без спроса. Потом его труп сожгут в печи, и никто ничего не узнает. Усекли? — этот человек с переломанным горбатым носом говорил это настолько спокойно, что у некоторых, стоявших напротив, прямо-таки пробежали мурашки.

— Все ясно. Вопросов не имеем, — проговорил Грэм, глядя на своего «коллегу» из гвардейского подразделения, военной полиции и много чего другого одновременно, после этого Уиклиф ушел, а к людям подошел человек в экзоскелете.

— Старший сержант Грейх приветствует вас, — голос сержанта прозвучал хрипло и слегка устрашающе, так как на нем присутствовал черепоподобный шлем. — Пройдемте за мной на полигон.

Грейх в этом экзоскелете казался действительно огромным, как и любой шок-пехотинец. Да, он не сильно превосходил человека в плане всего своего вида, к примеру, экзоскелет Билли был значительно крупнее, однако экзоскелеты шок-пеха представляли собой более технологичную версию сверхтяжелой брони. Как минимум, шок-пех был оснащен самыми различными дополнительными орудиями для нанесения ударов, удар железной лапой шок-пеха и так был не из приятных, а то и из смертельных, но на кулаках располагались специальные вставки, которые могли применяться как кастет или же как полноценный шокер. Итогом становилось то, что шок-пех превращался в идеальное оружие даже будучи безоружным.

Сама база представляла собой некий небольшой городок, в котором располагались множественные казармы, а также некоторые другие строения, включая некое подобие тюрьмы, в котором шок-пех держал самых различных людей, от прямых «революционеров» до обычных участников митинга. Наемники шли мимо всех этих зданий, которые своими черными стенами создавали не самую приятную атмосферу и, вероятно, сделано это было специально для того, чтобы постепенно ломать неподготовленных людей, которые попадали на базу. Везде виднелись сами шок-пехотинцы, которые в большинстве носили темно-синюю форму с кепками на головах, местами виднелись и транспортные машины, а также пара аэроциклов с висящими на них арканами.

— А тебе, Грейх, нормально здесь работается? — спросил Милет, поравнявшись со старшим сержантом.

— Как тебе сказать? Нормально, если особенно ни о чем не задумываться. Не думая — живется проще, а вот когда начинаешь размышлять о «пользе» от своей работы, ну... Не очень становится, но лучше здесь о таком не говорить, Жабодав. Как-нибудь в баре побазарим на эту тему, — проговорил шок-пехотинец, за которым следовали пять шеренг, а также будущие инструктора ЧОПовцев.

...

Вскоре они уже были на полигоне. Уже виднелись здания, которые следовало бы штурмовать: трехэтажка с укрепленными пластиковыми листами балконами, а также длинная пятиэтажка, рядом с которой виднелись укрепления из мешков с песком и щитами из пластстали.

Грейх поднял правую руку вверх, после чего строй остановился.

— Итак, бойцы! — громко проговорил Грейх, развернувшись к следовавшим за ним. — Сейчас вы находитесь на базе шок-пека. Главный мукак базы уже произвел определенный инструктаж, поэтому я оглашать правила снова не буду, только скажу, что, вероятно, во время репетиций «штурма» сердечниками или тем, у кого имеются импланты сердца — лучше сразу уйти. Просто не участвовать, ибо смерть на базе — это дело муторное, тем более смерть, грубо говоря, гражданского лица. Мне заполнять отчеты потом не хочется, поэтому просьба к инвалидам — уходите сразу. Вернее, побудьте здесь до окончания отбора, а дальше мы вас уже «эвакуируем». Итак... Перейдем к «аттракционам», — Грейх указал на поле слева от себя. — Вон там находятся стрельбище. Там же вы будете метать гранаты. Как привести в поднятое состояние мишени — разберетесь. Там все просто. Далее... Вон там, — человек указал на небольшое песчаное поле. — Зачастую проводятся спарринги. Именно там вы и будете бить друг друга. Также... Просьба к тем, кто имеет импланты рук и ног... Не участвуйте в спаррингах, ибо были случаи, когда шок-пехотинец с имплантом, к примеру, руки, убивал другого шок-пехотинца, просто не рассчитав силу своего удара. А уж если шок-пехотинец с огромным опытом не может рассчитать силу удара своим железом — вы без такого опыта ее не рассчитаете подавно, а это уже уголовное дело, которое я списывать на «случайность» не планирую. Убийство таким образом является отягчающим обстоятельством, так как вы знали то, что имплант имеет гораздо большую силу, чем обыкновенная рука, и это значит, что вы, зная свое физическое превосходство над противником, — взяли и убили его. Кроме этого... — сержант шок-пека помолчал, а после продолжил. — Вероятно, я попытаюсь договориться о том, чтобы на штурмовые объекты завезли тренировочных дроидов. Это позволит вам друг дружку шокowymi снарядами не бить, но... Договоренность с механиками — не факт, поэтому я не гарантирую этого.

— Старший сержант Грейх, просьба не договариваться о дроидах, — проговорил Жнец. — Вы и так оказываете нам большую услугу, но... Я бы попросил привести те два отделения, который были задействованы в ликвидации кворонов. Просто... Скажем так... — Гришка посмотрел на Милета, потом снова на Грейха. — Есть шанс того, что ЧВК превосходят наших бойцов в уровне подготовки, как минимум, в плане непрерывного опыта, поэтому следовало бы задействовать именно солдат, а не дроидов.

— Ты хочешь, чтобы твоих ЧОП нокаутировали? — спросил Грейх, кажется, с улыбкой под шлемом.

— Не нокаутировали, но чтобы мои ЧОПы поняли то, насколько тяжелой будет наша

операция, ну, и чтобы отобрать лучших, — проговорил спокойно Жнец.

— Угу... Имеет смысл. Я предлагаю сделать таким образом. Вы сами возглавите лучшие два отряда, чтобы бой был хоть немного равным, а я приведу три отделения.

— Четыре, — улыбнувшись, проговорил Грэм.

— А ты потянешь, парень? — все с тем же выражением проговорил старший сержант.

— Противник будет численно превосходить нас, поэтому и требуется большее число ваших бойцов. Я, конечно, понимаю, что шок-пех значительно сильнее подготовлен, чем ЧВК, но нам нужно в полной мере отработать командное дело. Также имеется вопрос вооружения... Каковы будут тренировочные орудия? — спросил Грэм, смотря на великана в экзоскелете.

— Различные... Снайперских винтовок, конечно, не будет, но по крайней мере пулеметы будут, чтобы вы в полной мере смогли задействовать свои тактические возможности. Себя же мы слегка обрежем в плане тренировочного оружия, ну... Чтобы было больше шансов. Только ПП. Такого, конечно, в прямом боестолкновении не будет, однако в нашем случае моим отделениям хватит и такого вооружения, чтобы устроить вам тяжелую жизнь.

— Щиты? — спросил Кувалда.

— Конечно. Вы же на штурм идете, поэтому определенное защитное вооружение должно быть. Ну и... Готовьтесь к тому, что проиграете, — довольно весело сказал Грейх.

— Это мы проиграем? — спросил Индеец, глядя на шок-пехотинца. — Парни! Этот сержант хочет, чтобы ему дали под зад!

— И мы дадим! — подхватил Мох.

— Тише, кретины... — проговорил Клио, смотря на людей сквозь матовое стекло, а швагр стоял спокойно, задрав голову вверх, кажется, он даже спал.

— Что ж... Я хочу, чтобы мне дали под зад! Но и я дать не против! — шуточно проговорил искаженный голос Грейха.

А вот ЧОПовцы как-то слабо отреагировали на все эти боевые выкрики, им было как-то некомфортно на этой базе, а еще больше некомфортно стало от того, что число врага при офисе будет больше числа бойцов Романо.

Старший сержант ушел куда-то, лязгая своим железом, после чего перед отрядом снова стал старший по званию Грэм, который улыбнулся бойцам и тем, кто уже принял его в свою наемническую компанию.

— Итак, бойцы. Что я хочу сказать? — задал риторический вопрос этот молодой человек, глядя на строй. — Сегодня будет трудный день, но еще более трудным является день штурма. Мы все рискуем раз и навсегда остаться на Итарисе, поэтому прошу вас о том, чтобы, если боитесь, вы сразу ушли из строя, — после этих слов люди стали переглядываться и перешептываться, но никто не вышел из строя, голову поднял лишь огромный негр.

— Скажите, старший лейтенант? Вы боитесь? — спросил этот черный человек, а Грэм посмотрел на остальных наемников, он явно не ожидал такого вопроса, но все-таки должен был ответить.

— Боюсь. Все боятся, кроме безумцев или выходцев из некоторых родоплеменных объединений, как наш четырехрукий друг, — Грэм указал на швагра в этот момент. — Но. Я хочу сказать одно. Мы исполняем определенный долг. Лично мы с парнями уже заключили договор с Романо, а значит, обязаны его исполнить, не боясь за свою жизнь. Вы еще ничего не должны, но подумайте о том, как вы будете смотреть в глаза своих товарищей, когда

возьмете и выйдете из строя. Кто-то из них может не вернуться, а вы бы могли сделать гораздо больше, чем погибший, ибо были лучше в плане подготовки, чем он. Подумайте о том, как вам будет смотреть в глаза его родных, если вы вдруг с ними пересечетесь. Я вижу в вас неуверенность, поймите и то, что у нас нет полной уверенности, мы просто привыкли рисковать своей жизнью за деньги и ранее, для уплаты своего долга перед Отечеством, какое бы оно уродливое и страшное не было. Вы все также были обязаны своей Отчизне, как и мы, и, возможно, когда-то мы воевали на одних и тех же фронтах. Например, я воевал на фронтах войны с терроризмом, за что и получил звание Героя Федерации. Я не сильно известен людям, однако можете поискать в космонете имя старшего лейтенанта Гарри Грэма. Вы будете удивлены тому, что я здесь, среди вас, хотя для меня была открыта огромная карьера, но я не был идеалом солдата для нашего Отечества. Поэтому я сейчас старший лейтенант в отставке, без каких-либо выплат вне зависимости от наличия звания, которое теперь служит лишь хорошей такой оберткой от конфеты, чтобы подороже себя продать. И вы точно также себя продаете. Так Вы с нами или нет, мой черный друг? — спросил Грэм, глядя на чернокожего, а тот как-то неуверенно улыбнулся.

— Я... Я не ожидал этого вопроса, но... — чернокожий тяжело вздохнул. — Я, Джон Мин, старшина третьей роты, двадцать пятого Гинского полка планеты Амин, с Вами, Герой Федерации Гарри Грэм. Я участвовал в походе на миры Триумвирата и буду теперь верно сражаться за Романо, а потом и против него.

В этот момент как-то мерзко улыбнулся обожженный мужик с протезом правой кисти, который в этот момент смотрел в НПК.

— А разрешите поинтересоваться, «Герой Федерации»? Что значит то, что Вы избili генерала? — он, кажется, специально откопал самую неприятную информацию из всех, после чего и задал этот вопрос.

— Это пункт своей истории мне не хочется рассказывать, но так как Вы спрашиваете... Я скажу, — Грэм как-то мрачно улыбнулся. — Есть один факт внутри моей биографии. Мой отец был повешен шок-пехом за революционную деятельность. Как и наш черный друг Джон, он не желал жить в таком мире, как наш. Я тогда был совсем маленьким, и после казни отца попал в детдом. Там в меня вбивали то, что я должен любить Родину, и я ее люблю, но не совсем ту, которую строят наши пропагандисты и другие персонажи. Я люблю ту Родину, которая связана с людьми. Обычными людьми. Романо для меня не авторитет и, подобно Джону, я бы тоже сражался против него тогда, когда настанет время. И я читал о своем отце: профессор Стенбекского университета на самом Гамельтоне. Человек, который не принял того, что случилось с Федерацией. Человек, который встал против того режима, который настал тут у нас. И генерал Тимберлейк решил макнуть меня в мою предательскую историю, для него, понимаешь ли, принцип того, что дети не отвечают за родителей — не существовал. И тогда я ударил. Да так, что генерал повалился на пол. Мне, так-то, светил бы трибунал с последующим расстрелом, но звание Героя все-таки имело некий вес, учитывая то, что Тимберлейк был одним из самых неуспешных генералов во время последней рогарийской, именно на его участке произошел первый прорыв рогарийцев и так далее. В общем... Меня понизили в звании, из капитана я вернулся на позицию старшего лейтенанта, а затем меня стали выживать из армии. Намеки я сразу понял и подал в отставку. Достаточно такой информации для Вас?

— Исчерпывающе, старший лейтенант, — также паскудно улыбаясь, проговорил человек.

— А теперь, если все вопросы исчерпаны... Просьба пройти на полигон, — проговорил Грэм, следя за этим мужичком с протезом кисти.

...

Жнец шел к полигону быстро и уверенно, кажется, он прямо-таки светился от радости, когда осознал, что сможет применить свою старую добрую тактику проверки снайперской меткости. Вопрос был лишь в одном: а есть ли тут снайперы? Но Гришка все равно был неуютим и уже мечтал о том, как избранный им человек сможет сбить «монетку» с головы одной из дальних мишеней, он сразу подошел к пультам подъема целей для стрельбы, нажал на кнопку, и железки выдвинулись, поднялись из лежачего состояния. После этого Жнец перескочил ограждение и быстро побежал к дальнему ряду.

— Куда он прет? — спросил Жабодав, нахмурившись.

— У него же особенная проверка для снайперов, так что... — начал говорить Кувалда.

— У него в руках монетка, — перебил талерианец.

— Понятно... Это же издевательство, и... Откуда он взял монетку? — задал следующий вопрос Жабодав.

— Из личной коллекции, — проговорил Индеец. — Насколько помню, у него куча всяких монеток. А ты не знал, что твой подчиненный увлекается нумизматикой, Милет?

— Когда он был в моем отряде, он таким не занимался, — отрезал Жабодав, после чего Индеец проговорил: «Понял-понял, не лезу», и замолчал.

Гришка поставил монетку диаметром в два сантиметра на мишень, на расстоянии в пятьсот метров. Он прикрепил к мишени магнит со специальной выбоинкой, как раз для установки монет, после чего побежал назад. Бегал он быстро, и поэтому уже вскоре перескочил через баррикаду и взял из-под стола заветный кейс со старой доброй винтовкой Каин-15 «Смерть». Сначала он прикрутил цевье к корпусу винтовки, затем установил довольно крупный прицел на ребристый корпус, прикрутил и увесистый приклад. Затем вставил ствол сантиметров в восемьдесят вместе с установленным пламегасителем, проверил затвор, после чего поставил оружие на предохранитель и установил увесистый магазин. Все цевье и корпус этой винтовки были покрыты засечками, а Жнец смотрел на подходящих ЧОПовцев с улыбкой, положив оружие на плечо.

— Итак, братцы-кролики, имеются ли среди вас снайперы? — спросил кудрявый, лучезарно улыбаясь, а из строя вышел один единственный человек с помятым видом, с неухоженной бороденкой, а также с каким-то душком перегара.

— Ефрейтор Колленс, снайпер второй роты третьего Йовинского полка планеты Кромвель. Воевал на последней рогарийской, после чего был демобилизован и каким-то образом попал в это захолустье, где большую часть времени запиваюсь, но меткость вроде как осталась, — проговорил человек слегка покачиваясь.

— Ты как из фильма «Пьяный Снайпер»? Руки без бутылки не трясутся? — спросил Жнец как-то невесело, а Колленс поднял руки перед собой, и не было даже намека на то, чтобы руки сделали хоть движение без приказа своего командира-мозга. — Ну, ладно, Колленс, можешь подержать это оружие Бога Войны в своих руках. Концерн, который его производил, назывался Аресом, поэтому и Бог Войны. Твоя задача найти среди мишеней монетку и сбить ее... Ну... С двух выстрелов, если ты это делаешь — стопроцентно проходишь в отряд.

— А если я этого не делаю? — мрачно спросил ефрейтор, глядя на Жнеца.

— Ну... Там пять патронов в магазине, поэтому у тебя есть еще вариант сбить три

мишени попаданиями «в яблочко», либо в ближний к нему круг.

— Понял, — проговорил человек, угрюмо взяв винтовку в руки, а после, подойдя к стрелковой позиции, лёг, расставив ноги в разные стороны, приклад плотно прижал к плечу, а после спросил. — А у тебя под эту хрень ножек нету? А-то она больно тяжелая для стрельбы без ножек. Килограмм восемь, не меньше.

— Есть, — Жнец подал Колленсу сошки, после чего тот прикрепил их к соответствующей выемке на стволе.

— Ага... А мужик продуманный, — усмехнулся Мох. — Эт, наверное, чтоб руки точно не тряслись.

— Да не. Он все правильно сказал. Ствол этот реально тяжелый, хотя бывают и тяжелее, но там уже против техники орудия, а этот ствол может спокойно применяться против экзоскелетов малого и среднего спектра, поэтому да... Плюс отдача мощная. Это я привык со Смертью в руках воевать, а человеку, который с более мелкими винтовками воевал — это дело реально тяжелым будет, — ответил на язвительное замечание Моха Жнец.

Тем временем Колленс разглядывал в прицел дальние мишени и вот... Он резко остановился. Что-то сверкнуло в прицел. Монетка! Да... На засохших губах его возникла довольная улыбка, а сам он облизнул губы, немного склонил голову на бок, открыл рот и сделал глубокий вдох. Поправка на легкий ветер, буквально в пару миллиметров... Громкий хлопок, приклад ударяет в плечо ефрейтора, а сам он с улыбкой наблюдает за тем, как пробитая монетка подлетает вверх, а магнит под ней разлетается на кусочки.

Жнец смотрел за монеткой из бинокля, и на лице его возникла улыбка.

— Колленс, какую кратность прицела ты выбрал? — спросил человек, глядя на бородача.

— Да та, которая стояла. Она маленькая была, то ли восемь, то ли четыре.

— На восемь стояло, ну в принципе, результат очень даже неплохой, — улыбнулся Гришка. — А если снять прицел? Попадешь?

— Ну... Раньше бы попал, а сейчас зрение чуток загасил, но давай попробуем, — улыбнулся человек, возвращаясь на позицию, а Гришка снова довольно быстро добежал до средних мишеней.

— Отсюда увидишь? Двести пятьдесят метров, — довольно громко проговорил человек, а ефрейтор снял прицел.

— Вполне! — проговорил снайпер.

— Глаза закрой! — крикнул Гришка, после чего установил монетку на магнит на одной из крайних мишеней среднего ряда, после чего быстро выбежал из зоны обстрела.

В этот раз монетка была чуть больше в диаметре и достигала двух с половиной сантиметров. Разница очень маленькая, но и дальность размещения монетки снизилась в два раза.

Ефрейтор открыл лишь правый глаз: «Он бежал справа налево, значит монетка расположилась на одной из крайних мишеней», про себя подметил снайпер, после чего стал одну за другой рассматривать мишени и вот... На плече одной из мишеней виднеется что-то блестящее.

— Командир, сколько у меня выстрелов на попадание в эту кроху?! — громко спросил снайпер.

— Все четыре! — с улыбкой проговорил Жнец, а ефрейтор улыбнулся, после чего припал к прицельным выступам на орудии, он совмещал дальний выступ с ближним...

Выстрел! Снова удар в плечо, а монетка не сдвинулась с места, пуля пролетела выше, из-за чего человек слегка выругался и снова начал целиться. Сейчас он вытер лоб и глаза, после чего, еще раз сильно прищурился, совместил монетку с прицельными выступами. Хлопок... И что-то вдалеке сверкнуло и разорвалось на кусочки, с прошлым выстрелом было немного иначе, кажется, тогда человек попал по краю монетки, а теперь попал в самый центр, что и привело монету в прямо-таки разорванное состояние. А снайпер снова улыбнулся. «Есть еще порох в пороховницах», — подумал он про себя.

— Отлично! Три выстрела — два трупа. Замечательно! — громко проговорил Жнец, подойдя к человеку и забрав винтовку, после чего взял того за руку и помог подняться. — Ты в нашем отряде, ефрейтор Колленс! И если выживем... Я бы с радостью принял тебя в свой отряд. Мне нужны снайперы такого разлива.

— Ага, спасибо. Я даже побреюсь по такому случаю, — ухмыльнулся Колленс, а ЧОПовцы переглядывались с улыбками, готовясь к собственным рабочим заходам.

— Так! А сейчас берите штурмовые винтовки, по крайней мере те, кто с ними работал. Я думаю, что тут человек тридцать, работавших с ними, поэтому ждем. Всего десять стрелковых позиций, поэтому прошу тебя, Мох, расположить винтовки на них, — после чего высокий рыжий бородач стал раскладывать винтовки ШВК-31-07 по позициям.

— Итак, стрельбу принимаем от вас в положении стоя для ближнего ряда, затем в положении сидя для среднего ряда и в положении лёжа для дальнего ряда, — проговорил достаточно спокойно человек, глядя на подходящих к оружию ЧОПовцев.

— Кто на пулеметы и на дробовики, пройдемте за мной и швагром! — громко проговорил Кувалда, и за ними последовало десять человек, включая Джона.

А рядом с позицией Гришки встал тот самый человек с металлической кистью, он довольно легко поднял винтовку, левая рука его легла на рукоятку, приклад довольно плотно был вжат в плечо, после чего он задал вопрос:

— Стреляем очередями?

— По переднему и среднему рядам очередями. По дальнему одиночными. Слишком далеко очередями стрелять — бессмысленно, ибо разлет и прочее. Вам важно показать то, насколько вы умеете обращаться с оружием, то есть в определенной степени уметь регулировать кучность стрельбы, поэтому на первую мишень — две очереди, на вторую — три очереди, и на последнюю — пять одиночных. Ствол выдает по три пули на очередь, пушка в этом плане очень и очень экономичная. И здесь мне нужно увидеть то, насколько кучно вы стреляете, поэтому постарайтесь максимально точно стрелять. Я потом буду анализировать разлет пуль, — обрисовал ситуацию Жнец, после чего отдал приказ стрелять.

Человек с металлической рукой максимально сильно вжал ствол в плечо, а далее произвел две очереди из положения «стоя». Он крепко держал рукоять ствола, чем практически уничтожил разлет пуль на первой мишени. Следующая мишень была расстреляна из положения «сидя». Он снова довольно крепко держал оружие в руках, и третью очередь решил направить в голову мишени, в чем довольно сильно и прогадал, ибо одна пуля попала в цель, другая лишь слегка задела голову, а третья улетела в никуда. «С-с-сука...», — прошипел человек, после чего перешел в положение «лёжа», и открыл довольно быстрый огонь одиночными по последней мишени. Здесь все пять пуль летели в голову и приходились почти на самый центр круга.

— Неплохо. Только куражиться на поле боя не нужно, ибо одна пуля в торс, зачастую, из хорошего оружия, коим является Ваша винтовка — является смертельной, —

прокомментировал стрельбу человека Жнец.

— А если против меня экзоскелет? — спросил человек, злобно улыбнувшись.

— Вы не пробьете ему голову из этой винтовки, разве что бронебойным, но, зачастую, штурмовая винтовка против нормальных экзоскелетов не сильно заходит. Против экзы шок-пеха — да, но не против оборонных экзоскелетов, а там будут именно такие, поэтому лучше забросить гранату из подствольника или простую гранату, — прокомментировал человек, а ЧОПовец как-то мрачно посмотрел на Гришку с мыслью: «Всезнайка».

— А вот допустим, если по сервоприводам стрелять? — все никак не унимался человек, продолжая вопрошать к Гришке.

— Мил человек, сейчас почти все экзоскелеты сервоприводы прячут в самой броне, что делает их практически недостижимыми для обычных смертных со штурмовыми винтовочками. Лучше выбивание экзоскелетов доверить снайперам или подствольным гранатометам. Гранат у вас будет достаточно, поэтому, пожалуйста, сойдите со стрелковой позиции и дайте кому-нибудь другому пострелять, — проговорил максимально спокойно Гришка, после чего ЧОПовец, покачав головой, ушел со стрелковой позиции.

...

— Итак, бойцы! — громко проговорил Кувалда. — Что касается стрельбы из дробовика — тут все просто, чем ближе к цели — тем лучший эффект оказывает дробь на противника. Поэтому у шок-пеха и имеется специальное место для проведения тренировок с дробовиком. Вот это, — невысокий и крепкий человек положил руку на бетонную стену с металлической дверью на входе. — Идеал для работы бойца с дробовиком. Тут цели расположены очень близко, поэтому вы должны максимально быстро выбивать их из игры. Кроме этого, на этой двери вырабатывается техника ликвидации подобных заслонов. Как видите, здесь имеется довольно большое количество вмятин. Это действовал так называемый «таран» шок-пеха. У нас оружие более изощренное, — после этих слов наемник достал из кармана нечто похожее на мину. — Вот эта штучка производит максимальный эффект не только на того, кто находится за дверью, но и на вас, если вы не спрячетесь за стенку. Фактически, эта маленькая хрень создает ужасный направленный взрыв, который, зачастую, снимает с рельс магнитные двери при достаточном числе заложенных снарядов. Он мнет дверь, после чего снимает ее с «петель», поэтому важно понимать то, каким образом нужно ставить подобную взрывчатку.

Человек прикрепил две взрывчатки наверх двери, две взрывчатки на низ, а также еще по две по краям.

— Так как данная дверь является хорошо бронированной, требуется ставить взрывчатки именно таким образом, то есть... Взрывчатка должна располагаться примерно на уровне двадцати-двадцати пяти сантиметров от видимого края двери. Это позволит вмять дверь внутрь и тем самым выбить. Если дверь не будет выбита окончательно, вы, как минимум, приведете ее в полную негодность, что также имеет свои плюсы. Если перед вами стоит цель сломать дверь и тем самым не дать выйти противнику — следует установить взрывчатку либо на нижнюю, либо на верхнюю часть двери. Фактически, дверь будет выбита с рельсы, а также вдавится внутрь сверху или снизу, чем не позволит открыть себя. Выдавленная часть просто упрется в дверной проем и не позволит противнику выйти. Подрывать мы это не будем, ибо шок-пех будет очень ругаться на этот счет, поэтому обойдемся лишь инструктажем, — улыбнулся Кувалда, после чего снял взрывчатку с двери.

— Ага... А как мы туда войдем? — спросил долговязый и худой паренек с бритой

головой.

— Как-как? Вопрос интересный, поэтому отойдите, пожалуйста... Я подрываю, — Кувалда нажал на кнопку входа, после чего дверь, скрипя и шумя, открылась. — Да. Нет никакого варианта войти, кроме как подорвать дверь. Молодые люди, вы находитесь в самом цивилизованном месте нашей вселенной, конечно же, тут есть кнопка открытия такой мятой двери. Они ее сначала выбивают, а потом своими же лапами возвращают дверь в ее первоначальное состояние. Хреново, правда, ибо вон там я вижу следы плазменного резака и плазменного сплава, металл под их ударами вытягивается, и старая дверца уже не очень подходит под старый проем, поэтому с каждым разом она все тоньше. Однажды им придется закупать новую. Теперь... Давайте я проведу мастер-класс по входу в такое помещение? — спросил Кувалда, глядя на четверых бойцов рядом с ним.

— Давайте... — мрачно проговорил высокий, после чего Кувалда передернул помпу своего дробовика, и резко двинулся вперед.

Он выскочил из дверного проема, после чего отправил дробь в первую мишень, затем в два скачка преодолел стенку и из-за угла выпалил заряд дроби в следующую мишень, еще два перемещения и третья цель ликвидирована, после чего Кувалда вышел из помещения.

— Там, короче, три мишени. Первая — прямо за этой стенкой, вторая за следующей, стены идут как бы... Напротив входов в каждую новую комнату, то есть... Образуется такая странная планировка, коей ни в одном месте ты не увидишь. Но... В этом есть свой смысл, ибо боец учится быстро перемещаться по подобному «аттракциону». Лучше всего заходить на цель, выглянув из-за стены, то есть... Ты показываешься не полностью, когда противник будет полностью в твоей власти. Далее... Прыжком перемещаешься к стенке, следуешь по ней, снова выглядываешь, стреляешь, подскакиваешь к следующей стене и идешь по ней. Для чего ты идешь по стене? Может кто-то ответить?

— По стене мы идем для того, чтобы быть «сюрпризом» для противника. Мы, как бы... Располагаемся в неудобном для него положении, то есть... Ему надо совершить доворот до нас для того, чтобы попасть. Так?

— В каком-то плане. Если противник — новичок, тогда это так работает. В моей практике были случаи, когда выглядывали навстречу, то есть противник за стеной перемещался к стене, по ту сторону, которой находился ты и... Все. Но это зачастую очень редкие случаи, реально война спецназ на спецназ. Не знаю, насколько это будет реально для войны с ЧВК, но такого варианта не стоит исключать. В принципе, все сказано верно. Это сугубо тактическое положение и... В реальном бою у тебя зачастую имеется определенное прикрытие в виде товарища, который продолжает следить из-за стены, а далее в случае чего ликвидирует твоего «выходца из-за стены», после чего ты забрасываешь внутрь светозумовую и гасишь противника, опять же, под прикрытием товарищей. Как-то так, — улыбнувшись, проговорил Кувалда.

...

Крен стоял над людьми спокойно, рядом с пулеметными позициями.

— Крен может говорить о том, что пулемет — это одно из лучших орудий, которые ему пришлось держать в жизни. Главная задача пулемета — поддержка своих братьев по оружию огнем, — рычал голос швагра, а пулеметчики слушали это огромное нечто с определенным спокойствием. — Если Крен хочет помочь братьям по оружию — Крен стреляет во врага или поверх его позиций. Огонь на подавление — это одна из главных дисциплин, которые должен познать пулеметчик. Короткими очередями или даже одиночными — пулеметчик не

должен давать противнику поднять голову, чем он и занимается довольно успешно, почти во всех боях. Задача Крена — выбрать лучших пулеметчиков из вас. Крен может спокойно увидеть, как пулеметчик ведет огонь по позиции врага. Пулеметчик должен стрелять наиболее достаточно редко для того, чтобы экономить патроны, но при этом достаточно быстро для того, чтобы противник боялся за свою жалкую шкуру.

— Мы можем приступить? — спросил чернокожий.

— Конечно, — оскалился швагр, после чего Джон подошел к позиции пулеметчика и начал вести огонь по позиции противника.

...

Тем временем на основном полигоне стрельба на меткость подошла к концу, и командную роль занял Индеец.

— Итак. Что представляет собой гранатомет? Гранатомет — это лучший друг штурмовика на открытом пространстве. Фактически, на данный момент существуют самые разные виды гранат, включая реактивные и плазменные. Эти снаряды стоят довольно дорого и очень опасны в использовании, поэтому их использовать буду я, и еще пара моих подручных на поле боя. Для вас имеются обычные осколочные гранаты, а также гранаты направленного взрыва. Вторые имеют один плюс... Они идеально выбивают из игры экзоскелеты, поскольку к чертовой матери мнут железо и давят человека внутри. Плюс... Они относительно безопасны даже в помещении, однако надо быть очень меткими для точного попадания в цель, а иначе... Гхм... Ну... Можно достигнуть чего-то в духе направленного взрыва в тот же пол и довольно сильной взрывной волны в довольно большом радиусе. Поэтому... Применение гранат данного типа лучше сократить до минимума, но... Имеются липучие версии такого рода гранат, не знаю, завезет их нам Романо или нет, но в отличие от обычной болванки с «усиками», — в этот момент человек с красным ирокезом указал на гранату направленного действия. — То гранаты совершенно отличного действия. В первую очередь при попадании в экзоскелет они примагничиваются, а далее через секунду после попадания они подрывают экзу, что ликвидирует какой-либо шанс на выживание бойца в экзоскелете, в случае если один «усик», к примеру, задел ногу, а сам снаряд пролетел дальше. Поэтому, если у нас будут магнитки — экзе будет ой как весело, — ухмыльнулся Индеец.

— А вот шокового толка такие гранаты имеются? — спросил человек с черными пуговками имплантов глаз.

— Хорошо, что спросил... Такие гранаты могут пригодиться, и я попробую их выбить. А-то как-то превращать всех в пыль и кишки не хочется. Можно же хорошие барыши получить за освобождение тех или иных персонажей из плена, — ухмыльнулся Ирокез. — Да. А еще такого рода гранаты охренительно действуют на экзоскелеты, как минимум выводят из строя внутренние системы, как максимум, могут к чертовой матери сварить этого дегенерата внутри.

— Ты поосторожнее с дегенератами, — ухмыльнулся Мох. — Может, я захочу экзу нацепить, а?! Вот Билли ее всегда носит. Он что, дегенерат?!

— Все в экзе дегенераты. Мобильность меняют на броню. Я ж говорю... Экзу вывести из игры можно в два счета, даже такой болваночкой, — Индеец поднял гранату с металлическими усиками за ее основание, а после улыбнулся и бросил ее вниз, отчего все вдруг отскочили назад, но взрыва не случилось, а вот Индеец начал дико ржать. — Муляж!

— Дурак ты, Индеец... — пробормотал Грэм, глядя на человека с красным ирокезом.

— Это, между прочим, была проверка на сообразительность, ибо я бы сам напугался, если бы реальную гранату выронил, а вы... Эх вы! — проговорил Индеец, глядя на людей.

— Ты идиот, — проговорил Клио, смотря на Индейца. — А если бы у кого-то из них были тяжелые сердечные заболевания?

— Ой... Отвалите. Пошутить нельзя, — отмахнулся Индеец, скорчив обиженное лицо. — Ладно! Хрен с ним. Давайте пулять гранаты?!

...

В скором времени все бойцы снова были на полигоне, где уже начинал инструктаж Жабодав. Он поднял над головой гранату.

— Эта штука называется С-6 — наиболее распространенный тип осколочных гранат в Федерации. Обладает рифленой поверхностью для того, чтобы наградить противника наибольшим числом осколков. Собственно, С-6 — это одно из полезнейших изобретений человечества для борьбы в помещениях, взрывается за короткий промежуток, то есть примерно три секунды после вынимания чеки и отбрасывания предохранителя. До того, как отвалился предохранитель, вы можете вставить чеку назад, но как только он отброшен — начинается выход газа из гранаты с характерным шипением, что означает то, что у вас есть три секунды, чтобы метнуть ее туда, куда вы хотели. Плюс малого времени до взрыва в том, что противник, скорее всего, не успеет спрятаться где-либо. Разлет осколков до пятидесяти метров, но в помещениях он ограничивается стенами самого помещения, впрочем, разлет не такой уж и большой. Далее... — человек поднял другую круглую гранату. — Это П-100, осколочная граната ударного толка, то есть сразу после удара о твердый предмет — граната подрывается, после чего противник получает ряд незабываемых ощущений в радиусе ста метров. Эта граната сугубо полевого назначения, просто в силу того, что это граната подрывающаяся от удара, то есть в помещении вам может настать конец из-за того, что, скажем, она полетит не совсем туда, куда вы планировали, но если вы планируете забросить гранату прямо в открытую дверь — ее также можно использовать. Она в такой ситуации будет, даже лучше Тайм-3. Да. Это граната в расшифровке называется Панч-100. Следующее, — человек поднял светошумовую гранату. — Л-20 или Лайт-20. Граната типичного светошумового толка, слепит примерно на двадцать секунд, но если шархнет прямо у вас в руках, ну... Можете слепыми и глухими на пару дней остаться. Действие на противника отменное, если это не какой-нибудь робот, но там тоже плюсы имеются, у него слегка может подгореть плата, отвечающая за визуальные сенсоры, на меньшее время он также ослепнет. То же самое касается и турелей. В общем... Граната довольно универсальная в плане получения каких-либо проблем для противника любого рода. Далее... — человек поднял над головой гранату с некой открывашкой и красной кнопкой на ней. — Граната Шок-220. Не знаю, почему двести двадцать, ибо обычно от двухсот двадцати вольт человек остается инвалидом, а еще чаще — трупом, но гранату назвали именно так. Это электрограната, которая действует по системе удара и нажатия кнопки одновременно, собственно, не сильно важно, нажмете вы на кнопку или нет. Обычно такой уловкой пользуются раненые шок-пехи, ибо у них снаряжение поглощает электричество, в итоге они нажимают на кнопку гранаты и ждут того, когда к ним подойдут противники. После этого происходит выпускание множественных проводков или чего-то подобного, в общем-то образуется некая сетка, которая сначала охватывает всех вокруг этими ниточками или проводами, которые, кстати, цепляются и за железо, и за кевлар, и за голую кожу, а потом производит выпуск заряда. Следует отметить и то, что если граната ударит по

металлическому полу... Ну... будет худо тем, кто на этой металлической платформе окажется. Далее... — Милет положил гранату на стол и взял в руки гранату, похожую на некий баллончик. — Граната Смоук-30. Дымовая граната. Особенных пояснений делать не вижу смысла. Ну... Кроме того, что дым она пускает на протяжении секунд тридцати, само облако держится дольше при отсутствии ветра. Далее... — человек взял белую гранату аналогичного вида, но с рисунком огня. — Это граната Фаэр-10. Граната страшная, обладает внутри себя своего рода зажигалкой и горючим веществом. При ударе о твердую поверхность выплескивает свое содержимое, а параллельно срабатывает поджог, после этого все горит огнем. Также имеется ЭМИ-20... Чисто граната против различной высокотехнологичной техники, то есть именно против боевых дроидов и турелей. Конечно, с ликвидацией их справятся и гранаты Шок, но все-таки ЭМИ более проверены. На этом инструктаж по поводу гранат завершен. Просьба пройти на стрельбище, сейчас вам продемонстрируют сами гранаты в действии, к сожалению, большого числа гранат у нас на данный момент нет, поэтому каждый метнуть по гранате не сможет.

...

Вскоре люди были около позиции талерианца. Тем временем, Клио подготовил три ракетных ранца, после чего поднял один из них, а именно тот, который обладал черепом черного цвета, нарисованном посередине ранца.

— Итак, начнем с конструкции. Данная модель ранца называется Штурм-5.0. Откровенно говоря, лично мне нравится данная модель ранца. Фактически, здесь вы не видите ничего, кроме двигателей, хотя обычно на ранцах видны топливные баки, — талерианец в этот момент поднял щиток, на котором был нарисован череп, а внутри оказались те самые топливные баки. — Как видите, все более-менее защищено от случайных попаданий противника, что значительно повышает выживаемость бойца на реактивном ранце. Ранее случались множественные случаи различных повреждений топливных баков, в случае, если это были баки газового типа — штурмовик просто взрывался; в случае, если это были баки жидкостного типа — штурмовик с великими мучениями сгорал в огне своего же ранца. Далее... — Клио опустил щиток назад на топливные баки и повернул ранец обратной стороной. — Итак... Здесь мы можем видеть то, что ранец обладает довольно удобной системой ремней, которые можно регулировать, кроме этого, имеется четыре механических манипулятора, которые закрепляются на вашей одежде или броне, и, в зависимости от материала, на котором они закрепляются, они подбирают степень сжатия. Чем прочнее на вас снаряжение — тем лучше, ибо ранец сможет максимально крепко закрепиться на вас, что ликвидирует всякую возможность потери вами ранца, в первую очередь, в полете. Далее... — талерианец надел ранец на свой скафандр, а его руки легли на специальный держатель на ранце слева. — Как видите, ранец обладает еще и возможностью переноски вооружения, то есть вы можете закрепить какое-то оружие на нем. Лучшим вариантом является ПП или какая-то складная штурмовая винтовка. К сожалению, на ранце очень сложно закрепить какое-либо длинное оружие по типу снайперских винтовок, в основном, в силу того, что ранец имеет двигатели, которые выводят довольно сильный огонь и ваше оружие банально может расплавиться, поэтому... Я бы посоветовал снайперам пользоваться трофейными винтовками, которые вы добудете на крышах небоскребов. Впрочем... Кому я это говорю? Жнец меня в любом случае не слушает, а ефрейтор Колленс не имеет особого выбора. Почему вы не сможете перенести оружие в руках? — задал вопрос талерианец. — Если у вас нет специального чипа в мозгу или вы не умеете им пользоваться, это приводит к

тому, что... — в этот момент ранец выдал два руля, которые отвечают за полет. — Как видите, ранец обладает проблемным местом, в виде того, что им приходится управлять в ручную. Как только вы нажимаете на кнопку, включается двигатель. Левый или правый, соответственно, — талерианец демонстративно включил сначала левый, а затем правый двигатель, но не полетел. — Чтобы взлететь, надо дать двигателям слегка прогреться. Ждем три секунды, и... — Клио начал подниматься в воздух под гул двигателей. — Чтобы увеличить скорость двигателей, нажимаем на кнопку более интенсивно, — так Клио начал резко подниматься в воздух, после чего, совершив специальные отклонения рулей, обернулся в воздухе и заскочил на пятиэтажку. Костюм увеличил громкость голоса Клио. — Таким образом, мы совершили подъем на здание! Чтобы спуститься вниз, требуется легкое зажатие кнопок включения двигателей. Далее вы плавно спускаетесь вниз, — талерианец совершил своего рода прыжок в пропасть, но не стал резко падать вниз, а медленно и плавно опустился на землю.

— Это... А... — ефрейтор в шоке посмотрел на Клио. — Извините... Мне что, придется летать на этой хренотени?

— Ну... Полагаю, что да. А что такое? — спросил Клио, глядя на человека.

— Ох ё... — человек прямо-таки схватился за голову. — Да я, етить их мать, полетов боюсь! Я, нахрен, даже во время полета на космическом корабле вжимаюсь в кресло! Черт-черт-черт... И нахрена я в снайпера вызвался... Ой-ой-ой...

— Вам придется лететь, — проговорил Клио.

— Не-не-не-не-не! Так... Извините, пожалуйста, но я реально ссу, — ефрейтор умоляюще посмотрел на Гришку, а тот лишь улыбнулся.

— Солдат должен выполнять то, что ему говорят старшие по званию. Я вот являюсь старшиной, поэтому Вам, ефрейтор, насколько Вы бы не были меня старше, придется подняться вверх, — Жнец говорил это довольно добродушно, а человек напротив с каким-то недоверием смотрел на своего командира.

— А, может, это... Я там... Ну... По лесенке поднимусь, а? Может, не надо этого, а? — спросил Колленс все также умоляюще.

— По лесенке и в лифте — долго. Это не обсуждается, Колленс. Плюс... Ты уже дал согласие на то, чтобы быть снайпером. Ты уже выстрелял три патрона из моей винтовки и показал результат значительно более высокий, чем многие известные мне снайпера, поэтому, Колленс, ты полетишь, — Жнец вдруг перешел на «ты» и резко сменил добродушность на строгость и жесткость.

— Понял, — Колленс как-то мрачно подошел к одному из ранцев, после чего аккуратно надел его, затянул ремни на плечах и на животе, затем почувствовал, как железные манипуляторы обхватили тело снизу по ребрам и сверху под подмышками.

Лицо его было бледным, но все-таки он старался себя пересилить.

— Слушай меня внимательно, Колленс, — заговорил монотонный голос талерианца. — Я могу вколоть тебе успокоительное или адреналин, что лишит тебя страха, но тебе лучше преодолеть себя самостоятельно. Тяжело в учении, легко в бою.

— Да-да... Я преодолею, — проговорил, чуть ли не задыхаясь, человек.

— Мы с Жнецом будем лететь рядом с тобой, и будем тебя страховать, поэтому не бойся. У меня рюкзак синхронизирован с костюмом. У Жнеца в мозг встроен специальный чип, поэтому бояться нечего.

ЧОПовцы же смотрели на Колленса кто с усмешкой, кто с соболезнованиями, а сам

ефрейтор резко выдохнул.

— В жопу, — проговорил он, после чего начал медленно нажимать на рычаги. Ефрейтор начал медленно подниматься вверх, затем нажал сильнее, вспарил в воздух быстрее Жнеца и Клио, а после совершил непонятный маневр с каким-то криком и оказался над самой пятиэтажкой.

Он прямо-таки перевернулся в воздухе, сделав своего рода мертвую петлю, а затем встал на крыше. В глазах его сразу начали летать какие-то пятна, но Колленс, слегка пошатываясь, стоял. Вдох-выдох... Вдох-выдох. Клио и Жнец уже были рядом с ним. Жнец что-то говорил, но человек не мог понять, что. В голове крутились множественные мысли, а самое главное, какое-то неверие в то, что он сделал. После этого, он пошел вперед. В висках стучал сердечный ритм, но он пересилил себя и сделал шаг вперед. Сначала с силой сжал рукоятки, чтобы остановить резкое падение, а затем, облегчив хват, стал медленно опускаться вниз. Лицо его было бледным, но все-таки Колленс сделал это. Внизу же его ожидали изумленные лица ЧОПовцев, которые не раз наблюдали то, какую гримасу принимало лицо Колленса во время полетов на Айскрим или даже во время перелетов между городами. Теперь же, кажется, на его голове стало на одну седую волосину больше, но, по крайней мере, он пересилил себя и свой страх.

...

Вскоре четыре отделения шок-пеха были уже на месте. Были они переодеты в некую броню из черной плотной ткани с десятками вставок для поглощения тока. На лицах были такие же черные шлемы с такими же поглотителями. Вперед вышел, судя по всему, Грейх, который посмотрел на штурмовиков, упаковавшихся в такую же броню, но красного цвета. Переодеты были все, кроме Клио, ибо съём скафандра был для него смертельным.

— Итак... Провожу краткий инструктаж по поводу того, каким образом вас выводит из строя и то, почему Клио не стоит участвовать в этом действе, — голос Грейха был почти таким же, как и в экзоскелете, даже без искажения, он был хриплым, кажется, от простуды. — На доспехах встроены поглотители шок-зарядов. Что это значит? Это значит то, что ток не бьет вас напрямую, но, в зависимости от того, в какую зону попадает шок-заряд — ток будет сильнее или слабее впитываться в аккумулятор костюма, который, в момент накопления критического числа энергии, ударит вас мощным зарядом тока. Грудь, — Грейх указал в грудную пластину. — Сюда, в зависимости от зоны попадания хватает одного-двух шок-зарядов. Если попадание по касательной, что редко, в вас впитается от силы десять процентов тока. Зачастую, костюм такие попадания вообще не анализирует и в соответствии с этим не принимает. Дальше. Голова, — Грейх указал на шлем. — Здесь, опять же, один-два попадания в зависимости от вашего оружия, если пулемет попадает в голову — понятно, что головы нет, а значит, костюм сразу производит максимальное накопление заряда и бьет вас током, который выводит вас из состояния «жизни». В случае, если попадания происходят в не критические зоны, то есть, в конечности, хотя попадания в не критические зоны на поле боя — это тоже довольно таки смертельно, ибо вы минимум теряете оружие, если не смогли удержать его в руках, а максимум подвижность, если вам хорошо посекло ноги. Попадание в руки и ноги — заряжает ваш аккумулятор процентов на двадцать-тридцать. А теперь... Самое интересное, — Грейх указал на живот. — Как думаете, сколько здесь процентов?

— Сто, — четко произнес ефрейтор, глядя на старшего сержанта шок-пеха.

— Верно. Почему?

— Попадание в живот смертельно, ибо в случае такого попадания у вас, скорее всего, пробьет кишки, и вы будете умирать в муках в течение пары дней, если вовремя не оказать соответствующую хирургическую помощь. Вести же бой с попаданием в живот — довольно проблематично, ибо человеку чересчур сложно передвигаться с таким ранением, а тем более перемещаться стоя, — отчеканил ефрейтор.

— Верно. Вести бой из «стационарного» положения, вы в принципе сможете, если вам вколоть хорошую дозу обезболивающих, но все-таки, зачастую, такое попадание приводит если не к отключке, то к самой мерзкой боли. Про попадания в торс... Почему два патрона порой? — спросил снова Грейх.

— Есть шанс попадания в ребро, иногда происходит рикошет пули, ну и... Стоп... А почему не учитываются те же бронежилеты? — спросил ефрейтор, глядя на человека в черной броне.

— Условности. Не более... Конечно, это должно учитываться, но разработчикам было в падлу маяться с такими «неважными» деталями, поэтому оно так. По поводу рикошета — верно, но, зачастую, нынче происходит либо пробитие насквозь ребра, что смертельно, либо проход пули вскользь, но все-таки шанс рикошета имеется и именно поэтому только живот является смертельной зоной. Хотя, в принципе, зачастую живот не выводит из игры навсегда, когда попадание в сердце или в легкое или в мозг — это стопроцентная смерть. Теперь по поводу Клио... — шок-пехотинец сначала опустил голову, а потом поднял взгляд на талерианца. — Ты же понимаешь, что попадание шок-заряда приведет к отключению систем жизнеобеспечения твоего скафандра?

— Понимаю, однако, меня еще ни разу не ранили в боях за почти пять лет наемничества. Я что, буду бояться Ваших жлобов, старший сержант шок-пеха? — спросил с легким налетом наглости талерианец, хотя это, вероятно, было бы сложно распознать через голос переводчика.

— Ну... Мои жлобы гораздо более эффективны, чем половина того сброда, с которым тебе приходилось сталкиваться, а мне труп на базе не нужен, Клио. Либо ты даешь мне стопроцентную гарантию, что в тебя не попадут, а ты не можешь ее дать, либо ты не участвуешь в штурме. Решай, — проговорил абсолютно спокойно Грейх, глядя на талерианца.

— Даю стопроцентную гарантию, — кажется, усмехнулся талерианец.

— Поговорите с ним, парни, а то я разверну бойцов, и мы разойдемся без штурма, — четко проговорил старший сержант, а после этого вокруг талерианца появились Кувалда и Жнец, затем рядом возникли и Грэм с Жабодавом.

— Что ты устраиваешь, Клио? — спросил Кувалда, глядя на талерианца.

— Вы без меня вряд ли сможете спокойно прорвать шок-пех, — проговорил гуманоид в скафандре, направив свой шлем на Кувалду.

— Может быть, однако, Клио, ты реально не сражался с шок-пехом или кем-то похожим на них. Ты хотя бы видел то, как шок-пех ведет себя в бою? Если в тебя не попадет шок-заряд, ты можешь погибнуть от пинков, — проговорил спокойно Жабодав.

— Я не думаю, что меня смогут поймать, — уперся талерианец.

— Слушай меня внимательно, Клио, — в этот момент в разговор вклинился Жнец. — Ты нам годишься на поле боя, а не на поле тренировки. Нам нельзя рисковать таким кадром, как ты, а тренировку провести в любом случае нужно. Если же ты погибнешь — это приведет к довольно сильным проблемам для нашего штурма. Понятно?

— Понятно. Грейх столь же упертый, как и я, но он обладает властью, а вы не обладаете доверием к своему соратнику, — проговорил спокойно голос переводчика, после чего Клио вышел из отряда.

— Обиделся, кажись, — прокомментировал уход талерианца Грэм.

— Он не обижается. Он просто проанализировал то, что Грейх обладает реальной властью, — ухмыльнулся Кувалда.

— Понятно... Ну, я пошел к Грейху, — проговорил Грэм, двигаясь в направлении старшего сержанта.

...

Прошло время. Шок-пех занял позиции в здании и на территории вне него. Штурмовики же сейчас готовили план по ликвидации превосходящего численностью и умением противника.

— Итак... Вот здесь, перед зданием, разместился отряд Грома, — указал на карту местности Жабодав. — Это мужик довольно стойкий, он, как я понял, чуть ли не правая рука Грейха во время операций. Что это значит? А это значит то, что Грейх решил сыграть в какую-то игру с нами. Он одного из самых сильных своих бойцов отправил сюда. То есть... Он облегчает для нас задачу.

— Или наоборот, усложняет, — вклинился Грэм. — Сам посуди, если он выставил этого Грома на эту позицию — это может значить то, что сам Гром не очень способен к обороне. И плюс... Не совсем ясно то, что представляет собой внешний уровень защиты здания. Я лично не видел в окнах бойцов, то есть... Вполне возможно, они либо прячутся, либо в определенный момент должны подойти на помощь Грому.

— В чем-то ты прав, Грэм, — Жабодав погладил свое щетинистое лицо. — Но если Гром в этом случае самое слабое звено... Кто самое сильное?

— А ты и подумай. Тебе же среди бойцов Грейха известно больше людей, чем нам.

— Неа... Штука в том, что Грейх взял лишь одно знакомое мне отделение, а значит, там неизвестные рыла. Если я правильно услышал их переговоры... — Милет посмотрел на людей вокруг. — Там имеются целых пять сержантов, плюс некий младший лейтенант Фобос, который то ли командует ими, то ли просто за компанию решил потренироваться.

— Правильно услышал, Жабодав, — ухмыльнулся Индеец. — Я скажу так... Этот Фобос фигурировал в одной из местных газетенки как тот, кто разгромил какое-то подразделение местного подполья. И... Если я правильно понимаю... Грейх находится под его командованием.

— Но зачем так палиться? — спросил Джон, смотря на людей у стола.

— Зачем-зачем? Чтобы дать шанс и лишние зацепки... — проговорил Колленс, смотря на карту. — Нам же ни хрена неизвестно про внутреннюю часть. Мы идем вслепую. Здесь на карте указано несколько входов, включая входы на крыше. Сейчас мы находимся в соседнем здании. И нам...

— Ничего не говорили про то, с какой стороны атаковать, — ухмыльнулся Гришка, глядя на Колленса. — Голова! Берем реактивные ранцы, и высаживаемся на крыше. Я, Жабодав, ты — Колленс, и еще пара человек.

— Угу... А мы разбиваем оставшихся бойцов на другие входы. Сейчас нас двадцать семь, их — сорок, — проговорил Грэм. — Все-таки я поспешил с тем, чтобы вызвать на бой сразу четыре отделения. Стоило бить тридцать.

— Да похрен! — ухмыльнулся Индеец. — Я им так нашпыняю в окна этим шок-

гранатометом, что они не высунутся, а остальных завалите. Вот Джона и Крена на центр брать стоит, я тоже пойду, ну и... Ты, Грэм, да еще человек семь.

— А можно мне высказаться? — спросил человек, до этого молчавший, с имплантами глаз черного цвета. — Я считаю, что на центр стоит отправить всего пять человек. Остальным ударить в боковые двери и в тыл.

— Почему ты так думаешь, Черноглаз? — спросил Грэм.

— Ну, вот смотри... Эти граждане явно готовятся к лобовой атаке, по крайней мере, учитывая то, что Грейх поставил такого человека на оборону именно этого направления, — Черноглаз говорил спокойно. — Далее... Мы видим то, что на крыше никого особо нет. Это, кстати, не факт. Однако... Что следует учитывать в этом случае? Гром явно не действует без поддержки из здания. А наибольшее количество окон именно на центральном направлении. Там может быть натурально целое отделение. Именно на прикрытии Грома. В соответствии с этим — мы положим кучу бойцов там. Лучше отправить туда Джона, Крена и Индейца, поскольку они являются наиболее мощными бойцами в плане оснащения. Ну и... Еще Руку, — Черноглаз указал на человека с имплантом кисти. — Ну и... Моха. Чисто для поддержки пулеметов и гранатомета. Плюс... Учитывая подготовку Индейца, они и без большого числа бойцов смогут устроить хорошую прожарку отделению.

— Действительно... Как же хреново, когда у тебя нет возможности получения информации прямо... — оскалился Грэм.

— Да. Мы опираемся лишь на предположения... — цыкнул Кувалда, смотря на карту. — В принципе, я думаю, что стоит отправить наибольшую группу на тыл, еще по пять человек зайдут с левого и правого направлений.

— Ага... Только как мы их переместим на обратную сторону, Кувалда? — спросил Грэм.

— На жопной тяге, — ухмыльнулся Индеец.

— Ха-ха! Да... Просчет. Тогда пять человек зайдут с этой позиции, а остальные на тыл, — проговорил Кувалда. — Тут пойду я, и парни с дробовиками.

— Ага... И как ты с одними дробовиками туда пройдешь?

— Там, судя по карте, в две стороны идет коридор. Светошумовая, и бежим, — проговорил Кувалда.

— Не. Не вариант. Про стрельбу вслепую не забывай, — проговорил Жабодав.

— Да. Лучше двух людей со штурмовыми винтовками. Я готов, — проговорил Черноглаз. — И еще двое с дробовиками. Хотя, я не уверен, что здесь их вообще стоит использовать. Может, стоит сменить их на ПП, пока не поздно?

— А может взять и ПП, и дробовики? — спросил Кувалда, ухмыльнувшись.

— Можно и так, — кивнул Черноглаз.

— Угу... Может, добавить людей на крышу? — спросил Грэм, глядя на Гришку. — Ибо... Мне кажется, что на тыл это уже перебор по числу. Двадцать семь минус четырнадцать. Тринадцать человек пускается на «тыл», а наиболее мощным направлением является крыша, ибо тут у нас наиболее мощные кадры. Скорее всего, ты, Жабодав, и Жнец пойдете первыми на пролом противника. За вами уже остальные двинутся.

— Хм... — если смотреть на план... Тут у нас четыре входа вниз, то есть нам стоит взять восемь человек, — улыбнулся Жнец.

— Да. Тогда десять, во главе со мной, пойдут атаковать тыл. Пулемета мы взяли, по сути, три, но двумя из них будет пользоваться Крен. На тыл не вижу смысла. Нас и так

много, да и все со штурмовками. Так что... Полагаю, что обойдемся без пулеметов. Итак... План готов. Сигнал захода на позицию для старта «Зеленый», начало штурма «Красный», первыми в бой идет отряд подавления вместе с Индейцем, затем штурмовики и мы, и только потом начинается движение «фланг». Теперь... Подходим к своим выходам.

— Принято, — проговорил Жабодав.

...

Вскоре отряды были возле своих выходов. Жнец и Жабодав заняли позиции на выходе на крышу трехэтажки. Индеец и отряд подавления заняли позицию в начале здания, чтобы выйти на длинную часть пятиэтажки. Черноглаз и Кувалда засели возле окон, чтобы выскочить из них и подойти к боковому входу. Грэм и его отряд были у заднего хода.

«Красный», — послышался голос Грэма из рации.

...

— Ну, ш-ш-ша мы им устроим! — весело проговорил Индеец, после чего первым в поле выбежал швагр, который сразу открыл огонь из двух пулеметов по отряду Грома. Сразу был выбит какой-то шок-пехотинец мощным энергетическим зарядом в голову, другие попрятались за укрытиями.

За ним выскочил Джон, который начал бить также по Грому. Тут же подтвердилось предположение Черноглаза, когда на втором этаже показались черные шлемы, которые тут же начали открывать огонь, но были остановлены тем, что Джон перевел огонь на них, а Индеец с бешеным криком полетел вперед, начиная метать электрогранаты из своего гранатомета. За ним же стрелять из подствольников начали Рука и Мох. Сверху послышались крики поджаренных пехотинцев, а вот Гром, кажется, уже молчал.

...

Буквально через пару мгновений загудели ранцы Жабодава и Жнеца.

— Как в старые времена, командир?! — проорал Жнец, слыша крики шок-пехотинцев.

— Да! — крикнул Жабодав, вылетая первым, а за ним ринулся Жнец.

Мгновение, Жнец стреляет по одному из окон, где видел черную броню. Кто-то валится на землю. А Милет тем временем заскакивает наверх, где двое шок-пехотинцев уже перекинулись на главное направление.

Тут же одна очередь пробивает спину шок-пеха, второй не успевает развернуться и получает заряд в голову. В этот же момент какой-то шок-пехотинец ударяет в спину Жабодава, но получает ногами приземлившегося Жнеца прямо в шлем.

— Неплохо! — выкрикнул Жабодав, сидя на коленях...

Тем временем двое следующих штурмовиков взлетают... Выстрелы. Первые потери, один влетел в окно, другой полетел вниз с высоты четвертого этажа... Послышался хруст. Шок-пехотинец маячил прямо в окне, что заметил меткий глаз ефрейтора. Секунда... Нажатие на спусковой крючок, и три электрических шарика летит в шок-пехотинца, который только среагировал на человека, что слегка выпянул из-за стенки выхода на крышу. Мгновение, и шок-пехотинец, пораженный снарядами, валится на спину.

— Я закину им гранату! Прикрой! — крикнул второй штурмовик, вынимая из разгрузки два шарика шок-гранат, после чего выскочил на площадь крыши и закинул на место старого шок-пехотинца на четвертом этаже первую, а затем и вторую гранаты, после чего резко взмыл вверх, а ефрейтор кивнул другим проделать те же операции под его прикрытием.

...

Тем временем на центре был выбит из игры Рука, который попытался пойти в зачистку

отряда Грома, но какой-то шок-пехотинец смог переползти на один щит вперед и в спину расстрелял ЧОПовца, после чего получил пинок ноги швагра в щит, и последующий ряд выстрелов с правого пулемета по щиту, что заставило впитать доспех энергию, попадающую сначала в щит, а затем в приемники энергии.

...

Тем временем отряд Грэма последовательно занимал позицию за позицией, сначала один вышел и присел к стенке здания, после чего стал следить за окнами. Другой перебежал к стене пятиэтажки, высматривая то, есть ли шок-пехотинцы вне здания, после чего вперед пошел сам Грэм. Он быстро перебежал к торцу здания, после чего закинул гранату в окно рядом с собой. Шок, но криков не было слышно, человек, что стоял у ближнего здания, переметнулся к Грэму, который уже присел возле окна и стал целиться внутрь здания.

Кто-то перебежал к одному из щитов и тут же был выбит стрелком с третьего этажа. Грэм же аккуратно перескочил через подоконник, после чего присел в угол стенки, откуда стал следить за пустыми коридорами. Откуда-то сверху слышался бой. За ним туда перебрался тот боец, что шел вторым на позицию.

...

В следующий момент выскочил из окон отряд фланга. Они довольно быстро заняли позиции по обе стороны дверей, после чего Кувалда забросил светозумовую в коридор. Секунда... И Черноглаз выстреливает шок-гранатой внутрь, затем второй стрелок делает то же самое.

Тем временем рядом валялся один из штурмовиков, который, кажется, был довольно сильно переломан, а вот внутри произошло что-то неприятное для шок-пехотинца, который хотел перейти на другое место, но был настигнут гранатой, которая положила его мордой в пол.

...

— Грех, у нас полностью уничтожены бойцы Крыши, далее выбито из игры отделение Немезиса, а также перебиты все бойцы Грома. Какие мысли? — спросил довольно молодой голос Фобоса в рацию.

— Стягиваем остатки наших к центру. Они довольно эффективно зашли на банкет, но мне кажется, что они обломаются здесь. Я произвел дополнительные укрепления. Кстати... Там это... Кажется, мы одного «штурмовика» убили, — проговорил хриплый голос Грейха.

— Слышал. Грохнулся с высоты четвертого этажа вниз. Другому тоже не сильно повезло, он на третий этаж залетел, кажется, что-то сломал. У них, так-то, всего четыре ликвидированных. Я со своими парнями перемещаюсь на третий этаж. Жди.

— Жду, Фобос. Мое отделение полностью готово, — усмехнулся Грех, следя за позицией за металлическим щитом.

...

Тем временем штурмовики в полном составе были на крыше.

— Короче... Меняем план. Все спускаемся по одному входу. Мы слишком эффективно их зачистили, — проговорил Жабодав. — Скорее всего, сейчас они перегруппировываются. Их осталось пятнадцать-двадцать человек.

— Ага... Сука... А если тот парень сдохнет? Второй тоже залетел на ранце прямо в здание, — проговорил Жнец, глядя сначала на Жабодава, потом на остальных штурмовиков.

— Не знаю... Придется взять новых. Надо было обговорить правила насчет ранцев, — как-то мрачно проговорил Милет, сбросил ранец и взялся за ПП, после чего первым начал

спускаться.

...

— На связи Железный. У меня нет ни единого шок-пехотинца. Только с третьего этажа кто-то бил, — проговорил старший лейтенант в отставке в рацию, продвигаясь к лестнице.

— На связи Индеец. Мы выбили всех шок-пехов с центра. Больше никого нет. Заходим в здание, — проговорил человек, переступая через подоконник.

— На связи Кувалда. У нас один шок-пехотинец был — ликвидирован. Как-то не густо. Решили не разделяться, а всем отря... — в этот момент начали слышаться звуки перестрелки.

— Твою мать... — пробормотал Грэм.

...

Тем временем какой-то шок-пехотинец, засевший под лестницей, резко выскочил из-под нее и выбил из игры Кувалду, затем еще двух бойцов из его отряда. Лишь Черноглазый смог уйти от шок-зарядов шок-пехотинца, после чего слегка высунулся из-за стены и ударил гранатой прямо в корпус бойца черной команды, что сначала откинуло его в стенку, а после пробило мощным шок-разрядом.

— На связи Черноглаз, — проговорил, задыхаясь человек. — Шок-пехотинец был один, но он выбил всех, кроме меня. Каковы приказания?

— Черноглаз, переместись на позицию выбитого шок-пеха, и крой коридор и лестницу, — проговорил Грэм.

— Вас понял, Железный, — сказал человек, переступив выбитых из игры товарищей, после чего спустился на позицию шок-пехотинца.

...

— На связи Индеец. Пока двигаемся нормально, — говорил человек, сменив свой кассетный гранатомет на штурмовую винтовку выбитого Руки. — На втором этаже десять «трупов» шок-пеха. Пока никаких проблем.

— Принял, Индеец. Скорее всего, они перешли на третий этаж и оставили достаточное число «партизан». Будь осторожен, — прозвучал голос Жабодава в рации.

...

Двое шок-пехотинцев засели на подходе к лестнице с «тыла», что и привело к первым проблемам отряд Грэма, который до этого так спокойно перемещался почти без потерь. Слыша тихое постукивание сапог, шок-пех поднял палец вверх и указал себе на глаза, после чего один подбросил свето-шумовую в направлении идущих на них бойцов Грэма.

Второй тут же выскочил из-за угла и ударил по развернувшемуся к нему спиной здоровяку, затем по еще одному. Только Грэм из-за угла смог выбить бегущего шок-пеха ударом приклада в затылок и сразу же добить на земле, а затем выстрелом гранаты в сторону лестницы он выбил второго. Светошумовая не была приведена в действие, что услышал чуткий слух офицера. Обычно такие гранаты издавали тихий писк.

— На связи Грэм. Минус два по обе стороны. У меня осталось семь человек.

— На связи Индеец. У меня четыре.

— На связи Жнец. Нас шестеро.

— На связи Черноглаз. Я один.

— Их шестнадцать осталось. Нос к носу идем, — проговорил Грэм.

— Верно, — послышался голос Жабодава. — Мы уже на третьем этаже. Пока никакой активности.

— Займи оборону, Жабодав. Сейчас мы все поднимемся на третий этаж, и дальше будем думать, — говорил спокойно Грэм.

Сердце стучало в висках. Их осталось не так уж и много, но был небольшой перевес. Плюс... У них было различное оружие, в отличие от шок-пеха с ПП. Победа должна была быть за ними.

— Бойцы. Я поднимаюсь первым. Вы прикрываете, — проговорил спокойно Грэм, быстро передвигаясь на пролет, после чего он припал к углу, а за ним последовал боец, что занял позицию между проходом на второй и стенкой на пролет вниз. — Один входит на этаж, после чего меня на этом месте заменяет кто-то другой.

Какой-то паренек быстро забежал на второй этаж и расположился при входе у стенки справа, после чего Грэм метнулся вверх к обратной стороне проема, после чего указал бойцу, стоявшему рядом с ним, подняться вверх. И тот начал подниматься спиной вперед, аккуратно наступая на ступеньки... Мгновение... И он трясется от целого ряда попаданий прямо на входе, а Грэм резко забрасывает шоковую гранату вверх. Слышится чей-то крик, а Грэм быстро забегает вверх, занимая позицию сразу у стенки на третий этаж, перекрывая тем самым свободный проход для шок-пехотинцев.

...

Тем временем Милет прислушивался к движениям на этаже. Он точно слышал звук шоковой гранаты где-то через метров двадцать, кивнул Жнецу, а тот кивнул в ответ, после чего двинулся вместе с ефрейтором по коридору в направлении шума. Жабодав следил за Гришкой, указал еще одному бойцу двигаться туда, куда шла пара, а сам оставался на позиции вместе с двумя другими бойцами.

...

— На связи Фобос. Нас пятнадцать, Грех, — проговорил голос из рации. — Предлагаю ударить по пулеметчикам.

— На связи Грех. Хорошее предложение, но швагру придется выдать два комплекта тумачков, ибо с первого шока его не вырубит, Фобос, — весело проговорил старший сержант.

— И что предлагаешь?

— Ударить по тем отбросам в тылу. Фейм перед тем, как лечь, успел дать информацию о том, что их отряд довольно сильно разрознен. Стоит выбить командира, и испугаются. Там только Грэм из конкретно опытных, — спокойно проговорил старший сержант.

— Понял, Грех. Выдвигаюсь, но командовать тебе собой позволяю только сегодня, — усмехнулся Фобос, после чего его отряд из пяти шок-пехотинцев двинулся навстречу Железному.

...

Железный уже был почти на месте, когда в коридоре снова послышались разряды шока. Трое его бойцов уже были внутри этажа и, кажется, они были выбиты. Он показал пятерню пареньку, который стоял возле стены, чтобы тот не продвигался и дал знать, когда шок-пехи покажутся в проходе. Другой боец переместился на лестницу, но шок-пехи все никак не показывались.

Вдруг навстречу полетела граната. Бойцы на платформе тут же были выведены из игры. Один. Промелькнуло в голове. Один. В голове стучат молоточки, сделанные из отстрелянных гильз. Он вспоминает то, как шел на штурм на корабле... Как терял своих бойцов там же. Все сильнее и сильнее в горле застревает рвотный комок. Кажется, что его аккуратное командование влечет за собой только смерть подчиненных...

...

Два шок-пехотинца тем временем заняли позиции возле выхода на лестницу. Еще двое — у противоположной стены, а лейтенант встал возле стенки прохода в самый центр здания.

...

— На связи Жнец. Жабодав, отряд Грэма разбит. Тут два шок-пеха у выхода на лестницу, — тихо произнес человек, вжимаясь в стенку. — Могу попробовать убрать. Стоп... Они выжидают кого-то...

— Не выдавай себя, я двигаюсь, — проговорил Милет, а Жнец прицелился на шок-пеха который сидел на подстраховке.

...

Грэм никак не мог успокоиться, что-то начинало застилать глаза пеленой, но все-таки он держал на прицеле проход, вжавшись в стену.

В этот момент шок-пехотинец у ближней стенки вдруг начал появляться в проходе, жатие спускового крючка, но слышится лишь глухой звук, означающий, что патроны кончились. Но... Не успевает шок-пех направить ствол на старшего лейтенанта, как валится на живот, затем вскрикивает второй.

— На связи Жнец. Выбиты двое. Грэм, ты как? — тихо проговорил в рацию человек.

— Н-нормально... — выдохнул человек, меняя аккумулятор.

...

— Я отступаю, Грех. Отряд этих разбит, но им на помощь пришли десантники, — спокойно проговорил Фобос, после чего стал отходить в проход за спиной, один шок-пехотинец был оставлен там, вжавшись в стенку.

...

— На связи Черноглаз. Я поднимаюсь, — проговорил человек, довольно тихо двигаясь по лестнице вверх.

...

— На связи Индеец. Мы не находим никакого сопротивления. Нас остается двенадцать, верно?

— На связи Жабодав. Да. Верно. Мы соединились с Грэмом, — спокойно произнес Жабодав, когда вдруг раздалась очередь.

— Да бля... Вот суки! — громко проговорил Индеец. — Прибавить шагу, парни. Сейчас мы их так выедем, что я, блять, за себя не ручаюсь! Я буду хуячить из этого гранатомета прямо в здании!

...

Жабодав и еще один штурмовик повалились на пол рядом с тройкой из отряда Грэма, а шок-пех был выбит очередью из ствола Жнеца.

— На связи Жнец. Нас десять. Жабодав выбит.

...

Тем временем Фобос быстрыми перебежками двигался по зданию, когда вдруг ему навстречу вышел Черноглаз. Секунда... Очередь. Фобос ложится на пол с небольшим взвизгом, а второй шок-пех прячется за стенкой, то же делает и Черноглаз, когда ему в спину выстреливают сразу две очереди шок-пехотинцы.

...

— На связи Индеец. Я уже у центра. Вижу черные жопы, — громко проговорил человек, выстрелив из гранатомета за щиты шок-пехотинцев, после чего послышался крик. Кажется,

были выбиты двое.

...

— На связи Грех. Фобос, ответь! На меня вышел Индеец и его пулеметчики, — говорил старший сержант в рацию.

— Фобос выбит, — послышался голос другого шок-пеха, а тем временем начали работать пулеметы. С другой же стороны шли Жнец и его отряд.

...

В плечо Индейца попал шок-заряд, после чего тот спрятался за какой-то стенкой и бросил гранатомет в сторону стрелявшего, и только после этого задумался о том, что он сделал, благо, пулеметы не давали шок-пеху высунуться, и это спасло их от фола.

...

Тем временем, Жнец метнул гранату за один из щитов, после чего спрятался за ним, ожидая взрыва. Шок. После чего он выпрыгнул из-за щита и вошел в комнату, где находился Грейх и еще пара шок-пехотинцев. Секундное промедление, но человек успевает открыть огонь и откинуть хотя бы одного шок-пехотинца, после чего уже его самого выбивают из игры. За ним в проем вбрасывается шок-граната. И... Все. Оставшиеся шумы медленно, но верно затухают. Все командиры, кроме Грэма, выбиты из игры.

Грех сидел возле стенки, немного подергиваясь от разряда шок-гранаты...

...

— Если бы не этот парень, вы бы в жизни не победили, — проговорил Грейх, указав на Индейца.

— Да-да! Запомните это, детки! — громко проговорил Индеец, указывая большими пальцами на свою грудь. — Кто здесь батя?! Я здесь батя! Мне можно делать собственный отряд! Назову его «Детишки»! А я буду их отцом!

— Ты как, Грэм? — спросил, сев рядом, Жнец.

— Да... Воспоминания... Я помню, как мы штурмовали тот корабль... Я также медленно продвигался. Из-за этой чрезмерной осторожности я потерял почти половину своего отделения. Но... Наши смерти лучше, чем смерти заложников из-за излишней торопливости. Я за это жертвование и получил орден... Ужасно... — голова Грэма болела, сам он был бледен, а глаза до сих пор застилала пелена еле сдерживавшихся слез.

— Ну, ничего... Все в прошлом, брат! — улыбнулся Гришка и, приобняв парня, сидевшего рядом, вздохнул. — У нас тоже истории не из лучших, но ничего... Держимся.

— Понимаешь... Это повторилось. Я боюсь, что вот они также будут гибнуть там, а я ничего с этим не смогу поделать...

— Ну, Грэм, нечего так переживать, — улыбнулся Грейх, садясь рядом. — Это вот Жнецу с Жабодавом надо подумать о том, что делать с переломанными. У одного позвоночник, у второго рука в мясо, а ты молодец. Грамотно и четко перемещались. Если бы мы были не шок-пехом... Не думаю, что твой отряд смогли бы разбить. Учитывая то, что управлял ты, мягко говоря, слабенькими бойцами. Могли бы к тебе Моха засунуть хотя бы. А так... У тебя слабый отряд был, хоть и многочисленный.

— Угу... — промычал Грэм, глядя себе под ноги.

— Ну, что «угу»? Все в порядке. Все равно же не бой. Давай, парень, успокаивайся, и попробуй свои недостатки перекрыть. Ты достойный командир, — улыбнулся лысый человек со шрамом от раскаленного энергокопья под глазом.

— Постараюсь. Меня разбил Ваш лейтенант? — спросил Грэм.

— Да. Он самый. Фобос, подойдите, пожалуйста, сюда, — проговорил Грейх, а к ним подошел человек лет тридцати с лысой головой, голубыми глазами и легкой бородкой русого цвета.

— Ты отлично держался, Грэм, — человек протянул руку Герою Федерации с улыбкой, а старший лейтенант пожал руку его победителя.

— Не знаю... Мне кажется, что ты меня слишком уж просто разбил...

— Возможно, но на моей стороне было четыре опытных бойца и внезапность. Тут особой чести нету, а вот за твоей спиной великое прошлое, Герой Федерации. Я почитал про тебя, ну... Мне кажется, что с такой биографией небезопасно находиться на базе шок-пека, но тебе повезло, что ты под опекой Грейха. Его тут уважают, несмотря на то, что он всего лишь сержант, но... Могу сказать одно. Старший сержант скоро получит новое звание. Старшиной будешь, Грейх. А там, может, и в младшие лейтенанты, хоть ты уже и староват для этого звания, — ухмыльнулся Фобос.

— А какая у тебя фамилия, если без позывного? — спросил Грэм, смотря на высокого человека, стоявшего перед ним.

— Фоксон, но позывной «Фокс» уже был занят, поэтому я решил блеснуть знаниями, и назвал себя в честь спутника Марса из Солнечной Системы, — улыбнулся человек.

— Поздравляю, лейтенант Фоксон, с победой над старшим лейтенантом в отставке, — улыбнулся Грэм, поднимаясь. — Может, увидимся еще, Фоксон.

— Главное, чтобы не через перекрестья прицела, сын революционера, — улыбнулся человек.

— Да... Не хотелось бы сражаться с талантливым человеком. Ты же, вроде бы, даже в преступлениях еще не замечен, — после этих слов Фоксон опустил глаза.

— Я сюда переведен недавно был. Ранее чисто контртеррористической деятельностью занимался, ну и в некотором роде прочисткой рядов пиратов. Теперь вот...

— За какие заслуги такое «повышение»? — спросил человек, глядя на лейтенанта шок-пека.

— В постель лег не с той, — усмехнулся Фоксон.

— Серьезно? — улыбнулся Жнец, посмотрев снизу вверх на шок-пека.

— Серьезно. Понимаешь ли... «Дочь генерала» на лбу не написано. Меня не стали уж под трибуналы там отдавать, и прочее, но... Понизили, да. Я раньше реально воевал с преступностью, а теперь вот... Ячейки «революционные» чищу. Вон... В новостях, как это освещалось. А на деле? Кучка обдолбанных студентов. Нас еще заставили им оружие подкинуть, ну... На квартиры. И типа вот... Вооруженный переворот. Мерзко так от этого, хоть стрелайся, — как-то виновато опустив глаза, проговорил Фоксон.

— Да... — покивал головой Жнец. — Ну, ладно... Бывайте, — сказал он, поднимаясь.

— Угу. Нам уже пора. Надо еще в больничку парней завезти.

— В частную? — спросил Грейх.

— Ну, конечно... Потому что в обычной сразу вопросы начнутся. Поэтому к частникам. Там заплатил деньги, и никаких вопросов, — проговорил Гришка, положив руку на плечи Грэма, после чего они на пару пошли из медотсека, а дальше всей оравой уехали с базы на все тех же транспортниках капитана Уиклифа.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Центр-1, строение 22, этаж 10, кабинет 1003,
12.01.2580, 08:00

Оставались считанные дни до операции... Романо почти не вылезал из своего кабинета. Выглядел он реально потрепанным. Правый глаз окрасился в красный от лопнувшего сосуда. Щетина снова обрела власть над более или менее гладкой кожей до этого, конечно, гладкой настолько, насколько может быть гладкой кожа военного с опытом, чье лицо было покрыто множеством мелких шрамов. Он почти целыми днями вел какие-либо переговоры, так, недавно велась работа с кораблем Йори, еще пару раз он связывался с Койотом, а сейчас хотел просто отдохнуть в ожидании Грэма, который должен был произвести отчет о деятельности.

Директор снова пододвинул к себе монитор, сейчас на нем в отдельном окне виднелась открытая вкладка социальной сети «Горм» с надписью Челси Смит, видимо, человек время от времени пролистывал фотографии девушки, когда брал небольшие паузы в своей деятельности. Вот и теперь он открыл вкладку и стал листать давно не обновлявшийся альбом с фотографиями. Везде эта девушка была хорошо одета, кое-где, правда, в одно лишь нижнее белье, но на этих фотографиях директор останавливался даже дольше и водил глазами по гладкой коже.

Через пару минут раздался стук в дверь, а директор тут же свернул окно браузера, после чего внутрь вошел Грэм со слегка грустным видом.

— Здравствуйте, господин Романо, — проговорил человек, встав в дверях.

— Присаживайся, — после этих слов директора человек прошел вперед и сел в кресло.

— Отчет таков. Мы отобрали двадцать человек из ЧОП, но двоих пришлось заменить в силу получения тяжелых травм, которые явно не восстановятся до начала операции. Хочу отдельно отметить таких бойцов, как Черноглаз, который принял наиболее активное участие в планировании штурма здания шок-пеха и даже сыграл ключевую роль в том, что мы победили; ефрейтор Колленс является прекрасным снайпером, а также склонен к довольно эффективной командной работе, так он прекрасно прикрывал отряд штурмовиков, после того, как те двое переломались; ну и, наверное, следует отметить старшину Джона Мина, который является прекрасным пулеметчиком.

— Угу... А как оценишь действия ЧОПовцев во время штурма? — спросил Романо, глядя на Грэма, который опустил глаза.

— У них не хватает практики. Если ЧВК будет сражаться на уровне шок-пеха — им всем конец, не считая тех, кого назвал выше. Колленс, Черноглаз и Мин — это люди, которые способны к войне на равных, а местами даже чуть лучше шок-пеха. Колленс, к примеру, смог выбить из игры минимум человека два, Черноглаз также, а Мин прекрасно прикрывал Ирокеза, поэтому могу сказать, что он сделал добрую часть ликвидаций за этот штурм. Однако... Старший лейтенант? Можно ли мне отказаться от командующей роли? — спросил Железный, глядя на Романо.

— Почему ты хочешь отказаться? — спросил Романо, глядя на человека.

— Я некомпетентен в подобного рода операциях.

— С чего взял? — удивленно спросил директор.

— Понимаете... Я возглавлял самый крупный отряд. При этом медлил. Грейх сказал, что мои парни перемещались прекрасно, как спецназ, но были слабоваты, поэтому я и проиграл. Весь мой отряд был выбит из игры. Ладно еще, мои бойцы, но ЧОПовцев я под свое командование брать отказываюсь, — проговорил человек, глядя на Романо.

— Гарри-Гарри... — улыбнулся Романо. — Понимаешь, дело в чем? У меня нет достаточного числа полевых командиров, чтобы разбрасываться такими кадрами, как ты. Ты штурмовал захваченный пиратами транспортник и довольно удачно, хоть и с большими потерями среди своих, освободил корабль. Параллельно с тобой действовали другие командиры, но только ты смог без потерь среди гражданских освободить свой отсек. Сейчас твоя осторожность требует лишь легкой коррекции, но, в целом, судя по отзыву Грейха, а также по отзыву Фоксона, ты — прекрасный командир, который смог даже растерявших опыт бойцов заставить воевать так, как надо. Поэтому в твое распоряжение поступит двадцать человек, включая твой отряд. Я, конечно, постараюсь найти дополнительных полевых командиров, но ты должен понимать, что ты являешься важным членом командного состава с довольно необычным опытом ведения боевых действий.

— Понял, господин Романо, но все же... Я бы не хотел командовать ими. Вроде как, отряд Жнеца остается без командира, поэтому я бы лучше выбрал опытных бойцов.

— Грэм, опытные бойцы и без тебя справятся, а вот «новички» требуют как раз аккуратного подхода, для того, чтобы они все не погибли. Поэтому, Грэм, твое участие как полевого командира — не обсуждается. У тебя огромный опыт ведения контртеррористических операций, поэтому ты будешь полевым командиром. И не среди бойцов Жнеца. Потери будут, даже у меня, хотя я обладаю гораздо большим опытом, чем ты, а под моим началом будут идти бойцы с Крига, поэтому ты следуешь моему примеру и сражаешься вместе с «новичками». Тем более учитывая то, что они уже должны вспомнить определенные моменты. Часть будет сражаться в других отделениях, поэтому у тебя все не так плохо. Я еще троих к себе возьму, ибо у меня застрелился Шпак и поэтому мой отряд до конца не укомплектован. В общем, успокойся, приди в себя, а дальше уже решим, что будем делать. Какие-то вопросы имеются? — спросил Романо напоследок.

— Вопросов нет, гвардии старший лейтенант Романо. Могу идти? — спросил Грэм, смотря на человека, а тот кивнул, после чего наемник вышел из кабинета.

...

Через час раздался звонок на компьютер. На связь выходил Койот. Романо довольно быстро включил звонок, а на экране снова появился все тот же добродушный человек.

— Здравствуй, Романо, — ухмыльнулся наемник. — За два дня я смог связаться с шестью вольными стрелками, собственно, двое из них обладают еще и напарниками. Того нас девять. В принципе, по два-три человека на крышу, и устроим отличный обстрел, — улыбнулся человек.

— Отличные новости, Койот. Когда прибудут? — спросил директор.

— В ближайшие два-три дня будут на Итарисе. Мне осталось пройти одну систему до Немезиды, поэтому завтра буду уже тут.

— А напрямую перелететь не удастся? — Романо посмотрел на человека с каким-то интересом.

— Можно, конечно, но мне надо доставить один груз на Грэнкель, а дальше к вам. Просто я взялся за эту доставку и было бы нехорошо ее не выполнить в срок. На этом конец связи, Романо.

— Конец связи, — проговорил директор в отключающееся окно видео-чата.

...

Тем временем, Джек и Билли находились в тюрьме Калинина и стояли перед десятью отобранными комендантом охранниками. Эти парни были рослыми и крепкими, в глазах разных цветов читалась некая уверенность, а в том, как они стояли — военная выучка, возможно, что сам комендант их погонял перед «презентацией», но все-таки бойцы выглядели боевыми. Наиболее среди них выделялся бритоголовый мужик с легкой щетиной, на вид ему было за тридцать, голову увенчивал довольно рельефный шрам, который местами почти оголил череп. Правый зрачок заплыл у него бельмом, но сам мужчина выглядел опасным, а самое главное, крепким, Билли, кажется, узнал в нем кого-то.

— Ариан? — спросил Билли у бритоголового.

— Он самый, Бэкинс, — улыбнулся бритоголовый.

— Ага. А как тебя сюда занесло? — спросил здоровяк, глядя на человека, который был ниже лишь сантиметров на десять.

— Пути-дорожки. Но... Скажем так, не лучшая жизнь.

— Ага... Понял-понял. Ну, ладно. Начнем инструктаж. Калинин, наверное, вам, ребята, все уже рассказал, так я, наверное, только про какие-то основные финтифлюшки и более-менее неизвестные вещи скажу. Идет? — спросил он у людей, в ответ было молчание. — Ну, ладно... Сочтем это за, ну... Это... Да. В общем, за то, что вы согласны. Ну, в общем, мы летим в столицу, а дальше будем ебумс МилитариКорп, которые че-то охренели короче, и вот. Нам надо их развалить по полной программе. Собственно, с нами будет куча наемников, которые и будут составлять основную ударную силу, а вы, собственно, будете на подхвате, то есть рисковать вами, вроде как, особенно не собираются, ибо есть люди более профессиональные и без прерывания боевого опыта, но вы нужны для подхвата, так как противника будет сильно больше и тэ дэ, и тэ пэ. В общем, полная жопа, а мы в ней затычка. Причем, затычка в ней мы все, включая и вас, и нас, и наемников, и ЧОПовцев, ну и многих других, кто будет в этом участвовать. В общем, картинка не радужная, поэтому не знаю даже, что ожидать. Какие-то вопросы имеются?

— Ну, допустим. А в чем смысл всего нашего риска? За Романо сдохнуть? — спросил Ариан, глядя на Билли своими серыми глазами.

— Ну... Если что, Ариан, твоей семье будет хорошая выплата, ну и, как бы... Что нам всем терять? Мы и так вроде как все в жопе, коли уж в такое место попали, да и вся Федерация этим, собсно, органом накрывается, поэтому особой разницы, как подохнуть, как мне кажется, нет. Да и... — Билли усмехнулся. — Один хрен, сдохнем. Какая разница, сегодня или завтра?

— С такой философией можно хоть сейчас пистолет в пасть засунуть и шмальнуть, — проговорил кто-то из строя.

— Ну... Да. Но ведь в бою — честь. Все в этом духе. Да и... Деньги. Романо, вроде хорошие надбавки обещает за это дело, поэтому в ваших интересах выжить, а потом хорошенько улучшить свое материальное положение, — улыбнулся Билли, а Джек посмотрел на него как-то устало, после чего перехватил слово.

— В общем, парни. Билли как-то не сильно может в агитацию и прочее, поэтому скажу я, — Джек улыбнулся. — Все наши дела кроются в одной большой проблеме. Если сольют Романо, скорее всего, нас всех распустят без гроша в кармане, а значит, вы лишитесь каких-либо шансов на нормальное выживание. МилитариКорп уже один раз пыталось слить нас с

помощью выдачи определенной информации кворонам со станции Айскрим, однако, это не удалось из-за праздника клана. Что касается того, что нас ждет... Нас ждет превосходящий противник, поэтому Романо и попросил коменданта отобрать самых лучших из вас. Как я понял, ваша подготовка была проведена лично комендантом, и поэтому везти вас на тот же полигон шок-пеха уже не требуется, поэтому мы обойдемся вот этой краткой информацией. Наш основной интерес — сохранение заработной платы, поэтому мы все будем сражаться бок о бок с Романо, нравится вам это или нет. Понятно?

— Так точно, — усмехнулся Ариан. — Так и надо было говорить, а то че-то мой старый товарищ говорить совсем разучился. Старшина подразделения Выжигателей десятого шонземского полка планеты Кайфас. Готов принять командование над моими подчиненными. Я тут одним из ближайших людей Калинина являюсь, поэтому с парнями мне работать будет нормально. Только вопрос... Каково вооружение?

— Все, что захотите, только вот огнеметы, мне кажется, будут не нужны, — ответил Джек, улыбнувшись.

— Экзу подкинете? — спросил довольно строго Ариан.

— Конечно, подкинем. Что за вопросы? — спросил Билли, добродушно оскалившись.

— Хорошо. На этом все? — спросил человек, осмотрев своих бойцов.

— На этом все, — проговорил Джек, улыбнувшись.

После этого охранники разошлись, а Джек с Билли пошли по коридору на выход.

— У, блин, заладил... Смерть-смерть... — проворчал Джек.

— Да я откуда знаю, как этих ваших охранников мотивировать? Я на их глаза смотрю, а они как бы это... Ну... Жить не хотят. Вот я про это и заговорил, — с улыбкой говорил Билли.

— Дурак ты, Билли.

— Ну... Какой родился, такой и пригодился!

— Дурак...

— Да отстань! Умных в мое подразделение не очень берут. Сам понимаешь... Умным как-то тяжело пулеметы таскать, да и знаешь ли... Отдача, говорят, по мозгам сильно дает, вот и получается такое.

— А ты что, приклад в голову упираешь? — усмехнулся Джек.

— Да! Это наша традиция! Перед боем всегда один диск надо выстрелять, упирая приклад пулемета в лоб. Вот крупнокалиберный, это прям... Ух!

— Балабол... — улыбаясь, проговорил негр.

— Не балабол, а сказочник! — подняв указательный палец вверх, сказал Билли.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Центр-1, строение 22, этаж 10, кабинет 1003,
13.01.2580, 11:30

Кабинет Романо с каждым днем становился все более и более грязным, он не пускал сюда даже уборщицу, ибо оставался здесь на ночь, а терпеть чужие копошения не любил. В мусорке валялось все больше пластиковых стаканов, различных мешков, а также шприцы. Он снова начал употреблять растворы, из кворонских растений, и не только. Выглядел помятым, глаза покраснели, в правом красовался лопнувший сосуд, а сейчас гендиректор капал в глаза какие-то капли.

Послышался стук в дверь. Это должны были быть наемники помимо Жабодава, ибо в скором времени они должны были поочередно вылетать в Столицу. Романо сказал: «Войдите!», после чего дверь открылась, и внутрь вошли Гарри Железный, Гришка Жнец и Гюнтер Кувалда. Гришка, как обычно, был весел, Гарри слегка грустен, а Гюнтер улыбался. При этом Гришка держал Гарри за плечи, как старый друг.

— Здравствуйте, господин Романо, — со слегка пьяной улыбкой проговорил Гришка, после чего плюхнулся в кресло перед директором. — Вы нас ждали?

При последнем вопросе Жнец поставил правую руку на стол, а голову положил на нее и бессовестно уставился на Романо. Волосы его были как всегда кудрявы, но покрылись легким жирным налетом, из-за чего блестели.

— Конечно, ждал. Григорий, Вы пьяны? — спросил человек, глядя на наемника спокойными холодными глазами.

— Какой Вы красавчик сегодня, г-н Романо... — усмехнувшись, сказал Гришка. — Ну... Слегка пьян. Мы просто в стрип-клуб ходили, ну... Грэму надо было развеяться... И мы, ну... Прошу понять и простить.

Грэм при этих словах закатил глаза, что заметил Роберто, на миг переведя взгляд на Железного, а потом снова уставился на Гришку.

— От Вас пахнет дешевым алкоголем, Жнец, а также самыми блядскими духами, которые я когда-либо чувствовал. Вам следует прекратить пить и спать с проститутками. Это, знаете ли, не красит, — проговорил Романо, переведя взгляд на Грэма, а вот из-за слов директора Гришка как-то погрустнел. — А Вы, Грэм? Даже не сопротивлялись зазываниям Вашего друга?

— Я не пил, господин Романо, и со шлюхами не водился. Какой мне интерес в очередной жопе и сиськах? — спросил человек с невозмутимым видом.

— Похвально. А Вы, Кувалда? — спросил человек, переведя взгляд на крепкого лысого мужчину.

— А че я? Ну... Я ж не этот... Не импотент, — улыбнулся наемник.

— Судя по Вашему лицу, Вы тоже выпили. Конечно, от Вас не разит, как от Вашего более молодого соратника, но Вам бы тоже стоило прекратить пьянствовать. Однажды можно допить до «белочки» или до трясущихся без алкоголя рук. Не забывайте о том, что это наркотик.

Гришка в этот момент паскудненько улыбнулся и достал из мусорки под столом шприц, после чего помахал им перед Романо.

— Вам ли нам про наркотики говорить, г-н Романо? — спросил Жнец с поганой улыбкой.

— Вы знаете, что там за вещество было? — спросил директор, наклонив голову с издевательской улыбкой.

— Ну... Это... Наркотики, — проговорил с легкой неуверенностью Гришка, но пытался этого не показывать.

— Знаете, что меня при штурме ранили в ногу? — спросил человек, оскалившись.

— Ну...

— Гну. Я принимаю сейчас витамины для того, чтобы окончательно прикончить остатки от ранения, кроме этого, есть один кворонский раствор, который помогает не спать. А знаешь, сколько информации надо переработать перед таким делом? Я себе жизнь ежедневно сокращаю, пока ты бухаешь и с бабами трахаешься, поэтому точно не тебе решать то, что мне принимать для исполнения моей работы. Понятно? — спросил Романо, пристально глядя на опустившего голову Гришку.

— Но... Господин Романо, мне кажется, что Вы перегибаете, — вмешался Гарри. — Гришка все-таки занимался подготовкой ЧОПовцев и выделил ефрейтора Колленса как одного из лучших снайперов, которых он сам видел. Колленс смог без прицела сбить монетку с мишени в двухсот пятидесятиметровом отдалении, правда, со второго выстрела.

— Хорошо. Я учту то, что Григорий сделал многое для выполнения нашего дела. Однако, ни он, ни Вы не имеете права меня в чем-либо упрекать, ибо в отличие от Вас я ночами не сплю, собирая информацию о противнике, чтобы сейчас ее вам троим изложить, — Романо говорил спокойно, после чего осмотрел всех троих наемников, на сердцах и в разумах которых стало как-то пасмурно. — Итак. Что представляет собой офис на «Кресте»? Это высокое офисное здание в пятьдесят этажей, не самое большое в Столице, но и не самое маленькое. Оно расположилось в так называемом «Кресте», — Романо в этот момент спрятал монитор в стол, после чего положил голографическую карту перед людьми и запустил ее, на ней красовались пять зданий, одно стояло посередине, четыре других образовывали крайние точки «Креста», кроме этого, рядом со зданием виднелся вход в подземный гараж. — Итак. Всегда ЧВК размещает на этих четырех зданиях, а также на самом офисе снайперов. Здесь, — человек указал пальцем на небольшие снайперские позиции на главном офисе, где-то на двадцать пятом этаже. — Также размещаются снайперы, по крайней мере, судя по всему, эти позиции — новодел, ибо на голокартах ранее я этих выступов не наблюдал. Ни год назад, ни полгода назад этих «балконов» просто не было, поэтому их надо будет быстро зачистить. Равно как и крышу. К сожалению, эти здания сильно ниже офиса МилитариКорп, всего по тридцать этажей, однако я предполагаю отправить с вами штурмовые группы, которые под вашим прикрытием переместятся наверх после основной зачистки. Либо же ряд снайперов, должны сами стать штурмовыми группами. Ты, Жнец, скорее всего, будешь из таких снайперов. И Колленс, учитывая то, как вы работали с ним вместе. Далее... Гараж, — человек указал на ход под землю. — Это место будет ликвидировано нашими друзьями из клана Йори, вернее те, кто был из него изгнан и стал пиратом. Правильнее, назвать их каперами. Я навел справки по Кхона Йори — это кворон, который время от времени производит налеты на миры Конфедерации, поэтому его спокойно пустят на планету. Что значит подрыв гаража? А это значит то, что мыотрежем возможность для прямого наступления ЧВК из гаража. Судя по информации, которую выдал Гиря (пленный ЧВКшник), внутри гаражей концентрируются основные силы ЧВК, просто и

силу того, что на улице в двадцатых числах января в Столице довольно холодно, а также генерал-губернатор не любит видеть большие группы вооруженных людей в городе. Поэтому, в случае, если нам удастся ликвидировать гараж, ЧВК лишится быстрой возможности доставлять подкрепления наверх, а также лишится бронетранспортера или бронетранспортеров, на данный момент в гараже точно находится один, но мы не знаем, чего ожидать к съезду директоров. Возможно, что ЧВК расположит пару бронетранспортеров наверху, — Романо указал на два углубления с характерными спусками вниз и платформами, как раз под размер бронетранспортера. — Здесь и здесь. Также новодел, который осложнит нам продвижение, но за счет достаточного оснащения мы выьем их без особенных проблем. Я уже заказал плазменные гранаты, а также ряд гранатометов через обходные пути, поэтому можешь передать Ирокезу, что ему будет что повзрывать, — улыбнулся Романо Кувалде. — Кроме этого, я заметил, что образуется целый ряд небольших укреплений, грамотно замаскированных под клумбы для цветов и прочего. Как можете заметить, вокруг офиса появился целый ряд странных клумб, которые обладают идеальной формой, чтобы размещать на них огневые точки и прочее. В общем, МилитариКорп готовится к войне и, скорее всего, противник будет превосходить нас в более чем два раза. Поэтому я запросил ряд экзоскелетов, а также иные тактические устройства и прочее. В этот раз обрубить связь мы не имеем морального права, так как мы не знаем того, что ожидать тут, поэтому связь между отрядами будет. Так же, как она будет и у ЧВК.

— Угу... А что по поводу командиров ЧВК? — спросил Грэм, глядя на Романо, а тот улыбнулся.

— Старый кремень Джо Шиллинг, бывший генерал инженерных войск с довольно большим опытом ведения как осады, так и обороны. Этот человек участвовал в Прорыве Заснежина, поэтому следует ожидать худшего. Он, судя по всему, и был архитектором этих новоделов. Конечно, здесь он был довольно сильно ограничен в плане постройки, но все же... Генерал обладает настолько отличными навыками, что даже с помощью «клумб» он смог подготовить довольно хорошую защиту для своих бойцов. Далее... Майор Генрих Кавил в отставке... Также старая гвардия. Отличился во время Прорыва Заснежина тем, что ликвидировал двух рогарийских генералов в сражениях. Поэтому противник очень сильный. Имеется ряд более мелких командиров, но минимум три Героя Федерации по ту сторону баррикад, — заключил Романо, глядя на бойцов. Жнец, кажется, закусил язык, Кувалда присвистнул, а Грэм как-то побледнел.

— Это же самоубийство, — прокомментировал слова Романо Грэм.

— В каком-то плане, однако, я уже обозначил то, что мы имеем ряд преимуществ. Минимум, у нас есть Тибальт, а это отдельный вид казни для почти любого противника. Кроме этого, как я уже сказал, мы ликвидируем выход через гараж, что заставит ЧВК пробираться только через лифты, но я предполагаю обрушить шахты лифтов.

— А как мы будем пробираться наверх без лифтов? — спросил Кувалда.

— А вот это интересно. Сам до конца не знаю, но все-таки имеется один способ, — Романо приблизил картинку, а далее вошел прямо в здание, затем в шахты лифтов. — Смотри... Тут образована одна интересная вещь. Фактически, шахта лифта оснащена специальными лестницами для того, чтобы можно было взобраться наверх, но это не единственный выход. Я планирую закупить не менее чем сто реактивных ранцев. Стекло можно проплавить, а то и пробить собой, что позволит нам оказаться внутри. Кроме этого, на крыше оборудован спуск вниз по лестнице, насколько я понял по планам здания, этот

спуск доходит до сорокового этажа. Сделан он для эвакуации бизнесменов из зала конференций, то есть мы можем спуститься вниз до сорокового этажа. Но сначала нам надо будет занять первый этаж для того, чтобы не дать ЧВК скопиться там, и дать время подрывникам подорвать лифты. Тем самым, мы поставим ЧВК на колени. Они будут замурованы в гараже, а если предпримут самоубийственный способ выхода из гаража путем пробивания завала, их встретит Тибальт. Как-то так.

— Убедительно, но только в теории, — проговорил Жнец, кажется, что он протрезвел от полученной информации.

— Да. На данный момент, только в теории, но у нас нет иных вариантов, поэтому мы должны будем попытаться пробиться таким образом. Вероятно, подъем по шахте лифта отменяем, ибо это самоубийство, если кто-то сверху откроет огонь по поднимающимся, мы потеряем много людей. Поэтому этот шаг является бессмысленным. Будем штурмовать через эвакуационную лестницу.

— А что, если они просто сделают для нас ловушку? Не придут сюда, — спросил Грэм, глядя на Романо.

— В таком случае, у меня будет вся документация корпорации. Они недооценивают нас, поэтому думают, что они могут обмануть Карению, однако Карения и рада обманываться. Они думают, что если сместят меня, ничего особенно не поменяется на планете, да вот Грим и ряд других директоров с милитаристами не потянутся. А за счет того, что мы сделали на планете, милитаристы смогут сделать свою собственную корпоративную республику, под которой будет вся планета, а также ближайшие производственные станции. Мы создадим такого корпоративного монстра, который пожрет не только Итарис, но и другие системы в ближайшем будущем, ибо все производственные мощности планеты будут принадлежать им.

— То есть, Вы, Романо, не хотите, чтобы в Федерации образовался новый монополист? — спросил Грэм как-то осторожно.

— Именно так. Причем монополист не простой, а планетарного масштаба, который точно победит в корпоративной войне, ибо сейчас на Итарисе такое огромное число безработных, что ЧВК ежедневно набирает по двести человек минимум, поэтому нельзя дать им разрастись. Они подчинят себе и шок-пех, и планетарную полицию, и станцию Айскрим, подчинение которой уже начали, ибо недавно директор Винсент Ли выкупил ряд цехов у местных промышленников. Поэтому у нас имеется куча проблем, которых наши центрийские жиробасы не видят.

— А Вы не боитесь так выражаться, господин Романо? — спросил Жнец, оглядевшись.

— Прослушка давно ликвидирована, поэтому бояться мне нечего, да и что они могут мне сделать? Семей угржать? — улыбнулся Романо.

— Да Вы отчаянный, господин Романо, — усмехнулся Гришка.

— А трусам быстро смерть приходит в наше время, ибо сейчас тот, кто не способен на риск, довольно быстро выбывает из игры. Карения вот готова рисковать, но не везде и не всегда, поэтому они и думают, что милитаристов можно денежкой подкупить и идти у них на поводу. Я такого мнения не придерживаюсь.

— Вы, Романо, не тот, за кого себя выдаете, — констатировал Грэм.

— А кто я? — улыбнулся человек.

— Вы слишком умны для обычного дуболома корпорации. Вы бы могли быть генералом, — сказал человек, посмотрев под ноги.

— А ты, Грэм, мог быть сейчас уже майором, учитывая то, как ты быстро поднялся до

старлея, но ведь ты не майор, — Романо откинулся на спинку кресла. — Вопросы есть?

— Есть, — подал голос Кувалда. — У меня тут информация возникла о том, что Вы распространением определенной лит-ры занимаетесь.

— И ты меня сдашь гэбистам? — с улыбочкой спросил Романо.

— Нет... Просто Грэм интересуется такой литературой, — улыбнулся Кувалда.

— Правда? — спросил Гарри, как-то странно посмотрев на Романо.

— Ну... Допустим, что правда. Ради чего тебе нужна эта литература, Гарри? — спросил Романо, смотря на парня.

— Ну... Скажем так. Мой отец был революционным профессором. Мне интересно то, что он изучал.

— И ты сам хочешь стать революционером? — спросил Романо, улыбнувшись с какой-то хитрецей.

— Я уже им в каком-то плане стал. Мы с Гришкой вместе сражались против корпоратов в Конфедерации, вместе с шахтерами. Этого достаточно, чтобы Вы нам доверились? — спросил Герой Федерации, смотря на гвардии старшего лейтенанта в отставке.

— Хорошо. Я вышлю тебе всю библиотеку. Надеюсь, что пригодится. На этом вопросы кончились? — спросил Романо, глядя на людей.

— Да. С вопросами все, — проговорил Жнец, поднимаясь. — Может быть, стоит связаться с некоторыми товарищами из ближайших систем? Добьем число бойцов до двухсот?

— Связывайтесь. Нам любая помощь пригодится. Я вышлю голокарту тебе, Жнец. Ты, наверное, все запомнил, что я вам сказал?

— Так точно. До свидания, господин Романо, — проговорил человек, первый выходя из кабинета, а Грэм недолго задержался.

— Что-то хочешь спросить? — спросил Романо с интересом.

— Вам бы быть среди революционеров. Вы прекрасный командир. До свидания, товарищ Романо, — Грэм улыбнулся, а в глазах у него что-то сверкнуло, после чего он вышел из кабинета.

— До свидания, Герой Федерации, — улыбнулся Романо вслед человеку.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район № 5, строение 10, этаж 1, бар «Хмельная Лагуна»,
14.01.2580, 13:00

Жнец сидел за одним из столов бара, заполненного лояльными наемниками, вместе с Грэмом. Были они задумчивы и слегка мрачны, хотя сам Гришка все-таки был слегка в приподнятом настроении.

— Мы как-то все не могли нормально пообщаться, Грэм. Давай хоть поговорим. Сейчас я не пьян, да и... По стриптиз-клубам тебя не потащил. Ты уж прости за это, понимаю, что, наверное, не сильно понравилось. Кем ты стал, Гарри? — улыбнувшись, спросил Гришка.

— Кем-кем? По стопам отца пойду. Только вот не быть мне профессором. Совсем другой путь, да и в «гирлянде» я болтаться не собираюсь, поэтому что-то другое будет. Хоть как, только не таким образом, — проговорил спокойно Грэм. — Есть из наших кто-нибудь в ближайших системах?

— Ну... Среди ближайших имеется Торкель Синий, Азбек Горец и Хасан Прорыв. Даже не знаю... Хасан недавно побывал в довольно тяжелой передряге, сейчас у него десять человек боеспособных, не думаю, что согласится. С Горцем и с Синим я как-то редко пересекался, но... У Торкеля здоровый отряд. Тридцать рыл с лишком. У Горца еще двадцать. Можно всех троих позвать. С Хасаном я бы с радостью увиделся, он прям хорошо врага бьет. Ты-то у нас новенький, Грэм, их не точно не знаешь.

— Угу... Но про Азбека слышал. Насколько помню, он участвовал в рейде на «Триумф-5», то есть в одной из самых крупных операций против пиратов за последние пять лет. Он там отличился тем, что его отряд ликвидировал добрую сотню пиратов с рядом капитанов, то есть он подкован в плане боевых операций.

— Ты на меня сердишься, Гарри? — спросил Жнец, прищурившись.

— Не задавай глупых вопросов, Гришка. У нас сейчас забот полон рот, а ты треплешься. Пиши давай.

— А че писать? «Здравствуйте, Азбек. Мы бы хотели позвать вас на бойню, ибо мы сами как-то не тянем, а противника много. Помогите, пожалуйста»? — ухмыльнулся Гришка, а Грэм посмотрел на него своим уставшим взглядом.

— Ты не меняешься. Как был балбесом, так и остался, хотя старше меня на три года.

— Ну, знаешь ли... Я-то всего лишь сержант. Это ты у нас офицерское училище прошел и аж Героем Федерации заделался. Так что, звиняй. Ладно, я понял. Не надо тебе с Романо работать, а то больно серьезный становишься, — ухмыльнулся Жнец, после чего стал набирать что-то поочередно всем трем капитанам. — Вуаля.

— Угу. О чем поговорить-то хотел? — спросил на этот раз Грэм.

— Да так. Чего ты хочешь в этой жизни добиться, братишка? — спросил с улыбкой Жнец.

— Перемен, если кратко, — человек положил руки на стол. — Знаешь... Вот Романо... Он странный. У него такой запал, но он воюет в другую сторону. Льет воду абсолютно не на наше колесо. Ему бы быть среди подпольщиков. С его-то навыками.

— А ты уверен, что вода не на наше колесо? — спросил Жнец, подмигнув.

— В каком смысле? — спросил Железный, глядя на своего товарища.

— Да в том самом. Смотри... Чем беднее становятся люди — тем меньше им терять, но одновременно в геометрической прогрессии растет и глубина противоречий, то есть разрыв между богатыми и бедными, и не только он. Напряжение растет, — Гришка откинулся на спинку стула, а после посмотрел в потолок.

— То есть, ты хочешь сказать, что он делает все для обострения противоречий?

— Да. Именно это. Он пользуется тем местом, которое у него есть. Помнишь... Эту... «Детскую болезнь левизны»? Там Ленин говорил о том, что европейским левым следует бороться политически, то есть, в том числе участвовать в демократических выборах, поскольку уже есть социалистическая страна. Как думаешь, про что это?

— Про то, что надо отталкиваться от того времени и обстоятельств, которые вокруг?

— Верно. Романо находится на той позиции, которая может быть довольно эффективна для достижения определенных целей, но он погибнет. Будет забыт историей или выставлен в ней, как некий злодей. Он делает то, на что каждый из нас просто не сможет пойти. А вот про детскую болезнь... Там же было про то, что политические лидеры как бы спешили с революцией. Настоящей революционной ситуации не было, однако они желали ее оседлать. Просто, прикинь...

— Конь еще не родился, а его уже хотят седлать.

— Верно, — ухмыльнувшись, махнул пальцем Гришка. — Вот и мы думаем оседлать то, чего еще в полной мере нет. В наши задачи сейчас, считай, входит то, чтобы помогать массам осознать, кто их истинный враг, но лучше всего с этим справляется Романо, производя прямые действия против них. Он даже не даст шанса планете в виде МилитариКорп, ибо милитаристы могут обеспечить людей неплохими рабочими местами, а также прикормить их за счет существования ЧВК. Но! — глаза Гришки в этот момент загорелись. — Если выкинуть на улицу эти тысячи ЧВКшников, появится куча вооруженных пролетариев прямо на улицах городов, но за этим есть и минусы, большая часть пойдет грабить и убивать, а не станет революционерами. С другой стороны, поредеют шок-пех и полиция. В общем, это довольно мощный ход, который приведет планету к окончательному краху. Конечно, возникнет куча добывающих предприятий, и они уже возникают. Мы видели, как поднимались в космос корабли шахтеров, и мы можем наблюдать то, как начинают образовываться новые внутренние периферийные вахтеры. Уже куча народа бежит в какие-то мировые задницы, чтобы начать добывать там нефть, газ, железо, уран, кучу других ископаемых. Итог? Образование наиболее революционных слоев пролетариата, у которых нет ничего, кроме их цепей. Тебе, Грэм, еще учиться и учиться, — улыбнулся Гришка, глядя на товарища.

В этот момент раздался звонок Прорыва.

— Да, здравствуй, Хасан, — улыбнувшись, проговорил Гришка.

— Салам. Что у вас там за шухер? — спросил грубый голос человека.

— Да, видишь... Имеется повод для мести кой-кому из корпоратов. У Жабодава погиб один из бойцов — Глаз, во время штурма кворонов на Айскрима. Там, короче, дело в том, что кворонов снабжала эта самая корпорация, есть определенные подозрения, что квороны, кстати, могли поставлять что-то в ответ, ну и короче... Мы работаем с КаренияИндастриз, а если точнее, с гендиректором Роберто Романо. Собственно, на кону вертятся большие деньги, но и большая опасность, ибо противника будет раза в два больше.

— А если конкретнее?

— Что-то около четырех сотен, но имеется довольно сложный и подробный план

действий для того, чтобы их всех задолбить... Погоди, — в этот момент раздался звонок Горца, а затем и Синего, после чего оба были добавлены.

— Салам, — проговорил спокойно одноглазый бородач новым гостям аудио сеанса.

— Какие люди? Сам Прорыв, — улыбнувшись, проговорил человек с орлиным носом, подключившийся к видеозвонку.

— Он самый, Горец. Он самый.

— Торкель Синий на связи. Разъясняй, что да как. Дел еще до чертиков, поэтому, чтобы добраться до Итариса, мне надо будет затратить три дня, — проговорил человек с синим от татуировок лицом.

— Да. Всех приветствую, — снова проговорил Гришка. — Собственно. Я уже начинал рассказ Хасану, но надо его теперь полностью повторить. В общем. Началось все со штурма кворонского клана Йори на Айскрине в системе Немезида, ну и... Возникли определенные траблы, а если точнее: погиб один из бойцов Жабодава — Глаз. Выяснилось, что местная корпорация, МилитариКорп, торговала с кворонами, а также хотела слить нанимателя Милета Жабодава, а потому, зная, что Роберто Романо сам вместе с Милетом будет участвовать в ликвидации кворонов, слили информацию о нападении кворонам. Короче, история запутанная, я сам кое-чего не понял, но, в итоге, Роберто Романо сулит большие деньги за то, что мы будем участвовать в штурме главного офиса МилитариКорп, во время слета директоров. Вероятно, директорат будет перебит, поэтому участвуем в относительно мокром деле, да и число бойцов ЧВК будет превышать нас раза в два. Вообще, по всем тонкостям — надо беседовать с самим Романо. Я дам ваши контакты ему, если вы согласны.

— Если сулит хорошие деньги за каждое рыло... Можно пойти, — проговорил Горец, ухмыльнувшись.

— У меня бойцы побиты, но, может быть, человек семь, включая себя, смогу подрядить, — проговорил Прорыв. — Все-таки тут дело касается и наших братьев, поэтому милитаристы должны получить по заслугам.

— Мои парни в деле, — проговорил Синий, после чего отключился.

— Замечательно! Я тогда вам троим закину контакты Романо и сейчас можем расходиться, — улыбнувшись, сказал Гришка, после чего помахал рукой и отключился.

— Так просто? — спросил Грэм.

— Ну... Да. Мы же, по сути, одна группа наемников. Конечно, наемников вообще больше гораздо, но вот мы сбились в небольшой такой лагерь и помогаем друг другу. В общем, зашибись. Слушай... А может, как в старые времена? — улыбнулся Гришка.

— Держись, мой друг, за жизни круг, — начал Грэм.

— Какой бы, вдруг, не взял недуг! — подхватил Гришка.

«Ведь весь недуг старинных пут
Разорван будет ветром сдут!

И мы с тобой пойдем сейчас
По миру снова и про нас!
Споют все барды и друзья,
Узнают короли, князья!

Пройдем с тобой путем борьбы,
Чтобы расправить все горбы!

И чтобы знали все жлобы
О том, что значит вкус тяжбы!

Пройдем с тобой сквозь много войн,
Чтобы понять, что нужно той,
Кого на свете жизнь зовут,
Что для костров готовит трут!

Быть может я и слишком груб,
Порой и зол, порой и туп,
За то прости меня мой друг,
Ведь вместе сладим лучший трюк!

Мы вместе станем, как семья,
Ведь для того мы и друзья!
Прикроем друга мы всегда
И от того легка война!»

Люди пропели какую-то старую свою песню, после чего оба радостно засмеялись.

...

В скором времени Романо стали поступать по очереди вызовы от новых наемников. Он поочередно выдавал информацию о том, какого рода дело планируется, высылал им координаты и выдавал частичную информацию о том, что планируется, ибо полную информацию следовало выдавать лишь при личной встрече.

Вскоре к нему зашел Паук. Был этот полуметаллик снова слегка мертв и немного жив, но все-таки на губах его была блеклая веселая улыбка.

— Здравствуйте, господин Романо, — проговорил Иоганн, садясь на стул перед Романо.

— Здравствуй, Иоганн, — мрачновато проговорил директор.

— Видок у Вас, конечно, мертвенный, скоро станете, как я, — ухмыльнулся киборг, сверля человека восемью красными глазами.

— Да-да. У меня к тебе одно дело. Пробей, пожалуйста, всех директоров милитаристов, чтобы можно было предположить то, что будет представлять собой наша с вами бойня. Насколько я вижу по данным, часть директоров имеет военное прошлое, к примеру, Винсент Ли — владелец цехов МилитариКорп на Айскримере, — прошел кампанию Триумвирата в ранге полковника. Насколько вижу, показал себя не сильно хорошо, но все-таки, кроме того, имеет большой перерыв в военных действиях, поэтому, скорее всего, особенной угрозы не представляет. Штурмовал Дромир, при этом угробил половину полка, а учитывая, что Дромир — это даже не коммунисты, такой «успех» звучит крайне плачевно. Меня интересуют подробнее директора: Эшвин Дорн, старичок уже, но, если правильно понимаю, шок-пех или гэбист в отставке, вся информация скрыта; Назар Вольтинский — человек средних лет, но, судя по всему, из армии был, что называется, отставлен в звании майора, информация также скрыта, а тратить много времени на это не хочется; ну и, напоследок, Харрис Блюхарт, личность странная — информации почти нет, возможно, опять либо гэбист, либо шок-пех, так шифруют своих отставников только эти организации. Можешь пробить прямо сейчас? — спросил Романо как-то мрачно.

— Уже. Эшвин Дорн — это генерал-майор Федерального Совета Государственной Безопасности, ушел в отставку в возрасте семидесяти лет, а отличился тем, что участвовал в ликвидации Бура. Имеет довольно глубокие связи, поэтому лучше сразу завалить. Назар Волынский — отставлен в должности майора в возрасте сорока лет за то, что много кутил, а также торговал военным оборудованием с самыми различными ЧВК и даже пиратами. Не приговорили к расстрелу, судя по всему, из-за того, что Назар Остапович является сыном Остапа Георгиевича Волынского, который являет собой одного из знаковых генералов Прорыва Заснежина и, судя по всему, он за сынка попросил. Харрис Блюхарт — это оружейный барон, фактический глава МилитариКорп, имеет прошлое капитана Военного Космического Флота Федерации в отставке, ушел в отставку в возрасте тридцати пяти лет, имеет довольно большой послужной список сбитых кораблей, а также является одним из членов эскадры Хелтона, участвовал в бомбардировках миров Триумvirата, включая бомбардировку разбитыми кораблями Грейика. В общем, клейма негде ставить, — констатировал по завершении своего доклада Паук. — Каковы Ваши мысли, Романо?

— Ситуация становится все более страшной. Если мы убьем старика, наживем себе проблемы в среде гэбни... Что думаешь на этот счет? — спросил Романо у Иоганна, а тот на секунду задумался.

— Возможно, подстроить ему сердечный приступ. Дескать, старичок сам загнулся. У него имеется имплант сердца, поэтому данное можно подстроить одной ЭМИ-детонацией, — Паук улыбнулся.

— Хочешь сказать, что можно убить до того, как он попадет на съезд?

— Это вызовет подозрения, хотя... Любое действие вызовет подозрения. Можно пленить его, как Омониана.

— Можно. Только вот если мы пленим его, это приведет к штурму Крига, поэтому не катит. Возможно, что мы сможем получить много информации о грязных делишках этих граждан, но у нас и у самих руки по локоть в крови.

— А что, если сфабриковать дело о том, что МилитариКорп планировало отсоединиться от Федерации? — спросил с какой-то улыбочкой Иоганн.

— Можно и сфабриковать... Но, мне кажется, что не нужно. МилитариКорп слишком быстро проникает везде, где только может. Айскрим, новые заводы, перекупленные у директоров экспроприации или отжатые в кооперации с ними, массовый набор в ЧВК. Это все похоже на какую-то подготовку. Они будто хотят построить собственную армию для ведения корпоративной войны. Причем, армию большую. За сегодня в ряды ЧВК «Арес» было принято пятьсот человек, кроме того, открываются полигоны конкретно ЧВК, и да... Они переименовались. Арес — это некий древнегреческий бог войны. В общем, каждый день промедления влечет за собой то, что мы попадаем в очень странную и грязную игру, которую мажоры из Карении просто не видят. Нам желательно взять кого-то из лидеров ЧВК живьем, пусть это будет сложно, но все-таки, Паук. Нам нужен живой командир ЧВК, и все трое из перечисленных директоров.

— А зачем Вам один из палачей Хелтона? — спросил Паук.

— Потому что он владелец фирмы. Не знаю, надо будет смотреть по ситуации. Может, вернее все-таки положить всех сразу, ибо из Столицы мы их вряд ли вывезем, а договоренность с генерал-губернатором Итариса говорит о том, что пленных из директората брать нельзя, а иначе их изымут на ближайшем полицейском посту. В общем, мы в довольно интересном положении. Старика убивать, наверное, не стоит. Он все-таки военный старого

склада, поэтому лучше сделать так, чтобы он подписал нам «дарственную», а далее помочь ему убраться с Итариса под слово чести. С Блюхартом и Волынским миндальничать не стоит, ибо это твари без чести, псы режима и, в целом, мерзкие людишки. Их проще сразу ликвидировать. Что касается остальных директоров... Даже не знаю. Надо бы подумать о том, что с ними делать. К примеру, Ли является бесполезным человеком, которого убивать — жалко. Его, скорее всего, взяли в корпорацию из-за его знакомства с самим Блюхартом, плюс... Судя по всему, у них имеется глубокая дружба, поэтому даже не знаю... Если Блюхарт будет убит, а он будет убит, то Ли попробует мстить. Директор из Кирен-1 — странная личность, скользкая, именно он работал с Борманом, а также отдал приказ Гире его убить. При этом директор не имеет никаких моральных установок и, судя по всему, является бывшим бандитом, ибо имеется за ним один интересный след, ибо он был одним из обвиняемых по первому делу Лемана, то ли изнасилование, то ли мокруха, то ли все вместе. Уже не помню, но факт остается фактом: когда Леман сел в тюрьму, Баукус остался на воле. То ли коррупционная сделка с судьей, ибо Максимилиан имел определенные деньги за своей спиной, в отличие от Лемана, то ли что иное. В общем, странная картинка складывается. Максимилиана решаем точно. Надо подумать и по поводу других директоров. Судьба четверых из двенадцати решена в направлении ликвидации, одного отпускаем под честное офицерское. Ладно. Не смею больше задерживать, — озадаченно проговорил Романо, а Паук кивнул и вышел из кабинета, после чего директор снова уставился в монитор.

Перед ним находилось еще семь нерешенных судеб. С одной стороны, каждый из них являлся в какой-то мере убийцей, а с другой стороны, каждый из них был человеком.

— Иоганн Вольф, — он проговорил имя бритоголового мужчины с выразительными и хищными голубыми глазами, русой бородой и каким-то звериным оскалом на одной из фотографий. — Очередной бывший вояка. Этот участвовал в компании Триумвирата... Еще один палач, да вот только у него семья... — Романо цыкнул, разрывая правый край губ и слегка впуская воздух в полость рта. — С другой стороны, ты, Вольф, не участвовал в штурмах коммунистических миров, ты не совсем палач, но вот рожа твоя мне все-таки не сильно нравится. Попробуем поглядеть вглубь... Чем ты занимался до того, как стать акционером? — Романо улыбнулся, а далее начал подключать самые различные архивы.

Он поднялся из-за стола, затем взял свою кружку, подошел к шкафу, открыл его и далее достал термос, наполненный ароматным кофе. Пожалуй, запах кофе был одним из основных запахов, которые впитывались в одежду директора и во всю мебель вокруг. Рядом с запахом кофе иногда ощущался запах пота и крови, весь облик директора говорил о том, кто он, а он был жнецом, только не по позывному, но зато по его кровавой работе. Он почти ежедневно снимал кровавую жатву с этого жалкого мира, по крайней мере, именно так склонны были именовать Итарис и многие другие миры периферии выходцы из Центра.

— Столько веков прошло, человек видел самые разные преступления и наказания за них, но остался таким же, каким и был... Изменились только масштабы заселенных пространств, если когда-то мы бороздили лишь просторы своей треклятой солнечной системы, то теперь мы, по идее, распространились сразу на два Сектора, если, конечно, Земля выжила. Связи все-таки у нас нет, но хотелось бы верить в то, что однажды мы сможем вернуться на Родину, ведь там люди могли достигнуть большего, чем мы... Дегенераты, оторвавшиеся от своей истории и от всего опыта человечества. Дегенераты моральные, нравственные, культурные, политические и социальные, — во время этих слов Романо подошел к окну, которое расположилось за его столом. На улице было цивильно, не

было того, что творилось в остальной части города, однако число шок-пехотинцев зашкаливало, с каждым днем в центре города их становилось все больше, по крайней мере, так казалось. — Хе-хе... Шок-пех... Еще пару месяцев назад здесь было всего отделение, а сегодня их уже четыре. Да. Атмосфера на планете накаляется, а через пару месяцев посыпятся и розовые очки с глаз «предпринимателей»-шахтеров. Сандерс знает то, как облапошивать «индивидуальных предпринимателей», у которых из средств производства только свои ручонки, шахтерская «банка» со взрывчаткой, плавильной машиной, небольшим реактором, да несколькими плазменными резаками. Только вот продавать минералы наши «предприниматели» могут лишь в одном месте, а именно, на станции, к которой они ближе всего, ибо топливного бака вряд ли хватит на то, чтобы долететь до другой станции, да и шахтеры привычны жертвовать топливным баком ради того, чтобы грузить больше руды. Ничего личного, только бизнес... — Романо снова как-то болезненно улыбнулся, после чего отпил из кружки. — Вроде бы, фраза в четыре слова, а в ней столько смысла. Действительно. Ничего личного, ибо личные отношения вызывают антипатии или противоположные чувства, что влечет за собой то, что человек-калькулятор больше не может действовать как калькулятор, он вынужден опираться на некие эмоции внутри своих действий. Там, где начинаются человеческие отношения — кончается бизнес, он просто схлопывается. Исчезает навек, ибо личная месть — это уже не бизнес, Жабодав идет на дело вместе со мной не из-за бизнеса, хотя и получит определенную прибыль за это дело, но скольких своих парней он может потерять там. Бизнеса нет и в отношениях среди его соратников. Бизнес есть только между мной и МилитариКорп, между двумя чудовищами в своей сущности. Я — тот, кто уничтожает людей, по сути, в промышленных масштабах, они — то же самое, только они хотят сохранить местных людей для того, чтобы выжимать из них соки. Да... Изменяется только локация выжимания соков... И объем их выжимания. Я создам целую кучу внутренних экономических мигрантов, которые будут перемещаться из таких городов, как Кирен-1, в космос, в места добычи местных ресурсов или же на Центральные миры, становясь трудовыми мигрантами. Я замечательный человек, который, ненавидя свою работу, продолжает ее исполнять! Да... Я прекрасный человек, — при этих словах глаза Роберто будто бы стекленели, теряли всякую осмысленность, если бы его кто-то увидел, быть может, испугался бы, ибо в этот момент он скорее напоминал какого-то киборга, чьи глаза стали простыми стекляшками, не выражающими эмоций. Кажется, что в этот момент у него прекратилось дыхание, да и сердце остановилось, он стал живой машиной, но... Прекращение дыхания было недолгим, он достаточно громко вздохнул, опустил глаза, а после сел назад за компьютер. Не время отдыхать.

— Итак... Вернемся к тебе, Иоганн. Ты у нас проходил по коррупционным делам, однако ни разу не сел, какое-то время был чиновником аж в Столице Итариса, затем произошла некая ссора с генерал-губернатором, и ты вышел из чиновничьего аппарата... Угу... — снова на губах Романо возникла легкая улыбка. — Да ты у нас лоббист! Будучи одновременно директором и одним из крупных акционеров МилитариКорп, ты являешься еще и депутатом, по крайней мере, являлся до последних событий. На последних выборах получил лишь десять процентов голосов по одномандатному округу. Судя по всему, тебя специально выбили из гонки... Интересно-интересно... — Романо открыл какой-то другой архив, кажется, с делом на победившего кандидата. — Исаак Штейнманн, еврей, судя по фамилии, представитель интересов КаренияИндастриз, как интересно... То есть, мы тоже работаем локтями. Одновременно жмем ручку, а потом покупаем для себя место в

планетарном парламенте, но ничего-ничего, зато теперь понятно, почему они точат на нас зуб. Но почему вы, МилитариКорп, решили слить именно меня? Зачем? Если бы не замахнулись, я бы на вас и не попер. Хорошо... Надо подумать над твоей судьбой, все-таки, в отличие от многих директоров, у тебя несовершеннолетние дети, и я бы был зверем, если бы лишил их отца без всяких на то причин. Иоганн Вольф останется в живых, если не будет мешаться под ногами и без вопросов подпишет документ о передаче своей доли акций МилитариКорп в мое владение. Более того... Нужно будет обеспечить ему и его семье, чтобы они смогли улететь отсюда куда-то подальше и в место поспокойнее. Следующий? — Романо закрыл страничку Вольфа, после чего посмотрел на человека кавказской наружности.

Этот человек сверлил своим прозорливым и мудрым взглядом, он не был молод, борода и волосы уже покрывались легкой сединой, орлиный нос, карие глаза, густые брови, а еще морщины. Все это выдавало в нем кого-то, кто уже не первый год работает в том деле, которое он выбрал, он явно был хитер и, вероятно, был опасным противником.

— Интересно, Саламбек Исмаилов... Кто же ты, мудрый горец? — спросил Романо, глядя в его глаза, а после открыл архив, вбил имя и фамилию, много тезок, но предприниматель всего один. — Почти на каждого из вас есть дело, Саламбек... Спецслужбы следят за каждым. Как это там? Старший Брат следит за тобой? — Роберто оскалился, но начал, как и ранее, проговаривать информацию вслух. — Саламбек Исмаилов — это выходец из богатой семьи, видел худших президентов Федерации в малом возрасте, ты старше меня всего на десять лет, а уже поседел... Да... Генетика. Итак... В возрасте двадцати лет начал заниматься оружейным делом... Ага, — Романо задумался. — Судя по всему, именно ты был основателем МилитариКорп... Давай-ка пробьем поглубже... Как ты в эти дела попал и тебя с концами не кинули? — Романо прокрутил еще несколько документов, далее зацепился за биографию, после чего пролистал примерно до возраста в тридцать-сорок лет. — Ага... Как раз в этом возрасте ты и столкнулся с Блюхартом. Далее вы вместе начали осваивать оружейный бизнес, произвели захват нескольких предприятий, вернее, их выкуп. У Блюхарта было три завода, а у тебя два... Интересно... Откуда они были у Блюхарта? Он же вояка... Когда он успел? Ладно. Будем знать. Никаких темных пятен у тебя за спиной нет, по сути, чист. Скорее всего, я дам тебе жизнь и помощь в отлете с планеты.

И последний из значимых директоров. Крепкий мужчина лет сорока пяти, ровесник Романо. Снова голубые глаза, густая черная борода с проседью, опускающаяся примерно до груди, волевой, что называется, подбородок, лицо кирпичом, волосы с зачесом назад, такие же, как и борода, с проседью, нос, кажется, прошедший не одну пластическую операцию. Он выглядел солидно... Синий галстук, белая рубашка и новомодный пиджак со стоящим воротом.

— Отто фон Лефтхенд. А вот тебя я знаю, — улыбнулся Романо. — Мы были в одном полку, а ты был капитаном. Так же, как и я, гвардеец с большим опытом, но ты не участвовал в ликвидации Гор'Ту-у-ула. И кем же ты стал здесь, Отто? Промышленником? Хотя, зная, что твоя семья сохранила приставку «фон» через века, у тебя имелось много денег, но родом ты не с Итариса. Что же привело тебя сюда, Отто? — спрашивал у фото Роберто. — А привела тебя сюда жажда наживы. Сразу после того, как ты ушел в отставку, возникли какие-то уголовные дела. Превратился в бандита, хотя нет... В мафиози. Полупирата, полурэкетира. Вероятно, МилитариКорп удобно было занять такого громилу у себя в

помощниках, поэтому тебя и приняли с распростертыми объятиями. Ты решал самые грязные делишки корпорации, да, — Романо смотрел на текст биографии директора. — Я восхищаюсь тем, как быстро можно перестать быть человеком чести и стать бандитом. Чем-то мы с тобой похожи, Отто, только вот ты не имеешь тех целей, что имею я. Ты желаешь лишь обогатиться, поэтому ты пиратствовал какое-то время, будучи наемником, а потом осел здесь. Превратился в самую грязную тварь, которая носит звание гвардии капитана в отставке... Странно, что у тебя не отняли звания, хотя с такими друзьями... Да... С такими друзьями ничего не страшно. Прямо как мне... Но боитесь ли вы меня? Недооцениваете, вероятно, ну ничего... Скоро сведем все счеты.

Романо после этих слов снова поднялся из-за стола. Немезида заходила за горизонт из множества домов, а город опускался во мрак. Вены пульсировали от напряжения, правый глаз щипало от лопнувшего сосуда, а в голову то и дело лезла мысль о том, чтобы опять закурить, но человек помнил то, как влияло курение на его дыхалку в прошлых боях. Поэтому он и бросил. Сейчас стало гораздо лучше, но желание опуститься в дурман снова посещало. Все это было слишком сложным и скользким, он в любой момент мог сорваться вниз и разбиться насмерть. А в голову в этот момент лезли самые различные образы. Расцветший маком Шпак... Его дочь Кира, которая осталась одна в этом мире. И много-много других людей, которые покончили с собой из-за действий Роберто. Он вздохнул... Снова вспомнил тот мост, в который специально влетел аэроциклист, черных пятен на нем было немало, а это значило, что этот аэроциклист не единственный. И сколько же боли принес он сам и Карения в этот мир? Но... Вся эта боль ничто по сравнению с той болью, которая светит в будущем.

— И нальются реки кровью, — с легкой улыбкой проговорил человек перед тем, как вернуться за свой стол и на время закрыть глаза.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район «Милитант», строение 31, этаж 15, кабинет 1506,
15.01.2580, 08:00

Человек лет тридцати пяти сидел за своим компьютером, его лицо было гладко выбрито, серые глаза читали что-то с монитора, правая рука лежала на подбородке и поглаживала его, рыжеватые волосы были слегка растрепаны, а весь вид его показывал определенную озадаченность.

Кабинет директора выглядел как нечто хорошо ухоженное, прямая противоположность кабинету Романо, однако все равно было здесь нечто такое, что могло породнить этих двух людей между собой. Хотя директор МилитариКорп и вовсе не был военным, скорее являлся чем-то средним между барыгой и каким-то представителем криминального мира.

— Директор Баукус, к Вам гости, — проговорил молодой человек, чье изображение вдруг отразилось на экране.

— Хорошо, Зигфрид, пускай заходят, — улыбнулся человек, его глаз слегка подергивался, эта встреча, скорее всего, была связана с будущим советом директоров.

Его голубая рубашка была слегка смята, да и вид отчасти был потрепанным, но все-таки определенная атлетичность телосложения позволяла выглядеть более или менее презентабельно. Баукус барабанил по столу указательным пальцем правой руки, в ожидании тех, кто войдет в кабинет. Они должны были прийти в течение пары минут, и вот дверь открывается, а в кабинет без стука входит высокий бритоголовый мужчина в плащовке, на лице его легкая бородка, а сам он смотрит на директора с какой-то паршивенькой улыбкой.

— Что такое, Ирвин? — спросил Баукус, смотря на голубоглазого бугая, который сел на стул перед директором. — Какие-то новости? Может, Гиря нашелся?

— А никаких. Сами знаете, что Гире крышка наступила. Кто в Криге оказывается — обычно больше не существует, а маячки его заглохли именно там, да и других двух бакланов там же кончили. Не знаю уж, что там с Борманом, но, наверное, тоже ничего хорошего, так стучать на Романо — дело не из лучших, тем более для такого дебила, как он, — спокойно проговорил Ирвин.

— Так зачем пришел? — спросил Максимилиан, глядя на своего сотрудника.

— Да это... Сами знаете то, что скоро будет съезд и намечен он на двадцать второе. Так вот... Блюхарт хочет, чтобы Вы добрались туда раньше. Числу к девятнадцатому. Какие-то дела имеются, ну и еще... Определенные наблюдения у меня. Хотите послушать? — спросил Ирвин, хитро сверкнув глазами. Было у этого бритоголового в повадках что-то шакалье, он то и дело бегал глазами по кабинету, да и в целом вел себя, как относительно опытный вояка. Он будто оценивал, как здесь можно было бы защищаться в случае чего.

— Выкладывай, — утвердительно кивнул Баукус.

— Ну, короче... Странные гости у Романо. Наемники. Много. Как понимаю, к его «свите» присоединились, кроме Жабодава, еще и Гришка «Жнец» и некий Кувалда. Его не знаю. Ну, и еще какой-то перец. В общем, плохие у меня ощущения. Может, нам с Вами с Романо связаться? Побазарить по-человечески, да слиться с МилитариКорпа, а? — спросил Ирвин, глядя в глаза Баукуса.

— Я бы может и пошел рука об руку с Романо, да вот только проблема корпоративная,

если я предаю — меня сольют в два счета, ибо я единственный из директоров, кто никак не расширил промзону своего предприятия за счет работы с Каренией. Да, в других городах с этим лучше, но ведь в Кирен-1 ни на пядь мы не продвинулись в расширении завода. Мы тут производим БМП и БТРы, а ютимся в четырех цехах. Сам понимаешь, как это будет выглядеть. Самый неэффективный директор переметнулся к другим людям. Мне вот что интересно... — Баукус вздохнул. — Неужто Блюхарт и Лефтхенд не понимают опасности этого человека? Отто и вовсе с ним служил, а сам не может сложить два плюс два.

— Мне кажется, что у Отто проблемы с алгеброй, — ухмыльнулся Ирвин. — Так что будем делать?

— Попытаемся договориться с другими директорами о том, чтобы свернуть кампанию против Романо и пойти ему навстречу. Он нас уничтожит, несмотря на то, что ЧВК почти двадцать тысяч. Этот хрен прекрасно понимает то, что мы оттягиваем безработных в ЧВК и тем самым лишаем Карению части рабочей силы, и если дегенераты из Центра наших планов не понимают, то вот он сечет в том, что мы хотим провернуть. Но, слушай... Раньше я с Князем дела имел. Что по поводу него скажешь?

Ирвин усмехнулся.

— Ему яйца так сжали, что он про Вас и забыл. Но... Скажу так, бойцы Романо вместе с шок-пехом вывозили человек двадцать на базу, вероятно, для тренировки. В общем, Князь слился с Романо в единое целое. Грубо... Этот червяк так и так против нас. Можно было бы, конечно, попробовать перевербовать, но там яйца в таких тисках, что одно движение, и оба яичка лопнут в считанные секунды, — ухмыльнулся ЧВКшник. — Так значит, Максимилиан, мне надо готовить «личную гвардию»?

— Да. И в случае чего... — Максимилиан посмотрел на Ирвина оценивающе. — Возможно, что стоит открыть огонь по «своим».

— Угу... То есть, хотите сказать, что в бою мы должны будем присоединиться к Романо, чтобы сохранить свои жизни? — спросил Ирвин скорее для того, чтобы уточнить, чем получить точную информацию.

— Верно. Я полагаю, что Исмаилов будет как всегда разумен и отдаст своим сыновьям то же распоряжение. Не знаю уж на счет Вольфа, но с ним можно поговорить на этот счет. Все-таки он был нашим лоббистом и ума в нем больше, чем у остальных директоров, ну и... Надо с генералом поговорить. Может, тоже на нашей стороне выступит. Насколько знаю... Он не очень хочет рисковать своими парнями. По крайней мере, этими четырьмя сотнями. Они все-таки лучшие из лучших. А нам... Сам понимаешь. Тоже сливаться незачем. Насколько знаю... Романо довольно гуманен с теми, кто с ним «на одной волне». Вот и нам надо быть таковыми, — улыбнулся Максимилиан.

— Хех... А Вы думаете, что Романо забыл про штурм Айскрима? Он же в первую очередь на нас с Вами думает, и он прав на этот счет. И плевать на то, что мы делали это по распоряжениям Блюхарта. У Вас у самого резонов много по поводу того, чтобы его слить, ибо он никак не шел на контакт, делал вид, что Вас и вовсе не существует, — как-то странно улыбнулся ЧВКшник.

— Ну... Да. Он прав, но мы же можем искупить вину, верно? — при этих словах Баукус как-то хитро посмотрел на своего нового главу охраны, а тот посмотрел в ответ.

— Хорошо, директор... Мы с парнями перетрем на эту тему и дальше обмозгуем. Завтра приду, и обговорим действия. Надеюсь, что мы не одни такие будем, — улыбнулся человек, после чего поднялся и вышел из кабинета, а Баукус откинулся на кресло и длинно выдохнул.

— Вот, сука-судьба... Зачем же Карения полезла именно сюда, а? Сволочи... — пробормотал он, после чего открыл банку пива «Хмельной Кэп-12», популярную среди различных космических волков, наемников и военных, вряд ли Баукус относился хоть к одной из этих групп, однако это пиво ему нравилось своим горьковатым вкусом, особенно в прохладном виде.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Центр-1, строение 22, этаж 10, кабинет 1003,
16.01.2580, 15:00

В кабинет Романо постучался давно ожидаемый гость. Человек лет пятидесяти, но в отличной форме, в каком-то матерчатом плаще и в широкополой шляпе. Он заходил в кабинет со своей характерной улыбкой. Он сразу начал осматривать кабинет беглым взглядом и, кажется, даже забыл поздороваться, только кивнул.

— Да-а-а-а-а... Не думал, что директор крупной корпорации может существовать в таком свинарнике, — как-то весело усмехнувшись, проговорил Койот, после чего сел на стул перед Романо.

— Здравствуйте, Койот, — улыбнулся Романо реакции человека. — Да. Я не сильно отличаюсь от обычного трудяги...

— Ну, отличаетесь. Этот запах кофе я узнаю... Молотый, зерновой. Штука, которую не каждый может добыть в наше время. Сейчас больше предпочитают синтетический кофе, ибо бодрит лучше, да и не столь дорог, — улыбнулся Койот снисходительно, а Романо как-то стало стыдно на этот счет. — Ну... Вы хоть не покраснейте, а то видеть такую тварь, да еще и с розовенькими щечками, было бы довольно смешно.

— Тварь? — Романо прищурился.

— Ну... А кто Вы? Лыцарь на белом коне? Конечно, хорошо, что воздух от дыма очистился, да и от смога двигателей внутреннего сгорания, но столько полулюдей я давно не видел. Под «полулюдьми» подразумеваю наркоманов и пьяниц, — Койот также оставался в приподнятом настроении. — Вы, Романо, наверное, привыкли к тому, что Вам жопу лижут, но я как-то не привычен к этому.

— Отнюдь... Не нужно мне лизать задницу. Вы говорите правду, Койот, но должны же понимать то, что я лишь исполнитель.

— Скажите, Романо... А вот Вы не можете просто взять и отказаться от этой работы? — спросил Койот, практически поставив в тупик Роберто.

— Не могу, в силу... — начал было Романо, но был снова перебит.

— Не надо баек про семью. Одна Ваша дочка, сыночек или жинка — не стоят тысяч, а то и миллионов жизней, — Койот был неумолим в своих словах, кажется, что он будто читал своего оппонента, знал каждую попытку улизнуть от ответа.

— Хорошо. Допустим, что я мразь.

— Не допустим, а мразь, — улыбка с лица наемника не слезала.

— Хорошо. Я мразь, но что если я скажу о том, что имею великую цель? — спросил Романо, посмотрев на человека спокойным взглядом.

— И какая? Набить свои карманы и обеспечить прекрасное будущее своей семье? Это не великая цель, — улыбка снайпера перерастала в оскал, а в глазах его лишь нарастала ненависть.

— Вы же знаете то, что однажды была попытка революции?

— И ты хочешь ее задавить? — на этот раз от улыбки не осталось и следа.

— Если бы хотел задавить, я бы не пытался уничтожить МилитариКорп, а дал им перерасти в системную монополию, которая бы обеспечила людей и рабочими местами, и

безработную массу влила бы внутрь своей ЧВК. Понимаете, к чему я веду? — спросил Романо, а Койот как-то насторожился.

— Эм... То есть... Подожди... Ты кто вообще такой? — спросил снайпер, глядя на Романо в изумлении.

— Роберто Романо — Герой Федерации, гвардии старший лейтенант в отставке, ныне директор экспроприации на услужении КаренияИндастриз.

— И как это должно тебя обелить? Ты стал предателем своего народа! — громко сказал снайпер, кажется, что это вырвалось из его горла, а не было чем-то преднамеренным.

— Стал. Не буду отрицать, однако наш народ слишком изнежен некоторыми поблажками со стороны государства. Карения дала нам возможность развеять их сладкие мечты о каких-то больших зарплатах, быть может, о своем ИП, или о чем-то другом в этом духе. Я гораздо лучше, чем любой гребаный агитатор, могу показать все ужасы той системы, в которой мы живем. И в отличие от Вас, наемников, я произвожу обострение классовых противоречий, сознательно его произвожу, сознательно убиваю этих людей, когда Вы, борясь с симптомами, лишь облегчаете эту ситуацию! — вскипел человек под конец своей краткой, но яростной речи, а Койот как-то опешил.

— Хе-хе... То есть, ты сознательно убиваешь тех, кого защищал, чуть ли не в промышленных масштабах? Оставляешь их без пищи и крова? — спросил снайпер, в мгновения успокоившись, улыбка с его лица пропала, а он сам как-то обмяк.

— Да. Я делаю все это. А еще образовываю часть людей, которые вокруг меня, чем Вы в большинстве не занимаетесь, мои просветленные друзья. Вы настолько полезны для революции, что играете против нее. Да... У вас в жопе горит то, что можно назвать «революционной ситуацией», но вы продолжаете служить тем, кто кормится от системы «Головорез». Скажи мне о том, на кого последнего ты охотился? Неужели на коррупционера? — улыбнулся на этот раз уже Романо, а Койот скрежетнул зубами.

— Нет, — отчеканил он. — Я охотился на одного пиратского барона. Но что? Я не сделал ничего хорошего для общества?

— Ты бесполезен, Койот. Сколько не вскрывай гнойные нарывы на теле зараженного, они не прекратят снова и снова вылазить. Сколько не сноси головы пиратам, они снова и снова будут возникать до тех пор, пока пиратством можно зарабатывать на жизнь. И вот пока этот способ заработка не исчезнет — не исчезнут и пираты. А иначе ты бы уже давно остался на дне, а то и был бы смыт в один большой общественный толчок, который бы стал финалом твоей истории, Койот, ибо ничего, кроме того, как нажимать на спусковой крючок — ты не умеешь. Достаточно? — спросил Романо в конце своих слов.

— Урыл... — прокомментировал Койот. — Ну... Впрочем, мне самому не стоило так уж бойко влетать, что называется, с ноги и пытаться кого-то облить помоями. Ладно. Прошу прощения. Ну, это... Я надеюсь на то, что не отбил желание с собой работать?

— Нет. Я вынужден работать с самыми разными людьми, и ты явно не худший, пусть и за свои пятьдесят четыре года слабо осознавший бесполезность своего дела. Ладно, — Романо задвинул монитор обратно в стол, а после этого положил голокарту перед Койотом. — Как видишь, тут у нас имеется интересный офис в перекрестье других офисов. Основная задача для тебя и других снайперов — это скоординироваться и занять позиции на этих четырех зданиях. Далее, в ваши задачи входит отстрел ЧВКшников, которые будут на здании в виде снайперов, а также внизу в виде пехоты. Наиболее важными целями для вас будут являться бойцы в экзоскелетах, ибо выбить сверхтяжелую пехоту проще всего из

снайперского оружия. Примерно такой расклад. Снайперы ЧВК будут размещаться также на этой линии, — Романо указал на ряд «балконов», примерно на уровне двадцать пятого этажа. — Они — первые, кого вам нужно выбить из игры, чтобы мы могли начать полноценный штурм.

— Угу... Ясно. Дело дрянное? — спросил Койот, улыбнувшись.

— Тут как посмотреть. Мы имеем довольно четкий план действий, а также достаточные силы для того, чтобы ликвидировать все силы ЧВК в считанные минуты. Так мы выбьем из игры огромное число бойцов ЧВК, за счет завала гаража. Там будут их основные силы. Далее мы окончательноотрежем их от выхода из гаража с помощью подрыва лифтов, и далее что-то около двухсот человек останутся внизу до приезда спасателей.

— Толково... Только кто будет подрывать? — спросил вольный стрелок, глядя на директора.

— У меня имеется целый ряд интересных персонажей в запасе, поэтому на этот счет можешь не беспокоиться. Предположительно, это сделают квороны-каперы, которые имеются в моем распоряжении. Так или иначе, у них имеется хорошая шахтерская взрывчатка, а также стелс-костюмы. Вещь очень дорогая и редкая, а также сложно добываемая, конечно, я бы мог добыть стелс-костюмы, но времени бы не хватило.

— Угу... То есть, все схвачено?

— Да. По крайней мере, в теории.

Койот покачал головой, а после усмехнулся.

— Охренеть. Такого толкового командира надо еще поискать. Ты меня удивил, Романо. Можешь называть меня по имени. Андрей. Приятно познакомиться, — улыбнулся наемник, после чего протянул Романо руку, а тот пожал в ответ.

— Приятно познакомиться, — улыбнулся директор.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район «Милитант», строение 31, этаж 15, кабинет 1506,
16.01.2580, 17:30

Директор уже сидел в своем кабинете примерно полтора часа, однако Ирвин все никак не появлялся. Это уже заставляло нервничать. Что же могло случиться? Завалили? А может, в следующий момент сюда ворвется головорез Романо и убьет уже его? Баукус барабанил пальцами по столу, чтобы хоть как-то отогнать свои мысли, но это удавалось слабо. Глаз начинал дергаться от нервов, а когда послышался тихий стук в дверь, директор чуть не подпрыгнул на стуле, после чего в дверь вошел Ирвин.

Был он спокоен, но все равно казался слегка нервным. Было видно то, как заплыл глаз, из-за чего Баукус и побледнел.

— Романо? Ты отбился? — спросил человек, глядя на своего подчиненного.

— Неа... Зашел не в ту подворотню и чуть не схватил брюхом заточку. Шпана, — проговорил человек, плюхнувшись в кресло перед столом Баукуса, а тот удовлетворенно вздохнул.

— Ну? Что решили с парнями? — спросил директор, глядя на главного по охране.

— Ну... Скажу так. Парни не одобряют этого, но им не сильно нравится то, что Лефтхенд становится правой рукой пахана. Ну... То есть, Блюхарта. Извините... Привычка. В общем, дело такое... Если мы решим завалить Лефтхенда, они помогут, но вот если будем сражаться с другими парнями... Ну... Нас самих порешат, — проговорил относительно спокойно Ирвин.

— Вот как... — Баукус задумался. — Хреново, но мне кажется, что если они готовы попереть против Отто — они попрут и против Блюхарта. Все-таки, Отто — это его правая рука.

— Угу, — улыбнулся Ирвин. — А значит, попрут и против Ли. Как раз с их охраной у нас терки. Еще при Гире они как-то неправильно себя вели, а особенно этот червяк-переросток. Он мне больше всех не нравится.

— Но, скорее всего, червяк-переросток будет слит в бою с Романо. Он своим традициям подчиняется лучше, чем Блюхарту.

— Но Блюхарт с радостью отправляет его на самую мокрушную работу, — ухмылка с лица ЧВКшника не сползала.

— Не поранили хоть? — спросил директор уже более серьезно.

— Не... Так, царапина. Чуток бочину задел, падла, но я его воткнул так, что он вряд ли проснется. Еще одному нанес раскраску на лицо, — улыбнулся Ирвин.

— Опять хрен на лбу вырезал? — как-то зло спросил Баукус.

— Не... Просто морду набил. Он весь синюшный будет, коли выживет. Сотряс минимум, — Ирвин был спокоен и даже весел, кажется, что ему нравилось ходить по «не тем переулкам».

— Ирвин, тебе бы надо быть менее жестоким, — проговорил спокойно Баукус.

— Наша работа такая, Максимилиан, поэтому жестоким надо быть всегда и везде, а тем более тогда, когда на тебя лезет мудака с заточкой.

— Они изначально были слабее.

— И что? — спросил человек.

— И то. Ты, возможно, лишил кого-то сыновей.

— С каких пор Вы стали таким человечным? — усмехнулся Ирвин.

— С тех пор, как увидел, во что Романо превращает Кирен-1, и во что превращается вся планета. Во мне были зерна совести, и теперь они проросли, — спокойно проговорил Баукус, а после подошел к окну. — Вот, взгляни.

— А на че там смотреть? — спросил Ирвин, смотря на человека.

— А на то. В нашем районе теплится жизнь. Наши люди трудоустроены, школы работают и растят им смену. Я даже поднял зарплату своим рабочим, видя то, что происходит в других районах. Даже штат расширил, чтобы побольше людей спасти от этого кошмара. Понимаешь? Я сам из них. Просто был гораздо изворотливее и бесчестнее. Надс было бы продать мать, я бы продал тогда. Но это время прошло. Я помню, как от меня отказался отец. Я помню, как он не допустил меня на ее похороны. Я помню, как он угрожал убить меня. Тогда я смеялся, а он говорил о том, что видел меня учителем, а не той грязной тварью, которой я был. Он умер два дня назад. Я был в больнице, так он сказал, что я должен спасти как можно больше этих людей, ибо я стал другим, понимаешь? Он снова признал меня своим сыном. Я только пару месяцев назад понял, что нет ничего дороже у меня, чем семья, но... Я ее предал. Когда была возможность спасти отца, я развлекался со шлюхами, понимаешь? — спросил Баукус, глядя в окно. — Я себе этого никогда не прощу. Онкологию сейчас можно победить. Довольно легко. Медицина шагнула вперед, но я ничего не сделал. И вот знаешь... Я могу сказать, что Карения стала такой же злокачественной опухолью для нашего Итариса, как онкология для моего отца. Миллионы клеток просто выброшены из деятельности организма. Они уничтожаются алкоголем и наркотиками, а еще такими, как ты, кто ходит по этим районам и ищет драки. Вы заранее сильнее этих парнишек, которые нашли такой способ заработка, — человек обернулся и начал подходить к столу, а подойдя, ударил по нему рукой так, что затрясся экран монитора, стоявший на столе. — Может быть, у них был шанс, Ирвин?! Ну, избил бы ты их... Вправил мозги на место, а потом рассказал с нашей ЧВК, о базах тренировочных, дал бы шанс. Малюсенький, но все-таки не жить разбоем. Понимаешь?

— Понимаю, только вот, директор, у них нет шансов. Большая часть производства ликвидирована, а нам не дают расширяться. Я же выполняю роль санитаря этих бетонных джунглей, в которые превратила Кирен-1 КаренияИндастриз. Я сглаживаю то, что сделал Романо. Хоть чуть-чуть. Хоть на одного упыря на улицах становится меньше, — проговорил человек, откинувшись на кресло.

— Насилие порождает насилие, Ирвин. Мы должны давать хоть какой-то шанс. Они же наши сограждане! Они жители нашей планеты и нашего города! А ты... — человек снова вздохнул и отошел к окну. — А ты простой палач, Ирвин. Мы можем жить иначе. Стань я главой МилитариКорп, я бы столько для нашей планеты сделал...

— И разорился бы, — усмехнулся ЧВКшник.

— Да... — Баукус как-то поник. — Наше бытие связано с вечным повышением прибылей для того, чтобы сделать какие-то неясные сокровища. А ради чего? Мы же их никогда не потребим. Какой смысл в этом вечном стяжательстве? Вечном обогащении? Куда мы повернули? Когда мы сделали этот неверный поворот? Когда мы стали непонятными зверьми? Мы же люди! Хотя... Я ли человек? Скольких я обманул? Скольких убил своим обманом? — он тяжело сплотнул, глаза его бегали по горящим окнам жилых домов. — Если

бы не Романо, я бы, вероятно, никогда не осознал того, какая я тварь. Какие мы все ничтожества, и какие чудовища. Мы все соки из людей выжимали. Работали даже с гребаным кланом Йори! — воскликнул человек. — А они же нашими девочками торговали...

— Ага. А еще ты работал с Леманом и его кодлой, которые содержали целый ряд борделей в городе, — снова хохотнул ЧВКшник.

— Да... Но... Мы с Леманом давно разошлись. Очень давно. Я только про нег вспомнил тогда, когда он попался Романо. Но да... Этот его дружок, нынешний работник Романо... Такой... На крысенка похожий... — человек задумался, вспоминая имя, нахмурил брови. — Фирс. Да. Он же и торговал живым товаром с кворонами, а потом... Потом провел Романо туда, чтобы уничтожить клан. Как думаешь? Фирс исправился?

— А черт его знает. Мне, если честно, насрать. Он себя таким говном облил, которое не вымоется и десятком-другим добрых дел, — усмехнулся в очередной раз Ирвин.

— А мне кажется, что он отчасти исправился. Все-таки Романо произвел на нем некий эксперимент. В педагогике это называется методом «Шока», кажется, уже точно не помню... Нет. Взрыва. Вот. Грубо говоря, вокруг непослушного ребенка производится некая необычная ситуация, — он ненадолго замолчал, снова нахмурившись, а после продолжил. — Взрыв. Вот как называется метод. Метод «Взрыва». И вот... Его игнорируют все, он вынимается из коллектива, а дальше осознает то, что делал все неправильно и... И начинает пытаться вернуться в коллектив. Меняется полностью. Вот и Романо в какой-то степени педагог. Он показал Фирсу то, что он отвратителен, как человек, а далее позволил тому хоть на каплю исправиться.

— А ты типа учился на педагога? — с напускным интересом спросил главный охраны.

— Типа того. Но... Как видишь, я не педагог, хотя мог бы быть неплохим учителем, но... Что есть, то есть. Я очень жалею о том, что пошел тем путем, которым иду теперь. Правда. Может тебе и смешно, но я все-таки человек... Я склонен к тому, чтобы анализировать происходящее вокруг и понимаю, что... Быть может, сейчас и имею больше шансов на то, чтобы воздействовать, противостоять Карении, но... Я блоха. Я слишком слаб для того, чтобы противостоять этим толстосумам. Я даже Романо противостоять не могу. Трясусь весь. А тут целая центрийская корпорация. И что я сделаю? Я потяну, и пупок развяжется. Вот и пытаюсь хоть что-то сделать для людей. Я, знаешь, правда надеялся на то, что Романо убьют, но он оказался крепким орешком. И вот теперь он будет убивать нас. Тех, кто объявил ему войну. А я не хочу этого. Знаешь? Я бы с удовольствием бросил все это и стал бы простым учителем где-нибудь в другом месте, но он не примет моего раскаяния. Мне почему-то так кажется. Я же, по сути, думал, что смогу его обыграть... Да, конечно, действовал по указке, но все-таки думал, что я хитрее какого-то вояки, Героя Федерации, а оказалось, что я просто тупой ублюдок, который ничего на деле не может.

— Ну, давай... Еще расплачься, — гоготнул развалившийся на кресле Ирвин.

— Какой же ты ужасный человек, Ирвин... Гиря был более человечным. Проваливай, — проговорил человек, смотря в окно, а Ирвин пожал плечами и вышел из кабинета. — Да... Я в очередной раз остаюсь один. Домой ехать я побоюсь, поэтому ночую тут. Все-таки тут хотя бы есть охрана... Привет, сон без одеяла или пледа... — как-то уныло проговорил человек, после чего лег на небольшой диванчик, стоявший чуть ближе к дверям, но вдруг вскочил.

Точно. Надо закрыть дверь. Надо закрыть дверь... Щелчок, выключение света, а после — на родной милый диванчик.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район «Милитант», строение 31, этаж 15, кабинет 1506,
17.01.2580, 08:00

Максимилиан проснулся... Глаза слипались, но надо было встать, да и бешено кричащий будильник обозначал необходимость подъема. Сегодня. Уже сегодня следовало начать подготовку к отправке в Столицу. Он вздохнул, встал, подошел к столу, уши прямо-таки закладывало от звона этой маленькой железной машинки с цифрами, налившимися кровью от раздражения из-за медлительности мешка с костями, но... Одно нажатие, и краснота цифр сменяется обычным синим свечением.

Он снова как-то печально посмотрел за окно. Душа этого директора действительно болела за город и за планету, опустошаемую ублюдками из Карении. Кулаки уже не сжимались, как то было в первые месяцы, теперь они были какими-то слабыми и, кажется, бессильными от страха.

— Страх ослабляет человека... — хриловатым утренним голосом проговорил Максимилиан, глядя в окно, после чего сел за компьютер. — Надо бы с Саламбеком связаться... Спросить, пришло ли ему это приглашение?

Для этого он и включал свой рабочий аппарат. Движение за движением, щелчок за щелчком и уже включается некий видео-чат, среди контактов которого Баукус и искал нужное наименование. «Саламбек Исмаилов», — звучало наименование контакта, после чего директор нажал на характерную «трубку» созвона. Саламбек ответил в течение минуты. На Максимилиана смотрело вполне доброжелательное лицо с седоватой бородой и какими-то глубокими мудрыми глазами.

— Салам! — довольно громко поприветствовал Саламбека Максимилиан.

— Салам, Максим, — проговорил спокойно голос этого старого дельца, который не был воином, хотя история его народа показывала склонность к тому, чтобы воевать. Этот горец не в силу возраста, но в силу своего мировоззрения никогда не воевал. Воевало то оружие, которое производилось его заводами, хотя Саламбек уже не раз жаловался на то, что последнее время его начинает подъедать совесть.

— У меня такой вопрос, Саламбек. Приходило ли тебе приглашение в генеральный офис к девятнадцатому? — Баукус выглядел потрепано, волосы не были причесаны, о чем он вспомнил только сейчас, да и костюм все сильнее начинал сминаться из-за сна на диване прямо в одежде.

— Да. Наша встреча с Блюхартом меня тяготит. Мне не нравится его авантюра. Кроме нас с тобой, там будет Отто, Эшвин, Винсент и генерал Шиллинг. Чувствую, что разговор будет довольно... Интимный? — как бы утвердительно спросил Саламбек.

— Угу... Отто и Винсент мне понятны. То же самое касается и Шиллинга. Но Эшвин? Старик уже не может самостоятельно ходить, да и... Мозги уже начинают подводить. Для чего там Эшвин, как думаешь? — спросил директор.

— Не знаю. Помню, что однажды Блюхарт заикался о том, что старика надо кинуть, но не думаю, что здесь удастся переписать большую часть его акций. Может быть, он хочет использовать его опыт в ведении конспиративных мероприятий. Шайтан его разберет. Мне тоже неясно то, почему он решил вызвать Дорна. Старик снимает ренту и живет спокойно,

припеваючи, а он хочет задействовать его в непонятной афере.

— Да-а-а-а-а... — протянул Баукус. — Что думаешь насчет Романо?

— Плохо думаю. Если все-таки твои предположения и уверенность Шиллинга подтвердятся — нам конец, но я не думаю, что мы сможем как-то повлиять на то, чтобы перенести место проведения съезда. В общем... Все у нас плохо. Отто точно упрется рогом, ибо... «Перенесение места съезда — это показание нашей трусости», — еще сильнее понизив и так низкий голос, проговорил Саламбек. — Горцы не привычны к бегству, но в этом случае... Я не знаю. Борьба тут бессмысленно, ибо мы уже не главная сила на планете. Я помню, что наши предки сражались с русскими в горах Кавказа, но суть войны была в другом. Наши предки сражались за свою самобытность, за свою веру, а сейчас мы должны воевать за деньги. Это противоречит традициям, ибо деньги — это не такая ценная вещь, как традиции. Хотя... Традиции размываются на протяжении долгого времени, уже три сотни лет, а образуются традиции новые, традиции, которые соответствуют времени, традиции рвать друг другу плетки из-за пары цифер на банковском счете, — Саламбек в момент своей речи был как-то мрачноват, ему больно давались эти слова, а в голосе возникала какая-то странная хрипотца, которая была характерна для тех моментов, когда человек испытывал подлинную и глубокую грусть.

— Да... Мы ведь стали единым народом, когда вышли в космос. Те традиции были уже и не совсем нужны. Нам следовало создать новые, чистые традиции, которые касались бы исследования мира вокруг и построения чего-то нового, а мы... Мы снова скатились в то, что порождало лишь войны. Я сам это осознал недавно. Если честно... Если бы не Романо у меня на хвосте, я бы продолжал заниматься чем попало в перерывах между деловыми отношениями... А тут...

— Он заставил тебя забиться под стол, спать в пиджаке на твоём диване уже почти неделю, а еще плакаться о своем плачевном состоянии и мне, и многим другим, — улыбнулся Саламбек. — Но... Я рад, что ты изменился, Максим. От бывшего Бакуса не осталось и следа. Я рад тому, что ты теперь чтить отца и мать, а не расслабляешься с женщинами легкого поведения. Я надеюсь на то, что ты, достойный сын достойного отца, сможешь стать настоящим человеком. Тебе осталось пройти не такой уж и большой путь... Нам осталось его пройти.

Баукусу стало как-то неожиданно тепло от слов этого человека, неужто он действительно стал достойным человеком? У него появилась Родина? Баукус помнил, как Саламбек когда-то давно назвал его безродным щенком, тогда он очень сильно обиделся на этого мужчину, но потом, когда Карения явилась на планету... Он сам стал меняться. Стал ощущать почву под ногами, которую нужно защищать. Хотя теперь это явно невозможно проверить, но все-таки хотелось сделать максимум для людей, а параллельно с этим хотелось выжить.

— Ну? Чего застыл? — спросил Саламбек, глядя на задумавшегося Бакуса.

— Да... Так. Вспоминаю одну из первых наших с тобой встреч, когда ты меня безродным щенком назвал. Гордость испытываю, что ты, наконец, изменил свое мнение обо мне. Спасибо, — улыбнулся Баукус, а Саламбек рассмеялся.

— Я же сказал, что ты только близок к тому, чтобы стать человеком. Но да... Ты уже не безродный щенок. Под твоими ногами возникла земля, ты больше не человек, который живет ради богатства, а человек, который пытается сделать это богатство частью достояния общества. Может, ты этого еще не понимаешь, но все-таки есть два варианта существования

таких, как мы... Первый вариант — это Отто. Гад, который ни о чем не думает, кроме своего кошелька, своих домов и расширения производства для того, чтобы увеличивать богатство. А второй... Я не назову в пример себя, но назову своего деда, в честь которого я и назван. Саламбек Исмаилов сын Юсуфа — это один из первых промышленников в нашем роду, он начал работать для того, чтобы не только лишь себя обеспечить, но и обеспечить людей. Один из первых заводов аэромобилей на Итарисе принадлежал ему, его люди получали достойную плату, но и он сам не бедствовал, да и расширялся тоже. Но... Даже за дедом есть грехи, которые произрастают из нашего бытия. Чтобы быть тем достойным человеком, которым он являлся, он давил всякого конкурента, который возникал на рынке, а потом... Кризис. Большая часть нашего имущества перешла в собственность государства, отец с его братьями не справились с конкуренцией, и мне пришлось начинать с минимальным стартовым капиталом в два маленьких заводика, но это лучше, чем с пустыми руками. И... — Саламбек как-то замолчал, опустил глаза, грустно улыбнулся, а потом, снова смотря на свой экран, продолжил. — Я начал быть оружейником. Я первый в нашей семье оружейник. Ни один из моих братьев не пошел по этому пути, ну и... Оба моих брата погибли. А я... Я ведь был в основании МилитариКорп. Я же первый и заложил первые камушки под ЧВК. Я знал, что однажды бандиты могут прийти и за мной, поэтому я нанял некоторых людей для того, чтобы они охраняли меня и мою семью. Тогда возник давний ЧОП «Альтаир и Ахмет», я назвал его в честь моих братьев. И вот этот ЧОП и лег первооснову ЧВК, правда... Со временем мои сыновья были выдвинуты из командования, да и... Я никого не виню. Видишь ли... Ахмет, Хасан и Махмед были никудышными командирами. Они не служили, и поэтому не знают основ полноценного тактического боя, а когда ЧВК начало расширяться, бывшие охранники уже были не нужны. Поэтому я никого не виню в том, что мое влияние на ЧВК сократилось, но Махмед стал одним из командиров ЧВК, ведь его навыки заметил Шиллинг, поэтому он стал одним из его приближенных.

— Ты попросишь Шиллинга убрать Махмеда с передовых позиций? — спросил Максимилиан, глядя на Саламбека.

— Нет. Шиллинг лучше распорядится его жизнью, чем я. И... Если Махмед погибнет... Значит, такова воля космоса. Он — достойный солдат и достоин гибели с автоматом в руках, а не в старости.

— Это дань традициям? — спросил Баукус с удивлением.

— В определенной степени, на самом деле, это дань выбору моего сына. Он сам говорил о том, что хочет погибнуть героем, но... Я не совсем уверен в том, что в бою с Романо можно погибнуть героем. Никакой славы такая гибель не принесет, но я ничего не могу поделать с сыном, поэтому я дам ему возможность сражаться против Карении.

— Понятно... — как-то грустно проговорил Баукус. — А ведь мы — последний оборонительный оплот Итариса... Если мы падём от руки Романо, Итарис погибнет.

— Вряд ли. Эта планета богата ресурсами, поэтому полностью она не вымрет. Надо очень долго и целенаправленно выкапывать недра планеты, чтобы она перестала быть годной для жизни сегодняшнего человека, которому нужен заработок, чтобы кормить себя и своих детей, но в течение пары веков — Итарис опустеет. Хищная птица Федерации должна будет осваивать новые миры для того, чтобы опустошать уже их. Но пока что Итарис будет жить как сырьевой придаток. Так жили многие страны Земли, когда человечество было еще далеко от космоса. В общем, положение Итариса не так уж и печально, хоть наши города сейчас и становятся муравейниками с десятками тысяч наркоманов, бандитов и убийц. Если

не с миллионами. Да. Положение простого человека ухудшается очень быстро, но это отчасти природно.

— Природно? — спросил Баукус у человека.

— Да. Природно. Каждый кризис влечет за собой это. Такова природа кризиса, а вот гибель людей в огромных массах — это неприродно. Это сущий кошмар. Я смотрел недавно статистику... И... — человек покачал головой. — Минус около десяти миллионов менее чем за год нахождения Карении здесь, и это как умершие, так и бежавшие с планеты. И то... Это довольно сильно заниженные цифры. Даже не довольно сильно, а в разы. Это можно умножить на десять, мне кажется, если учитывать всех преступников, которых отправили на миры-свалки, и оттуда они вряд ли вернутся, это все бездомные и медленно, но верно умирающие наркоманы. В общем... Мы очень быстро вымираем. Сейчас на планете что-то около четырех миллиардов людей, но есть у меня ощущение, что останется через пару лет тут лишь миллиард. И даже мы не спасем, в случае своей победы над Романо или какого-либо договора. Одна единственная военная корпорация не сможет быстро остановить потоки миграции и восстановить инфраструктуру планеты. Но да... Мы бы стали монополистом во всей системе, а затем создавали бы совершенно новые предприятия с помощью дочерних фирм и прочего. Но... Нет у нас столько капиталов для этого. Карению мы на колени поставим только здесь, и то, неизвестно на сколь долгое время, но все-таки это временное спасение планеты. И да... Не надо было нападать на Романо. Это была ошибка Блюхарта и Лефтхенда, но заплатишься за нее, скорее всего, ты.

— Угу... И не стать мне человеком... — с грустной улыбкой подытожил Баукус, после чего продолжил. — Ну, ладно. Пора прощаться. Меня уже ждет одно дело. Одно из последних, наверное... Нужно побывать на кремации отца. Удачи, Саламбек!

— И тебе всего хорошего, — улыбнулся человек, отключаясь от сеанса.

— Да... Может, я действительно изменился? Или нет? Я, как минимум, такой же трус, как и раньше. Боюсь за свою тушку... А какая в ней цена? Что я сделал достойного за эту жизнь? — спрашивал уже сам у себя Баукус.

...

Баукус летел на аэромобиле по практически пустой аэротрассе. Лишь изредка встречались летающие машины, что не были похожи на его, но все-таки число этих машин разных цветов вряд ли превысило число в пятнадцать или двадцать. Они парили над улицами города и летели между домов, конструкция аэромобилей представляла собой в большинстве некие самолетоподобные корпуса, форма их была обтекаемая, а сами машины увенчивались небольшими крыльями. На самом деле, это было более решение дизайна, чем нечто особенно нужное, аэромобили перемещались за счет небольших движков, которые сейчас светились синими огнями и служили основной движущей силой машин. Спереди находились и поворотные двигатели, которые с помощью движения рычага изменяли движение в том или ином направлении, вплоть до изменения направления полета вверх или вниз. Таким образом и двигался желтоватый «Стриж» Баукуса. Что было особенного в этой машине, так это то, что «Стриж» обладал практически формой самолета, если не считать того, что его крылья были значительно короче и в размахе были от силы пять метров с учетом корпуса. А вот хвост машины был как у самолета, правда, вбирал в себя крупный двигатель горевший синим огнем. «Стриж» обладал лишь двумя сидениями, из-за чего Баукус обычно ездил лишь с Гирей или, теперь, на его место сел Ирвин.

— Машинка, конечно, охрентельная, — проговорил человек с заднего сидения. — И

каким образом это стало аэромобилем, директор?

— Скажем так, единственная причина назвать «Стрижа» аэромобилем — это вертикальный взлет и посадка, на самом деле, довольно странное судно, но мне нравится. Вся эта эстетика полетов на древних машинах прошлого... М-м-м-м-м...

— Хреновый у тебя вкус, — отозвался Ирвин.

— Ай! Ничего ты не понимаешь. Это же, по сути, раритет! Это одна из первых моделей аэромобиля, наиболее легкая и поворотливая, ну, то есть... Здесь все плюсы самолета, и почти нет его минусов.

— Ага. Кроме того, что инженер испытывал любовь к истребителям века эдак двадцатого, если не девятнадцатого. Это же надо придумать! Два, мать его, места для пилотов!

— Зато я не чувствую твоего несвежего дыхания, — хохотнул Максимилиан.

— Ха-ха-ха! Смешно.

— Кстати. А ты вообще знаешь, что существует такая вещь, как зубная щетка? У тебя вечно несет изо рта! Ты хоть раз в жизни чистил зубы? — спросил Баукус, пытаясь подстебать Ирвина.

— Это связано с нарушениями в желудке, и не только. На самом деле, я гнию изнутри. Мне недолго осталось жить, поэтому шутка несмешная. С легкими что-то, временами тяжело становится, но я уже привык, если на обезболе сижу, тогда как-то легче становится. Это дело, кажись, меня и угробит в бою. Иногда реально начинается одышка, а порой задыхаюсь, особенно если по легким прилетит, — проговорил довольно спокойно Ирвин, наблюдая за тем, что происходило на улицах, Максимилиану же стало как-то неприятно от этой его шутки. Там внизу слонялись словно зомби те, кого Ирвин и людьми не считал.

Вдруг... Вниз пролетело что-то, смутно напоминавшее человека. Ирвин уставился вниз и увидел то, как по бетону растекалась кровь, тело было всмятку, местами было разорвано. Он или она спрыгнуло с одного из этих высоких зданий, судя по тому, что от этого нечто осталось, этажа с тридцатого.

— Ты глянь... Опять кто-то с собой кончил, — прокомментировал Ирвин становление человека птицей, летящей вниз.

— Угу... Ужасно. Интересно... Кем он был? Офисный планктон или какой-то бизнесмен?

— Да насрать. Таких нынче куча. Может, и простой работяга, — Ирвин явно относился к этому всему, как к данности, а волнения Максимилиана его никак не волновали.

— Ну, нет. Работяга в районах центра редко живет. Тут больше служащие, офисный планктон, более-менее хорошо оплачиваемые специалисты и бизнес живет, поэтому интересно, кем он был. Возможно, что покончил с собой кто-то достойный все-таки, — спокойно проговорил Максимилиан, а Ирвин усмехнулся.

— Если он наложил на себя руки, он уже не ахти какой достойный. Очередной слабак, не справившийся со своей жизненной ношей... Ах... Она ведь такая тяжелая! Лучше бы спился, пошел в разбой или сел на иглу. К этим у меня больше уважения, чем к суицидникам. Да, жизнь штука поганая, однако жизнь один раз нам дается и, если уж помирать, то помирать как-нибудь иначе. Вот сам посуди... Вот сейчас он расплылся кровью и шматками мяса по улице. Допустим, что там шла мамочка с ребенком, а этот пидор упал прямо перед ними. Как думаешь? Каковы ощущения у ребенка? Это же психологическая травма. Я лучше уж пожалею эту мамочку с ребенком, чем эту гниду,

которая кончила с собой для всех напоказ. Хочешь кончить с собой? Запрись в квартире и вздернись. Никому твои суициды не нужны, — Ирвин говорил это довольно-таки спокойно, но одновременно с этим чувствовалась какая-то ненависть.

— Да ты, Ирвин, мизантроп.

— Кто? — спросил человек. — Ты меня типа оскорбил?

— Неа. Мизантроп — это человеконенавистник, если говорить «по-умному», — усмехнулся Максимилиан.

— Ага... Ну, ладно. В принципе, согласен. Возьму позывной «Мизантроп», хотя он больно длинный и неудобный для выговаривания, но тоже пойдет. Пусть будет кличкой, а позывной, как и ранее, «Труп».

— Кстати... Почему такой позывной?

— Да... Был один случай... Я тогда чуть жмуром не стал. Ну... Случилось это давненько, еще до первой отсидки. Мы тогда с пацанами налетели на каких-то гопников, не очень помню, что там было уже, но вот мне по черепу зарядили чем-то тяжелым, так я чуть не откинулся. Ну и... В честь моего выздоровления и первой ходки на тюрму, дали мне прозвище «Труп», ибо это... Надо же, в первой драке, и чуть не отлететь. Тогда, короче, пару этих пацанов порешили, ну типа... Из-за меня. Ну и, я, в итоге, не пострадавшим оказался, а подельником, вот меня и загребли, плюс за нами еще пара делов числилась, но огребли мы именно из-за этих гопников, а потом на нас еще пару глухарей повесили. С какой-то девкой якобы групповуху производили, потом зарезали, да еще чего-то загнали нам. В общем, не повезло нам с гопниками, ну и, так как я, считай, подсудимым стал почти в овощном состоянии, погоняло получил соответствующее. Труп. Но... Оно мне, кстати, нравится.

— А чем?

— Чем-чем? Это позволяет мне шутить о том, что «Что мертво — умереть не может». В общем, я типа некая нежить нынче, даже в ЧВК. Да и... Если уже по-чесноку... Меня как-то пули особо не берут. Реально, ни одного ранения за последнее время. Так, царапины. Может, и позывной спасает. Верить или нет, но реально выходит так, что меня с той самой комы ни разу тяжелое ранение не встречало. Иногда, конечно, избивали хорошенько, даже однажды чуть кишки не выпустили, но, в целом, как-то милует. Так можно и в Бога, наверное, уверовать, ибо хранит же меня кто-то или что-то. Хотя... Может это я с лохами воевал. Кто знает? — усмехнулся человек, когда начали включаться посадочные двигатели, а передние изменили угол наклона на девяносто градусов от корпуса к земле. Слышалось так же и то, как выходили шасси.

Машина опустилась на специальной стоянке возле здания крематория, где уже было много людей. Они пришли попрощаться с Баукусом старшим.

— Останься здесь, Ирвин, — проговорил человек, выскакивая из первой двери.

Здание это было трехэтажное, довольно сильно выбивающееся из общей картины города, но в отличие от остальных зданий, оно во многом представляло собой нечто, что можно было бы назвать идеальным местом трупосожжения. Трупосожжения со всеми почестями. Стены были выкрашены в черный, а местами на них были рисунки в виде огней, которые должны были указать как на задачу этого учреждения, так и создать некую атмосферу того, что человек сгорая в печах, как бы отдавал свое тепло миру и вселенной.

— Максимилиан Баукус? — спросил высокий мужчина в черном пиджаке и при черном галстуке, волосы его были седыми, а лицо было покрыто морщинами.

— Да. Я пришел проститься с отцом, — проговорил человек, смотря на мужчину чуть

снизу.

— Должно быть, Вы исправились, раз уж отец разрешил впустить Вас на свои похороны, да и в палату давал войти. Я директор школы двадцать семь Аркадий Милюков, Ваш отец был отличным учителем, быть может, пророчил Вам то же самое, но Вы его разочаровали, — как-то мрачно проговорил человек.

— Я знаю, господин Милюков. Мне кажется, что нет смысла в очередной раз напоминать об этом. Тем более, в такой день. Не смотрите на то, что на моем лице нет слез, а в глазах скорби. Потеря отца для меня — не меньшая трагедия, чем для Вас, но я, к сожалению, довольно сильно очерствел в этом плане за время работы в МилитариКорп. Смерть — это частое явление, поэтому незачем убиваться всегда и везде, когда кто-либо умирает, даже в случае если это родственник, — Баукус говорил это спокойно, выдержанно и отчасти по-директорски.

— Хладнокровия Вам не занимать... И в кого же Вы таким уродились? — спросил человек, глядя на директора.

— Вероятно, в себя, ибо отец и мать были довольно эмоциональны, а более старших родственников я помню довольно смутно, сами понимаете... Большая часть не дожила, а единственный дедушка по отцовской линии умер, когда мне было три года, но насколько я знаю... Ни один из моих родных не был профессиональным военным или преступником, коим являюсь я.

— И Вы так спокойно об этом говорите? — к Баукусу подошла какая-то молодая девушка, почти ребенок, ростом невелика, в очках, волосы спрятаны под черным беретом, лицо с тонкими чертами, все бледное, а в голубых глазах то и дело сверкали слезинки.

— Вы, должно быть, Ванесса Киблик... Лучшая из учениц моего отца, которая вышла на планетарный уровень олимпиады по обществознанию, кажется, — он протянул свою руку девушке, но та проигнорировала это движение. — Что ж... Да. Я так спокойно говорю об этом. Потому что мне нечего скрывать, девочка. Я был человеком, который даже рядом не достоин со своим отцом находиться, но сейчас я являюсь одним из тех, кто стал одним из последних барьеров для толстосумов-центрариев. Как минимум, за счет этого я имею право быть достойным хотя бы слегка доброжелательного отношения.

— Вы бывали у своего отца реже, чем у него в больнице бывала я. Так какой же Вы сын? — спросила девушка, глядя в глаза человека, а тот, не выдержав осуждения этих, кажется, детских, но таких несвоевременно взрослых глаз, ненадолго отвел взгляд, а после снова посмотрел на нее с легкой улыбкой.

— Плохой, — ответил он спокойно. — Худший, но все-таки я несколько раз навестил отца. Может быть, я и не столь плох? Как думаете, директор? — обратился он к Милюкову.

— Да. Вы не столь плохи, но и не столь хороши, чтобы быть здесь. Уходите, — проговорил директор, глядя на сына умершего.

— Вы серьезно? — спросил Баукус, глядя на человека с легким недоумением.

— Я серьезно. Что Вы можете сказать людям вокруг? Это именно Вы не дали шанса своему отцу победить онкологию на раннем этапе! Он ведь Вам писал, просил о помощи, но Вы почему-то не отвечали.

— Скажите, пожалуйста, откуда у Вас эта информация? — спросил Баукус, смотря на директора, а в глазах его начинала играть ярость.

— Ричард сам говорил это мне.

— Подскажите, когда он это говорил? — Баукус начинал напирать на директора. —

Подскажите все-таки, ибо я ни одного письма не видел, а Вы на меня сейчас клеветаете.

— Он говорил об этом до того, как сюда прибыла Карения, — мрачно сказал директор.

— Прекрасно... А есть хоть одно доказательство того, что Вы не лжете? — Баукус быстро открыл почту на телефоне, а после вбил в поиск время с начала заболевания до прибытия на планету первых директоров экспроприации в сентябре две тысячи пятьсот семьдесят девятого года, после чего ввел почту своего отца, которую помнил наизусть. — Смотрите. Ни одного письма. Или Вы скажете, что я просто подчистил эти письма?

— Не скажу, — директор нахмурился, глядя в пустой список писем на почте Максимилиана, а после отошел, а девушка осталась рядом с Баукусом.

— Дайте мне тоже посмотреть, — проговорила она, громко сглотнув, а Баукус сразу остыл и показал планшет девушке. — Ни единого...

— Ну, а ты, малышка, думала, что я настолько чудовище? — улыбнулся Максимилиан, положив левую руку на плечи девушки, она вся дрожала, снова послышались всхлипы, а директор прижал ее к себе и начал поглаживать по спине. — Ну, тише, милая... Мой отец действительно был хорошим человеком, но ведь твоя жизнь только начинается. Ты прекрасная девочка, тебе всего шестнадцать, а ты уже будто себя саму в гроб вгоняешь. Успокойся, пожалуйста. Ричард бы не хотел того, чтобы ты плакала, поэтому, пожалуйста, успокойся... — голос его стал вдруг каким-то не таким, в нем слышалась какая-то нежность и даже любовь, вряд ли он симулировал, все-таки актером младший Баукус не был, но был тем, кто все-таки даже через года работы в МилитариКорп любил детей.

— Понимаете, Максимилиан... Я... — девочка снова замолчала, уткнувшись в атлетичную грудь директора.

— Называй меня просто Макс. Не люблю, когда меня называют так официально, тем более те, кто не связан со мной работой, — он продолжал поглаживать ее спину, закрытую черным пальто. — Понимаешь... Жизнь такая штука, которая очень легко забирает самых близких. Я помню то, как потерял мать. Да. С ней я ладил даже тогда, когда стал недостойным для отца. Я помню, как он не пустил меня на кремацию. Мне было очень больно, но тогда я и понял одно. Боль — это нечто проходящее и лучше, чтобы эта боль проходила как можно быстрее, вне зависимости от того, насколько тяжела та или иная рана. Да... Я говорю о чем-то сложном слишком просто, но тебе тоже нужно это понять.

— Понимаете... Ричард был чем-то большим, чем просто учитель, — она снова всхлипнула, а Баукус закусил губу. — Понимаете... Мы с ним проводили больше времени, чем я с родителями. Он... Он называл меня своей единственной дочкой. Той, кто станет на его место, когда он уйдет. Он говорил о том, что я должна быть лучше, чем Вы. Стать заменой Вас для него...

Каждое слово этой маленькой и хрупкой девочки почему-то ранило Баукуса сильнее, чем что-либо другое. Было понятно, что отец хотел заменить его совершенно чужим ребенком, чтобы заглушить ту боль, которую оставил Максимилиан, не сдержавший обещаний. Да. Он обещал отцу, что станет наследником его великого дела. Да. Он много чего обещал, но ничего из этого не выполнил. Вероятно, самого Максимилиана даже не запомнит история, а если и запомнит, то не тем, кем он хотел стать когда-то давно в детстве.

Он вздохнул, встал на колени перед девочкой и улыбнулся.

— Ты лучше меня, Ванесса. И, наверное, ты настоящая дочь моего отца, ибо я не оправдал возложенных на меня надежд, а вот ты станешь продолжательницей дела отца. И, знаешь... Я думаю, что ты добьешься успехов, Ванесса, я уверен в этом. Ты будешь лучше

меня, и даже... Даже превзойдешь отца в деле просвещения детей, ведь ты светлая и добрая девочка, которая готова, похоже, на очень многое ради того, чтобы сеять свет вокруг. Пожалуйста, Ванесса, обещай мне, что когда я вернусь из Столицы со съезда директоров МилитариКорп, ты позволишь мне... Сводить тебя куда-нибудь. Куда ты захочешь. Я бы хотел поговорить с тобой в более приятной обстановке, — он говорил эти слова с искренней улыбкой, кажется, что он понял то, почему его отец не чаял души в этом прелестном создании, которое сейчас тряслось от боли и холода, которые поселились внутри со смертью, вероятно, лучшего учителя, которого только можно было себе представить.

— Хорошо... Я... Обещаю это Вам, Максим Баукус, — после этих слов он поднялся с асфальта и поцеловал девушку в щечку, отчего она слегка покраснела, но осталась рядом с этим высоким человеком, что теперь шел ко входу в крематорий.

Десятки людей шли внутрь... На лицах каждого из них читалась какая-то страшная печаль и, пожалуй, только Ванесса и Максимилиан шли более-менее спокойно, она прижалась к Баукусу младшему, а он держал девочку за плечи. Она едва достигала его плеча, а он сам был где-то метр восемьдесят.

...

Здание внутри было значительно более светлым, чем снаружи. Здесь, в зале кремации, возле огромного гроба в центре, все было в каких-то бежевых тонах. Возле гроба стоял какой-то человек в черном балахоне, видимо, это была некая дань прошлому, когда люди в рясах отпевали усопших, теперь же «отпевающий» отвечал лишь за функцию трупосожжения. Он стоял мрачной фигурой, возвышаясь над людьми за счет небольшой платформы, на которой и находился прозрачный гроб. В нем и лежал Ричард Баукус, который даже в своей смерти не растерял какой-то особенной красоты, его аккуратный нос, легкие морщины и добрые даже в закрытом состоянии глаза, он будто и не был мертв, он просто заснул в своем обычном каждодневном костюме, в котором он и ходил в школу.

Первым к гробу вошел тучный мужчина в черном костюме... Мэр города. Августин Клаудиус Сципион, он стоял перед людьми с мрачным лицом. Баукус Старший был человеком, который был дорог даже для Августина... Это же надо? В голове Максимилиана даже не укладывалось то, что такой крупный во всех планах человек пришел попрощаться с его отцом. Вскоре человек начал свою речь.

— Ричард Баукус, сын Андерса, — это в действительности великий человек. Я сам прошел через его класс и... Мне очень больно видеть моего учителя сейчас в крематории, — голос его был звучным и четким, даже красивым, несмотря на всю общую безобразность облика с двумя подбородками и какими-то странными, глубоко посаженными глазками, бегавшими по залу. — Ричард Баукус являлся одним из самых сильных учителей, которых когда-либо видел Кирен-1, но я надеюсь на то, что наш замечательный город даст нам еще подобных людей. Я помню то, как он умел дисциплинировать нас, шалопаев, которые не желали ни учиться, ни, хотя бы, спокойно сидеть. Я помню, как в самом начале... Мне сложно давалась история, но потом... Как-то он все объяснял понятно и ясно. Разжевывал то, каким образом происходили те или иные процессы, позволял выводить определенные закономерности вместо того, чтобы давать какую-то фактологическую базу, из которой ты как-то самостоятельно, не зная теории, должен был бы вывести какие-то последовательности. Я помню то, как слушал недавно наших детей и, понимаю, что наше образование делает поворот не туда, я помню то, как они называли следствием то, что в принципе не является чем-то вытекающим из «причины». Им не знаком простейший закон,

то есть... Следствие — не значит результат. Сейчас приведу пример, как какой-то мальчик сказал о том, что Рихард Бур проводил свои репрессивные меры из-за того, что был убит его сын. На самом деле, это не так... Нет. Бур производил все это не из личной мести, а исходя из тех фактов, которые образовались вокруг. Бандитизм, разбой, терроризм, конечно, и убийство сына тоже сыграло свою роль, но это не причина всей его бесчеловечной политики, равно как и месть за все содеянное им во время его правления, — не причина его смерти. Нет. Гос Безопасность ликвидировала Бура не из-за того, что хотела отомстить за десятки тысяч смертей по всей Федерации. Гос Безопасность была сама по локоть в крови. Она ликвидировала Бура из-за того, что тот начал наступать на их интересы, а также на интересы других промышленников и прочих-прочих, а ведь в учебниках обеляют Гос Безопасность и пытаются показать ее чем-то правильным, белым и пушистым, однако это не так, и вот он, — человек положил руку на прозрачный гроб. — Учил тому, чтобы не верить на слово учебнику, но зато обучал поиску тех или иных источников, за счет которых ты и мог сформировать правильное знание вокруг того или иного события. Прощай, Ричард, ты был лучшим из тех людей, которых я видел среди педагогов, — мэр был подавлен, еле скрывал слезы, с его лба и висков стекал холодный пот. Ричард не сообщал о своей болезни никому, даже собственному сыну, а ведь его ученик тоже мог спасти его жизнь, только вот... Почему Баукус Старший решил уйти из мира так рано?

Следующим на пьедестал взошел Милюков, который обвел зал своим мрачным взглядом. Кажется, что ему было тяжело стоять, но все-таки он держал осанку.

— Я, к сожалению, не смогу так многословно высказаться по поводу господина Баукуса, но я все-таки хочу сказать, что я не видел еще столь преданных делу педагогов. Он был с детьми даже тогда, когда умирал... И Ванесса, его ограненный алмаз, может это доказать. Она сегодня здесь, и я надеюсь на то, что сможет сказать хотя бы небольшую речь в память о своем учителе, но... Сегодня среди нас находится еще один человек, — директор мрачно улыбнулся, а Максимилиан прямо-таки почувствовал неладное. — Максимилиан Баукус! Да. Тот самый, который бросил своего отца на растерзание болезни. Тот самый, что развлекался с разными девками, пока его отец умирал. Тот самый, что не пришел на кремацию своей матери. Я хочу, чтобы этот человек вышел сюда и посмотрел в глаза тем, кто были учениками и коллегами моего лучшего друга. Прощайте, мой старый друг, — человек положил руку на гроб, а после отошел от гроба.

Баукуса прямо-таки трясло от злобы... Этот старикан поплатится за то, что сейчас сказал, но не сегодня, а когда-нибудь потом. Максимилиан пошел вперед, а люди награждали его самыми враждебными взглядами, кто-то даже толкнул его, но Баукус не обратил особенного внимания, просто довольно быстро поймал равновесие. Он взошел к гробу и положил на него руку.

— Скажите мне, мэр. Писал ли Вам господин Баукус, по поводу своей болезни? — спросил человек, посмотрев на толстяка, который одарил сына своего учителя недобрым взглядом. — Должно быть, нет, раз уж мой отец сейчас лежит в большом гробу-крематории. Я не собираюсь превращать похороны моего отца в место сведения счетов, а также не буду говорить о том, что он делал нехорошего по отношению ко мне. Но скажу только, что мне непонятно, почему он никому не сообщил о своей болезни. Я бы в миг примчался к нему, если бы знал об этом, но старик умолчал. Так же, как умолчал об этом и всем Вам. Да. Вы можете избить меня после того, как мы выйдем на улицу. Гляжу, тут есть много крепких парней, которые одаривают меня не лучшими взглядами. Но сейчас не об этом, я кое-что

хочу сказать о моем отце, — человек подошел к изголовью гроба, а после с улыбкой посмотрел на доброе, даже после смерти, лицо отца. — Я навсегда запомню то, как мой отец улыбался, когда отправлял меня в детский сад, потом в первый класс, а затем и на педагогическое направление в ВУЗ, и я навсегда запомню то, как он ругал меня за то, что я пошел другим путем. Я полностью раскаиваюсь перед тобой, отец, и перед вами, пришедшие сюда. Я недостоин того, чтобы находиться здесь, чтобы развеять прах по ветру, поэтому это все я предоставлю вам. Но... У гроба своего отца я хочу дать обещание, что я стану гораздо более лучшим человеком, чем я являлся ранее. Я даю это обещание не вам, поверившим какой-то старой калоше, которая почему-то испытывает ко мне какую-то дикую ненависть. Я даю это обещание маленькой девочке, которая затерялась среди вас, мои сограждане, ибо только эта девочка видела и знает, что не я виновен в гибели своего отца. Я не знаю, что это было, что им двигало, но я надеюсь на то, что умолчал он о своей болезни осознанно, что была у него какая-то цель. А теперь прошу Ванессу выйти ко мне. Я беру опеку над этой девочкой, как ранее ее взял мой отец, хоть в чем-то я должен быть его наследником.

Ванесса медленно шла среди людей, а они расходились перед этой маленькой героиней. Она шла к тому, кого оклеветали прямо на похоронах, тот же лишь как-то болезненно улыбался. Девушка встала рядом с Баукусом, а он взял ее руку.

— Я бы хотела сказать о том, что сын Ричарда похож на своего отца. Он столь же добр и... Мудр. Это... В защиту того, кто пообещал мне стать лучше, — лица в зале отчего-то начали становиться не злыми, но какими-то блеклыми, на некоторых возникали слезы, а на некоторых мрак печали, к последним относилось и лицо мэра. — Ричард Баукус был отличным учителем, которому я и обязана своей планетарной известности, хоть сейчас этому и уделяют мало внимания. Я обещала Ричарду, что стану тем, кто будет лучше его сына, но я вижу, что он тоже хороший, я просто пойду по пути Ричарда Баукуса и только этим стану лучше Максимилиана Баукуса. Я хотела бы поблагодарить Ричарда за все те дни, которые он провел со мной. За то, как мы вместе пили чай и обсуждали политику. За то, как он проводил для меня специальные уроки для освоения и понимания тех или иных процессов в нашем обществе и в Федерации. За то, как он посвятил меня в настоящую историю новейшего времени. За то, как показал столь многое в нашем мире. Я, пожалуй, закончу, — проговорила девочка, а Баукус Младший, прижав ее к себе, повел сквозь толпу, он буквально чувствовал то, как земля уходит у нее из-под ног, поэтому и держал как можно крепче, не давая упасть.

Следующим к гробу подошел человек в военной кепке темно-синего цвета, шок-пех... Никто иной, как капитан шок-пеха Уиклифф, он вздохнул и оскалился.

— Столько всего интересного было сказано сегодня здесь... Хоть прямо сейчас бери и заводи определенные дела, но... Я пришел не за этим, — человек улыбнулся мэру, который тут же побледнел. — Я тоже учился у господина Баукуса и, пожалуй, это единственный повод, почему я не взял его за антигосударственную пропаганду. Господин Баукус был отличным учителем, и именно ему я благодарен тем, что я смог получить ту логическую систему в мозгах, которой сейчас пользуюсь. Многие мои сослуживцы также прошли через эти руки и, пожалуй, только поэтому господин Баукус оставался той фигурой, против которой ни один гад не имел права заикнуться. Я обязан поблагодарить господина Баукуса за то, что он обучил нас тому, что мы умеем теперь. Да. Когда я учился, Ричард еще был молодым учителем. Да. Тогда он еще не обладал всей этой системой, которой обладает теперь... Да. Именно теперь, — Уиклифф вздохнул. — Посмертно. Я могу сказать, что в

таких людях, как господин Баукус, нуждалась бы Федерация, если бы он преподавал в другой сфере. Я не раз предлагал моему учителю пойти преподавать в военное училище, но он все отказывался, вероятно, ему претило преподавать шок-пеху. Надеюсь, что господин Баукус, простит меня за мою навязчивость, но теперь он лишь история, пусть и история яркая. Я рад тому, что учился у этого человека, а теперь прошу простить... Я, пожалуй, пойду, а то мало ли еще какие-нибудь антиправительственные высказывания возникнут и будет ой как плохо, — капитан шок-пеха улыбнулся, после чего ударил себя в грудь правой рукой и промаршировал на выход.

...

— Ну, что? — спросил Ирвин, смотря на Баукуса, идущего вместе с Ванессой. — Мне полагаю, следует идти домой пешком?

— Да, — кратко и четко сказал человек, после чего посадил Ванессу на заднее сидение.

— Ну, ладно... Не думал, что ты педофил, — усмехнулся Ирвин.

— Ха-ха-ха! Смешно... Уже время позднее, а девочка должна одна на монорельсе куда-то ехать. Уж лучше довезу. Пока, Ирвин, — проговорил Баукус, закрывая заднюю дверь, на душе у него было как-то тяжело после всего этого дня.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Трейд-2, Станция погрузки,
19.01.2580, 07:00

Романо стоял перед одним из транспортников. Он посмотрел на своих бойцов, бойцов ЧВК и бойцов Калинина. Все эти парни явно слегка нервничали, хотя многие из них сохраняли спокойствие. Романо и сам был в слегка подвешенном состоянии, весь этот план напоминал одну большую авантюру, которая могла перерасти в огромный провал, хотя сейчас было уже поздно поворачивать назад.

В скором времени к ним подошел водитель ведущего грузовика.

— Ну, господин Романо, карета, как говорится, доставлена. Вы будете ехать в загонах. Сейчас в моей машине имеется груз в виде итарисианцев, а у них есть довольно разговорчивый старейшина, Вам, наверное, было бы интересно прикоснуться к истории, — человек этот был крепким, напоминал чем-то военного, но былую статью уже растерял, под футболкой находилось не большое, но и не маленькое пузо, харя этого кабана была отожранной до второго подбородка и обладала множеством мелких шрамов, оставшихся от веселой молодости. — Че касается перевозки? Вы будете не в закрытых загонах, мы там оборудовали небольшие спальные места и все в этом духе, в общем, цивильненько стало нынче. Во время поездки нас будут проверять, скорее всего, уже конкретно на подъездах к Столице, но парни там, что называется, «свои» и они за денежку закроют на все глаза. Че еще? Ну, с животными играть особо не надо, пить внутри запрещаю, ибо есть виды животных, которые запах алкоголя воспринимают враждебно, особенно это касается итарисианских рапторов из третьего грузовика. Эти твари итарисианцами использовались как некие подобия скакунов, но скакунов непростых. Эти скакуны могут откусить полморды любому, кто им не понравится, кроме этого... Они враждебны к людям, что-то им в нашей «химии» не нравится, а если человек пьян, тогда еще хуже. Все выделения обладают определенным химическим составом, от пота до мочи, и вот им наше химическое пиво не нравится не только в первоначальном виде, но и в виде переработанном. Я полагаю, что это связано как раз с химией, потому что, ну... Был один эксперимент, когда, кхм... — человек прикусил язык.

— Ну, коли начал, так заканчивай! — выкрикнул Колленс, от которого, как обычно, отдавало перегаром, а кто-то в строю начал даже ржать из-за его выпада с подъемом вверх правой руки с вытянутым указательным пальцем.

— Ну вот, если Вы пили пиво марок «Бренд», «Корсар», «Скандинавия», «Тевтон» «Хмельной Кэп» и, в общем, все другие варианты магазинного пива — оно взбесится, пробьет щиты и сожрет Вас, ну и тех, кто с Вами ехал, тоже. Я за это ответственности нести не буду, ну, кстати... Я погорячился с тем, что сожрет, на самом деле вас разорвут на части, а проглоченные куски выблюют на ваши трупы. В целом, картина не очень красивая. Раптор — это нечто, что не переносит нашу химию, а также имеет такую силу, которая может пробить энергетический щит, не с первого раза, но с раза десятого вместе с помощью других рапторов. Ну, по поводу эксперимента... Как известно, Федерация не славится особой гуманностью и приговоренных к смертной казни часто используют для опытов, ну и вот... Наши ученые выбили к себе двух маньяков, одного террориста и еще какую-то тварь, не

помню, что за статья была. Ну и, одного маньяка напоили пивом химическим, другого пивом натуральным, террориста водкой химической, а тварь самогоном. Ну и... Что бы вы думали? Террорист и маньяк номер один — были сожраны. Тварь же и маньяк номер два — выжили, ну, как... Сначала их выставляли к сытым рапторам, ну и тем было лень убивать людишек, а потом к голодным бросили в том же состоянии, ну и... Рапторы их съели. Что следует отметить, так это то, что раптор в обычном состоянии не сильно жесток, он просто перекусывает шею, а далее жрет. Смерть практически мгновенная, ну а вот раптор, разъяренный запахом химии... Ну... — человек помолчал, перевалился с ноги на ногу. — Будет терзать вас относительно долго. Он, как бы, в этом случае сразу не убивает. Он старается нанести максимальную боль, а еще, кажется, пытается ликвидировать запах, поэтому Ваша смерть будет максимально жестокой, болезненной и бесчестной, ну... Он на Вас после этого всего нагадит.

После всех этих слов Колленс переглянулся с ЧОПовцами и довольно громко сглотнул.

— У, бля... Мало того, что разорвет гнида, так еще и насерет... Фу... Не! Я в этом грузовике не поеду! — громко проговорил Колленс, после чего засмеялся уже Койот, а также пара других вольных стрелков, которые успели прилететь к выезду на транспортниках.

— Чего смеетесь? Это ваш коллега, — проговорил Романо, посмотрев на Койота.

— Хе-хе... Ох... А заправляется, чтоб руки не тряслись, он водкой и пивом? — спросил Койот, оскалившись.

— Ну, знаешь... Он смог с двухсот пятидесяти метров сбить монетку диаметром, кажется, два с половиной сантиметра, это с прицелом, а без прицела сбил монетку в два сантиметра со ста метров, поэтому, думается мне, что он неплохой снайпер. Со своими изъянами, вроде пьянства, но, в целом, неплох. Кроме этого, ваши коллеги, а именно Гришка Жнец, давали ему характеристику, как толковому бойцу, который знает то, что такое прикрытие товарищей, и прочее-прочее-прочее. Кроме того, Колленс смог пересилить свой страх высоты и подняться на высоту пятиэтажного здания. Не знаю уж, сможет ли подняться на высоту в тридцать этажей, но Жнец обещал помочь ему с этим, — после этих слов Койот присвистнул.

— Ага. Значит, он крепкий боец, ну, поглядим, как он себя покажет в деле, а пока это пустой треп, он ЧОПа, а не солдат.

— Я бы не сказал, — вмешался уже Паук. — Колленс носит звание ефрейтора, то есть он был солдатом. Само пьянство было вызвано тем, что ему пришлось пережить на войне, поэтому на Вашем месте, рядовой запаса Андрей Кирилович, я бы молчал в тряпочку, — на губах Иоганна появилась мертвенная улыбка, которая сразу отбило всякое желание у Койота спорить с этим полутрупом с восемью глазами.

— Ну, давайте грузиться! — проговорил водитель главного транспортника довольно громко, чтобы все услышали.

...

Было их сорок два человека, и размещались они в четыре транспортера так, что в трех разместилось по одиннадцать. Романо в свою группу взял всех своих телохранителей, включая Романо, их было семь, а также Колленса и трех снайперов. Койот же отправился в третий грузовик, очень уж ему хотелось посмотреть на рапторов.

Билли и Джек снова болтали, к ним присоединились и амбалы Романо, Колленс же предпочел прилечь поспать на одной из двуспальных кроватей внутри просторного помещения загона, снайперы расположились отдельно. В конце и в начале транспортника

расположились посты полицейской охраны, которые всегда сопровождали подобные транспортники. Романо отнесся к этим людям скептически, в силу того, что они спокойно могли работать с МилитариКорп, что ставило под угрозу всю миссию, но сейчас, чтобы отвлечься от этих мыслей, он подошел к экранированному загону.

На противоположной стороне находилось пятнадцать гуманоидов, которые слабо походили на человека из-за своих вытянутых голов, относительно длинных и тонких жилистых шей. Их руки были четырехпалыми, большой палец был также противопоставлен на руке остальным трем, а мизинец и безымянный будто бы были сращены. Глаза существ были примерно как у людей, только вот были расположены на самом лбу, а прикрывались лишь слабой надбровной дугой. Кажется, они были расположены таким образом для того, чтобы итарисианец мог спокойно выглядывать из тех или иных зарослей и не только. Тела их были скорее жилистыми, чем мускулистыми. Возможно, что это было связано с плохим рационом, сейчас их тела были полностью сухи. Только старейшина выделялся хоть какой-то плотностью тела, а может, это было лишь обманом зрения, ибо на нем был какой-то балахон, который был сделан уже из человеческих материалов. Балахон закрывал все тело, включая ноги, и, кажется, имел некий корсет, но не в юбке, как у многих дам прошлого, а в плечах. Именно поэтому итарисианец выглядел столь крепким, корсет позволял ему выглядеть более грозно и, вероятно, должен был передаваться по наследству между старейшинами. А вот другие итарисианцы...

Романо присмотрелся. Женщины обладали лишь некими подобиями набедренных повязок, маленькие итарисианцы вовсе бегали голыми, хотя тут было довольно холодно... Мужчины же были одеты лучше. Двое из них, вероятно, воины, относительно крепкие, были одеты в некое подобие брони, которая сделана из пластстали, да и под броней виднелись какие-то толстые ткани.

Романо ужасало то, насколько бесчеловечным было обращение с этой малой расой. Тогда к нему подошел один из полицейских.

— Любуетесь, господин Романо? — спросил он, как-то странно улыбнувшись.

— Скорее ужасаюсь. Они же не животные, а их положение будет хуже, чем у индейцев в резервациях. Почему такое отношение? — спросил Романо, посмотрев в желтоватые радужки глаз полицейского.

— Ну... Они сами это заслужили. Их раньше больше было, но один раз они попытались бежать из зоопарка, убили одного моего товарища и теперь они имеют довольно слабый рацион. Ну и... Еще одно. Вот эти воины согласились сотрудничать с нами, поэтому они хорошо одеты, даже бронированы, и в еде особенно не нуждаются. Более того, каждая из этих итарисианок готова отдаться любому из них, ибо в этом случае она тоже получит пищу. Поэтому, эти два итарисианца меняют своих половых партнеров минимум два раза в неделю. Но, как понимаешь, это не сильно помогает, — человек говорил об этом, улыбаясь.

— Вы хотите их уничтожить? — спросил Романо, глядя на человека.

— Ну-у-у-у-у... Да. А что? Вы хотите сказать, что жизнь человека стоит меньше, чем все это племя грязных варваров?

— Ну, точно стоит больше, чем ты, — Романо поднялся с пола, полицейский и не заметил, как возле его живота появился пистолет, пистолет был закрыт с одной стороны спиной Романо, а с другой стороны спиной полицейского. — Одно движение — и ты труп, а теперь слушай, — полицейский застыл, по спине его сразу же потек холодный пот. — Сейчас ты берешь весь рацион, который вы должны были выдать этому племени за сегодня,

и отдаешь им. Я уверен, что вы этот рацион не выдавали. Можешь мне поверить, если я захочу — я подстрою твой «суицид», и мне за это никто ничего не скажет, сволочь. Более того, я сообщу в федерационную инспекцию по правам «животных» о том, как вы содержите это племя, и можешь мне поверить, мало вам не покажется, ибо вы ставите под угрозу вымирания целый вид разумных существ. Уяснил? — спросил человек, глядя в глаза полицейского, а сам убирал пистолет под пальто.

— Ага... Уяснил, — парень как-то громко сглотнул, а после медленно, слегка покачиваясь, двинулся в направлении своего поста, в этот же момент к экрану подошел старейшина.

— О чем человек говорил с охранник? — спросило сторбленное существо, которое ранее, вероятно, было чуть выше Романо, а теперь глядело на него чуть снизу.

— Человек говорил о том, что охранники должны соблюдать ваш рацион, — проговорил Романо, снова садясь на пол.

— Человек думает, что он спасает племя Уцутха? Нет. Только смерть теперь является спасением для Уцутха, — проговорил старейшина, садясь напротив. — Человек поработил нас, человек истребил нас и уничтожил нашу планету своими каменными джунглями. Уцутха больше не хотят унижения. Лучше медленная смерть, чем долгое существование игрушкой для людей.

— Но... Среди вас есть дети, — проговорил Романо, смотря на старейшину.

— Дети — плод тех, кто перестал быть Уцутха. Жены Уцутха хотят выжить, но платят за это тем, что рожают детей от худших из мужей Уцутха. Вы сделали из нас животных, человек. Животных, которые почему-то умеют говорить, но не более, хотя и это скоро будет у нас отнято, — старейшина тяжело вздохнул, а Романо опустил глаза, сейчас он наблюдал за трагедией, которая сулила гибель целой расы и, кажется, что сказать ему было особенно нечего.

— Уцутха — это истинное название вашей расы? — спросил директор, глядя на итарисианца.

— Да. Уцутха — истинные хозяева планеты, которую люди называли Итарис. Вы уничтожили Уцутха, — голос старейшины был хриплым, а говорить ему, кажется, было довольно сложно.

— А что, если нет? — спросил Романо, глядя на поникшего уцутха.

— Что «нет»? Уцутха больше нет. Нас слишком мало, чтобы снова стать владыками мира, да и сами уцутха уже не те, — старейшина посмотрел на двух итарисианцев. — Это больше не уцутха — они итарисианцы, как человеческие жители мира. Я один из последних уцутха, до меня был вождь, который и повел уцутха против людей... После этого, человек, они специально надели на меня его парадную одежду. Ее одели для того, чтобы унижить все наше племя, показать то, насколько слабо оно, и то, как оно теряет последних уцутха. Мой век не будет долгим, ибо я не стану есть человеческой еды, но поверь мне, человек, я последний из своего рода или один из последних. Я знаю то, что сотни племен были порабощены людьми, но наш век не будет долог, — проговорил старейшина, глядя на Романо. — Скажи, человек... Сколько таких, как мы, было уничтожено вами?

— Имеешь в виду уцутха? — спросил Романо, глядя на старейшину.

— Нет. Других таких, как уцутха. Сколько выходцы с неба уничтожили малых рас? Как вы нас называете, — в этот момент его глаза с радужками золотого цвета будто налились кровью, в нем явно не было сил для того, чтобы сразиться с любым человеком, поэтому он

мог лишь ненавидеть.

— Точно мне известно о трех расах, — вздохнул Романо. — Не вспомню сейчас их названия, но они были полностью истреблены. Это только в пределах Федерации.

— Уцутха тоже пополнят их число. Почему ты не радуешься, человек? Вы ведь этого и хотите, но я не осуждаю... Окажись вы в наших руках — ваша судьба была бы такой же, если не хуже. Я помню те времена, когда люди покоряли Итарис. Я был совсем молодым воином и помню, как на своем арее врвался в лагерь человеческих воинов. Мы пользовались преимуществами местности, которую вы тогда еще слабо знали, тогда рапторы, как вы называете ареев, вгрызались в тела людей и рвали их на части. Мы теряли больше воинов, чем вы, но мы побеждали до тех пор, пока люди не стали использовать какие-то шарики с лучами смерти. Вы называете их «дроны». Эти маленькие чудовища были способны уничтожить целую армию уцутха. Целые города. А потом приходили вы, чтобы добивать выживших, — старейшина положил голову на руки, а шея его изогнулась под тяжестью головы.

— Не скажешь, как тебя зовут?

— Победителя не должно интересоваться имя побежденного, — уцутха поднял взгляд на Романо, а тот лишь кивнул.

— Возможно, что ты прав, уцутха, но людям интересно все.

— Победителя не должно интересоваться имя побежденного, — снова повторил старик, глядя на Романо.

— Да... Тогда скажи мне, уцутха... — Романо помолчал, а существо напротив посмотрело на него заинтересованным взглядом. — Скажи мне, уцутха. Что бы ты сделал, если бы я дал шанс вашей расе выжить?

— Уцутха убил бы тебя за все унижения, которые понес за жизнь здесь, — ответил старейшина без капли сожаления.

— А если бы возможности убить меня не было? — спросил Романо, смотря на уцутха заинтересованным взглядом.

— Тогда бы я сам убился о твоих защитников, — проговорило существо, поднимаясь. — Эта война кончится лишь уничтожением нас или вас. Уцутха погибнут точно, поэтому я даже не стану пробовать жить на месте, которое ты покажешь, человек. Наше спасение тобой — лишь очередное оскорбление уцутха. Победивший может освободить раба, но только в таком случае, когда искренне посчитает раба достойным того, чтобы отпустить его, но ты не равен уцутха, поэтому ты не считаешь раба достойным этого. Ты лишь бросишь нас на какой-то планете, сделав пленниками новой природы, которая чужда для нас. Уцутха более не хочет разговаривать с человеком. Уходи, — проговорил старейшина, возвращаясь назад в край помещения, где снова и сел, а Романо лишь вздохнул и вернулся в свой «загон».

...

Романо сидел на угловой кровати своего «загона» и видел то, как полицейские заносили пищу в загон уцутха, было внесено два больших контейнера, а два других копа прикрывали своих товарищей, приготовив ПП.

— Это Вы договорились с копами? — спросил паренек с щербатой улыбкой и едва пробивающейся щетиной на лице.

— Ну да... Они понимают только язык силы, судя по всему, — как-то печально проговорил человек, смотря на то, как старейшина продолжил сидеть в своем дальнем углу, не желая принимать пищу.

— Вы про итарисианцев?

— Нет. Про копов и всю эту мразь из «зоопарков», — проговорил тихо Романо.

— Мразь? — спросил с удивлением рыжий снайпер и позвал к себе двух других, одного высокого с бритой головой и небольшими усами, второго с короткой бородой и хищными черными глазами.

— Да. Мразь. Они решили голодом уцутха заморить, ну и... У них это получается, — человек указал на старейшину. — Он последний из истинных итарисианцев, ибо сохранил традиции.

— Уцутха? — спросил бритоголовый.

— Их собственное название. Итарис — это человеческий новодел, как и прозвание их расы. Сам посуди, их держат тут на правах животных, которые должны развлекать толпы обывал своим «неестественным» поведением. Хотя, как вижу, эти итарисианцы уже никого не повеселят, на них мышц-то особенно нет, кожа да кости, если не считать тех двух амбалов, — человек указал на двух бронированных. — Эти стали новыми «вождями» племени, а если точнее, их таковыми назначили. С этого момента итарисианки спят с ними ради хлеба для себя и своих детей. Проституция.

— Ага... — протянул щербатый. — А почему так?

— Якобы произошло восстание уцутха против охраны, кого-то из охранников убили, а дальше их решили заморить голодом. Это геноцид, но... Естественно, никто не назовет истребление инорасцев «геноцидом», ибо они же не достойны жизни. Они — животные, которые не вышли из родоплеменного строя и попались нашей великой военной машине, будучи неспособными дать ей отпор. Они не первая такая раса, — проговорил Романо с какой-то тяжестью. — Понимаете... Федерация — это одно из самых страшных явлений в истории человечества. Она жестока и к ним, и к своим подданным. Шок-пех ведь не зря свой хлеб ест. В общем... Ничего хорошего мы космосу так и не принесли, более того, мы несем гибель везде, куда ступаем.

— Хотите сказать, что те же рогарийцы лучше? — спросил на этот раз бородач с хищными глазами.

— Они хотя бы никого не истребляют. Порабощают — да, но их рабство патриархально во многом. Их раб порой может достигать каких-либо государственных постов, если того оказывается достоин. Их раб — это некто, кто гораздо более подвижен в плане социальной мобильности, чем средний пролетарий.

— Угу... А откуда Вы столько знаете о рогарийцах? Вы же какой-то директор, — улыбнулся бородач.

— Я воевал с ними и видел, как они сражаются, защищая своих жен, детей и рабов. Раб для них — член семьи, я не знаю случаев, когда раб был бы особенно озлоблен на своего хозяина.

— А как же гладиаторы? — спросил бритоголовый.

— Это отдельный вид рабов. Про них я ничего не читал, но мне достаточно того, что мне известно о том, насколько они добры по отношению к своим домашним. Их рабство и рабство людей — это два совершенно разных рабства, каждое из которых обладает своими минусами и ужасами, однако человеческое — это уничтожение культуры и представителей этой культуры, и эту гибель вы можете наблюдать прямо сейчас, — Романо указал на загон впереди, который уже был закрыт стеной, а существа внутри жадно поедали пищу. Все, кроме старейшины, который с явным отвращением смотрел на итарисианцев...

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Столица,
Район Центр-25, «Крест», строение 3, сады-укрепления,
19.01.2580, 10:00

Директор Баукус вышел из машины перед самым входом в «предместья» офиса. За ним вышел Ирвин и ряд других бойцов из личной охраны. Было их пятеро, а приехали они на какой-то корпоративной машине на воздушной подушке, которая выглядела как некий военный джип, не хватало только пулемета на крыше. Как только люди вышли, водитель направился в объезд сада, чтобы выйти на спуск в подземный гараж, который находился с обратной стороны от главного входа в офис.

Перед людьми расстилалось три линии обороны, первая обладала небольшими, в полчеловеческого роста, узкими клумбами, кажется, из пластстали, замаскированной под некое подобие мрамора с некими «колоннами», которые поддерживались атлантами, располагавшимися по обе стороны от колонн на крайних точках конструкции. Здесь же виднелись различные литые «птички», а также другая живность и растительность, которые украшали клумбу. Но что было крайне интересно, так это отсутствие цветов, на клумбе было лишь некое подобие искусственного газона. Сами клумбы вширь достигали пяти метров, что позволяло разместить за каждой клумбой до пяти человек, которые смогли бы вести бой, не мешая друг другу, а располагались клумбы на расстоянии трех метров друг от друга.

— Любуетесь? — спросил подошедший сзади человек среднего роста, в мундире, с густыми черными усами с проседью и с седыми волосами на висках, выходящими из-под синей фуражки с лопатой и киркой на месте кокарды. Человек был относительно щуплый, кажется, что его слегка покорежила подготовка к этому съезду, но в целом он пытался держаться молодцом, и смуглое морщинистое лицо с орлиным носом все-таки увенчивала улыбка в голубых глазах и на толстоватых губах.

— Генерал Шиллин, приветствую Вас! — воскликнул Баукус, поднеся правую руку ко лбу непокрытой головы.

— Отставить, рядовой запаса Баукус. Нельзя человеку с непокрытой головой честь отдавать, — генерал погрозил Баукус, а сам усмехнулся.

— А вот скажите, генерал, — в этот момент в разговор вклинился одетый не так, как обычно Ирвин, сейчас он был в черном деловом костюме, сшитом под этого амбала на заказ, и в белой рубашке, на воротнике которой покоилась бабочка такого же черного цвета. — А почему такая халтура? Где цветочки? Это ж клумба, а не газон.

— Ну, извините, не успели, да и сами цветочки будут мешаться, из-за чего их придется срывать, что затруднит занятие позиции тем или иным бойцом, поэтому и такая «халтура», как Вы выразились, Ирвин, — проговорил спокойно, но без былой доброжелательности генерал, смотря на главу охраны Баукуса.

— Ладно-ладно, — махнул рукой Ирвин, после чего вся компания теперь уже с генералом двинулась в направлении входа.

Сами телохранители Баукуса имели в руках небольшие кейсы, вероятно, с разобранным оружием, отличительной чертой его охранников были небольшие, синеватого цвета вставки на плечах костюмов, а сами люди были сплошь рослыми и крепкими, кажется, что Ирвин набирал их специально... Или же они были набраны еще Гирей.

Вторая линия обороны находилась метров через десять после первой линии. Здесь «клумбы» так же, как и в первой линии, обладали примерно тем же орнаментом, только закрывали человека уже по грудь, что позволяло разместить здесь и пулеметчика в позиции «стоя», также во второй линии по левую и правую стороны от офиса размещались углубления в бетоне, которые должны были полностью скрыть БМП, оставив открытой только башню боевой машины. Углубление было где-то в метр восемьдесят, и там бы отлично разместился какой-нибудь танк или то же БМП, которые были бы почти недосыгаемы для вражеских стрелков. Хотя, был и большой минус...

— А вот Вы не боитесь, генерал, что в БМП запульнут гранату из подствольника? — поинтересовался Баукус.

— Боюсь, — откровенно признался Шиллинг. — Поэтому мы введем туда БМП «Щит» ну... Вы сами, наверное, понимаете, о чем я. Все-таки именно в Кирен-1 налажено их производство.

— Да. Башня прикрыта дополнительными бронелистами на специальных стойках для того, чтобы остановить распространение той же плазмы и сократить повреждения от нее. Плазма как бы ударяет в щит, а далее отчасти разъедает его, а отчасти разлетается, что сокращает общий урон от плазменного снаряда, но... Что скажете насчет обычных гранат? Может, даже фугаса.

— С этим хуже, однако, дополнительные щитки также могут помочь в отражении такого удара, ну и... Мы решили слегка улучшить Ваше БМП, сейчас мои инженеры «шаманят» с паяльником и дополнительными «откосными» щитками для крыши машины. В принципе, будет похоже на некий треугольник, который частично затруднит попадание по крыше машины, может, даже заставит снаряд уйти в откос, ну, или частично сократит повреждения. Вообще... — Шиллинг помолчал. — Мы вот в бетон эти машины помещаем, и их выживаемость повышается в разы. Это своего рода дзот, который, правда, обладает лишь одним орудием, а не парой мощных пулеметов.

— Можно навесить башню от машины «Шторм», там спаренный пулемет, но, да, щитков дополнительных нет, но можно заменить конкретно орудие. Конечно, придется немного пошаманить по поводу самой установки, ибо у «Щита» есть проблема с самими щитками, часть придется либо обрезать, либо убрать, но зато парный пулемет может сделать врагу столько радости, что он будет не рад жизни! — весело повысил голос Баукус, подняв вверх кулак.

— Кстати, Вы не думаете о совершенствовании орудия «Щита»? Мне кажется, что можно было бы реально поставить такое орудие, ну и немного его модернизировать, ибо можно забить туда щитки на сами орудия, — проговорил генерал, смотря на Баукуса.

— Да. Я подумываю об этом. Что мне нравится у пулемета RTS, так это малые габариты, ты реально вставляешь его между щитков и с легкостью закрываешь. А вот сдвоенные «Крамеры» — это мрак. Ты вот его вставляешь, а там относительно крупный калибр, при этом сами стволы расположены довольно-таки неудобно, то есть у тебя практически остается сантиметров пять, может, больше, незакрытого щитами пространства, в итоге, в эти пять сантиметров может проникнуть что-то неприятное, шанс, конечно, не столь велик, но мне вот это не нравится. Тем более тогда, когда прилетит плазма — сразу и стволы прожжет, и башню, хотя стволы так и так попадают под действие в случае попадания в оружейную часть. Поэтому, еще один плюс, RTS обладает толстыми стенками стволов, ну и сталь термостойкая, что снаружи, что внутри, а это уже определенная защита от плазмы,

которая у «Крамеров» отсутствует. Ствол и так большой, а начальник не очень хочет тратиться на то, чтобы сделать его чем-то идеальным для борьбы с врагом, поэтому надо заказ сделать по поводу разработки подобного пулемета, но у нас, чтобы все плюсы «Крамера» и RTS совместить, а дальше работать на полную.

Тем временем группа людей продвигалась к третьей линии обороны, которая располагалась на возвышенности, небольшой холм являлся тем, что стало основой для пятидесятиэтажного офиса, а также идеальной позицией для того, чтобы разместить пулеметные точки. Здесь были самые замысловатые клумбовые укрепления, колонны которых на этот раз возвышались над самой клумбой. Они были чем-то похожи на укрепления второй линии, но размерами в два-два двадцать метра, при этом виднелось пулеметное гнездо со всеми его особенностями. Что было интересно, так это то, что данные клумбы имели определенные округлые формы, что и позволяло пулеметчику теперь иметь гораздо больший обзор, чем если бы укрытие было прямым.

— Неплохие позиции для пулеметов, — отметил Ирвин, глядя на «клумбы» третьей линии обороны.

— О... Вы еще не видели убранств холла, — проговорил Шиллинг, входя в здание, которое уже приветствовало стальными щитами через пять метров от входа. Сам вход был ниже основной части зала примерно на два метра, что и влекло за собой, что в округлой арке входа противник попадал в засаду, все перила были заменены металлическими щитами, виднелось и две пулеметных точки, которые располагались по краям от двух лестниц, что вели к администратору.

— Ого... — улыбнулся директор, глядя на ту западню, в которую попали бы бойцы Карении. — А Вы не зря едите свой хлеб, генерал. Стекло первого этажа было заменено металлом и бетоном также по Вашим задумкам? — спросил Баукус, посмотрев на генерала.

— Да. Но я не уверен в том, что мы сможем выдержать. Впрочем, оставьте своих парней здесь, а нас ждет разговор с остальными директорами, — генерал улыбнулся, после чего Баукус вместе с ним начали подниматься по ступенькам.

...

Баукус стоял по правую руку от Шиллинга и видел, как генерал большим пальцем поочередно надавливал на указательный, затем на средний, после на безымянный и заканчивал мизинцем, после чего снова возвращался к указательному, проходя путь в обратном порядке.

— Вы нервничаете, генерал? — спросил Баукус, глядя на Шиллинга.

— Слегка, — Шиллинг обычно не показывал своего волнения и своих нервов на глазах подчиненных, да и, в целом, на людях. Сейчас он ехал в просторном, мягко поднимающемся лифте, и крепко держался левой рукой за поручень, на правой же постоянно перебирал пальцами, хотя на лице его сохранялась невозмутимость. — Понимаешь... Я еще ни разу в такой заднице не был. Если верить данным, которые я получаю из космопортов, мы будем иметь дело с Жабодавом, и не одним лишь Жабодавом: Гришка Жнец — один из старых товарищей Жабодава с отрядом примерно в двадцать рыл, если ничего не путаю; Гарри Грэм — восемь человек, бывший лейт и Герой Федерации, мало про него известно на наемничьем поприще, но он мне не нравится тем, как действовал во время операции по освобождению какого-то транспортника — больно хорошая у него выучка; Гюнтер Кувалда, у которого среди бойцов два кворона из клана Йори и гребаный швагр, который, судя по данным, любит стрелять «по-македонски» из, мать их, пулеметов. И мне не верится, что эти Три Гэ просто

так появились здесь вместе с Жабодавом, который прибыл еще семнадцатого.

— Угу... Думаешь, что твоя оборона не справится? — спросил Максимилиан, задумавшись.

— Боюсь, ибо это явно не единственные наемники, которые будут использованы при штурме, — генерал был не похож на себя, кажется, что он стал еще белее от новых седых волос.

— И именно поэтому нас сегодня собирают здесь? — спросил Баукус.

— Не знаю. Мой призыв понятен, а вот Ваш, Баукус, и ряда других персонажей мне неясен, — проговорил коротко человек, когда двери лифта открылись, а дальше они продолжили идти по светлым коридорам в молчании.

Что-то здесь было нечисто. Либо все-таки Блюхарт решил пойти на компромисс... Хотя? Зачем бы он пригласил сюда безмозглого Лефтхенда? Этот бугай никогда не пойдет на мирные переговоры, а тем более со своим старым сослуживцем, который, видимо, как-то перешел фон-барону дорогу.

Тем временем, мелькали двери кабинетов, Шиллинг шел довольно резво для того, у кого голову украшали частые седые пряди. Заметно было и его прихрамывание на правую ногу, которое обычно генерал старался скрывать, но все-таки дорожил этой хромотой, поскольку это напоминало ему о войне.

Вскоре они оказались возле актового зала, где уже стояли Отто и василиск Блюхарта, которые переговаривались о чем-то между собой, стоя спиной к двери актового зала. У змея была зеленоватая окраска, красного цвета глаза с вертикальным зрачком, а также большой змеиный капюшон, который был покрыт некими подобиями глаз самого василиска, вероятно, это были некие татуировки для пущего устрашения врага.

— Кто же это к нам идет? — оскалился амбал, который, кажется, был выше двух метров, из-за чего даже на фоне змея с мощными металлическими манипулятором вместо рук смотрелся как крепкий человек, в плечах значительно превышавший ширину в полметра. — Генерал Шиллинг и директор-неудачник Баукус?

— Ха-ха... Очень смешно, — прокомментировал Баукус, подходя к змею и человеку, а сам в уме добавил: «Тупица».

— Что такое? Сын интеллигента обиделся? — Лефтхенд в этот момент хохотнул, а после сплюнул на пол, после чего поймал на себе ядовитый взгляд генерала.

— Вы — свинья, господин Лефтхенд, — проговорил холодным как сталь голосом Шиллинг, эти слова генерала были способны поранить почти любого, кто не являлся настолько тупым, как Лефтхенд.

— Что сказал, старичок? — Лефтхенд улыбнулся. — Ты вот сейчас головой белый, а можешь стать белым кожей. Один момент, генерал, и все кончится, если Вы станете меня оскорблять.

Лефтхенд был одет в белую рубашку, обтягивающую рельефное тело бугая, под левой подмышкой висела кобура крупнокалиберного пистолета, по которой он постучал, и на этот раз неодобрительным взглядом его одарил даже василиск.

— Я бы на Ваш-шем месте не ссорился бы с друзьями, — шипение василиск старался подавлять, но все-таки местами язык змея не слушался и снова воспроизводил протяжные шипения, голос его был тих и спокоен до мурашек на коже, но Лефтхенда не пробил даже змей.

— Хо-хо! Мне что, будет угрожать выро... — Лефтхенд не успел договорить, когда змей

вдруг взял его за шею правым манипулятором, а левым крепко сжал правую руку, после чего вытащил пистолет из кобуры с помощью своего хвоста.

— С-сможете ли Вы вести себя так без с-своего главного козыря, гос-сподин Лефтхенд? — спросил змей, начиная обвивать хвостом грудную клетку человека, а сам барон боялся двинуться. — Будь Вы моей добычей на родной планете... Я бы мог позволить Вам ощутить всю симфонию боли, связанной с удушением. У нас имелась небольшая традиция по запуску юного василиска одной из низших каст в рот провинившемуся. Мы убивали сразу и виновника казни, и одного из низших. Только представь, — василиск переместился к самому уху человека, после чего продолжил. — К тебе в глотку проникает нечто живое... Начинает там извиваться. Ему явно неприятно, и поэтому оно пытается вырваться, но не может и проникает только глубже, оно передавливает дыхательные пути, и у тебя медленно начинается ас-с-сфикс-с-сия, — прошипел змей будто специально, а после продолжил. — Ты извиваешься, пытаешься извернуться, выблевать или выкашлять змею, но она застревает в твоей глотке, как кусок мяса, которым ты подавился. Постепенно от недостатка воздуха ты начинаешь терять сознание, но только представь то, как долго тебе придется мучиться от того, как змееныш ползет по твоей глотке. Просто представь это, человек, — после этих слов змей позволил опуститься человеку вниз, а тот, еле удержавшись на ногах, смотрел на телохранителя Блюхарта безумными глазами.

— Пистолет! — выкрикнул Лефтхенд, пытаюсь найти оружие глазами.

— Вам он не нужен, — оскалился змей, смотря на барона, а затем переведя взгляд на идущего в их направлении Блюхарта вместе с Эшвином, едущим в инвалидной коляске, Винсентом Ли, идущим по правую руку от Блюхарта, и, собственно, Саламбеком с его старшим сыном.

— Что это такое, Зар? — спросил у змея Блюхарт, глядя ему в глаза.

Мужчина был высоким, а его пронзительные голубые глаза заставляли даже змея ощутить себя не в своей тарелке. Блюхарт был также крепким и высоким человеком, правда, в отличие от качка Лефтхенда, он сложен скорее атлетически. На нем был серый гражданский бронежилет, который он носил всегда вместо обычной одежды, поверх белой рубашки. Красивая округлая голова была гладко выбрита, а сам он представлялся военным, что называется, первого сорта, чего нельзя было сказать о бандите Лефтхенде.

Змей выдержал небольшую паузу и слегка оскалился.

— Это было обучение господина Лефтхенда толерантности. Боюсь, что Вашим директорам, господин Блюхарт, следовало бы поучиться такту и определенным манерам внутри межкультурного диалога. Вот я и показал наглядно то, что не с-стоит со мной разговаривать, как с некой безмозглой тварью, которой я, вероятно, в глазах Отто фон Лефтхенда являюсь. Плюс, я произвел небольшой экскурс-с внутрь традиций наших казней. Ничего более. Господину Лефтхенду понравился наш небольшой исторический курс? — оскалившись, спросил змей, глядя на директора, что так и не пришел в себя. — Мочание — знак согласия. Вот видите, гос-сподин Блюхарт. Порой, нас-силие творит с людьми чудес-ные перемены.

— Я эту тварь утроблю! — вырвалось вдруг у Лефтхенда, а часть директоров стала смеяться.

— Извините, что вмешиваюсь, но мы пришли на... На... — лысый старик с седоватыми усами, со впалыми щеками и глазами глубокого зеленого цвета, выглядел отчасти как живой труп, вот в правой руке виднелся катетер, в который была вставлена небольшая трубка,

аналогичный находился и в левой руке. Что в том, что в другом, текла какая-то жидкость.

Старик, кажется, забыл, куда он пришел, из-за чего недоуменными глазами смотрел на всех здесь присутствующих, особенно долго он задержал взгляд на змее за спиной Блюхарта.

— Э-э-э-э-э... А где мы? — спросил человек, уставившись уже на Баукуса, кажется, узнав его.

— Мы находимся в офисе МилитариКорп, — начал говорить Винсент Ли, который имел черные волосы, зачесанные назад, а также явно имплантированный правый глаз, который практически не выделялся на фоне другого глаза, в нем были и симуляции сосудов, и зрачок в зависимости от нужного режима зрения расширялся или сокращался, но говорило об импланте его небольшое отхождение по скорости от основного глаза, имплант менял направление зрения быстрее. — Вы же, господин Дорн, оказались здесь для того, чтобы продать Ваши акции МилитариКорп господину Блюхарту, ибо Вы уже устали работать с заводами и не справляетесь с этой работой.

Голос Ли был будто бы убаюкивающим, он был спокойным и певучим, он не говорил, он почти пел некое подобие колыбельной. От этого старик заулыбался, начал более спокойно вращать головой туда-сюда на сухой обвисшей шее. На самом деле, этот старичок выглядел как скелет, обтянутый кожей, а питался только различными растворами из питательных веществ. Вероятно, на его нынешнее состояние повлияло то, что госбезопасность редко оставляет своих бывших агентов без внимания, вполне возможно, что Дорн был чем-то отравлен, из-за чего так быстро и состарился. Буквально за десять лет он превратился в то, чем является теперь, хотя десять лет назад был вполне себе боевым мужчиной, который довольно эффективно участвовал в самых различных делах МилитариКорп.

— Хорошо. Да... Мне надоело пользоваться всеми этими... Не пользоваться... Управлять... Да. Я был прекрасным управленцем, который теперь достоин того, чтобы отдыхать! — старик вдруг оживился, а во взгляде его читалось некое легкое безумие, которое, вероятно, было достигнуто за счет этих манипуляций Ли и при помощи яда, который для своих экс-агентов никогда не жалела госбезопасность.

Вся эта ситуация ужасала... Эти люди сознательно вели старика сюда, чтобы после того, как отберут его долю акций, сплавить его в какой-нибудь дом престарелых. Хотя... Может, это и правильно? Мысли об этом буквально роились в голове Баукуса, наверное, было удобно иметь при себе такого человека, как Ли. Да, это командир-неудачник, но то, насколько теперь он полезен в быту — это нечто необычное. Ли буквально был способен на все, что касалось того, чтобы обмануть кого-то. Он буквально гипнотизировал всей своей сущностью приятного человека средних лет, от которого всегда пахнет дорогими духами, чей костюм всегда выглажен, чьи туфли начищены, а голос всегда певуч и приятен.

Старика завезли в конференц-зал.

— Баукус, Шиллинг, отец и сын Исмаловы могут остаться в коридоре. Чуть позже мы пригласим вас в зал, — проговорил Блюхарт, смотря на директоров и генерала, после чего вошел внутрь, закрыв за собой дверь, а змей остался снаружи.

— Грязные делишки жалких людишек, — ухмыльнулся он, глядя на оставшихся снаружи людей. — Вы, вероятно, не очень поддерживаете этот акт?

— Конечно, — проговорил Исмаилов Младший.

Как и отец, он был высок, у него был такой же орлиный нос, короткие волосы, короткая черная борода, чем-то он напоминал отца лет в тридцать, когда Баукус впервые видел

Исмаилова старшего и впервые вошел в крупный бизнес. На лице, откуда ни возьмись, возникла улыбка, и Максимилиан протянул руку сначала Саламбеку, а затем и его сыну.

— Максимилиан Баукус, — улыбнулся человек, смотря на точную копию молодого Саламбека.

— Ахмет Исмаилов, — мужчина тоже улыбнулся.

— Ахмет — старший из моих сыновей, он почти твой ровесник, — улыбнулся Исмаилов Старший, смотря на Баукуса.

— И на сколько лет младше? — спросил Баукус, доброжелательно глядя на Саламбека.

— Тебе, вроде как, тридцать шесть, а Ахмет на два года младше.

— Тридцать семь, — поправил Максимилиан, шуточно подняв палец вверх.

— Ну, значит на три, — улыбнулся уже Ахмет, а генерал был мрачен, как и раньше, он смотрел себе под ноги, лишь слабо улыбаясь.

— Что с Вами, генерал Шиллинг? — спросил Саламбек, глядя на человека.

— Что-что... Защита у нас, конечно, хорошая, но если Романо выкинет какие-то грязные штучки, а он их выкинет — хрен нам, а не победа, — проговорил спокойно генерал, продолжая перебирать пальцами, сжатыми в кулаки.

— Что генерал Шиллинг имеет в виду? — спросил Ахмет, посмотрев на отца, тот не сильно посвящал детей в дела компании, но теперь он был загнан в угол, и требовалось рассказать сыну правду.

— Если вкратце, сын, мы в глубокой и беспросветной заднице, — улыбнулся Саламбек, после чего как-то погрустнел. — В общем, про Карению Индастриз ты знаешь, но возникла такая проблема, что их гендиректор экспроприации — Роберто Романо — собирается нас уничтожить, так как не в меру умные господа, — человек кивнул в сторону кабинета. — Заставили Максима произвести довольно паршивый финт ушами, чтобы ликвидировать Романо на Айскриме. Видимо, Романо знал о том, что квороны празднуют какой-то свой праздник и напал именно в это время, ну и... Ликвидация Романо руками кворонов не удалась, а на складах этих недобитых морепродуктов осталось наше оружие. Торговал с ними, насколько знаю, Ли, ибо именно его штурмовые винтовки были там засвечены, равно как и патроны. Кроме этого, в руки Романо попал планшет главы клана, в котором сообщалось о том, что Романо и два отделения шок-пеха собираются перебить весь клан кворонов. Вот так.

Во время рассказа Саламбека у Ахмета буквально поднимались волосы дыбом.

— И ты ни о чем не знал? — спросил человек, глядя на отца.

— Нет. Узнал я это все относительно недавно. В числах десятых. До этого это была операция сугубо Блюхарта, Лефтхенда, Ли и Баукуса. В общем, вместо того, чтобы захватить власть на планете и только потом выбить Карению отсюда, мы совершили опрометчивый шаг, за который и понесем ответственность, — проговорил Саламбек, понутив голову.

Баукус вздохнул, все-таки, он был повязан в этом деле, и именно он станет виновником гибели Саламбека и его сыновей. Оставалось надеяться лишь на то, что Романо будет милостив к тем, кто не поднимет против него оружия.

— Знаете... — начал было говорить Максимилиан, когда открылись двери, а из кабинета выехал улыбающийся старичок.

— Я свободен, — улыбнулся он своей беззубой улыбкой. — Я свободен! Теперь меня ждет хоспис! Я буду заигрывать с бабушками и медсестрами, и играть в шахматы с такими воинами, как я! — Дорн явно был рад тому, что освободился от всех дрызг, а Винсент

движением головы пригласил людей внутрь.

Последним в двери заходил Ахмет, который и закрыл за собой дверь в длинный овалообразный зал, в котором был большой овальный стол мест на тридцать, но занятыми всегда были лишь четырнадцать. Вокруг все блестело богатством, вместо простого пола — плитка с небольшими узорами из золота, рядом с дверьми стояли статуи легендарных Атлантов, чьи плечи удерживали потолок, по обе стороны от стола находились белые стены, на которых отображалась презентация.

Ахмет был буквально заворожен тем, что находилось внутри и сел рядом с отцом, напротив Баукуса и Шиллинга, который улыбнулся этому молодому мужчине. Во главе стола не сидел, а стоял, опершись на него, Блюхарт, который был задумчив, а с губ его не сходила улыбка. Кажется, что он поднял сегодня хорошее состояние. Рядом с ним по левую руку сидел Отто, по правую стоял Винсент, спрятав руки за спину.

— Итак, приветствую вас! — прервал тишину Винсент, который осветил всех своей белоснежной улыбкой. — Сегодня вас собрали для того, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию, — голос его перестал быть певучим, а сменился неким маршевым тактом. — Итак. Сегодня у нас имеется такая проблема. Господин Романо явно готовит нападение на наш офис. Вопрос один: как правильнее действовать? Лично я предлагаю перенести съезд с января на другое время. За это время мы можем успеть подготовиться значительно лучше к обороне офиса, ну и... Возможно, что окончательно договоримся о том, чтобы Романо выкинули с Итариса.

— Я против, — поднял руку Отто.

— Голоса дегенератов — не учитываются, — проговорил абсолютно спокойно Ли, смотря на остальных.

— Отто — не дегенерат, а военный, — громко произнес Блюхарт.

— А еще пират, уж простите мою дерзость, господин Блюхарт, — все также спокойно проговорил Ли.

— А между прочим, господин Ли прав. Отто фон Лефтхенд растерял всякую военную честь, — отчеканил генерал, смотря на Отто ненавидящим взглядом.

— Ой... Генерал обиделся на то, как я обращаюсь с его подсосом Баукусом? — спросил Отто, нагло пялясь на Шиллинга, у которого, кажется, скрипели зубы.

— Молчать, — властно проговорил Блюхарт, отрывая взгляд от стола. — Я хочу услышать ваши мнения о том, что нам следует произвести. Мы, конечно, могли собрать всех директоров, но это могло бы послужить сигналом Романо сорваться с цепи значительно раньше. Лично я считаю, что нам следует остаться здесь в то же время и в том же месте, таким образом, мы поймем Лиса в ловушку, а далее убьем и будем иметь на это полное право, ибо Лис влезет на нашу территорию с оружием.

Первым поднялся Шиллинг.

— Загнать его в ловушку имеет смысл, однако мы точно не знаем о том, поддержит ли нас полиция или шок-пех, а зная Романо — у него в этом плане все схвачено. Переносить время заседания — бесполезно. Просто в силу того, что я и так сделал слишком много укреплений для того, чтобы защищать офис. Я даже вместо стеклянных стен первый этаж забил железобетонными стенами. Большого мне просто не дадут сделать... — человек оперся на стол. — Однако, я могу сказать, что мы имеем огромный ряд недостатков. Больше четырехсот солдат мы завести сюда не имеем права. При этом... Над землей, вне здания могут находиться лишь пятьдесят человек, не считая снайперов. Дальше... Наш гараж — это

геморрой. Из него есть только выхода: лифты и въезд. Второй можно завалить, если у бойцов Романо будет хорошая взрывчатка. К сожалению, ничего с этим мы поделать не можем. Скорее всего, случится так, что Романо сначала подорвет гараж, завалит вход. Тогда у нас останется лишь один вариант подъема солдат наверх. Это два лифта, — генерал говорил это спокойно до тех пор, пока не дошел до момента с лифтами, после чего повысил голос. — Так вот! Лифты тоже можно обрушить! И тогда будут отрезаны люди в гараже, а также люди, которые будут находиться на этажах. Поэтому мне нет смысла размещать весь ЧВК внутри здания, потому что в случае подрыва лифтов выйдет так, что получится тот же гараж, только внутри здания. Сам лифт за раз может поднять одно отделение солдат, то есть десять человек. Это, с одной стороны, немало, а с другой, чрезвычайно мало. Поскольку надо будет защищать еще и ваши директорские задницы, то есть пара лифтов поднимется сюда, чтобы разместить здесь два дополнительных отделения ЧВК для обороны лестниц и вашей эвакуации, но даже не ждите, что это станет панацеей. Да, Романо потеряет много бойцов, однако у него есть Жабодав, который является мастером боев в закрытых помещениях, Кувалда также этим промышляет. В итоге? Мы оказываемся в незавидной ситуации, в которой имеем много шансов на успех, но столько же и на провал. Мой доклад окончен, — генерал после этих слов сел, а Ли хитро посмотрел на Блюхарта, который, побледнев, все-таки присел.

— Что думаете о том, чтобы разместить всех бойцов на первом этаже?

— Падеж крупного рогатого скота. Попробуйте в холле разместить двести человек с оружием, а я над Вами посмеюсь, господин Блюхарт. Места хватит, но Вы не разместите их позиционно, из-за чего одна граната уложит кучу народа. То же касается и случая, если они будут выходить из здания. Эти парни хороши в войне, однако если эти парни будут выходить и получают хотя бы одну подствольную гранату — сдохнут. И именно сдохнут, а не погибнут, — проговорил раздраженно Шиллинг.

— Угу... А Вы что скажете, сладкая парочка? — спросил Блюхарт, посмотрев сначала на Баукуса, а затем в направлении Исмаилова старшего.

— Мне кажется, что проще отменить съезд, — проговорил Баукус, глядя на Блюхарта, а после добавил. — А еще лучше пойти с Романо на стговор. Лучше перекупить его.

— Он не товар, а мы задели его честь, — проговорил Блюхарт, сложив руки в замок и опершись на них.

— Но все-таки. Я не думаю, что он хочет воевать с нами. Ну, как... Он хочет нас уничтожить, но он не зверь. Скорее всего, и Гиря, и Борман живы, ибо, если судить по тому, как оборвались их сигналы... Они оборвались только в тюрьме, тогда как сигналы двух бойцов Гири оборвались еще в парке.

— Он взял языка, — мрачно отметил Блюхарт. — Что скажете, директор Исмаилов?

— Я солидарен с Баукусом. С Романо нужно идти на контакт, — проговорил человек довольно спокойно.

— И как Вы предлагаете это сделать? «О! Привет, Романо! Хочешь, чтобы мы стали твоими новыми хозяевами?!», а он тем временем: «О! МилитариКорп, я только этого и ждал! И что, что вы пытались меня убить?! Вы классные ребята!», — попытался разбавить эту мрачную обстановку сам Блюхарт, но от этого ему стало слегка хуже. — В общем. Остаемся здесь. В то же время и в том же месте. Будь что будет. Ни один из вас, кроме генерала, не предоставил никакой информации для анализа, а Шиллинг автоматически опроверг твою теорию о построении новых укреплений, Ли. Поэтому бесполезно. Сами вляпались, сами

расхлебывать будем.

— Я хочу сказать, что если мое ЧВК понесет большие потери — я отдам солдатам приказ сдаться, — поднялся Шиллинг. — Это не их война. ЧВК не участвовало в Ваших интригах, и не ему Ваши промахи расхлебывать.

— Дачто ты себе позволяешь, Шиллинг?! — сорвался Отто.

— То, что позволяет себе любой военный с честью! Для чего создается ЧВК? Для охраны ваших задниц? Нет. Оно создается для войны. И лично я считал, что мы организуемся для войны с центрариями или, на крайний случай, с рогарийцами, но никак не с очередной сраной корпорацией, — генерал во время этих слов поднялся и говорил громко.

— Вы, Шиллинг, находитесь в зависимости от МилитариКорп, — проговорил Ли, смотря на генерала. — ЧВК «Арес», которую Вы назвали «своей», является собственностью МилитариКорп, а вернее, ее особенным подразделением. Директором данной корпорации является Харрис, поэтому Вы будете подчиняться тому, что Вам говорят.

— В бою может случиться всякое, господин Ли, — усмехнулся генерал. — И уж точно, в этом бою не ЧВК зависит от Вас, а Вы от ЧВК. А если ЧВК зависит от МилитариКорп, пусть Ваши телохранители это все и охраняют.

— Что Вы себе позволяете, Шиллинг? — спросил Блюхарт.

— Мне каждый из этих парней, как сын, которого у меня никогда не было и уже не будет, и Вы хотите, чтобы они просто так гибли за Ваши авантюры? Нет. Этого быть не должно.

— Если ты предашь нас, Шиллинг, я застрелю тебя и возьму управление на себя! — довольно громко проговорил Лефтхенд.

— А ты дотянись, гвардии капитан пиратов в отставке, — усмехнулся Шиллинг. — Ты будешь заперт здесь, говно, и никак до меня не доберешься.

— Да что ты себе позволяешь?! Как ты со мной говоришь?!

— Как с говном, которым ты и являешься, — Шиллинг смотрел на Лефтхенда исподлобья, а Отто прямо-таки пылал гневом.

— Прекратить перепалку, — спокойно и властно произнес Блюхарт, одарив и генерала, и Отто злобным взглядом. — Хорошо. Я Вас понял, генерал. Мои люди переоценивают Вашу зависимость от нас, но я прошу Вас быть верным тому договору, который между нами заключен. Вы должны понимать, что мы — это последний оплот Итариса, последний его шанс на достойную жизнь. Да, я ошибся, связавшись с Романо, но только в наших силах победить это чудовище, и без Вас это будет гораздо сложнее сделать. Прошу Вас поклясться мне, что Вы будете сражаться до последнего, если в Вас осталось хоть что-то от офицерской чести, на которую Вы уповаете.

Шиллинг помрачнел от этих слов, он будто еще сильнее состарился, и это можно было наблюдать.

— Дайте мне офицерское слово, Шиллинг, — снова грозно и требовательно произнес Блюхарт, смотря на сторбившегося человека.

— Я даю Вам слово офицера, что не предаю, — Шиллинг произнес это мрачно и уныло, кажется, теперь он обрек себя на гибель, хотя, кто знает... Все-таки точно известно то, что Романо пощадил множество коронов среди тех, которые были взяты в плен на Айскримере.

— Отлично. Что же до вас, господа Исмаилов и Баукус... У меня есть ряд вопросов, на которые вы оба должны ответить, — проговорило спокойно и также властно это чудовище из флота Хелтона.

— Готов ответить на все, что Вы посчитаете нужным, — произнес Максимилиан, смотря в глаза Блюхарта.

— Хорошо. А Вы, Исмаилов? Вы готовы ответить? — спросил человек, глядя на Исмаилова старшего.

— Конечно. Вопросы же связаны с тем... А не предали ли мы МилитариКорп? Верно? — спросил человек, улыбнувшись.

— Здесь я задаю вопросы, а не Вы, Исмаилов, — проговорил спокойно Блюхарт, перечить ему было самоубийством, поэтому следовало отвечать.

— Первый вопрос задам я, — произнес Ли, смотря на Баукуса. — Каково это, ощущать себя виновником гибели десятков, а может, сотен людей, Баукус? — человек улыбнулся и подошел к Шиллингу. — А Вы можете идти, генерал, Вы уже свое отсидели, — улыбнулся Ли, а генерал довольно быстро подскочил и практически выбежал из кабинета, хромя, сам же Ли сел на стул рядом с Баукусом, со своей обычной улыбкой.

— Как связан этот вопрос с нашим делом? — спросил Максимилиан, посмотрев в глаза этого человека, который ранее создавал лишь приятное впечатление, но теперь он поставил локоть на стол, положил на ладонь голову и, прикрыв левый глаз, водил своим имплантом по Баукусу, будто бы выискивая то, за что зацепиться.

— Как? Даже не знаю... Ведь ты с нами повязан, Баукус. Вот Исмаилов, он ни в чем не виноват, а погибнет, если Романо победит, — на лице человека была паршивенькая улыбочка, а глаз так и бегал по человеку напротив.

— Неприятно. Краткий ответ — самый верный, но еще больше людей погибнет из-за вас троих, поскольку я всего лишь исполнитель. Оружие, которое было найдено Романо на складах кворонов, — твое, Винсент. И ты будешь спрашивать у меня то, каково ощущать себя убийцей? Смешно, — усмехнулся Баукус, но чувствовал тяжелый взгляд на своем затылке.

— Ты будешь складывать часть своей вины на нас, Баукус? — спросил голос Блюхарта, самому Баукусу не очень хотелось поворачиваться, все-таки лицо Ли выглядело гораздо доброжелательнее, хотя некое паскудство в нем все же прослеживалось. — Ты ведь первый начал слезку за Романо, а если бы не твой тупорылый Боров, мы бы и не узнали о том, что они собираются зачистить Айскрим. И дела бы не было никакого. Ты не слабее нас виноват, а может и сильнее, потому что первопричина — это ты.

— Признаю. Однако, Борман связался со мной первый, — Баукус все же обернулся к Блюхарту и увидел издевательскую ухмылку Лефтхенда.

— Ага. И ты, зная, что Романо — не наш враг, все же решился внедрить агента, — снова послышался голос Ли, который теперь вновь приобрел какую-то задорную певучесть. — Мы в жопе из-за тебя.

— Конечно, теперь вы всю ответственность сложите на меня. Замечательно! — заулыбался Баукус, переведя взгляд на Исмаилова, который стал мрачным.

— А на кого складывать ее, Баукус? — спросил снова Блюхарт.

— А не знаю. Мы все виноваты, — улыбнулся человек, сложив руки в замок на затылке.

— Ага. Но кто-то же больше. Тому и расхлебывать, значит, — краем глаза было видно то, как улыбнулся Ли.

— Понятно, что кто-то виноват больше, но мне кажется, что более всего виноват тот, кто на меня больше всех давил и заставил меня связаться с кворонами, — проговорил снова Баукус.

— И кто же на тебя давил? — спросил Блюхарт.

— А твоя левая рука — безмозглый амбал, который угрожал мне расправой за то, что я говорил, что с кворонами лучше связываться тому, кто с ними наиболее крепко повязан. Вы, наверное, сразу хотели всех собак на меня спустить. Сделать меня крайним в этом деле, а дальше слить руками Романо, но вы не додумались до того, что я напишу от имени корпорации, — ухмыльнулся Баукус. — Ага. Как старика примерно хотели слить, только я бы трупом стал. Да вот, знаете, мужики, я не такой уж и тупой, чтобы писать от своего имени, поэтому теперь все мы повязаны. Я ж вас правильно понял, что вы меня слить хотели?

Блюхарт оскалился.

— Какой ты прозорливый, Баукус... Прямо как отец. Кстати, как похороны прошли? Готов тоже на кремацию отправиться? — спросил Блюхарт, сверля взглядом Максимилиана.

— Готов. Всегда готов. Как скажешь, Харрис, так в камеру сгорания и отправлюсь со всеми почестями, благо, семьи у меня нет, поэтому сожгут почти как бомжа. Равно, как и все здесь присутствующих, кроме Исмаиловых. Да вот, знаешь... Я тебя попросить о коечем хочу, — улыбнулся человек.

— О чем же? — спросил Блюхарт.

— Зачем им умирать, коли вся вина на нас? — спросил Максимилиан, зло посмотрев на Блюхарта. — А? Скажи мне. Почему они тоже должны рисковать жизнью? Или ты всех потопить решил? Типа, «не доставайся же ты никому», да вот ты не Мавр, а другие директора — не Дездемона. Больно много людей затронешь, урод. Деньги мочой в голову ударили? Уже совсем людей видеть перестали. Они для вас простые цифры, — Баукус смотрел на Блюхарта, а тот смотрел на него. — Да, не хочешь ты планету спасать, Блюхарт. Ты хочешь только деньгами подтираться. Я уж ждал, что ты меня валить будешь за то, что я своим работягам зарплату поднял, да штат расширил. А кем расширил? А теми, кого ты требовал сократить. Но ты почему-то не стал меня за это гнобить. Совесть проснулась?!

— Может, морду ему разбить? — спросил Лефтхенд, смотря на Блюхарта, а тот помотал головой.

— Ты меня совсем человеком не считаешь, Баукус? — спросил Блюхарт, как-то изменившись в лице.

— Почему? Считаю, только другим. Хомо Экономикус. Для тебя все люди — цифры. Вот они — это проценты фирмы, — кивнул Баукус на Исмаиловых.

— Да, я же тебя потому и не стал за повышение платы гнобить, потому что в мозгу что-то щелкнуло, — человек вздохнул, положил руки на стол. — Понимаешь... Что-то в мире меняется. Понять не могу, что именно, но меняется. Люди другие, даже здесь, в столице, становятся. Бедные, но другие... Злоба у них, понимаешь, другая. Они будто понимать что-то начинают. И вот, понимаешь... Нельзя нам проигрывать, ибо иначе это что-то непонятное выльется на улицы, но не протестами, а революцией. Понимаешь, о чем я говорю?

— Не совсем... — Баукус как-то странно посмотрел сначала на Хелтонского капитана, а затем на провального командира из компании Триумвирата.

— Поясни ему, Ли, — при этих словах человек откинулся на спинку стула, а Ли вздохнул и снова улыбнулся.

— Понимаешь, Баукус... Тебе хорошо. Ты не видел другого мира. Ты всю жизнь гнил здесь, а мне вот пришлось погнить на других землях. Там есть такая вещь, как коммунизм, который искажает одним своим существованием капиталистические миры в округе. И вот, знаешь... Меня считают провальным полковником Дромира, но видишь, дело в чем? Там я

мог наблюдать, как отряды коммунистов, то есть отряды революционного пролетариата сражались на поле боя. Дромир — это не просто капиталистический мир. Это был мир, который был заражен социализмом. И знаешь... Если бы наши главы имели более точные разведанные — Дромир тоже бы превратился в нечто, что характерно для социалистических миров, попадающих под иго Федерации. Но... Мы саботировали поступление этой информации. Мы видели, что это люди, возможно, что это люди даже высшей категории, чем мы, но все-таки мне пришлось запятнать себя геноцидом. Этого нет ни в одном учебнике истории, ибо эта операция является затертой. Дромир надо было представить капиталистическим миром, который вдруг дает отпор Федерации... — человек улыбнулся. — Знаешь, насколько Дромир был опасным миром? И когда на нем произошла революция? А примерно в шестидесятом году, как раз в момент того, как мы начали свой «крестовый поход». Я был молодым человеком, всего тридцать два года, а уже полковник. Как думаешь? Мог ли абсолютный валенок в военном деле получить такое звание? — Ли улыбнулся, он не выглядел на пятьдесят два года, видимо, что-то позволяло ему сохранять молодость. Директор, кажется, так и остался тем щеголем, каким, вероятно, был в учебке.

— Скорее всего, нет, — проговорил Баукус.

— Ну вот. Видишь ли... Война в Триумвирате была довольно туманной и остается таковой. Журналюг допускали только на самые успешные фронты, из-за чего Дромира в сводках почти нет. Есть только финал. Захват планетарной столицы. И я в этом захвате принял участие, за что имею медальку. И я тебе могу сказать то, что Дромир являлся одним из самых страшных мест сражений. Партизаны, боевые части, которые гибли, но не сдавались. Я помню то, как мы почти полностью разнесли одну линию обороны. Не представляешь... — человек улыбнулся. — Когда мы подошли к ней, думая, что все. Победа. Сейчас пересечем ее, и возьмем город. И тут по нам начали долбить несколько пулеметных точек. Не знаю, может, это были уже и не те солдаты, а какие-нибудь партизаны, которые как-то успели занять позиции и покосить что-то около двух отделений. Мы, конечно, довольно быстро их ликвидировали, но осадочек остался. Но дальше было хуже. Город был полностью эвакуирован. На оборонительной линии мы застряли менее чем на два часа, однако за два часа они успели эвакуировать всех, кроме ополчения и местной ГЭБни, которые оставались нас задерживать. И вот в городе был Ад. Из каждой подворотни в тебя стреляли. К концу первого дня двухсотыми числилось что-то около пятиста солдат, выведено из строя около десяти бронемашин, пять из которых безвозвратно. В общем, в городе творился Ад. В итоге, войска пришлось выводить, после чего город был превращен в пепел. Я не хотел этого, понимаешь? Вот это может нас ждать, если мы позволим Романо победить. Я уже видел этот блеск в глазах и ненависть на классовой основе. И я бы не хотел, чтобы этот блеск снова возник в моей жизни, — Ли откинулся на спинку стула. — Помню, как взяли какую-то девчонку. Я не хотел причинять ей вреда. Ребенок, понимаешь? Лет четырнадцать, если не меньше. И вот она лишила меня глаза, — человек постучал пальцем по своему импланту. — Я не хотел быть палачом, Баукус. И не хочу, чтобы наш мир пришлось зачищать так же, как Дромир. Я сам повысил своим людям зарплату. И все, кроме нашего имбецила, сделали это, — человек кивнул на Лефтхенда. — Нам важно победить, понимаешь, Баукус? Я не думаю, что Романо пойдет на контакт. У него какие-то другие цели и, судя по всему, те самые, о которых я говорил на Дромире. Я, к сожалению, уже не тот вояка, как раньше, но я так скажу... Я буду воевать с Романо до последней капли крови. И лучше мы сделаем социализм сверху, чем он придет от оголодавших масс снизу. Понимаешь?

— Понимаю... — человек как-то тяжело вздохнул, а после посмотрел на палача из эскадры Хэлтона. — А у тебя что было?

— У меня ничего достойного в биографии нет. Ли гораздо достойнее меня и делиться тем, что я делал — я не стану. Это преступления, за которые нужно заплатить. Кстати, старика мы, считай, спасли. Все-таки на старости лет он должен хоть немного порадоваться, а если мы выиграем... Зачем ему дальше маяться со всем этим? Пусть отдыхает, но да... Меркантильный интерес тут есть. Деньги лишними не будут. Осталось только заверить у нотариуса, и хватит, — ухмыльнулся человек, а после обратился к Исмаилову. — Ну, с Баукусом мы закончили. А вот ты? Почему ты хочешь переговоров с Романо?

— А как ты себе представляешь войну с ним? Он с силами в менее чем пятьдесят бойцов смог разбить три сотни кворонов. А теперь представь, что у него будет сто бойцов.

— Квороны — это отребье, — отозвался Ли. — Они там пили, насколько мне известно — им была полностью обрублена связь. В итоге все вылилось в то, что они не смогли организовать оборону. Шок-пех не позволил бежать, а Романо добивал их внутри клещей, в которые они попали. В общем, ничего особенно героического тут нет. У нас ситуация лучше. Как минимум, мы имеем достаточное число подготовленных бойцов, как максимум, наша подготовка не сильно уступает наемникам Романо. Мы можем его победить.

— Хорошо. Я не против, только вот дело в том, что если мы проиграем — мы все полетим в тартарары, — проговорил спокойно человек, после чего замолчал.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Столица,
Район Центр-3, строение 5, этаж 30, коридор,
20.01.2580, 12:00

Романо находился в одном из самых крупных офисов КаренияИндастриз. Это здание было огромным — шестьдесят этажей офисного планктона, различные столовые, по одной на десять этажей, в общем, самый что ни на есть дворец посреди города. Это здание было выкуплено специально, еще за год до того, как Карения начала вторжение на Итарис, предварительно они обработали местные органы управления, получили определенные льготы, несколько мест в местном парламенте и далее начали продавливать свои блистательные, как местная плитка, интересы. Кстати о плитке... На ней были древние золотистые узоры в виде самых различных листьев древних растений. Коридоры этого офиса были широкими, метров по пять, Романо такие и не снились в его захолустном офисе, да и не интересно ему было бы сидеть в столице, которая практически не подвергается экспроприации, ибо производства в ней практически отсутствовало. Столица — город офисов, богачей и военных, вычищенный от любых проявлений бедноты, кроме маленьких кварталов «обслуживающего персонала». Да. Столица была центром, в который стекался прибавочный продукт, который и позволял местному офисному планктону, различным брокерам, интеллигентам и богатым кутилам жить в свое удовольствие. Это был практически рай на земле, который через пару дней должен был увидеть огонь войны, что будет воспринят, как какие-то съемки боевика... Именно так высшее общество смотрело на все происходящее вокруг, они жили в определенном вакууме, что разительно отличало обычного жителя Столицы от директоров МилитариКорп или директоров Экспроприации, или же от военных, которым приходилось видеть гораздо больше самых страшных кошмаров, чем мог представить себе средний житель казино и офиса. Да, их жизнь тоже вряд ли являлась хорошей, все-таки игромания или просиживание штанов за компьютером двадцать четыре на семь являлись чем-то неприятным, но все-таки в сравнении с жизнью остального Итариса... Столица просто купалась в грязных деньгах, омытых кровью и потом других людей, а те, кто купались в этих деньгах, напоминали для жителей других городов нечто вроде свиней, плещущихся в лужах.

Романо шел по коридору к кабинету «30001», в котором должен был заседать столичный директор, но уже не экспроприации. Этот человек занимался в большей степени координацией добычи ресурсов и открытия новых шахт, новых скважин и прочего-прочего-прочего. Хотя после окончания экспроприации гендиректором КаренииИндастриз на Итарисе должен был стать именно Сигизмунд, он все-таки являлся тем, кто пока что подчинялся Романо.

В этих коридорах то и дело рыскали офисные работники, люди, которые приходили на собеседования и с другими целями, а также бронированными истуканами виднелись «гвардейцы» Карении — ЧОП «Карения Секьюрити Груп». Эти люди сплошь и рядом были снаряжены по лучшим образцам, вместо гражданских бронежилетов, которые обычно носили рядовые ЧОПовцы, эти имели вполне себе армейские бронежилеты синего цвета с небольшими наплечниками, на головах были однотипные бейсболки и черные «солнцезащитные» очки, в ушах располагалось по наушнику для связи, а в кобуре под левой

рукой обычно располагался крупнокалиберный пистолет. Эти парни знали то, как надо воевать, а особенно то, как надо убивать, как надо правильно перегруппировываться, где располагаются оружейные комнаты и где находятся штурмовые винтовки, числившиеся за ними. Их дрессировали точно бойцовых собак, которые являлись другом человека, но немного иного человека, человека-капиталиста, а главной задачей этих крепких и высоких парней становилась охрана директоров, порой этой задачей становилось и участие в рейдерских захватах. Романо отказывался от этих бойцов в силу того, что вербовал людей самостоятельно. Нет, вероятно, среди этих парней в большей степени были верные интересам корпорации, однако лучше быть сто раз уверенным в каждом своем бойце, чем иметь рядом с собой кучу навороченных бойцов, но быть в них неуверенным.

Минут через десять Роберто все-таки добрался до нужного кабинета и постучал в дверь. «Входите!», — послышался веселый, чуть охрипший голос с обратной стороны, а дверь открылась с тихим шипением, после чего Романо вошел в такой же красивый и просторный кабинет. Человек провел глазами по помещению, остановился взглядом на небольшом фонтане, который практически был вмонтирован в большой длинный стол из красного дерева на плоскостях столешницы и из серебристого камня, что расположился в основании стола. За столом был виден довольно элегантный человек, на вид лет двадцати-тридцати, а если смотреть в его глаза — можно дать и меньше. Этот сверкающий, полный энергии взгляд, а также определенный азарт в глазах, он будто всегда играл в некую игру... Как в детстве. За спиной его раскрывалось огромное окно, через которое прямо-таки заливало комнату светом.

— Господин Романо! — проговорил человек, разбросив руки в стороны, и широко улыбнулся своими губами бантиком, его зеленые глаза были хитрыми, а весь вид отдавал чем-то очень знакомым. — Мне уже доложили о том, как Вы добрались сюда... Это достойно какого-нибудь низкосортного боевика! — парень зачесал свои светлые волосы назад движением руки со слегка расставленными пальцами.

— Здравствуй, Сигизмунд, — Романо спокойно прошел к столу и сел в небольшое элегантное кресло из материалов того же цвета, что и стол, но дерево частично заменила кожа, а камень полностью заменила посеребренная сталь. — Рад, что ты не смог подобрать слов получше. Ты мне все равно не сильно нравился, но все-таки отсюда я тебя пока что не вышвырнул, — Романо провел взглядом по столу директора и увидел женское нижнее белье, лежащее прямо возле рабочего места Сигизмунда, а затем, улыбнувшись, добавил. — Развлекаешься?

— Ну-у-у-у-у... — протянул парень, смятая красного цвета стринги и сбрасывая их куда-то вниз. — Нет. Плодотворно работаю!

— Угу. То-то у тебя на столе еще и бутылка вина, если мне не изменяет зрение, еще две тысячи тридцать второго года. Это же надо... Директор Карении пьет вино с самой земли. Сказка! — Романо холодно посмотрел на своего подчиненного. — Чтобы разврата на рабочем месте не разводил. Пить — можешь, только не до состояния, когда к тебе придет древний дух древнего животного с Земли, которое называется «белочка».

— Ой... Мама, отстань от меня... Моя судьбинуш...

— Заткнись, — процедил сквозь зубы Романо.

— Понял... — Сигизмунд чмокнул губами, побарабанил по столу пальцами, а после, смотря на Романо, спросил: «Так что Вы все-таки хотите здесь делать?».

— Свести счета, — сухо и спокойно произнес человек.

— Ох... — человек прямо-таки вывалился из своего бытия и испуганно посмотрел на Романо. — С кем?!

— С нашими «партнерами». И ты ни слова не скажешь об этом, Сигизмунд, — проговорил Романо, посмотрев на свои блестящие туфли, а после снова подняв взгляд на директора. — Иначе мне придется тебя на время вывести из строя. Ты ничего не скажешь корпорации, Сигизмунд, а иначе тебя быстро ликвидируют. У меня есть люди, которые могут это сделать, даже в случае если меня депортируют с планеты.

— Угрожаете? — спросил человек, проведя по своим губам пальцами. — Какие партнеры? У нас много тут партнеров, Романо.

— Самые главные. МК, — в момент произнесения этой аббревиатуры Сигизмунд побледнел.

— Пойдите... МК — наши ближайшие партнеры. Мы с ними делим эту систему чтобы...

— Чтобы не дать народу окончательно обеднеть, однако эти сволочи пытаются меня угробить. Понимаешь? — спросил Романо, глядя на Сигизмунда.

— То есть? — спросил Сигизмунд, вопросительно посмотрев на директора, а тот положил перед ним планшет с перепиской кого-то из директоров МК и квороном.

Сигизмунд нахмурился и стал читать... Что-то в его голове не могло никак связаться.

— Пойдите... Ну... Это простой элемент ведения корпоративных дел. Вы должны понимать, что Вас могут попытаться прикончить даже партнеры. Вы — не более, чем исполнитель, если Вас убьют — ничего страшного для корпорации не случится, — проговорил спокойно Сигизмунд.

— Но случится для меня, — проговорил Романо, улыбнувшись.

— Но... Извините... Вы думаете, что корпорация это Вам простит? Вы всего лишь пешка, которую с легкостью можно сбросить с игровой доски, а вот МилитариКорп — это нечто большее — ладья, если не королева.

— Ты плохой шахматист, Сигизмунд. Ты не понимаешь, чья ладья МилитариКорп, равно как и наши узколобые акционеры. Тебя не прослушивают. Это я знаю точно, поэтому не боюсь с тобой говорить. Прослушивают не пешек, меня прослушивали, но Иоганн позволил мне избавиться от данных «ушей», — улыбнулся Романо.

— Что Вы подразумеваете под чужой ладьей? — спросил человек, как-то не понимая всей ситуации.

— Видишь ли, Сигизмунд... МК — это нечто большее, чем простые милитаристы. Из директорат сплошь военные, один из них является экс-агентом ГЭБэ, далее... Один из них был настоящим политиком, место команды которого в парламенте заняли твои люди. МК — это местная монополия, которая довольно эффективно может опрокинуть нас всех. И начать они решили с меня, поскольку я вышел на удобную позицию — начал биться с кворонами. Я сам подставился, но не специально. Я не знал, что они собираются ликвидировать наше влияние на планете, но теперь я уверен, — Романо перевел взгляд на окно. — Внутри моего офиса был один агент. Борман. Этот человек и слил информацию о полете нас на Айскрим. Они хотели действовать чужими руками, однако обломались. У кворонов был какой-то праздник клана, и я смог с помощью Жабодава и Грейха их уничтожить, часть пленить. Как понимаешь, это довольно интересно... Они решают слить директора, который единственный не идет на уступки. Ты думаешь, что они не решат ликвидировать вас?

— Скорее всего, не решат, — твердо сказал Сигизмунд.

— Ошибаешься, — бросил Романо, переведя взгляд на директора.

— Почему Вы так думаете? — хитро улыбнулся человек.

— Да потому что это милитаристы, которые расширяются по всем фронтам. ЧВК каждый день набирает по пятьсот человек, и их число все растет и растет. Как по-твоему? Им нравится то, как мы ведем себя по отношению к населению планеты и ее промышленности?

— Ну... Мы же что-то развиваем. Добывающую промышленность.

— Ага. Только вот ты смотришь на это со стороны приезжего человека, который пришел грабить чужих людей, а вот они испытывают определенные родственные связи. И одно дело, беззубые КвенАвто или АйронМен, которые не способны пойти на войну, в силу вялых лидеров. А вот МК — это совсем другое. Все боевые лидеры, плюс-минус мои ровесники, то есть им от силы по пятьдесят лет. Они вполне способны к тому, чтобы воевать в первых рядах.

— И хотите сказать, что они готовы пойти против нас? — спросил уже как-то неуверенно директор.

— Да. Пойдут. Уже пошли. Видишь ли... Винсент Ли первый пошел на Айскрим. Он начал массово скупать тамошние рабочие цеха, что в итоге показывает их намерения. Они собираются забрать Айскрим себе, то есть организовать дополнительные рабочие места в космосе. На орбите. Мы собирались разобрать Айскрим по деталям после ликвидации планеты, а он начал скупать рабочие места там. Более того, вчера туда поступило две роты ЧВК «Арес». Как думаешь, что это значит? — спросил Романо, как-то паскудненько улыбнувшись.

— Наверное, то, что они готовы воевать?

— Верно, Сигизмунд. Верно! Они не отдадут Айскрим, хотя на тему него не было договоренностей. Мы делили с ними только планету, а теперь вот так... За спиной. Без единого слова.

— Угу... Хорошо. Я поверю Вам, Романо... И помолчу, ибо, если то, о чем Вы говорите, правда, нам всем крышка, включая саму Карению. Что же... Таким образом, я вхожу с Вами в сговор, однако... Давайте договоримся об одном...

— О чем? — спросил Романо.

— В случае успеха Вашей операции... Я на корпоративном суде выступлю против Вас, а Вы согласитесь с моими обвинениями. Идет? — улыбнулся человек.

— Идет, — улыбнулся Романо, а Сигизмунд еще не понимал того, что Лис, в отличие от него, не собирается играть в чистую игру, а в бизнесе, даже среди «своих» не существует друзей.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Столица,
Район Центр-25, «Крест», строение 3, сады-укрепления,
21.01.2580, 10:00

Шиллинг стоял перед командирами ЧВК, рядом с ним находился и довольно высокий мужчина в фуражке с кокардой, на которой красовалась голова орла. Его мундир был серым и запахивался пластом ткани, который заменял пуговицы и замыкался на левой стороне туловища на магнитные заклепки. Руки его расположились за спиной так, что правая сжимала левую чуть выше запястья. Рост, достойный космического десантника, грубо вытесанное, словно из камня, квадратное лицо, на котором траншеями пролегали морщины, кажется, что этот человек всегда был зол, из-за чего и образовались складки, продлившие линию носа между нахмуренных бровей. Одним большим каньоном на правой стороне лица расположился большой уродливый ожог, что только сильнее подчеркивал то, насколько был страшен и ужасен этот майор. Его нос обладал мощной горбинкой, слегка сдвинутой влево, а правая ноздря была слегка отделена от остальной части лица, правое ухо отсутствовало, вероятно из-за того же ожога, мочка левого уха также была слегка оборвана. Пристальный взгляд его хмурых железных глаз, вероятно, мог довести слабонервного до дрожи, и именно благодаря этому майор Кавил достиг своего звания. Он был непреклонен и строг по отношению к своим солдатам, но при этом хорошо подкован в своем деле, чтобы стать достойным звания.

— Итак, командиры, — послышался голос Шиллинга. — Завтра нам надо быть в полной боевой готовности, ибо наш противник, вероятно, будет хорошо вооружен и чрезвычайно опасен. Гвардии старший лейтенант в отставке Романо — это Герой Федерации, который отличается тем, что обладает отличным тактическим мышлением, а то и мышлением стратегическим. Я не знаю, чего можно ожидать от этого человека. Не знаю того, насколько он опасен, поэтому прошу каждого из вас, командиры, проинструктировать свои отделения о том, что нужно быть готовыми к любым действиям со стороны врага. Я уже договорился о том, чтобы охранникам гаража были выданы тепловизоры, ибо стелс-костюм, в большинстве случаев, не способен полностью скрыть тепловой след существа, в нем находящегося. Если все-таки завтра случится сражение... Я буду с вами, как командующий и, возможно, как солдат. Майор Кавил будет заведовать обороной внутреннего рубежа. Первый этаж — это его дело и прошу отделения, которые попадут под его командование, подчиняться всем его приказаниям беспрекословно. Кавил, прошу Вас обрисовать примерный план действий на случай, если операции противника будут успешны.

— Так точно, — послышался глухой голос человека, который окинул сорок командиров своим железным взглядом, он положил руку на пулеметную точку. — Мне нужно будет два пулеметчика, данные позиции прекрасно закрывают всякую возможность прохода через двери. У врага не будет и шанса, чтобы войти сюда, ему это и не очень нужно. Если у них достаточно много ракетных ранцев — они просто поднимутся наверх, где их будет встречать капитан Файз с его снайперами и бойцами, однако... Что касается данного участка. Это единственная позиция, по которой возможна доставка подкреплений в надземную часть, именно поэтому мне нужно два отделения с двумя пулеметами. При этом, будет три отделения, которые сразу по началу боя должны будут вырваться наружу и занять боевые

позиции для того, чтобы стать подкреплением для основных сил внешней обороны. Я назначаю на то, чтобы командовать подкреплениями, старшего лейтенанта Бронкса, — человек кивнул на одного из стоявших в передней шеренге командиров. — На этом тактические задачи вверенных мне отделений заканчиваются. Но... Предполагаю, что следует производить выведение бойцов подкрепления в размерах от двух отделений наружу. То есть, сразу из-под земли должны подняться наверх два отделения, которые сразу же отправятся на помощь к тем, кто был снаружи, чтобы увеличить число обороняющихся до сотни.

— Хорошо. Теперь прошу подойти сюда капитана Файза, — проговорил генерал, а вперед вышел человек в форме серого цвета, как и остальные командиры.

Был он крепок, не слишком высок, но и не мал ростом. Он подошел на позицию перед генералом и повернулся спиной к нему, чтобы видеть командиров. Густые брови, серые глаза навывкат и бледная кожа... Вот что бросалось в первую очередь в глаза. Файз, вероятно, был одним из козырей Шиллинга, поскольку сам Файз был Героем Федерации, а значит, представлял собой нечто страшное для врага и лучшее, что могло произойти с его союзниками.

— Итак... Мне нужно будет два отделения помимо снайперов. Не считаю, что нам нужно какое-то особо мощное вооружение по типу гранатометов или пулеметов, нам нужны магнитные щиты, а также иные варианты укреплений на крыше. На самой крыше имеется две дополнительные возвышенности, а именно взлетная площадка и вход в шахту лифта. Наша задача — оборудовать огневые точки так, чтобы противник не смог подняться наверх. Стоять у края крыши — не стоит, ибо противник может занять «Крест» и тогда мы сами станем жертвами снайперского отстрела, а противник точно будет крыть крышу, поэтому предлагаю отдалить позиции для стрельбы примерно на пять метров от краев крыши. Таким образом, можно будет стать сюрпризом для противника и отправить к «богам» довольно много ракетных штурмовиков. Не знаю, как долго мы сможем продержаться в случае массированного подлета врага, но... Мы постараемся сделать для Романо максимально неудобным посадку на крыше, — он скривил губы в улыбке, после чего спустился вниз и снова встал в первый ряд.

— Хорошо. Теперь, Исмаилов. Оборона директоров, — проговорил спокойно генерал, глядя на то, как выходит младший сын Саламбека.

Махмед был грозен в бою, и Шиллинг не раз видел, как Махмед побеждал в рукопашной гораздо более крупных бойцов, чем он. Его плечи были широкими, а сам он был чуть выше Шиллинга, ростом пошел не в отца, однако это даровало Махмеду определенные плюсы, ибо этот молодой горец мог легко перемещаться между укрытиями, довольно юрко совершал маневры внутри боя, но теперь его почему-то ставили в условия, для него слабо подходящие. Он хотел быть словно ветер в горах, свободным от всяких стен, но зачем-то его ставили сюда...

— Мне будет нужен один или два пулемета, чтобы крыть коридоры. Я не знаю, что еще мне потребуется, но, скорее всего, пригодятся дробовики и ПП для боя в замкнутых пространствах. Так же, как и Файзу, нужны будут магнитные щиты для организации обороны, в том числе сборный щит для организации огневой точки, — Махмед проговорил это как-то грустно, после чего спустился назад. Ему явно не нравилось то, что его ставят не на передовую, а для защиты задниц директоров. Там и так должны были находиться двое его братьев. Зачем там нужен он — оставалось для Махмеда не ясным, но он продолжал следить

за тем, как подзывает одного за другим командиров к себе генерал.

— Лейтенант Коен. Заведующий снайперами «Креста», — произнес имя второго Героя Федерации Шиллинг, а к нему подошел относительно высокий бритоголовый парень с имплантированным правым глазом.

— Работа двух отделений снайперов остается такой же, как и обычно. По три бойца размещается по крайним точкам «Креста», а восемь бойцов располагаются на «Перекрестье». При этом четверо отправляются на «Среднюю», то есть на уровень двадцать пятого этажа. Кроме снайперов там должны присутствовать бойцы с коллиматорными или оптическими прицелами на штурмовках. Предполагаю, что отделения в помощь снайперам хватит. Это позволит повысить огневую мощь, а также число убитых противников. Я лично буду находиться на «Средней», ибо мне интересно проверить то, насколько полезно это инженерное ухищрение генерала Шиллинга, — человек в конце своих слов улыбнулся, было в этой улыбке что-то необычное... Она будто предвещала что-то недоброе.

— Расчеты БМП готовы? — спросил Шиллинг, смотря на одного из командиров первого ряда.

— Так точно, генерал. Однако, в моем понимании, хватит и одного стрелка. Остальным следует принять бой. Это, кстати, позволит немного обойти то, что подразумевал наш великий генерал-губернатор. Вместо пятидесяти человек, находящихся над землей, выйдет пятьдесят восемь, — коренастый человек с подкопченным лицом улыбнулся. — Все равно ходовая часть не нужна, ибо перемещения на БМПшках запретили. Технически — мы члены экипажа, а фактически — боевые единицы.

— Отличная идея, Гоббс, — генерал улыбнулся бойцу. — Таким образом, у нас будет пятьдесят восемь бойцов над землей, не считая снайперов и стрелков БМП. Плюс тридцать бойцов на подхвате в резерве. Над землей, включая все подразделения, изначально получится... Сто семьдесят бойцов. Семнадцать отделений. Выходит, что поднять из гаража останется лишь двадцать три отделения.

— Это значит то, что надо будет произвести одиннадцать с половиной спусков и подъемов, если на первый этаж, — проговорил майор, кивнув.

— Да... Может быть, парни, все и не так печально, — в этот момент Шиллинг приобрел надежду. Они уже не в таком отвратительном положении, как раньше.

...

Корабль Тибальта опускался вниз. Это был довольно странный корабль, из-за его обновлений. Сам по себе он обладал формой наконечника стрелы, которая теперь искажилась из-за большой оружейной башни талерианского импульсного лазера «Налем-3205» голубого спектра. Это орудие было длинным, почти достигало всей длины судна в двадцать метров, и было вынесено на левый его борт, кажется, что «Стрела-5» ради этой пушки потеряла буквально все, включая две бластерных турели и рельсотрон, располагавшийся в самом носу корабля. Все это было сделано лишь для того, чтобы корабль был способен запитать главное орудие, но, кажется, и этого не хватило для того, чтобы орудие находилось в действующем состоянии.

— Какой же ты дебил, Тибальт, — проговорил один из киборгов.

— Ты о чем? — как-то неожиданно спокойно спросил капитан судна, обернувшись.

— Да в прямом! Наш главный калибр может работать только в том случае, если мы отключим двигатели, а это пиздец!

— Ну... Зато какой! — усмехнулся Тибальт, а корабль заходил на посадку, когда на

связь вышел кто-то, кто явно не выглядел как служащий космопорта. — Кто такой?

— Вас приветствует директор МилитариКорп Винсент Ли. Не хотели бы Вы...

— Я не нуждаюсь в Вашем вооружении. Можете даже не упрашивать! — проговорил довольно громко Тибальт, а Винсент дружелюбно улыбнулся и будто бы просканировал киборга своим железным глазом.

— Вообще-то у меня имелись другие предложения. Мы бы хотели Вас нанять...

— Нет, нет и еще раз нет! — проговорил Тибальт.

— Почему же? — спросил Винсент, не подавая виду, хотя, похоже, что он начинал раздражаться из-за поведения этого полуметаллика.

— Потому что я уже нанят!

— Кем? — настороженно протянул Ли, подозрительно смотря на Тибальта.

— Самим генерал-губернатором, для того, чтобы решить вопрос пиратов внутри системы! — снова громко проговорил Тибальт.

— Каких пиратов? Их в нашей системе давно вывели.

— Видите ли... Есть разведанные, будто бы рогарийцы собираются напасть на Немезиду в ходе пиратского налета! Именно поэтому губернатор решил нанять именно меня! Как одного из лучших наемников этой вселенной!

— Насколько мне известно... Ваш корабль — это посуда, которая выведена из строя Вашими «конструкторскими» решениями. Ставить на борт талерианское оборудование без замены генератора — самоубийство. Какая польза от Вас в космосе, Тибальт? — спросил уже с издевательской улыбкой Ли.

— Я буду лучшей космической турелью, которая только может быть! Я порву жопу любому ящеру! — все в той же манере высказался киборг.

— Даже своему товарищу? — поинтересовался Ли все с той же улыбкой.

— Да! Если надо будет.

— Хорошо. Разговор окончен. До свидания, — улыбнулся Ли, после чего отключился.

— Мерзкий тип! Его надо завалить в первую очередь... — проговорил Тибальт, обернувшись к своим парням.

— Ну, ты не лучше, — проговорил рогариец, как-то мрачно посмотрев на командира.

— Так... Теперь надо будет к губернатору ехать... Просто поторчать хотя бы в здании. Запросить какую-нибудь консультацию... Создать видимость того, что я реально среди государственных наемников... И зачем я наврал? — спросил как бы сам у себя Тибальт.

— Потому что ты ебанутый. Надо было согласиться работать с ними. Они бы запомнили нашу помощь и отчисляли деньги еще долгое время, — снова проговорил один из киборгов.

— Слово наемника — это слово наемника! А слову Тибальта — не грош цена!

— Да-да, — устало проговорил киборг, сидевший прямо за капитаном.

...

— Ну что? — спросил Блюхарт.

— Врет, мне кажется... Надо бы проследить то, куда эта железка направится. По камерам, чтобы этот ублюдок никого за собой не заметил, — улыбнулся Ли. — Романо пока что в городе нет. По крайней мере, ни одна база данных не выдала мне его присутствия, но вот... Кое-что мне не нравится.

— Что же? — спросил Блюхарт, прищурившись.

— То, что в Столицу прибыло еще три судна наемников, а также недобиток из клана Йори. Их изгнанник. В общем... Намечается что-то веселое. И есть у меня одно ощущение...

Послушаешь? — спросил Ли, посмотрев на Блюхарта.

— Да, Винсент. Послушаю.

— Темнит губернатор. Не просто так это «не более пятидесяти бойцов над землей». Помню, раньше мы привозили сотню. И все сто имели право располагаться над землей. Что-то тут не чисто. И Романо, наверное, здесь. Жаль, правда, что в их офис мы доступа не имеем... — Ли слегка барабанил по столу.

— Теракт? — спросил Блюхарт.

— Неа... Если мы это сделаем — нас точно ликвидируют, поэтому надеемся на то, что Романо провалится. Если мы сможем отбиться... — Винсент улыбнулся. — Романо — конец. Кроме этого, наши партнеры должны будут выплатить ущерб, нанесенный Романо, поэтому мы в шоколаде или в дерьме. Второе, к слову, вероятнее.

— И что ты предлагаешь, Винсент? Сдаться ему? Показать свою слабость, чтобы он нас по одному начал выщелкивать? — спросил Блюхарт, опершись на стул Ли.

— Ничего уже не предлагаю. Тебя же не переубедить, — усмехнулся человек.

...

Исмаиловы вместе с Баукусом сидели за одним столом в столовой МилитариКорп. Теперь здесь были Ахмет и Хасан. Хасан выглядел как милостивый молодой человек, худощавый, в отличие от братьев и отца, но довольно высокий. Лицо его было более аккуратным, с тонкими чертами, вероятно, если бы не рост и этот воинский взгляд, его бы можно было принять за девушку. Черные, как смоль, волосы были довольно коротко подстрижены, а на лице его красовалась пара мелких шрамов, вероятно, от драк.

— Ну, знакомлю тебя, Максим, и со вторым моим сыном, с Хасаном, — Саламбек при этих словах улыбнулся, а Баукус протянул руку Хасану.

— Рад знакомству, Хасан, — улыбнулся Баукус, а Хасан кивнул.

— Не понравилась мне вчерашняя «конференция», — проговорил Ахмет. — Они хотели Вас слить, Максим? — голос его был грубоват и слегка грустен, а Баукус, улыбнувшись, вздохнул.

— Видишь ли... Игра крупная. И хоть я и был одним из первых директоров... Сейчас моя роль, как и роль Саламбека, довольно сильно померкла. Хотя, как сказать... Один из первых... Я пятый, кажется. Саламбек был первый, затем они как-то связались с Блюхартом, затем он подтянул Ли, после был Дорн, а затем уже я. Но... Видимо, опираясь на то, что я самый «слабый» из директоров, они решили мной пожертвовать, тем более, что я удобно расположился в Кирен-1. Если бы я написал кворонам от своего имени... Меня бы сейчас здесь не сидело, равно как и Романо на Итарисе. Это предательство.

— Но Вы перекидывались с ними обвинениями, — Ахмет посмотрел на директора осуждающе.

— Ну... Да. Это обычное явление. Просто... Видишь, дело в чем? Надо было как-то обозначить то, что на них тоже немалая вина во всей случившейся заварушке. У меня, собственно, и выбора не было, кроме как раскрыть определенные свои домыслы, как оказалось... Они были верными, — спокойно проговорил Баукус. — А где Махмед?

— У него сейчас тренировки. Сам понимаешь, что будет завтра, — проговорил Саламбек с какой-то тяжестью на душе.

— Понимаю... Надеюсь, что все пройдет более-менее гладко.

— А что Романо? — наконец подал голос Хасан. — Он ведь не должен делать этого.

— Он беспредельщик, хотя... Беспредел порождает беспредел. Мы сами виноваты. Ну,

как... Я виноват, Лефтхенд, Блюхарт и Ли. При этом, наиболее адекватную позицию из них троих занимал Ли, ибо он предлагал перенести собрание, а это бы расстроило планы Романо, но Блюхарт и Лефтхенд уперлись, а против этой парочки не попрешь, ибо Блюхарт завладел еще и акциями Дорна, поэтому решающее слово было за ним, а если мы пойдем против — прости-прощай наши акции. Он просто их отождмет. Поэтому мы в определенной ловушке, — при этих словах он вздохнул и положил руки на стол. — Я ученице своего отца давал обещание, по сути... А теперь, кажется, не выполню его.

— Какой ученице? — спросил Саламбек.

— Ванесса Киблик. Может, слышали? — спросил Баукус с легкой улыбкой. — Милая девчонка, которая сейчас нуждается в помощи. Семья у нее довольно плохая, а я бы мог... Дать ей лучшее будущее. Продолжить дело отца, хотя бы в этом моменте. Она способная, понимающая очень многое, а так... Прозябнет на Итарисе, станет простой училкой, а уж я знаю наши социальные лифты.

— Ты считаешь Итарис плохим местом? — спросил Хасан.

— Нет. Неплохое. Просто Карения его убьет. Мы станем не более, чем сырьевым придатком, а еще местом, которое сможет дарить нашим прекрасным «партнерам» прекрасных девственных созданий. Борделем станет. Огромным рынком услуг. Мы сейчас-то не так уж и далеки от этого... Уж я знаю. Я сюда пробился бандитизмом, по сути. Крови на мне, конечно, нет, но все-таки. Я шел в ногу с тем же Леманом, который был тем, кто являлся тараном для меня. Я, как бы, его использовал в своих целях, а он был довольно туп для того, чтобы каким-то образом понять то, куда я лично движусь с помощью его сильных рук и тупой башки. Но... Я-то мужик. Плюс... Довольно сильно прогнивший на фоне кризиса, несмотря на все воспитание и прочее, а она ребенок. И вот у девушки путей гораздо меньше в силу того, что и сил меньше, и общество до сих пор не сильно стало гуманным и человечным. Кассир в магазине или проститутка — выбор не велик. Ну... Это если в вышку не пробьешься, но и там не велики шансы, что не попадешь под развод, — человек улыбнулся. — Ну вот... Как можно представить себе профессию «предприниматель»? У меня незаконченное высшее, однако, я предприниматель. Просто загадка такая, которую нам образовательная система дает.

— Ну... Предприниматель — это правовой статус. Способ получения дохода, — улыбнулся Хасан.

— Вот. Ты знаешь об этом, а куча бывших одиннадцатиклашек с пустыми головами не понимает простейшего. Нет такой профессии, как предприниматель. Предпринимателем может быть как профессор, так и биомусор, который всю жизнь жил разбоем и за счет этого сколотил начальный капитал, а затем на старости лет захотел жить спокойно, — Баукус усмехнулся. — А старость лет у бандита наступает довольно быстро... Пулевые отверстия дают о себе знать, да и косточки переломанные побаливают.

— Ну... У военных примерно то же самое, только... — Хасан задумался. — Только они относительно заслуживают подобного статуса, как мне кажется. Ну, вот тот же Ли... Он, как понимаю, получил хорошие вознаграждения за кампанию в Триумvirате, а далее смог более-менее закрепиться тут. Плюс... Конкретно в оружейном бизнесе военный уже смыслит. Он знает то, как лучше сделать. Я бывал на его фабриках. И видел то, как он лично пристреливал свое оружие. Он, как минимум, не сниматель ренты.

— Да. В этом плюс военных. По крайней мере, служака разбирается в том, что он будет делать, но... Хе-хе... — Баукус смотрел с улыбкой на Саламбека, а тот на него. — Тебе,

Хасан, сколько лет?

— Двадцать пять, а что? — спросил молодой человек.

— Ну... Видишь, дело в чем? Тот же Блюхарт довольно эффективно отжимал первые свои фабрики. Ну, как... Помогал им разориться, а затем выкупал за копейки. Про Ли, конечно, знаю меньше, ибо его позывной в армии ранее был «Змей». Скользкий тип, который легко способен обманывать, даже за гипнотизировать, если надо. Слышал этот певучий приятный голос, который становится очень сладким, когда старается захватить своего слушателя? Он, знаешь... Как хороший психолог. Знает то, как следует человека обработать, как убедить его и так далее. А еще... Чрезвычайно подлый. Уверен в том, что именно он манипулировал Лефтхендом в том, чтобы он надавил на меня в работе с кворонами. В общем, личность он довольно паршивая.

— Угу... Но мне он показался довольно искренним. Он и про штурм Дромира мне рассказывал. И... — парень как-то странно посмотрел на Баукуса. — А Вы уверены в том, что он такой уж и скользкий?

— Ну... Не совсем. В нем имеется какая-то доля офицерской чести, — проговорил Баукус, задумавшись.

— Ну так вот... Он, на самом деле, с восхищением рассказывал о дромирцах. Не думаю, что вот в этом он врет. В остальном не знаю. Еще он заморожен тем, что связано с оружием. Он знает каждый винтик в каждой модели, производимой на его заводах. Может быть, что бизнес его и испортил, но мы ведь все не чисты на руку, верно? — спросил с улыбкой Хасан.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Столица,
Район Центр-3, строение 5, этаж 0,
21.01.2580, 22:00

В подвале собрались почти все бойцы, кроме группы Тибальта. Здесь были и квороны-изнанники, и все наемники, и личные телохранители Романо, и ЧОП, и бойцы из охраны тюрьмы, и Хратер. В центре находились Романо, командиры наемников и часть бойцов Кувалды, Билли и Джек, Хратер, отличившиеся бойцы ЧОП, Ариан от отделения Крига и главарь каперов Йори.

Романо включил большую голокарту.

— Итак, приветствую Вас всех. Сегодня нас, как вижу, очень много... Я рад этому. Тибальт прибудет на место и уже получил мои распоряжения. Сначала мне бы хотелось познакомиться с главой каперов, изгнанников из клана Йори, — Романо посмотрел на этого крепкого кворона, чье тело было сплошь покрыто черного цвета броней и даже лицо было закрыто бронированным противогазом.

— Кракен — мой позывной. Имен изгнанники до своего прощения иметь не могут, — ответил металлический голос переводчика.

— Хорошо, Кракен, — проговорил Романо, а после вернулся к карте. — Итак... Сейчас мы видим довольно паршивую картину. Мы имеем три хорошо оборудованных круга обороны, третий из которых является самым для нас паршивым в силу того, что именно здесь будут наиболее мощно прошивать пулеметы. С другой стороны, имеется два БМП, — Романо указал на выемки в асфальте по бокам от строения в первом круге обороны, которые должны были служить под них. — Вот это идеальные точки для того, чтобы дать нам отлично просрать. Извините за такие слова, однако это вполне подходящее выражение, ибо, если мы не выбьем из земли эти машины, — нам конец. Я не знаю, что туда будет установлено, однако следует ожидать того, что плазма или фугас может сразу не сработать, однако...

— Господин Романо, — прервал его Хратер. — Я могу ликвидировать пулеметчика одним хорошим выстрелом. Моя винтовка может пробить броню БМП. С другой стороны, можно было бы запустить наш главный козырь.

— Да. Про Тибальта я хотел сказать, но... У меня есть определенные сомнения по поводу того, с чего начать штурм. Подрыв гаража может не случиться...

— Вы сомневаетесь в моих каперах? — спросил Кракен, смотря на Романо сквозь стекло шлема красного цвета.

— Нет, не сомневаюсь, однако есть шанс того, что МК выдадут охранникам гаража тепловизоры, а это, скорее всего, приведет к раскрытию Ваших бойцов, Кракен.

— Мой стелс-костюм не позволяет теплу выйти наружу.

— Однако, он полностью не способен скрыться от опытного взгляда. Определенный тепловой след так и так остается, ибо костюм местами греется от звезды сильнее, а местами слабее в зависимости от того, куда падают лучи. Вы все-таки не становитесь прозрачным от того, что включаете стелс-режим, ибо вокруг Вас образуется лишь некая иллюзия того, что Вы прозрачны. Это фокус, облаченный в технологию отражения того, что находится за Вами в тех или иных местах. Это система сканеров и мельчайших экранов, зеркалящих то, что

находится за тем или иным «зеркалом». Тень, по сути, остается. А наши гады построили все довольно неудобно для нас. Так... Вход в гараж находится с восточной стороны, то есть... — Романо обвел взглядом всех присутствующих. — Стелс не пройдет без помощи. Нужно замешательство, а лучше ликвидация охраны. Лучше... Кхм...

— Вы хотите, чтобы мы пожертвовали собой, — глухо проговорил переводчик.

— Не совсем. Скорее всего, они нас частично читают. Я даже в этом уверен. Они ожидают того, что мы сломя голову поперем на гараж. Но... Что если сделать немного иначе? — спросил Романо, улыбнувшись. — Смотрите... Основной проблемой для нас являются вот эти места, — человек приблизил вход в гараж, где было видно несущие сваи. — Вот эти две колонны надо ликвидировать. Но... Это не единственный способ блокировать вход. Я предлагаю разместить на крыше вот этого офиса, — Романо в этот момент снова отдалил картинку и указал на офис, находившийся прямо перед выходом из гаража. — Пулемет, а также гранатометчика. Когда БМП из запаса начнет выдвигаться — гранатомет ударит по нему, что приведет к частичному перекрытию движения для подкреплений, а пулемет заставит солдатню спрятаться за укрытия. Но... — Романо посмотрел на Хратера, затем на Кракена, а также на Жнеца. — К этому моменту должны будут быть ликвидированы снайперы наверху и на вот этой линии, — Романо указал на балкончики на уровне двадцать пятого этажа. — Пробриться внутрь снизу — невозможно. Факт в том, что Шиллинг заменил стекла на железобетонные плиты, что влечет за собой затрату огромных сил на то, чтобы их пробить, а через одну единственную дверь заходить — бесполезно, ибо там явно будут размещены пулеметные точки, которые будут нас крошить даже в случае если внутрь будет заброшена куча светошумовых гранат. Это бесполезно. Поэтому... Единственной возможностью перекрытия подкреплений и атаки является зеркальное действие. Крыть вход в здание огнем пулеметов. Они сами сделали для себя один большой минус. Так вот... Касательно окончательного перекрытия путей выхода через гараж... Мы можем просто заблокировать им путь пулеметами, однако, это не выход. У меня есть довольно сумасшедшая идея, но что, если забросить шахтерские бомбы туда и прострелить их? Или же... — человек снова приблизил гараж и указал на его «крышу». — Бросить их прямо сверху. Насколько мне известно... Шахтерская взрывчатка имеет такую мощь, что даже не направленный взрыв крошит к чертовой матери железобетонные стены, ибо сама взрывчатка используется на метеоритах в космосе, а также при пробивании наиболее твердых горных пород. Я не хочу, чтобы многие из вас погибли, Кракен. Тут и так многие не вернутся домой. Зачем лишний риск?

— И ради моего отребья Вы готовы рисковать другими своими бойцами? — Кракен усмехнулся. — Как благородно...

— Успокойся, Кракен, — Хратер посмотрел на него своим красным окуляром. — Если ты будешь перечить Романо — Вы не получите прощения. Он лучше знает то, как воевать с людьми.

— Да я же не говорю о том, что я не согласен. Просто это странные действия. Слишком идеализированные, — отметил кворон.

— Планы всегда имеют подобную особенность, — прокомментировал Клио. — Я согласен с господином Романо, ибо силы взрыва даже одной такой взрывчатки хватило бы, чтобы обрушить вход. Это если конкретно направить взрыв в колонну, но если нет... Можно как попало бросить две бомбы.

— Спасибо, Клио, — ответил Романо. — Далее... Нам нет смысла входить внутрь через

первый этаж. Нам нужно лишь заблокировать вход, но... Лифты продолжают двигаться, поэтому мы можем столкнуться с тем, что скопится много солдат на этаже наших ублюдков, поэтому сразу после зачистки и блокирования выходов ЧВК с первого этажа и из гаража — мы должны отправиться на крышу. Скорее всего, нас там будет ожидать засада. Я уже видел подобное в действии... Бойцы на ракетных ранцах поднимаются вверх, а там... — Романо немного помолчал. — Шквальный огонь. Зачастую, укрытия располагаются плюс-минус в пяти метрах от крыши, а далее кладут многих штурмовиков. Ибо штурмовик не успевает среагировать на это, а иногда не обладает подходящими имплантами для работы ранца, что называется, «без рук». Поэтому... Первая волна должна быть сплошь из тех, кто обладает подобными имплантами.

— Да. И устроить гандонами бадабум, — весело сказал Ирокез. — Я как-то штурмовал такую хрень, меня чуть за жопу не взяли, но граната из подствольника роняет человека разорванным на части.

— Я бы хотел кое-что сказать, — поднял руку Черноглаз, а после кивка Романо продолжил. — Смотрите... Тут имеется посадочная площадка. Часть из ЧВК будет находиться на ней, — в этот момент человек приблизил изображение. — Но. Вот здесь имеется одна отличная вещь. Данное сооружение перекрывает обзор остальным, которые расположатся ниже. В соответствии с этим... Нам правильнее заходить с одной стороны. Со стороны посадочной площадки. Таким образом, мы сократим число убитых среди нас. Не думаю, что у них там имеется целая зенитка, поэтому мы можем рассчитывать на штурмовые винтовки, которые обладают довольно малыми объемами патронов магазине, а значит... Можно также использовать приманку.

— Что ты подразумеваешь под приманкой? — спросил Романо, с улыбкой глядя на Черноглаза.

— Наиболее опытного человека, в плане полетов на реактивном ранце, — глухо проговорил человек. — Шансы на его выживание минимальны, но это точно отвлечет внимание противника, а также спасет многих других от смерти.

— Я согласен, — проговорил Клио.

— Чего? — спросил Кувалда, глядя на талерианца. — Ты с ума сошел?!

— Нет. Лучшего ракетного штурмовика вы не найдете, поэтому я должен сделать это. Я уже устал от жизни в изгнании, пусть же моя смерть станет яркой, — как-то мечтательно проговорил талерианец.

— Это плохой настрой, — отметил Гришка. — Тот, кто так относится к жизни, тут же поймает пулю. Первую же.

— Я не склонен полагаться на суеверия, однако склонен доверять своему опыту, — весело проговорил талерианец.

— Я не согласен с тем, чтобы использовать «приманку», — проговорил Романо.

— Но тогда у нас будет больше убитых, — ответил Синелицкий, который стоял, опершись руками на стол с голограммой. — Дайте талерианцу возможность быть героем.

— Согласен, — проговорил Горец, ухмыльнувшись. — Смерть в бою для нас в прошлом была благом, поэтому наш друг точно попадет к Аллаху, тем более, он сражается за правое дело.

— Ай... Верующий? — спросил Билли.

— В полете на ракетном ранце легко уверовать в высшую силу, ибо так легко умереть ты не можешь больше нигде, — улыбнулся Горец.

— А что со штурмом внутри? — спросил Прорыв, подняв взгляд от карты и переведя его на Романо.

— Там действовать придется по обстоятельствам. К сожалению, определенного плана нет. Поэтому...

— Поэтому будет много трупов, — как-то мрачно проговорил Грэм, а после этого его приобнял Гришка и что-то шепнул на ухо, отчего Гарри слабо улыбнулся.

— Оу... Лямур! — ухмыльнулся Билли.

— Сугубо крепкая мужская дружба. Ничего ты о наемниках не знаешь, чурбан, — хохотнул Ариан.

— Я не чурбан! Я просто... Шутник... — улыбаясь, проговорил Билли.

— А теперь вернемся к штурму, — проговорил Романо. — Первыми пойдем я и Жабодав, за нами, вероятно, Прорыв и Горец, может, отряд Железного и Жнеца.

— А мои квороны? — спросил Кракен.

— Да. Вы тоже. За нами сразу, — проговорил Романо, погладив щетинистый подбородок. — Дело, в общем-то, паршивое, поэтому... Нам стоит надеяться только на удачу.

— Охренительные итоги, — прокомментировал, все это время мрачно стоявший, Колленс. — А чего командир снайперов молчит?

— А мне все нравится, — усмехнулся Койот. — Вероятно, я и займу позицию напротив гаража, коли там надо быстрее всего убрать снайперов.

— Да. Как-то так. Ночуем здесь, а выдвигаться будем на грузовиках. Сигнал для начала атаки «Итарис», — проговорил спокойно Романо.

— Принято, — проговорил сначала Хратер, а затем хором и все остальные.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Столица,
Район Центр-25, «Крест», строение 3, сады-укрепления,
22.01.2580, 09:00

День начинался спокойно. Машины директоров прибывали к офису одна за одной, а БМП уже были размещены в своих отсеках. На улице был генерал-полковник в отставке Винсент Ли и генерал-майор в отставке Шиллинг. Ли обходил посты ЧВК, осматривал бойцов и вел счет.

— Больше пятидесяти находятся над землей, а конкретно, данное число превышено на восемь человек. У нас не возникнет с этим проблем, Шиллинг? — спросил Ли, обернувшись к Шиллингу.

— Не должно. Технически эти восемь человек — части экипажа БМП, поэтому они просто находятся вне машин, но на деле являются частью их экипажа, — Шиллинг слегка улыбался, на самом деле он не знал, чего стоит ожидать, они подошли к гаражу.

Здесь расположилось пять человек.

— Думаете, что этих бойцов хватит для охраны гаража? — спросил Ли. — Или Вы уже решили его сдать без боя?

— Не совсем. Скорее всего, Романо будет атаковать гараж в первую очередь, а стелс-костюмы, на деле, не такая уж и волшебная штука. Тени останутся, а данная сторона солнечная, на самом деле, тепловизоры не столь и нужны для охраны, достаточно увидеть тень на земле, а далее открыть огонь. Если мы ликвидируем подрывников, остальной штурм будет провален.

Ли в этот момент посмотрел на тридцатиэтажный офис, расположившийся примерно в пятистах метрах от входа в гараж.

— А Вы не думали о том, что бойцы Романо могут выбить снайперов оттуда и разместить там пулеметную точку, чтобы крыть гараж? — спросил человек, смотря на крышу здания, где уже расположились снайперы.

— Думал, поэтому там имеется небольшой отряд поддержки. Четыре пехотинца, — проговорил Шиллинг спокойно.

— Угу... Ну, ладно. Будем посмотреть на то, что случится, — человек бегал глазами по периметру, осматривал оснащение бойцов.

Возле гаража над его крышей присутствовал один боец в экзоскелете с шестиствольным пулеметом в руках. Модель экзоскелета «Джаггернаут» выпускалась на заводах МилитариКорп, поэтому Ли примерно знал, что представляет собой эта броня и понимал, что снайперская винтовка вполне может ее ликвидировать, но более мощных экзоскелетов в наличии не было, да и никто не дал бы их использовать, ибо экзоскелеты выше категории «легких» уже считались за бронемшины, а три БМП уже имелись у них в наличии. Джаггернаут представлял собой довольно грузную броню, которая обладала массой примерно в три сотни килограмм, от того она была максимально медленной, однако идеально справлялась со стрельбой из крупнокалиберных орудий, а в ближнем бою, если задевала противника, ликвидировала его со стопроцентной вероятностью вне зависимости от расы, однако, надо было еще попасть. Главным слабым местом бронирования являлся шлем, который кроме функции защиты головы содержал в себе и большое число

электроники, которая помогала Джаггернауту более-менее эффективно ориентироваться на поле боя.

— Не знаешь, почему у джаггера голова такая легкая? — спросил Ли у Шиллинга.

— Ну... Это для того, чтобы не мешать обзору. Я помню более тяжелую версию экзоскелета Джаггернаут, так она была, мало того, что неповоротливой, так еще и с очень плохой системой поворота шеи. Да, конечно, это позволяло защитить пилота от первой снайперской пули, но... Не позволяло двигать головой. Теперь же вот такая голова, там есть небольшие сервоприводы, которые забирают тяжесть шлема на себя, поэтому... Ну... Если не в стекло бронебойная пуля — он не погибнет. А что касается тяжелой версии... Там была довольно большая площадь бронестекла, поэтому если шел выстрел в лицо — бойцу приходил конец, даже если пуля попадала в «капюшон», ибо там шел рикошет и был очень малый шанс того, что она не убьет бойца. Но, кстати... Я бы на месте наших Кулибиных сразу использовал и капюшон, и такой шлем. Да, это бы повысило дороговизну производства, но сильно бы повысило выживаемость.

— Как в Средние Века? — с улыбкой спросил Ли. — Там был вариант многослойности шлемов. Сначала надевался бацинет, кажется, а затем более тяжелый шлем. Таким образом, сокращался шанс на гибель бойца, ибо боец зачастую являлся очень богатым человеком. Рыцарь все-таки.

— Ну, да. Только тут нам важно сохранить боевой кадр. Я не знаю, как поведет себя вот этот шлем, но если использовать два слоя брони... — генерал мечтательно улыбнулся. — Тогда ему все нипочем, ибо пуля, прошедшая через бронестекло, теряет свою кинетическую энергию, далее она начинает скакать по нашему капюшону медленно, но верно растрачивая кинетику, а за счет специальной пленки — стекло не посыпется от первого, второго и даже третьего выстрелов. Да, оно частично будет терять свою прочность, все слабее и слабее будет поглощать кинетическую энергию пули, но эта прочность продлит жизнь бойца. Более того, вот такой шлем, — Шиллинг указал на шлем легкой версии экзоскелета. — позволит пуле дальше продолжать скакать по шлему. То есть, если этот шлем не способен спасти от прямого попадания, то попадание от рикошета после прохождения бронестекла — позволит бойцу выжить.

— Но... Есть один минус. Да, боец будет жив, но потеряет в боеспособности, ибо потрескавшееся стекло не позволит так эффективно вести бой, как было раньше. Однако, да. Живой боец значительно лучше, чем мертвый. Надо предложить такую конструкцию Мерсеру, — проговорил Ли, заострив внимание на простых бойцах.

Сейчас на них был типичный бронежилет военного типа с двойной системой защиты, которая состояла из кевлара и керамики под ним, на головах их были закрытые защитным стеклом шлемы со встроенными тепловизорами, в руках были штурмовые винтовки «Винсент-7», которые обладали рукоятками для удержания винтовки возле дула, а также кассетными магазинами перед спусковым крючком.

— Что могу заметить, так это то, что Винсент-7 — отличное оружие, — улыбнулся генерал, глядя на директора. — Только почему Винсент? В честь себя назвали?

— Не совсем. Первый мой завод был моим тезкой. ВинсентКорп, кажется, владела этим заводиком, ну а мне повезло. Далее я сохранил линейку автоматов и немного доработал. Сейчас Винсент — это штурмовые винтовки, близкие к тому, чтобы назвать их мелкокалиберными пулеметами, а единственное их отличие в размере. Я, кстати, думаю о том, чтобы разработать линейку новых пулеметов. По сути, надо лишь слегка удлинить ствол

Винсента и далее увеличить магазин, сменить на полный барабан, ну и... Убрать лишние детали по типу встроенного подствольника, — проговорил Винсент с легкой улыбкой. — Вообще... Штурмовые винтовки Винсент — это, пожалуй, на данный момент верх моего творчества. Убойные и надежные. Старый добрый калибр семь шестьдесят два, неубиваемый при должном уходе затвор. Подходит под любые виды магазинов в зависимости от той ситуации, в которой применяется. Если надо использовать как пулемет — барабанный, если надо использовать как обыкновенную штурмовку — коробчатый, и так далее. Высокая боевая эффективность, ибо с этим оружием воюют многие наемники и не жалуются, между прочим, — с лица Винсента не сходила улыбка, когда он разговаривал о своем оружии.

— Да, Вы, Винсент, сами оружейник, должно быть? — спросил Шиллинг, смотря на высокого мужчину, который более напоминал интригана и подлую, грязную тварь.

— Просто интересуюсь. Все-таки армия, довольно высокий ранг в ней и прочее. Грех не интересоваться, а также не испытывать новые модели. Вообще... Что мне нравится в этом стволе, так это то, что он универсален. Большая часть концернов центрицев делает некое специализированное оружие, а это самоубийство для армии, ибо специализированное оружие ликвидирует пользу бойца как только он выходит из тех условий, в которых это оружие может применяться. А тут? Когда надо — пулемет, когда надо — штурмовка, когда надо — снайперская винтовка. В зависимости от предпочтений бойца в плане прицела можно установить прицел оптический и стрелять одиночными. А если использовать и модификацию с удлиненным стволом — это просто радость для снайпера. Может применяться и как автомат, и как винтовка, ибо магазин остается от автомата, а патронов там тридцать. Правда... Есть свои минусы... С таким в помещении не развернешься, но можно применять модификации сугубо на открытых пространствах, — он говорил об этом как-то заворуженно.

— Надеюсь, что эти автоматы позволят нам выдержать нападение Романо... — проговорил как-то мрачно генерал.

— Тоже надеюсь, ибо мы в очень паршивой ситуации. Есть подозрения в том, что Тибальт, который прибыл вчера в Столицу, будет выступать на стороне Романо. И вот в этом случае... Нам конец. Да и... Я точно знаю о том, что на стороне Романо выступит еще и Койот со своими товарищами по цеху, поэтому наши шансы невелики, генерал, и если посчитаете нужным — отдайте приказ сложить оружие. Не зачем этим парням гибнуть из-за прихотей Харриса, — это Винсент проговорил спокойно и холодно, кажется, что он был уверен в том, о чем говорил, а у генерала в этот момент как-то паршиво кольнуло в груди, но он не показал вида.

— Как же я предаю слово офицера? — спросил генерал-майор, смотря на генерала-полковника.

— Я освобождаю Вас от этого слова, — проговорил спокойно Винсент.

— Это же как?

— Я старше Вас по званию.

— Но не по возрасту.

— Я повторюсь, генерал-майор, Вы не обязаны погибать из-за прихотей нашего гендиректора. Сейчас мы зависим от ЧВК, а не ЧВК от нас, и ЧВК априори имеет больше прав, чем мы. Вы не должны расплачиваться за наши огрехи, — улыбнулся Винсент, после чего двинулся вокруг здания ко входу, оставляя генерала ЧВК в раздумьях.

Вскоре он был на совете директоров. Двенадцать человек, включая двух сыновей Исмаилова, уже сидели за овальным столом в знакомом кабинете, а Ли ожидало его место по правую руку от Блюхарта, что сидел во главе стола. На часах уже было десять часов, когда и должен был начаться «кружок по интересам» сильных мира сего.

— Итак, теперь, когда все в сборе, — поднялся Блюхарт, сейчас все из присутствующих здесь были в красивых черных костюмах примерно очень похожего вида, отличавшихся в большей степени размерами, — нам следует начать наш с вами разговор. Сегодня нас покинул господин Дорн, он переписал свои акции на меня и ушел на долгожданную пенсию. Думаю, что в элитном доме престарелых старому гэбисту будет лучше, но основная тема сегодняшнего разговора — это не наш старый друг, а то, как мы будем работать в дальнейшем.

Блюхарт посмотрел сначала на Ли, а затем на сидевшего по левую руку Лефтхенда. Он выдержал паузу и продолжил:

— Итак, думаю, всем из здесь присутствующих известно то, что на нашу с вами планету вторглись неприятные нам силы. Они выставили из парламента нашего друга, директора Вольфа, который довольно эффективно проталкивал наши инициативы в парламент, а также помогал нам в том, чтобы патентовать самые различные модели оружия и техники, включая технику, позаимствованную у предыдущих владельцев тех или иных предприятий. К сожалению, сегодня Иоганн не может исполнять те задачи, которые ранее были поставлены перед ним, поэтому мы вынуждены пойти на новые, быть может, крайние меры, которые направлены на ликвидацию влияния Карении на нашу планету, — Блюхарт снова выдержал небольшую паузу, а Ли улыбнулся. — Как вам всем известно, мы довольно быстро и эффективно пополняем ряды нашего ЧВК, которое сегодня занимается охраной нашего съезда, что должен принять судьбоносные решения, как для нашей компании, так и для Итариса в целом. Быть может, что сегодня наш покой будет нарушен директором экспроприации Романо, поэтому нам нужно набраться мужества для того, чтобы, быть может, активно защищать наши с вами интересы даже с оружием в руках, поэтому я передаю слово Винсенту Ли, так как он только что проверил то, насколько хороша наша оборона, пусть и не является фортификатором, но является штурмовиком, который брал города в Триумvirате, — проговорив это, человек сел, а Ли, прикрыв здоровый глаз, провел по конференц-залу своим искусственным окуляром.

Лица директоров были отчасти спокойными, а отчасти встревоженными. Волинский — коренастый мужчина, кажется, с вечно пьяными карими глазами и небритым лицом — переглядывался с другими директорами, которые не знали о том, чего стоит ожидать сегодня здесь. Настороженным был и бритоголовый Иоганн Вольф, он смотрел на поднимающегося Ли какими-то странными глазами, то ли испуганными, то ли ненавидящими, ибо, кажется, в один момент он понял абсолютно все. Вот виновники этого нападения. Среди них.

— Итак. Я приветствую вас, мои друзья и коллеги, — как обычно распевиисто начал говорить Винсент. — Сегодня нас ждет один из самых замечательных дней, который наполнится кровью, болью и другими красками войны. Многие из вас не видели того, что представляет собой война, и поэтому я поздравляю вас с этим прекрасным во всех смыслах событием, — улыбка на его лице в этот момент казалась безумной, а сам Ли будто бы упивался тем, как выпучились глаза Волинского. — А знаете, почему мы будем вынуждены обороняться? Правильно. Из-за двух глупых людей, которые не послушались моих и Баукуса советов. Но ничего... Мы, наверное, выстоим, а сражаться будем вместе с солдатами, — он

злобно посмотрел на Блюхарта, который явно не ожидал того, что Ли выдаст именно это. — Но, я продолжу. Генерал Шиллинг подготовил достойную оборонительную систему, а также отобрал лучших бойцов ЧВК, которые у нас есть, поэтому нам стоит надеяться на то, что мы таки выстоим в обороне довольно крупных сил подготовленного противника. Поэтому... — в этот момент Ли вдруг замолчал, опустил глаза вниз, наклонил голову немного набок и вперед, замерли и другие директора, которые были хоть как-то связаны с войной и армией.

Блюхарт достал рацию, после чего подключился к волне.

— Что у Вас происходит, Шиллинг?

...

В этот момент пять бойцов уже находились на крыше офиса, на который и был направлен выход из гаража. Один снайпер уже лежал убитым, а второго добивал на земле человек с подобием кинжала в руках. Койот, чья фигура уже присела рядом со старой позицией снайпера, сделал первый щелчок. Со средней линии в момент свалился один из бойцов. Еще один... Глаза снайпера не бегали, он видел цели и выбивал одну за одной, когда в бойца рядом попала пуля откуда-то сверху. Он повалился, не издав и звука, а Койот быстро перевел ствол своей винтовки наверх. Блеск прицела... Найден.

Он лежал на середине крыши, собирался выстрелить в наемника, но тот оказался быстрее. Прицел был пробит насквозь, а пуля должна была выйти из затылка, Койот не отвлекся от результата выстрела, ибо сзади послышался стрекот пулемета. Кто-то пытался выйти из дверей подсобки, но был убит, вероятно, это было подкрепление. Где-то внизу уже начали слышаться стрекоты оружия, а ЧВК сейчас должно было начать выбираться из гаража. Койот быстро перевел прицел на Джаггернаут, который уже вел огонь по наступающим. Секунда, и его шлем пробивается практически насквозь.

В это же время, судя по звуку, начинает выкатываться БМП, а рядом с ним бежит несколько солдат. Еще один боец, кажется, это был Ирокез, быстро выхватывает из-за спины одноразовый гранатомет «Септим-1», который быстро выбрасывает из своей трубки снаряд. Взрыв. БМП дымится, а солдаты рядом падают, посеченные осколками. Пулеметчик, наконец, возвращается к позиции, которую должен крыть огнем, четвертый остается, кажется, на прежней позиции, ожидая того, когда противник ворвется на крышу через лестницу за спиной.

Пулеметчик начинает вести огонь короткими очередями, поставив сошки на небольшой металлический щит, когда вдруг валится, держась за живот с диким криком, бронепластина пробита насквозь — работа снайпера. Ирокез сразу подхватывает пулемет, но ждет, когда Койот выбьет снайпера. А прицел снайперской винтовки тем временем шарит по среднему уровню. Вот. Ствол наводится на снайпера, который отвлекся на кого-то внизу. Да. Внизу должны наступать квороны. На лице под маской появилась улыбка, которая тут же желтым блеском зубов отразилась в огне, что тут же затух в пламегасителе. Секунда, и снайпер, пробитый пулей, отскакивает слегка назад, а ЧВКшники на этой позиции вдруг получили довольно много пулеметных пуль, Ирокез занял позицию оравшего от раны пулеметчика.

...

Кракен вместе со своими кворонами прорывался к гаражу. ЧВК здесь было уже прорежено выстрелами Койота, а БМП горело и, кажется, намеревалось взорваться, из-за чего даже без огня со стороны Ирокеза бойцы не появлялись в проеме. Кракен довольно быстро продвигался вперед. Один из солдат валялся возле самого основания спуска, а из артерии его хлестала. Другой переместился к позиции Джаггернаута, откуда время от

времени постреливал, еще двое прятались по ту сторону, один поднял голову и тут же был убит одним из кворонов, но последнего накрыл кто-то сверху. Еще один упал, Кракен включает стелс-режим, а далее поднимает свой пулемет наверх и открывает огонь по бойцам ЧВК.

— Кейс! Бомбу! — проорал Кракен, когда один из его бойцов побежал вперед, а командир остался на этой позиции. Где-то слышались несколько разрывов ракет, где-то били пулеметы.

...

Наступление было быстрым и эффективным, почти сразу Тибальт уничтожил БМП со своей стороны и, укрытый куполом щита, шел вперед, распыляя пули над укрытиями врага. Его же команда планомерно продвигалась вперед. Одна длинноногая тварь перескочила БМП, а затем повалилась на бок из-за ряда пуль, после чего другая такая же запрыгнула за то укрытие, из которого был расстрелян ее брат. Крик разорвал воздух, а в человека буквально впились зубы этой твари.

...

— На связи Гоббс! Правый фланг несет большие потери! Уничтожено БМП! Бойцы не могут поднять голову! — орал один из командиров правого фланга, на который обрушился Тибальт. Гоббс достал гранату из своей разгрузки, на лице его был оскал, а сам он думал о том, как подбить эту машину.

Его щит явно отразит брошенную гранату, поэтому вариантов оставалось немного. Гоббс был снаряжен по первому классу, на нем был полноценный бронекостюм. Командир БМП расположился во второй линии, судя по цвету гранаты — это была плазма. В этот момент краем глаза он заметил то, как один из киборгов перепрыгнул соседнюю клумбу, раздавив одного из бойцов его машины, в этот момент в висках застучало сердце, а глаза, кажется, налились кровью. Время начало останавливаться, а сам Гоббс рванул вперед с каким-то диким криком. Киборг начал поворачивать торс, чтобы достать человека пулеметом, но граната уже летела в его направлении. Мгновение... Снаряд ударяет в самую шею бойца Тибальта, после чего расплескивает плазму, а Гоббс падает на левый бок. Рот его открывается, пытается схватить воздух, но несколько пуль, прошедших через грудную клетку, не позволяют сказать и слова, к горлу подходит кровь, скоро что-то теплое возникает на губах, он пытается вдохнуть. Чувствует, как стекленеют его глаза, но видит, как плазма разъедает корпус киборга, после чего создание Ада валится на землю, а на губах бойца возникает блаженная улыбка... Глаза же окончательно стекленеют.

...

Романо шел на центральный вход, который и был наиболее хорошо защищен. Снайперы уже поработали на славу. Джаггернауты, стоявшие на первой линии, уже были выведены из строя. Противник довольно эффективно огрызался стрекотом ручных пулеметов и штурмовых винтовок. Ряд бойцов Романо уже валялся на окровавленном асфальте из-за работы снайперов «средней линии». Сам Романо расположился за «клумбой» первой линии. За ней уже лежал тот, кто должен был защищать ее. Тем временем, ЧВК получил подкрепление. Тридцать человек уже давно находились на позициях второй и третьей линий, из-за чего атака Романо, Жабодава и ряда других наемников довольно сильно захлебывалась. Рядом с Романо сидел и сам Жабодав.

— Что делать будем? — спросил Жабодав.

— Тибальт эффективно прорвал правый фланг, поэтому нам остается дожидаться его, —

проговорил Романо.

— Не вариант. Он долго будет торчать на одном месте. Добивает врагов, — говорил Жабодав.

Тем временем, к ним подскочил и Черноглаз. Грэм был возле соседней линии.

— Такая идея, командир, — проговорил довольно громко человек, когда рядом подорвалась граната из подствольника врага, из-за чего Черноглаз слегка пригнулся. — Можно попробовать прорваться к средней линии! Но надо, чтобы все ударили из подствольников одновременно. А снайперы повыбивали пулеметы с третьей линии.

— Ага. А там еще двадцать бойцов подошло, — проговорил Жабодав, на секунду выглянув из-за укрытия, когда послышался громкий хлопок где-то далеко, а затем еще один. — Квороны сработали!

— Или кворонов сработали, — процедил Романо, пальцем залезая в ухо. — Сука... Давно на войне не был... Глушит, как...

— Ну, ниче, привыкните, Лис, — усмехнувшись, проговорил Жабодав.

— На связи, Железный. Каковы наши действия? — послышалось в рации. — Противника все больше, если мы будем ждать — не перекроем им пути-дорожки.

— Не торопись, Железный. Спешка ведет к поражению, — послышался насмешливый голос Горца.

— В этом случае парнишка прав. Нам некогда сидеть и рассусоливать, — послышался сорванный голос Синего.

— На связи Лис. У нас один вариант. Огонь на подавление из подствольников, как бы это не звучало.

— И без меня?! — послышался голос Ирокеза.

— Молчать! — послышался голос Кувалды.

— Сейчас Жнец, Муха и другие — отстреливают самых яростных пулеметчиков, а мы на счет пять ведем огонь из гранатометов. Желательно так, чтобы гранаты летели за укрытие, чтобы посекло солдат, а не уничтожило укрытие. Принято?! — спросил Романо.

— Принято, выбиваю любителей пострелотать ваши нервы, — весело проговорил Жнец, после чего начал методично заглушать пулеметчиков третьего и второго рядов вместе со своими снайперами.

— Раз! — послышался голос Романо. — Два! Три! Четыре! Пять!

Что-то около тридцати бойцов поднялось из-за укрытий, после чего двадцать с лишним гранат полетело в направлении второй линии. Послышались взрывы и крики, а Романо скомандовал вперед, после чего первым вперед вырвался швагр, который стал лупить по третьей линии сразу из двух пулеметов. Его же примеру последовали другие пулеметчики, а затем и штурмовики.

...

— Романо рвется вперед! Вторая линия разбита, у них и у нас потери большие! — слышался голос Коена, который продолжал стрелять по тем, кто вырывался вперед. Вот швагр получил пулю в грудь, но не остановился, он продолжал какое-то время бежать, пока наконец не упал на колени, но Коен этого уже не видел. Он выцеливал следующего пулеметчика.

Чернокожий человек бежал, целясь по средней линии, но тут же упал, резко опрокинувшись на спину. Коен был гораздо опытнее остальных снайперов и выбрал для себя позицию в одной из комнат, из-за чего его до сих пор и не могли поймать в прицел

снайперы. Его просто не было видно, а вот он прекрасно видел тех, кто сейчас наступал. До тех пор, пока кто-то снизу не понял, откуда в них стреляют. Коен выпустил еще три патрона. Ложились разные люди, но потом...

Граната. Время замедляется, снайпер видит то, как прямо в потолок летит снаряд какого-то одноразового гранатомета. На лице снова возникает эта странная улыбка, а его прибывает к полу силой взрыва, лицо опалено огнем, а тело прошивает ряд осколков, которые раз и навсегда заканчивают историю одного из самых опытных снайперов Ареса.

...

Хратер продолжал вести огонь со своего направления. БМП давно было ликвидировано, а бойцы Кувалды и Горца эффективно продвигались под чутким надзором снайперов. Все-таки Хратер был действительно одним из лучших в своем деле и доказывал то, что ему не зря доверились, ибо трупы бойцов ЧВК черными фигурками валялись на асфальте, политом кровью, после его пуля.

...

— Что у Вас происходит, генерал?! — орал в рацию Блюхарт.

— Мы не можем сдержать натиск Романо. На одной стороне за него выступил Тибальт! Гоббс уже героически погиб! Убит Коен! Убиты все снайперы, из-за Ваших желаний, Блюхарт! Вы тупая, безмозглая сволочь, которая не смогла додуматься до того, что мы не сможем сдержать наступления Романо! — резко ответил Шиллинг в рацию, после чего Блюхарт посмотрел на людей, сидевших здесь, его глаз дергался, но он сказал. — У нас все под контролем. Внутри они не смогут ничего сделать. Змей?

— Что «Змей»? — спросил Ли, смотря на Блюхарта как-то мрачно. — Нам конец. Да, сейчас здесь четыре отделения солдат, но мы вряд ли выстоим. У нас есть только один вариант — занять глухую оборону на лестнице. Не дать врагу и шанса, чтобы пробраться на этаж.

— Угу...

— Что «угу»? Ты нас всех под это подвел, Харрис, и вот эта мразь, которую ты влил в наш коллектив, — Винсент указал на Отто, а тот посмотрел на него бешеными глазами, после чего достал из кобуры пистолет и наставил на полковника.

— Повторишь? — спросил грозно человек.

— Повторю, капитан. Ты лишь жалкая тварь, которая только и может что угрожать оружием. Давай. Выстрели в единственного более-менее боеспособного человека из здесь сидящих. В одно рыло будешь обороняться, capitoша? — спросил человек, улыбнувшись.

...

Романо и остальные заняли новые позиции. Крен, похоже, был убит, как и старшина Мин, которая лежал на спине.

— Каковы потери? — спросил Романо.

— Синий убит, — мрачно проговорил кто-то из его отряда.

— Горец на связи, мы готовы ударить с фланга, — проговорил весело человек.

— Тибальт на связи. Мы зачистили правый фланг, готовы присоединиться к замесу.

— Присоединяйтесь, — проговорил Романо одобрительно, а над их головами до сих пор стрекотали пулеметы.

В этот момент отряды Горца и Кувалды двигались вдоль насыпи, а ряд их бойцов взобрались на нее, включая самого Горца, который уже наблюдал из-за угла за ЧВК.

— Готов начать атаку, — констатировал Горец.

— Гранаты в подствольники! — выкрикнул Романо, после чего отряд под его началом забросил гранаты, а затем Лис проговорил: «Горец, ударь им в спину, пусть отвлекутся на тебя».

— Принял, — проговорил Горец, в очередной раз улыбнувшись, после чего открыл беспорядочный огонь из-за угла. Его же примеру последовали бойцы из-под горы, которые начали вести огонь по позициям врага. То же сделал и Тибальт, открыв огонь со своей стороны.

А далее отряд Романо открыл огонь из подствольников. Выстрел за выстрелом превращали в пыль пулеметные точки, а людей — в беспорядочно разбросанные куски мяса.

Тибальт и второй киборг тут же заняли позиции для того, чтобы закрыть двери.

— Каковы дальнейшие действия? — спросил Грэм с легкой одышкой.

— Нужно понять, скольких мы потеряли, — проговорил Романо, осматриваясь.

Точно он здесь видел восемьдесят бойцов, Билли в своем экзоскелете подходил к позициям Тибальта. Убитых и раненых явно было много... Человек пятьдесят минимум, и это только здесь. Неизвестно, что было с кворонами Кракена, который не выходил на связь.

— Койот? Как вы там? — спросил Романо.

— Кракен ликвидировал гараж. Потерял бойцов двенадцать, сам движется к вам, — проговорил снайпер.

— Принято, — отозвался Романо.

Здесь же был Паук, Джек, но вот двух амбалов, которые обычно были с Романо — не было, похоже, что убиты. Кроме того, не было видно и Чаки, но вот... Кто-то шел к ним, подтаскивая ногу.

— Лис, я ранен. Не смогу продолжать бой, — промычал человек в бронекостюме.

— Отлично, Чаки, — проговорил Романо, после чего посмотрел на крышу. С этой стороны и находилась посадочная площадка...

Тишину прервала рация.

— Господин Романо. Это генерал Шиллинг. Я прошу Вас прекратить свои противоправные действия. Я не хочу больше смертей моих бойцов, давайте сложим оружие? — послышался голос генерала во всех рациях.

— Здравствуйте, генерал, — ответил Романо. — Добрый сегодня день, верно? Мне тоже нравится, но я не готов прекратить войну. Вы же можете приказать своим бойцам сложить оружие, и тогда они выживут. Выживете и Вы, ибо не Вы являетесь нашей целью. Меня интересует лишь директорат МилитариКорп, а вот ЧВК «Арес» мне неинтересно. Обдумайте это, и дайте приказ своим, — проговорил Романо.

— И ты готов идти с ним на переговоры? — спросил Жабодав.

— Нам не нужны лишние потери, — утвердительно сказал Романо.

— Понял, — мрачно проговорил Жабодав.

— Нельзя долго задерживаться. Клио, Прорыв, Жабодав, готовьтесь к тому, что нам пора подняться наверх, — скомандовал Романо, после чего его бойцы стали готовиться к подъему.

...

— Стрельба прекратилась? — спросил кто-то из директоров.

— Это значит, что они захватили сад, — отметил Блюхарт, который сидел с бледноватым лицом, но все-таки сохранял спокойствие. — Ли и Лефтхенд, готовьтесь к тому, чтобы взять командование над бойцами. Я не доверяю Шиллингу.

— Принято, — проговорил Ли, все так же улыбаясь, как и раньше, а Лефтхенд лишь кивнул.

...

— Стрельба прекратилась, — отметил Файз и поднял руку, отдавая сигнал к тому, чтобы его бойцы готовились. В этот момент приехал лифт, и еще отделение попало в обойму к Герою Федерации. — Занимайте позиции на посадочной зоне. Они будут штурмовать отсюда.

— Почему? — спросил какой-то прокуренный голос.

— А сам посмотри... Здесь наиболее хорошая точка. Она закрывает обзор тем, кто ниже, — проговорил спокойно Файз. — В случае чего... Складываем оружие.

— Ты хочешь предать Итарис? — спросил кто-то другой.

— Итарис уже предан, — мрачно констатировал Файз.

...

Ли уже стоял возле входа в конференц-зал и осматривал бойцов. Он уже давно сбросил с себя пиджак и был в одной рубашке. Лефтхенд также находился здесь.

— Ну? Ты, Отто, наверное, пойдешь к лестнице, раз уж ты хотел более всего дать по морде Романо, — ухмыльнулся полковник, глядя на гвардии капитана.

— И дам! — Бугай смотрел на бойцов, их здесь было сорок, плюс телохранитель Блюхарта. — Короче. Такая тема, парни. Берите несколько щитов и двинемся к лестнице, там образуем кой-какие баррикады и не дадим гадам сюда даже зайти.

— Гениальный план, гос-сподин Лефтхенд, — прошипел василиск, как-то презрительно смотря на бугая. — Лично я собираюс-сь устроить им небольшой с-сюрприз, ес-сли Вас разобьют.

— Устраивай! Главное, под ногами не мешайся, — проговорил Лефтхенд, после чего маршевым шагом пошел в восточном направлении коридора.

— Директор Ли? — к человеку подошел невысокий паренек. — Каковы Ваши приказания?

— Исмаилов? — спросил Винсент.

— Он самый.

— Главное, не подставляйся, — с улыбкой проговорил директор, а после подметил в отряде примерно такого же, как он сам по комплекции и росту и подмигнул этому бойцу. Приказал, чтобы бойцы выставляли новые щиты на позиции, откуда двинулся вперед Лефтхенд. Змей же тем временем посмотрел на вентиляционный люк.

...

Баукус о чем-то размышлял, почесывая подбородок. Он думал о том, куда все-таки попал Ирвин с его бойцами. Может быть, вверх? Или здесь, за дверью? Он барабанил пальцами по столу, видел, как были напряжены директора, а также то, как медленно, но верно снаряжался сам Блюхарт.

Этот человек был крепок и высок, лицо его теперь уже сохраняло спокойствие, он уверенно закладывал магазины в разгрузку на своем бронежилете. На ремне, который держался на шее, висел Винсент-7 с барабанным магазином, а сам человек был мрачен.

...

Тем временем наемники уже надевали на себя ракетные ранцы, а Клио смотрел вверх в предвкушении того, что сейчас должно произойти. Он видел в этом некое спасение от жалкого существования. Вокруг него всегда все пахло кровью, потом и гарью, но сам Клио

мог лишь представлять этот запах, ибо талерианские респираторы вычищали воздух настолько эффективно, что не было и шанса на то, чтобы учуять эти запахи войны. Он, на самом деле, желал чувствовать эту особенную военную атмосферу, пожалуй, являлся одним из талерианцев, которые мечтали ощущать запах войны, как их давние предки. Он был довольно маленьким по габаритам, поэтому и вызвался для того, чтобы подняться вверх первым. В руках его была штурмовая винтовка, в разгрузке несколько гранат. Ему всегда везло в сражениях, но сегодня везению надо было прекратиться, ибо сам Клио устал от этого везения. Тысячи из пуль, пролетавших мимо его скафандра, всегда ударялись о бетонные плиты или сталь кораблей, а сегодня хотелось иного. Умирать в муках Клио не хотелось, но улететь вниз... Разбиться на тысячи капель крови в один момент. Да. Этого он хотел.

В этот момент он почувствовал то, как на его плечо легла тяжелая рука, он обернулся и увидел лицо Романо. Он кивнул, а талерианец улыбнулся за матовым стеклом своего скафандра, после чего рванул вверх. Романо отсчитал пять секунд, чтобы рвануть следом. За ним двинулись бойцы Жабодава и Прорыва, а также Черноглаз, который все-таки обладал имплантами для синхронизации мысленных команд с ранцем. За ними рванул вверх и Железный, а Жнец наблюдал за их полетом. Что-то ему здесь не нравилось, поэтому он решил лететь за ними.

...

— Слышишь гул? — спросил один из бойцов в закрытом шлеме.

— Слышу. Приготовить оружие, — кивнул Файз, а рядом с ним занял позицию человек с синей повязкой на плече. — Ирвин?

— Он самый, — проговорил человек в той же броне, что и Файз.

— Возможно, что они решат бросить «кость», поэтому по первому штурмовику стреляю я и Ирвин, — констатировал Файз, уперев винтовку в плечо.

...

Метр за метром ветер будто бы нес Клио вверх. За защитным стеклом была улыбка, а сам он двигался то вправо, то влево, чтобы слегка изменять направление звука, создавать иллюзию того, что он не один.

...

— Метается туда-сюда, — прокомментировал изменение приближение талерианца к крыше Файз.

— Как ты это определил? — спросил Ирвин.

— Импланты, а еще долгие годы работы штурмовиком. У нас есть разные способы, чтобы одурачить противника. А теперь, молчать, — последние слова Файз буквально прошептал, а сам перевел штурмовку ближе к правому боку здания.

Еще пара секунд, гул становился все более громким, множество самых разных туш летело наверх, но сейчас капитан ждал лишь одну грязную тварь, которая пытается хитрить. Такого бойца надо было выбивать самым первым, ибо иначе такой противник мог наделать проблем, и Файз понимал то, кто перед ним, вероятно, тот, кто уже годами орудует ракетным ранцем и именно он мог стать главной проблемой для отряда. Секунда...

На экране возникает шлем скафандра талерианца, сердце, кажется, почти не бьется, а сам Файз зажимает спусковой крючок. Талерианец быстро уходит в бок, а на лице человека возникает улыбка, интересная цель. Он продолжает вести противника по воздуху, новые гильзы вылетают из оружия, а к его стрельбе подключается Ирвин. Пара мгновений...

...

Несколько пуль прошивают скафандр, а сам Клио успевает выбросить гранату почти наугад, из-за чего граната взрывается в относительном отдалении от щитов. Новый воздух... Воздух войны проникает в скафандр, а далее заставляет существо захлебнуться этим горячим воздухом от жара двигателей и от той бойни, которая была внизу. Он впервые ощущает это обжигающее тепло не через нагревание скафандра, а через воздух, что прорывается через новые отверстия. Тут же начинается и действие микробов. Он почти сразу начинает ощущать жар, и из-за этого пропускает еще несколько пуль. Стекло скафандра изнутри заливается кровью изо рта, а далее гуманоид переворачивается в воздухе и летит вниз с ускорением ранца.

...

— Сбит, а теперь готовьтесь!

Гул приближался. Сейчас вверх летели десятки ранцев, а это значило то, что сейчас должно было начаться месиво.

...

Первым наверх взлетел сам Романо, который тут же отправил прямо во врага гранату, а сам, чуть-чуть, и был бы поражен пулями, но то, что он сразу же отсоединил ранец, позволило резко упасть на землю, а затем перекатился, присел на одно колено и начал вести огонь, уперев ствол в плечо. Несколько пуль ударило по бокам бронекостюма, но они отскочили. Хуже было с теми, кто был позади... Несколько явно улетели вниз, но вперед еще на ранце вырвался Прорыв, который в этот момент держал в руках кассетный гранатомет и граната за гранатой выбил несколько щитов с противниками за ними.

...

— Назад! — выкрикнул Файз, увидев штурмовика с гранатометом, после чего, схватив за плечо Ирвина, быстро начал отступать... Споткнулся на лестнице, и на колене прокатился по ней.

Он видел то, как бойцы Романо довольно быстро приземляются. Да. Нескольких его парни подбили, кажется, пятерых, но теперь гранатомет выбивал один щит за другим. Еще пятеро из пятнадцати смогли бежать сверху, прыгая с посадочной полосы. У самого Файза довольно сильно болело колено после этого пролета. Он отбросил винтовку и расстегнул разгрузку.

— Мы сдаемся! — выкрикнул он, после чего Ирвин бросил оружие.

Его бойцы переглянулись, после чего оставшиеся восемнадцать человек побросали винтовки.

...

Романо продолжал сидеть на посадочной полосе, пока наверх не поднялись еще двадцать человек, включая бойцов Горца и Кувалды. Их было сорок два, здесь же уже стояли Паук и Джек. Прорыв не сбросил ранца, но пролетел дальше, аккуратно спустившись за северную сторону здания, чтобы проверить то, насколько правдивы слова Файза. Действительно. Бойцы ЧВК сложили оружие, увидев это, Прорыв поднялся назад на посадочную площадку и сбросил ранец.

— Сдаются! — выкрикнул человек, кивнув на людей внизу, а сам смотрел на погнутые листы из пластстали и трупы с оторванными конечностями и просто раздавленные силой ударов бронелистов.

Этот вид отчасти завораживал, а отчасти продолжал слегка пугать, ибо люди, жившие пару секунд назад, теперь лежали мертвыми.

— Потери?! — громко спросил Романо.

— Янки и Зум, — проговорил Жабодав, поднимаясь. — А ты отчаянный, Романо.

— Просто смелый, — проговорил холодно человек. — Заряды на лифты установлены?

— Установлены. Подрываю, — наверх в этот момент ехал какой-то лифт.

Мгновение, и магнитные установки были выведены из строя. Громкий хлопок, и с громким скрежетом лифты полетели вниз...

...

Тем временем на нижнем уровне оставалось что-то около сотни солдат, которые наблюдали за тем, как упали лифты. Теперь они были отрезаны от битвы, в которой вряд ли должны были участвовать. Вниз прилетел лифт, который должен был уехать куда-то наверх. Неизвестно, был ли в нем кто-то, но, в любом случае, судьба этих людей теперь была решена. Солдаты поочередно садились на бетон, вероятно, они еще никогда не участвовали в такой позорной битве, хотя на лицах их читался опыт, быть может, десятков сражений, теперь же им оставалось прозябать под землей до того времени, пока их не вытащат.

...

— Лифты ликвидированы, господин Романо, — констатировал Прорыв, оборачиваясь. — Что с этими будем делать?

— Ну, торопиться нам некуда, — Романо сел перед человеком, кажется, со сломанной ногой. — Вы командир?

— Да. Капитан в отставке Найджелл Файз. Файз является также и позывным, — проговорил человек мрачно. — Что с нами будет? Что будет с бойцами под землей?

— Конечно же, мы вас всех расстреляем, — с иронией произнес Романо, а Файз уставился на человека сумасшедшими глазами. — Шутка. Вы простые пешки. Я не хотел убивать и тех, кто остался там, внизу. Однако, был вынужден.

— Спасибо за милосердие, — произнес Файз. — Отправите нас на другие миры?

— Зачем? Вам и тут можно остаться, — а Файз во время этих слов улыбнулся.

— А мести не боитесь, господин Романо? — спросил человек, глядя на директора экспроприации.

— Нет, — проговорил спокойно Романо, после чего скомандовал ЧВКшникам: «На землю!».

Медленно, с каким-то недовольством, они ложились на пол, после чего за спинами застегивались наручники.

— Черноглаз?

— Да, командир? — спросил человек, подойдя к Романо.

— Останешься с ними. И еще пару бойцов возьми, — проговорил директор спокойно, после чего Черноглаз кивнул.

...

Тем временем, на первом этаже бойцы уже сидели на полу. Они даже не пытались пробиться, хотя один отряд подкрепления уже находился здесь, а вот противник время от времени постреливал по дверям.

— Издеваются, суки... — прохрипел майор. — Мы тут как мыши в мышеловке.

— И какие Ваши предложения, майор? — спросил один из пулеметчиков.

— Лично мне не хочется, чтобы меня запомнили как труса, который побоялся собак корпоратов. Предлагаю самоубийственную атаку, — проговорил человек, глядя на окружающих.

— Это бессмысленно, — отозвался кто-то из солдат. — Мы воюем в бесполезной войне. Это даже не рогарийцы, да и Итарис уже продан. Я лично не хочу оказаться среди товаров.

Майор нахмурился, после чего тоже сел на пол. Действительно, умирать здесь не было смысла. Он включил рацию.

— Генерал Шиллинг, на связи майор Кавил. Каковы наши действия? — спросил человек, чей голос отзывался в рациях других бойцов.

...

Шиллинг тем временем тяжело дышал, что-то болело внутри. Он сидел в одном из кресел где-то на втором или третьем этаже. До этого он мог наблюдать, как шаг за шагом превращали в прах его солдат. Одного за одним, одного за одним, а теперь слышался голос Кавила, который был зажат пулеметами каких-то страшных механических чудовищ на первом этаже. У него не было и шанса, чтобы выбраться наружу и дать достойный бой.

— Генерал Шиллинг на связи, — хриплым голосом проговорил генерал. — Даже не пытайтесь прорваться. Мы обречены.

— Отставить эту блевоту всепропальщескую! — раздался голос Отто. — Вы генерал! Вы должны поддерживать своих бойцов морально!

— Только вот мы воюем не в той войне, чтобы могла быть хоть какая-то мораль, — послышался голос Файза. — Сложите оружие, бойцы. Романо дал мне и моим бойцам волю жить. Мы зря сражаемся.

В этот момент что-то очень сильно кольнуло в груди Шиллинга, он прямо-таки сложился вдвое от этой боли, но потом вдруг стало легче. Он слышал, как кто-то ругался по рации, но постепенно голоса стали стихать. Взгляд начал размываться, а генерал стал падать со своего кресла. Еще мгновение, и свет померк. Наверное, его могли бы спасти какие-нибудь медики, но сейчас он лежал на полу в полном одиночестве. Брошенный и забытый. Он точно не хотел умереть таким образом.

...

— Слушайте меня внимательно, господа Лефтхенд, Блюхарт и Ли. — Романо взял рацию из рук Файза. — У вас есть шанс уйти отсюда живыми. Вы просто распишетесь в определенных документах, и никто не пострадает.

— Ага. Верить каренианской собаке! — послышался голос Лефтхенда. — Спускайся, Лис, я жду тебя. У меня будет самый теплый прием.

— А есть на волне кто-то более адекватный? — спросил Романо.

— Есть. Это Харрис Блюхарт. Что ты хочешь, Романо?

— Я бы хотел, чтобы Вы прекратили те действия, которые производите против меня, — Романо в этот момент поднялся с пола крыши.

— Какие действия мы против тебя производим?

— Даже не знаю. Был один планшет у кворонов, так там было написано о том, что мы собираемся напасть на их отсек станции в составе двух отделений шок-пеха, а также примерно двадцати восьми бойцов из наемников. Данное письмо было написано не кем иным, как одним из сотрудников МилитариКорп, чье имя было скрыто, так как аккаунт был рабочий. Как понимаю... Мне не о чем с Вами разговаривать, господин Блюхарт. Мне придется штурмовать десятый этаж. Я рад, что мы договорились, — улыбнулся Романо, после чего отключил рацию. — Грэм, Жабодав и Прорыв — идете первыми, Горец и я замыкаем. Лестница относительно узкая, но думаю, что получится спуститься.

— Я предлагаю подорвать предпоследнюю серию ступенек, — проговорил Прорыв.

— Зачем? — спросил Грэм, глядя на человека и слегка не понимая.

— А затем, что это позволит нам сделать пацанам Лефтхенда определенную неожиданность, кроме этого, ускорит возможности нашего спуска, ну и... Создаст небольшое укрытие, — спокойно проговорил Прорыв.

— Вай, голова! — усмехнулся Горец. — Ловко ты придумал, я сразу и не понял!

— Опыт штурмов — не более, — ухмыльнулся где-то под закрытым шлемом Прорыв.

— Я тоже пойду с ними, — проговорил Жнец, подходя к Романо. — Я не могу бросить своего друга.

— Хорошо, Жнец. А теперь вперед, — кивнул Романо, а Железный и Жнец двинулись первыми.

...

Они передвигались с места на место, занимая новые и новые пролеты, прикрывая друг друга. Кажется, что они уже давно работали вместе, включая бойцов Прорыва. Пролет за пролетом, секунды длились как минуты, а на лбах то и дело проступал легкий пот. Они продолжали движение. Сначала один занимал позицию у стены к спуску вниз и выцеливал коридор на следующий этаж, затем другой перемещался к той же стене, но со стороны входа в коридоры офиса, после этого следующий начинал спускаться, а второй забрасывал светошумовую внутрь коридора, после чего третий врывался внутрь. Никого не было. И так этаж за этажом, пока не был достигнут последний. Вперед здесь выдвинулся Прорыв.

Была полная тишина, противник явно ждал и не светился, а вот Прорыв довольно сильно рисковал... Сначала он заложил два заряда направленного взрыва на своей части, после чего позвал к себе одного из бойцов, отдал ему детонатор, кажется, это был Грэм. Прорыв вздохнул и, прижавшись к стенке стал продвигаться ближе к концу лестницы. Добрался... Взял первую, заранее приготовленную бомбу в руку, а далее установил ее на правый край конца лестницы. Длинный, тихий выдох, в руке показался пистолет, которым Прорыв на всякий случай целился вниз, он практически лег на пол, чтобы заложить вторую бомбу, когда услышал, как шагает пара ног. В этот момент Прорыв махнул рукой Грэму. Кажется, говорил «беги», а сам закладывал бомбу, держа на прицеле проход. Еще секунда, и раздастся очередь, в ответ два глухих выстрела, кажется, попал, ибо послышался тихий скулеж, после чего Прорыв аккуратно поднялся на корточки и стал медленно, полубоком, перекрывая стрельбой через железки перил спусковую лестницу, продвинулся к выходу на этаж. Наконец выдохнув, он толкнул Грэма, и теперь они вместе поднялись на этаж выше.

Снизу послышались шаги, а Прорыв кивнул Грэму. Подрыв. Глаза на секунду закрываются, а после слышится громкий взрыв, кажется, мат, а затем громкое обрушение лестницы вниз. Прорыв прямо-таки обнял Грэма, выдохнул, а после, в очередной раз кивнув, пропустил вперед Железного и Жнеца. Сам же остановился для того, чтобы отдышаться... Давно он не был так близок к тому, чтобы умереть при закладке бомб.

...

— Твою-то мать! — прорычал Лефтхенд, прокашлявшись. — Теперь у них есть укрытие, но ничего! Не выйдут!

Рядом с лестницей валялся придавленный солдат, которого не успели оттащить после двух глухих хлопков. Сейчас его ноги были превращены в кашу под стальными перекрытиями, а еще один был впечатал в стену, пусть и направленным, но все-таки мощным взрывом. Его снаряжение было посыпано пылью, а сам он, кажется, был мертв, ибо как-то слишком уж мощно ударился о стену.

...

Грэм стоял у спуска вниз, он мог заметить, что был убит один боец, что сейчас лежал на лестнице, чуть прислонившись к стене, а вот дальше было не совсем ясно, что делать.

— У нас там щитов магнитных нет? — спросил Грэм, раздумывая о том, стоит ли вообще прыгать.

— Нету, но есть дымовые гранаты, — тихо проговорил Гришка, смотря вниз. — Еще есть светошумовая, а лучше бахнуть им осколочную, но тут бы попасть еще. Постой-ка...

Жнец посмотрел на уровень потолка над дверью этого этажа. Было примерно шестьдесят сантиметров стены до начала высокого дверного проема, из-за чего под маской явно появилась улыбка, а на глазах ее было видно отчетливо.

— Что ты задумал? — спросил Грэм слегка испуганно.

— За ноги поддержишь, — улыбнулся Гришка, после чего сел на пол спиной к ввалившемуся вниз пролету.

...

— Ну? Чего ждут?! — спросил сам у себя Лефтхенд, а боец рядом с ним как-то передернулся. Только что он слышал то, что один из офицеров ЧВК был принят Романо вместе, вероятно, с двумя отделениями, а он сейчас рисковал жизнью из-за совершенно непонятных интересов.

...

Гришка вытащил две осколочные, после чего вынул поочередно чеки из обеих, но не отпускал рычаги, а Грэм схватил его за ноги, когда Жнец стал медленно переворачиваться как бы на живот, но на деле он был близок к тому, чтобы полететь вниз головой. В следующую секунду он забросил за дверной проем одну гранату, затем вторую, после чего достал еще и дымовую, и закинул туда же. Это вызвало, кажется, самую что ни на есть неожиданную реакцию у противника. Одна граната ударилась о пол, а затем подлетела вверх, вторая просто покатила, а третья в следующий момент выдала целую тучу дыма.

Гришка улыбнулся, когда Грэм вытащил его из ловушки, после чего оба прыгнули вниз на упавшую лестницу и заняли позиции за стенками. В ответ наконец стали слышаться выстрелы, но было уже относительно поздно, ибо два первых бойца уже были на позиции.

...

— Су-у-у-ука! — орал Лефтхенд, держась за голову, с которой текла кровь, а также свисал небольшой кусок скальпа. Рядом с ним валялся какой-то солдат, которому с реакцией не повезло еще больше.

Оскал Лефтхенда был ужасен, а кровь заливала ему глаза. Он с тем же оскалом взял свисающий шматок кожи, после чего с силой потянул на себя, с ужасным звуком он оторвался, оголяя оцарапанный череп, Лефтхенд будто испытал приток адреналина. Что-то было не так с этим воякой, скорее всего, в нем была куча самых разных имплантов, включая выделявшие различные гормоны. Он поднялся и взял свой автомат, после чего начал ждать, когда из дыма появится враг.

...

Тем временем вниз спустились и Жабодав с Прорывом и еще парой бойцов.

— Светошумовая, — произнес Прорыв с какой-то гордостью за этих бойцов, после чего вынул из разгрузки светошумовую гранату и забросил ее внутрь, затем послышались «слепые» выстрелы. — Плюсом дымовой является то, что она позволяет маскировать огромное число приятных финтифлюшек.

Прорыв выстрелил из подствольника.

...

Сначала свет, шум в ушах, зажимание спускового крючка, а также дикий крик вырвался из плотки гвардии капитана в отставке, а затем... Что-то громко хлопнуло почти под его ногами. Удар... Он валится с ног, кровь продолжает сочиться из головы, но теперь что-то мокрое начинает возникать где-то внизу, боль вдруг резко пронзает ноги. Пластсталь придавила его, она погнулась, смяла ноги, превратила их в практически кашу, а в этот момент раздался почти животный вопль. Затем внутрь коридора начали лететь граната за гранатой, а бойцы были вынуждены отступать, ибо к гранатам добавились и пули, летевшие сквозь дым.

Рукой Лефтхенд пытался нащупать свою штурмовую винтовку, но это никак не удавалось. Не было ее. Он, все такой же слепой, нащупал рукоять своего пистолета, попытался вытащить, но тут ему в лицо ударила чья-то нога. Он взвыл в очередной раз, ибо нога задела разорванную плоть, а затем и вовсе встала на голову. Он продолжал пытаться достать пистолет, но все никак не мог его вынуть.

— Отто-Отто, — послышался сквозь звон в ушах знакомый баритон. — Не думал, что ты так опустишься, — после чего несколько пуль прошили грудь директора и он, наконец, облегченно выдохнул.

...

Романо уже стоял над трупом Отто, а сам отдал приказ не стрелять в спину оставшимся двум бойцам, которые довольно быстро бежали по широкому коридору, вскоре они скрылись за одним из поворотов.

— Здесь нужно оставить человек десять, чтобы противник не смог даже попытаться эвакуироваться. Грэм, Горец и Жнец — оставайтесь здесь. Прорыв, Жабодав, Джек и Паук — за мной, двигаемся тем же способом, что и на Айскримере, у стен коридоров. Если что, будем прикрывать друг друга, если противник будет выходить из тех или иных малых коридоров. Принято? — спросил Романо, после чего грубые голоса Жабодава и Прорыва ответили «Принято».

От отряда Жабодава оставалось десять человек, включая его самого, от Прорыва осталось пять вместе с ним. Восемнадцать, включая самого Романо и Джека с Пауком.

За Жнецом числилось еще десять, у Горца девятнадцать — он потерял меньше всех, Грэм был с двумя бойцами.

...

К позиции Ли довольно быстро подбежало двое выживших бойцов. Они задыхались.

— К-к-командир! Лефтхенд убит! — послышался голос одного из парней, который тут же повалился на колени, а Винсент посмотрел на Харриса, который стоял возле, вооруженный почти по первому разряду.

— Это было слишком просто для Романо, — констатировал Блюхарт.

— Угу... — мрачно вздохнул Винсент, а после посмотрел на Блюхарта. — А что, если зайти ему в спину?

— Как? — спросил человек.

— Я возьму одного-двух бойцов, и мы обойдем большой коридор с помощью малых ответвлений. Тебе останется лишь держаться, а мы ударим в спину, — проговорил спокойно директор.

— Больно складно ты говоришь, Винсент, — проговорил Блюхарт. — Ну, ладно. Бери

двоих. Выбора у меня все равно особо нет, Змей. Не подведи, прошу тебя! — довольно громко проговорил Блюхарт.

...

— Эй, ЧВК! — послышался снаружи механический голос.

— Не отвечайте, — прокомментировал майор, все время пытавшийся связаться с Шиллингом, который все никак не отвечал.

— ЧВК! Нам тут скучно! Может, хоть одна мишень выйдет?! — кажется, что это был Тибальт. — Вы одного моего бойца угробили, так я Вам этого не прощу! Выходите!

Майор тем временем собирал и разбираал свой Винсент-7, нужно было заняться хоть чем-то. Бойцы были мрачными...

— В случае чего приготовьте пару плазменных гранат, — сказал тихо майор, посмотрев на бойцов, наиболее близких к выходу, а те кивнули, один достал какой-то большой ящик с гранатами из специального хранилища, напоминавшего сундук, после чего вынул оттуда две гранаты с синими маркерами, одну из которых отдал своему товарищу. — Отлично. У этого Тибальта имеется генератор щита — первая граната должна разьесть щит, второй надо попасть в урода. Плазма имеет свойство довольно эффективно ликвидировать энергетические щиты, ибо выдает большое число разрушительной энергии, а сама магнитная сущность этого щита не дает плазме просто «стечь» вниз, а значит, четвертая субстанция эффективно передает разрушительную энергию щиту.

Майор говорил об этом спокойно, а сам вкладывал в подствольник термитную гранату, этот вариант должен был справиться с Тибальтом столь же эффективно.

...

— Может, войдем внутрь? — спросил киборг, смотря на Билли с какой-то странной улыбкой на мертвом лице.

— Нет. Такого приказа у нас нет, — спокойно проговорил человек, смотря на металлическую махину.

— Почему? — спросил Тибальт. — Я вот считаю, что ЧВК надо вырезать под корень.

— А мы считаем, что нет, — подключился к Билли другой боец в схожем экзоскелете, как у последнего, это был Ариан.

— И на чем же вы основываетесь? На приказе Романо? — на лице киборга оставалась все та же страшная улыбка, а бойцы вокруг напряглись.

— Я держу тебя на прицеле, Тибальт, — послышался голос Хратера в рации.

— Удачи. Твоя винтовка не пробьет щит, — ухмыльнулся киборг.

— А давай проверим? — спросил с интересом кворон.

— А давай! — киборг включил щит, после чего послышался хлопок. В следующий момент пуля врезалась в наплечник железяки. — А вот это уже аргумент, — раздосадовано произнес металл.

...

Змей тем временем вел за собой двух бойцов. Первый был выбран им примерно своего роста и комплекции, второй чуть пониже, но крепче. Они перемещались от малого коридора к малому коридору, пока, наконец, не вышли к лифту.

— Куда Вы нас привели? Это не то направление.

— Кажется... Заблудился... Бывает, понимаете ли... — Ли говорил это как-то растерянно, он повернулся к бойцам и также растерянно смотрел на них.

Длинный, кажется, что-то заподозрил, но в следующий момент Змей был уже рядом с

ним, и высокий получил удар прикладом в шею. Второй растерялся и тут же получил с ноги по яйцам, а затем получил аналогичный удар прикладом в челюсть, последняя громко хрустнула и, кажется, сломалась. Парень упал на землю, а в следующий момент получил очередь в грудь, после чего Змей подсечкой повалил длинного на землю и сверху вниз приложил прикладом по кадыку. Послышалось громкое хрипение. Голубые глаза бегали по потолку, а Винсент опустил перед парнем на колени с легкой улыбкой.

— Прости, мальчик, но сегодня, видимо, не твой день. Взрослые дяди решают свои вопросы, а мне нужна твоя экипировка, — слова человека как бы убаюкивали, а сам он добродушно, по-отцовски улыбнулся в меркнувшие глаза солдата, после чего начал медленно, но верно снимать с него одежду, когда где-то вдали коридоров начинали слышаться выстрелы.

...

Василиск все это время находился почти у самой позиции Лефтхенда. Сейчас в его воинских жилах бурлила кровь. Он понимал, что у него нет и шанса против всех этих людей, но все-таки было желание забрать как можно больше врагов. Сейчас он точно знал, что Блюхарт будет убит, а значит, сам он не справился со своей задачей, а это показывало его как некомпетентного защитника, что лишало его всякой чести среди василисков. Не было смысла более жить. Он медленно прополз еще чуть дальше, чтобы подхватить кого-нибудь своим длинным хвостом. Выбор пришелся на бойца с дробовиком... Еще мгновение... Хвост поднимает один из люков и аккуратно втаскивает его внутрь. В следующий момент открывается люк перед самим василиском.

Человек не замечает того, как нечто вдруг резко оплетает его шею, после чего сжимает. Он резко вздыхает, а после этого вдруг подлетает вверх, когда сам змей, по сути, вываливается вниз основной частью тела. Шейные позвонки в мгновение разлетаются, а хвост расплетается, отпуская человека в полет. Змей быстро ударяет хвостом следующего попавшегося себе под руку, а далее подхватывает его, закрываясь от части пуль, после чего забрасывает механическим манипулятором дальше и сбивает одного из наемников.

— Стреляйте! — кричит, кажется, командир, и василиск сразу подмечает его, после чего резко уходит вниз, в очередной раз уворачиваясь от пуль, а затем резким прыжком выхватывает еще одного бойца.

— Грэм! — кричит кто-то, а василиск выламывает человеку плечи, отбрасывает в сторону. Слышится громкий болезненный вой. В следующий момент кулак змеи достигает лица одного из наемников, которое в мгновение перемешивается с раздробленным от мощного удара манипулятором лицом и только теперь змею настигает несколько пуль в спину, из-за чего само чудовище застывает.

Пуля за пулей пробивают капюшон твари, а также ее длинное тело и, наконец, чудовище валится на землю, что-то прошипев на своем языке.

...

Грэм лежал на земле с разбитым стеклом шлема, руки его были прямо-таки вывернуты в обратном направлении, а сам он, раскрыв рот, пытался вдохнуть. А рядом уже сидел Жнец, он снял шлем с друга и с себя.

— Гарри? Слышишь меня? — спрашивал Жнец, а к самому Гарри подошел еще и Горец, который уже достал шприц с обезболивающим.

— Нету никаких аллергий? — спросил человек, глядя на Жнеца.

— Нет, — проговорил он, стараясь сдержать слезы, а Горец аккуратно ввел иглу шприца

в бедро человека, после чего стал вводить раствор.

— Держись, мой друг, — Гришка сглотнул мокроту и комок слез, а после продолжил, — за жизни круг... Какой бы, вдруг, не взял недуг, ведь весь недуг старинных пут...

— Разо... Разорван будет... В-в-ветром сдут, — как-то слабо проговорил Грэм.

— Боль пройдет, мой мальчик, ты уснешь, поэтому не пугайся. Ты не умираешь, Грэм, — проговорил Горец. — Это ваша песня?

— Да...

— Я подпою? — спросил человек, улыбнувшись, а Гришка лишь кивнул головой.

— И мы с тобой пойдем сейчас по миру снова и про нас, — пели вдвоем наемники, а Грэм медленно погружался в сон.

...

Блюхарт пока что стоял на месте, но вдруг заговорил.

— Что думаешь, Исмаилов? — спросил он у невысокого человека.

— В плане? — вопросительно проговорил человек.

— Что нам делать? Нас осталось мало, а я не сильно похож на сухопутного командира. Есть у меня, конечно, вариант того, чтобы человек десять отправить в кабинеты, — Блюхарт указал на различные двери. — А далее произвести атаку во фланг. По идее, это должно довольно сильно покалечить бойцов Романо. Что думаешь?

— Да! Так и надо сделать, — проговорил человек, а Блюхарт мрачно кивнул. — Кажется мне, что Ли нас предал и в спину не нападет. Я слышал очередь примерно возле лифта, а еще очереди были около позиции Лефтхенда. Ладно. Ты оставайся здесь, а я и еще девять бойцов займем позиции в кабинетах, а ты... Если что, отступай в конференц-зал. Нечего тебе из-за насдохнуть, да и парням твоим тоже... Сука... А может к черту это все? Поднять руки и сдаться? — спросил уже у самого себя Блюхарт, после чего махнул рукой и двинулся к одному из дальних кабинетов.

...

Ли тем временем уже полностью экипировался в снаряжение бойца. Тело еще сохраняло прижизненный цвет, а сам директор как-то грустно посмотрел на темноволосого, коротко подстриженного паренька, но все-таки собственная жизнь была ему дороже. Он взял паренька за ноги, после чего подтащил к лифту, далее повернулся к дверям и стал осматривать двери. Глаз зацепился за небольшую коробочку, которую Винсент и открыл.

— Как удобно... Аварийное открытие дверей, — человек улыбнулся, после чего нажал на кнопку, которая отключила магнитные замки, а сам директор аккуратно вставил нож между створками, потянул его вниз...

Затем он аккуратно, пусть и с определенными усилиями, открыл двери, стараясь не издавать лишних звуков. После этого он взял парня за плечи и, аккуратно пододвинув его к краю лифта, позволил обмякшему телу полететь вниз в огромное кострище горевшего внизу лифта. В следующий момент человек осмотрел то, что было в шахте. Да. Здесь была подобная же коробочка, которая и позволила бы окончательно замаскировать его бегство с этажа, чуть дальше виднелась лестница, нужно было сделать один шаг к ней, и далее спускаться вниз. Предварительно Винсент закрыл коробочку на этой стороне лифта, а далее ступил на лестницу, после чего открыл аналогичную коробочку с этой стороны, затем нажал на кнопку, дверь закрылась.

— Какой же Блюхарт все-таки молодец, — с улыбкой под защитным стеклом произнес

Винсент, после чего закрыл коробочку.

Было ли у него сожаление? Вероятно. Но конкретно в этом случае — своя шкура дороже. В шахте было жарко, чувствовался запах горячей мертвечины. Именно в этом лифте ехала какая-то группа солдат ЧВК, а сейчас их тела «запекались» внутри железной коробки до состояния углей, там же внизу лежало и разорвавшееся от падения с высоты сорока этажей тело раздетого паренька. Человек продолжал спуск, ощущая то, как по спине начинает стекать пот.

...

Романо продолжал движение. Система коридоров казалась бесконечной, но через какое-то время вдали наконец начали возникать фигурки тел за металлическими щитами. Романо прикрыл левый глаз, после чего приник к коллиматору, враг заметил и их самих. Бойцы быстро заняли позиции и открыли огонь. Именно здесь Романо ждала самая тяжелая битва, ибо его отряд, в отличие от отряда врага, находился в коридоре без каких-либо укрытий. В этот же момент несколько пуль пришили на корпус шедшего рядом бойца, он тут же повалился на пол, а над противником вдруг начала работать система пожаротушения, что создало некое замешательство, чем и воспользовался Прорыв, выстреливший в направлении врага гранату из подствольника.

Взрыв. Укрепленный щит валится, придавливая под собой пару бойцов, эти щиты не были чем-то особенно тяжелым, но сила взрыва добавила ему веса, что, вероятно, привело к травмам бойцов, оказавшихся под ним, подобно тому, что произошло с Лефтхендом. В этот момент на другой стороне бойцы под огнем начали довольно быстро заходить в конференц-зал. Вероятно, им поступил какой-то приказ. Тем временем, среди бойцов Романо были потери. Один, который занял позицию рядом с самим Роберто, еще один вырвавшийся вперед, слег, прошитый пулями. Но и враг понес потери, кроме тех, кто слег за щитом, были убиты и два отступавших, оставался лишь один боец, который сейчас скрывался за единственным щитом и, вероятно, перезаряжался.

...

— Исмаилов, чего ты ждешь? — слышалось в рации парня, а тот просто боялся высунуться из-за щита, противник обладал большими силами, поэтому оставалось только ждать его продвижения.

Махмед молчал, ждал того, что случится в следующий момент, а противник явно начал двигаться в его направлении.

...

— Взять его живым, наверное, — проговорил Романо, когда они были почти на половине пути к укрытию, двигаясь почти гуськом.

В этот момент и прозвучали роковые выстрелы. Романо предполагал, что противник в большем числе остался лежать где-то там, где слег Лефтхенд, но сейчас в самый его бок врезалось несколько пуль, а директор тяжело вздохнул, падая на бок. В глазах потемнело, но бронекостюм сдержал повреждения. В этот же момент послышался ответный огонь, а в следующую секунду директор увидел человека в белой рубашке, который буквально вылетел из одного из дальних помещений и положил двоих, за ним вылетел человек в камуфляже. Началась какая-то чехарда... Было видно, как Джек с черной повязкой положил на пол одного из врагов и бил по голове рукой, усиленной сервоприводом. Мох бил кого-то сорванным с головы шлемом, оголив свою рыжую бороду, после чего повалился на бок от очереди Блюхарта, которого вдруг также прошла очередь по плечам. Это стрелял Прорыв,

который в следующий момент прикладом огрел одного из солдат ЧВК. Жабодава не было видно... Погиб? Нет... Не должен. Вот он. Сидит возле стены, держась за живот.

Паук? Где он? А он, орудуя ножом, резал руки одного из ЧВКшников, у которого предварительно выбил автомат. Их положили значительно больше. Романо видел, как тут и там корчились от ранений наемники и бойцы ЧВК. Блюхарт также лежал на холодном полу, по которому сейчас растекалась его кровь. Он хотел взяться за Винсент-7, но к нему подошел Прорыв, который ударил директора в живот сверху вниз подошвой сапога, отчего, пусть и тренированный, но ослабший от ранения боец отключился.

Романо с хрипом поднялся с пола, сначала в положение сидя, а затем стал вставать. Он осмотрел себя. Нет. Все-таки снова было ранение. Нет. Два. Было прострелено левое плечо, а также бедро, из-за чего человеку было довольно сложно передвигаться, но он подошел к Жабодаву.

— Ты как? — спросил директор, смотря на наемника, который откинул голову на стену.

— Хреново, но жить буду. Кхе-кхе... Наверное, — на лице наемника было что-то похожее на улыбку. Прорыв тем временем поднимал раненых бойцов, которые еще могли двигаться. Паук и Джек стояли над солдатом за щитом, который сейчас просил своих товарищей сложить оружие.

— Это не наша война, братья, — слышался дрожащий голос, кажется, его все-таки ранили или это именно его резал Иоганн.

В ушах что-то звенело... Романо явно был подбит еще наверху, все-таки те пули не прошли даром, сейчас, к примеру, начали отзываться бока. Он подошел к Блюхарту, рядом с которым стоял Прорыв. Лис поднял взгляд на этого высокого человека.

— Хорошая работа, Хасан, — болезненно произнес Романо. — Он жив?

— А куда он денется? Такой боров не сдохнет от одного удара ногой. Он, конечно, не как тот, который все руками по полу шарил, даже с перебитыми ногами, но все-таки здоровый как бык.

— Много твоих погибло? — спросил человек, глядя на, кажется, мрачного Прорыва.

— Пятеро. Еще трое ранены, но у этих в основном по касательной, так что ничего страшного. Тем более, ты платишь хорошие деньги за убитых, поэтому их семьи голодными не останутся, — голос Прорыва был грубым, и в нем слышалась какая-то страшная тяжесть.

— Я вас завел в страшное дело. Кажется, что оно того не стоило, — как-то мрачно проговорил Романо, глядя на убитых и тяжелораненых.

— Мы же сами согласились, да и... Знаешь... Такие сражения редки. Для парней честь погибнуть в бою бок о бок с таким командиром как ты, ну и в бою с таким врагом, как они, — Прорыв в этот момент, кажется, повеселел, а в окончании фразы ногой тнул Блюхарта. — Я, знаешь... Давно такого мандража не испытывал, как там, на лестнице. Я же мог там и остаться, а тело было бы разорвано зарядами. Это незабываемое ощущение, Романо. А победа над таким врагом — это всегда радость, пусть и отягченная гибелью друзей.

— А Циркуль жив? — спросил Романо.

— А вон он, — Прорыв указал на человека, сидевшего рядом с Жабодавом.

— Хорошо. Повезло ему, — улыбнулся Романо. — Он хотел на меня работать, поэтому и стало интересно.

— Понятно. В целом, мы потеряли много опытных парней, но и твои ЧОПы, и охранники тюрьмы сами легли в большом числе, поэтому никаких вопросов у меня по

твоему поводу нет. Жаль, что Синий так погиб. Его этот снайпер снял... А я слишком поздно понял, откуда эта мразь стреляла... Тут моя вина...

— Да ну... Его должны были снимать снайпера, — проговорил Романо.

— Не сняли бы. Там угол обзора закрыт потолком этажа, поэтому снять его можно было только снизу. Я, знаешь... Даже не видел его. Можно сказать, наугад ударил, но стихло. Значит, попал. Заходить в кабинет, наверное, надо, — проговорил наемник, смотря на то, как из кабинета выходят солдаты, которые складывали оружие, а после садились возле противоположной стены на колени, лбом упирались в стену, а руки держали за спиной, когда их сковывал Паук.

Романо прошел за тот щит, прихрамывая, а Прорыв снял автомат с Блюхарта, после взял его за руку и потащил внутрь. За щитом сидел паренек кавказской наружности, чьи руки были изрезаны, а Романо уже снял шлем, после чего присел рядом с ним.

— Махмед Исмаилов? — спросил человек, смотря на парня.

— Да. Что теперь? Убьете? — спросил он, посмотрев на Романо какими-то обреченными глазами.

— Нет. Зачем? Я же не палач, — улыбнулся человек, после чего поднялся и вошел в кабинет, где Прорыв уже посадил на главное кресло Блюхарта, чьи руки были сомкнуты за спинкой кресла.

Директора смотрели на Романо по-разному: кто-то со страхом, кто-то с презрительной ухмылкой, а кто-то с обреченным равнодушием. Рубашка Блюхарта тем временем стала красной от крови, а Романо улыбнулся присутствующим здесь.

— Здравствуйте, господа хорошие, — улыбнулся человек, доставая из кобуры револьвер. — Прорыв, приведите, пожалуйста, в сознание нашего друга.

Прорыв вытащил из аптечки какой-то препарат, открыл его и поводит под носом у Блюхарта, тот, сморщив лицо, с матом открыл глаза.

— Ублюдки... — прохрипел Харрис после пробуждения и закашлялся. — Что тебе надо, Романо?

— Мне нужно, чтобы Вы все подписались в одном маленьком документе. Достаточно будет приложить отпечаток пальца. Добровольно приложить, — улыбнулся директор, вытаскивая из специального железного подсумка на правом бедре планшет, на котором тут же возник документ о передаче собственности МилитариКорп КаренииИндастриз.

— Чего? — спросил Блюхарт, смотря на планшет. — Да ты издеваешься? Ничего мы тебе не отдадим.

— Хорошо, — Романо взвел курок револьвера.

— Ты что? Типа убить меня захотел? — спросил Харрис с какой-то ухмылкой на лице. — Да без меня ты и доли корпорации не получишь!

— Да. Поэтому существует практика разделения тех или иных долей компании после смерти человека между членами акционерного общества, в случае, если у убитого не было родных и близких. Собственно, с Вами это сегодня и произойдет, — после этих слов Романо выбил мозги из головы Блюхарта и с улыбкой посмотрел на сидевших в страхе директоров. — Кто-то еще хочет повторить судьбу господина Блюхарта? — в зале повисло молчание. — Нет? Тогда следует оставить отпечатки пальцев здесь, а далее мы закончим с вами, господа, разговор. За сегодня я и так убил много людей, поэтому больше руки марать не хочу. Я отпускаю с миром даже господина Баукуса, который, скорее всего, и организовал на меня покушение через известное письмо для коронов. Однако, у меня одна просьба. В

течение недели вы все должны отбыть с планеты. Ясно?

В ответ на слова Романо отозвался Баукус.

— А Вы не можете выделить мне отдельно минутку разговора? — спросил Баукус, с облегчением глядя на Романо.

— Зачем? — спросил директор экспроприации как-то холодно.

— У меня небольшая просьба... Отсрочить мой улет с планеты на год или на два. Я клянусь Вам в том, что точно не пойду против Вас... Просто... Есть определенные обстоятельства, из-за которых я не имею права просто так улететь с планеты.

— Вы улетаете не просто так, а в силу того, что иначе можете создать для меня проблемы. Кстати, вопрос. А где господин Ли? — спросил Романо, осматривая присутствующих.

— Вероятно, сдох во время боя с Вами, — отозвался Волынский, чей взгляд, наконец, протрезвел.

— Я помню лишь двух людей в белых рубашках, с которыми я сражался, и один из них лежит здесь. Ли среди них я не помню, — проговорил спокойно Романо. — Ладно. Устроим за ним охоту позже. А с Вами, господин Баукус, буду рад поговорить в моем офисе, раз уж у Вас тут какие-то особенные дела. Остальных прошу приложить свои отпечатки пальцев к планшету, — спокойно проговорил Роберто, холодно смотря на директоров.

...

Эвакуация раненых бойцов и пленных шла медленно. Одним из первых вытаскивали Грэма, так как его травмы были опасны впадением в кому: черепно-мозговая травма, переломы обеих лопаток, сломанные ключицы и еще несколько более мелких повреждений, из-за чего он и был эвакуирован первым. Затем вытаскивали еще каких-то бойцов, потом поднимали Жабодава. Убитых было очень много... Их осталось человек восемьдесят, по крайней мере, тех, кто более-менее мог держаться в строю.

Кракен мрачно наблюдал за всем этим, сидя на ступенях возле входа, рядом с ним были еще семь кворонов, к которым, наконец, подошел Хратер. Он и сам был мрачен, но сел рядом с самим Кракеном и положил руку на его плечо.

— Куол Йори, я принимаю тебя и твоих бойцов назад в клан... Хратер, — в глазах кворона была улыбка, а Кракен как-то странно посмотрел на него.

— В каком смысле «Хратер»? — спросил он.

— Клан Йори уничтожен, а я теперь самый старший из клана. Мы приняли решение создать новый клан, а ты станешь хорошим его дополнением, Куол. Мы теперь клан наемников, а не клан контрабандистов, работоторговцев и наркодельцов. Наступает новое время для клана, Куол, и я хочу, чтобы ты стал одним из нас, ведь, будучи изгнанником, ты стал лучшим из клана Йори, ибо ты воевал, а не бандитствовал, и мне нужны воины.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Столица,
Район Центр-3, строение 5, этаж 1, холл,
22.01.2580, 18:00

Холл центрального офиса был столь же красив и обширен, а Романо сидел на одной из скамеек и обзванивал самые различные больницы, чтобы отправить туда раненых бойцов. Здесь же сидел Джек, который также обзванивал самые различные места, Паук, занимавшийся этим же. В новостях на огромном телевизоре показывали предместья офиса МилитариКорп.

— Сегодня произошла ужасная трагедия, которая задела сотни семей на нашей планете, — с экрана смотрела голубоглазая девушка со светлыми волосами, с тонкими чертами лица и прочими прекрасными данными, которыми следует обладать медийному лицу. — Офис МилитариКорп подвергся стремительному и жестокому нападению, которое было грамотно спланировано. Записи со всех видеокамер стерты, но ясно одно. Враг уже существует на нашей планете и, вероятно, имеет происхождение из Центра.

— Ути, симпапуська, — улыбаясь, проговорил Билли. — А это нормально, что они начали здеть про то, что центрийцы вот это все разбомбили?

— Не знаю, — проговорил Чаки, сидевший рядом с Билли с перебинтованной ногой.

Романо выглядел побитым, как и бывало обычно. Этот человек был мрачен и спокойно разговаривал с теми или иными докторами. В этот момент девушка с экрана продолжила свою речь.

— По последним данным в ходе столкновения погибло более двухсот солдат ЧВК «Арес», кроме этого, от сердечного приступа скончался генерал Шиллинг. Он был найден в одном из помещений второго этажа, откуда совершал командование над отрядами бойцов ЧВК. Были убиты директора Отто фон Лефтхенд, а также генеральный директор корпорации Харрис Блюхарт, без вести пропал директор Винсент Ли. Выжившие директора отказываются давать какие-либо комментарии по поводу данного происшествия, однако заявили о закрытии МилитариКорп и заморозке производств. Следует отметить то, что МилитариКорп — один из самых крупных трестов Итариса, который обеспечивал работой миллионы итарисианцев. Потеря этих производств приведет к окончательному крушению экономики нашей планеты, — во время слов девушки на экране появлялись заблюренные тела Лефтхенда, раздавленного металлическим щитом, и Блюхарта, который сидел в своем кресле, откинув простреленную голову на спинку кресла. — Мы просим МилитариКорп не предавать Итарис и не прекращать свое производство, — добавила дикторша от себя, судя по трясущимся губкам, она сама готова была заплакать.

— Так бы и обнял... — прокомментировал этот вид диктора Билли.

— Ага. И раздавил к хренам, — проворчал Чаки.

— Господин Романо, Вас вызывает директор Коллбейн, — проговорил молодой человек, вышедший из-за стойки, а к самому Романо подошли два каренианских охранника.

— Я бы и сам прошел, — проговорил спокойно Романо.

— Это для Вашей же безопасности, господин Романо, — произнес хриплый голос одного из них, а сам директор пошел вперед, на левом плече белой рубашки проступало маленькое кровавое пятно, равно как и в верхней части левого бедра. — Вы не истечете

кровью, господин Романо?

— Не истеку. Как на собаке заживет, — спокойно произнес человек, после чего двинулся дальше к лифту, зашел в лифт вместе с двумя этими лбами.

В следующий момент ему прилетело под дых, далее удар в висок. Человек падает на землю, а его начинают пинать. Слышится громкий хрип, а охранники не прекращают бить его под спокойную мелодичную музыку, в этот момент кровь из ран начинает течь сильнее, а рубашка становится алой. Немного размявшись, они поднимают на ноги директора, который пытается отдышаться и сплевывает вниз какой-то из коренных зубов.

— Это вам сказал сделать Сигизмунд? — отдышавшись, спросил Романо, чья рубашка окрасилась кровью.

— Нет. Это наша личная инициатива. Вы повели себя неправильно, а значит должны быть наказаны, — произнес уже второй.

— Как мне кажется, меня достаточно накажут на Корпоративном Суде... А вот вы за это ответите, — произнес директор, утирая кровь с губ.

— Если Вы после этого суда будете живы — пожалуйста, правда, мы Вам не подчиняемся, — проговорил все тот же спокойный голос.

Это были практически не люди. Их дисциплина проникала даже в их речь, они были словно роботы, правда, некая часть эмоций в них все же оставалась, и вот только что их дисциплина дала слабину и эти два здоровых бугая, под два метра ростом каждый, избивали раненого человека чуть ниже метра семидесяти пяти.

Романо сгорбился, ему было больно. Все внутри, после ударов этих скотов, буквально ныло, от кишков до легких и сердца, болела и челюсть, по которой один из однотипных амбалов нанес удар, чем и выбил зуб. Повезло, хотя бы челюсть не свернул. Лифт ехал медленно, под спокойную музыку, а рядом с этими снаряженными в бронежилеты мужиками находиться совершенно не хотелось. Сейчас хотелось выпить горячего чая, поесть, наконец, что-нибудь и дать Кире знать о том, что ты жив. Романо, кажется, не ел целый день, только пил, а струйка крови начала течь вниз по плечу. Состояние ухудшалось, но он терпел. Не начать же ныть перед этими ублюдками...

— А вот скажите... Вы это типа из солидарности с Аресом?

— Отчасти, но более всего из солидарности с решениями самой КаренииИндастриз. Мы ценим то, что Вы, господин Романо, не убили тех, кто решил Вам сдать, однако это не делает Вас достойным человеком для самой корпорации. Вы — преступник не только по закону государства, но и по законам корпорации, а за это надо платить. Платить кровью, — в этот момент на его закрытом шлемом лице, кажется, появилась улыбка, по крайней мере, это было слышно по голосу.

Романо хотел себя развлечь разговорами с ними, однако не выходило, а вот кровь с бедра уже стекала по штанине. Кажется, один из этих козлов специально ударил по бедру, еще сильнее разодрав рану, но уже скоро случился нужный этаж, а Романо, слегка качаясь, пошел вперед.

Три тысячи какой-то кабинет был достигнут. В глазах уже все расплывалось, а один из бугаев куда-то исчез, вероятно, пошел за врачом. Время было относительно позднее, однако сотрудники офиса все же иногда проходили по коридорам и шарахались от видка Романо.

...

Он завалился в кабинет. Кровь все сильнее текла по плечу, а Сигизмунд в ужасе посмотрел на директора, после чего подлетел к нему и подхватил его.

— Это Вас так в битве? — спросил Сигизмунд, смотря на Романо сумасшедшими глазами.

— Хах... Если бы, — проговорил тихо и мрачно Романо, после чего завалился на кресло, которое стояло перед столом Сигизмунда, после этого молодой человек подбежал к двери, в которую уже заходил доктор.

— Это Вы так упали, господин Романо? — мрачно спросил человек, со своей сумкой.

— Ага... С лестницы, — ухмыльнулся директор, расстегивая рубашку.

Бинт с плеча сполз куда-то вниз, из-за чего рана и открылась, на бедре он был порван, да и рана тоже разорвалась так, что часть мяса практически болталась.

— Шутите, господин Романо? — улыбнулся доктор.

— Нет, не шучу. С лестницы упал. Вот в лифте которая, в шахте лифта, — улыбнулся человек сквозь боль.

— Значит, жить будете. Страшная у Вас грудь, — проговорил доктор, разрезая бинт сверху. — У Вас болевой порог высокий?

— Ну да. Иначе я бы уже сдох, — ухмыльнулся Романо, истекая кровью.

— Хорошо, тогда на обезболивающее тратить время не будем, — серьезно проговорил человек в белом халате с шапочкой на голове и с белыми, как молоко, усами.

Сначала обработал рану на плече, обвел ее небольшим тампоном, смоченным спиртом, затем положил на нее вату и начал обматывать плечо бинтом в четыре движения, а затем с четвертого движения ловких рук завел бинт с левого плеча под правую подмышку, после чего обрезал часть бинта, разорвал его на две части и завязал узел. Снял с рук перчатки, отбросил их, взял другие и сел на колени, осматривая бедро.

— Эка Вас лестница побила... Лестница двухметровая, полагаю? — спросил доктор, посмотрев на Романо, после чего прижал оторвавшееся мясо к основной части и стал ловкими движениями зашивать сначала нижнюю часть оторванного шматка, а затем верхнюю. Роберто тяжело вздыхал, но терпел. Шов за швом рана все сильнее и сильнее стягивалась, а после доктор наложил очередной бинт, после чего поднялся с улыбкой и сказал: — Постарайтесь с лестницы более не падать, господин Романо.

— Хороший у тебя доктор... — улыбнулся Романо. — Ну что? Судилище еще одно будет?

— А какое-то уже произошло? — спросил директор, садясь на свое место.

— Ну, так два твоих мордоворота самосуд устроили прямо в лифте. Запинавали. Армия клонов. Хрен поймешь, кто именно это сделал.

— Ну... У них обычно номера имеются на правой стороне нагрудной бронепластины. Можно определить, кто именно это был. Все в силе, надеюсь? — спросил человек, смотря на Романо.

— Наверное, только ты сильно против меня не выступай, а то... Сам знаешь, что мы повязаны, и если ты меня слишком сильно топить начнешь — я тебя за собой потяну. Понял? — спросил Роберто, с легкой улыбочкой глядя на Сигизмунда.

— Понял. Ну, короче... Тебе придется побыть в изоляторе до завтра. И всем твоим парням тоже, — проговорил спокойно директор. — Ну а теперь... Тебя проводят. Наверное, если уже пинков отвесили, больше нападать не должны.

— Угу. До завтра, — директор поднялся с кресла и, слегка покачиваясь, пошел к выходу, где его ждали те самые мордовороты.

«32-01 и 41-01, запомним», про себя произнес Романо, глядя на панельки на груди у

людей, после чего улыбнулся.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Столица,
Район Центр-3, строение 5, этаж 0, изолятор,
23.01.2580, 08:00

Романо и остальные его люди находились в небольшой камере с тремя двухъярусными кроватями. Тут обычно содержали ЧОПовцев, которые нарушали дисциплину, но теперь здесь расположился один из директоров Карении Индастриз и его телохранители. Романо лежал на первом этаже левой койки, повернувшись лицом к стене. В голове роились мысли, а раны, как старые, так и новые, отдавали какой-то страшной болью, из-за чего директор время от времени постанывал.

— Господин Романо? — спросил Джек, сидевший на койке рядом.

— Да, Джек? — спросил хриплый голос человека.

— А Вы всегда на обезболивающем? — спросил чернокожий, а Романо повернулся на спину, тяжело выдыхая.

— Нет. Обычно болей я не ощущаю, но вчера меня отпинали, как собаку, поэтому и старые раны дают о себе знать. Ты как, Джек? — спросил, слегка взвывая, директор, после чего сел на кровать.

— Я нормально. Ну... Как... Я впервые убиваю своих. Я, конечно, не воевал, но... Как-то паскудно на душе. Тяжело, — проговорил негр, опустив голову. — Еще и наших столько положило.

— Да. Это частое явление, но я думаю, что ты свое отслужил. Ты показал себя достойным бойцом, и думаю, что заслужил отпуск, — улыбнулся Романо, глядя на своего ближайшего телохранителя.

— Что? — спросил Джек, нахмурившись.

— Не беспокойся. Я думаю, что ты будешь хорошей защитой для Киры. Плюс... Ты мне долго и верно служил. Я напрягу свои связи на центральных мирах, чтобы ты получил образование получше и работу почище. Незачем тебе, да и Билли тоже, головорезами быть.

— Чего? — возмутился Билли, сев рядом с Джеком. — Я лучше на Вас работать буду, директор, чем на какого-нибудь непонятного дядю.

— Вы же с Джеком сдружились, верно? — спросил Романо, положив руку на левый бок.

— Ну-у... Угу, — промычал Билли.

— Вот и будешь ему с его семьей защитой. Да и... Насколько знаю, ты, Джек, с Циркулем часто общался? — спросил Романо.

— Ну да. После смерти Сашки Глаза он как-то совсем в наемничестве разочаровался. А что? — спросил Джек.

— Да если он ко мне в телохранители пойдет — я его с вами отправлю. Мне и Чаки с Иоганном нынче хватит. Может, еще кого-нибудь найду, а вы на меня уже достаточно поработали. Можно вам и отдохнуть, — проговорил спокойно Романо, а в камере нависло молчание.

Примерно через час открылась входная дверь. Внутрь вошли два очередных «клона».

— Господин Романо, Вы можете выбрать одного из своих сокамерников в защиту себе, — проговорил голос одного из ЧОПовцев, а Романо поднялся и кивнул Иоганну, после чего Паук последовал за ним.

...

В лифте в очередной раз звучала спокойная мелодичная музыка, которая должна была успокаивать находившихся внутри, но Романо находило с этими амбалами как-то напрягало. Возможно, сказывалось общая избитость тела и понимание, что он не сможет дать им отпора, даже вместе с Пауком, а может у него образовалась некая «психологическая» травма, которых, естественно, у него за всю его историю должно было быть много. Да нет. Никаких травм, скорее общее напряжение. Клоны, как и в прошлый раз, стояли молча. Эти человеческие истуканы были, вероятно, чем-то гораздо более страшным, чем те же самые бойцы ЧВК или наемники, хотя... Не факт. Большой шкаф — громко падает, вполне возможно, что их было гораздо более легко перебить, чем тех же бойцов ЧВК, которые все-таки имели годы военных конфликтов за спиной. А что эти? Их не зря можно было назвать клонами. Они все были словно из пробирки, росли с малого возраста в практически стерильной от всяких проблем среде, а далее на диете с большим содержанием белка и кальция превращались в то, что они есть сейчас. Да. Они были сильнее практически любого бойца физически, однако, не факт, что их боевая подготовка могла сравниться с подготовкой того же ЧВК «Арес». Это стоило проверить когда-нибудь и, быть может, скоро настанет время, когда этим лбам придется сражаться с настоящим врагом, а не избивать кого-то в лифте или в какой-нибудь камере.

— Мужики, а вы как часто участвовали в рейдерских захватах? — спросил Романо чисто из интереса.

— Сама организация участвовала, однако, не это ее подразделение. Мы занимаемся охраной и решением некоторых проблем директората и акционеров корпорации, к примеру, сейчас конвоируем Вас, директор экспроприации Романо, на корпоративный суд, — спокойно проговорил «клон».

— А судьи кто? За древностью лет к свободной жизни их вражда непримирима, — ухмыльнулся Романо, цитируя строчки из какого-то древнего произведения.

— «Горе от ума» в этой ситуации не очень применимо, хотя, быть может, у Вас горе именно от него. На суде будут присутствовать: директор Коллбейн, а также директора экспроприации Грим, Вуркхарт и Зомер. Кроме них, через видеосвязь с Вами будут контактировать главные акционеры корпорации и гендиректор по периферийной политике Джасмин Тила, — проговорил все с тем же спокойствием ЧОПовцев.

— И на этом информация, все? — спросил Романо.

— Нет. Директор Коллбейн сказал передать Вам то, что суд будет носить скорее характер строгого выговора, поэтому... — человек задумался. — Вероятно, Вам не стоит слишком ярко выступать.

— Как же... — усмехнулся директор экспроприации.

— Это просто совет для Вас. Коллбейн не давал таковых указаний, но все-таки я, как начальник охраны, считаю, что стоит предупредить одного из самых эффективных директоров о том, чего делать не стоит. Скажем так, я сам стоял на тех позициях, на которых стояли Вы. Те двое, что избивали Вас в лифте, уже проходят «курс лечения». Не знаю, что на них нашло, но шокер у их маленьких яичек может многое прояснить. Может быть, они имели шашни с МилитариКорп и теперь мстили за то, что Вы это самое МилитариКорп уничтожили. В общем-то, ничего нового. Предатели бывают и среди нас, — проговорил спокойно начальник охраны, когда они выходили на этаж, после чего начальник охраны встал впереди, а второй зашел за спины к Роберто и Иоганну.

В этот раз на этаже не было практически никого, кроме самих ЧОПовцев, а начальник охраны будто специально шел достаточно медленно, как бы давая Романо обдумать то, что он будет говорить на суде.

...

Вскоре они подошли к конференц-залу, далее двое стоящих рядом со входом охранника открыли двери, где уже за столом сидели четыре человека. Крепкого сложения с рваным шрамом на лице и карими злобными глазами — бритоголовый Грим в синеватом пиджаке; спокойный, утонченный, в хорошо выглаженной жилетке Вуркхарт с холодными голубыми глазами; толстоватый, но не жирный Зомер со слегка вылезшим вторым подбородком и во вздущемся из-за толщины тела костюме; последним был уже знакомый Коллбейн, который единственный был в слегка приподнятом настроении. Роберто и Иоганна провели к обратной стороне прямоугольного стола и усадили по разные стороны. Сами ЧОПы остались здесь же, сели на стулья рядом с Романо и Пауком.

На большом экране виднелось четыре противных морды и одно милое личико. Балек Фьюри — крупный мужчина в жизни, сейчас на экране был лишь одной крупной головой со столь обильной плотностью волос, что на их месте были довольно мощные залысины; Фрэнк Бэкон — крепкий мужчина с загорелым лицом, красавец, который пару раз красовался на обложках журналов для женщин, однако противность его рожи общая его смазливость не отменяла; Аллистер Кирк — бывший военный, чье лицо было изуродовано кучей пластических операций и теперь выглядело почти, как лицо некоего манекена, кажется, делал это он специально; Ричард Кромвель — английская сволочь, какая есть в каждом старинном фильме, довольно старый, с лысеющей седой головой и пронзительными серыми глазами; а в последнем окне виднелась генеральный директор по работе с планетами Периферии, была это в жизни не такая уж и высокая женщина, однако обладавшая, несмотря на возраст в шестьдесят с лишним лет, относительно милыми чертами лица, которые поддерживались не без участия в этом самых различных препаратов и операций.

— Итак, — поднялся с места Коллбейн, смотря своими глазами в камеру, что расположилась на механическом штативе перед ним. — Сегодня нам требуется рассмотреть произошедшие вчера события. Вчера генеральный директор экспроприации Романо произвел нападение на офис МилитариКорп, в ходе которого были убиты директор Блюхарт и Лефтхенд, кроме них среди убитых числится почти две сотни солдат ЧВК «Арес». Романо произвел ликвидацию корпорации МилитариКорп через продажу ими всех владений корпорации. С одной стороны, мы имеем дело с огромным приростом капитала у КаренииИндастриз, а с другой стороны, имеем дело с ликвидацией одного из главных партнеров на планете. Кроме этого, следует отметить то, что после ликвидации данной корпорации может начаться кризис на планете, ибо уже сегодня местами начинается демонтаж оборудования на предприятиях. Конечно, данные действия соответствуют нашей политике по отношению к мирам периферии, однако данное же противоречит нашим договоренностям с МилитариКорп, а также нашим интересам на планете. Ибо, если верить документации МилитариКорп, которая была добыта службой безопасности нашей корпорации, заводы милитаристов, а также ЧВК «Арес», которая тоже была расформирована в результате действий Романо, снабжали работой около десяти миллионов рабочих по всей планете, а также пять тысяч рабочих на станции Айскрим. На которой, пропавший без вести, директор Ли не успел развернуть производства. Таким образом, мы можем отметить то, что действия директора экспроприации Романо, в целом, соответствуют стратегической

политике нашей корпорации, однако не соответствуют тактическим требованиям. Мое основное обвинения кроется именно в этом. Можете ли Вы, Роберто Романо, произвести достойный ответ на эти обвинения? — в этот момент человек, говоривший непрерывно, словно заучив текст, обернулся к Романо, после чего камера обернулась к гендиректору экспроприации, а тот улыбнулся.

— А на что мне отвечать в этом обвинении? — спросил Романо. — Мне кажется, что оно имеет объективное соответствие с реальностью, а значит верно, в своей сути. Да. Я виновен в ликвидации МилитариКорп, однако я имею основания полагать, что МилитариКорп обладало желанием начать военную компанию против КаренииИндастриз. Я говорю о полноценной корпоративной войне, намерение к которой в полной мере проявлялось в ускоренном наборе солдат в частную военную компанию «Арес» (на момент проводимой мной операции), насчитывавшей что-то около двадцати тысяч винтовок. Ежедневно «Арес» обрастал солдатами. Я могу вам, господа и дама, сказать, что на момент моего прибытия на Итарис, ЧВК насчитывала в лучшем случае пять тысяч человек. Того за время процесса экспроприации производств, армия МилитариКорп увеличилась в четыре раза. По всей планете открывались агитпункты, а также различные полигоны. Кроме этого, я могу отметить то, что МилитариКорп нарушил пункт пять точка тридцать один нашего с ними договора касательно расширения вне планеты, напомним, что директор МилитариКорп Винсент Ли, который трусливо сбежал из офиса, ибо убит он не был, выкупил четыре цеха на станции Айскрим. Данное действие обозначает то, что МилитариКорп вполне имели амбиции на экспансию в космосе. Но! — Романо в этот момент поднял указательный палец правой руки вверх. — Вспомним про ЧВК «Арес», которое начало называться таким образом сугубо с этого года. Первого января ЧВК было наименовано именем древнегреческого бога войны. Что же это все может означать, по-вашему, господа директора и господа акционеры?

— Ваши домыслы, — проговорил спокойно Кромвель, который смотрел с экрана, а его изображение приблизилось. — Я не вижу ни единого факта, который противоречил бы природе капиталистического производства. Да, они нарушили договор и по этому поводу мы связывались с МилитариКорп, и директор Ли, который по вашему мнению «трусливо сбежал», обещал произвести крупную выплату за то, чтобы данный пункт договоренностей отменить. Имеются ли у Вас хоть какие-то факты, основанные не на домыслах, которыми блистал и господин Донаван — глава охраны центрального офиса?

— У меня имеется один интересный факт, который связан с зачисткой кворонов на Айскримере.

— И что же имеется в этом факте? — с паршивой улыбкой улыбнулся Грим.

— А то, что господа из МилитариКорп пытались меня убить, — проговорил спокойно Романо, смотря в глаза Кромвеля через камеру.

— И чем Вы это докажете? — спросил акционер, глядя в ответ в глаза Романо.

— Я могу это доказать тем, что на планшет вожака клана Йори — Толеха Йори — пришло такое сообщение, — Романо показал планшет в камеру. — В данном сообщении указано, что некто в составе примерно трех отделений пристыкуется к станции под видом торговца рабами, вернее, показано даже подробнее, к станции должен пристыковаться мой новый сотрудник на тот момент, — Ален Фирс, — который обычно снабжал кворонов молодыми девушками с соответствующими формами. Кроме этого, сообщено также о том, что вместе с нами на борт станции высадится два отделения шок-пеа под командованием моего друга, сержанта Азимута Грейха. Эти данные были получены кворонами через агента

внутри моего окружения, а именно через господина Бормана, который в будущем с легкостью был выявлен моим сотрудником, Иоганном Августом Крайтом. Предполагаю, что именно ему следует рассказать о том, кем являлся Борман, ибо именно Иоганн ставил прослушку и маячки на одежду Бормана, а также прослушку в его кабинете, — после этого Романо сел на место, а поднялся Паук, осмотревший находящиеся здесь.

Грим и Вуркхарт переглянулись, обменялись какими-то странными улыбками, а Паук посмотрел в камеру всеми восемью глазами шлема.

— Почему Вы в шлеме? — спросил Грим, не поднимаясь с места.

— Вам должно быть известно о том, что мой шлем стал частью моего черепа, Зигмунд Грим, но я отвечаю не на Ваши вопросы, поэтому прошу Вас заткнуть свой грязный рот. Ваше нечистое дыхание доходит до моего нежного слуха и чуткого носа, — проговорил со скотской улыбкой Паук.

— Что Вы себе позволяете, Иоганн?! — поднял голос загорелый Бэкон.

— Не знаю. Вероятно, проявляю оставшиеся у меня эмоции, красавчик с глянцевых журналов, что соблазняет женщин одним видом своего торса, а также толстым кошельком. Сколько Вы оприходовали за последнюю неделю? — с интересом спросил Паук, сохраняя ту же улыбку.

— Это не базар, Иоганн, сохраняйте субординацию, — властно проговорил Кирк своим командным голосом.

— Хорошо. Вас я уважаю, господин Кирк, поэтому начну доклад на тему господина Эдмунда Бормана, — проговорил спокойно Паук все с той же улыбочкой. — Эдмунд был хорошим человеком, вероятно, лучшим из тех, за кем мне приходилось следить. Он так быстро выдал себя, что я удивлен тому, что господин Романо не раскрыл этого крикуна сам. На самом деле, приказ о слежке за Борманом мне дал сам Романо. Слежка выявило то, что Борман имел связи с директором Максимилианом Баукусом, с которым общался по телефону довольно громко, если хотите, могу подключить аудиозапись из своего накопителя данных, — Иоганн замолчал ненадолго, ожидая ответа.

— Тебе нет смысла не верить, если ты предлагаешь аудиозапись, — проговорил толстяк Фьюри.

— Хорошо. В таком случае сообщу о том, что произошло в намеченном Баукусом месте. Я продолжал слежку за Борманом, как оказалось, совершенно оправдано, я проследил за ним по всему городу, с помощью маячка, а далее настиг его и трех бойцов ЧВК «Арес» в гражданском, в лесопарке. Двоих застрелил, но ранил некоего «Гирю», который в миру имеет имя Йотун Смит. Не спрашивайте, почему такое странное сочетание имени и фамилии — я не знаю. Так вот... Этот самый Йотун выдал нам огромную информацию касательно МилитариКорп. Что характерно, так это то, что после провала своего агента, как грамотный конспиратор, Баукус решил, пользуясь тюремной терминологией, слить Бормана, ибо при отсутствии тела, как известно, нет и дела. Таким образом, помимо покушения на господина Романо, мы можем проследить то, что МилитариКорп внедряло внутрь офисов своих агентов. Учитывая то, что господин Романо был и есть самый чистоплотный из директоров экспроприации, то у какого-нибудь Грима этих агентов там вагон и маленькая тележка, несмотря на всю его воинствующую сущность бешеной собаки, которая вгрызается в любое тело на своем пути, однако наиболее эффективно работает со враждебной по факту корпорацией.

— Ты обвиняешь меня в том, что я шпион МилитариКорп? Я правильно понимаю? —

улыбнулся человек, поднимаясь со стула.

— Нет. Неправильно понимаете. Я считаю Вас псом войны, который ничего, кроме как воевать и бандитствовать ничего особенно не умеет. Более того, хуже Вас города никто не разорял. Не представляю ни одного директора экспроприации, который дошел бы до ограбления салонов красоты или хлебокомбинатов без каких-либо достойных причин, — усмехнулся Иоганн, а Грим, покраснев от злости, сел на место.

— На этом все? — спросил Кромвель.

— Я предполагаю, что я могу продолжить свою речь, — проговорил Романо, снова поднявшись с места. — Так вот, учитывая информацию, которая сейчас была вами прослушана, Вы можете получить фактологическую базу моих предположений. Объясняю на пальцах, даже самым «сообразительным». У МилитариКорп имеется сеть агентов внутри нашей корпорации, МилитариКорп производит усиленный набор в ЧВК, за счет чего эффективно ликвидирует довольно большую массу из резервной армии труда, далее нарушает договоренность, связанную с продвижением корпорации дальше в космос, довольно активно за счет помощи директоров экспроприации увеличивает свои производственные мощности. У меня один вопрос: неужто ряд всех этих фактов не наталкивает ни на какие мысли? Я могу напомнить также и то, что мы нанесли МилитариКорп довольно большую обиду тем, что Иоганн Вольф и его команда были заменены в парламенте Коллбейном и рядом других лиц, которые теперь вместо интересов МилитариКорп стали проталкивать интересы КаренииИндастриз. Мы имели дело не с простой заурядной планетарной компанией, а с компанией, которая обладала политической властью, целой группировкой депутатов, которые отстаивали их интересы на планете, кроме этого, мы имели дело с полноценными милитаристами. Только посмотрите, кем на деле являются Дорн и Блюхарт: первый организовывал убийство Бура, второй — один из палачей Хелтона. Винсент Ли — главный оружейник корпорации, а также один из самых провальных командиров наступления на мирах Триумвирата, а именно на мире Дромир, на котором в целом было мало достойных генералов и который был взят сугубо за счет огромных потерь среди личного состава армии. Другие директора? Баукус, который являлся бандитом, затем каким-то образом смог получить несколько цехов, а после пятым присоединился к корпорации. Отто фон Лефтхенд — мой сослуживец, гвардии капитан, который, похоже, начал довольно быстро тупеть после внедрения импланта, отвечавшего за подачу адреналина, однако этот ублюдок стал тем, кого боялась Федерация. И где он теперь?

— Теперь он в могиле, — с улыбкой подал голос Вуркхарт.

— Теперь да, но до этого, вместо того, чтобы оказаться в тюрьме, стал директором МилитариКорп. За ним просто подтерли его грязные делишки, и сделал это Дорн. Неужто вы не видите, с кем связались? Это самая настоящая банда, переросшая в целую корпорацию, какой, впрочем, являемся и мы, судя по нашим методам. На этом мое слово окончено, — проговорил Романо, после чего сел на стул, а люди с экрана начали отключаться.

«Неужто, все?», — спросил сам у себя Романо, но на экране остался один человек, а именно Кромвель, который наблюдал за Романо со странной улыбочкой.

— Насколько по-марксистски Вы звучите, господин Романо, — проговорил он, похлопав в ладоши. — Вся эта «резервная армия труда», теперь слова про банду. Наверное, марксизм был отчасти прав, ибо капитализмом в действительности правит насилие, возведенное в закон. В закон природный, который марксисты отрицали. Хорошее использование материализма в доказательстве абсолютно бессвязных фактов.

— Да что Вы? — спросил Романо, глядя в экран.

— Ну, а какие факты? Я могу поверить в то, что они имели сеть агентов, даже уверен в этом. Всегда так. Однако, как связаны тренировочные базы на планете и покупка четырех цехов на Айскриме? — спросил человек, улыбаясь.

— Мир — это система. В нем все переплетено, а иначе разорение одного завода никак не связано с разорением другого и миграцией рабочей силы вследствие потери рабочих мест, — проговорил спокойно Романо.

— Вы марксист, Романо. Вы — враг, наверное, или мы Вам враги. Вы до сих пор на этом месте только из-за того, насколько эффективно действуете. На самом деле, будь моя воля, Вы бы уже болтались в гирлянде шок-пеха. До свидания, — улыбнувшись, старик отключился, а Грим как-то непонимающе посмотрел на Романо.

— Че это значит? — спросил человек, глядя на гендиректора. — Ты типа раздолбил одного из главных наших партнеров и вышел сухим из воды?

— Именно так, Грим. Именно так, — улыбнувшись, сказал Романо, после чего поднялся со стула. — Я могу идти?

— Вероятно, — проговорил с какой-то радостной улыбкой Коллбейн.

— Неплохо стелешь, — прокомментировал речь Романо Зомер.

— Да, Роберто всегда так стелил, — ухмыльнулся Вуркхарт, который, пожалуй, единственный понял то, о чем говорил Кромвель, из-за чего довольно хитро смотрел за Романо. — Гендиректор, а я правильно понимаю, что Вы пытаетесь создать некие условия для запретного в нашем обществе слова?

— Ничего я не пытаюсь сделать. Просто когда-то наслушался разных умных дядек в военной академии, и с тех пор так разговариваю. Кто-то и двух слов связать не может, а кто-то стихи пишет, и ни один из здесь присутствующих к последним не относится, — как бы унизив всех и себя одновременно, проговорил Романо, после чего вышел в коридор, а за ним последовал и Паук.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис,
Генеральный аэрокоридор,
24.01.2580, 09:30

Романо сидел на одном из сидений у иллюминатора в салоне бизнес-класса. Сейчас они летели на каком-то транспортном судне, которое направлялось в Кирен-1. Сам Романо был слегка омрачен тем, что происходило вокруг. Воздух на планете становился чище, однако производства почти во всех городах останавливались, с другой стороны, местами виднелись новые разработки ресурсов. Быть может, в этих местах возникнут новые города, но скорее всего люди будут работать вахтовым методом, ибо строительство полноценного города — это вещь не очень выгодная для корпорации. Внизу действительно мелькали города, и Романо наблюдал за этим движением. Да. Планета станет чище. Чище от людей, а воздух постепенно очистится, но вот сам Итарис уже никогда не станет прежним, тем более после действий самой Карении Индастриз, которая выкачивает ресурсы из всего, что живет и движется на данный момент.

Сам салон выглядел как нечто богато украшенное, повсеместно виднелись золотые и красные цвета. Начальник компании по авиаперелетам, видимо, особенно любил красный и золотой, но местами был и обычный белый цвет, который придавал помещению ощущение некой чистоты и порядка. Рядом сидел Паук, сзади слышался говор Билли и Джека, а Чаки сидел где-то отдельно.

Романо же продолжал наблюдать за тем, как внизу менялся вид. Раз за разом внизу будто вырисовывались знакомые лица, которые, так или иначе, повлияли на человека. Вот был отец Энрике, который когда-то и направил сына на военные рельсы, вот его мать Белла, которая и научила юного мальчишку тому, чтобы быть справедливым. Знали ли они, что он станет таким? Станет тем, кем вряд ли можно гордиться? Нет. Наверное, не знали и даже предположить не могли, что их сын превратится в форменное чудовище, которое способно убивать людей направо и налево просто для того, чтобы достигать своих целей. Знали ли они, что он не будет участвовать в воспитании своей дочери? Нет. Не знали. Они учили его тому, что надо держаться за семью и делать все для того, чтобы семья жила достойно, и последнее он запомнил наиболее четко. Убивал он для того, чтобы его семья жила достойно, но сейчас переломился. Стоит ли его семья тех жертв, которые он приносит на алтарь их богатой и достойной жизни? Нет. Не стоит. Тем более та семья, которую он вовсе не видит, пусть и сохраняет определенную верность и прочее. Роберто Романо — человек, который сломал столько жизней, до скольких дотянулась его красная от крови рука.

Комок застрял в горле, а говорить он не имел желания. Так и провел весь полет.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район «Милитант», строение 31, этаж 15, кабинет 1506,
24.01.2580, 14:00

Баукус сидел за своим столом, как-то тупо уставившись на дверь. Начались уже вторые сутки как он сидел, практически не видя ничего вокруг. В голове вертелись образы... Ванесса, Блюхарт с простреленной головой, его отец, затем Винсент Ли, который

рассказывал о том, в какой глубокой заднице они оказались... Раз за разом в голове возникал облик человека в бронекостюме, который вытаскивал из кобуры револьвер. Романо засел в голове глубоко. Быть может, даже глубже, чем представлялось. Лицо человека как-то опало, и он это чувствовал, мышцы будто бы атрофировались из-за этого перенапряжения, каждый шаг давался слишком тяжело для того, чтобы назвать это шагом.

Иногда он выходил в коридор. Пусто. Да... Он всех распустил. Иногда к нему все-таки приходили, как призраки, журналисты, а он прятался в глубине офиса, чтобы его не смогли найти. Однажды где-то внизу слышалось даже то, как кто-то начинал вытаскивать вещи из здания. Мародеры? Наверное. Рабочие тоже приходили. Скандировали: «Баукус, вернись!», но он боялся даже выйти к ним. Он не остановил работу заводов. Пока что не остановил, но что-то тяжелым грузом дамоклова меча висело у него над сердцем. Это была какое-то странное, вязкое и неизмеримо тяжелое чувство вины: вины перед семьей, вины перед своими рабочими, вины перед Ванессой, вины перед всей планетой, которую он предал. Раскаяние раздирало его грудь, и офис стал его обиталищем.

Лица, лица и еще раз лица, новые и новые образы крутились в голове уже бывшего директора МилитариКорп, который сегодня мотался туда-сюда по офису. Он будто медленно, но верно сходил с ума, но что-то заставляло его держаться за свою маленькую тушку. Наверное, это было обещание, данное ученице его отца, поэтому Баукус, чьи виски покрыла седина, до сих пор и был жив. Не будь этого обещания, он бы сиганул вниз с этажа повыше, чтобы расплыться маленьким красным морем по асфальту дорог и плитам тротуара.

— Хе-хе... А ведь Ирвин говорил правильные вещи, — тихим хриплым голосом проговорил Максимилиан, прислонившись к стеклу окна где-то на двадцатом этаже. — Тот, кто накладывает руки на себя — тот ничтожество. И тем более он ничтожество, чем больше людей увидит его труп, чем больше боли он принесет своей смертью. Он предает не жизнь, он предает свою семью, все свои обещания, которые не успел исполнить, он перестает быть человеком в полной мере, становится лишь красным пятном на асфальте. Нет, — Баукус оттолкнулся от стекла и оживленным взглядом посмотрел на коридор. — Это не мой путь!

Он проговорил последние слова громко, после чего поправил пиджак и пошел к лифту, который как всегда ждал его на том этаже, на который сам Баукус его и отправил. В этот раз, на втором. Делал он это специально. Чтобы обмануть тех, кто будет его искать.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район «Милитант», строение 31, этаж 15, кабинет 1506,
25.01.2580, 00:00

Баукус снова стоял у окна. Смотрел на ночной город, чьи множественные глаза медленно, но верно меркли во тьме. Он был в своем выглаженном костюме, в руке был небольшой портфель. На улице уже становилось гораздо теплее.

— Будто бы кровь «Ареса» еще сильнее растопила зиму. Ага... Кровь бога войны столь горяча, что способна победить саму стихию. За эти краткие денечки зима сошла на нет, а ведь на Земле в это время всегда был холод, ну, как... Не везде, но на севере. Да. На севере всегда была хорошая такая зима. А здесь мы никогда не видим настоящей зимы. Странно... Термометр от силы понижается до минус десяти, а сейчас? А сейчас уже плюс десять, даже зимой. Итарис все-таки вполне мог бы стать туристическим миром, — мечтательно произнес Баукус. — Да. Кирен-1 превратился бы в маленький городок, который не был бы застроен этими человеческими муровейниками. Столько всего могло бы быть... Но все не так, как могло бы. Да! Все не так... К счастью это? К печали? Не знаю... Я просто разговариваю сам с собой, — размышлял человек, стоя перед окном. — А ведь я бы мог воспротивиться Романо. Попробовать на него напасть. И вдруг... Убил бы. А что бы было в этом случае? Нас бы, наверное, перестреляли всех. Наверное, хорошо, что я поставил свою «роспись». Теперь он заверит все у нотариуса постфактум, а мы станем обычными работягами, такими, как они. Они ведь сейчас спят, наверное... Или нет? А я ведь никогда не интересовался их жизнью... Я не знал даже Гирю, а Ирвина не знал давно. Столько всего упущено... Может, оно и к лучшему, что голову Блюхарта пробила пуля, Ли пропал без вести, а Лефтхенд расстрелян, придавленный щитом? Они же были не лучшими людьми, верно? А ты какой? — спросил сам у себя человек и опустил глаза. — А я какой? Я же почти как они, но... У меня даже не хватило сил, чтобы принять смерть или бежать, как Винсент. Интересно... А где он сейчас? Жить как человек, а теперь скитаться по трущобам? Как он будет жить теперь? Его жизнь ведь превратится в вечную войну, ибо Романо не даст ему жить спокойно. Его буду искать по всему Итарису, чтобы убить. И ему, наверное, никто не поможет. А если и поможет... Будет убит. Убит вместе с Винсентом. Или... — человек задумался, снова прислонившись к окну. — Или он станет страхом для Романо. Для всей Карении, которая ощущает себя здесь хозяйкой. Нет. Этот человек не просто исчезнет со всех телеэкранов и из всех налоговых выписок, он будет бороться за преданный нами Итарис. И однажды сгинет, быть может, с сапогом шок-пека на глотке.

Человек снова оттолкнулся от стекла, а после этого пошел к лифту по темным коридорам офиса. Он двигался спокойно, уже привыкший к полумраку. Знал о том, что может наткнуться на мародеров, но не уже не боялся. Он вызвал лифт, а после призраком вошел в его двери. Баукус побрился сегодня, будто бы собирался на свидание, зачесал седоватые волосы назад и отметил какую-то схожесть с отцом, разве что морщин пока что было не так много, как на лице Баукуса Старшего. Лифт довольно тихо спускался вниз. Уже не звучало ни единого звука. Он просто мерно плыл по шахте, будто позволяя человеку внутри ощутить то спокойствие, которое в себе хранил механизм, старый, как мир механизм.

Вот двери открываются, и человек выходит в парадную. Смотрит вверх, затем на столик,

за которым ранее размещался секретарь, а далее смотрит на вход. С добродушной улыбкой он медленно двигается вперед, быть может, чтобы найти для себя смерть или просто погулять по ночному, медленно, но верно вымирающему Кирен-1. Выйдя на улицу, он снова ощутил легкий ветерок, который был характерен для темных улиц, освещенных фонарями, что снова начала облеплять местная мошкара.

— Забавно, — бывший директор с глупой улыбкой посмотрел на роящихся у лампочки насекомых. — Год назад их практически не было. Или... Просто я их не замечал? Я много чего не видел, если подумать. Может, они каждый вечер роились там?

Человек задал вопрос в пустоту и осмотрелся. Милитант спал. Такое наименование район обычно получал, если в нем находились военные заводы. Да. Именно из-за нахождения здесь офиса МилитариКорп и их же заводов, район и получил это название. Здесь не было столь высоких домов, какие стояли обычно в городе. Он помнил то, как лично распоряжался тем, чтобы снести старые человеиники и обустроить более-менее человеческие жилища.

— Они оставались человеиниками, но теперь были хотя бы в десять этажей, — к горлу Максимилиана подкатил комок. — Я ведь был не худшим, даже тогда... Старался обустроить моим людям жизнь. А что теперь? Этот район в будущем может превратиться в очередное гетто, а все потому, что я предал их. Как же я теперь жить буду здесь? Хотя... Может, не буду. Романо просто выкинет меня с планеты, и катись куда хочешь... Лети, как космический мусор по огромному пространству. Может, куда и прибьет, — голос дрогнул, а он, опустив голову, ускорил шаг.

Где-то сверху слышалась ругань из открытого окна. Мужчина кричал о том, что не виноват в том, что теперь уволен новым руководством, а женщина кричала о том, что ей теперь одной придется работать на четыре рта. Человек глубоко вдохнул и на выдохе произнес: «Это моя вина...», а далее, держа свой портфель, продолжил идти вперед.

— А ведь я даже почти ничего не нажил... Одна квартирка где-то здесь, и все. Хех... Может, я и сам не очень капиталист? Деньги только в компанию вкладывал... Пытался тягаться с другими директорами долей в компании. А что в итоге? Самый слабый из директоров из-за проклятого Романо... — человек как-то мрачно улыбнулся, но на то, чтобы сражаться, у него уже не было сил, поэтому он засунул левую руку в карман брюк и все также угрюмо шел по дорогам города.

По правую сторону от него уже шел один из заводов. Огромный бетонный короб, внутри которого выпускались самые различные боевые машины. Подумать только... Уже новое руководство, и уже сокращения.

— Да. Я был все-таки не так плох... — угрюмо проговорил он, а слева от него на улицу вышел раскрасневшийся мужчина. Видимо тот самый, на которого орала жена.

Баукус лишь как-то осторожно посмотрел на него, а тот сразу побледнел. Максимилиан же опустил глаза, а человек побежал к нему через проезжую часть.

— Директор Баукус? — спросил он, подбегая. Крепкий, с такими же крепкими руками, с небольшим животом, широкими плечами и красными от работы ладонями.

— Угу. Простите меня, — поднял глаза Баукус, смотря на человека.

— Вы так осунулись... — проговорил мужчина в каком-то смятении, а Баукус отвел глаза, наполнившиеся слезами, встал как вкопанный. — Что с Вами?

— Ничего... Я предал Вас, мой друг, и Вашу семью... Мне очень стыдно за это. Я должен был умереть вместе с Блюхартом, но, как трус, просил о том, чтобы меня не

выкинули с планеты, — Баукус сдержал свои эмоции и снова посмотрел на этого крепкого мужчину, на его фоне бывший директор уже не выглядел ни атлетично, ни хотя бы статусно, теперь он был скорее кем-то маленьким, скукожившимся за считанные мгновения. Онне был похож на того человека, которым являлся даже пару дней назад, теперь седина затронула его волосы, в глазах читалась какая-то странная старость, он будто сам уже шел к могиле, слегка бессильно сторбившись.

— Вы не предали нас, — проговорил человек. — Я же вижу, как Вы себя ощущаете. Вы по крайней мере, раскаиваетесь в этом. Я помню то, как Вы подняли зарплату нам... Как Вы же давали ипотеки, которые мы выплачивали за считанные годы. Нет, Баукус, ты не предал нас, — человек улыбнулся и положил свою крепкую руку на плечо директора. — Я больше скажу! У нас большие запасы теперь имеются. Вы же почти в два раза зарплату подняли! Пойдемте. Я всегда мечтал Вас увидеть лично, но... Немного не в таком виде...

— Нет. Пожалуйста, я не хочу... — Баукус пытался что-то промямлить, но сил не хватало, два дня он не ел, поэтому еле перебирал ноги, а мужчина был столь настойчив, что прямо-таки затащил директора в подъезд.

— У меня жена сварливая, но Вы не беспокойтесь. Мы Вас увидеть хотели всегда. Ну, как... Лично.

— А Вы меня не съедите там? — спросил с легкой улыбкой Баукус.

— Нет, что Вы! Суп сварим! — с улыбкой проговорил человек. — Сейчас еще соседей позову, все-таки мы все Вам в какой-то степени обязаны.

— А Вас как зовут? — спросил Баукус, наконец, опомнившись.

— А... Антон. Забыл представиться. Я знаете что думаю? — спросил Антон, заводя Баукуса в лифт.

— Что? — спросил Баукус, слегка повеселев.

— А станьте нашим вождем! — человек проговорил это с некой торжественностью, а под ногами Баукуса, кажется, разверзлась земля.

— К-к-каким вождем? — спросил человек, у которого прямо-таки закружилась голова, а удержался он на ногах лишь благодаря крепкой хватке Антона.

— Ну, как каким? Ну, тем самым! Я помню, нам по истории в школе рассказывали, что у рабочих в переломные моменты всегда появлялись вожди, которые вели их к свободе! К равенству! К братству! Я как помню, Вы же среди нас жили. В третьем доме, правда, Вы редко домой возвращались, да и с нашим братом редко общались, но теперь-то Вы другой!

— Я... Я не могу рисковать Вашими жизнями, — проговорил Баукус. — Да и... У нас оружия-то нет. Мы только технику производим, даже снарядов к ней нет, да и станков тоже. Что Вы такое говорите? Я не готов такой грех на себя брать. А тут шок-пех лютый...

— Да ниче! Как передем этих шок-пехов на БМП, так, блять, и исчезнут! Погоди! К нам еще и армия подтянется. Мы им, бля, устроим! — проговорил человек, улыбаясь, а дверь лифта открылась. — Не беспокойся, директор! Мы им всем такое жарево устроим, что они на пушечный выстрел не подойдут! Отвоюем завод, а потом и весь Кирен!

— Вы слишком радикальны... — говорил как-то подавлено Баукус, а Антон, усмехнувшись, открыл дверь в квартиру номер пятнадцать.

— Галла! Накрывай на стол! У нас гости! — громко проговорил Антон, втолкнув директора в дверь и быстро закрыв ее за ним.

— Какие еще гости?! — слышался женский голос, а в следующую минуту в коридор вышла женщина в халате почти нараспашку, после чего, испугавшись, закрылась и как-то

аккуратно спросила. — Господин Баукус?

— Он самый, — вздохнув, произнес бывший директор, после чего поставил свой портфель на пол. — Я надеюсь, что не сильно Вам помешаю. Антон сказал, что соберет мужчин для чего-то, ну... Я надеюсь, что не здесь. У Вас вкусно пахнет. Это... Курица?

— Да. Вы хотите кушать? — спросила женщина, смотря на директора с изумлением. — Вы так изменились. Костюм на Вас как мешок... Неужто Вы настолько переживаете?

— А Вы сомневаетесь? — спросил человек, снимая туфли, а сам вздохнул.

В коридор вышли высокий парень с темными волосами, как у отца, и маленькая девочка лет пяти со светлыми волосами, как у матери, а Баукус с какой-то тяжестью выдавил улыбку.

— Мам, а почему дядя такой грустный? — спросила девочка, а парень, качнувшись, пошел назад в свою комнату.

— Потому что он нас предал, — проговорил молодой человек без капли сомнения в голосе. У Баукуса же от этих слов прямо-таки резануло сердце, отчего он, кажется, еще сильнее постарел, когда схватился за сердце и припал к стене, земля прямо-таки уходила из-под ног, а он кое-как смог удержаться.

— Витя?! Что ты такое говоришь?! — выкрикнула женщина вслед сыну, а у Баукуса как-то поплыло в глазах.

...

Баукус очнулся на диване, рядом с ним сидел какой-то мужчина с козлиной бородкой и в очках на карих глазах.

— О. Очнулся, — ухмыльнулся человек в белом халате. — Голодный обморок, знаете ли, при общем перенапряжении — это не шутки, молодой человек.

— Голодный обморок? Где я? — спросил Баукус, комната будто была в тумане, а вокруг виднелись силуэты мужчин самых разных комплекций, которые ждали того, когда человек очнется. Они перешептывались, ожидая чего-то.

— Вы? Вы в квартире у своих рабочих, господин Баукус. Они вытянули меня из кровати, чтобы я «спас» Вас, но, как вижу, Вы в спасении не нуждались. Вы сколько не ели? — спросил доктор, смотря на директора.

— Ну... — Баукус слегка приподнялся на локтях, осматривая комнату, он видел то, что люди были обеспокоены, но как-то повеселели, когда бывший директор пришел в себя. — Дня два точно. И еще полдня, после штурма офиса...

— Вот и ответ. Голод наложил на сильные переживания. Седина аж появилась. В общем, директор, Вам надо поесть, а потом послушать Ваших рабочих. У них есть что сказать, а я на старости лет... Воевать как-то не очень готов, поэтому откланиваюсь, — ухмыльнулся доктор, после чего поднялся и вышел из комнаты.

Баукус сел на диван, осмотрелся... Все также было в тумане, а люди, что будто бы вторым рядом стен, стояли на фоне обоев, все также смотрели на Баукуса, как на некоего пришельца. Оно и не удивительно. Баукус очень сильно изменился за эти пару дней. Он как-то скукожился. Костюм, который ранее сидел на нем как влитой, теперь висел мешком. Он заметил это только сейчас, после замечания Галины. Голова сейчас раскалывалась, спина как-то странно выгнулась, кажется, не способная удерживать позвоночник в былом его состоянии. Он смотрел на себя. На свои руки. На свой расстегнутый пиджак и рубашку, под которой как-то обвисли мышцы. Он довольно быстро застегивался, а после снова туманным взглядом уставился на своих людей. Кто-то поднес ему тарелку с едой, а Баукус покивал в ответ, как бы говоря: «Спасибо».

Он вздохнул, взял тарелку в руки и вдохнул запах горячего домашнего супа. В этот момент на лице его возникла улыбка. Как давно он не ел ничего домашнего? Сколько лет? Сколько зим? Он уже и со счету сбился, от того и с какой-то особенной глубинной любовью начал хлебать суп из тарелки, вкушая этот редкий, не такой, быть может, вкусный, как в ресторанах суп, но все-таки приготовленный с иным настроением. Человек производил это для себя, а значит, ощущал совершенно другие эмоции, даже несмотря на то, что это было желтоватым варевом с плавающими каплями жира, с какими-то овощами для наваристости. Да. Это была совершенно другая еда. Без особенного лоска и статуса, но приготовленная для «своих», а не на продажу. Баукус, кажется, готов сейчас был съесть целую кастрюлю, но решил просто сказать «спасибо».

— Может, Вам еще налить? — спросила Галина.

— Нет, спасибо. Все очень вкусно, — с улыбкой проговорил человек, а сам думал о том, не дурак ли он? Отказываться от чего-то съестного, когда в животе еще кишка кишке бьет по башке. Но все-таки он не мог объедать этих людей, особенно учитывая то, в какое положение их поставила МилитариКорп своим предательством.

Пацан сказал правду, а Баукус просто не хотел слышать эти слова из чужих уст. Нет ничего больнее, чем когда то, что говоришь себе в тайне ото всех, вдруг слышишь от людей вокруг. Тайна будто бы растворяется и ударяет словно молот по наковальне, только вот наковальней становится твой собственный мозг, а молот бьет так сильно, словно находится в руках какого-то древнего рыцаря, который орудовал этим оружием на протяжении всей своей жизни. Он ударяет молотом сразу с двух рук, и силы в мгновение покидают тебя, по крайней мере, так это и ощущал Баукус.

— Директор? — послышался чей-то бас, а бывший директор поднял голову куда-то в направлении звука.

Взгляд не мог сконцентрироваться и, наконец, разглядеть темнокожего высокого человека, чьи очертания, в отличие от многих, были хорошо знакомы. Максимилиан перебирал в голове имена мастеров тех или иных цехов и, наконец, подобрал имя, кажется, его звали Стивен. Да. Вроде бы, Стивен.

— Директор, Вы меня слышите? — спросил Стивен, да, точно. Это он и был, а Баукус кивнул, поднимаясь с дивана.

— Наверное, для разговора лучше выйти в подъезд, — проговорил он, а уже знакомый ему Антон утвердительно кивнул, позвав за собой людей.

Их было человек двадцать только в комнате, в коридоре стояли еще десять, а выйдя на этаж, он был изумлен. Здесь ждали еще пятьдесят человек разных возрастов, и это был лишь один подъезд. Баукус посчитал, и что-то не сходилось. Не могло тут жить восемьдесят мужиков, даже если в семье было по два работающих на заводе мужчины или... Могло? Все равно как-то много. Они размещались в два ряда у стен, одни стояли, другие сидели на корточках, третьи слонялись по этажу, пока не вышел Баукус. Неужто им так был нужен директор?

— Итак, друзья! — громко произнес Стивен, выходя на импровизированную сцену из каких-то двух ящиков, поставленных друг рядом с другом. — Сегодня мы с вами, отцы семейств двух подъездов, которые хотели прийти на встречу, приветствуем нашего директора. Максимилиан Баукус являлся одним из лучших работодателей нашего города, а Карения пытается отнять у нас последнее. Мы точно знаем о том, что именно Роберто Романо организовал это нападение на генеральный офис, а у нас с вами есть задача.

Победить Карению в отдельно взятом городе. Баукус станет нашим вождем! Мы выйдем их с завода и вооружимся тем, что у нас есть. БМП и БТР нашего производства являются одними из лучших на Кирен-1, а уж шок-пех на них мы вдавим в асфальт так же, как и продажных ментов, которые жопу лижут этим собакам. Возможно, что многие из нас погибнут, но это борьба за жизни наших детей! Поэтому, господин Баукус, я прошу Вас выйти на нашу... Импровизированную сцену и произнести какую-то речь. Если Вы, конечно, согласны стать нашим лидером.

Баукус потупил взгляд. Как-то это все было странно и страшно. Его люди в этот момент показались ему совсем не его, ибо они стали кем-то, кто готов проливать литры крови... И это, наверное, можно было понять. Они устали жить под вечным гнетом корпораций, им опостытели шок-пехи, которые уже скрутили нескольких рабочих и увезли в понятном направлении. Кроме этого, было понятно то, что шок-пех Кирен-1 явно не выстоит против них, но, кроме Кирен-1, было множество иных баз шок-пеха, которые могли бы задавить их восстание. Баукус как-то мрачно посмотрел на мастера цеха сборки, а после вошел на сцену.

— Друзья. Как бы мне ни было тяжело это говорить, но... Я не могу возглавить вас. Поймите, вы лучшие люди, которых я знал. Вы готовы сражаться за меня и за город, но я не тот, за кого стоит сражаться. Поймите, пожалуйста, сейчас у нас нет и шанса. ЧВК распущено, а что мы можем сделать с вами? У многих из здесь присутствующих даже военного образования нет, а тем более нет опыта вождения БМП и БТР. Если я стану вашим вождем, друзья, мы, может быть, и ликвидируем базу шок-пеха, но вспомните, пожалуйста, о том, что в Кирен-1 не единственная база шок-пеха и даже не самая большая, — человек говорил это, смотря какими-то чрезвычайно грустными глазами, где-то в глубине он и хотел возглавить их, но не было у него опыта ведения войны.

Люди переглядывались, пока Баукус сделал небольшую паузу, перешептывались, кто-то смотрел на него с яростью, а кто-то с какой-то печалью.

— Поймите, друзья, вы имеете правильный порыв, но мы ничего не сможем сделать. Я не уверен, что гарнизон выступит на нашей стороне. Я вообще ни в чем уже не уверен. У Романо все схвачено, поэтому пока что и смысла нет пытаться бороться с ними.

— Но ЧВК пока не сдохло и не разложилось морально, — проговорил кто-то из толпы. — Их можно сагитировать.

— Может и можно, но куда вы попрете с двумя сотнями стволов? В гарнизоне числится две тысячи винтовок, а у нас всего две сотни. В одном шок-пехе восемь сотен. Да. Вас тут работает до чертиков, но хватит ли на всех БМП и БТР? Десять тысяч вас. Да, мы можем раздавить и шок-пех, и гарнизон, но какой ценой?

— Ценой крови, Баукус, — проговорил еще один хриплый голос из толпы, а мастер цеха как-то мрачно смотрел на директора.

— Уходи, — проговорил Стивен твердым голосом, а Баукус кивнул, после чего пошел в направлении квартиры Антона. Рабочие дали ему пройти, он взял свой портфель, который стоял у порога, и после этого пошел к лифту.

— Вы поймите, мужики, вы никому хребет кроме себя самих не переломите своей «войной». Десять тысяч — это пшик, — проговорил он в тишине, ожидая лифт. — Спасибо за все, и прощайте.

Человек вступил в открывшийся лифт, после чего стал спускаться вниз. А Немезида, тем временем начинала свой подъем.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Центр-1, строение 22, этаж 10, кабинет 1003,
25.01.2580, 12:00

Романо первым делом явился в свой офис, и встретил свой кабинет с улыбкой. Все-таки было в этом месте что-то родное. Левое плечо также болело, да и бедро отдавало болью, но все-таки это уже была другая боль в силу изменения места нахождения. Если в столице эта боль была острой и калечащей жизнь, то сейчас она была гораздо более легкой. Он аккуратно сел на стул, а затем включил компьютер, достал телефон, набрал номер Киры.

Сейчас уже была пятница, насколько он помнил, пятница обычно была днем некой самоподготовки, поэтому спокойно звонил на номер. Вскоре телефон взяли.

— Здравствуйте, — послышался голос с той стороны.

— Здравствуй, Кира, — улыбнувшись, произнес Романо. — Я подъеду сегодня часам к шести, наверное.

— Правда, что о Вас говорят в новостях? — спросила девушка, изменившись в голосе.

— Да, — спокойно произнес Романо. — Мы совершили нападение на генеральный офис МилитариКорп. Убили кучу людей, а также двух директоров, еще один пропал без вести, но пациент скорее жив, чем мертв.

— Вы так спокойно об этом говорите... — в голосе читалось что-то неясное, то ли страх, то ли что-то другое, одно было понятно — Романо для нее это человек, который способен на что-то страшное, отчего человек улыбнулся.

— А как говорить, родная? Я воевал с самыми разными организациями, с людьми и с нелюдьми. Видишь ли... Со временем всегда вырабатывается некое хладнокровие, и ты начинаешь мыслить фактами. Произошедшее уже произошло, и в некотором роде нет смысла об этом жалеть и раскаиваться, тем более раскаиваться из-за смерти таких людей, как Блюхарт или Лефтхенд. На обоих клейма негде ставить, а вот в смерти всех этих солдатиков — я раскаиваюсь, но ведь и мои люди понесли огромные потери. Поэтому, я считаю, что кровь перекрылась кровью. Уж извини за то, что столь холоден. Ладно, до вечера, Кира, а у меня тут одна интересная встреча должна случиться, — после этого Романо положил трубку, после чего снова посмотрел на экран, где были две девушки: жена и дочь, которые, вероятно, уже не ждут Роберто Романо дома.

...

Баукус входил в офис спокойно. В серых глазах читался какой-то странный холод. На самом деле выглядел он в целом потрепано: усталый вид, синяки под глазами из-за недосыпа, растрепанные волосы, сгорбленная спина, поседевшие виски, да и, в целом, покрытая пеплом седины голова. За эту ночь он будто еще сильнее постарел, но все же стал взбираться по ступенькам. Он подошел к администратору и произнес:

— Максимилиан Баукус. Я сегодня звонил Вам, чтобы назначить встречу Роберто Романо, — проговорил он, холодно глядя на молодую девушку, сидевшую за столом.

— Можно Ваш паспорт? — спросила она, а Баукус достал телефон из карман и открыл соответствующее приложение, после чего показал его девушке.

— Вы либо очень изменились, либо не тот, за кого себя выдаете, — проговорила она, посмотрев на фотографию вполне молодого человека с фото, а затем на старика, стоявшего

перед ней.

— И что? Не пропустишь? — спросил Баукус грубо.

— Пропущу, только в сопровождении, — девушка вызвала к столу охранника, и человек под метр семьдесят в черной униформе подошел к Баукусу.

— Пройдемте, — проговорил мужчина, а затем Баукус с мрачным видом пошел к лифту.

...

Вскоре они были на десятом этаже, охранник вел человека к кабинету директора. Судя по всему, сам Баукус уже был просканирован на наличие взрывчатых веществ, но охранник все-таки решил проверить человека перед входом в кабинет. Он взял его портфель, просмотрел его, затем прощупал пиджак под ворчание человека, а после позволил пройти в кабинет.

Баукус был мрачен, осмотрел беспорядок в кабинете, а затем нашел взглядом Романо.

— Баукус? — спросил Роберто, глядя на вошедшего.

— Он самый. Такие происшествия, какие устраиваете Вы, знаете ли, делят жизнь человека на «до» и «после», а на фоне переживаний как-то стареешь, — проговорил он мрачно, а после спросил: «Я присяду?».

— Присаживайтесь, господин Баукус, — проговорил Романо, указав на стул перед столом. — Уж извините за беспорядок. Я просто не люблю, когда сюда лезут непонятные люди, которые пытаются убрать, по их мнению, «мусор». Иногда мусор бывает отнюдь не мусором, а люди что-то выкидывают, поэтому обычно я сам прибираюсь в кабинете, но нынче как-то не очень к этому способен, да и прибыл только сегодня. Так почему я должен оставить Вас на планете? — резко сменил тему Роберто, глядя на севшего Максимилиана.

— Скажем так... Мой отец, Ричард Баукус, был учителем. И была у него одна особенность. Он преподавал немного не в том идеологическом ключе, который принят у нас в Федерации. Его явно пытались как-то заставить работать на государство, отчего он и решил умереть. Он просто не сообщил о своей болезни никому из своих влиятельных учеников, и не сообщил даже мне. Мы, конечно, находились в давней ссоре, однако старик все-таки мог обратиться к сыну, но этого не сделал. У меня один вопрос: «Почему?», поэтому я и хочу остаться здесь и получить ответ на этот вопрос. Кроме этого, у моего отца была хорошенькая ученица, которая сейчас переходит в одиннадцатый класс, так вот. Она — это вторая причина, хотя, наверное, первая, ибо девочка умная и мне бы очень не хотелось, чтобы она попала в какую-нибудь нехорошую компанию, которых благодаря вашей — каренианской — деятельности становится чересчур много. Кроме этого, сама девушка, к сожалению, живет в довольно плохих условиях, поэтому я и надеюсь постараться вытащить ее с планеты. На мой счет можете не беспокоиться — я мешать не буду. Год здесь проживу, и вместе с девчонкой улечу на центральные миры, благо, определенные сбережения у меня на это есть, — после этого Баукус замолчал и опустил глаза.

— Угу... — промычал Романо, после чего посмотрел на Баукуса с улыбкой. — Хорошо, господин Баукус. Оставайтесь. Заодно начните обучение педагогическому делу. Вы, насколько мне известно, мягко говоря, не глупый человек, поэтому, как мне кажется, можете стать учителем для многих, хотя Вы и мразь в прошлом.

— Прошлое остается в прошлом. Да, я был повязан темными делишками с Леманом и прочими, однако я теперь свободен даже от делишек, связывавших меня с МилитариКорп. Я свободен? — спросил Баукус, смотря на Романо.

— Пожалуй, однако, ответьте на один вопрос, Баукус. Только честно. Это Вы дали

сигнатуру кворонам о моем скором появлении на Айскриме? — спросил с улыбкой Романо, а Баукус покачал головой.

— Если я отвечу положительно — Вы меня пристрелите. Верно? — спросил Баукус, смотря на человека.

— Нет. Вы уже не несете никакой опасности ни для меня, ни для Карении Индастриз, поэтому нет, — спокойно проговорил Романо, взглядываясь в глаза Максимилиана.

— Тогда, да. Я был вынужден дать сигнал кворонам под давлением Лефтхенда. Тут, видите, дело в чем? Они, видимо, хотели спустить на меня всех собак, в случае, если Вы выживите. Далее, Вы должны были напасть на мой офис — убить меня, а далее получить ряд оплеух от своих акционеров, Вас бы выслали с планеты, ибо Вы нарушили договоренности с корпорацией. Но... Я их перехитрил. Отправил сообщение с корпоративного аккаунта. Я, кстати, не уверен в том, что Вы бы пошли убивать меня, после того, как выяснилось бы, что именно я отправил это сообщение. Вы же не дурак, верно? — ухмыльнувшись, риторически спросил Баукус. — Да. Вы бы не пошли на меня, более того... У Вас была причина, чтобы разбомбить мой офис к чертовой матери, в виде агента, который связывался со мной прямо из своего кабинета, который, судя по всему, стоял на прослушке. Далее Ваш агент, насколько понимаю, Иоганн «Паук» убил двух бойцов командира охраны с позывным «Гиря», а самого Гирю пленил. Далее, вероятно, Гиря раскололся и выдал Вам всю возможную информацию о Милитари Корп, после чего Вы пошли с козырей. Решили через Жабодава собрать лучших наемников, каких только возможно. Итог известен широкой общественности. Только вот ответьте: Гиря жив?

— Жив-жив. Я же не чокнутый убийца, чтобы убивать всех, кто попадет ко мне в плен. Завтра он улетает с планеты, — проговорил Романо улыбнувшись. — Спасибо за честность, а теперь Вы свободны.

— Спасибо и Вам, — проговорил Баукус, выдавив из себя улыбку, после чего встал и, слегка распрямившись, вышел из кабинета.

...

Через час Романо начал проверять свою почту. Сейчас он видел много писем с прикрепленными фотографиями от неизвестного отправителя. Романо открыл первую.

— Приветствую, Роберто. Ты, вероятно, достиг своих целей на нашей планете, но помни, каждая погибшая семья вернется к тебе пулями, — с улыбкой прочел директор, а далее пролистал немного вниз.

На первом фото в кровавой ванне лежала девушка, кончики кудрявых светлых волос погрузились в кровавую воду. Лицо девушки уже не было искажено гримасой боли, она будто уснула, голова была повернута набок, глаза закрыты, а пухлые губки сложены в улыбке. Будто какой-то извращенный фотограф решил произвести съемку для какой-то странной фотосессии, но нет. Это было влияние директора на Итарис. На следующем фото был, вероятно, молодой человек этой девушки, он болтался в петле над кухонным столом, вероятно, она покончила с собой раньше, а он не смог выдержать утраты любимой. Романо предположил это из-за того, что на обоих фото на шеях людей висели одинаковые парные кулоны.

— Кровь и любовь... — прокомментировал человек эти две фотографии, после чего закрыл это письмо, затем открыл следующее.

Надпись гласила примерно то же, что и в первом, поэтому директор просто пролистал ее и посмотрел на фото. На фото были ошметки человека. Кто-то решил покончить с собой и

прыгнул вниз. Ничего интересного, поэтому Романо и открыл следующее сообщение. И вот тут ему пришлось ужаснуться.

— Семья Йогуру. Отец — водитель грузовика от завода «Алеут», мать — продавец в магазине бытовой техники «Алеут», — Романо как-то тяжело сглотнул слюну. — Восемь детей, четверо из которых приемные. Семья жила во многом за счет помощи директора компании, после Вашей экспроприации они пытались свести концы с концами, но в итоге покончили с собой. Все разом. Отец семейства подсыпал яд в еду. Это выявлено в силу того, что под ногтями у мужчины остались мелкие частицы порошка «DeadFly». Обычно данный порошок используется против различных насекомых, в малых дозах безопасен для человека, но отец семейства высыпал в суп целый пакетик в сто граммов. Далее порошок произвел химическую реакцию с пищей, что и привело к гибели семейства. Посмотри на то, как они умирали, Роберто.

Романо спустился ниже. Дети различного цвета кожи лежали в кроватях. На полу, на них самих, на постелях виднелись довольно обильные рвотные выделения. От картинки Романо как-то поплохело, но он видел, что не хватало одного ребенка. Он спустился ниже, у запертой двери сидел мальчик азиатской наружности, он также был прямо-таки залит рвотой. Еще ниже была фотография семейной пары. Кажется, что мужчина решил не дожидаться момента ужасной смерти, а свернул шею жене, из-за чего голова последней была повернута под неестественным углом. Сам же мужчина, что называется, по-самурайски вспорол себе живот, однако это не спасло от рвоты.

— Ужасно... — Романо закрыл данное сообщение, выдохнул, а далее пометил «прочитанными» остальные письма от данного адреса. — Да. Каждая семья вернется мне пулями. Звучит довольно поэтично. Интересно... Как скоро Вы меня убьете, мой друг?

...

Ближе к шести часам директор выходил из кабинета, закрывал его, а затем довольно быстрым шагом шел по коридору. Снова к лифту, снова спуск. Вскоре он оказывается рядом с входом, затем спускается по лестнице и садится в автомобиль на воздушной подушке, после чего довольно быстро начинает движение.

Движение на трассе было небольшим, поэтому Романо довольно быстро добирался до своей резиденции. Он двигался чуть больше часа, и вскоре был уже на месте, благо, по пути не было никаких происшествий, но он видел, что теперь машин стало еще меньше, чем раньше. Это означало, что очередные водители не справлялись с тем, чтобы заплатить за свое средство передвижения повышенной опасности. С одной стороны, это было хорошо, ибо теперь Романо мог довольно быстро добраться до резиденции, а с другой, это было плохо, ибо социальная напряженность всегда росла вместе с уровнем бедности населения, а сейчас этот уровень бедности пробивал очередное дно. Кто-то бежал с планеты, кто-то уходил в космические шахтеры, кто-то подыхал на помойке, а кто-то, вероятно, собирался начать борьбу. И вот последние и должны были стать могильщиками, как для Романо, так и для всей системы, которую он представлял. В этих размышлениях и проходила дорога. Роберто был опытным водителем, поэтому мог и сам быть за рулем такого рода автомобилей, но с аэромобилями у него не срослось, именно поэтому он всегда ездил либо на обычной колесной машине, либо на машине на воздушной подушке.

...

Он припарковал свою машину возле дома, а далее подошел к старой-доброй белой двери и нажал сенсорную панель, в очередной раз послышалось добродушное пиликание, а человек

вошел внутрь через автоматически открывшуюся дверь.

— Здравствуйте, господин Романо! — громко произнесла гувернантка, встречавшая директора.

— Кира дома? — спросил он, сняв пальто, одетое на одну рубашку, после чего повесил его в шкаф.

— Да. Дома. Что Вам приготовить? — спросила женщина, смотря на Роберто, который снимал туфли.

— Удивите! — с улыбкой сказал директор, после чего слегка изменился в лице, из-за того, что что-то будто стрельнуло в бедре, но, медленно выдохнув, он пересилил желание выругаться и покачал головой.

— У Вас что-то болит? — спросила женщина.

— Не. Так. Царапина, — проговорил человек, проходя в ванну.

Здесь он быстро умылся, посмотрел в зеркало. Видок был потрепанный, трех— или четырехдневная щетина, он улыбнулся с зубами, отсутствовал первый слева резец, еще один, кажется, начал крошиться. «Ну, хоть челюсть на месте», — ухмыльнувшись, подумал Романо, после чего достал бритву и гель для бритья и, нанеся пену на лицо, снова стал сбривать свою щетину.

...

Через некоторое время человек вышел из ванной, вздохнул полной грудью, зачесал свои черные волосы назад и вправо, после чего прошел в комнату, где его уже ждала Кира. Девушка смотрела на него какими-то грустными глазами, а он лишь слегка улыбнулся.

— Ты не рада меня видеть, Кира Шпак? — спросил человек, садясь на диван.

— Как бы нет, но... — девушка поджала губы, посмотрела на Романо. — Знаете, почему отец поднял на меня руку?

— Как понимаю, не выдержал общего давления ситуации, ну а ты произвела некое подобие провокации, верно? — спросил человек, глядя на девушку, которая отвела взгляд.

— Может, Вы и правы. Просто... Отец давил на меня. Перед вылетом на Айскрим он просто выгнал меня из дома, я, конечно, обиделась, а потом... Потом, когда Вы вернулись сюда. Он был какой-то не такой. Он там, кажется, будто с ума сошел. Начал на меня нападать, сначала словесно, а потом... Потом Вы знаете, — девушка говорила об этом, будто уже до конца осознав то, что случилось. — На самом деле, после того, как Вы вошли в нашу жизнь, он очень быстро начал меняться. Сначала... Ладно. Скажу. Он же был движим мстью. Я помню то, как отговаривала его брать в руки пистолет на первую встречу с Вами. Сейчас думаю, что зря отговаривала. Он бы струсил применить его по назначению. Но... Он довольно сильно менялся после разговоров с Вами. После первой операции, которая у Вас была... Он принес мне какую-то книжку, приготовил вкусный ужин. Он был совершенно другим, — девушка шмыгнула, опустила глаза. — Тогда я будто приобрела отца. Настоящего. Нежного, любящего. А потом... Бар. Тогда он начал слетать с катушек.

— Тогда он совершил первое убийство. Он был слишком «мягким», чтобы делать подобное. Вернее... Не мягким, а каким-то нежным, что ли. Он умел пользоваться оружием, но при его применении против живой цели начинал страдать. Я помню прекрасно то, как он сел и разнылся, после того, как пристрелил кворона. Знаешь, Кир, — Романо притянул девушку к себе, приобняв за плечи. — Твой отец, наверное, был не так уж и плох, если бы я прекратил его привлекать к «делам», вероятно, он бы и переродился во что-то стоящее, но... История не знает сослагательного наклонения, поэтому я прошу прощения.

— Нет, Романо, он всегда был тем, кто пытался меня придушить. Просто в тот момент вылезла вся его мерзость, — девушка положила голову на плечо мужчины, а он как-то слегка улыбнулся. — Понимаете... Он всегда был слабым человеком. Я прекрасно помню то, насколько часто мы разговаривали. Что он, что мама всегда проводили время врозь со мной. Я же и сформировалась такой, какая я есть, только из-за книжек. Был только один вариант общения. С буквой автора. Ну и... В соцсетях. Я, знаете, много раз пыталась обратить на себя внимание, — девушка в этот момент показала левую руку, на венах были видны следы от давних порезов. — Даже таблетки глотала, а им было особенно плевать. Доктора откачают, и ладно, потом запишут к психологу. При этом я помню то, какими были их ссоры. Отец очень часто повышал голос, иногда срывался на фальцет. Он всегда был страшным человеком, только вот надо было это понять раньше и сбежать.

— Ну, милая, — Роберто улыбнулся, приложил свои губы к ее макушке. — Тогда бы ты попала в самые страшные условия. Ну и... У меня бы не появилось дочери, пусть и без удочерения.

— Вы считаете меня своей дочерью? — девушка посмотрела на него своими грустными серо-голубыми глазами, а Романо положил левую руку на затылок девчонки, а правую перевел на спину, чтобы прижать к себе это маленькое хрупкое тело.

— Да, Кира, — выдавил из себя человек, проглатывая комок в горле. — Ты, Кира, наверное, то самое создание, которое мне было нужно, чтобы почувствовать себя отцом. Там, в Центре, у меня есть семья, но я их видел от силы раз в год, а то и реже. Я не видел того, как вырастет моя дочь. Я не знаю, кто она, но тебя я знаю, хотя и общались с тобой мы редко. Я знаю то, как ты стала той, кем являешься сегодня. Я знаю, что ты хрупкая, но сильная девочка, которая сможет пройти то, через что многие мужчины не пройдут, ибо ты через это уже однажды прошла. Не сломалась, — Романо ощутил, как ее руки сомкнулись на его крепкой спине, а еще, как что-то начало маленькими каплями мочить его рубашку. — Ты, наверное, Кира, нечто, что способно, быть может, хоть чуть-чуть поменять мир. Я надеюсь, что ты не будешь против, если я найду для тебя подходящий институт в Центре. Отправлю туда тебя, Джека, Билли и еще одного человека. Я просто хочу, чтобы у тебя была более достойная жизнь, а на Итарисе ее уже не выйдет построить, поэтому ты и отправишься в далекие миры.

Девушка вдруг посмотрела Романо прямо в глаза с немым вопросом: «А ты?».

— А я останусь тут, Кира. Возможно, что навсегда. Если у тебя, моя милая, есть будущее, то я должен найти свой конец. И я знаю то, что он должен случиться на Итарисе.

— Нет... — тихо произнесла девочка и снова прильнула к плечу Романо. — Ты должен быть со мной. С нами.

— Нет, Кира. Не должен, а вот ты должна выучиться, чтобы стать чем-то большим для общества будущего. Запомни, Кира. Именно из Кирен-1 начнется новый путь, который Федерация уже видела не раз, но я сделал все, чтобы люди, наконец, поняли, что Революция — это любовь, — человек гладил спину девушки, и у него у самого покатились одна-единственная слеза. Он осознавал, что будущее за ними, а не за ним, но именно ему было назначено стать тараном для этого нового общества.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Центр-5, строение 15, этаж 1, ресторан «Амур»,
25.01.2580, 18:00

Баукус пока что сидел за столом один. Он действительно выглядел как старик, хотя пару дней назад он был мужчиной в самом расцвете сил. Романо стал для него энергетическим, а может, и физическим вампиром. В считанные дни Баукус приобрел совершенно другую форму, которая теперь стала чем-то вроде клетки для его когда-то яркой и энергичной души, для его готовой к бою сущности. Сейчас он думал о том, что, возможно, стоило пойти вместе с рабочими и сражаться против Романо. Надо было возглавить их. Или нет? Каковы были их шансы, он и так знал. Против планетарного гарнизона они не выстоят, даже захвати они все военные склады и прочее. Они бы не успели окопаться, так как достаточного опыта для этого не имели, также, как не имели и снабжения. Нет. Он правильно сделал, что отказался от этого титула «вождя», он не достоин для того, чтобы нести их знамя, а ведь теперь выходит, что он действительно предал этих парней. Да. Предал. Окончательно и бесповоротно.

Весь свет будто померк. Амур был красивым заведением, однако эти красные скатерти, эти красные же шторы и прочее не навевали более ничего особенного. Единственное вещество, с которым теперь ассоциировался красный цвет у Баукуса, являлось кровью Блюхарта, кровью убитых Романо солдат. Только эту субстанцию и напоминал этот цвет Баукусу.

Вскоре в зал вошла и Ванесса. Одета она была в прекрасное бежевое платье, которое переливалось в свете ламп, а Баукус улыбнулся. Он смотрел на нее, как замороженный, а вот девушка будто бы потерялась. Она не видела здесь Максимилиана. Она видела лишь какого-то старика, что сидел за одним из столиков, который почему-то был похож на ее учителя. Ее глаза испуганно посмотрели на Баукуса, а он глупо улыбнулся. Он видел то, как начали трястись ее тонкие ручки, видел и то, как на глазах начали выступать слезы, она подошла к столу, крепко держа небольшую сумочку под цвет платью.

— Не узнаешь, Ванесса? — спросил Максимилиан, поднимаясь из-за стола. Он сделал пару уверенных шагов, затем вытащил стул из-под стола и позволил девушке сесть, после чего сел напротив. — Да. Это я. Максимилиан Баукус. Я, наверное, похож на Ричарда теперь, но нет... Я не его призрак, да и призраков не бывает, — на лице его была улыбка, а в глазах сияла какая-то тусклая радость.

— Что с Вами произошло? — выдавила девушка.

— Романо. Проклятый Романо, и мои проклятые нервы, — человек все также странно улыбался. — Прости, Вэни. Я, наверное, не должен был вернуться. Надо было, наверное, остаться там.

— Нет, Максим. Вы должны были вернуться, — сказала девушка, проглотив комок, застрявший в горле.

— Быть может, — улыбнулся человек и нажал на кнопку, чтобы вызвать официанта. — Скажи, пожалуйста, что тебе говорил Ричард, когда ты бывала у него в больнице? Может быть, он говорил о том, кто свел его в могилу?

— Нет. Он ничего не говорил, — грустно проговорила девушка, а Баукус покачал

головой.

— Похоже на него. Гордый, никогда не жаловавшийся, да-а-а-а... Узнаю отца, — человек обернулся к официанту в красном костюмчике под цвет ресторана и в белой рубашке для полноты образа. — Нам, пожалуйста, графин вина, мне, пожалуйста, какую-нибудь отбивную и спагетти, наверное. Моя спутница сама закажет.

— Хорошо. Вам что, миледи? — спросил молодой человек, смотря на девушку.

— Ну... То же, что и господину Баукусу, — спокойно произнесла девушка.

— Хорошо, — улыбнулся молодой человек, дублировав заказ. — Примерное время ожидания — час. Вино принесем сейчас же, — официант после этих слов ушел, а Баукус снова повернулся к Ванессе.

— Я слышала, что при нападении погибли Блюхарт и Лефтхенд. Кем они были? — спросила девушка, смотря на Баукуса с какой-то глубокой грустью, а тот снова как-то туповато улыбнулся, снова покачал головой и заговорил.

— Они были не самыми умными людьми, которые хотели меня выбросить за борт. Натравить Романо первым делом на меня, а затем выкинуть уже его с планеты. Но... Я не думаю, что это бы сработало. У Романо была причина, чтобы меня убить, но он ей не воспользовался, поэтому, скорее всего, отправь я это сообщение кворонам от своего имени — я бы просто не вернулся домой со съезда. Можно было все предотвратить. Можно было, но Блюхарт и Лефтхенд уперлись рогом и решили сражаться с Романо вместо того, чтобы пойти с ним на переговоры или, хотя бы, как предложил Ли, перенести дату проведения съезда на месяц. А учитывая то, что дипломатия с Каренией была налажена, мы бы договорились о том, чтобы выкинуть Романо с планеты, даже без этой его атаки на наши позиции. В общем, они поплатились за свою узколобость, — человек говорил это как-то мрачно, он, судя по всему, проговаривал это уже не первый и не второй раз, возможно, что сам себе это говорил уже раз в десятый, чтобы хоть как-то облегчить свою душу. — Там много кто погиб. Много кто погиб героически. Генерал Шиллинг, правда, умер от сердечного приступа. В общем... Мало приятного.

— Понятно, — протянула девушка, смотря на принесенный только что графин вина, а Баукус налил в два фужера красной жидкости.

— За наше будущее, — улыбнувшись произнес человек.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Округа Кирен-1,
Район Виски-8, дом 5, апартаменты Романо,
25.01.2580, 06:00

Роберто проснулся на диване в прихожей. Сегодня должны были состояться поминки, поэтому он довольно быстро встал с дивана, поправил рубашку, а затем прошел к небольшому шкафчику, где хранились дополнительные комплекты одежды. Романо достал очередной костюм сероватого цвета со стоячим воротником вокруг шеи, после чего довольно быстро вддел руки в него. Затем на ходу написал Кире: «Доброе утро. Не теряй, я еду на поминки бойцов», после чего вддел ноги в черные блестящие туфли с острым носом, которые он начистил еще с ночи. Сразу же он вышел на улицу, где его обдал прохладный ветерок, но это не было поводом для того, чтобы снова надеть пальто. Сегодня Романо был без шляпы. Он забыл ее в офисе, но как-то по ней особенно не горевал. Наверное, пришло время сменить имидж.

Он сел в машину, довольно быстро завел ее, и машина поднялась на воздушной подушке, после чего человек довольно быстро вернулся на трассу, а затем рванул назад в город. Летел он быстро, благо, это позволяла сделать воздушная подушка.

...

Через полтора часа он снова был в городе, жизнь, кажется, затухла еще сильнее. Кое-где виднелись патрули шок-пеха и полиции, кое-где новообразованные бандиты били витрины магазинов, где-то стояли явные проститутки обоих полов и разных возрастов. Город начинал кишеть криминалом, а относительно благополучными оставались лишь единичные районы по типу «Милитант», в которых еще было производство. Магазины же не способны в полной мере обеспечить людей работой, да и, в целом, не создают полноценных общественных благ, кроме возможности купить что-то, однако возможности «продать» этим самые магазинчики не давали, поэтому даже схему «купи-продай» среднему обывателю воспроизвести было невозможно. Кое-где, конечно, появлялись определенные ремесленники, но... Сколько ты проживешь без достойной «крыши»?

Романо видел это все. Видел уже не в первый раз. Он помнил то, как ужаснулся этим, когда увидел такие захолустные райончики впервые, тогда и пришло частичное осознание, но, чтобы его закрепить, требовалось увидеть это снова. Трбовалось увидеть и трупы, хотя к ним он был более привычен благодаря военному прошлому, однако способы самоубийств ужасали, ибо нет ничего страшнее, чем человек, самостоятельно покончивший с жизнью, а то и отравивший свою семью. В глазах время от времени мелькали фотографии, отправлял их явно кто-то из органов, ибо последние всегда производили фотоотчет с места преступления, а какой-нибудь журналист вряд ли получил бы доступ к месту происшествия, а тем более вряд ли ему бы дали фотографировать столь ужасные картины. Все, что происходило вокруг, постепенно наслаивалось на сетчатку глаза, и Романо порой ощущал какую-то странную давящую боль на сердце, но успокаивал себя тем, что делает это на благо общества, ибо чтобы общество пробудилось — оно должно было вкусить собственной крови.

Человек время от времени поворачивал с улицы на улицу, чтобы осмотреть происходящее в городе. Романо действительно было интересно то, как менялся быт людей. То, как ранее промышленный район превращался в некое подобие в фавел из далекого

исторического прошлого, а ведь действительно... Кирен-1 теперь напоминал блеклую копию себя, ведь многие из «подвигов» директора экспроприации остались за кадром, а город действительно подыхал подобно голодной избитой собаке, которая теперь лежала на земле и испускала последний вздох. Кое-где в этой городской «собаке» еще теплилась жизнь, действительно, она еще не умерла окончательно, но последние издыхания должны были произойти в течение нового года, когда сундуки маленьких рабочих «пиратов» окончательно прохулятся и вывалят все цифровые монеты. У некоторых сундуки с их маленькими сокровищами уже прохудились, и вот по улице стоит уже целая вереница людей, которые стоят в очереди за социальной помощью от мэра. Социальная помощь, впрочем, не сильно поможет, а лишь отсрочит кончину людей, хотя мэр уже начал работать с тем, что можно назвать общественными работами. Кое-где виделись люди, которые занимались чисткой улиц, ремонтом общественного и ведомственного транспорта. Да, эта работа в какой-то мере останавливала гангрену, но для того, чтобы ликвидировать последнюю, надо отрубить конечность, а иначе рано или поздно все эти общественные работы будут что мертвому припарки. И Романо это знал, ибо общественные работы здесь, на планете развитого капитализма с огромным множеством уже проложенных дорог и самых различных построенных производств, могут быть связаны лишь с некой амортизацией жилого фонда, чисткой улиц, некими ремонтами дорог или ремонтами того же общественного транспорта. Но... Ничего нового они уже особенно не произведут, да и бюджет не столь велик для того, чтобы пристроить на такие работы целый город безработных, а это значит, что за такие дела будет форменная война, которая приведет к обострению классовых противоречий и классовой борьбы соответственно. Любой ликвидированный завод теперь становился предтечей народного гнева, поэтому Милитант тоже должен был быть разорен, медленно, но верно.

В скором времени Романо все-таки оказался у бара «Хмельная Лагуна», в котором и должна была пройти встреча всех выживших и более-менее легко раненых наемников. Романо вошел внутрь и увидел то, что сейчас здесь сидел только Жабодав, четверо его бойцов, включая парня с русой бородой, это был Циркуль, а также Прорыв с тремя своими бойцами. Хасан и Милет поднялись, видя Романо, а Романо слегка улыбнулся, глядя на мужчин, после чего сел за один из множества столов в баре.

— Ну? Как Вы? — спросил Романо, глядя на Жабодава, непривычно сидящего в какой-то кофте, с тяжелой улыбкой на лице.

— Да... Че там? Не сдох, и ладно. Парней, правда, много полегло, — он тяжело выдохнул после этих слов. — Мне впервые резали кишки. Прошло хорошо, сука... Сил никаких нет.

— Ну, а ты, Прорыв? — спросил Романо, глядя на наемника.

— Да, знаешь... Вторая подряд битва с большими потерями. У меня отряд большой был, но как-то не везет. Сначала гасили одного пиратского барона с бандой Гейзера, но тот скурвился. Видать, не понравилось, что мы большую долю берем, ну и начал стрелять в спину, так и барон ушел, и наши полегли, но мы его завалили. На наемника меньше, — улыбнулся Хасан.

— А часто у вас стычки бывают? — спросил Романо, посмотрев сначала на Хасана, а затем на Милета, последний тяжело вздохнул и улыбнулся.

— А нехрен с непроверенными работать, — человек рассмеялся, а затем закашлялся.

— Да не. С Гейзером я и до этого пересекался, он, конечно, не в нашей компании был,

но я этой сволочи верил. Хотя, да... Наемнику верить не очень профессионально, но я думал, что он войдет к нам, а он падлой оказался. В общем, всякое бывает. Меня тогда цепануло хорошо, но вроде отлежался недельку на различных витаминах да повышенных белках, и нормально, — улыбнулся Хасан.

— Деньги пришли? — спросил Романо, глядя на людей.

— Да. Пришли, — ответил Хасан. — Семьям высылать придется вместе с урнами с прахом. Горцу повезло. У него всего два трупа, кажется, но... Каких трупа, как говорится. Эти василиски — страшные звери. Если примутся кого валить, так... Ну, ты, наверное. Романо, сам знаешь.

— Я их на фронтах не встречал, но слышал о том, что они творили. Если говорить о расе, с которой я бы никогда не хотел встречаться в бою — это именно василиски, — покачал головой Романо. — Гришка будет?

— Неа. Он от Грэма не отходит, — проговорил Милет. — Грэм в кому впал, причем в медикаментозную его ввести не успели. Инвалидом пацан будет, похоже, либо потом кости конкретно так ломать придется.

— Плохо... — Романо как-то опустил глаза, а в этот момент в бар вошел Горец, как обычно с веселым видом, чем сразу оживил атмосферу бара.

— Азбек пришел, радость создаем! — выкрикнул человек с лучезарной улыбкой, а внутрь повалили его бойцы, бойцы Синего и бойцы Кувалды, а также часть ЧОПовцев и человек пять из охраны тюрьмы. В толпе затерялись и Паук с Джеком, а Билли выделялся своим великим ростом и шел почти в обнимку с Арианом.

— А Кувалда где? — спросил Романо, глядя на Жабодава.

— Не знаю. Мы с ним связь потеряли еще в бою. Может жив, а может мертв, но я его с того момента не видел. В общем, парням, похоже, теперь придется под руководством Ирокеза ходить. Он как-то поник из-за этого, но оно и понятно, — Милет сложил руки на столе, а за стол к ним с Хасаном уселся Азбек с лучезарной улыбкой.

— Ну, что вы такие поникшие? Живы же, а не мертвы! — с улыбкой проговорил человек. — Я ведь тоже друзей там потерял, но все-таки надо позитив сохранять!

— Начальник, а че тут наливают? — спросил, как обычно, слегка пьяный ефрейтор Колленс, который смотрел на людей своими мутными от хмеля глазами.

— Да что выберешь, но сначала, наверное, водки, — проговорил Жабодав, а после посмотрел на Романо. — А Хратер с нами будет?

— Должен быть, — Романо улыбнулся, и в этот момент в бар вошли девять кворонов во главе со снайпером, который чуть не убил Тибальта.

— Приветствую людей! — воскликнул металлический голос Хратера, а он сам вместе с Кракеном сел за командирский стол. — А где Койот с его снайперами?

— А они обычно на таких мероприятиях не появляются, — проговорил спокойно Прорыв.

— Нас почти шестьдесят, как вижу, — проговорил спокойно Романо. — Наверное, я произнесу первый тост?

— Произноси, начальник, — улыбнулся Горец, смотря на Лиса, а тот встал в полный рост, относительно малый в сравнении со многими наемниками. Зал затих, пока бармен и официанты довольно быстро разливали водку из графинов в рюмки людей и нелюдей.

— Итак, друзья. Сегодня мы имеем дело с одним из, возможно, самых мрачных дней, ибо мы, вероятно, действовали не в интересах человечества, а совершенно против них,

однако все-таки мы вложились в одно важное дело. Многие наемники знают о том, что значит чужая культура, а именно культура людей Конфедерации, а то и культура рогар и некоторых других более мелких рас. Что важно во всех наших культурах, так это то, что фактически все мы зависим от материального производства, которое производит пищу, горячительные напитки, броню, оружие и патроны, машины и топливо и прочее-прочее-прочее. Список можно продолжать очень долго, но мы ликвидировали такой концерн, как МилитариКорп, а значит в той или иной степени радикализировали рабочих этого концерна, а также солдат его ЧВК, которые в большом числе не сдали оружия, а начали занимать оборону, — человек улыбнулся, глядя на наемников, ЧОПовцев и прочих, находящихся внутри. — Фактически, мы создали предреволюционную ситуацию, а это и являлось самоцелью моих действий, вы, друзья, влились в это действие. Вы знаете о том, что такое бедность. Вы знаете о том, что такое предательство государства и полное его хладнокровие по отношению ко многим из вас, из-за чего вы и были вынуждены пойти в наемники или в ЧОП. Собственно, мы все, так или иначе, столкнулись с полной несправедливостью этого мира и двадцать второго января умножили ее во множество раз, после чего обострили все возможные противоречия внутри общества. Кровь в очередной раз явилась смазкой для механизма истории. Насилие вновь породит шанс для нашей расы, чтобы жить в совершенно ином обществе, и пусть лично я останусь в истории злодеем, но в ваших руках, братья, возможность стать ее героями. Я надеюсь, что парни, погибшие тогда, погибли не зря, а их кровь окупится в будущем. Я хочу поблагодарить каждого из вас, ибо вы с честью сражались на отнюдь не своем поле боя. За вас, друзья, за живых и за тех, кто пал! — Романо сказал это громко, а наемники подняли свои рюмки с криком «Ура!».

Следующим поднялся Горец, который улыбнулся всем присутствующим своей всегда искренней и доброй улыбкой.

— Я не скажу такого, как сказал Романо, но все же... Думаю, что пафос надо разбавить чем-то более человеческим и добрым, — Азбек осмотрел всех находящихся в зале наемников, а те уже посмеивались. — Так вот. Как известно, дело наемника — дело самое благородное. Мы ежедневно продаем свои жизни ради того, чтобы их продлить. Довольно забавно, знаете ли... Мы продаем фактически свою смерть для того, чтобы продлить жизнь. Мы можем сдохнуть всегда и везде, но этим продлеваем свое жалкое существование! — в этот момент Азбек поднял указательный палец руки вверх. — Мы несем добро и любовь в каждый бордель, а выносим сифилис и гонорею! — после этого восклицания часть наемников начала посмеиваться. — А потом несем сифилис и гонорею пиратам в своих пулях! Так вот. Что бы я хотел пожелать?!

— Чтоб стояло?! — выкрикнул кто-то из бара.

— Не! Пошляк! — выкрикнул капитан наемников с улыбкой. — Чтоб прицел не сбивался и реакция была!

После этих слов раздался хохот.

— Я же про прицел винтовки! — выкрикнул Азбек, ухмыляясь, а наемники стали пить.

...

Прошло какое-то время. Наконец из-за стола поднялся Прорыв, он осмотрел всех своим взглядом, граничащим между веселым и трагическим, и улыбнулся.

— Двадцать второго нам очень сильно повезло, что мы вообще смогли разделаться с ЧВК «Арес». Этот бой я могу назвать одним из самых сложных в моей практике, если не считать тех моментов, когда мы попадали в засаду. Тогда было примерно столь же тяжело,

однако и тогда мы попались в засаду Блюхарта. Мы потеряли очень многих, и в первую очередь мне бы хотелось почтить память наших командиров. Торкель был хорошим соратником, который всегда был способен на то, чтобы прикрыть спину. Я не раз сражался с ним бок о бок, и всегда знал то, что Синий сможет прикрыть наш отход или наше нападение. Торкель был славным воином, который полностью соответствовал традициям своих древних предков, он обычно врывался в битву при штурме словно викинг из древних эпох, и словно викинг же держал оборону, но уже не стеной щитов, а градом пуль. Теперь его нет с нами, но я хотел бы, чтобы он навсегда остался в нашей памяти, а Арвиду я желаю, чтобы он стал столь же сильным лидером, как и его предшественник, — Хасан улыбнулся, а после продолжил. — Гюнтер Кувалда также погиб или пропал без вести. Не знаю, как это случилось, но Гюнтер только недавно вступил на позицию капитана и на первой же своей операции погиб. Я надеюсь, что Индеец или Ирокез сможет стать достойной заменой Кувалде и Грому. К сожалению, о Кувалде ничего не могу особенно сказать, ибо редко сражался с ним вместе, как и с Громом, но все-таки он был хорошим человеком, а это редкое явление в наше время. За слившихся с космосом! — сказал громко Прорыв, поднимая рюмку.

...

В скором времени тосты закончились, а Хратер сидел рядом с Жабодавом.

— Вот скажи мне, Хратер... — Милет был довольно сильно пьян, но не проявлял агрессии. — Каково это, людьми торговать?

— Это просто, — проговорил спокойно Хратер.

— В каком плане? — смутился Жабодав.

— В том самом. Когда мы торговали вашими девушками, и не только вашими, — они были для нас чем-то вроде простейшего товара. Мы не омрачали себя какими-либо мыслями об этом. Это была простейшая продажа скота, если хочешь. Ну, ты же не будешь задумываться о том, что случится, к примеру, с коровой, после того, как ты ее продал? — Хратер, кажется, спросил про это с какой-то издевкой.

— То есть, мы для тебя были не более, чем скот? — спросил Милет, глядя на кворона.

— Да, — совершенно искренне произнес кворон. — Но ведь времена меняются, Милет. Ты думаешь, что все квороны такие? Нет. Вот Кракен — он не такой. Его изгнали за то, что он направил оружие на своих, насколько помню, он был против торговли разумными существами, поэтому был изгнан со всей своей семьей. Понимаешь? — спросил металлический голос, а мутные глаза кворона смотрели на человека.

— То есть... У вас в клане был определенный разрыв? — спросил Жабодав, глядя на Кракена.

— Да. Был. Поэтому я был изгнан из клана двадцать лет назад. Ты даже не представляешь, человек, насколько это тяжело, жить вне своих. У вас есть миры, целые космические государства, а что у нас? Маленький отсек станции, который ты уничтожил, и уничтожил не один. Квороны — это вымирающая раса, а вы им эффективно помогаете в том, чтобы вымирать, — проговорил спокойно хрипящий голос Куола Йори.

— То есть, мы еще и виноваты в том, что вас истребляли? — спросил Жабодав, оскалившись.

— Нет. Не виноваты. Это естественный процесс. Если мы стали для вашего общества подобны раковой опухоли — мы должны быть уничтожены, а иначе метастазы поразят весь организм. Это закономерная реакция, однако, я бы производил это более гуманно. Шокированный кворон вынужден, в итоге, меняться, как изменился я, — глаза Хратера

будто бы засияли улыбкой. — Я создам собственный отряд наемников, а наш клан будет называться в честь меня. Я стал отцом нового клана, благодаря вашей с Романо операции. Знаешь, кем мы были до того, как стать теми, кто мы есть?

— И кем же? Про расу творцов я уже слышал, — проговорил Милет, смотря на Хратера.

— Расой творцов, которая погибла из-за нападения рогарийцев. Мы были генными инженерами, и добрая часть рабов рогар — это наши творения, равно как и будущие палачи семьи Великого Рогадарха — василиски. Мы сотворили столь много существ, что теперь, вероятно, должны жалеть об этом, но что сделано — того не воротишь, — проговорил кворон, а Милет задумался.

...

Люди посидели здесь еще какое-то время, а затем начали собираться. На часах в этот момент было около четырех, а разговоры с веселых перешли на какие-то мрачные, поэтому капитаны и решили расходиться. Романо вышел одним из первых, попрощался за руку с капитанами, после чего сразу сел в свой автомобиль на воздушной подушке и отправился в апартаменты. Теперь он решил устроить себе небольшой отпуск.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Округа Кирен-1,
Район Виски-8, дом 5, апартаменты Романо,
26.01.2580, 09:00

Роберто вновь проснулся на диване. Он поднялся, осмотрел все вокруг, улыбнулся. Кажется, что его личное пространство было, пожалуй самым мирным местом на планете, здесь не было ничего из того, что могло бы как-то напомнить о войне или межкорпоративных разборках. Здесь он был свободен от того, что являлось его работой и его обязанностями. Можно ли было назвать его счастливым? Наверное. Сегодня должно было свершиться то, что долго откладывалось. Интервью. Он вряд ли желал рассказывать слишком много о себе, но с Кирой должен был быть откровенен. Каждый ее вопрос мог ударить в самое сердце, но нужно было выдержать каждый удар и излить грязную кровушку на аудиодорожку диктофона. Теперь он расстегнул рубашку, осмотрел свои бинты, но крови на них уже не было, а значит, раны более-менее затянулись, но все-таки директор экспроприации решил пока что оставить их на ранах.

Человек поднялся с дивана, посмотрел на телевизор, затем подошел к нему и взял пульт, чтобы включить эту самую коробку. Она зачастую вещала новости, а иногда очередные мыльные оперы о тех или иных счастливых парах, которые проходили свои жизненные трудности и, естественно, всегда оставались на коне, а не под конем. Роберто включил телевизор, после чего сел назад на диван. Он редко смотрел новости последнее время, поэтому сейчас решил узнать о том, что творится в мире и во вселенной. Он включил новостной канал, а на экране появилось красивое лицо диктора, который скорее напоминал девушку, чем мужчину, но все-таки, несмотря на свое смазливое личико с курносом носиком, он был диктором, а не дикторшей.

— Итак, перейдем к последним новостям, — проговорил его приятный низкий голос, который совершенно не соответствовал тому, что было на экране. — Сегодня в час двадцать по местному времени в столице Федерации произошла встреча президента Яна Фолька с послом Рогарийской Империи Янкором Гро'Ашшуром, они обсудили ряд проблем, связанных со взаимодействием государств в мирное время. В их разговоре были упомянуты торговые связи между государствами, обмен технологиями, а также миграционные потоки бывших рабов Империи Рогар на территорию Федерации. Напомним, что примерно три месяца назад на территорию Федерации в систему Альтиллах произошло массовое бегство рабов из системы Гроксар Рогарийской Империи. Рабы принадлежали к расе ашшун, которая уже на протяжении многих веков служит рогарийцам, причем порой используется в военных конфликтах, — диктор указал на картинку относительно небольших существ с крысоподобными мордами и короткими руками и ногами. — Сейчас ашшун помещены в специальные лагеря беженцев и изолированы от общества. Посол и президент обсуждали депортацию ашшун назад в Империю Рогар. Давайте послушаем слова президента.

В этот момент на экране появился худощавый мужчина лет сорока-сорока пяти, который обладал шикарной шевелюрой, приятным гладковыбритым лицом, которое увенчивалось хитрыми зелеными глазами, что всегда по-воровски бегали по людям или нелюдям, как будто он выискивал, кого можно обокрасть.

— Я напомним, что ашшун прибыли в наши владения нелегально, поэтому вопрос о

депортации даже не стоит. Депортация произойдет в ближайшее время, порциями по тысяче ашшун в день. Нам не нужно обострение отношений с Империей Рогар, поэтому никаких вопросов, касательно того, чтобы дать защиту беглым рабам, — быть не может. Меня удивляют возгласы различных либералов на тему того, что рогарийцы являются некими варварами. Мы прекрасно знаем о том, что рабовладение рогар является довольно прогрессивной формой эксплуатации, поэтому мне не ясно то, почему ашшун бежали, тем более при их длительном сотрудничестве с рогар. Напомню, что ашшун являются одной из первых рас, которую покорили рогарийцы, поэтому ашшун являются одними из самых свободных рабов. Согласно же нашей истории, рабовладение рогарийцев более всего напоминает нам рабовладение патриархального типа, поэтому любой раб является членом семьи своего владельца, так каждый из миллионов рабов Великого Рогадарха является членом его семьи, а за убийство такого раба — последует казнь его убийцы.

Сообщение президента оборвалось, и теперь снова говорил диктор.

— Как вы, слушатели и зрители нашего телеканала или аудиоканала, слышали — наш «великий» президент является самым «добродетельным» человеком в Федерации, он, мало того, что отдает ашшун рогарийцам за так, так еще и обильно включает нас в историю наших врагов. Вместо того, чтобы дать ашшун шанс на выживание — президент решает отдать их на милость их хозяев, которые точно казнят большую часть ашшун. Все мы знаем о благолепии рогарийского рабства, однако еще мы знаем о том, что рогарийцы безжалостно относятся к предателям, а ашшун, к слову, в большей части являются собственностью правящей династии, что влечет за собой то, что ашшун будут казнены по велению Великого Рогадарха. Перейдем к другим новостям, — проговорил диктор, смотря, кажется, прямо на Романо. — Как нам всем известно, центральные корпорации удовлетворяют свои аппетиты за счет периферии. Двадцать второго числа сего месяца на генеральный офис одной из самых крупных военно-промышленных корпораций периферии было произведено нападение неизвестных наемников, хотя что-то мне подсказывает то, что нападение было совершено совершенно понятными лицами, хотя эти лица имели прямые договоренности с МилитариКорп. Напомним, что КаренияИндастриз, которая до этого разорила системы Зомер и Торгекс, начала свою губительную работу и в системе Немезида. Каждое разорение сопровождалось большим потоком мигрантов с Периферии в Центр. Я приношу свои соболезнования семьям убитых солдат ЧВК, а также вынужденным покинуть планету директорам МилитариКорп. Помните, «Новости Галактики» всегда стоят за простой народ, а нашего авторитета боится даже шок-пех. На этом доза утреннего позитива объявляется законченной, а Ваш покорный слуга может отойти на покой.

— Недолго ты протянешь, Элакрай, — мрачно проговорил Романо, откинувшись на диван. — Хотя, всегда можно попробовать бежать в Конфедерацию и там тебя точно никто так легко не достанет. Хотя, он вещает свои Новости Галактики уже лет десять, если не больше, да и лично его новости без платной подписки на них никто не видит, а эта подписка стоит дорого. Почти тысячу кредитов, так что... Рыночек порешал, — улыбнулся человек, запрокинув голову назад.

Через пару минут Романо поднялся с дивана, не забыв отключить телевизор, где начались какие-то другие новости, но смотреть их не было особенно большого желания, поэтому Роберто и решил сделать то, что он умел лучше всего. Сэндвичи! Он прошел в кухню, подошел к холодильнику, который стоял в углу кухни, после чего достал оттуда сыр и ветчину, положил их на стол, затем достал уже нарезанный хлеб, а в следующий момент

разложил четыре кусочка по столу, еще четыре оставил в подобии стопки. Затем Романо стал нарезать сыр и ветчину, после чего клал по два ломтика на каждый из разложенных кусков хлеба, и в завершении клал на сыр второй кусочек хлеба. Он положил сэндвичи на специальную большую тарелку, а затем поставил их в микроволновую печь с сенсорным экраном, а также возможностью включения видео. Он поставил таймер на полторы минуты, после чего сел за кухонный столик и достал телефон, после чего набрал Киру.

— Алло? — ответил сонный голос с обратной стороны. — Я уже не сплю.

— Вставай быстрее, тут готовится мое фирменное блюдо! — проговорил с неким торжеством Романо. Действительно, сэндвичи были единственной пищей, которую он готовил самостоятельно и в этом деле наловчился настолько, что резал сыр и мясо дольками примерно в три миллиметра, иногда с небольшими погрешностями, но все же. Это было величайшее достижение в жизни Романо, над которым он довольно часто посмеивался.

— Ух ты... Ты сваришь яйца? — спросила девушка с неким скепсисом.

— Лучше! Я приготовил сэндвичи! — проговорил все с той же торжественностью Романо.

— И ради этого ты меня разбудил? — спросила девушка, кажется, начав зевать.

— Нет. У нас же запланировано интервью, поэтому... Пора вставать! — проговорил уже практически командным голосом директор экспроприации. — Ты подготовила вопросы?

— Да-да... Приготовила, — проговорила девушка, после чего отключилась.

Таймер на машине громко пропищал о готовности гениального блюда, Романо вытащил его из металлической коробки, а запах плавленого сыра раздался по всей кухне. Директор поставил на стол свое величайшее произведение искусства, после чего достал из холодильника старый добрый томатный соус, сел за стол, положив голову на правую руку в ожидании того, когда спустится со второго этажа Кира.

Прошло, вероятно, более десяти минут, томатный соус уже был разлит по сэндвичам, а Романо все ждал... Вниз начала спускаться девушка с распущенными светло-русыми волосами, в розовой майке и желтых домашних шортах. Роберто улыбнулся своей маленькой гостье и указал на стул перед столом.

— А помыть руки? — спросила девушка, смотря на директора с некой улыбкой.

— Эм... Ну... Да. Точно. Помой руки, — в этот момент у бывшего вояки возник глупый вопрос: «А зачем? Не грязные ведь».

Он посмотрел на свои жесткие ладони и не увидел ничего особенного, после чего снова сложил руки на столе в ожидании.

...

Через какое-то время они уже были в машине и мчались по трассе. Романо решил двигаться по более-менее благоустроенным районам, хотя и понимал то, что Кира, скорее всего, уже не раз видела то, что творится в районах, лишенных средств к существованию.

— Как, кстати, дела в колледже? — спросил Романо, глядя в зеркало заднего вида.

— Ну... Группа уменьшилась почти вдвое, — девушка поджала губы.

— На платных местах были?

— Да. Родителям стало нечем оплачивать обучение, — девушка в этот момент лбом прислонилась к стеклу машины. — Вот скажи. Зачем это? Мы ведь жили спокойно, а потом пришли вы.

— Ну... Это корпоративные интересы. Я скажу то, что знаю максимально кратко. Крупные корпорации порой имеют большие проблемы с профсоюзами, поэтому им

требуется больше безработных, а в наше время желательно иметь образованных безработных, дабы просто выпинывать с производства неугодных рабочих, а порой и целых инженеров. В итоге, такие действия позволяют слегка снизить коэффициент выплат зарплат рабочим, ибо зная то, что завтра тебя могут просто взять и выкинуть с производства, ты просто не будешь особенно отсвечивать, а значит, смиришься с понижением своей зарплаты, лишь бы выжить. Как-то так, — проговорил Романо спокойно.

— Но у этого же есть и обратная сторона, верно?

— Верно. Преступность. Люди, а особенно те, кто не являются местными, довольно склонны к тому, чтобы проявлять насилие по отношению к ненавидимым ими центристам. Однако, это играет на руку корпорациям, ибо люди, сцепившись в драке за рабочие места, не замечают тех, кто сосет из них соки. Они просто начинают бить друг друга, а далее гайки закручиваются все сильнее, когда приток трудовых мигрантов лишь увеличивается. С одной стороны, это плюс для корпораций, ибо они в этот момент приобретают еще большую резервную армию труда, а с другой стороны, эта резервная армия становится слишком огромной для того, чтобы полноценно ее контролировать. Резервная армия, уже состоящая, в своей сути, из люмпенов, очень легко скатывается моральном плане и может начать крушить самих корпоратов. В общем, Карения гонится лишь за тактическими целями получения прибыли, а о долгосрочных перспективах задумывается слабо, — голос Романо почему-то звучал металлически холодно, но девушка, кажется, поняла, почему. Он просто не особо хотел говорить на эту тему, но пытливый ум студента заставлял ее продолжать исследование.

— Но ты же это все понимаешь. Почему ты до сих на их стороне? — спросила девушка, пытливо глядя в глаза Роберто, отражавшиеся в зеркале заднего вида. Глаза его бегали по пространству за лобовым стеклом, кажется, пытаясь найти ответ, он ненадолго замолчал.

— Честно? У меня просто есть семья, которая находится в довольно хорошем положении, а если я предам Карению — моя семья будет выброшена на улицу и там умрет. Просто в силу отсутствия банальных навыков выживания. Не думай, что Центр это Рай. В Центре есть свои трущобы и темные уголки, — он впился своим взглядом в стекло зеркала заднего вида, а Кира отвела глаза, было сейчас в этом его взгляде что-то особенно страшное. — Знаешь, откуда Джек?

— Откуда? — спросила девушка, снова переведя глаза на зеркало, но взгляда Романо уже не нашла.

— Он с Центра. Жил в трущобах с большой семьей. Я перед отлетом сюда искал человека, который готов на все ради семьи. Специально обходил трущобы, переодевшись в нищего, даже бороду отрастил. И... Нашел Джека, которого тогда избивало несколько белых мужчин. Расовая сегрегация, кстати, не совсем исчезла из нашего бытия. Это здесь... В цивилизованных обществах сегрегации нет, а вот в трущобах люди начинают сбиваться в стаи по цвету кожи, ибо в одиночку ты просто не выживешь. И каково было удивление Джека, когда его спас какой-то «гринго», который пристрелил двух из пяти, а остальных заставил бежать. Его бы тогда могли убить, но нет. Кстати, что интересно, так это то, что Джек оказался в трущобах недавно, в большей степени из-за того, что был уволен с должности инженера, — Романо улыбнулся. — Проектировщик космических станций, один из многих. Сам был достойным человеком, не успел совсем превратиться в скота, да и... Полагаю, что его бы быстрее перемололи, чем он бы превратился в кого-то другого. С бандами черных — не спелся, а белые начали его гнобить. В общем, это было сознательное

лишение человека шансов на выживание, видимо, Джек Тайсон чем-то очень не угодил своим работодателям из компании по строительству станций, но решил про это умолчать, однако я все откопал. Как оказывается, Джек был одним из инициативных членов профсоюза, поэтому его и выкинули, ибо на тот момент существовало уже достаточно большое предложение подобных же работников на рынке труда. Теперь, его семья живет в одном из средних районов какого-то относительно захудалого городка Центра. Но... Что могу отметить, так это то, что Джек не очень способен к тому, чтобы быть полезным при работе с небооруженными людьми. В этом случае, он довольно быстро размякает, и поэтому у меня всегда под рукой есть Чаки, который страдает садизмом. Могу сказать на счет Джека то, что он вполне себе способный парень, который довольно быстро начал осваивать выдаваемую ему литературу, кажется, он даже еще глубже понял сущность профсоюза. Тогда-то они, видимо, выступали без особенной теории, а может стухли, а когда стухли, их с легкостью выпнули на улицу в большом числе и обеспечили выезд из города, в котором располагались доки и прочая инфраструктура для нормального конструирования станций.

— Но... Большая часть станций строится прямо в космосе, разве не так? — спросила девушка, а Романо улыбнулся.

— Сначала требуется подготовить вариант станции еще на планете, а именно ее модель. Обычно она относительно небольшая, но такая, чтобы человек мог понимать то, насколько удобно по ней перемещение, и не только. Станции Федерации всегда оснащены довольно большими вентиляциями, в первую очередь для того, чтобы использовать их в военных целях, поэтому отдельно делается еще и вентиляционная система, по которой потом ползают специальные люди. А вот после создания первого образца... Станция становится на постройку уже в космосе, ну... В случае, если государство или частник одобряет проект, поэтому сначала все и делается на земле, — Романо улыбнулся, а машина остановилась возле офиса. — Приехали.

Он вышел из машины, затем подошел к двери Киры и открыл ее, подавая руку для того, чтобы девушка вышла.

Это был второй раз, когда Кира была здесь. Стеклопакеты разного калибра пытались пронзить или пронзали небо, офис Карении был первым. Он не был слишком высоким, но благодаря высоким потолкам, несмотря на высоту в тридцать этажей, значительно превышал габариты обычных домов. Да... Здесь было красиво, особенно в сравнении с тем, что приходилось видеть в остальном Кирене, но пугало число череполовых шок-пехотинцев, чье число здесь, кажется, превышало пятьдесят бойцов.

Романо взял ее за руку и с улыбкой повел внутрь здания. Они не сильно отличались ростом, отличие составляло примерно полголовы, поэтому, вероятно, могли бы возникнуть и определенные вопросы. Сегодня за столом администратора находился высокий и худощавый молодой человек с темными волосами и карими глазами.

— Господин Романо с гостьей? — удивленно поднял правую бровь он.

— Да. Это дочь Шпака, а я исполняю данное ее отцу обещание, поэтому пожалуйста, Стив, дай мне карту от переговорной, — Стив пожал плечами, после чего положил на стойку какую-то карту. Романо двинулся вперед, а девушка шла за ним, осматривая людей, которые находились в здании.

Здесь были самые разные индивиды, кое-где даже виднелись представители иных рас, вроде нескольких кворонов, сидевших за столом и игравших в какую-то древнюю игру их народа. В другом месте виднелись охранники, что немymi истуканами следили за

происходящим в зале. Они были разного роста, но все-таки смотрелись крепкими и бывалыми бойцами.

...

Они находились в той самой комнате, где Роберто когда-то морально пытал Шпака, сам Роберто занял кресло, в котором сидел Генрих, после чего разместил на столике перед собой небольшое устройство, которое должно было записать их разговор, рукой он пригласил Киру сесть на соседнее кресло.

Кира аккуратно подошла к бывшему месту Роберто при разговоре с ее отцом, посмотрела на Романо. Кажется, что он таким расположением пытался символизировать свой переход на позицию «слабого». Вероятно, один взгляд юных глаз ранил человека сильнее, чем десятки пуль, что бывали в его теле, ранил даже больше, чем плазменный снаряд из орудия Гор'Ту-ула.

Она наконец села на свое место и посмотрела на человека напротив. Повисла тишина. Вопросы, кажется, перемешались в голове, но все-таки девушка смогла себя пересилить, она решительно посмотрела в глаза человека напротив, а он лишь улыбнулся.

— Здравствуйте, господин Романо, — произнесла она, а в глазах загорелись огоньки. Он кивнул и поприветствовал в ответ, назвав имя юной журналистки. — Я бы хотела взять у Вас небольшое интервью на тему Вашего прошлого и настоящего.

Романо в этот момент слегка покачал головой, но, кажется, воспринял эти слова закономерными, из-за чего улыбка с его лица не спала, а он подмигнул Кире.

— Я готов к Вашим вопросам, — сказал он, положив руки на подлокотники, а уверенность Киры как-то покачнулась, но все-таки она продолжала держаться в седле.

— Вы — Герой Федерации, получивший кроме почетного звания еще и медаль за штурм планеты Азаг'Оро Эн'Каис. Расскажите о том, как Вы получили это звание? — девушка проговорила это, хитро улыбнувшись, а Романо отвел взгляд, он, конечно, был готов к этому вопросу, но как-то возвращаться в те времена не очень хотелось.

— Азаг'Оро Эн'Каис — это одна из тех планет, которая была почти полностью захвачена, но, как и иные миры, подвергшиеся штурму, не была подчинена полностью. У нас банально не хватало сил. Я был одним из командиров девятой роты триста первого гвардейского полка девятой дивизии планеты Дерек-5. Служил лично под командованием капитана Алана Георгиевича Заснежина. Свое звание Героя Федерации получил в бою с генералом Гор'Ту-улом, который, судя по всему, специально шел в самоубийственную атаку, так как его корабль, когда его сбили сопровождался лишь двумя буксирами, которые не сильно тянут на боевые корабли. При этом, сам Гор'Ту-ул перемещался на корабле малого типа. Это не был его флагман. Флагман остался в планетарной столице — городе Эн'Каис, что, вероятно, подтверждает суицидальные наклонности старого генерала. Собственно, именно поэтому я не считаю свое звание самым заслуженным. Было множество людей, которые выполняли операции гораздо более сложные, чем ликвидация престарелого рогарийца. Тогда погибла добрая половина роты, а четверть осталась инвалидами, еще одна четверть выжила к ней относился я, — Романо вздохнул. — Изначально к кораблю должно было прибыть две роты. Прибыла лишь одна. Не знаю, с чем связано то, что Отто фон Лефтхенд не смог прибыть к кораблю вовремя, но именно он эвакуировал оставшихся бойцов, включая меня. Следует отметить то, как действовали рогарийцы. Они точно знали, что генерала попытаются ликвидировать, поэтому двое аэроциклистов рогар смогли прикончить два наших БМП на воздушной подушке, возможно, что с Лефтхендом случилось

то же самое, однако это довольно сильно сократило наши силы. Сорок человек добирались до корабля уже пешком. Они все были убиты. Не знаю, что с ними случилось, но точно скажу одно... Судьба тридцати человек известна точно — они были убиты, однако еще десять человек пропали без вести. Пропали они из разных отделений, в том числе четверо командиров отделений. Враг будто знал, кто из них кто. Тем временем, мы прибыли к кораблю, — человек опустил глаза. — Открыт был лишь один эвакуационный люк. Зная то, как рогарийцы любят засады, мы были вынуждены практически подниматься внутрь. К сожалению, засада действительно случилась. Примерно половина из оставшихся шестидесяти бойцов была уже внутри. Были слышны выстрелы, внутри кто-то был, но вдруг прямо из песка бойцов начали хватать ящеры. Я видел это, кое-где ящеры вывалили довольно большими группами и навязали ближний бой, чем и обрекли на гибель человек так тридцать, а оставшиеся успели зайти внутрь. Мы разместили нескольких бойцов для прикрытия, но теперь в ход пошли энергетические щиты. Один ящер залетел внутрь, затем щит отключился, а остальные уже были внутри. Гвардейцев перебили в секунды, но худшее было только впереди. Выйдя к капитанскому мостику, мы смогли построить оборону, ибо сами пространства таких мест в рогарийских кораблях отличались особенной просторностью. В принципе, у врага почти не было шансов. Заснежин был ранен где-то снаружи, но так как он шел в середине, мы смогли затащить его внутрь, а далее разместили на верхней части капитанского мостика небольшую «санчасть», где и разместили тех, кого смогли спасти. В этом бою рогарийцы пленных не брали, возможно, что это было связано с тем, что их командующим был Гор'Ту-ул. Далее, они двинулись вперед. Плазма решала все. Каждый из бойцов был оснащен плазмометами, поэтому у рогарийцев не было и шанса, как мы думали, но... — Романо снова глубоко вдохнул, а затем выдохнул. — Появился главный козырь. Сам Товрок Гор'Ту-ул. Мы слышали, что он — это биометаллическое чудовище, и он действительно таким и оказался. Рогарийцы в момент его появления воодушевились и ринули сразу из двух коридоров, ранее атака шла лишь из правого отсека, но, видимо, Гор'Ту-ул специально оставлял бойцов внутри, а далее ударил всеми силами. Чтобы энергетический щит превратился в ничто, нужно время. Две-три секунды, затем он распадается, а цель оказывается беззащитной, однако при массивном ударе рогарийцы представляли собой живые щиты. Здесь же появился Товрок, который вырвался из-за спин своих воинов. Далее прикончил нескольких гвардейцев и абсолютно не по-рогарийски вырвался из строя наверх. Не знаю, что им двигало... Может быть, он хотел обстрелять нас сверху, а может, просто хотел уйти к рубке управления, можетхотел отключить свет по всему кораблю, а может, перегрузить реактор и забрать с собой всех, но когда он наткнулся на раненых... — Романо в этот момент снова замолчал, а после, пожав плечами, продолжил. — Не знаю, что им двигало, но он начал убивать раненых. Убил и Заснежина. Я ворвался наверх, но было уже поздно. Киборг выстрелил в меня, видимо, не успел прицелиться получше или хотел нанести максимум страданий, а я выпустил по нему очередь. Товроку плазма попала в корпус и шею, а мне в грудь. Затем ничего не помню. Знаю лишь то, что бойцы смогли отразить атаку рогарийцев, а спас нас Лефтхенд.

— Хорошо. А что Вы можете сказать о Товроке? Вы что-то о нем знаете? — спросила девушка, глядя на Романо.

— Товрок — это совсем нетипичный рогариец. Он прожил что-то около ста с лишним лет, был послом рогар в Федерации, а также видел три рогарийских войны. Третья на его счету стала последней. Насколько понимаю, он разочаровался в эффективности традиций

рогар и поэтому начал модернизировать себя. В том бою он показал то, что протезированный рогариец способен на то, на что неспособен рогариец обычный. Он с легкостью пробился через нас, а мы почти поголовно имели различные импланты по типу выделителей адреналина, различных синхронизаторов оружия с тактическими шлемами, но нам это не помогло. Товрок был настоящей машиной для убийств, и мне страшно представить, что было бы, если бы таких, как Товрок, было бы значительно больше. Рогарийцы очень традиционны в своих оружейных предпочтениях, это пока что и не позволяет им сражаться с нами на равных, но когда таких, как Товрок, станет больше — Федерации конец. Рогариец — это создание войны, а Товрок его идеал в плане мобильности и смертоносности.

— Вы сказали, что генерал таким образом мог произвести самоубийство. Почему Вы пришли к таким выводам? — спросила девушка, смотря на Романо.

— Почему? Традиции рогарийцев до сих пор порой восходят к судебному поединку, каким бы варварством это не казалось, но поединок имеет в своей сущности определенные правила, которые, кстати, отсутствуют в наших судах, когда человек с толстым кошельком может купить судью. Так вот... Товрок не имел права участвовать в таких поединках, так как улучшил свое тело, то есть любой спорный суд был автоматически им проигран, так как он являлся рогарийцем без чести. Кроме этого, следует отметить то, что рогарийцы довольно сильно возненавидели Товрока после того, как он заменил свои руки и ноги, оружие на руках в виде плазменного резака и плазменного пульсара привело их в еще большее бешенство. Я читал то, что над ним даже была произведена общественная казнь перед самой войной, его практически стерли из истории, от него отвернулась его семья, но, кстати... Практически стерли — это его старую версию. Его просто вычеркнули из живых в возрасте семидесяти лет, когда он впервые и заменил железом свои руки и ноги. По сути, мы сражались с живым трупом, который мертв для своего общества, однако оставался командиром своей армии. Вероятно, армия была также и умерщвлена, несмотря на то, что имплантов на них не было, — Романо почесал затылок. — Видимо, с этим и связано то, что рогарийцы тогда не пытались брать живых.

— Вы, кажется, очень близко знакомы с культурой рогарийцев. Можете рассказать о том, откуда у Вас такие знания? — спросила девушка, а Романо усмехнулся.

— Ну, Кира, меня в армии готовили к войне с рогар, поэтому наиболее важно было понять то, кем является враг. В бою ты должен знать повадки противника, а также то, каким культурным кодам он подчиняется в бою. Конкретно у рогарийцев таких кодов очень много, но в бою с Товроком этих кодов не было, именно поэтому мы и не выдержали лично его нападения. С одной стороны, подобная учеба имеет плюсы в виде того, что ты понимаешь, как ведет себя обыкновенный противник из этой расы, но с другой стороны, если ты сталкиваешься с таким, как Товрок, вся система ломается. Он был способен творить то, что сможет сделать совсем не каждый человек, — Романо задумался. — В бою с традиционными расами, это довольно эффективно. Они подвижны определенной «честью» и прочим, но если ты сталкиваешься с расой, готовой пересекать свои традиции ради победы, ты, как бы, автоматически проигрываешь. Поэтому я считаю, что надо знакомиться с культурой врага, а также знакомиться с базовыми тактиками, снаряжением и вооружением, однако надо быть готовым к тому, что враг может мимикрировать под тебя, а Товрок сделал именно это.

— Что Вы имеете в виду под словом «мимикрировать»? То есть, противник готов

видоизмениться, даже вразрез со своими культурными кодами?

— Да. Именно это. Суть в том, что традиции и пресловутый идеализм рушится там, где ломают зубы. Зачастую, рогарийцы нападают первыми, мы сдаем в осаду миры Периферии, а затем подходит флот из Центра и выдает рогарийцам хороших таких кренделей. Следует понимать то, что рогарийцы ходят в эти походы для того, чтобы сбросить лишний груз молодежи, поэтому даже поражение для них является победой, но... Когда произошел Прорыв Заснежина — зубы поломались. Они ломались и раньше, но не так интенсивно, как в этот раз. Впервые люди фактически вырвались дальше, чем миры рогарийской периферии, более того, впервые люди стали высаживаться на планеты. И вот на планетах рогарийцы нас видеть совсем не хотели, поэтому зубы и ломались интенсивнее. На фоне этого начинается скупка технологий со стороны периферийных купцов рогарийцев, а далее они начинают внедрять эти технологии, — Романо снова приостановил речь. — Если ранее мы имели дело с одним единственным Гор'Ту-улом, который являлся одним из периферийных владык, то теперь мы можем встретить целый ряд таких Гор'Ту-улов, и следующая война будет гораздо страшнее прошлой, и не факт, что мы в ней, с таким обучением военных, победим. Мы уже имеем дело с флотом вассалов рогар, а именно с флотом василисков, который наносил нам поражения, хотя и обладал малым числом, но удары были существенными, а теперь представьте, что рогарийцы превратятся в василисков. Страшная картина, — Романо снова откинулся на спинку кресла.

— Хорошо. Окончим с прошлым и перейдем к настоящему, — проговорила Кира, а Романо отвел взгляд, он, кажется, понимал, что теперь ему придется туго, но выполнить обещание он был обязан. — Как мне известно, Карения Индастриз — это Ваш нынешний наниматель. Скажите, пожалуйста, насколько велика Ваша плата, что Вы готовы из Героя Федерации превратиться в самого настоящего Злодея Периферии?

Человек напротив улыбнулся, сглотнул слюну, а в глазах девушки появилась какая-то ненависть, кажется, что она сейчас смотрела даже не на самого Романо, а на всю Карению разом. Он направил свой взгляд на нее, затем глаза начали бегать по комнате в поисках ответа.

— Плата составляет почти полмиллиона кредитов, однако кроме этого имеются и иные блага, которые предоставляются корпорацией моей семье, поэтому я и работаю, — проговорил человек, сосредоточившись.

— Хорошо. Расскажите о том, как обстоят дела по экспроприации планеты? — спросила девушка, все также смотря на Романо.

— Экспроприация идет успешно, — проговорил он, когда на лбу возникли капли пота.

— А как Вам спится по ночам, Герой Федерации и Злодей Периферии? — спросила девушка совершенно иным тоном, чем раньше, а директор экспроприации снова опустил глаза, каждый вопрос будто бы сек его плетью, которую он уже давно заслужил, но все-таки получать ею по хребту не особо хотел.

— Спится. Снотворное, знаете ли, творит чудеса, — проговорил он, нагло улыбнувшись.

— На этом интервью окончено, — проговорила холодно девушка, а директор отключил диктофон.

— Надеюсь, что ты не будешь включать это в свой проект? — спросил Романо, смотря на нее слегка исподлобья.

— Нет. Мне просто хотелось узнать об этом. Я обрежу интервью, — проговорила она также холодно, а затем вышла в коридор, оставляя человека наедине с собой.

...

Романо решил сегодня остаться в кабинете, надо было уложить в голове то, что произошло сегодня. За Киру он не беспокоился, ее встретил Джек, а далее довез до апартаментов. Сейчас Роберто лежал на небольшом диване и смотрел в потолок.

— Здоровый мужик, а так тебя вопросы какой-то соплячки режут, — улыбнулся директор. — Хотя, соплячка необычная. Надеюсь, что у нее все хорошо сложится, а я подожду. У меня тоже все сложится хорошо. Даже отлично! — все с той же улыбкой воскликнул директор. — В один момент я просто получу пулю. И так закончится моя относительно маленькая паскудная жизнь.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Космос, космопорт, зал ожидания,
01.07.2580, 09:00

Романо сидел в зале ожидания с какой-то грустной улыбкой. Рядом с ним сидела Кира, напротив него стоял Джек, а рядом с ним расположились Билли и высокий парень с проседью на висках, глубоко посаженными карими глазами на квадратном лице и с какой-то странной улыбкой на тонких губах.

— Что будет дальше, господин Романо? — спросил этот человек, глядя на директора экспроприации.

— Что дальше, Виктор? Дальше вы все вместе улетите на Пенубру, где будете хорошо жить. Джек слетает к своей семье, и заберет их к вам. Кира будет учиться дальше, только уже в высшем образовании на журналиста. Тем более, полагаю, она обладает достойным проектом для защиты и получения дополнительных баллов. Вступительные экзамены она точно пройдет, — Романо с улыбкой посмотрел на девушку, что опустила свои серые глаза, а после посмотрел на мужчин. — Джек будет работать на станции Гумбольт-3, на должности бригадиром ремонтников. Для Билли я нашел военную базу местного ЧВК, где он вполне сможет стать инструктором, а для тебя, Виктор, там тоже может найтись место.

— Неплохо-неплохо, — пробубнил Билли. — Быть инструктором — это не война, Романо.

— Но все же близкое к ней дело. Я полагаю, что для тебя найдется работа по профилю. Я же только устраиваю на эту работу, верно? Дальше можешь сам решить, куда тебе правильнее идти, — пожал плечами Романо, а Джек посмотрел на него с искренней улыбкой.

— Я знал, что Вы лучший человек, господин Романо, — чернокожий говорил это, кажется, с готовностью расплакаться. — Вы... Вы почти позволяете мне работать по моей настоящей профессии! Я никогда не забуду этого, господин Романо! — человек, кажется, был готов упасть на колени, но Романо поднялся, после чего пожал дрожащую руку своего бывшего телохранителя, после чего подтянул его к себе и по-дружески обнял.

— Ты, Джек, сделал слишком много грязной работы для того, чтобы я просто бросил тебя. Я же не тварь, — улыбнувшись, Романо оттолкнулся и взял одну из сумок Киры. — Пора идти.

Романо проговорил это воодушевленно, глядя на табло, где появился борт «Тетрокс-308-29», на котором и должны были лететь его друзья. За самим Романо следил своими восемью глазами Иоганн, где-то здесь был и Чаки, который также следил за безопасностью. Среди пассажиров виднелись и «клоны» из ЧОП, которые следили за тем, чтобы Романо не попал в какую-то паршивую ситуацию. Теперь компания будущих пассажиров двинулась за директором, а за ними следовал Иоганн, рядом был и Чаки, который как-то настороженно озирался по сторонам, слегка прихрамывая.

Вскоре они были уже рядом с полицейскими, которые занимались досмотром багажа, а также проверкой документации. Молодой полицейский взял планшет Джека, нахмурился.

— Камасутра с рогарийкой? — нахмурившись спросил он.

— Да. А что такое? Я любитель экзотики, — Джек улыбнулся своими белыми зубами,

глядя на полицейского, который начал листать книжку, сделал два движения пальцем, засмотрелся, после чего закрыл книжку.

— Уходи, мерзавец, — мрачно проговорил человек, покраснев, после чего послышался хохот Билли, а Романо, улыбнувшись, подмигнул Кире, а та улыбнулась в ответ.

...

Вскоре они были уже близ четырехпалубного корабля, который выглядел почти как большой железный дом на железных «ногах»-шасси с небольшими закруглениями и выходами-отверстиями для двигателей, а также с множеством округлых люков для выброса капсул спасения и для турелей. Романо смотрел на эту машину с легкой улыбкой, она заняла практически половину арены космопорта. Это была действительно огромная машина, которая не несла в себе конкретно военных целей, это был обычный транспортник, который должен был спасти людей из лап Карении. Около тысячи итарисианцев должны были улететь сегодня, а Романо вместе со своими товарищами встал, чтобы попрощаться, ибо входить на корабль он не имел права.

Кира посмотрела ему в глаза с улыбкой и обняла этого невысокого человека.

— Спасибо тебе, Роберто, — проговорила она, шмыгнув, а человек нежно положил руку ей на затылок.

— Тебе спасибо, Кира, — он поцеловал девчонку в макушку, а после поднял вверх своими сильными руками. — Тебя ждет большое будущее. Вы будете строить новый мир.

Романо после этих слов опустил девушку на землю, а она грустно посмотрела на него. Роберто посмотрел на своих бывших телохранителей.

— Следите за тем, чтобы Кира была в безопасности. Это мое последнее распоряжение вам, друзья, — улыбнулся Романо, а мужчины кивнули, после чего Джек положил руку на плечи Киры, и они с большим багажом пошли вперед.

Романо следил за ними, как они растворились в толпе, в которой виднелся лишь Билли, как и обычно возвышавшийся над людьми. Вскоре послышался голос диктора: «Корабль Микрон-89 производит посадку на посадочную площадку 2-1».

Паук тут же просканировал корабль.

— Что скажешь? Это военный корабль, причем выпускавшийся для довольно узкой линейки военных станций «Крон», — проговорил Романо, смотря на Иоганна.

— Крон-5. Станция вышла из строя, а затем была посажена на одну из планет-свалок. Владельцы корабля — это те, кто смог ликвидировать ядро станции, то есть бывшие ээки, которые получили амнистию за ликвидацию ИИ станции. Зигмунд Кром — бывший профессор и осужденный за революционную пропаганду, мера наказания — казнь, замененная на пожизненную ссылку на планету-свалку, Маргарет Кром — бывший профессор, жена Зигмунда, последовавшая за ним в ссылку, Альфред Кром — сын Зигмунда родившийся уже на свалке, Томас Ривз — революционный студент, который отличился революционными стихами и прозой, агитатор, солдат и убийца, мастер подпольной деятельности... Странно, что его не казнили, — задумавшись, произнес Иоганн. — Вероятно, подполье имеет довольно разветвленную систему, раз он еще жив. Остальных перечислять не вижу смысла, — произнес Иоганн, следя за железной птицей, спускавшейся вниз.

По факту, корабль был катером с двумя палубами, с размахом крыльев почти в пятьдесят метров, размещенных ближе к концу конструкции, на них разместились турели, далее корабль как бы сужался к низу, где расположился модуль для высадки. Капитанский

мостик и кабина пилота расположились в передней части железной птицы, которая словно клюв орла увенчивала всю конструкцию. Над этой кабиной возвышался мощный лазер, а под ней расположились отсеки для торпед, где-то там сверху и снизу были и дополнительные ракетные установки для того, чтобы бороться со снарядами противника и метеорами, если потребуется.

...

Тем временем трап корабля опускался, а первым в свет выходил крепкий и высокий человек с обритой головой и черными густыми усами в черном комбинезоне, сигаретой в зубах и тихим стихом на устах:

«Я предтечей гроздьев гнева
Опускаюсь в этот мир,
И стану частью я посева,
Что взойдет, взрывая Рим.

Встанем мы поперек глотки
Мироедам и жлобам,
Чтоб расправить крылья в глотке
И порвать ее к чертям!

Мы диковинные твари!
Мы сегодня редкий вид!
Не боимся запах гари
И поставить мы пластид!

Не боимся! К черту страхи!
Непогоду шлем к чертям!
Порываем власти знаки
И подводим их к чертам,

Чтоб гирляндой шок-пеха
Ныне стал бы сам шок-пех,
Не боимся человека,
Ведь шок-пех есть человек!

Убиваемый как мы же,
И это значит — победим,
Просто сбросим его с крыши!
Ты шок-пех? Привет гробам!»

— Опять стих? — спросил седоватый мужчина, подходя к поэту и положив руку на его крепкое плечо, а тот оскалился и бросил сигарету в сторону.

— Он самый, — с улыбкой проговорил он, глядя в голубые глаза бывшего профессора.

— Мощно, только его нужно орать, как понимаю? — спросил он с улыбкой, глядя в серые глаза бывшего студента.

— Да. И однажды я проору его в граммофон, стоя над городом, — проговорил хриплый

прокуренный голос, а профессор похлопал человека по плечу, после чего тот первым сошел с трапа.

...

Романо наблюдал за этим крепким парнем. Оружия при нем не было, руки вложены в карманы, а сам он, кажется, показывая свой опыт, оценивая осматривал космопорт, возможно для того, чтобы подметить места, где можно было бы разместить своих снайперов.

— Опасный тип, — прокомментировал Романо, глядя на человека и снимая шляпу в ответ на его оценивающий взгляд. Революционер кивнул директору, оскалившись, по сути поприветствовал одного из своих главных врагов.

— Может, слить его сразу? — спросил Чаки, смотря на Романо.

— Попробуй. Он тебя уложит в два счета, — ухмыльнулся Романо, посмотрев на Чаки. — Ты и так хромаешь. Какой из тебя боец?

— Точно... — проямлил Чаки, поджав губы. Романо продолжил следить за революционером, но смотрел на него, как на своего заклятого друга, ибо этот человек, вероятно, и должен был стать палачом для всей той системы, которая образовалась здесь. Предтечей гроздьев гнева, которые уже давно вызревали в этом обществе.

Эпилог.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Кирен-1,
Район Криг-3, строение 10, этаж 1, КПШ,
01.07.2580, 12:00

— Готов выходить на волю, Омониан? — спросил Калинин, глядя на человека, который еще шел в наручниках.

— В любое время, — съязвил потолстевший человек, злобно глядя на коменданта. — Мы с вами всеми еще поквитаемся. Вы меня запомните!

— Да-да, — улыбнулся Калинин, передавая Омониана в руки бойцов КПШ.

Один из них расстегнул наручники, второй с улыбкой отдал человеку мешок с вещами.

— Проваливай, говно, — улыбнулся тот, что держал мешок с одеждой. — Вещички немного тебе, жиртресу, не подойдут уже. Придется новые покупать.

— Ага. Куплю-куплю, а тебе надо готовить для себя ритуал трупосожжения, — оскалился Омониан, после чего получил пинок под зад и пошел на выход гораздо быстрее, немного крихтя.

— Давай, свин! Катись! — выкрикнули в спину, а сам Омониан что-то бурчал себе под нос.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Арман-6,
Район Милитант, строение 51, подвал,
01.07.2580, 13:00

Человек со знакомой улыбочкой, бегающим глазом-имплантом и заплывшим вторым глазом сидел в подвале. Несколько зубов у него отсутствовало, да и видок в целом не напоминал и части того, что представлял собой этот директор ранее. Он оброс, а если и подстригался, то, кажется, самостоятельно, за бородой уже не следил, из-за чего выглядел отвратительно, но рядом с ним были другие люди. Бывшие бойцы ЧВК.

— Что будем делать, Винсент? — спросил один из них, а металлический глаз быстро настиг бойца.

— Что, что? Для начала надо бы привести меня в достойный вид. Скольких бойцов ты смог найти, Файз? — спросил генерал-полковник в отставке своим по-прежнему певучим, пусть и частично искаженным куревом, голосом.

— У меня уже есть сотня, — проговорил человек в шлеме, закрывавшем лицо.

— Этого маловато. Что с рабочими? — спросил он, глядя на кого-то другого.

— Генеральный конструктор Морозов готов к тому, чтобы захватить цехи, — проговорил другой, а Ли довольно улыбнулся, после чего, прокашлявшись, откинулся на стенку, стоящую за кроватью.

— Скольких шок-пехов кончили? — спросил директор, снова глядя на Файза.

— Пока что тринадцать. Постарались использовать шпану, но сам понимаешь... Пацанье не столь эффективно, а светиться нам самим не сильно стоит, — проговорил спокойно капитан.

— Это тоже неплохо. Что скажешь по поводу подрыва базы шок-пеха? — хитро спросил Ли.

— Можно устроить, но это самоубийство. Без шансов, — произнес спокойно Файз.

— Самоубийство — это и дальше кормить вшей, а это будет мощный социальный взрыв, который покажет, что «черепа» не такие уж и крутые. Найдите «Помойника», а дальше... Хе-хе... — Ли осмотрел подвал. — Я лично возглавлю эту вылазку.

— Вы уверены, Винсент? — спросил Файз, глядя на директора.

— Я уверен лишь в том, что бездействие порождает слабость, а я не хочу быть слабым, и так почти семь месяцев жопу по трущобам прятал, поэтому пора показать им всем то, что значат солдаты и командиры Дромира, — улыбнулся человек, глядя на Файза, а тот кивнул в ответ, после чего бойцы ударили себя в грудь и стали расходиться.

Сектор Корво, Система Немезида, Планета Итарис, Город Трир-1,
Район Тереза-1, военный госпиталь, палата 1037,
01.07.2580, 13:00

Гришка снова сидел у койки Гарри с его рукой в своей руке. С тяжелой улыбкой, он снова напевал их старую-добрую песенку, в глазах его копилась злоба и слезы, а кучерявые волосы, кажется, слегка налились белым цветом. Он уже не был тем веселым парнем, который был раньше, ибо сейчас он, быть может, медленно, но верно терял друга.

— Помнишь Лизу, Гарри? — спросил Гришка, откинувшись на спинку стула. — Ту белокурую девчонку, из-за которой мы чуть раз и навсегда не рассорились? Помнишь, да. Может, сейчас ты с ней там, — Гришка улыбнулся, по левой щеке его потекла слеза, а он резко вздохнул. — Я ведь думал, что она станет твоей, ибо ты остался один на планете. Я ушел на фронт. А она? Она ведь никого из нас не выбрала. Я когда вернулся домой, так узнал о том, что она ушла. Умерла. Ты тогда был уже на своей службе, а я вот вернулся. И знаешь, Гарри? Я бы хотел, чтобы вы там встретились, если ты все же выберешь бросить меня. Оставить своего древнего друга одного тут. Конечно, у меня есть остатки отряда, но ведь с тобой-то мы всегда были вместе. Даже тогда, когда она встала между нами. Да... Я же тогда тебя чуть не избил. Прости меня, пожалуйста, за это... Девка не стоит того, чтобы потерять настоящего друга, — Гришка поцеловал руку своего друга, когда в кабинет вошла врач в своем белом комбинезоне.

— Как Вы, Григорий? — спросила она, подходя к наемнику, а тот улыбнулся этой красивой замужней женщине лет тридцати, со светлыми волосами и доброй улыбкой на лице с розовыми щеками.

— Да, знаете... Разговариваю со своим другом. Он идет на поправку? — спросил Гришка, умоляюще смотря на женщину.

— Судя по анализам — да. Мы, к сожалению, не успели ввести его в медикаментозную кому, хотя Вы очень старались доставить его вовремя, поэтому выход из комы и столь долог. Он сильный парень, поэтому не беспокойтесь, — улыбнулась женщина, меняя пакетики с питательными веществами, а Гришка улыбнулся и снова посмотрел на Грэма.

— А что с руками делать будете? — спросил он, глядя на неправильно, криво сросшиеся плечи.

— К сожалению, придется ломать их снова, и дальше ставить на место. Правда... Слишком много времени прошло, поэтому это будет очень болезненный процесс, — проговорила женщина, тяжело вздохнув, а после выходя из палаты, снова оставляя Гришку наедине с самим собой. Он снова начал напевать «Держись!».

Больше книг на сайте - Knigoed.net